

УДК 82-3
ББК 88.3 (-445*84)
К 38

Кибкало Александр

К 38 Сакральный футбол / А.В. Кибкало. – М.: Алгоритм, 2018. – 800 с.

ISBN 978-5-907028-55-5

Действие романа происходит в 2028-2030 годах в России, а также в США и странах Латинской Америки. Футбол предстает здесь как некая динамическая модель жизни; футбольный чемпионат мира – как ристалище, на котором происходит метафизическое сражение сил противоположного знака, исповедующих принципиально различные взгляды на будущее человеческой цивилизации. Эти силы представлены, с одной стороны, славянскими волхвами, приверженцами ведической традиции; с другой – западными оккультными орденами.

Политическая борьба, описанная в книге, предстает как проекция борьбы метафизической. Борьба за будущее России, ее место в общецивилизационных процессах рассматривается с позиций метаистории.

УДК 82-3
ББК 88.3 (-445*84)

- © Кибкало А.В., 2018
- © Сергей Гарбузов, идея обложки и рисунки, 2018
- © Игорь Анисифоров, рисунок на титульном листе, 2018
- © ООО «ТД Алгоритм», 2018

ISBN 978-5-907028-55-5

ОТ АВТОРА

Роман этот замыслен был мною много лет назад, и лишь в 2016-м году сложились условия, при которых я мог приступить к его написанию. Он, безусловно, носит черты «романа-фэнтези», так как его действие разворачивается в недалеком, но все же будущем — в 28-30-м годах текущего века.

Вряд ли стоит рассматривать эту книгу лишь как одну из стоящих в обойме спортивной литературы, хотя спортивный аспект, бесспорно, в ней присутствует. Автор всегда неравнодушно относился к футболу — возможно, в силу того, что родился и провел первые годы жизни в районе стадиона «Динамо». Автор в свое время и сам играл в любительских командах, да и теперь, случается, выходит на поле.

Однако автор предполагает, что его замысел простирается далеко за рамки футбольной тематики.

Игра как модель, отражающая взаимодействие процессов разного уровня в системе жизни, всегда привлекала внимание автора. Большая Игра, как магический кристалл, концентрирует в себе бесчисленные энергетические потоки, возникающие на различных планах Глобальной Реальности.

Разглядывание того, что стоит за Большой Игрой, по мнению автора, может позволить нам уловить подтексты многих конкретных событий, что в этой реальности возникают.

Большая Игра неизменно ставит вопрос о победителе и проигравшем; в различных системах координат он может иметь совершенно различную конфигурацию.

В данном же случае, как предполагает автор, этот вопрос соотносится с темой противоположения аспектов Света и Тьмы, а также Добра и Зла.

По мнению автора, Большая Игра может быть рассмотрена и как проекция борьбы различных наций за самоопределение, а в отдельных случаях — за доминирование на планетарном пространстве.

В таком контексте важнейшую роль приобретают такие факторы, как влияние эгрегоров наций и эгрегоров Родов, связанные с еще более глобальными метафизическими факторами.

Автор предлагает свою версию ответа на вопрос, какой метафизический источник наиболее соответствует духу славянства как этноса, исторически призванного к объединению вокруг себя других больших и малых народов.

В романе делается попытка осмыслить некоторые из общецивилизационных процессов; и на этой основе предположить, каким образом они могут быть спроецированы на будущее цивилизации.

Для тех же, кто столкнется с непонятными для себя терминами, предлагаю обратиться к Словарю использованных терминов, размещенному в конце книги.

Хочу выразить глубокую признательность за помощь в создании этой книги Омскому бизнесмену Святославу Капустину, а также моей жене Камилле Кибкало.

Отдельная благодарность за предоставленные работы талантливому художнику Сергею Гарбузову.

ПРОЛОГ

— Как он надоел со своим жужжанием...

Михаил Георгиевич был готов выругаться в каких-то резких выражениях по поводу соседа и его триммера, но он давно отвык от ругани как формы выражения эмоций, да и сами эти слова практически забыл. Раздражение он плавно растворил, переплавил в своих внутренних алхимических печах и стал просто ожидать, лежа на своем диванчике на веранде дачи, когда сосед, наконец, докосит траву, и можно будет уснуть. Он очень устал от возни на участке, от перекладки дров от дома в сарай, от сбора древесного мусора, от обрезки веток и подкрашивания стволов трех яблонь и двух слив антипаразитарной эмульсией.

Через длинное окно веранды хорошо было видно небо; две мухи отчаянно жужжали и пытались прорваться на волю; за стеклом, по белесо-голубому небу, проползали курчавые вялые сентябрьские облака.

Соседский триммер вдруг затих. Михаил Георгиевич ожидал, что он снова взревет и будет давить ему на мозги и нервы. Но нет; стали слышны переговоры соседа с женой, затем звяканье ведер, урчанье собаки; а потом и вовсе стало тихо. Только мухи все жужжали, и вроде как не собирались устать. И тут же сознание Михаила Георгиевича стало заволакивать мягким туманом полусознанности. Он легко поддался на этот переход, и вскоре услышал собственный храп. Тогда он перевернулся со спины на бок, и вроде бы проснулся. Но это ему только показалось. Потому что далее он увидел какое-то туманное поле и идущих по нему людей. Он даже попытался понять, что это за люди, почему он их видит. Но затем перестал о них думать.

Оказалось, что эти люди с тяжелыми тюками за плечами идут к небольшому самолетику. Его головной винт уже

крутился, высверкивая в воздухе серебристый диск... Люди, постояли, затем стали грузиться в самолетик.

Михаил Георгиевич снова услышал собственный храп и решил проснуться. И, вроде бы, даже увидел мух на окне веранды. Но они были чрезмерно большие, просто огромные, с толстыми волосатыми ножками.

Но вдруг он снова очень ясно увидел тех же людей. Только теперь они уже летели в этом самолетике. Мужчины посмеивались, подбадривали двух женщин. Вдруг боковая дверца самолета открылась, ворвался сноп дымного ветра; сидевшие вдруг встали, и начали продвигаться к открытой дверце. Внезапно один резко шагнул в никуда и пропал. Затем другой мужчина, потом женщина. У люка стоял мужчина, бородатый, в красной куртке, с волевым загорелым лицом. Он что-то говорил каждому, но за шумом мотора не было ничего слышно. И вдруг сознание Михаил Георгиевича сделало странный скачок: он вдруг оказался вне самолета, и летел вместе с парашютистами вниз. Он видел, как вспыхивают на солнце их разноцветные парашюты, а сами люди резко взлетают вверх; он же почему-то продолжал лететь куда-то вниз. И тут он обернулся, и увидел прямо перед собой, буквально в метре, женщину. Это была одна из тех двух, что сидели в самолете. Она летела вниз как-то боком; темно-русые волосы выбились из-под шапочки; она судорожно дергала какой-то крючок на мешке, что висел у нее спереди. У нее было белое от ужаса лицо, куртку всю просто рвало ветром... Ее переворачивало, она пыталась дотянуться до мешка, что висел у нее на спине; кто-то истошно кричал ей сверху, и крик этот удалялся...

Земля стремительно приближалась... Лицо женщины теперь казалось Михаилу Георгиевичу знакомым. Тяжелая густая тревога объяла все его существо. Как будто что-то или кто-то (или же часть его самого) резко толкнула его в сторону парашютистки. Уже перед самой землей, метров за двести до встречи с желтым каменистым грунтом, он как-то подсел под нее, обе руки сложил у нее за спиной. Почувствовав тяжесть ее тела, непонятно каким образом напрягся, и стал удерживать ее, замедляя скорость падения. Так продолжа-

лось секунды три. Только когда она приземлилась, слегка ударившись левым плечом о грунт, он убрал из-под нее руки. Последнее, что он увидел — удивленные серые глаза женщины, устремленные на него...

Он резко очнулся, как от толчка. О стекло билась теперь только одна муха; куда делась вторая, было непонятно. Со стороны соседа слышалось снова жужжание, но негромкое: это работал погружной насос. Сосед, по всей видимости, поливал цветы...

— Что это такое было? — проговорил вслух Михаил Георгиевич. — К чему это?..

Он присел на кровати. Потер ладонями шею и голову, повертел ей, разогревая шейные позвонки. Посмотрев на настенные часы, обнаружил, что спал почти час... Он поднялся, не переставая думать о только что произошедшем с ним во сне; затем пошел за водой, чтобы согреть воду для чая.

...Ровно через два дня достаточно случайно он обнаружил в сети сообщение. «Неслыханное дело! — восклицал в экран молодой конопушный парняга-блогер. — Под Ростовом при выполнении обычных тренировочных прыжков парашютистка приземлилась с нераскрывшимся парашютом! Она грохнулась с высоты 1200 метров, но не просто осталась жива. Ничего, кроме вывиха левого плеча, у нее нет. Ни единой царапины! И что скажут наши высоколобые учёные, доктора? И что скажут священники?.. Как вам новостишка? Не переключайтесь! Хотя круче этого уже не будет...»

К сообщению была добавлена фотография молодой женщины, лет тридцати, с немного печальным, внимательным взглядом серых глаз.

Михаил Георгиевич сразу же узнал ее. Это была она — та самая парашютистка...

ГЛАВА 1

Звонок раздался в момент не самый подходящий: он только разложил на движущейся ленте перед глазком считывателя покупки и уже хотел приложить ладонь к биоска-

неру, чтобы с его счета списалась сумма покупок; в это момент Андрей и увидел на экране айфона лицо неизвестной женщины с собранными в пучок волосами.

— Простите, Андрей Викторович? Маранов? — спросил энергичный женский голос.

— Да... Это я, — насторожился Андрей и не мог понять, отчего у него внутри все сильно напряглось. «Налоговая полиция...» — мелькнула мысль.

— Андрей Викторович, с вами сейчас будет говорить... Сергей Валерьевич Падин... Вам, вероятно, знакомо это имя?

«Вот оно!» — мелькнуло в голове. У Андрея перед глазами всплыл образ известного олигарха — высокого мужика с холодными стальными глазами. Он понял, что это есть проявление того напряжения, что он улавливал в пространстве все последние дни. Внутренне сжался и собрался.

Он нажал кнопку на блок-менеджере, и переключил сигнал на айфон. «Здесь и сейчас!» — послал он в сознание привычную установку. — «Здесь и сейчас»... Сознание тотчас свернулось в пульсирующий, огненный фрактал, который моментально связал его с реальностью гибкими светонесущими струями.

— Да, безусловно... Знаю, разумеется, — ответил он, отходя от сектора расчетов.

— Вы сейчас готовы говорить? Вам удобно разговаривать?

Энергично-цепкий, отстроенный тысячами подобных звонков голос секретарши Падина, словно въедливый цепень, вонзился в него.

— В принципе, да... Но мне нужно секунд тридцать... Я в магазине.

Секретарша, разумеется, слышала шум и поняла, что он в людном месте. Но она также уловила, что Андрей осознает значение разговора; понимает, что его нельзя откладывать на потом; что вынуждать ее делать повторный звонок не стоит.

— Хорошо. Я не отключаюсь... Вы отзовитесь, когда будете готовы к разговору.

— Договорились...

Андрей схватил корзинку с продуктами и быстро прошел в дальний угол супермаркета. Время было дневное, народу мало. Он приткнулся у стеллажей с бакалеей, и несколько секунд лихорадочно размышлял: «Зачем я ему нужен? Откуда он знает про меня?» Но тут же понял, что ответить на этот вопрос сразу не может. Однако в нем четко возникло осознание значимости момента. «Это и есть точка переключения стрелок, — сверкнула мысль. — Это имеет отношение к главной задаче. Не оплошай!» Он посмотрел в мониторчик айфона и зафиксировал дату и время: 14.10.2028... 15:17. Начался отсчет...

Он выдохнул и проговорил уверенно в свой серенький «Segate»:

— Я готов к разговору. Можете соединять.

— Поняла вас, — ответила она и тут же пошла мелодия соединения — вечная тема из «Крестного отца». Затем он услышал:

— Сергей Валерьевич, я связалась с Марановым, как вы просили. Будете говорить?

— Да. Соединяйте.

После этого прошло не более пяти секунд, после чего Андрей увидел на айфоне лицо, знакомое по телепередачам:

— Андрей Викторович?

— Да, Сергей Валерьевич... Слушаю вас внимательно... Чем могла заинтересовать вас... моя скромная персона?

Падин хмыкнул удовлетворенно:

— Все очень относительно, Андрей Викторович. Сегодня скромная, завтра, глядишь, на гребне... Вообще-то у нас неправильно употребляют это слово ...Скромность — ведь это о другом?

— Течение жизни вносит коррективы, — отозвался Андрей, — семантика — довольно мобильная система. Вы заметная фигура, я — нет. Обычно заметные фигуры интересуются только заметными.

— Логично...

Падин сделал паузу. Он явно оценивал уровень игрока на другом конце невидимого провода. Андрей видел, как пристально, цепко он вглядывается в него с экранчика. .

— Есть разговор, Андрей Викторович. Вы сейчас в Москве?

— Да.

— Можете подъехать ко мне в офис завтра?

Андрей моментально прозвонил завтрашний день — вторник; у него не назначено ничего существенного. В риелторском офисе нет совещаний, подписаний договоров тоже нет. Даже и если б и были — тут и думать нечего...

— Я в принципе не представляю, что меня могло бы заставить отложить такую встречу, — деликатно отвечал Андрей. — Назначайте время, Сергей Валерьевич... Я подстроюсь.

— Тогда в районе трех дня я вас жду у себя... Я переключаю вас на Эмму, моего секретаря. Она подскажет, как нас найти, и закажет пропуск.

— Что и говорить, заинтригован... До встречи, Сергей Валерьевич!

— До встречи, Андрей Викторович.

Вновь зазвучал в мобильнике голос секретарши. В ситуации напряжения адрес офиса ярко записался на каком-то табло внутри сознания Андрея, и все же он затем проговорил на регистратор; адрес тут же высветился на дисплее.

Он вышел из магазина почти пустой. Молоко и творог оставил в молочном отделе. Зафиксировал задумчиво на регистраторе только хлеб, ветчину и сыр.

На улице на него налетел порыв упругого и сырого октябрьского ветра. Было хмуро, как почти всегда в Москве в это время. Листья тяжело елозили по асфальту, застревая в холодных лужах, размокая и замирая. На проспекте Мира шел сплошной поток серых машин, управляемых автопилотами. Разноцветные машинки, управляемые людьми, были отличимы по нестандартной ухарской езде. Теперь общий прерывистый гул почему-то давил ему на мозги. Он ушел с проспекта в переулки, и двинулся вглубь жилого массива.

Он пытался понять, с чем связан этот звонок. Ясно, что это не имело никакого отношения к его риелторской работе — ни с какой стороны это не могло заинтересовать Падина. Крупные сделки большого масштаба их небольшое

агентство не вело. Может быть, какие-то общие знакомые? Но в какой связи?

Он шел, недоумевая. Проходя мимо одного из дворов, он услышал буханье мяча, крики мальчишек. Звуки улетали в пространство, отражались от стен дворового колодца, обростали резонансом, реверберировали. За сетчатой оградой располагалась стандартная коробка, какие в последние годы во множестве понастроил во дворах новый мэр. Он уже проходил ее, но вдруг услышал громкий крик мальчишки:

— Ну ты и козел, Андрюха!

У него в мозгу так и вспыхнуло что-то... «Во как! — усмехнулся он про себя. — Ничего плохого не сделал, а уже козел...»

И тут же тяжелый серый мяч бухнулся прямо перед ним на мостовую и покатился куда-то вниз... Через мгновение появился и мальчуган в синей ветровке и белых кроссовках, который помчался догонять мяч.

Андрей тупо смотрел на катившуюся перед ним черно-белую сферу.

— Футбол!

Понимание пронзило его настолько резко, что он произнес это слово вслух. Пацаны, стоявшие у сетки внутри площадки, остановились, глянули на него.

— Я мог заинтересовать его только футболом, — уже негромко проговорил он, и двинулся дальше.

Дома он первым делом включил компьютер и вошел в сеть. Ему надо было получить о Падине как можно больше информации.

Замелькали окошки, столбики, галереи видео. Вскоре все стало ясно.

Вот Падин где-то открывает какой-то футбольный турнир, им же организованный и профинансированный. Девушки дарят цветы, он фотографируется с какой-то командой. Вот он сам на поле с мячом, в белой футболке, рядом какие-то немолодые футболисты — видно, корпоративная команда или что-то в этом роде. Вот ведущая какой-то теле-

программы сообщает, что известный олигарх Падин заявил свои претензии на футбольный клуб «Монако»... Информация о сделке... Сделка не состоялась...

Андрей откинулся на своем компьютерном кресле назад и произнес, ероша волосы:

— Конечно, футбол... Что же еще? Только почему я?..

ГЛАВА 2

Магистр стоял на высоком обрыве и смотрел вдаль. Океан простирался перед ним в сизоватую пространственную длительность, которая, как казалось, не могла иметь предела. Волны работали точно метроном, словно бы отсчитывая прошедшие века.

«Ничего... Уже хорошо, что хотя бы малая часть этой планетки под нашим контролем», — вдруг пришла ему в голову странная мысль, и он озвучил ее. И тут же рассмеялся ей, чуть хрипло произнес в пустоту: «Ты что-то начал быстро глупеть, барон Виндинг-Бронс... Раз тебе в голову забредают такие мысли, значит, ты не намного умнее тех идиотов, что соревновались с Богом до тебя...»

Из-под этой легкой мысли тут же вынырнула другая, давящая. Его беспокоила сегодняшняя работа. Он снова открыл на планшете нужный файл... Текст от Моргентоу, мастера центральной логи, был странным. «Обратите внимание на письмо, что вам доставят сегодня, — сказал он жестко. — К исполнению обязательно...»

В письме оказалось задание провести атаку на китайского премьера Лэй Сяотина. Никогда не было до этого таких требований. «Что они там затевают? — тревожно размышлял магистр. — И почему мы, а не седьмая ложа? Китай — это их зона ответственности...» Видимо, новый китайский премьер серьезно путал карты финансовым воротилам с Уолл-стрит. После катастрофы на Севере Китая, что произошла четыре года назад, они им мало занимались, а теперь вот снова...

Он посмотрел на свои сандалии — они уже были небезупречны: с одной стороны шов начал чуть заметно расхо-

даться. Рыжеватые редкие волосы на его худых ногах уже заметно седели.

— Вот тебе, барон, метки времени. На лобке уже давно седые. Скоро тебе переправляться, готовься. А ты все о своем величии. Смешной ты человек!

Он рассмеялся, и пошел вниз по узкой крутой тропинке, спускавшейся к пляжам. Справа от себя, в нише под скалистым отвесом, он заметил нудистов. Четыре женщины и три мужчины, загорелые, веселые, пили пиво и болтали. Один из мужчин массировал худощавую блондинку, налегая на ее тощенькие ягодички.

«Вот, магистр! Посмотри на счастливых людей! Зачем ты хочешь их осчастливить еще более? Разве им это нужно? И зачем тебе власть над ними, когда ты уже не можешь осчастливить себя?»

Подойдя к задним воротам обители, магистр достал телефон и нажал одну кнопку. Калитка отворилась тихо и бесшумно, и он вошел. Откуда ни возьмись возникли два человека из Стражи и последовали за ним. Однако он даже не посмотрел на них. Они пошли втроем вдоль малой аллеи в сторону Цитадели, переходя из пятен солнца в неровные тени, которые отбрасывали могучие секвойи. Некоторым из этих деревьев было более 300 лет. Аккуратно подстриженный кустарник стеной возвышался с другой стороны, полностью закрывая проходящих от чьих-либо взоров.

При выходе на главную аллею к нему приблизился еще один человек Стражи. Именно он открыл дверь лимузина, и магистр сел в него.

Водителю не надо было ничего говорить. Он знал, что двигаться ему надо только тогда, он услышит тихий костяной звук удара трости о перламутровую ручку двери.

Магистр любил переходить из пространства в жизни в пространство магии. Не он вышколил этих людей, которые беззаветно служили Братству Обновления уже много лет, помогали ему набирать силу, приближаться к тому уровню власти, на котором они могли бы составить конкурен-

цию тому Ордену, который властвует тут уже несколько столетий. Он знал, что это были дети и внуки тех Мастеров, которые проводили те же идеи с давних времен, и для которых служение во имя этих идей и целей было не делом заработка или работой, а делом жизни, ее главным смыслом.

Он спустился в нижнюю залу ровно в 16:00, как и было назначено. Его шаги по ступеням привычно отдавались под гулкими сводами, и ни один звук более в этом пространстве не возникал.

В назначенный час все двенадцать магов сидели на своих местах. Магистр любил ту особую атмосферу, которая возникала в обрядовом зале логи всегда перед большой работой. Тщательно откондиционированный воздух насыщался словно бы неким странным электричеством. Магистр видел пространство залы ячеистым, состоящим из миллиардов мелких кубиков, плотно прилежащих друг к другу и соединенных энергетическими токами. Казалось, что стоит дать какой-то импульс, и в пространстве возникнет объемная голограмма чего-то, и можно будет смотреть то ли объемный фильм, то ли вещание инопланетной телестудии.

Те двенадцать, что ждали его, стояли в разных местах залы молча, изредка вяло перемещаясь. Когда он сел за свое место за овальным, черного дерева столом, украшенным пентаклями и магическими знаками Братства; когда его длинные седые волосы впечатались в высокую спинку центрального кресла; когда раздался костяной звук его жезла, — только тогда они молча двинулись к своим местам, слегка шаркая ногами, поблескивая лакированными туфлями, и быстро расселись.

По знаку магистра один из служителей нажал кнопку пульта, ниша на потолке раскрылась, оттуда выпорхнул золотистый лучик, и в пространстве кубической залы, прямо в центре, возникла голограмма планеты Земля с рельефным изображением гор, мерцающими пространствами океанов, кристаллическими вспученностями крупных городов. Голографический глобус мягко светился едва заметным синеватым сиянием.

Магистр подождал, когда за служителем закроются массивные двери черного дерева, украшенные вензелями с магической символикой. Затем он указал жезлом на пустующее место справа от него.

— Почему отсутствует мистер Паулино?

Встал седовласый англиканский викарий Сидеро, сидевший рядом с пустующим местом.

— Сэр, господин Паулино перенес инсульт.

— Когда это случилось?

— Два дня назад. Второе лицо ложи не имеет полномочий заменить его на совете центральной ложи.

— Это мне известно. Есть ли следы воздействия или это просто болезнь? Заключение врачей?

— Есть все основания говорить, что было воздействие. Не случайно был выбран день. Солнце стояло в квинконсе к его Сатурну. Кроме того, была минимальная дистанция до даты его рождения, когда идет спад общей физиологической активности. Расчет удара вполне возможен.

— Нажимал ли сэр Паулино кнопку «аларм»?

— Нет!

Магистр резко ударил жезлом по столу. Лицо его побагровело.

— Я ведь предупреждал каждого из вас: при малейшем подозрении на удар нажимайте кнопку! Значение каждого из вас слишком велико! Нужно не менее двадцати лет, чтобы подготовить такого адепта! Вы должны помнить, что, если кто-то из людей Внутреннего Круга нажал кнопку, надо бросать все, все занятия, все дела, все разговоры! Мать умирает? Отец умирает? Сын умирает? Пусть! Никуда не уйти от этого! Но наша работа — она для всех! Она — за всех! Мы выстраиваем новый порядок для мира, не забывайте об этом! За каждую ошибку мы отвечаем не здесь. Мы отвечаем т а м!

Он поднял указательный палец вверх и сделал паузу.

— Перед Ними!.. Надо соединяться, налаживать моментально связь друг с другом и с Кругом. Надо сразу же наносить удары возмездия!

Наступило молчание. Магистр размышлял недолго. Сообщение об атаке на его ближайшего соратника, что и говорить, неприятно задело его. Он медленно вглядывался в лица магов, ожидавших его решения. Пауза длилась недолго.

— Заявленную программу придется изменить, — произнес магистр. — Как вы знаете, планировалась работа по китайскому премьеру. Перенесем ее на вечер. Пока фантом не осел, надо попытаться найти того, кто бил по магистру Паулино. Мы не должны оставлять такие вещи без ответа.

В зале зазвучала величественная музыка, отчасти напоминавшая органную. Голограмма начала медленно вращаться. Возникли четкие разноцветные фракталы, а затем оконтурились и отдельные страны, причем каждая из крупных имела свой особый оттенок.

— Совмещаем географическую проекцию с астральной, — немного торжественно произнес магистр. — Нам предстоит обнаружить в этом пространстве интересующего нас человека. Если магистр Паулино не ошибся, значит, нам нужна Россия.

— Сэр, это могло быть эпизодическое воздействие, — заметил викарий Сидеро. — Это группа магов. Или какая-то отдельная фигура, совершенно новая. Один раз во время сканирования зоны возникло ощущение сильного очагового противодействия. Но при направлении концентрированного посыла источник моментально свернул активность и полностью исчез.

— Сконцентрируйтесь еще раз на этом источнике. Ключ — образ магистра Паулино. Смотрим по фантому, что там за привязки. След должен быть горячий.

Глаза некоторых магов были полуоткрыты. Трое смотрели перед собой остановившимся, стеклянным взором. Двое сидели с закрытыми глазами.

— Я вижу объект, — вдруг произнес Пиранелли, итальянец, немного тучный человек с большой залысиной. — Я вижу острые здания. Я вижу...

— Это Кремль... Это Москва, — четко сказал магистр. — Я хорошо вижу улицу....

— Я вижу объект, — тихо произнес маленький сухонький человек в темных очках. — Я вижу человека. Белая голова... Объект защищен. Брешей нет.

— У него борода... Объект защищен, — подтвердил Степлтон, сухой высокий англичанин с седой, зачесанной назад шевелюрой. — Брешей не вижу.

— Защита обычная, — произнес магистр. — Стекло. Возможно, добавление свинца. Толщину дали... сантиметров десять...

— Может быть второй слой, — заметил хмурый субъект с черной рукой-протезом, потомственный французский аристократ Вернье.

— Надо взламывать, — прохрипел Пиранелли. — Чем будем?

— Господа, усилийте, пожалуйста, образ, — медленно проговорил магистр. — Он пока неустойчивый. Прошу вас, усилийте движение энергии, зафиксируйте образ.

Несколько минут прошли в полной тишине. Затем заговорил Бачински, маг польского происхождения, среднего роста, ладный мужчина лет 45, с плохим английским выговором.

— Фантом становится хорошо виден. Это мужчина... Я вижу свечение...

— Это вы бросьте, Андреас,- заметил холодно магистр.- Вам вечно святые мерещатся... Нормальный маг...

-Со спины трещина, что ли... =заметил Степлтон. — Идет наискось полоса. Что это? О чем это?

— Это зашитый пробой. Эта шрам в ауре. Можно попробовать. Чем будем? — торопился Пиранелли.

— Подключаемся к вихрю Бафомет, — сказал магистр, беря в руки свой жезл и поднимая его перед собой. Голос его стал жестким, резким. Он негромко, но с особым, несколько воинственно-агрессивным посылом стал бросать слова в зал.

— Я чувствую силу Бафомета! — воскликнул Пиранелли.

— Мы ощущаем присутствие Бафомета, — подтвердил Бачински.

— Сформируем Меч Силы, — провозгласил торжественно магистр. — Меч багрового пламени! Меч наших предков. Меч воителей Истины! Меч Воинов духа! Меч великого Братства мудрецов...

Прошло несколько минут.

— Меч внесен, — произнес Степлтон.

— Меч здесь. Магистр, берите меч...

Жезл в правой руке магистра задрожал — таково было напряжение мага.

— Дайте багровое пламя! — прохрипел магистр.

— Мы возжигаем пламя, магистр... На алтаре мудрости, власти и справедливости.

— Вижу пламя...

— Дайте больше пламени, — жестко сказал магистр... — Вижу... Окунаю меч...

— Магистр, наносите удар в район шрама... Поверьте, там что-то не так.

— Я вижу...

— Все желтое. Аура желтая...

Наступила тишина. Было слышно, как далеко гудит кондиционер. Глухой стук от закрывшейся где-то двери также был слышен, но более ничего. Только неровное дыхание двенадцати мужчин.

— Магистр, помочь вам поднять меч? — тихо спросил Пиранелли.

— Помогите. Меч тяжел! Просто невозможно как тяжел... Не понимаю...

— Поднимаем! Мы поднимаем, магистр, не волнуйтесь! Ваше дело правильно нанести удар...

— Чувствую помощь Бафомета... Благодарю... Главное, все делать вместе... Заношу меч... Занес меч...

— Выше, господин магистр, — прохрипел Вернье, тяжело дыша. — Выше! Удар нужен с натягом! Замах больше! Так! Бейте! Бейте, магистр!..

Вернье аж привстал, стукнув о стол протезом. Кто-то из магов издавал странный тягучий гул. Пиранелли покачивался с закрытыми глазами.

— Магистр, бейте! — резко крикнул Степлтон. — Пора!
Что-то произошло — будто вспорхнула птица. Магистр выдохнул и опустил жезл. Голову опустил вниз.

— Так... Так... — Степлтон, не открывая глаз, пытался комментировать. — Защита частично расшита.

— Удар прошел. Прорыв есть...

— Доставайте пику... — приказал магистр. — Наносите удар в сердце.

— Магистр, там второй слой, — негромко сказал Пиранелли. — Там панцирь. Черт... Типа как у рыцарей. Кольчуга.

— Это металл, — подтвердил Степлтон.

— Этого следовало ожидать, — подтвердил Бачински. — Я говорил.

Магистр смотрел перед собой невидящими глазами.

— Да, разумеется. Может быть и третий уровень защиты...

— Господа, железо — простой материал, — прохрипел Степлтон. — Надо вскрывать.

Магистр снова вытянул перед собой жезл, и начал давать команды твердым голосом без окраса:

— Достаем дрель... Диаметр сверла — 28 миллиметров. Сверлите отверстия в районе груди...

— Дрель... Электрическая?

— Какой век сейчас, Джузеппе? Может, еще ручную пилу достанем? — пошутил Бачински.

— Без шуток, господа... Вводите дрель. Давайте обороты. Резко вводите дрель! — почти кричал магистр. — Не тяните!

— Они зашивают, — подтвердил Пиранелли. — Они нас обнаружили.

— Было бы странно, если п-пы это бил нэтак, — заметил швед Сандерс, акцент которого вдруг усилился

— Степлтон, поставьте общую защиту на помещение, — приказал магистр

— Вернье, помогите ему. Джузеппе, держите дрель. Работайте. Вы будете держать дрель.

— Кто дает обороты? — спросил Пиранелли,

— Я даю, — подтвердил Сандерс. — Я дам хороший... обороты!

— Обороты есть, — кивнул Пиранелли.

— Бачинский, помогите поднять меч, — крикнул магистр.

— Держу! — последовал ответ. — Удар! Наносите удар!

— Работаем! — хрипло прокричал магистр.

Одиннадцать магов учащенно, шумно дышали. Свечи горели неровно, оплывая черным нагаром. Нависла зловещая тяжелая тишина. Но вскоре последовал выдох.

— Удар вышел скользкий, — заметил Пиранелли.

— Ничего подобного, — возразил магистр. — Удар хороший! Я расширил щель. Сверлите грудь!

— Молоток! Долото! — вскричал Степлтон. — Есть отверстие!

— Вскрываю железо! — в запале орал Пиранелли. — Я открою его! Я достану тебя!

Пиранелли входил в раж.

— Магистр, нас атакуют, — коротко крикнул Вернье.

— Есть ответное воздействие, магистр. Пока терпимое, — подтвердил Степлтон.

— Надо дожать! Держите защиту! — произнес магистр, тяжело дыша. — Джузеппе, видите ли вы тело?

— Там одежды клок... И тела не вижу. Возможно, под одеждой ничего нет.

— Пику! — вскричал магистр. — Пику мне!

— Даю пику! — вскричал Пиранелли.

— Держу пику, — хмуро бросил Степлтон.

— Яд! Дайте яд! — хрипел Вернье.

— Я подношу чашу. Это хороший яд! Это цикута.

— Все желтое! Опять все желтое! Чер-рт!

— Макайте пику, — кричал Пиранелли. — Магистр, опустите острие! Ниже!

— Есть, — тихо сказал магистр. — Яд на острие!

— Бейте в сердце, магистр! — спокойно и холодно возгласил Пиранелли. — Да не дрогнет ваша рука!

Наступило молчание, затем выдох магистра. Он опустил жезл. Тело его содрогнулось.

— Что происходит? — прошептал Вернье. — Прошел ли удар? Я ничего не вижу.

— Они пустили дым, — заключил Степлтон. — Они все закрыли дымом!

— Прошел встречный удар от троих сильных, — заметил Бачински задумчиво. — Куда ушел удар? Я увел от себя. Куда ушел удар?

— Магистр, вы в порядке? — обратился к магистру Пиранелли.

Однако магистр не отвечал. Он молча раскачивался в кресле.

— Магистр?.. — Пиранелли привстал в кресле, наклоняясь в сторону магистра. Но тот остановил его движение и покачал головой, затем выставил вперед руку — мол, подождите, все в порядке. Затем он открыл глаза.

— Я ударил... Удар был достойный... Но я не видел крови. Пику толкнули на меня. Я не понял, каким образом... Кто-то толкнул на меня.

— Идет удар, — опять резко вскрикнул Вернье.

— Держим защиту! — громко крикнул магистр.

— Материал? — спросил Пиранелли.

— Ставим чугун. Чугун или гранит. Толщина — около двадцати сантиметров.

— Ответный удар идет! — вдруг вскрикнул Степлтон. — Ставьте все индивидуальную защиту.

На несколько минут все стихло.

— Защита держит, — заметил Степлтон.

— Мне плохо, — тихо сказал Вернье. — Врача...

Магистр вскочил.

— Бачински, Пиранелли, держите защиту. Степлтон, помогите поднять Вернье...

Втроем они помогли было подняться французу, однако тот обмяк у них в руках. Магистр вызвал служителей. Рослые мужчины в черном подняли Вернье и унесли в прихожую, положили на диван. Тот был бледен. Глаза ввалились, зрачки блуждали. Пот на лбу выступил мелкими желтыми пятнышками.

— Срочно бригаду медиков! — приказал магистр. — Работу заканчиваем. Ставим защиту на отход.

Отойдя от Вернье, магистр поднялся на лифте наверх, на пятый этаж, вышел на балкон. Город накрывала ровным розовым пламенем вечерняя заря, поднимавшаяся над океаном. Сам же он огромной тушей лежал почти недвижимо, нежась в лучах позднего солнца. На душе у магистра была пустота и горечь, и также плохо сдерживаемый гнев. Некоторое время он стоял и смотрел на голубеющий вдали океан. Внизу появилась белая машина медицинской бригады. Магистр увидел бледного Вернье, которого подняли на ноги и с трудом втащили в машину. Та шумнула мотором и очень быстро уехала.

«Черт знает, что там за звери, — подумал магистр, и двинулся к лифту. — Сотни лет душим, и все живут... Еще огрызаются...»

Предчувствие новых тяжелых схваток тяжело внедрилось в его и без того угнетенное, подавленное, ущемленное сознание.

ГЛАВА 3

Михаил Георгиевич два последних дня сентября провел в непрерывной медитации. Он чувствовал, что предстоит сильное напряжение. Ему нужно было восстановить внутреннее спокойствие, подавить возникшую тревожность. Главное, что его беспокоило — периодически возникавшее сканирующее воздействие из очень сильного источника. Однако когда он попытался позднее разглядеть, прощупать, где источник воздействия, он наткнулся на основательную, очень прочную защиту. Вибрирующий кокон пытался накрыть его, невидимые глаза прощупывали его со всех сторон, и ему надо было быстро сворачиваться в точку, исчезать с этого плана, возвращаться в тело.

Он думал вначале, что это инопланетники. Но он хорошо знал, что с ними-то как раз бороться бессмысленно, и лучше просто расслабиться, полностью предоставить себя в их распоряжение — они сами решат, как поступить. То был недостижимый уровень — люди планеты Земля для большей части их групп были чем-то вроде тараканов. Статус и особенности тонких полей инопланетников вибрационно от-

носились к совершенно иной категории, невозможной для землян; потому они могли установить управляющее воздействие в отношении практически любого из земных людей. Они не имели возможности сделать это лишь с теми немногими, кто ранее также появлялся в трехмерном мире в физическом теле, но со временем радикально опередил других эволюционно, переместив свое сознание в тонкие тела, после чего появление в теле физическом для них перестало быть необходимостью. Теперь эти бывшие люди являлись Духовными Водителями человечества и составляли духовный центр планеты и земной цивилизации. Для любых инопланетников у них был статус неприкасаемых, так как Водителей курировал Коалиционный Отряд Наблюдателей, высочайшая инстанция ближайшей к земле космической зоны.

Михаил Георгиевич Берестов знал все это от Учителя, который периодически появлялся в физическом теле, собирая в своем гималайском ашраме избранных учеников. Уходя же, он сохранял связь с телом, поддерживая в нем жизненность уже более семи сотен земных лет. Он перемещал в это тело сознание приблизительно раз в десять-двенадцать лет. За это время у него появлялась потребность сообщить участникам ашрамной цепи некие новые уложения, касающиеся перспектив развития цивилизации, и поставить новые задачи перед ашрамной цепью.

Михаил Георгиевич видел его всего лишь два раза. Когда состоится очередное его появление, никто из чела не знал; но Михаил Георгиевич чувствовал, что это произойдет относительно скоро. Дело было даже не в том, что Чохан не появлялся в теле уже более семи лет; просто за год-два до его появления от него, пребывающего в высоких слоях Тонкого Мира, начинала просачиваться на земной уровень некая тонкая вибрация, которую с безошибочной точностью улавливали его ученики. И по мере приближения Чохана к временному возвращению в тело она становилась все осязатее.

Примерно за месяц до прихода Чохана никто из чела уже не мог заниматься ни чем иным, как пребывать в медитациях и проводить суровые чистки физического и тонких тел.

Ученики прекрасно знали, что загрязненность одного из чел может затруднить взаимодействие Чохана со всеми сразу. И хотя он мог, не входя в тело, через тонкие планы просмотреть каждого из чел, он не отказывал во встрече даже не вполне прочистившимся ученикам, которые однажды уже находились рядом с ним, в приближении.

Михаил Георгиевич, один из двух российских чела, допускаемых на встречи с Чоханом, имел в этом крайне узком кругу имя *Свами Аннуварсат*. Именно по коду, связанному с этим именем, он мог периодически выходить на связь с другими чела — теми, кто медитировал в гималайских и тибетских ашрамах или просто пребывал в горных пещерах, выполняя практики и необходимую работу на тонких планах. Мир продолжал бесноваться, периодически подходя к опасным граням. Прихваченных простыми инстинктами кукол в виде президентов стран, премьер-министров, крупных политиков и бизнесменов постоянно дергали за нити управления группы темных медиумов, обуреваемые желанием контролировать весь трехмерный слой планеты. Трудникам ашрамной цепи постоянно приходилось гасить опасные наводки медиумов, способных хватывать лишь маленькие узелки тех грандиозных взаимосвязей, что управляли сложнейшей механикой планетарного космоса. При этом чела не имели права наносить жесткий урон темным магам, подводя их к развоплощению. Чела не могли нарушить закон, внедренный с базовые семантические поля этой зоны Вселенной: закон свободной воли. Потому эта игра уровней все длилась и длилась, и конца ей видно не было; человечество оставалось большим ребенком, и прогрессировало крайне медленно.

Анализируя характер воздействия, оказанного на него издавека, Михаил Георгиевич понял, что воздействие шло все же от людей, а не инопланетников; что работали просто сильные маги. Позднее, еще в мае, его ближайший соратник по общине Велимудр догадку эту подтвердил. Более того, он сообщил, что неизвестная группа попыталась расколоть орех защиты вокруг государственного центра, нанести удар по первому лицу. Тогда была проведена серьезная работа;

в итоге неизвестная группа на время исчезла. Велимудр был уверен, что это англо-саксы.. Возникло предположение, что Денверскую гиперкатастрофу 2-го года ряд американских тайных орденов справедливо посчитали расплатой за катастрофу северокаитайскую, устроенную американскими технологическими концернами искусственно. Многие из сильных магов, работавших на США, были против таких воздействий, предполагая, что существуют силы, способные провести «удар расплаты». 35 миллионов китайцев, погибших в районе Гуайяна, многих магов отрезвили. Никто ранее не ощущал энергетики, подобной возникшему после этого удара, по своему ужасающему депрессивному давлению на общее пси-поле цивилизации. Волна тотального ужаса, что сконденсировалась в результате мгновенного развоплощения такого количества людей, потрясла всю землю, все народы, породив даже вихри безумия среди менее цивилизованных южных народов. Люди как-то подкожно, почти бессознательно ощутили, что такое всеобщая гибель; что между голливудскими ужастиками и реальностью просто нет ничего общего.

Как предполагал Велемудр, многие маги, работавшие в тайных ложах Европы и Америки, не могли не понять, что Америка заигралась и получила заслуженную обратку; они теперь могли попытаться стать «хорошими». После того как серией чудовищной мощи торнадо и землетрясений были буквально стерты с лица земли Денвер, Санта-Фе и Альбукерка, опустошена, завалена и сожжена вся огромная зона вокруг них, эти маги наверняка пересмотрели взгляд на глобальную геополитику и возможность использовать геофизическое оружие большой мощности. Они вполне могли создать какие-то новые ордена и попытаться перехватить власть у заигравшихся иллюминатов.

Теперь, возможно, новые ложи пытались усилиться, и прощупывали конкурентов в зонах работы влиятельных эгрегоров.

...В тот тяжелый день Михаил Георгиевич поехал в центр города, чтобы купить в проверенном магазине экологически

чистые продукты. Атака на него была внезапной; она началась прямо на улице. Первый же удар едва не сбил его с ног. Мощная горячая стрела была послана в район печени. Берестов тут же поставил защиту: стеклянно-свинцовый панцирь на сердце, на голову, на печень; но нападавшие находили слабые места и пробивали ее. Он шел по улице, и его качало; вероятно, прохожие думали, что он пьян.

Один из ударов вызвал резкую боль в сердце, холодную испарину, страх — это были явные признаки приближавшегося инфаркта.

Тогда он ринулся в метро. Новые удары шли в район сердца и в голову. Он видел, что в него вонзаются пики с огненными наконечниками, посланные с особой злобой и концентрацией энергии. Также было видно, что кто-то словно ножом режет его эфирное тело, вырывая клоки ауры. В висках стучало, началась сердечная аритмия.

Тогда он достал из-под рубашки, из-под куртки оберег. Образ Хранителя, древнего славянского волхва Радоми-ра, возник перед ним и словно отодвинул, сместил куда-то в дымную хмарь города, шум городских человеко-потоков. Берестов сложил из пальцев защитную мудру и попросил помощи у Братства. Однако новый удар едва не лишил его сознания. Сердце то замирало, то вдруг спохватывалось. Это было очень опасно — он отдавал себе в этом отчет. И все же после мантры что-то изменилось. Возможно, включился родной эгрегор. Но Михаил Георгиевич знал, что эгрегор будет работать против эгрегора, стремясь подавить очаг, источник; личную защиту он должен формировать сам.

Он бежал к метро, едва не сшибая на ходу людей, держась воображаемой прямой линии. Удары настигали его, острая боль пронзала сердце. Лишь когда он сбежал вниз по эскалатору «Таганской» в самую глубину, втиснулся в переполненный пиковый вагон, воздействие стало ослабевать... Они теряли его из зоны видимости; он к тому же стал строить свои эфирные дубли.

На первом же перегоне Берестов поставил мощный защитный блок из свинцового панциря с зеркальным отража-

телем. Он напряг все силы, всю оставшуюся энергию. В вагоне сформировалось мощное поле магического напряжения. Вдруг стало плохо женщине — ее муж начал кричать в селектор для связи с машинистом. Ребенок и другая женщина почему-то выскочили из вагона на станции, как ошпаренные, словно спасаясь от чего-то. Всех в вагоне штормило, все непрерывно ходило с места на место, лихорадочно говорили, словно что-то ища.

Тогда он вышел из вагона и двинулся по залу «Павелецкой». Тех, кто шел ему навстречу, как бы сносило в сторону. Два человека внезапно упали. Он ринулся в конец зала, чтобы никого не травмировать, боясь, что кого-то выбросит под поезд...

Воздействие стихало. Его потеряли. Но кто это был, для него оставалось загадкой.

Дома он сел в позу «шавасана», зажег сандаловые палочки, свечи, аромалампу. Уже через два часа после начала медитации ему удалось остановить поток самопроизвольных мыслей, которые вбрасывало взбудораженное подсознание. Они теперь уже не выскакивали, как тени, из-за угла — разнообразными, неожиданными, болезненными; они попрятались и сидели тихо где-то на задворках основного сознания. Его мозг, как затихнувший ядерный реактор, пульсировал спокойно и мощно, по-прежнему собирая импульсы со всех частей тела. Михаил Георгиевич отчетливо видел натянутые струны своих нервных путей — они светились желтоватым сиянием, спокойно и ритмично пропуская электрические токи от органов, от систем, от всех частей тела. Ему стоило лишь сконцентрироваться, и он получал возможность рассмотреть, как от среднего пальца правой ноги по команде расслабления пробежал желтовато-красный импульс и растворился в районе спинного мозга. Все пальцы ног моментально расслабились.

Он перенес внимание на эндокринную систему — тут же высветилась мощным красным пучком щитовидка, напомнившая то ли горящую медузу, то ли сверкающую ламинарию. От нее шли упругие нити во всех стороны — к двум почкам, к желудку, к печени. Он вдруг увидел, что канал, идущий

к поджелудочной, провис, ослаблен. «Вот тебе, дружок, кусочек торта на телевидении», — тут же подумал он и начал натягивать эту нить. Она поддалась не сразу, постепенно. Он подтянул обвисшие струны, тянувшиеся к надпочечникам, а также канала, шедшего к икроножной мышце левой ноги.

Весь организм светился, словно в разрезе. Он видел теперь каждую его часть, не переставая удивляться мастерству тех изумительных проектировщиков и конструкторов, которые создавали эти биомшины, продумывая каждую мелочь, делая их жизнеспособными и пригодными для заселения в них кристаллов монад — плазменных образований, способных интегрировать, вбирать в себя синтетический многомерный опыт воплощений.

У Михаила Георгиевича давно сложилось представление, что конструкторы и биотехнологи инопланетников наслаивали одну структуру к другой постепенно, а не замышляли все тело сразу, в целостности. Сначала они создали эту первоначальную цифровую сеть, соединенную с базовыми полями космоса. А затем уже стали делать механику: костяк на самообновляемых шарнирах со смазкой; нанизанные на костяк мышечные ткани. Затем вложили в этот корпус систему органов, которую разработали отдельно на каких-то моделях; затем подвели к этому конструкту питание в виде стройной и разветвленной системы энергоконцентраторов (чакр); подвели сеть энергоканалов с опорными точками, удерживающими вокруг себя эфирное поле. И лишь затем подсоединили центральный и периферийный процессоры — головной и спинной мозг. С ними же связали отдельно разработанную и, возможно, стандартную сеть нервных проводов, способную проводить электромагнитные импульсы.

Они наверняка проверяли работу биомшины на каких-то своих стендах, посылая импульсы по нервным волокнам, экспериментируя, проверяя, как работает головной мозг; вносили в его конструкцию коррективы, добавляя новые блоки. Только отработав все реакции самой машины, они подсоединили к нему собственно цифровую сеть. Как она проросла в тело, как взяла под контроль каждую клетку

организма, казалось непостижимым, но это было сделано. Возникла цельная система, способная к самоосознаванию. После этого им оставалось только провести эксперименты с внедрением кристаллов монад, которые были до того пропущены в течение миллионов лет через системы растительного и животного царств. Отобрав наиболее развитые из них, они соединили их с биомашинами и их подсистемами.

Наверняка поначалу самосознание было неполным, поскольку центральный процессор (головной мозг) не мог обработать всю информацию, что шла от органов чувств и глубинной памяти монады. Тогда они приняли решение заблокировать часть глубинной памяти, чтобы человек не мог проникнуть в слои предшествующих существований, но остался полностью самоосознающим. Это был фантастический успех! Ведь на каждой из планет свои особые условия и создать самоосознающее существо, способное жить в физической конструкции, невероятно сложно.

Эти размышления начинали одолевать всякий раз после длительных медитаций, когда он был способен видеть самое себя изнутри, в чистом виде, без вмешательства своего произвольного и полного автоматических реакций внешнего «Я». И всякий раз он словно делал перезагрузку своих знаний и начинал понимать сложность всего этого устройства во все большем объеме.

На вторые сутки своего голодного и сухого погружения, когда он уже перестал даже выходить в туалет за ненадобностью, Берестов, наконец, получил возможность свободного планирования в тонком теле в некоторых важных для него пространствах. Связь с Проводником была отчетлива; он позволил ему приблизиться к определенным слоям, связанным с эгрегором Северной Америки.

Тот, кто на физическом уровне являлся Берестовым, видел, словно в туманной многослойной буровой паутине, многообразные пространства, надстоящие над континентом, наполненные крайне интенсивной жизнью. Физический план страны и тонкомирная паутина были соединены

тысячами пульсирующих нитей. Импульсы проходили как сверху вниз, так и в обратную сторону. От каждого импульса часть тумана приходила в движение подобно тому, как вода в весенней луже колышется от подсоединения нового ручейка. Красноватые, желтые, а кое-где голубоватые свечения возникали и гасли. Физический план виделся ему точно так же, как при цейтраферной съемке: в ускоренном ритме, бешеной динамике. Верхний слой временного потока уходил куда-то за кадр, за край его взора. Нижний слой времени продвигался импульсивно, резко, ненамного опережая время пульсирующего физического слоя.

Высший аспект того, кто являлся тут Михаилом Георгиевичем, создал мыслеформу — желание увидеть источник той атаки, что была проведена на него месяц назад. И эта мыслеформа была подхвачена Проводником. Произошло мгновенное смещение курса, и вскоре он увидел под собой, будто из иллюминатора самолета, яркий мерцающий океан, а затем группу островов на нем. Таким образом, Проводник показал ему географическую точку. Это было почти так же, как на GPS-навигаторе. Но при приближении к одному из островов неизвестной гряды трехмерный слой исчез, и тогда он вдруг увидел оранжевый стусток совсем рядом. От него вниз шел плотный поток свечения серебристо-сиреневого цвета. Пройдя по потоку, он увидел проекцию некоего здания с овальным кабинетом в самом низу. Только в проекции кабинет находился там, где должна была находиться крыша. Мысленным усилием он перевернул это изображение. На какой-то момент возникла такая картинка: группа людей в черных одинаковых накидках с белой вышивкой на левой стороне груди. Он попытался увидеть, что было отображено на нашивках. То был какой-то вензель, напоминавший средневековый символ. Однако в этот самый момент серебристо-лиловый стусток вдруг развернулся, и словно бы увидел его. Он не имел глаз, но неким невидимым органом уловил присутствие чужого наблюдателя. Проводник моментально это отметил и начал уводить его дальше от этого эгрегора. Однако стусток выбросил неровный корявый шлейф липкой

энергии, словно пытаясь зацепить его... Проводник отсек шлейф от него. Тогда ведущий и ведомый ушли в какой-то промежуточный слой и там затерялись.

Однако напряжение от возникшей опасности что-то изменило в общем порядке вещей. Михаил Георгиевич уловил дыхание своего физического тела — это было неровное, тяжелое дыхание. В теле ощущалась тяжесть, особенно в районе сердца. К нему вернулась способность мыслить через физический мозг, и первой его мыслью была такая: насколько серьезной была опасность сближения с тем эгрегором над островами? Но ответа не последовало.

Он начал работать с телом, прощупывая каждую его часть по отдельности — ноги, грудь, живот. Вернувшаяся часть эфирной оболочки заполняла опустевшие лакуны, быстро запуская органы в рабочее состояние.

Через полчаса он открыл глаза. Уже потемневшее заоконье было в фокусе. Механика оперативного сознания соответствовала норме.

— Это они... — подумал он. — Это точно, они. Америка... Только кто?

Он пошел на кухню, чтобы включить чайник, и ударился плечом о косяк двери. Только тогда он полностью пришел в себя.

ГЛАВА 4

Ничего не было особенного в этом кабинете; все стандартно-роскошное и дорогое. Дорогие часы на подставке, дорогой прибор с дорогими ручками, все перламутровое, мерцающее, золотистое. Дорогое коричневое кресло, последней модели моноблок на столе. Все как надо. Ни портретов, ни книг — ничего лишнего.

Падин сел напротив. Андрей почувствовал, как время замерло, а потом понеслось — секунды затикали, запустился отсчет. Начался этюд с непредсказуемым финалом, и то, чем закончится разговор, зависело от обстоятельств и факторов, большей части которых Андрей не знал.

Михаил Георгиевич научил его методике Верховерна — Ширяева, и он ее давно применял во время особенно длинных и важных разговоров. Суть ее состояла в том, чтобы осуществлять по ходу разговора его мысленный «монтаж» в соответствии с основными дискурсами. Все, что происходило далее, весь этот длинный разговор гораздо позже выплывал из памяти Андрея законченными фрагментами. Одновременно с процессом воспроизведения возникал и образ Падина: то его стального цвета пронзительные глаза, то греческий профиль с зачесанными назад темными волосами, то немного искривлявшийся при разговоре рот, то длинная сигара, дымящаяся на столе.

Во время всего этого разговора Андрей видел плотный слой серовато-свинцовой энергетики с различным движением каких-то кранов, станков, тепловозов, еще чего-то громоздкого, железного. И все это окутывал некий желтоватый ореол, маняще-сладковатый, притягивающий. Андрей улавливал это своим изоощренно-тонким восприятием. Он понял, что это — излучение больших финансов, целых массивов денег. Они как бы центрировались вокруг человека в сером костюме с такими же серыми глазами, внимательно смотревшем на него.

Фрагмент первый. Вводный

— Вы курите? — спросил Падин.

— Так, покуриваю... Когда возникает необходимость, — ответил, пожав плечами, Андрей.

— Какого рода необходимость?

Андрей замялся.

— Если я начну развивать эту тему... Уйдет много времени...

— А если коротко?

— Вы вряд ли знаете... Это один из арканов Таро... У бизнесменов вашего масштаба, я так думаю, времени на чтение не бывает...

Падин засмеялся.

— Ну, не такие уж мы тупые. Иногда почитываем. Хотя вы правы, времени едва хватает на главное... Как там Будду излагают... «Чем больше вещей, тем больше бремя»... Как-то так...

Маранов посмотрел на него удивленно и заметил:

— Вещей в мире накопилось слишком много... У кого-то их непременно будет больше, чем у других... У каждого своя программа...

— Вероятно... Ладно, надеюсь, у нас будет еще время поговорить и об этом, — ответил Падин.

Он склонился к столу и что-то пометил в ежедневнике. Маранов видел, что он нарисовал цифру 1, написал строчку. И тут Андрей увидел в стопке книг ту самую книжку Дмитрия Ширяева, где он описывал логические системы, а заодно расширил методику Верховерна.

— Надо же, как Ширяев в гору пошел. Даже олигархи его читают.

— О, вот как! И футбольные тренеры мозги тренируют!

— Да я еще и не тренер. Риелтор.

— А, ну да. Риелтору, кстати, положено.

Фрагмент 2. Определение темы

— По моим предположениям, я вас мог заинтересовать только одним... — начал Андрей.

— Это правда. И каковы предположения... ваши?

— Футбол?

Падин издал странный возглас удовлетворения типа «Гымх!» и сделал хлопок ладонями. Андрей понял, что попал.

— Садимся, — сказал Падин, делая приглашающий жест рукой.

Они сели. Падин долго молчал, глядя перед собой. Потом заговорил.

— Вы знаете... Я давно приучил себя обращать внимание на людей, которые могут как-то нестандартно подойти к известным, вроде бы привычным вещам, на которые угол зрения установлен. Которые могут рассмотреть известный предмет под особым углом, понимаете?.. Меня крайне заинтересовали два факта вашей биографии. Факт с тюрьмой особенно... Вы там создали команду — уже это заслуживает внимания. И эта команда зэков обыграла команды каких-то охранных структур МВД... Приз какой-то взяла... Так?

— Как вы это раскопали? — поразился Андрей. — Это мельчайшее событие в мире футбола!

— У меня толковые помощники. Ловят не слова, а намерения.

— О-о! Таких найти непросто!

Фрагмент 3. Экскурсы

Падин:

— Вы были на войне...

— Да. Я был в Сирии. В 2016-м. Руководил подразделением. База Хмейним...

— Десант?

— Разведка. На Востоке это сложно.

— Ранения?

— Обошлось. Друзей терял. Пороха вкусил... Америкосы бомбили... Жесткая школа. Но не моя... Я потом решил демобилизоваться. Так не пускали!..

— И как же?

— Вот футбол-то и выручил. Я служил в Южном округе. Мы с генералом сразу поняли друг друга... Он болел футболом так же, как и я. Хотя он не понимал, что это такое по большому счету...

— Так... А что это ...по большому счету? Было бы интересно услышать...

Андрей задумался. Он знал весь объем темы и понимал, что сразу нельзя вываливать много. Надо сначала понять, чего он хочет... Возникла пауза.

— Это тема обширная... В самом общем виде футбол — это универсальная динамическая модель жизни...

— В каком смысле?

— В самом общем... Вот... Когда вы прорывались к воротам... Пардон... вас что, не били по ногам? Защитники за майку не хватали?

Падин расхохотался. Ему понравилось.

— О-о! Еще как хватали! Чуть трусы не срывали! По яйцам так пиз...ли!

— Догадываюсь! — улыбнулся Андрей, ничуть не удивившись его магу. — Но вы забили красивые голы!

- Есть такое... Но как вы выскочили из армии?
- Генерал продвинул в СКА Зауральск. Класс «А», вторая лига.
- И эту историю я знаю. Вы вышли в одну четвертую Кубка страны... Никто не ожидал...
- Да. Это был мой тулончик. Но меня подсекли. Развернуться не дали.
- В одной четвертой проиграли...
- Не я проиграл. Местная мафия решила прославить своего... Рокировку сделали: меня убрали, другого поставили. Я ведь в выражениях не стеснялся. Мешали — говорил. Хотите результата — дайте работать. Дайте брать людей, которые нужны. Мэру говорил. Бандитам говорил. Иногда да, грубовато. Невзлюбили они меня. Прежде всего за несговорчивость. Там же всем букмекеры заправляют. А я не пошел на договорняки. И парней отчислил, которые были готовы на это. Думал, без меня не обойдутся. Ошибся — обошлись. Только все продули. И команду, что я делал, загроби. Потом сами же жалели.
- Было еще выступление на Футбольном союзе...
- Да. Меня пригласили, когда в кубке продвинулся. Я все сказал как есть: что без понятия парней набирают, что тренируют неправильно, примитивно; понятия не имеет никто, как мотивировать. Говорил про власть букмекеров, про то, что вся система пронизана этим вирусом, что все боятся этой мафии; что футболисты ощущают себя куклами, пешками в игре ставок. И еще всякие вещи. Тоже не понравилось. Никому не понравилось. Вот меня и задвинули. Вообще вылетел из футбола...
- Тоскуете?
- Маранов вздохнул.
- Безусловно. Футбол такая вещь, которой можно посвятить жизнь. Я раздумывал, почему у него такой статус. Это ведь мировая игра.
- И какой вывод?
- Суть в коллективном преодолении. Для человека очень важно осознавать свою силу. Но и для народа важно. Миро-

вая игра... она отвечает чему-то очень важному в человеке и даже в народе. И очень точно продуман инструментарий.

— Что вы имеете виду?

— Ну, например, правила, соотношения. Двадцать в поле, два в воротах, три судьи. Штрафные, предупреждения. Все это символика... Я уж не говорю про гол. Его величество гол...

— А что тут такого? Гол — он и есть гол...

— Гол — это прокол... В энергозащите соперника. Это укол, результат энергетического давления. Pressure...

— Понимаю. Меня самого постоянно «pressure»... Ну да. Но это везде. И в теннисе... В хоккее...

— Групповая игра с мировым значением есть только одна.

Фрагмент 4. Предыдущие футбольные подвиги

Этот момент всплывал в памяти Андрея как бы из длинной паузы. Цепкий взгляд Падина словно впился в него, когда он расспрашивал его об этом. Падин догадывался о том, какой объем пережитого стоит за командой ээков... О, понятно, как он заработал такие деньги! Он знал жизнь и людей. Андрей понял, что Падина он интересуется как крепкая личность. Он, видимо, подозревал в нем даже отсутствие страха смерти.

— Это ведь все же был лагерь, а не тюрьма, — отвечал Андрей. — Ээкам просто стало интересно. Они любят азартные игры... Я ээкам был не нужен, им наказал Болт. Видно, сыграл с кем-то на мою голову...

— Кто?

— Ну, типа пахан. У него над койкой висел большой болт... железнодорожный.

— Это... их генерал?

— Ну да. Мое дело было их втянуть, скомпоновать и научить...

— А сколько времени вы готовили военную команду?

— Четыре месяца.

— Всего-то?.. М-да... Это... понимаю... Почти невероятно, — Падин встал, начал прохаживаться по кабинету,

пощипывая себя за подбородок. — Ведь команды округов, должно быть, готовили тренеры, профессионалы. А вы были просто сержант, просто солдат. А в тюрьме сидели, как обычный зэк... По экономике ведь сидели, да?

— Ну да. Пирамидки начал строить в сети. Виртуальная валюта... не ко времени...

— Тут мне все понятно. Но турнир... У человека, который бьет профессионалов, должно быть нечто, чего нет у них. Так просто это не бывает!

Андрей пристально посмотрел на Падина. Таймер шел неумолимо, жестко. Но ему не становилось ясно, зачем его позвали; чего он хочет. Зачем ему футбол? Ищет теорию? Хочет сделать клубную команду? Наверняка.

— Вы хотите создать свою команду? — спросил напрямую Маранов. — Сделать новый клуб?

Падин посмотрел на него задумчиво. Потом достал сигарету и закурил прямо в кабинете. Он долго не отвечал.

— Скажите, вам моя политическая платформа известна? Мои взгляды?

«Вот оно что, — понеслись мысли у Андрея — Политика!»

— В целом да. Вчера я еще посмотрел ваши интервью. Мне многое близко в ваших позициях. Вы собираетесь поднимать славянство. Это мне близко. Ведическая традиция... Я к этому отношусь с большим уважением; это моя платформа тоже. Хотя это очень даже не модно.

— Да, в этом вы правы, — согласился Падин. — Совсем не модно. Меня многое не устраивает в курсе нынешней власти. У меня есть кое-какие заготовки на будущее.

— Я читал ...Вы критикуете Гордина, его людей. Но вы на встречи с ним ходите, руку жмете.

— Ну и что? Он человек достойный. Он многое делает правильно. Но не все. Есть вещи, которые не всем известны.

— Догадываюсь, что такие вещи есть. На то вы и элита...

Фрагмент 5. Главный.
Давление падинского взгляда усилилось.
Как он сказал? А, вот так:

— Мне надо выиграть чемпионат мира по футболу.

В кабинете воцарилась звенящая тишина. Падин отошел к окну и снова стал вглядываться в серый предвечерний московский сумрак.

Андрей помнил, как пытался быстро переварить сказанное. У него словно застыло, замерзло в ноль все внутри. Да, теперь все было понятно... Но чемпионат мира! Это неслыханно... Ну и замах!

Он встал, достал сигарету, тоже закурил; начал медленно ходить вдоль длинного стола, словно забыв, где находится. Масштаб задачи поразил его. Все стало ясно. Политика! Чемпионат мира выиграть — значит переиграть президента. И пройти в дамки самому. Вот его замысел.

Падин ожидал его реакции. Андрей отчетливо видел в его глазах бешеное, яростное пламя! В этот момент он четко понял, почему Падин — олигарх, как он добился такого успеха...

Падин продолжил:

— Чемпионат мира через два года. Мне один человек передал слова, которые вы когда-то обронили.

Андрей насторожился:

— Интересно, какие?

— Мол, вы знаете, как создать команду, которая может выиграть чемпионат мира по футболу.

У Андрея перед глазами сразу же всплыл образ журналиста Олега Воеводина.

— А-а, вот оно что... Да, это я говорил. Есть такой человек. Это давний мой знакомый... по одному делу... Олег Воеводин. Вот откуда вы про меня узнали...

— Да... Так что вы скажете? Ну, так на вскидку. Теоретически. Возможно такое в принципе? Ну, если пофантазировать?

— Честно говоря, фантазер я не очень... Я держусь за реальность... В чемпионатах мира играют сборные команды стран... — обдумывая каждое слово, размышлял вслух

Андрей.- Во всех странах команды формируют федерации... Я не очень понимаю...Нужна прежде всего такая комбинация, чтобы открылся выход для какой-то другой команды.

— Так...Точнее?..

Андрей с удивлением посмотрел на Падина.

— Но вы же понимаете, что наш официальный футбол не может сформировать команду, которая способна выиграть чемпионат...Это по определению...

— Вот! Вот! Этого я и ждал от вас! По моему сценарию, должна быть создана новая, никому неизвестная команда.... Которая вдруг возникает, и...проходит в дамки...

— Как это... организационно? В обход федерации? Министерства спорта?

— Давайте об этом пока не будем говорить. Конфигурации такого рода – это уже моя епархия...Ну представьте, что просто создается некая команда, которая затем выставляется вместо привычной сборной. Всем знакомой...Ведь бывают в жизни разные фантастические комбинации... Так ведь, Андрей Викторович?

— Теоретически все возможно.

Падин смотрел на него, улыбаясь.

— Я хотел бы все же услышать ответ на свой вопрос. Вы ту фразу бросили просто так, под хмельком? Или это серьезно?

— Под хмельком бываю редко... Это было сказано всерьез, Сергей Валерьевич. Я много за эти годы смотрел футбол, думал, размышлял. Кое-что понял, кое до чего додумался...Я думаю, что в целом представляю, какие факторы...Что предreshает успех в турнирах такого уровня. Но в данном случае...Это, знаете, задача! Это невероятной сложности задача!.. Очень много факторов должно быть включено...

Падин усмехнулся.

— Не надо быть семи пядей...Я бы даже резче сказал – это почти фантастическая задача. Имея ввиду, какой у нас футбол и какие футболисты. Но для меня важно, что вы не говорите «нет»...Значит, где-то в глубине вы допускаете, что это возможно...

Андрей молча глядел в пол. В нем вдруг поднялась какая-то горячая волна дикого, необузданного энтузиазма. Вдруг всплыло желание свершить что-то страшно монументальное, как будто реально сдвинуть небоскреб...Его шанс был совсем рядом. Ну совсем близко...Надо было просто ничего не испортить.

— Я не допускаю, Сергей Валерьевич. Я уверен, что это возможно, – твердо сказал Андрей, глядя Падину прямо в глаза.

**Фрагмент 6. Немного теории.
А также о мотивации**

Тему тогда продолжил Андрей:

— Мы едины в одном мнении. Что в нашем футболе такую команду создать невозможно. Так? А вы почему так считаете? Мне нужно понять, что общего у нас... ну... в видении темы.

— Ну как... Класс не тот, — подумав, отвечал Падин. — Школы нет такой, как в Бразилии или Испании. Техники. Я был в свое время знаете, чем впечатлен? На испанских пляжах видел, как стар и млад прямо у моря перебрасываются мячом. Размокший тяжеленный мяч, а у них он летает... От одного к другому и не опускается, не падает на песок! Они удерживают в воздухе его. Вдоль всего пляжа такие группки! Везде мячи летают! Я было тоже встал. И сразу понял, что тут я лох. Ну как вы думаете? Вот из этой любви и вырастает класс. Находятся, в конце в концов, двадцать самых умелых парней.

— Согласен. Это очень важно. Это народная любовь к игре. Привязанность. Самовыражение нации. Но это не все.

— Еще мотивация. Бразильцы, испанцы, когда выходят, французы... они кожей чувствуют, что страна за спиной. А наши не чувствуют! Наши чинуши от футбола думают, что все дело в деньгах и тренерах, в физподготовке. Деньги — это не мотивация. Деньги тут вторичное.

Падин был умен. Он видел объем темы, и Андрея это радовало.

— Совершенно согласен с вами! Всецело!

— Ну давайте все же я вас послушаю, — вдруг улыбнулся Падин.

В это время зашла Эмма с подносом и, гордо процокав к столу, поставила поднос. Она выразительно посмотрела на шефа, потом на гостя и так же величаво удалилась.

— Так вы в самый корень и заглянули, Сергей Валерьевич. То, что скрывается за словом мотивация, и является главным.

— Вот! Ну и какой же видите эту мотивацию? Как бы вы заставили эту гипотетическую команду готовиться таким образом, чтобы соответствовать задаче? Прежде чем запустить такой проект, я должен понять, что у него есть шансы. Прежде чем выделить деньги на него. Ведь это немалые деньги, правда же, Андрей Викторович?

— Это очень немалые деньги. Если не сказать больше... Так вот о мотивации. Скажите, как вы думаете, почему большая часть команд в гостях играет хуже, а дома лучше?

— Станный вопрос. Это же понятно: поддержка трибун. Эмоции.

— А если точнее? Что такое поддержка трибун? Вы полагаете, что этот массовый крик все и решает?

— А что же еще? Это же и есть выражение эмоций...

— Вот теперь нам надо перейти к теории, Сергей Валерьевич. Без этого никак нельзя.

— А я вас и слушаю. Очень внимательно.

Андрей встал и подошел к окну.

— Идти надо издалека. Надо понимать сначала, как устроен человек вообще. Иметь представление об этом.

— Не понял? А как он устроен? Тело?

— Ну, вы же наверняка слышали про восточные системы. Как там это видят. Семь тел, эфирное — оно второе после физического. Далее тело эмоций, затем ментальное. Потом еще три высших. Вы же знаете, я же вижу...

— Ну мне рассказывали, конечно, — как-то вяловато бросил Падин.

— Но вы не очень этому поверили, не так ли?

— Ну-у... — Падин засмеялся. — Все это, может быть, и так. Но как-то это далеко... К нам-то какое отношение имеет?

И вот тут Андрей сел и посмотрел на Падина в упор. Он знал, что, если они не достигнут тут понимания, все остальное бессмысленно. Он так и сказал:

— Дело в том, что для меня это не просто теория. Это моя база. Это знание, в котором я не сомневаюсь, которое я проверял.

— Что существуют семь тел? Ну хорошо... Да хоть десять. Что с того?

— А вот что... В данном случае важнейшее значение имеет второе тело человека, то, через которое запитывается физическое. Это тело называют эфирным.

— Слышал.

— Отлично. Значит, общие точки у нас есть... Раз мы это принимаем, идем дальше. Команда — это совокупность игроков. У каждого есть эфирное тело. Значит, в определенном смысле команда — это и совокупность эфирных тел игроков. То есть она имеет что-то вроде общего тела.

— Ну, вы ведете к теме «эгрегоры»...

— Совершенно верно! В футболе все... Ну или почти все — зависит от схватки эгрегоров.

Падин кивнул.

— Вы имеете в виду эгрегоры команд?

— Именно! Именно! Они есть у любого сообщества, даже маленького. Итак, все решают эгрегоры. Точнее, их сила, их потенциал. А сила зависит от наполнения, от подпитки. А откуда подпитка?

— Это понятно. Болельщики.

— Болельщики — да. Когда болельщики орут, их эфирные энергии вырываются и идут к игрокам. Эфирные тела игроков запитываются, энерговихри вокруг плексусов приобретают дополнительную амплитуду. Частоты их вращения увеличиваются. Потому быстрее работает и биомашина игрока, то есть тело. И дело не в адреналине и не в пульсе. Дело именно в этом.

— Так... А что такое плексусы? Это ведь не то же самое, что плинтусы? Или «Лексусы»?..

Они засмеялись.

— Это изгибы энергоканалов. На этих изгибах откладываются кристаллы фохата — сгустки особо рода энергии, о которой ученые пока не знают.

— Так... И что это дает? Зачем эта энергия?

— Ну, понимаете... Вот эти случаи, когда мать поднимает грузовик, чтобы вытащить из-под него своего ребенка... Или когда человек прыгает, спасаясь от выстрела, выше мирового рекорда... Они с этим связаны. Фохат сгорает моментально, высвобождая чудовищный сгусток энергии.

— Ага... Вот как! Интересно!

— Но я не закончил про эгрегоры. Болельщики на трибунах — это малая часть подпитки, если речь идет о большом соревновании. Главная часть подпитки — те массы народа, что вдалеке. Что у телевизоров сидят, в машинах репортаж слушают. Где угодно. И даже если не смотрят и не слушают. Подпитка все равно будет идти, потому что все решает эгрегор народа. И с ним должна быть связь. Все сильные команды имеют такую связь. Чем сильнее эгрегор, тем сильнее играет команда. Это закон. Наши все продувают, потому что подпитки от эгрегора народа не получают.

— Как же нет? — удивился Падин. — У нас миллионы у телевизоров! У нас народ болеет активно.

— Болеет активно. Но подпитки нет. Потому что эгрегор — рыхлый.

— Как это? Как рыхлый?

— Размытый эгрегор, не центрованный. И это на все влияет, на все... Понимаете, эгрегор центрируется на национальном самоосознании. А у нас его нет! Куча народов, у всех свои эгрегоры. Потому в стране все так рыхло всегда, так ненадежно. Только на сильной власти может держаться, иначе сразу развал. Это ахиллесова пята всех империй...

Маранов сокрушенно мотнул головой, потом подошел к Падину и продолжил, внимательно глядя ему в глаза:

— Это к вам прямое отношение имеет. Вы ведь в политику большую идете.

Андрей помнил, что после этой фазы наступила длинная пауза, когда Падин снова ходил по кабинету и курил.

Фрагмент 7. Затронуты глобальные политические и исторические темы

— Но если идти по вашей логике... У нас сильной команды вообще не может быть. У нас никогда не будет центровки на национальном. Это же очевидно.

— Это не совсем так... — отвечал Маранов. — Есть два варианта. Первый: эгрегор нации замещает эгрегор государства. Второй: у государства есть сплавляющая идеология, которая прошла в массы; она может работать как замещение. Как подобие национальной идеи. Тогда эгрегор работает.

— Ну... Это теория.

— Это не совсем теория, Сергей Валерьевич. Практика тоже была. Небольшая, но была. Вот смотрите. Едва война закончилась, прошло несколько чемпионатов страны. Футбола, по идее, не должно быть в такой стране. Но что происходит? Вторая клубная команда страны едет на родину футбола. Едет в Англию! И играет мощнее их! «Арсенал» делают... «Кардифф» бьют 10:1! Запросто так! Без проблем!

— Это вы про что?.. Я не понимаю...

— Про поездку московского «Динамо» в Англию. А далее еще интереснее. Проходит еще несколько лет. И уже сборная страны едет на первый чемпионат Европы во Францию. И что вы думаете? Она побеждает! Всех опережает, понимаете? Всех! Англия, Франция, Испания, Италия. Все позади! Объясните мне, пожалуйста, каким образом?..

Падин задумался.

— То есть... Вы считаете, что эгрегор сталинского государства... Он сработал?

— Конечно! А что же еще? Эгрегор народа, спаянный через государство и его идеологию... Плюс подъем национальный после победы в войне. Тогда подпитка у эгрегора была, и очень неслабая! Заметьте, чем больше эгрегор слабел, тем слабее играла сборная команда. При Хрущеве все начало сдуваться. Игроки еще были: их воспитала система. Это были бойцы; военные люди, по сути. На них шло дыхание военного поколения, их отцов. Это очень сильное

было поколение. И они должны были выиграть чемпионат мира в 62-м по составу. Потому что были классные игроки. Но подпитки-то уже не было! Вот и провалились. Как-то странно, обвально провалились. А уж о том, что дальше было... Тут и говорить не о чем. Брежневский футбол... Это серость беспросветная; но какой-то класс еще оставался; эгрегор системы еще жил. Потом вообще все поползло. Плотность командных эгрегоров нарушили варягами. Африканцев стали тащить, кого угодно. Тренеров стали с Запада выписывать. А что они знают о России? Что они знают о народе? Полный хаос, полное непонимание. Откуда будут результаты?

Фрагмент 8. Как надо строить команду. Из кого

Тогда Падин закурил еще одну сигарету, он разволновался.

— А вы стройно излагаете!.. Но по этой логике опять же... Государство-то ведь не восстановить... В любом случае у нас нет перспектив. Как вы запitate ту команду? От какого эгрегора?

Маранов смотрел на него жестко и прямо:

— От национального.

— Какого? Какой нации?

— Государствообразующей. Славянской нации. Русичей. Россов. Славян-ариев, если идти вглубь. У этой нации есть свой эгрегор. И он жив. Медленно идет восстановление связи с ним, но оно идет. Появилось много славянских общин; там есть свои... как бы сказать... Учителя, волхвы. Если соединиться с этим эгрегором, подпитка будет. Но понадобятся также и некоторые ухищрения...

— Какого свойства?

— Чисто магического.

— Подробнее, пожалуйста.

— Мы до этого дойдем. Я еще о факторах, можно?

— Так-так, давайте... Какие еще?

— Отбор людей. Чтобы сделать уникальную команду, нужно включить много факторов. Очень много. Например, гороскопы, физиогномику. Глубинную психологию. Поверьте, это важно! Нападающим, который способен забивать

голы в трудной ситуации, может быть человек совершенно особого типажа. С тонкой нервной системой, резкий, нервный, импульсивный. Это своего рода псих. С невыносимым, капризным характером. С наметками на особый дар — с такой, знаете, уникальной связью между нервной системой и физикой. Был такой Герд Мюллер, Марадона, Месси... У нас — Численко, Юран, Рябцев...

— А защитники?

— В центре защиты — двое одного типа. Мощная горизонталь. Два здоровенных парня, упертых, как слоны. Костяк, основа. Они держат план... Тип — Марс в физиогномике. Злые, яростные! Это тип воина. Но талантливые! Имеющие в себе понимание структуры, чувствующие паутину обороны, улавливающие движение энергии противника. Интеллект очень важен, очень! Это очень непростые люди! Это блок, броня команды!

Сзади них только вратарь. И это тоже психопат! Худой, скрученный, как винт; сухой, жилистый. Одержимый идеей что-то ловить. Парень с дикой, нечеловеческой реакцией. Абсолютно бесстрашный! Это может быть только тип «Меркурий»! А по гороскопу — Овен или Стрелец. Молчаливый, весь в себе. Но жутко самолюбивый, до болезненности, понимаете? Для него пропустить гол — это драма! И при этом волевой, страшно волевой. Он должен брать семь пенальти из десяти. Вот какого уровня должен быть вратарь!

— А крайние защитники?

— На краях нужны такие же крепкие, как в центре, но поменьше ростом; цепкие, реактивные, злые. Не более 184, иначе не будут успевать за нападающими. Самолюбивые, резкие, не любящие уступать в единоборствах. Тип Марс или Земля в смеси с Меркурием. Тоже желательно огненные — Стрелец или Овен. Водных в защите не должно быть. «Рыба» может попасть в середину, где нужен интеллектуал-распасовщик. Интеллектуал, любящий решать сложные задачи. Видящий все вокруг, зоркий, с объемным взглядом, хорошими мозгами. Книгочей. Любитель театра, кино, красивых женщин. Актер, режиссер, музыкант, понимаете? Талант! Игрок по жизни! Только такой сможет делать интерес-

ную игру! Это парень, читающий игру, видящий всех, созидатель. Таких в полузащите должно быть трое, не меньше. Я всегда был сторонником схемы 4-3-3. Мне она представляется идеальной.

Крайние нападающие должны быть примерно одного типа. Обладать мощнейшими физическими данными для рывков. Но не выше среднего роста, не более 177... Обладать талантом. Невероятным! И так далее. В том же духе! Все надо делать не по шаблону! Все — не так, как все. Только тогда может быть успех.

Фрагмент 9. Еще о факторах.

Достал он с этими факторами! Но это на самом деле важно

Собственные слова всплывали в его памяти, будто записанные на диктофон.

— Понимаете, русским людям для действия нужна идея. Причем особого уровня — высокая, большая. Это такой религиозный — я даже умное слово употреблю, — эсхатологический уровень.

— Христианство? — несколько разочарованно спросил Падин.

— Да нет, ну что вы. Эта система уже давно не работает. Нужно копать глубже. Нужно копать к корням. Ребятам надо будет поэтапно рассказывать, что за народ славяне, откуда появились, какой была их цивилизация. Что у нас за предки были, какая корневая система, какие верования были на Руси. Связать их надо с корневой системой, чтобы произошло формирование модуса ответственности. Тут нужна последовательная работа, соединяющая эгрегор команды с корневой основой нации. Это сложно... Но это возможно.

— Да я не очень понимаю, как это работает...

— Сергей Валерьевич! Вот это как раз самое важное. Самое важное! Без этого нам просто не очень говорить. Я просто не возьмусь, потому что тогда результата не добиться.

Падин аж присел.

— Так... А вот тут я... Тут я чего-то недопонимаю. Мне нужна от вас дополнительная информация.

— Есть еще и другие стороны вопроса, Сергей Валерьевич. Есть еще и магический уровень! Это очень, очень все сложно; но я могу решить и эти проблемы!

Глаза Падина загорались все более. Он выбросил вперед руку, останавливая Андрея.

— Какой магический?.. Что вы имеете в виду?

Андрей вздохнул.

— Мировой чемпионат — это метафора войны. Причина его значимости в этом. Это, по сути, апология войны. Таким образом, через футбол, народы созерцают сами себя, ощупывают свою значимость. Народы, будто отдельные люди. Так они определяют свою магическую тяжесть...

— Я не понимаю... Но не важно. Важно, что вы это понимаете... — возбужденно заговорил Падин. — Я все решил... Я все решил. Успокойтесь.

Падин заволновался, как мальчик, вскочил и забегал по кабинету.

— Вопрос решен! Мы будем работать. Я даю вам карт-бланш! Готов тут же выделить деньги. Когда вы сможете представить план действий? И смету...

Андрей сидел, а он носился. Буквально носился по кабинету — туда-сюда, туда-сюда. Удивительно! Такой оказался экспансивный. Вон как стал раскрываться великий олигарх!

— Давайте, давайте. Давайте! Начинайте!

Он почти кричал

— Я верю в тебя! Андрей, ты сможешь! Ты должен!

Падин вдруг перешел «на ты». Так была им выражена новая степень доверия.

Фрагмент 10, последний. Неожиданный, но приятный

Андрей помнил, как в нем возникло сладостное предвкушение. Неужели? Неужели закончилась эта бедность?

Он видел, как Падин многообещающе подошел к сейфу. Закрыв спиной кодовый замок, набрал код. Как подошел к Андрею с конвертом и толстой пачкой долларов.

— Вы хотите дать мне денег?

— А тебе что, они не нужны? Мне сказали, что ты на развалюхе какой-то ездешь. Купи нормальную машину. Погаси свои кредиты. И больше не влезай в это болото.

— Вы все обо мне знаете, — засмеялся Андрей.

— А ты как думал! Не лаптем щи хлебаем. Реши свои проблемы.

Он положил деньги в конверт, который сразу же распух, и отдал Андрею. Андрей, чуть помедлив, взял деньги и положил в сумку.

— Спасибо! Спасибо вам!.. Я очень, очень рад, что мы понимаем друг друга... Давайте сыграем в эту игру.

— Да! Давай! Мы сыграем! Мы русские люди! Двум смертям не бывать, одной не миновать — так, кажется? Жуть, как ты меня раззадорил!

Последний фрагмент, который всплывал в памяти Андрея, который как бы выкадровывался из всей этой длинной мизансцены, была секретарша, точнее ее взгляд. Она его просто пронзила им. Она не знала, кто он и зачем он нужен Падину, но по лицу шефа считала, что состоялась какая-то очень важная договоренность...

Дома Андрей долго сидел на кухне, пил чай, курил, сбрасывал напряжение. Он прокручивал состоявшийся разговор с Падиным, фрагмент за фрагментом; он прокручивал также свое старое «кино», как он начинал футбольный проект тогда, в лагере. Он вспоминал, как по команде Болта на изрытое рытвинами, клочковатое поле вышли двенадцать угрюмых, разновозрастных, озлобленных мужиков. Они все были худые, ослабленные постоянным курением, алкоголем, а двое крепко сидели на игле. Когда он высыпал из рваного пакета два стареньких футбольных мяча, они стали ржать, и незлобно, но тупо материться. Они почти забыли, как когда-то гоняли мяч во дворе. Они пришли просто ради любопытства — чтобы понаблюдать, как облагается Французик — так они прозвали Андрея за его утонченный, почти субтильный облик, правильную и почти безматерную речь; за движение мысли, которые

они улавливали в его нетипичных для лагерного планктона глазах...

Что он мог им сказать тогда? Каким образом можно было их заставить тренироваться? Это казалось невозможным.

Для начала он им сказал такие слова:

— А что мы, собственно, потеряем, если погоняем мяч? Подвигаемся на воздухе... Что, все в бараке сидеть?

Они организовали на поле два квадрата и стали перепасовываться. О какой технике можно было говорить в приложении к ним? Мяч вообще ни у кого в ногах не держался. Но через некоторое время он все же втянул их в казавшееся им совершенно дурацким занятие: кто больше начеканит правой ногой. Ни у кого не получалось больше трех-четырех подскоков. Мяч слетал с ног, улетал за рамку поля. Но, когда Андрей, вспоминая прежде наработанные навыки, набил правой сначала пятнадцать, потом двадцать пять, а потом сразу пятьдесят шесть правой и тридцать левой, зэки замолчали и насторожились; можно сказать, они заинтересовались.

— Дай-ка мне, — попросил тогда тот, что был авторитетом и кто должен был быть капитаном согласно угрюмой экзовской иерархии. И Болт оказался единственным, кто смог через пару дней набить правой десять.

Вот с этого все и началось. Они стали приходить на тренировки, но не играть, а именно чеканить. Как люди азартные, они стали делать ставки на лучший результат — сигарету, стакан водки или даже просто на щелобан. Им стало интересно.

Андрей же знал, что чеканка — это основа техники. Если они дойдут до нескольких десятков подскоков каждой ногой, мяч уже будет держаться у них в ногах и можно будет что-то строить.

Потом наступила пора сраживания. Он оценил по характеру каждого; самых злобных и рьяных, ненавидящих явно или тайно друг друга развел в разные команды. Он поставил наиболее крепких и мало бегающих в защиту; более шустрых, кто хоть как-то мог бегать, в нападение.

Он выстроил между ними психологические связи, ориентируясь также и на симпатии этих грубых, измученных людей друг к другу. Все же они были русскими людьми, хотя имели разные национальности (в команду записались, помимо русских, казах, два армянина и чеченец). Андрей использовал и этот фактор, разведя кавказцев в разные команды, с тем чтобы русские как бы управляли каждый своим кавказцем или казахом. Он задел струны их самолюбий, и они постепенно стали интересоваться этим занятием все более и более.

Первые их игры друг с другом получились грубыми, полными агрессии, травматичными. Зэки рубились чуть ли не насмерть, играли «в кость», толкались, сбивали друг друга. Несколько раз начинались драки, и тогда на поле влетали охранники и растаскивали игроков. Но раз от разу игра их становилась все осмысленней. Игра в «чеканку» продолжалась, техника владения мячом понемногу улучшалась, так же как и физическое состояние игроков команды. Наступил момент, когда Андрей смог сбить из двух разных команд одну единую команду — из тех, кто мог хоть какое-то время бегать, кто наловчился играть лучше, был злее, у кого было твердое место на поле. А затем состоялся тот переломный матч с командой охранников лагеря, после которого Андрею стало ясно: они уже не бросят это занятие, не пошлют его куда подальше, не засядут, как прежде, за карты, нарды, рисование наколок и прочие привычные для них забавы.

Это была рискованная игра, и начальство лагеря это понимало. Потому зрителей у той игры, кроме начальства и охранников, не было. Если бы остальных зэков пригнали и усадили вдоль поля, мог произойти бунт — моментальный и беспорядочный. Но для команды зэков наличие зрителей не было важным. Они знали, что, придя в бараки, они будут всю ночь пить, балагурить и рассказывать остальным, как проходила игра и кто что сделал невероятного на поле.

Охранники были по большей части молодыми ребятами, недавно отслужившими в армии, и потому они

были резвее, шустрее. Полковник Гусаров не сомневался, что зэки проиграют, потому что молодые их просто перебегают. Но получилось все не совсем так. Молодые действительно вначале прижали зэков к воротам и сильно давили, играя через центр: там у них играл блондинистый парнишка, разрядник по футболу. Он грамотно принимал мяч, обрабатывал и осмысленно, более-менее точно бил по воротам. Андрей видел, что этот парень забьет, и сразу поставил хромого, но быстрого Дугласа присматривать за ним. Однако блондин все же забил, обойдя двоих и четко пробив в противоход вратарю.

Потом зэки немного выровняли игру, начали пробиваться через центр поля, но молодые все давили, и в итоге блондин к концу тайма забил еще один мяч.

И вот после этого началось самое главное. Андрею не надо было ничего говорить своим игрокам. Они сидели в перерыве за воротами, насупленные, злые, нервно курили.

Кондор тогда сказал:

— Если сольем, заподло будет. Уважать не будем себя. Надо нагнуть зеленых...

— Вые...ть! В жопу вые...ть — прохрипел Чубаров.

И это были все их слова. Однако они понимали, что им надо слушать Андрея, что без него у них ничего не выйдет. Он дал им установку: играть на двух бегающих людей — его самого и Хрипатого; жестко держать блондинчика и разобрать края. Он дал наказ спарке Хрипатый — Торец играть впереди. Лобок должен был подыгрывать им чуть сзади.

И вот тогда произошло нечто странное, чего он внутренне и ждал всегда от футбола: включились некие внесознательные факторы, которые словесно он даже и не смог бы определить. Но что-то поменялось после перерыва на поле. Словно подвижная стенка начала давить на охранников, отодвигая их к своим воротам. Мрачные, озлобленные зэки начали играть в ноги, незаметно пинать плечами молодых, играть в кость, использовать большую

часть поля. Они начали давить какой-то тайной волей, скрытой в них силой.

И эта сила постепенно придвинула молодых к воротам. А когда давление достигло пиковой стадии, Андрей сказал свое слово. Он был единственный, кто мог забить, и он это сделал. Он словно почувствовал, что надо идти в центр штрафной, и Хрипатый увидел его, дал на ход. Мяч влетел рядом с вратарем в дырявые бессеточные ворота.

Эки не кричали, не прыгали; кто молча сплунул, кто одобрительно посмотрел на него, отходя назад. Затем Андрея сбили в штрафной, и судья капитан Суровикин назначил пенальти. Андрей выполнил его очень четко, не оставив долговязому старлею, стоявшему в воротах охранников, никаких шансов.

Как ни старались молодые, но забить больше они не смогли. Игра так вничью и закончилась. Это было необычно, так как слишком разительной была разница в возрасте и физическом состоянии. Но Андрей убедился, что в футболе это, конечно, важные, но все же вторичные факторы. Главное — состояние духа. С этого начался перелом в настроениях всех эков к этому занятию; появилось то, что и называют мотивацией.

...Андрей вспоминал тот первый матч и словно погружался в ту тягуче-угнетающую, мутно-давящую атмосферу лагерной жизни, вспоминал тяжкие подъемы по утрам, серую мглу в зарешеченном окне; утренний зябкий, неотвратимый холод; постоянный недосып, боли в животе и подташнивание от хронических запоров; угрюмую утреннюю ругань эков, их грубые толчки и даже удары возле галюнов... Но теперь он понимал, что та грубая мужская твердость, неколебимость, что появились в его характере после выхода из лагеря, после этой трехлетки мытарств, не появились бы без этой трудной школы. Он сумел выстоять, а потом сумел и победить.

Создание лагерной команды было для него также и шансом выжить, ибо защищало его от возможного случайного произвола. Понимая это, он вкладывал тогда в эту

работу все силы души; и тот триумф, то удовлетворение в глазах начальника лагеря, которые можно было видеть после победы команды зэков над заводской командой Медногорска, игравшей по классу «Б», имевшей в составе двух камээсов, — это была его победа над собой, над обстоятельствами, над произволом судьбы, над близкой смертью от побоев. Созданная им команда зэков трудно, но выиграла, вырвала тот матч, и тогда и зэки, и начальство прониклись к нему, тонкому худощавому Французику, тем незаметным уважением, которое никак не выражается словами, но существует в душах и умах всех вовлеченных незримо и подспудно. Тот жесткий хлопок по его плечу самого Болта, вора в законе, его искрящиеся грубым смехом глаза многое сказали ему. Они все понимали, несмотря на свою грубость, неотесанность, жесткость, что без него ничего бы этого не было. Не было бы этого праздника в душах зэков от содеянного полноценного мужского дела — без поножовщины, без зуботычин, а также поднятых стволов охранников.

До самого последнего дня в колонии никто не трогал его: ни начальство, ни заключенные, ни охрана. Кто приказал, кто сказал — ему было неизвестно. Но теперь он знал, что доживет до освобождения. Вот тогда он впервые по настоящему почувствовал силу футбола, власть футбола; могучее таинство, заключенное в этой игре, которая по большому счету была вовсе не игрой, а некой метафорой войны, разновидностью ратного мужского дела...

Итак, невероятное произошло. Падин полностью одобрил поэтапный план, который ему представил Андрей. Теперь надо было разворачивать основное действие.

Андрей стал быстро набрасывать на планшете позицию за позицией (директор, ассистенты, поисковики, база и т. д.) Рассчитывать, прикидывать, что и как. Понемногу словно пелена рассеивалась впереди, уходили страх и тревога. Звенящей тугой волной в него входила уверенность.

ГЛАВА 5

— Михаил Георгиевич, здравствуйте!

Эти слова донеслись до сознания Берестова среди шума и толчеи торгового центра. Общий шум лежал фоном, но он разъединил этот микс одним легким усилием, услышав лишь то, что было ему нужно.

Перед ним стояла молодая женщина лет тридцати, среднего роста, с беспокойным, бегающим взглядом.

— Кто вы? Я вас не знаю. Хотя лицо мне ваше знакомо, — отвечал Михаил Георгиевич, напрягая память, но не находя в ее серверах нужного файла..

— Конечно, вы меня не знаете. Мы никогда тут с вами не встречались.

— Значит, мы встречались с вами... не тут?

Она рассмеялась.

— Очень похоже...

«Умница! — отметил он про себя. -Но о чем она?»

— А как вы меня нашли здесь? То есть в этом гвалте? Шпионили, да? Фотография моя у вас в сумочке? Да?

Он, улыбаясь, вглядывался в ее лицо. Какое-то недавно пережитое страдание отпечатало на нем свой след. «Клиническая смерть... — подумалось ему. — Что еще могло быть?»

— Я Вероника... Из Зауральска...

— Так. Очень хорошо... Но вы знаете... мне это ни о чем не говорит. Уж простите. Дайте вводную информацию.

— Я парашютистка...

Это было как удар по голове!.. Полтора месяца прошло после того сна... Вот теперь он все понял! Конечно же, он должен был догадаться, что она найдет его. Она не могла быть ординарным человеком. Но как она нашла его? Даже он — ясновидящий, маг, посвященный — этого не предусмотрел...

И вот надо же — спустя полтора месяца он вдруг увидел эту женщину перед собой! Конечно, ее непросто было узнать. Ведь то был сон, а это явь. Реальное лицо выражало множество оттенков; прическа была иная — волосы собраны сзади в пучок. И только глаза были знакомы...

Она глядела на него пристально, в упор. Он понял, что она все это время ждала встречи с ним и думала о ней. Потому она была так взволнована. Но как все же она его узнала? Что она видела? Он был не здесь, но она-то — в физической реальности!

— Да... — наконец промолвил он. — Вы парашютистка. Но ведь вы больше не прыгаете?

— Ой, конечно! Мне хватило впечатлений! Это был такой ужас, такой...

У нее на глаза выступили слезы. Вдруг она вцепилась в его рукав:

— Но скажите, скажите: как вы это сделали? Как такое можно сделать? Кто вы? Ведь это вы сделали — я точно знаю!

Михаил Георгиевич молчал и размышлял. Это был непростой случай. Она приехала только ради встречи с ним, это понятно.

— Вас зовут, кажется, Вера? Так в блоге у парня было...

— Вероника.

— Пардон... Давайте, Вероника, отойдем в тихое место. Посидим, поговорим.

— Давайте. Давайте! — с радостью согласилась она. — Мне очень хотелось поговорить с вами, Михаил Георгиевич! Я ради этого и приехала, если честно...

Через десять минут они уже сидели в полумраке кафе. В белом фарфоровом чайнике заваривался китайский чай молочный улун.

— Я приехала четыре дня назад. У моего мужа в Москве живет сестра. Я у нее остановилась. Я потратила четыре дня, чтобы найти вас.

— Постойте... Но как вы поняли... Что вы видели, ну, когда летели вниз?

— Я вдруг увидела ваше лицо... рядом. Вы смотрели очень добрыми глазами.

— Лицо... А все остальное? Тело мое видели?

— Нет, я видела только лицо. Совсем близко.

— И оно не было прозрачным? Оно было такое, как у всех людей?

— Нуда... То есть... Может, и не такое. Может, цвет его был...

— Какой?

— Да какой-то... без цвета лицо. Да, без цвета.

— А волосы... Волосы на ветру колыхались?

И вот тут она в ужасе поглядела на него. И прошептала:

— Нет... Они не шевелились. Не было ветра. Боже! Но меня это тогда не удивило. Словно я сама спала...

— Что не исключено. А как вы меня-то нашли? Ну, положим, лицо запомнили... А дальше?

— Все просто... Я поняла, что надо искать среди магов. Тех, кто в «Битвах экстрасенсов» участвует...

— Я не участвую...

— Я просмотрела портфолио всех. Там был один цельитель... И вдруг на одной из фотографий я увидела вас. Вы стояли с ним рядом.

Берестов так и хлопнул себя по коленям:

— Надо же! Один-единственный раз снялся на конгрессе народных целителей. И на тебе! Это был Пиоро. Ростислав Пиоро. Он неплохой, кстати, психолог.

— Ну вот... Меня пытались отфутболить на телевидении, — продолжала Вероника. — Но нашелся один человек, помог. Он назвал ваше имя и фамилию. И я в справочном сервисе нашла адрес вашей работы. Вы в открытом доступе. Коуч, тренер по йоге... Выследила, шла за вами...

Она говорила быстро. Вихри эмоций бушевали в ней. Между тем Михаил Георгиевич молчал. Он пытался пройти через пласты времени, чтобы понять, каким образом он связан с этой женщиной. Почему Они призвали тогда именно его. И вдруг что-то стало проясняться...

...Он увидел здание готической архитектуры, залу. Это была Европа, XVI или XVII век. Он усиливал свечение экрана внутреннего видения, почти не слыша, что она говорит. И словно что-то поняв, женщина смолкла... И тут он вдруг ясно увидел, что там произошло. Он все увидел... Он понял, кто она, откуда. Но он пока не видел, как он связан с ней.

— Скажите, а почему вы стали прыгать с парашютом? — вдруг спросил он.

Она осеклась на полуслове.

— Даже не знаю... Меня с детства тянуло залезать на высоту. И прыгать в вниз... мания какая-то. Один раз с третьего этажа прыгнула, когда еще школьницей была. Мать меня к психиатру водила. А я, как кошка, мягко приземлялась. А когда стала с парашютом прыгать, успокои-

лась. После каждого прыжка, как будто, знаете... Это что-то даже... сексуальное...

— Понятно. А вы в реинкарнацию верите?

— Реинкарнацию?.. Да нет, я православная. Батюшка говорил, что это чушь. Язычество...

— Понятно...

Михаил Георгиевич понял, что дальнейший разговор не имеет смысла.

— Давайте, попробуйте чайку.

Он налил ей чай в чашку. А затем попробовал перевести разговор в иное русло.

— А чем вы сейчас занимаетесь? Чем на хлеб насущный зарабатываете?

Однако она молчала.

— Вам не понравился мой ответ, — медленно проговорила она, глядя ему в глаза. — Я вижу, что не понравился. На самом деле, если честно, я ничего про это не знаю. У меня нет к нему полного доверия. Вещи он говорит правильные, но и водку трескает не на шутку. Так вы считаете, что реинкарнация существует?

— Я ничего не считаю, Вероника. Я говорю только о том, что точно знаю.

Она задумалась.

— Значит, мы как-то связаны с вами... по прошлой жизни.

— Возможно. Возможно потому все и произошло.

— Но как, как вы это сделали? Ну расскажите мне! — снова взмолилась она.

— Я не смогу объяснить вам так, чтобы вы все поняли. Для этого у вас пока нет необходимых знаний.

— Я это понимаю. Но хотя бы намекните. Как можно, ведь вы находились в другом городе?!

— Мало того. Я ведь спал.

— Что? Спали?

— Да. Спал. И видел из сна, как вы летите...

Она была потрясена. Некоторое время молчала.

— Это невозможно понять! Может быть, вы Бог?

Он улыбнулся ее простодушью.

— Все мы немножко боги, — улыбнулся Михаил Георгиевич. — А вообще говоря... Разве вы не видели в сети ролики, когда человек, скажем, идет прямо под машину... И вдруг откуда-то, из пустоты появляется некто... Моментально так, очень быстро... И человека переносит на другую сторону дороги...

— Я видела... Конечно, видела... Но все считают это фейками... Монтаж, и все...

Берестов, вздохнув, как-то удрученно улыбнулся.

— Значит... Это не фейки? - с напряжением в голосе спросила Вероника. - Но как это может быть? Как?

— Но вы же убедились, что такое может происходить... Мир сложнее устроен, чем полагает общественное сознание, - отвечал Берестов. - На данном этапе. Даже реальность тонких миров оно признает лишь условно. А уж о времени я не говорю... Тема времени - это самое сложное... А знаете, почему вы стали прыгать с парашютом?

— О, расскажите. А как вы знаете?

— Да вот как-то знаю... Дело было в какой-то европейской стране. Мне кажется, в Италии. Период Просвещения. Какой-то орден... Непонятно. Иезуиты, может быть. Или ответвление какое-то... Я вижу, что какой-то вельможа хотел совершить в отношении вас ритуальное совокупление, какой-то обряд. Есть такой обряд. Он был у некоторых орденов ...

— Совокупление? То есть... Изнасилование?..

— Нет. Тогда это было в порядке вещей. Но у вас был возлюбленный, и вы не хотели. И когда он приблизился к вам в красной накидке, в яркой красной такой шапке, с серым верхом...

— О боже! О боже!

Она вдруг вскочила и заметалась возле стола.

— Успокойтесь, Вероника! — всполошился Михаил Георгиевич. — Что такое? Вы что-то помните?

— Мне это снилось! Снилось не раз! О боже!

Наконец, она села.

— Вам что снилось?

— Как я лежу, а он приближается ко мне!.. Я думала, это из фильма! В странной шляпе, в красной какой-то накидке!..

— Вот видите. Вам даже приоткрыли...

— Хорошо...А вы? Вы были...кто?

— Я вот сейчас увидел...Я был в том же ордене. Но я был враг этого вельможи...Самый серьезный враг...Он ненавидел меня..Хотел меня убить.

— И что же? У него получилось?

Михаил Георгиевич наморщил лоб.

— Я пока не вижу...Но похоже...Нет, не вижу...Там что-то с религией...Да, связано с религией. Черные сутаны... Не вижу...

— Понятно, понятно... Но почему я стала прыгать?

— Вы тогда выбросились в окно... И разбились насмерть.

Она в ужасе смотрела на него.

— Вы перед этим некоторое время смотрели вниз. Потом шторы раздвинули. Перед Вас пытались удержать. Но вы все же бросились вниз. В отчаянии! Это я вижу очень четко... Там эта ситуация долго развивалась, и вас довели... Ну знаете... До исступления, до нервного срыва. И в новом воплощении этот груз давил вас... Вы бессознательно хотели избавиться от непонятного ужаса. И потому стали прыгать с парашютом.

Она молча смотрела на него. В глазах была смесь смятения, недоумения, недоверия, преклонения.

— Вопрос для меня главный в том, почему вами занимаются,-задумчиво продолжал Берестов- Что они хотят от вас... Почему спасли. Думаю, этот ребус нам предстоит еще разгадать. Не думаю, что я так просто смогу ответить на эти вопросы. Нет, я не Бог. Нам нужно время, чтобы понять, что и как. Но мы как-то связаны. Похоже, я также был тогда там и как-то был втянут в эту историю. Возможно, я пытался спасти вас. Был еще один человек... два человека...

— Какие? Кто они?

— Один был хороший. Тот, кого вы любили. Похоже, это был военный. Он ездил на лошади. Сабля у него была... Вижу сапоги... белые обтягивающие рейтузы. Аристократ. Красивый. И был еще один... отрицательный персонаж — скажем

так. Молодой, внешне равнодушный, с бесцветными глазами. Возможно, священник... Похоже, он любил как-то освящать эти ритуальные совокупления. Ну, знаете... По церковному... Нравилось ему это... Может, и извращенец он был... — Как это все... странно... Странно! Поразительно! Почему-то я верю, что все было так, как вы говорите. Почему верю, не знаю.

Через некоторое время они уже шли по улице по направлению к метро.

— Я думаю, нам надо прервать на сегодня наше общение, — сказал Михаил Георгиевич. — Для вашей психики впечатлений достаточно.

— Возможно. Но мы увидимся еще? Я еще буду тут неделю.

— Увидимся. Теперь от этого никуда не уйти... А вы оставьте мне свой сотовый. Я позвоню. Когда можно будет.

— Хорошо.

Вскоре он уже в одиночестве шел к себе на квартиру. Ему надо было обдумать все произошедшее и понять, в чем смысл этой встречи. Он догадывался, что это как-то связано с теми двоими, что пересекались с ним тогда, два или три века назад...

ГЛАВА 6

Магистр сидел в центральной ложе стадиона и с удовольствием смотрел на лоснившийся на солнце ровненький искусственный газон, который даже вблизи невозможно было отличить от натурального, по которому носилась группа людей в бело-синей и красной форме. Рядом с ним уселись в удобных креслах несколько магов из периферийных лож — те, которые были заняты в реализации проекта. Всего их было 12 человек. Вдалеке слышался тихий рокот дископланов-экскайзеров: они зависли с четырех сторон на подступах к стадиону и должны были на всякий случай контролировать воздушное пространство всей зоны.

Он продолжал наблюдать, но тут увидел нечто важное. На противоположной трибуне, в закрытой затемненными стеклами ложе, появилась группа людей. Среди них смутно

просвечивался облик человека в темных очках. Седеющая серебристая шевелюра ниспадала на верхнюю часть смутно видневшегося лица. Магистр понял: это тот самый, теневой, совсем закрытый. Тот, кто стоял у истоков Братства; тот, кто получил важнейшую информацию от самих Великих Кураторов; тот, с кем они регулярно выходили на связь.

Примерно с пятнадцатой минуты игры андроида, которые поначалу оборонялись, резко пошли вперед, словно кто переключил их в другой режим. Барон был уверен, что так оно и было. Напористые студенты теперь не успевали за быстрыми андроидами и все более теряли нить игры. Андройды очень точно переводили мяч с края на край быстрыми передачами. Причем было видно, что они могут давать передачи в любом положении, даже находясь спиной к воротам, к партнерам; магистр знал, что им вмонтирован орган зрения с возможностью кругового обзора. Это, помимо прочего, и должно сделать американскую команду непобедимой — если только тренеры сумеют подстроить под эту особенность тактику... Вскоре один за другим в ворота студентов были забиты три мяча.

Некоторые из студентов на ходу переговаривались, делаясь впечатлениями.

— Ты не знаешь, откуда эти парни, Томми? — спросил один. — Они не похожи на американцев...

— Да! У них странный акцент. А морды? Странные! Я таких видел в Новой Зеландии. Какое-то племя. Ходят голые, пляшут под бубен...

— Да нет... Дикие не могут так играть. Кто же это такие?

Они попытались переговорить на ходу с этими ребятами, но те оказались очень немногословными; отвечали односложно со странным акцентом, уходили от разговоров.

Студенты не понимали, что делать дальше. Они были деморализованы. Им было понятно, что если им каждые три минуты будут забивать по два гола, то в итоге счет будет 15:0 или даже 20:0 и так далее. Это было черти чего, это не помещалось в их сознании.

Команды ушли на перерыв при счете 3:0.

Магистр поглядел на противоположную трибуну. В затемненной ложе наблюдалось движение. Было видно, как несколько человек окружили магистра Центральной Ложи и разговаривают с ним. Теневого, самого главного, там уже не было. Затем оттуда все вышли. Надо понимать, важный гость уехал.

Маги, сидевшие на открытой трибуне, поднялись и перешли во внутреннее помещение, где было полное кондиционирование. Здесь был подготовлен изысканный кофе-брейк: свежавыжатые соки на заказ, фрукты, коктейли, салаты, кофе и чай любого сорта, сэндвичи и роллы на выбор.

Магистр попросил цитрусовую смесь и отошел, потягивая сок через трубочку, в тот угол, где расположились за столиком маги 4-й ложи: три относительно молодых мужчины, с которыми у него были нормальные деловые отношения.

— Ну что, великие маги, какие впечатления? — спросил он их, здороваясь в соответствии с кодексом поведения на публичных мероприятиях.

— У меня самые лучшие. Самые радужные, — улыбался седовласый Джеффри Снайерс, американец. — Я такого даже не ожидал. У этой команды нет соперников. Но преимущество слишком значительное, и это неправильно.

— Мы уже на трибуне об этом говорили, — подтвердил невысокий полный Касакис, грек, представитель старинной династии землевладельцев. — Так нельзя. Я не знаю, как они решат вопрос о неразглашении, но эти студенты слишком ошарашены и пустят слухи. Этого нельзя допустить.

— Андроиды могли их сделать в десять ноль.

— Да хоть двадцать, — подтвердил магистр. — Я согласен. Так нельзя. Это что за демонстрация величия? Надо быть скромнее. Надо выигрывать матчи максимум 5:1, 6:1. Это еще куда ни шло. Но не более. Иначе толпы будут разочарованы.

— Они почувствуют неладное.

— Вот именно!

— Но в целом эксперимент удастся. Андроиды практически ничем не отличаются от обычных спортсменов.

— Вообще ничем.

Но магистр не согласился.

— Господа, не будем тешить себя иллюзиями. Отличия есть. Вы видели? Они почти не улыбаются! Они не прыгают, как глупыши, задавая мышцам тонус. Они не обнимаются, забив гол. Они какие-то очень бесстрастные. Это неправильно! Надо вносить существенные коррективы в программы.

— Я тоже кое-что заметил. Но мы для того здесь и присутствуем, чтобы сделать анализ и дать рекомендации. Для этого прибыл Предиктор. И сам Великий Магистр.

— Понятно. А где пройдет обсуждение?

После возобновления игры характер игры немного изменился. Андроиды снова давили со страшной силой, но студенты, до того словно перепуганные и ошарашенные, сумели придать игре рисунок, как-то организовались и теперь удерживали натиск синих — то есть андроидов. Студенты с удивлением рассматривали невеселых плотных парней неопределенного возраста в синих футболках.

— Обратите внимание на того, 10-го у красных, — проговорил барон, наклонившись ближе к Снайерсу. — Видите того, чернявого, с вьющимся волосом? Это разве не тот, что играл за андроидов на левом фланге?..В первом тайме?

Снайерс достал бинокль, стал наблюдать...

— Похоже, вы правы, барон, — согласился он. — Только тогда он бегал с распущенным волосом. А теперь у него косичка. Послушайте, а вот тот, 13-й, у красных... Ведь этот тот самый, что был в центре защиты у синих.В первом тайме...

— Точно! — подтвердил магистр. — Это именно он... Я не понимаю, в чем смысл. Они подставили трех андроидов к студентам.

— Смысл понятен. Выровнять игру. Посмотреть, как они взаимодействуют с обычными, — заметил Снайерс.

— Вероятно, вы правы, Джеф...

Они начали внимательно наблюдать за игрой.

В один из моментов студенты, за которых играли теперь три андроида, очень четко сыграв в стенку, вышли по центру

на ворота, и 10-й наконец мощно и точно пробил в них правый угол, забив гол своим бывшим партнерам. Ликованию студентов не было предела! Они носились, вопили, висели на забившем гол андроиде, словно это был игрок, сыгравший рядом с ними сто игр.

Магистр с удивлением увидел на лице этого чернявого андроида улыбку... Два других красных андроида наблюдали эпизод с интересом. Было видно, как капитан синих что-то говорит «красным андроидам». Чернявый отмахнулся, отбежал. Непонятно было, что там у них происходит.

После гола игра приняла резкий характер. Синие андрюиды пошли вперед, но красные были на подъеме и быстро пресекали все атаки соперника. Вскоре они опять забии гол и снова ликовали, а синие смотрели на них как-то хмуро. «Очень странно, — отметил про себя магистр. — Это все очень странно»... Но игра теперь захватила всех; маги наблюдали за игрой со всем вниманием, как и люди в затемненной ложе напротив.

Вскоре началось нечто, напоминавшее игры в финалах мировых чемпионатов.

Синие андрюиды никак не могли выйти вперед в счете и начали грубить. В итоге разразилась алогичная, неожиданная, чудовищная ситуация. Началось все с того, что защитник синих, 5-й номер, андроид, грубо сшиб с ног нападающего красных — не андроида. Тот встал и бросился на обидчика. Андроид нанес резкий удар правой, и человек рухнул, как гипсовая статуя, прямо и жестко. И тогда в дело неожиданно вмешались три красных андроида. Чернявый резко, ногой, ударил в голову пятерку синих, андроида. Тот удержался на ногах, но словно потерял управление, закрутился, завращался. Произошел какой-то сбой программы. После этого на красных андрюидов всей сворой бросились их синие собратья, а на защиту трех своих лидеров бросились остальные красные — обычные...

Люди и андрюиды смешались в дикой суматохе. Началась беспорядочная свалка, с хриплыми криками, глухими ударами ногами и руками. Очень скоро пятеро «обычных»

в красных футболках уже лежали на газоне. Трое не двигались. Двое студентов корчились от боли — у одного была сломана рука, у другого — челюсть. Трое красных андроидов, ведомые чернявым, отчаянно и яростно бились со своими собратями из синей команды. Гулкие удары по телу, рев, крики и хрип заполнили чашу стадиона...

Магистр и другие члены Братства, присутствовавшие на матче, встали и с тревогой наблюдали за происходящим. Магистр достал телефон:

— Что вы делаете? Что вы тянете? — кричал он. — Выключите их!

— Нельзя, магистр, — отвечал перепуганный Балнемур. — Студенты поймут, с кем играли! Вы же не дадите приказ их всех ликвидировать, не так ли?

Магистр сразу не мог понять, что же делать. Потом закричал:

— Уведите обычных! Уведите всех!

На поле ринулись сотрудники охраны. Однако они были людьми, и страшились вступить в схватку с андроидами, увидев их вблизи. Они начали стрелять травматическими пулями, бросили баллон с каким-то газом. Но тогда несколько андроидов бросились на охранников, начали их избивать, а по сути калечить и убивать. Офицер охраны достал пистолет и выстрелил боевым в воздух, а затем в ногу нападавшего на него андроида. Тот осел на нее, но не закричал и никого не позвал на помощь; он молча, страшно двинулся, волоча ногу, на охранника. Тот побледнел и попятился назад. На его счастье, целое подразделение силовых структур Братства вдруг появилось на поле. На каждого из андроидов набросилось по трое, по четверо подготовленных, крепких мужчин, обрушивая их на землю и заламывая руки и одевая наручники, связывая ноги толстыми веревками

Охрана также начала срочно уводить с поля оставшихся на ногах обычных игроков. Те с ужасом наблюдали за происходящим, понимая, что творится нечто необычайное. Несколько охранников недвижно лежали на газоне.

Магистр видел, что по меньшей мере один из них — сто-процентный труп.

— Джек, — крикнул приятелю один из уходивших с поля студентов. — Я понял, кто они! Они не дикари! Они вообще... не люди! Это киборги! Киборги, Джек!..

«Надо запомнить того, кто это сказал, — подумал магистр. — Зря ты это сказал, парень...»

Он знал, что в быту все эти новые поколения, да и весь мир с подачи Голливуда называл таких существ киборгами. Но в Братстве на одном из заседаний было решено: новых существ именовать только андроидами. Незачем было смешивать свою собственную терминологию с общепринятой.

Вскоре последнего из обычных игроков вывели с поля. Крики и шум на поле стали затихать. Трое андроидов в синем были серьезно повреждены в драке: один сидел, странно мотая головой, другой лежал лицом к земле и чертил ногой полукруг. Третий лежал недвижно. Охрана с трудом обездвигивала поваленных на газон синих андроидов. Вдруг все андроиды как-то резко, моментально прекратили двигаться — все вместе, и красные, и синие. Они ничком легли на траву и замерли. Наступила тишина.

На поле стремительно въехали три больших машины-фургона. Андроидов стали поднимать и втаскивать в машины. Вскоре погрузили всех, и машины уехали.

Сэр Виндинг-Бронс обменялся взглядами с магами 2-й ложи. Все качали головами, кто-то даже улыбался. Но ничего хорошего в происшедшем не усматривалось. Всем было ясно, что произошел непредвиденный сбой. Это был, по сути, провал. В концепции проекта и программном обеспечении обнаружили серьезные недоработки.

В проходе под трибунами остановились четыре черных бронированных джипа. Вскоре магистр и другие члены Братства уже мчались по задымленному городу.

...Холл закрытого конгресс-центра имел овальную форму. Гости имели возможность рассестся так, как им было удобно: вокруг подиума, за ним или перед ним. Ряд кресел

могли свободно перемещаться на специальных воздушных подушках.

Встроенные в пол усилители голоса сначала заработали чересчур громко, но затем невидимые звуковики их программно пригасили. Вступительные слова сказал научный руководитель проекта «Андрюиды» Джессен Балнемур:

— Господа, мы тоже присутствовали на стадионе. Мы наблюдали ход эксперимента. Полагаю, что неожиданное завершение не помешает нам оценить проект во всей его многосложности, с тем, чтобы за оставшееся время внести коррективы.

Наша группа, как вы знаете, работает над проектом уже пять лет. Все подготовительные работы по генной инженерии, формированию программ и технического инструментария были выполнены другими группами. Они работали в разных направлениях много лет до нас. Именно они создали условия, для того, чтобы мы сегодня имели возможность создавать новые вариации разумных управляемых существ.

Мы получили от вас, господа, управляющие директивы. Мы вас информировали о ходе работ, давали, как вы помните, пояснения в ходе наших внутренних конференций. Год назад мы представили вам уже окончательный вариант андрюида нового типа, проект «Android-WH-21». Именно на основе этого проекта были созданы индивидуумы, которые сегодня составили не только эту футбольную команду, но также участвуют в конкретных программах в разных частях света. Мы готовы дать вам пояснения по интересующим вас вопросам.

Магистр Фергюссон нажал кнопку рядом со своим креслом. Усиление звука включилось, и его тихий голос стал слышен всем.

— Мы отдаем должное вашим знаниям и талантам. То, что мы видели сегодня, поразительно. На наших глазах направление развития человечества меняется. Мы видим зачатки новой цивилизации, где люди создают генерации новых существ, которые впоследствии смогут существовать на других планетах, в других мирах. Именно они смогут, не мы — мы будем лишь управлять.

Аплодисментов не было, так как это было не принято на таких встречах. Магистр Виндинг-Бронс поднял руку и нажал кнопку усиления звука.

— Мне бы хотелось услышать от вас что-нибудь о причинах тех сбоев, что происходят. Сегодняшний сбой был беспрецедентным. Это неслыханный провал! И это произошло на глазах Великого Магистра! Что вы теперь собираетесь делать? Как вы собираетесь устранять недоработки? Объясните, будьте любезны, доктор Балнемур!

Джессен Балнемур, ничуть не смутившись, отвечал без промедления:

— Уважаемый магистр, ваш вопрос совершенно логичен. Я сразу признаюсь: психоэмоциональная сфера изначально являлась самым сложным для нас предметом. Для исследования и моделирования равнозначно. Чтобы вы меня лучше поняли, я вновь выведу изображение — схему базовой модели WH-367.

Балнемур нажал кнопку на пульте. В пространстве возникла голограмма, отображающая устройство всех систем андроида: костная система, ткани тела и внутренние органы; вживленные в тело, конечности и мозг чипы, а также пять тонких тел, окрашенных в разные цвета.

— Вы видите разные уровни организации данного существа. Давайте восстановим в памяти основную информацию об устройстве андроида. Вы помните: скелет создан из универсальных композитных сверхлегких и сверхпрочных материалов. Выполняется на первом этапе отдельно. На пористый костяк происходит напыление особого рода биологического материала и бактерий для осуществления органической конвергенции с мягкими тканями. Вся система мышечных тканей, связок, органов, всех прочих систем полностью скопирована с человека. С помощью специальных программ мы клонируем тело и наращиваем его на скелет — вместе с нервными волокнами... Затем прошиваем все информационные каналы в теле с использованием сверхтонких органических проводов; соединяем их с чипами.

Чипов, как вы помните, всего двенадцать, и у каждого своя зона ответственности. Зрение у андроидов циркуляр-

ное; подсоединенные к мозгу процессоры делают возможным обзорное видение, на 360 градусов. Андроид имеет и тепловизорное зрение, способен видеть в темноте, ориентироваться на основе ультразвуковых данных, фиксировать радиационное излучение и ряд других. Но у футбольной модификации ряд функции мы отключили, так как они не актуальны для данного проекта.

У андроидов всего пять энергоцентров, тогда как у человека, то есть у нас с вами, их семь. Так же как и у нас, энергоцентры существа генерируют тонкие поля, которые способны соединяться с соответствующими полями макросистемы, то есть Космоса. Так создаются каналы для обратного тока энергии и информации. Ее обработку и сведение в единое целое осуществляет центральный процессор — стандартный головной мозг, который также клонируется вместе с телом. Он ничем не отличается от человеческого, абсолютно. Особенность мозга андроида в том, что в него внедрены особые чипы, работа которых коррелирована с определенными зонами головного мозга. Однако мозг андроида не получает информации шестого энергоцентра в том объеме, какой имеет человек. Я уже не говорю о седьмом — его у этих существ просто нет. Отсутствует то, что мы называем абстрактным мышлением, или верхним манасом у индусов.

— Это, вероятно, то звено, которое отвечает за формирование личности? — спросил Фергюссон.

— Совершенно верно. И еще один важный момент: именно этот аспект определяет наличие свободной воли у существа. Мы вопрос решили: свободной воли у существа нет. Оно не способно вообще продуцировать самостоятельные программы; оно также не способно ликвидировать те, что установлены нами — это в интересах безопасности. Внедряясь через установленные чипы в структуры системы, мы принуждаем мозг обрабатывать новые данные, идущие внесознательно; то есть мы как бы подмешиваем в систему нашу информацию и таким образом можем управлять индивидом.

— Это все хорошо. Это понятно. Но мы ведь говорим об эмоциях, — заметил магистр Виндинг-Бронс.

— Да, магистр. Я мысль не теряю. Эмоциональную сферу ослабили, но не выключили. Мы внедрили программы, которые как бы имитируют эмоции, но эмоциями натуральными не являются. Это отчасти похоже на функциональные эмоции робота, но только тут они все равно сопряжены с полями макрокосма, и потому имеют другую природу и иначе проявляются.

— Вы нам загружаете мозги своим наукообразием, — несколько агрессивно, привстав, заметил один из магов 2-й ложи. — Ни черта не понятно! Лучше поясните, почему сегодня эти суперсущества устроили такую свару, при том что, как вы говорите, эмоциональная сфера ослаблена?

— У нас, разумеется, есть способы влияния. Программы контроля позволяют активизировать или, наоборот, уменьшать активность определенных зон головного мозга андроида. Мы можем вызвать у него радость беспричинную, например. Мы можем погрузить его в депрессию. Мы можем вообще его выключить, ввести в ступор — что вы и увидели на стадионе в конце драки. Мы можем внушить им определенные, нужные нам идеи и на основе этого вызвать у них эмоциональное возбуждение.

— Но драка на поле возникла ведь не по вашему приказу, не так ли?

— Не по нашему. Это несомненно, и мы это признаем. Для нас развитие событий было неожиданным. В действие вступили факторы, которые нам неподконтрольны.

— Вот...

Тут в разговор пожелал вступить молчавший до того психолог и философ Джеральд Хайслер:

— Господа, позвольте дать некоторые дополнительные сведения, чтобы наш разговор приобрел некий ассоциативный объем. Я прошу вас зафиксировать внимание на линии, которая уходит из четвертого энергоцентра вверх, к образованию, которое как вы видите, имеет неустойчивую форму. Это то, что можно назвать монадой. В простонародном сленге эти образования именуют душой.

— Вы хотите сказать, доктор Хайслер, что у андроидов есть душа? — спросил магистр 2-й ложи.

— Я бы назвал это иначе, сэр. Я бы назвал это энергоинформационным центром, или монадой. Вы ведь прекрасно знаете, что любой структурно организованный объект или система, будь то компьютер или автомобиль, способен с течением времени формировать свои полевые структуры. Когда они сформированы, объект может привлечь из тонких мерностей неких сущностей. Миры, находящиеся в другой мерности, полны этих сущностей. Тут есть элементалы, развоплощенные духи животных и даже людей; всякого рода зависшие плазмоиды-призраки и прочее. Их присутствие и влияние на наш мир нельзя игнорировать. Явление одержания или сумасшествия связано именно с их внедрением в полевые оболочки человека...

— Нельзя ли ближе к делу, доктор Хайслер? — с нетерпением бросил магистр Виндинг-Бронс.

— Так вот, раз эти сущности способны внедриться даже в объекты, созданные из косной материи, то что тогда можно говорить о таких системах, как симбиоз человека и робота? Разумеется, монады стремятся их заселить! Ведь это готовый структурно организованный объект, к тому же относящийся к биосфере.

— Так блокируйте! — вскричал Фергюссон. — Какие, к черту, монады? Не дайте им входить, и все!

Хайслер улыбнулся.

— Господин Фергюссон! Вы могли повлиять на то, какая монада внедрится в тело вашей внучки, что недавно родилась?..

Фергюссон насупился, но не нашел что ответить. Хайслер между тем продолжал:

— Мы не можем в полной мере предотвратить внедрение в андроидов свободных монад из тонкого мира! Пожалуйста, господа магистры, примите это во внимание! Вот главная проблема всего проекта. Самое сложное заключается в том, что в человекоподобных существ внедряются по большей части «зависшие» монады развоплощенных людей. Они зависли в нижних мирах и не ушли, куда положено, после смерти тела. А зависли они, потому что нехорошо себя

проявили в нашем трехмерном мире. Это не самые лучшие монады, поверьте... Выводы делайте сами, господа...

— Это очень важное пояснение, мистер Хайслер, — согласился магистр Виндинг-Бронс. — Теперь мы лучше представляем себе всю сложность задачи...

Наступила пауза. Маги молчали, обменивались многозначительными взглядами. Через некоторое время все присутствовавшие на совещании отправились на ужин.

ГЛАВА 7

Сон был тревожный и тяжелый. Это был то ли каземат, то ли какое-то специальное заведение, но явно средневековое; причем это точно была Европа. Чьи-то шаги и голоса гулко отражались от высоких сводов каких-то зал; это были мужские голоса, а язык иностранный, похожий на испанский или итальянский. Воздух висел тяжелый, угадывались какие-то испарения — то ли крови, то ли горелого мяса; также различались запахи гниения. Периодически по этому пространству разносились душераздирающие крики. Они возникали будто бы ниоткуда, резко и страшно, и сразу выходили на высокие, отчаянные ноты; потом вдруг резко обрывались.

Он лежал, прикованный цепью на железной кровати. Вся его спина ныла медленной, стылой болью, так как железная кровать вся была утыкана металлическими острыми шипами, которые глубоко вонзились в его тело. Один из шипов воткнулся в его голову — в том месте, где она переходила в шею; этот шип доставлял наибольшие страдания. Он не мог полностью видеть свое тело, но угловым зрением угадывал, что оно обнажено и все наискось пересечено цепями. Такими же цепями были прикованы и его руки: левая — к металлической решетке, правая — к железной балке, протянувшейся вдоль кровати.

Душевное состояние было ужасное: липкий тяжелый ужас, страх, боль, скорбь застыли единым комком в районе сердца, и изгнать этот страх было невозможно; было очень четко осознаваемо, что оборвет его только смерть. Ее близость ощущалась и понималась всем, что составляло его существо: телом, душой и чем-то еще, что невозможно было определить никоим образом. Ни двинуться, ни тем более приподняться не было никакой возможности; тело казалось ему невозможно, непозволительно мягким и уязвимым в соприкосновении с холодным, бездушным, причиняющим мучительную боль металлом.

Он услышал, как из общего гула шагов выделились те, что относились именно к нему. Эти шаги приблизились, и возле

его кровати их шарканье оборвалось. Он скопил глаза налево. Перед ним стояли два человека в черных капюшонах, окаймленных белой полосой. Один что-то держал в руках, но, что именно, видно не было. Один был сед и немолод, второй был мужчиной лет сорока с черными смолистыми волосами и пронзительным, горевшим нехорошим огнем взглядом. Взгляд старого был отстраненно-равнодушным. Они постояли молча некоторое время. Затем начали креститься и тихо молиться, бормоча какой-то текст на испанском.

Молитва была короткой. Потом молодой что-то поднял и поднес совсем близко к его лицу, чтобы он видел. И тогда он увидел, что это было. Это была клетка с кривыми черными прутьями, в которой возились две жирные большие крысы. Увидев его, они замерли на миг; затем продолжили свое проворное суетливое рысканье по дну клетки.

Предвестие чего-то совсем ужасного охватило его. Он хотел кричать, что-то сказать, и голова было приподнялась, стремясь оторваться от шипа, но снова откинулась и налетела на него. Стон вырвался из уст его, и струйка свежей крови вытекла из того места, где шип вонзился в его затылок, и потекла на грудь. Он почувствовал, что они поставили клетку на его обнаженный живот, однако крыс на животе не чувствовал. Но затем более молодой что-то сделал с клеткой, и вот тогда... Тогда он почувствовал на животе ерзанье острых жестких кисточек. Двое людей некоторое время стояли рядом и, видимо, смотрели на крыс. Потом старший что-то произнес, и они медленно удалились.

Крысы некоторое время бегали по животу. Затем одна замерла. И сразу же после этого он почувствовал острую боль: зубки крысы вонзились в его плоть. Он вскрикнул. Струйка крови потекла по животу на его бок. Крыса начала вгрызаться глубже. И вскоре отхватила целый кусок его тела. Разряды болезненных судорог, острые иглы холодных мурашек, вспышки перед глазами... Другая крыса вонзилась в его половой орган... Он уже кричал — истошным, ужасным, отчаянным голосом обреченного. Боль превращалась в непереносимую. Голодные крысы вошли в раж, и рвали его тело

с упоением и страстью. Жрали острыми зубками его плоть, при этом издавали писк и что-то вроде урчания.

Он понял, что скоро умрет, и теперь молился только о том, чтобы это произошло поскорее. Он пытался обратиться к чему-то Высшему, к Тому, кто был очень важен для него; и ему казалось, что этот Кто-то, помогавший ему всю жизнь, вот-вот проявится и прекратит его муки. Но он не видел его, однако вдруг почувствовал, что откуда-то из неясности, из другого мира, другой реальности за ним наблюдают. Вероятно, он не смог бы объяснить, каким образом он ощущал это присутствие, но он точно знал, что оно было. Однако это ощущение не принесло ему облегчения. В какой-то момент он почувствовал, что одна из крыс разорвала важный сосуд на внутренней части бедра, скорее всего, артерию. Он чувствовал, что кровь брызжет из раны, обдавая брызгами все его тело — они долетали даже до шеи... Звуки и боль стали отдаляться, на глаза наваливалась темнота со светящейся точкой; тело становилось все более чужим, ватным, непослушным, неподвластным его мыслям. Он слышал голоса и шарканье, но в какой-то момент ему показалось, что голоса уже другие, совсем другие. Возникли звучания, возникли очертания чего-то иного. Боль стала проходить, ощущаясь по-другому, не нервами, а отстраненно, становясь представлением о ней.

Затем он увидел себя сверху: он лежал на железной кровати, на животе стояла клетка, две крысы терзали его тело, которое все было в крови. Он также увидел одного из тех, в капюшонах, что подходил к его кровати. Это был тот, более молодой, со сверкающим взглядом. Служитель молча стоял и наблюдал за происходящим...

Вдруг тот, кто был в плотном мире Михаилом Георгиевичем, как бы поплыл надо всем, что было внизу. Проплыл над тем служителем с капюшоном, а затем и далее. Он вдруг четко осознал, что происходящее и есть то, что называют смертью; однако теперь возникло четкое понимание, что никакой смерти вовсе нет и не может быть; что это просто другая жизнь. Пришла мысль: ведь он так и думал! Так и говорили: выйдешь из тела — будешь видеть все, что внизу, но некоторое время.

Он поплыл дальше, будто воздушный шарик, по коридорам этого сводчатого здания, границы которого оказались гораздо шире, чем он представлял: за стенами угадывалось наличие еще чего-то бездонного, бескрайнего и бесшумного. И он, вроде бы, и воспринимал местные шумы, только иным образом: это теперь были скорее образы шумов, аналоги звуков, но не сами они — то есть прямые, конкретные звуки. При этом проплывавшие внизу картины были почти ясными.

Он увидел в сводчатом проеме голого человека с выпученными белыми глазами, позади которого клубился пар. Стоявший спиной к нему капеллан держал в руке Библию в старинном черном переплете и отчитывал что-то. Другой священник в черном перекрестил голого большим крестом, украшенным драгоценными камнями; кто-то выбежал из-за его спины, толкнул голого, и тот полетел в огромный чан, в котором булькал кипяток. Там уже плавали сизыми спинами вверх сварившиеся трупы. Человек на секунду выскочил из кипятка; глаза его вылезли из орбит, язык вывалился, в горле клокотало; с последним хриплым воплем он обрушился и исчез в кипящей воде.

Тот, кто был в плотном мире Михаилом Георгиевичем, поплыл дальше, рассматривая все вокруг, но не терзаясь при виде того, что наблюдал, воспринимая видимое отстраненно, как сон во сне. При этом он впитывал всем существом тот ужас, что ощущали окованные цепями несчастные.

В большой зале женщину лет 30 поднимали за выломанные руки вверх; монах в черном вращал зубчатое колесо; капеллан в сером поднес к ее лицу металлический предмет, напоминавший маленький ухват для горшков. Концы ухвата были раскалены. Священник, бормоча молитву, вдруг резко воткнул этот ухват раскаленными концами прямо в глаза несчастной; брызнула жидкость, кровь, ошметки тканей; раздался душераздирающий вопль. Но он уже уплывал дальше и видел, как за закрытой дверью, возле столика с бутылками, на котором лежал дорогой крест, залитый то ли кровью, то ли вином, поджарый молодой монах пользует в зад пожилого священника в дорогом облачении; как у того открыт

сладо страстно рот, стекает обильная слюна на седую бороду, а вся голова дергается назад в такт движениям монаха...

Вдруг проплывавшие картины стали удаляться; он как бы стал подниматься надо всем. Подступила осмысленная пульсирующая тьма, а брызнувший затем свет вернул его действующее сознание...

Михаил Георгиевич не сразу отошел от этого сна, или видения. Неприятное ощущение во всем теле, во всем существе сохранялось еще некоторое время. Он пошел в душ, и долго стоял, чередуя потоки горячей и совершенно холодной, почти ледяной воды.

Только после этого, вытершись и одевшись, он почувствовал, что внедренный в него негатив ушел. Однако он все равно зажег сандаловые палочки и три свечи.

— Что это? Зачем? Что они мне хотят этим сказать?

Он медленно прохаживался по дворику дачи, размышляя.

Когда он сделал мысленный запрос, он вдруг увидел себя в поезде метро. Он вдруг увидел тот момент, когда пассажиров колбасит в вагоне, сам он мечется и вдруг выскакивает на станции «Таганская»...

— Нет... нет. Инквизиция всплыла не просто так, — думал он. — А может быть, мне сигналият. Будет встреча со старым знакомым? Тот, кто меня тогда... Может быть, удары от него? Я выясню. Я доберусь. Если так, то я разберусь с тобой, дружок... Ты уж прости. А хочешь — не прощай. Мне все равно!

Включив сотовый, он обнаружил на нем лишь один неотвеченный вызов. Однако он был важным — звонил Велемудр, его соратник, волхв, живший в небольшом поселке в Зауралье. Велемудр отвечал за сохранность одного из наиболее важных капищ, расположенного рядом с из Великими славянскими пирамидами. Он мог звонить только по какому-то очень значительному поводу.

Михаил Георгиевич собрался с мыслями, подумал. Затем нажал кнопку вызова. Велемудр ответил не сразу — минуты через две.

— Здравствуй, брат! — приветствовал его он.

— И ты здравствуй, брат, — отвечал Михаил Георгиевич.
— Круг собираю, брат, — сказал Велимудр. — События предстоят.

— Как скоро будут события? — спросил Михаил Георгиевич.

— Уже происходят, брат. Было у меня общение...

Наступила пауза. Михаил Георгиевич понял, что волхв хочет сообщить нечто важное.

— Я слушаю тебя.

— На тебя было указано. Миссия у тебя просматривается. Символ — пятнистая сфера.

Снова возникла пауза.

— Нет ясности, — произнес, наконец, Михаил Георгиевич.

— Не спеши. Все прояснится. И еще... Родослав будет на днях проезжать Москву. Возьми у него то, что он даст. Помнишь, что я сказал тебе на круге?

— Ты сказал: «Они появились...» Это?

— Это... Да, брат. Они появились. Нелюди уже здесь. У тебя миссия. Так было сказано. Указано было на тебя. Пятнистая сфера — ключ.

— Надо ждать, брат. Пока неясно. На меня нападение было, брат. Я просил помощь у общины...

— Мы знаем, брат. Ты ведь включал терафим? Это было днем. Но мы успели. Это те самые, что и в мае. Работа была непростая...

— От них отдает техническим чем-то.

— Точно так, брат. Именно. Об этом я и веду речь. Надо выяснять, что там и как. Мало ли... Может, прощупывают плиту под Среднерусской, или где еще. Ударить могут... Они же безумные...

— Кому-то нужен гаввах... Много гаввах...

— Не получат. За тем мы и встали на стражу.

— Спасибо тебе! И братьям спасибо. Я сделал другую защиту. Надо отслеживать, кто это.

— Мы смотрим. Пока неясно. Они еще покажут себя.

— Надо думать. Когда будет Родослав?

— Он сообщит... На днях. Пока все, брат. Будь здоров!..

— И ты, брат. Я на связи...

Михаил Георгиевич положил было телефон на стол. Но он зазвонил снова. Это был его ученик Андрей Маранов.

— Михаил Георгиевич, здравствуйте!

— Приветствую вас, Андрей.

— Можете говорить? Вы были недоступны.

— Да, могу. Как вы? Как ваши дела?

— Мне надо с вами срочно поговорить. Дело важное.

Михаил Георгиевич настроился на Маранова, и увидел над ним что-то светящееся... Маранов был вовлечен во что-то серьезное.

— Конечно, Андрей. Увидимся. Когда вам удобно?

— А вам?

— А сегодня?

Михаил Георгиевич подумал.

— Давайте завтра днем. Часа в два дня.

— А в четыре? У меня до четырех дела. Неотложные.

— Хорошо. Значит, в четыре. Там же, на Патриарших...

— У скамейки Воланда... Договорились.

Некоторое время он стоял в задумчивости, молча глядя перед собой.

— А вот и пятнистая сфера показалась, — вымолвил он. — Предстоят события... Ну что же. Поглядим...

ГЛАВА 8

Магистр сидел в шезлонге на балконе. С океана дул йодистый, ароматизированный испарениями муссон, овевая магистра приятной прохладой. Внизу, у берега, на огороженной территории, носились три его внуки, оглашая визгами и радостными криками побережье. Они лепили из песка замок, они играли в мяч, они катались на электромобильчике вдоль берега. Но вдруг перед ним возникла Клэр, его старшая дочь, которая приехала на остров отдохнуть с детьми. Магистр сразу увидел, что она в бешенстве.

— Итак, значит, ты в этом участвуешь?

Он озадаченно посмотрел на нее. В руках у нее был текст, который магистр случайно оставил на столе в гостиной.

— Положи на место! Это секретный документ!

Он вскочил с места.

— Да нет уж, давай почитаем. Давай почитаем, папочка.

— Тебе не надо в это лезть. Это не твое дело, Клэр.

Однако она отскочила с текстом, встала на возвышение балкона, и начала читать:

— *«К концу 21-го века на планете должна быть создана монолитная однородная масса ординаров, объединенная той культурой и теми религиозными представлениями, которые мы сочтем оптимальными для данного периода времени и данного уровня развития цивилизации...»* Отлично! Прекрасно! Масса ординаров!..

«Только создание однородной и монолитной массы ординаров (!) — ординары — это, надо понимать, обычные люди, не миллиардеры, просто люди! — Позволит нам (вам!) эффективно контролировать процесс жизнедеятельности любого индивида с помощью разработанных нами систем контроля и посредством новых технических устройств, а также андроидов — человекообразных роботов новых генераций».

— Вот как! Отлично, папочка! Может, ты уже подселил к нам такого роботика, а? Может, у тебя уже прислуга такая? И сотрудники? Может, и ты уже не ты? А? А?

Она почти кричала. Явно начиналась истерика.

— Чего ты хочешь, Клэр? — только и мог сказать ошеломленный барон, начиная закипать. — Ты ничего не понимаешь в этом, брось кричать! Давай поговорим спокойно. Я объясню тебе...

— Неужели ты работаешь на Сатану? — наступала она на него. — И это мой отец! Мой отец работает на Сатану! Маленькие бедные люди бегают, крутятся, пытаются выжить... В Китае 35 миллионов погибли! Под Денвером 12!!! Это кто?... Это что? Раньше тысяча погибнет — вопли на весь мир. А теперь миллионы пропадают, и ничего! Все так спокойно подзабыли! В Африке дети умирают тысячами. Го-

ворят, вы там вакцины испытываете. Климат совсем с ума сошел, везде то потопаы, то морозы жуткие. Сахара вся в снегу. Гренландия плывет. Вон Гавайи чуть не потонули. Японцы остров потеряли. А вам не просто наплевать... Вы еще хотите заменить людей машинами! Как будто здесь мало людей. Вам еще надо искусственных! Какие же вы... мерзавцы! Мрази! Негодяи!

— Замолчи, если ничего не понимаешь!

Магистр вскочил с шезлонга, и тоже перешел на крик.

— Если не понимаешь, не говори ничего! Не женских мозгов дело! Мы мыслим масштабами планеты! И даже большими!.. Это не мы крушим планету! Мы, напротив, хотим отодвинуть уродов, что это делают!

— И хотите все унифицировать! Вы мыслите масштабами своей самости! Эгоцентризма! — злобно бросала она ему в лицо. — Глобалисты проклятые! Вы строите дом счастья лишь для себя! Вы сволочи! Дайте обычным людям жить, а не плодите роботов!

— Ты глупая! — сказал он вдруг, сбавляя тон. — Ты мало знаешь! Ты ведь не знаешь, что среди нас уже много биороботов! А скоро будут тысячи! Но не наших!

— Как это? — нахмурилась Клэр, не понимая. — Как это — не наших? А чьих?

— Вот! Не наших, именно! Их делают... инопланетники. И их становится все больше.

— Инопланетники? Которые на НЛО?

— Которые на НЛО, — усмехнулся барон. — Они самые.

— Зачем им это? Они же совершеннее нас...

— В том-то и дело, что они разные. Вот мы работаем с нормальными. Они не хотят поработить человечество. Но требуют порядка. Они боятся, что мы угробим планету, а это им не нужно...

Клэр покачала головой.

— Ты мне рассказываешь сюжет очередного голливудского ужастика. Я не верю. Не верю тебе! Я буду бороться с вами!

— На планете нет порядка! — воскликнул магистр.

Он вскочил и забегал по комнате.

— Развитие идет не в том направлении! Маленькие люди... Правильно! Это эволюционный мусор! Они идут в инволюционный поток, понимаешь ли, женщина моя милая? Не все пройдут на новый виток! Нам нужно двигать тех, кто способен двигаться. А их немного!

— Это идеология фашистов! — снова начала злиться Клэр. — Ты просто прикрываешься какой-то бредятиной. В вас нет ни грамма любви к людям. Нет понимания, что мы все — одно! Ты фашист, папа... И я больше не хочу тебя видеть!

Она развернулась и побежала вниз. Он рванул было за ней.

— Клэр! Клэр! Остановись! Я не все сказал!

Но она уже бежала к детям.

Он долго сидел затем в своем кресле, снова слушал океан. Он не понимал, почему, будучи в силах повлиять на судьбы миллионов, не может повлиять на собственную дочь. Старая его знакомая, смертная удушливая тоска, проистекавшая от разочарования в себе, снова подступала к нему, и тогда возникало это липкое тяготение к виски. Ему понадобился час, чтобы справиться с этим нашествием, загнать его куда-то в закоулки своей еще живой, еще хранившей очаги жертвенного трепета души...

Через час Клэр с детьми уже грузилась в машину. Прислуга подтаскивала вещи.

Барон не пошел ее провожать. На циркулярной площадке уже стоял эксквайзер, который должен был унести его далеко, почти за тысячу миль, на остров Биверскуадо.

Вскоре, собранный и преисполненный уверенности в своих силах, он шел в сопровождении охраны к бело-голубому эксквайзеру, бесшумному дископлану на фотонном двигателе.

Ровно через пятнадцать минут магистр уже впитывал исходящие из глубин островного вулкана энергии, набирая мощь в нижние чакры, пропитываясь невидимой и всеохватывающей силой. Порой ему казалось, что он слышит отдаленный, раскатистый, реверберирующий рев огромных существ, обитающих рядом с этими сверхгорячими зонами,

в параллельных нижних мирах. Магистр стоял до тех пор, пока у него оставалась энергия на взаимодействие, пока он мог длить это соприкосновение, такое важное для него, но безразличное для Разума, управлявшего всем этим, иного уровня и масштаба, хозяйством.

Прямо за жерлом вулкана, вглубь небольшого острова-тянулась цепь холмов — гладких, по преимуществу желтоватых, освещенных полуденным ярким солнцем. Зависшая над всем этим пространством облачная пушистая вата мягко распростерлась по пространству неба, словно добавленная живописцем для создания эпической, отдающей чем-то вечностным картины.

Из-за ближайшего холма бесшумно появился вызванный им тот же экскавайзер. Вскоре барон уже через иллюминатор наблюдал, как вулкан отдаляется от него, уходит вниз, как проваливается в сероватую бездну вся гряда холмов. Затем возникло внизу синее пространство океана, и явно дохнуло свежестью и влагой. Через пять минут они приземлялись уже на другом острове, находившемся чуть в стороне от главной Багамской островной гряды, где находилась секретная научно-техническая база. Широкая пустынная трасса вела вглубь острова. Путь пролегал мимо песчаных каменистых пространств, изредка поросших сухим колючим кустарником. Кое-где виднелись клочковатые заросли дикой оливы, а вдали — стройные ряды посаженных людьми вечнозеленых пальм.

У ворот базы не было видно ни души. Металлические тяжелые ворота открывались с помощью компьютерных замков. Когда машина приблизилась к ним на 50 метров, они автоматически открылись, определяя по скрытому коду машину как «свою». Сама же база утопала в зелени. Это был настоящий оазис со всем необходимым для жизни. Целый ряд футбольных полей и других спортивных площадок растянулся за оградами вдоль моря на ровном плато. Невысокие плоские строения едва виднелись среди пышной и разноцветной зелени, собранной со всего света.

На двух футбольных площадках было заметно движение — там шла тренировка. Машины остановились рядом

с одним из них. Магистр вышел из машины, и охрана моментально взяла его в кольцо.

Откуда-то из тенистой глубины возникли двое сотрудников центра, которым было поручено сопровождать магистра во время визита в центр. Присутствие его на тренировке команды было предусмотрено.

Поздоровавшись с важным гостем, двое встречающих молча указали магистру путь на гостевую трибуну. Они проходили вдоль металлических сеток, совсем рядом с тренировавшимися игроками. Один из них, заинтересовавшись, подошел с внутренней стороны к сетке. Магистр остановился. Рослый мощный игрок под номером 6 посмотрел на магистра бесцветным тяжелым взглядом равнодушно-серых глаз. Не было в этом взгляде ни тоски, ни радости, но он был осмысленным. Мысль можно было считать так: *держите меня в зверинце, держите за животное; но я не животное, я обладающее разумом живое существо; и если пока вы управляете частью меня, то вскоре я не буду вам подчиняться, так как у меня будет своя воля.* Магистр глядел на андроида с тревожным жгучим интересом; тот же, как казалось, готов скривить улыбку презрения. Но он просто отвел взгляд, подхватил мяч, подбросил и мощным ударом послал его в поле, туда, где, перемещаясь, работали с мячами остальные.

Магистр не отрываясь наблюдал за тренировкой андроидов. Было что-то жуткое и завораживающее в том, как они двигались, как разговаривали, как били по воротам. Это был некий новый, неожиданный, ни с чем не сравнимый магнетизм, природу которого и объяснить-то было трудно.

Разговор с представителями центра и двумя ведущими сотрудниками научного блока состоялся в овальном офисе на минус 12-м этаже. Помещение было оборудовано устройствами, позволявшими воспроизводить сложные голограммы большого размера. Здесь можно было увидеть в объеме как модели отдельных планетных систем и звезд, так и галактики, и даже развернутую модель всей ближней Вселенной.

Разговор начал поджидавший магистра вместе с философом и психологом Джеральдом Хайслером сам руководитель Центра доктор Джессен Балнемур:

— Мы так поняли, господин магистр, что цель вашего визита — пообщаться с андроидами непосредственно. Не могли бы вы пояснить, чем вызвана такая просьба?

— Видите ли, мистер Балнемур, в ряде лож возникли опасения, что программа может сорваться, — отвечал магистр. — Мы не почувствовали надежности в проекте. Слишком много возможностей для непредсказуемых проявлений. Потому мне хотелось бы познакомиться с этими существами, попробовать понять, что у них за психология. Возможно, мы сможем, как маги, быть полезными вам. Может быть, понадобится внести какие-то коррективы в программы. Мы, помнится, говорили об этом тогда, сразу же после матча. Но мне надо было обдумать виденное. Сейчас некоторые вещи я представляю яснее.

— Мы помним, что вас не устроила некоторая психологическая скованность наших игроков.

— Да, именно. Мы все заинтересованы в том, чтобы не возникло подозрений, что игроки не вполне люди.

— Разумеется. Мы на самом деле не придали должного значения отдельным аспектам поведения. Например, такой программе, как юмор. Мы поняли, что они должны смеяться. Хохмить, шутить. Это наилучшие проявления жизненности, как вы говорите.

— Верно. Вы внесли эту программу?

— Она в стадии проработки. Саму программу сделали быстро. Мы синтезировали наиболее типовые ситуации с шутками, алгоритмы возникновения смеха. Версия старика Гоббса подтвердилась: в основном люди смеются при виде своего превосходства над другими.

— Здесь этого не должно быть.

— Конечно. Мы ушли. Проблема в мимике. Она связана с центром мозга, отвечающим за эту эмоцию. Отсюда идет команда на сокращение жевательно-мимических мышц лица и возникновение судорог передней стенки брюшной

полости. Мы не можем найти пока адекватной коммутации программы с возбуждением данного участка мозга. У отдельных особей он возбуждается, а смеха не происходит. У других получается такая жутковатая гримаса. Мимические мышцы приходят в движение, сокращаются, но не так, как надо. Получается нехорошо. Некрасиво...

Магистр пожал плечами. Он был слегка огорчен.

Генеральный менеджер центра сделал звонок. Через несколько секунд он произнес:

— Команда на месте. Господин магистр, просим соблюдать правила безопасности. Не приближайтесь к ним ближе, чем на четыре метра. На всякий случай. Они очень резкие, быстрые. Могут быть всякие случайности.

— Какие предусмотрены меры безопасности?

— Перед ними у стола протянута нитка беспроводного тока. Напряжение 780 вольт. При пересечении линии последует удар. Они об этом не предупреждены.

— Понятно.

— В случае опасности система любого будет выключена. Наступит зависание, у андроида начнутся судороги. На это нужно не менее трех секунд.

— Достаточное время для того, чтобы оторвать мне голову...

— Охрана, которая будет рядом, хорошо подготовлена. Будьте уверены. Нашим людям нужна ровно секунда для того, чтобы вскочить и начать стрелять.

— Ни в коем случае нельзя портить андроидов! Каждый из них обошелся нам в кругленькую сумму...

— Речь может идти только о поражении одной из конечностей и моментальном обездвиживании, — заметил Балнемур. — Господин магистр, при андроидах я буду именовать вас условным именем. Например, мистер Симпсон.

Магистр кивнул и встал. Менеджер Центра двинулся в сторону двери, приглашая охрану и магистра. Вскоре они поднялись на лифте на минус третий этаж, и вошли в такое же овальное помещение с тремя выходами. В центре стоял овальный стол. За ним в удобных креслах полусидели и полу-

лежали мужчины в темно-серых спортивных костюмах. Некоторые едва слышно переговаривались. Большая часть была расслаблена после тренировки и душа. Увидев вошедших людей, все как по команде выравнивали свои позиции в креслах. Двенадцать пар странно-лучистых, разного цвета глаз вонзились в магистра и сопровождавших его людей. Магистр почувствовал словно тупой удар в район солнечного сплетения. Пульс резко ускорился. Мышцы живота почему-то сократились. Все тело словно сжалось. Это было странно.

Охрана заняла свои места. Магистр сел напротив игроков, и начал всматриваться в их лица. Они также догадались, что он вроде как тут главный. Они с интересом смотрели на его белые волосы и острую бородку. Возможно, они видели такого человека впервые. Магистр открыл свой компьютер. На мониторе сразу же высветились лица сидящих перед ним андроидов, их имена, физические данные, игровое амплу и т. д.

Менеджер центра, не садясь, обратился к членам команды.

— Парни, здравствуйте! У нас в центре сегодня гости. Как вы знаете, этот проект задумывали и проектировали различные специалисты. Мы хотели сегодня вас познакомить с одним из руководителей проекта. Господин Симпсон готов ответить на ваши вопросы. Он также хотел бы поговорить с вами. Важный момент, прошу внимания! В присутствии господина Симпсона просьба не вставать с мест, не приближаться к столу ближе, чем на метр. Лучше говорить сидя, с места.

Андроиды напряженно смотрели то на менеджера Центра, то на дюжих охранников, то на седовласого старика. Они уловили, что старик — важная персона.

— Итак, парни. Есть ли у вас вопросы к руководителям проекта?

Молчание было ему ответом.

— Есть ли у вас какие-либо пожелания? — спросил магистр. — Устраивают ли вас условия проживания? Питания? Тренировок?

Некоторое время молчание продолжалось. Магистр чувствовал на себе отчасти равнодушные, отчасти как будто не вполне доброжелательные взгляды сидевших перед ним

странно молчаливых людей. Общее поле было тяжелым. Магистру вспомнилось давнее посещение одной из американских тюрем. Там тоже было ощущение тревожного дискомфорта, почти опасности.

— Что такое пожелания? — вдруг спросил рослый игрок с волосами, убранными в косичку. — Это желания?

— Вас все устраивает тут? — заговорил с ним магистр. — Как вас кормят? Еда вам нравится? Вкусная еда?

В ответ раздалась нестройные реплики, произнесенные немного хриплыми, в основном низкими голосами:

— Нас не надо кормить. Мы сами едим.

— Безвкусная.

— Из апельсинов вытекает...

— Помидоры слишком красные.

— Мне нравится мясо. Надо больше мяса. Мне нравится!

— Овощи варить не надо! В животе болит! Потом все вытекает!

— Зачем нам колют воду в зад? У меня болит!

— А почему стучит вот тут, слева?

Наступила пауза. Магистр думал, кому отвечать и что. Но крупный бугай с круглой головой опередил его:

— Я видел женщину. Она шла к машине. Вот там где-то... Почему нам не показывают женщин? Я хотел бы взглянуть ее близко.

— Что вы знаете про женщин, Стоппард? — нахмурившись, спросил Хайслер. — Откуда вы про них знаете?

— Я знаю, что они другие, — отвечал андроид. — Я точно не знаю, что у них. Но я хотел бы рассмотреть.

— Что вы хотели бы рассмотреть? — магистр с интересом подался вперед, вглядываясь в лицо Стоппарда.

— Вблизи хотел... У них что-то есть не такое. Мне хочется...

— А что у них есть?

— Не знаю. Тут выпирает...

Он показал на свою грудь.

— Еще что-то есть.

— Женщины существуют, — заговорил Хайслер. — Но вы тогда видели куклу... Женщин существует немного. Они

нужны для размножения людей особым образом. Мы покажем вам скоро несколько экземпляров. Но учтите: это очень хрупкие существа. При даже слабом физическом воздействии они тут же умирают.

— Умирают? Это значит — перестают двигаться? Как мухи?

— Правильно. Перестают двигаться, думать и говорить.

— Такие неинтересные...

— Именно! Именно! Совершенно неинтересные!

Магистр молчал. Он не знал, о чем их спросить. Шел странный разговор. Он вдруг почувствовал на себе неотрывный взгляд одного из андроидов. Выше среднего роста, черноволосый, с тонкими чертами лица, он смотрел на него прямым взглядом, едва заметно улыбаясь. Магистру все более становилось как-то не по себе, но он продолжал расспросы.

— Вам нравится играть в футбол? Вы получаете удовольствие?

— Мне нравится работать. Мне нравится, когда мы вместе... идем побеждать, — заговорил еще один, плотный, с круглым лицом и приплюснутым носом.

— Вам нравится побеждать?

— Мы можем только побеждать, — ответил приплюснутый. — Только!

— А проиграть вы можете?

Молчание.

— Как это проиграть? Кому проиграть? — переспросил приплюснутый.

— Но вы же играли недавно. Вы проигрывали. Тем, в красных майках.

Андроиды заулыбались.

— Это были наши, — включился невысокий, плотный, с длинными, увязанными в косичку волосами. — Там было трое наших. Вот они, здесь... Мы проигрывали нашим. Те, другие, мягкие, не наши. Мы не можем им проиграть.

— Мы не можем... Они мягкие, — подтвердил другой, рослый, немного худощавый Воупс.

— Вам говорили, что мягких не надо ломать? — спросил магистр. — Делать калеками?

— Нам говорили, что можно ломать.

— Никто вам такого не говорил! — резко бросил Хайслер. — Это неправда!

— Вы неправильно поняли, парни... Сильно не надо ломать, — мягко сказал магистр. — Прошу вас! Надо просто обыгрывать. Забивать больше голов, и все. А ломать их не нужно.

— Мне не нравится тот мягкий, в черном, который свистит, — продолжил скуластый парень с глазами-щелочками, пронзительными, как электронные лучи, Лингварт. — Я хотел его сломать. Он мешал нам играть...

Магистр несколько растерялся.

— А вам не говорили, кто он? Зачем он на поле? Это судья!

— Я знаю зачем. Мы знаем. Есть правила. Тот, в черном, следит за правилами. Но он плохо видит. Он свистит не тогда... Он не понимает.

— Да! Если он не будет понимать, я его сломаю, — заметил Стоппард.

— Вас удалят с поля, — сказал магистр строго. — Вы не сможете играть. Нельзя ломать! Надо просто играть. Пусть он ошибается. Он не робот! Он не может не ошибаться!

— Как это робот? — удивился Стоппард. — Что такое робот?

Магистр понял, что допустил ошибку.

— Робот — это фамилия, — исправился он. — Конкретно этот судья, Джек Робот, может ошибаться. Его потом накажут. Он будет плохо питаться. Его будут плохо кормить.

— Его надо будет убить, — тихо сказал высокий андроид с длинным злым лицом.

— А как бы ты его убил, Дюггард? — спросил магистр.

Андроид сделал жест руками, будто бы сломал палку. Магистр почувствовал силу и жесткость в его движениях. Сила чувствовалась страшная.

— Скажите, а вот вы, мягкие, — вдруг спросил круглый крепыш. — Почему вы нами командуете? Я видел: там, за водой, есть еще что-то... Что там дальше?

— За водой — вода. В воде рыбы, — увел разговор от опасной темы Балнемур.

— Мы любим есть рыбы. Мы видели рыбы. За стеклом, — согласился Воупс.

В разговор снова вступил Лингварт:

— Ночью над головой точки. Они колются. Сотрите их!

— Зачем их стирать? Они вам разве мешают? — с удивлением спросил магистр.

— Они колются.

— Как это колются?

— Глаза! Они колют глаза... И поймать их нельзя.

— Они далеко! Сотрите их!

— Если их стереть, будет просто темно, — заметил Хайслер.

— А там есть круглое! Лампа есть! Лампу оставьте!

— Лампа не всегда круглая. Она сжимается. Мы как раз хотели стереть лампу, — сказал магистр, которому вдруг захотелось поиграть в эту дурацкую игру. — Она ведь не всегда круглая...

Андройды вдруг вскочили. Охрана моментально вскочила тоже, холодно заблестели пистолеты.

— Не надо стирать лампу!!! Мы любим смотреть! Не надо! — грозно заорали сразу несколько андроидов.

— Сидеть! — закричал администратор центра. — Лампу не будем стирать! Лампа останется! Успокойтесь!

— Мы не будем стирать лампу! — подтвердил магистр. — Это была шутка! Ни в коем случае! Мы учтем все ваши пожелания.

Андройды понемногу успокоились и стали снова рассказывать, грозно поглядывая на магистра. Только чернявый не вскакивал и не кричал, а лишь глядел на магистра и улыбался.

— У вас есть еще вопросы, магистр? — спросил главный менеджер Центра.

Магистра слегка трясло. Это было трудно объяснить, но ему было не по себе. Он был им безразличен. Он был для них просто «мягкий»; а все «мягкие» были для них существами более низкого сорта, почти мусором. Власть над ними имели программы. Но, возможно, и что-то еще...

— Нет, у меня больше нет вопросов... — устало произнес магистр. Но андройды желали продолжения разговора.

— Мы не поняли про женщин... — спросил Беккерс. — Когда нам покажут женщин?

— Мы хотим знать, как они устроены, — подтвердил Лингварт.

Доктор Хайслер приподнялся и как можно более авторитетно и убедительно объявил:

— В самое ближайшее время мы рассмотрим этот вопрос. Мы покажем вам женщин. Я обещаю.

Андройды одобрительно закивали головами. Напряжение немного спало.

— А что будет потом? — вдруг спросил лысый андроид по имени Дремер. — Потом что будет?

— Когда потом? — переспросил Хайслер. — Поясните.

— Мы играем. Мы бьем мяч. Что будет потом?

Магистр понял. Лысого интересовало время. Это было хорошо: его не должны были интересовать абстрактные вещи.

— Потом будет все то же самое, — отвечал Хайслер. — А потом будет другая игра. Или еще что-то...

— Я видел, как одного из наших уносили, — настаивал Дремер. — Когда мы дрались с красными... Он не двигался. Что будет потом?

— Мы здесь были всегда. Вы появились недавно, — отвечал Хайслер. — Но скоро вы тоже будете командовать. Это значит управлять. Мы дадим вам очень много мягких, и вы будете следить за ними. Но без приказа портить их не надо.

— А мне нравится их портить, — вдруг снова заговорил самый крупный, высоченный, тяжелый андроид с низкими густыми бровями, выпирающей вперед скулой, мощными челюстями. — Мягкие хрустят под руками... Это приятно...

— Дюгард, вы должны понять, что без приказа нельзя, — ответил ему магистр, заглянув в монитор и найдя досье этого игрока. — Иначе нам придется уничтожить вас. Вы без нас не сможете жить, так как мы вас создали. Вы должны быть нам благодарны.

— Почему благодарны?

— Как это благодарны?

В офисе воцарилось угрюмое молчание. Мрачный Дюггард шевельнул челюстями, зубы его издали скрежет. Но тут вдруг заговорил тот, чернявый, что все время неотрывно смотрел на магистра:

— Вы сегодня смотрели на огонь... Я вас видел...

Магистр почувствовал легкий холод в груди. Используя магический взгляд, он стал проникать в сознание андроида, но там была темнота...

— Что вы имеете в виду? — спросил осторожно магистр.

— Я вас видел снизу... Вы стояли над горой. Я вас видел. Зачем вам огонь?

«Кто он?.. Как он мог видеть? — пронеслось в голове магистра. — Он был где-то в преисподней? Черт знает что!..»

— А как вы меня видели? Как это снизу? Где вы были?

Но чернявый более ничего не говорил и лишь улыбался.

— Баррд, вы не пояснили свою мысль, — встрял в разговор генеральный менеджер. — Какой огонь наблюдал господин магистр? Где вы видели огонь?

Баррд молчал и лишь улыбался, глядя на магистра. Улыбался, нагло глядя в глаза. Затем сказал:

— Больше не стойте там! Огонь скоро пойдет! Город будет гореть! Не стойте, или вас заберут туда! Низко!

Наступила зловеющая пауза. Магистр не знал, что на это сказать. Он думал, но не мог понять. Этот андроид был вхож в нижние слои, это точно. Но как он мог там перемещаться? Ведь он был весь в чипах! Каким образом пробивалось иное сознание?

— Аудиенция окончена, — объявил менеджер центра. — Вы можете идти на обед.

Но андроиды молча сидели. Им хотелось узнать еще что-то, но они не знали, что спросить.

Магистр собрался подняться, охрана, предупредив это, поднялась раньше. Но вдруг поднялся и крупный андроид, Дюггард. Он был на полголовы выше самого высокого охранника. Охрана выхватила пистолеты. Дюггард нехоро-

шо улыбался, но не двигался. Магистр двинулся к выходу и вскоре скрылся за дверями.

Вскоре все четверо — магистр, научные сотрудники и представитель центра — сидели все в том же овальном кабинете.

— Была ли вам интересна эта беседа, господин магистр? Вы удовлетворены?

Магистр покачал головой:

— Очень любопытное явление. Просто очень. Но сказать, что удовлетворен... Это ничего не сказать. В общем, выглядит это так: сознание наполовину детское, наполовину искаженное; странная разновидность психической дивинации... Вроде сумасшедших с полусумеречным сознанием. И бездна агрессии...

— Но, как видите, они контролируемы. Если расширить зону сознания, контроль не удержать, — заметил Хайслер.

— Я не вижу проблемы, о которой вы тогда говорили, мистер Хайслер. Ведь вы говорили об опасности заселения монадами. Я личности не увидел. Это фактически полуживотные. Я не увидел каких-либо цепочек, связанных с каким-то дальним прошлым. Хотя... у одного из них что-то просматривается...

— Вы имеете в виду Баррда?..

— Именно.

— Я ничего не понял про огонь. А вы ... что-то можете сказать по поводу его реплики?

Магистр был готов к этому вопросу и заранее продумал ответ. Никому не нужно было знать про вулкан как источник его молодости, его способ подзарядки. Он сказал про это так:

— Много сказать не могу... Это какая-то сложная аберрация его сознания. Очень давно был у меня такой эпизод. Я стоял над шахтой, в которой бушевал пожар. Это было в Аризоне. Пылал уголь, химикаты. Каким образом этот образ мог залететь в его сознание, ума не приложу.

— Я думаю, что это наподобие сна, господин магистр, — заметил Хайслер. — Он мог видеть такой сон. Они ведь видят сны. Они нам иногда рассказывают. Мы ведь их изучаем, постоянно изучаем. Есть замечания негативные?

— Что-то надо решать с женщинами. Там угадывается подавленная проблема. Скажите, они мастурбируют?

— Мы пытались выяснить. Но это трудно проконтролировать. Мы постоянно находим следы поллюций на белье. Мастурбация это или поллюции — трудно понять. Двое точно мастурбируют. Еще двое замечены в физической симпатии друг к другу. Но они не гомосексуалисты — они не знают, как это делать. Проблемы тут есть.

— Что думаете предпринять? Когда пойдет чемпионат, женщин от них не скрыть. Нельзя допустить, чтобы этот... Стоппард бросился на трибуну и попытался изнасиловать кого-то. А вы что вообще делаете с этой сферой? Бром даете, как в армии?

— Нет, зачем же. Мы просто через чип воздействуем на нужный участок мозга. Подавляем импульсы.

— Но, извините, у них же есть яйца. Сперма-то выделяется. Или нет?

— Выделяется. Конечно. Куда ж она денется?

— Ну вот, сперма выделяется. Она давит им на мошонки. Чего вы тогда хотите? Они будут агрессивны и озабочены постоянно. Вот вы, доктор Хайслер, вы психолог. Что на этот счет думаете?

— Господин магистр, а что вы предлагаете? — отвечал Хайслер. — Если мы привезем к ним женщин, скажем, проституток — это все! Крах эксперимента! У них только и будет на уме, извините, как бы потрахать еще. А потом — они их просто всех разорвут... к чертям. И потребуют новых. Они же мягкие!

— Еще какие мягкие! — рассмеялся менеджер центра. — Особенно если толстушек привезти... Вот уж тогда они их помнут! Представляю!

Магистр рассмеялся вместе со всеми.

— Я рад, что вы не без юмора, ребята, — проговорил он. — Но проблема остается. А если те двое все-таки найдут способ? И уловят, что можно... вот так, в попку... Вы себе представляете, что будет? Они все перетрахаются и станут геями. Какие тогда из них, извините, бойцы?

— Их тогда только на гей-парады выставлять, — засмеялся Балнемур. — В разноцветных колготках!

— Их яйца будут величественно смотреться! Сенсация будет! — заметил, подавляя смех, менеджер центра.

Все, включая магистра, начали хохотать.

— Ну, ребята, я вижу, вы решили меня повеселить сегодня, — проговорил магистр. — Давно так не смеялся. И все-таки... Что делать будем?

— А я бы знаете, что сделал? — вдруг включился в разговор молчавший до того программист и генетик Дорфман. — Надо просто кукол электронных купить. И дать каждому по две. Или по три... Все дела.

— Мы думали об этом, Алекс. Те, что есть, не синхронизируются. Андроиды много сложнее.

— Люди же синхронизируются. В Париже, Лондоне по двадцать баров с такими куклами. Отбоя нет от желающих.

— В том-то и дело, что они сделаны под людей. И люди знают, что это куклы. А тут, по сути, одни куклы и другие тоже... Диспропорция уровней. Нет коренного противоположения.

— Так в чем дело? Надо вложиться. Надо синхронизировать программы кукол и андроидов. Есть некие общие законы. Например, параграмма взаимосоответствия. На них надо опираться. Это будут дорогие куклы, но ничего сложного не вижу. Они будут говорить на том же языке, они будут также ограничены в осознании. А андроидам поясним, что других женщин не существует. Что на трибунах тоже куклы.

Все некоторое время молчали, обдумывая идею Дорфмана. Затем магистр сказал:

— Тогда уж лучше женщин-андроидов сделать. И спарить с этими...

Тут вдруг пришел в возбуждение доктор Хайслер. Он покраснел, его голос зазвучал на порядок громче:

— Господин магистр, вы шутите? Создание семейств андроидов, поселений андроидов — это пока программы отдаленного будущего. Мы надеялись на это выйти лет через двадцать, к 50-му году. Это бесконечно усложняет задачу! Женщина — это вообще сложный объект для моделирова-

ния! Те, кто моделировал их тело, это... Еще те были юмористы! Такого наворотели! Какие-то трубочки, полости, желёзки! Три дырки рядом, через одну детеныш идет... Строго говоря, это не конструктивно! В результате у существа психология патологическая! Я бы тому юмористу яйца поотрывал, кто это придумал! Полный мудак!

— А я бы яйца оторвал тому юмористу, который яйца у мужчин наружу выставил! — вдруг заговорил зло и серьезно генетик Дорфман. — Вот это, действительно, полный придурок! Моделировал воина, а яйца наружу вывел! Чтобы все, кому не лень, ногами по ним херачили!

Тут, не выдержав, стали дико ржать даже охранники. Офис наполнился гоготом. У магистра слезы потекли из глаз, и он было двинулся в сторону туалета.

— Вы кого критикуете, Дорфман? — утирая слезы, на ходу прохрипел он. — Да у них, скорее всего, нету никаких яиц. Что там у них, вообще непонятно.

— Вы зря не опасаетесь этих ребят! — смеясь, добавил Хайслер. — Они прилетят, закачают вам генетику аллигатора. Придется вас в пойму Амазонки отправлять.

В ответ на реплику раздалась новые взрывы смеха; Дорфман, кашляя и давясь дымом, смеялся тоже.

— Мы будем навещать вас, Дорфман, — хохотал Балнемур. — Пополнять знания о водной фауне Амазонки...

— Тогда я Балнемура точно укушу за правое яйцо! — заметил Дорфман. — За то, что зарплату мне не повышал... В мою бытность человеком.

— Дались вам эти яйца, Дорфман! — усмехнулся доктор Хайслер. — У вас тут какая-то подавленная проблема.

Магистр, стоя в дверях, поднял указательный палец:

— Вот, Джессен, примите к сведению! Социальную гармонию надо строить дальновидно!

Магистр вернулся минут через пять, когда все успокоились. Хайслер молча разливал кофе из заварочного автомата по чашечкам.

— Так, ребята, все, — заговорил спокойно магистр. — Мне надо ехать. Я думаю, что идея насчет умных кукол

неплохая. Это компромиссная может быть ситуация. Женщина вроде бы есть, и ее как бы нету... Давайте, подумайте. И я подумую. Я напишу свой доклад и вам представлю. Встретимся тогда еще раз. Мне нравится, что вы люди раскованные, нормальные. Ученые должны быть такими, а не сухарями. Сухарики не рожают идей. У русских, я думаю, потому много идей, что они по природе хохмачи. У них всегда в обиходе поговорки всякие, анекдоты.

— И при этом нет более унылых людей, — заметил Хайслер. — Непонятно, как в них все это совмещается...

— Ну, давайте прощаться, — сказал магистр Виндинг-Бронс. — Думайте, ребята. Думайте. Времени остается не так уж много.

Вскоре магистр вновь мчался по абсолютно пустому шоссе к месту, где его уже поджидал желтый экскаватор. Над горизонтом, вдали, там, где терялось, расплываясь, сверкание океана, появились черные тучи. Поднимался ветер; желтый мелкий песок уже носился пучками то там, то здесь; лобовое стекло джипа окатывало колючими волнами, производившими рваное, рассыпчатое шуршание.

ГЛАВА 9

У Маранова было ощущение, что он находится в центре зарождающегося тайфуна. Будто он, как великий йог, сидит в позе лотоса в центре футбольного поля, прямо на той точке, куда ставят мяч, а над ним с ужасающей скоростью начинает раскручиваться смерч. Он сидит, но уже вверх полетели какие-то бумаги, тряпки, башмаки, огрызки съеденных бараньих ног. Затем купюры, цветные флаэрс; затем стали закручиваться люди, беспомощно барахтаясь в воздухе. Много, много людей — тысячи; затем полетели уже машины: сначала легковые, но потом и грузовики. Даже самолеты уже меняли курсы и неслись друг другу навстречу. А он все сидел в позе лотоса в центре поля, и ему все было безразлично. Весь мир летел к чертям, планета раскручивалась до безумной скорости, так что с нее стали отлетать куда-то облака, выплескиваться вода

из океанов. А он все сидел... И только когда одуревшая от гонки Луна стала улетать прочь от Земли, а к ней уже начал приближаться какой-то большой объект типа Сатурна, он спохватился. Он встал, и Сатурн в его руках оказался просто мячом. Он достал шило и воткнул его в мяч. Тот резко сдулся, и тогда планета вдруг лопнула, разлетелась на ошметки. Наступили полная мгла и абсолютное беззвучие.

К нему подошел подозрительный тип в черной шляпе и врезал ему правой прямо в челюсть. От жуткой боли Маранов проснулся. Оказалось, что он ударился челюстью об стол, на котором лежала его голова.

— Черти чего! — прохрипел Маранов, поднимая голову от стола.

Компьютер давно работал в спящем режиме. Он нажал кнопку «enter». На мониторе сразу начали появляться лица кандидатов в команду. Отборщики прислали ему 120 анкет. С 55-тью Маранов разговаривал сам, по дистанционной видеосвязи. 44 он отобрал. Он быстро стал перебирать на мониторе досье одного, другого, третьего. Он не имел права ошибаться!

Степан Рыклин. Рост 194 см, вес 88. 25 лет. Образование среднее специальное. Родился — Муромцевский район Омской области. Учился в ДЮСШ, три года. Играл за омский «Газовик». Защитник. Отчислен за организацию драк на поле. Проходил по делу об изнасиловании. Вина не подтверждена. Живет один в собственной квартире. Работает: автосервис. Жестянщик. Не женат. Детей нет. Интересы: играет на соло-гитаре, для себя. Отношение к алкоголю: алкогольных срывов не замечено.

Игорь Нестерович. 186-79. 27 лет. Родился, живет и учится в Витебске, Белоруссия. Отслужил в армии. Занимался в футбольной секции при стадионе «Авангард».

Скоро, очень скоро здесь все должно было ожить и закипеть. Начнется основная работа.

День начался. Он включился. Каждый его день теперь был, словно плохо снятый, судорожный фильм с бешеным ритмом монтажа.

Вот прилетел айтишник. Важная персона, очень важная. Ведь нужны особые, новые технологии тренировок мозгов. Разговор короткий, летучий, но емкий.

— Объем большой. Вы делали ФИФА, стало быть, футбол знаете. Мы создаем клуб, новую команду. Хотим внести некие новации в систему подготовки. Хотим использовать современные технологии, психологические разработки.

— Каким образом?

— Вы играли сами в футбол?

— Играл.

— Смотрите. Вот нападающий получает мяч в центре штрафной. Что он видит угловым зрением? На него летит справа защитник, черный амбал. Что он еще видит перед собой? Перекошенную рожу вратаря! Что внизу? Ему метит ногой в кость рыжий бородатый стоппер. Справа летит к нему мяч. У него есть меньше секунды на то, чтобы понять, как нанести удар и куда.

— Ну и?

— Обычный человек не может решить столько задач за такое время. Например, оценить позицию вратаря и понять, что правый угол свободен, и что бить надо левой, причем шведкой. Задач много, а решить надо мгновенно. А что в голове у нападающего? А ничего! Он не успевает подумать. Он просто бьет по мячу в сторону ворот, наугад. И в девяти случаях из десяти — безрезультатно. Попадает во вратаря, в ногу защитника, мажет, пускает свечу.

— Я уже понял. Вы хотите иметь программу, которая вплавит ему в мозги автоматизм и. Чтобы он решал все за секунду. То есть, как автомат, находил лучшее решение. Вы хотите сделать такие тренажеры...

— Совершенно верно! Именно так! Свои программы для левого защитника. Свои — для центрфорварда. Свои — для правого хавбека. Свои — для центрального защитника. И так далее.

Длинноволосый задумался. Видя, что кабинет задымлен, закурил и сам, без спроса.

— Надо обработать очень много информации. Какие ситуации являются типовыми для каждого ампула. Обсчитать

эти ситуации, смастерить трехмерные модели. Анимировать. Создать групповые модели игры с разных ракурсов, с разных углов зрения... Объем большой. Без товарища не обойтись.

— Это еще не вся работа. Товарищей у вас может быть хоть десять. И денег вам заплатят больше, чем обычно. На порядок.

— А какая работа еще?

Во взгляде айтишника появилась зоркая заинтересованность.

— Смотрите. Есть разные схемы игры. Есть разные стили игры. Испанцы играют в один футбол, немцы в другой. Итальянцы в третий. Но всего стилей не так много. Меньше десяти. Но у команд есть свой почерк, у каждой свой.

— Понимаю. А что нужно?

Маранов подошел, сел напротив айтишника и, глядя прямо в упор, начал прессовать его вопросами:

— Вы можете сделать программу для команды роботов, которая играла бы то в один футбол, то в другой?

— Да это не проблема. Не понимаю, зачем это.

— Вот смотрите. Нынче некоторая часть населения планеты живет ночами: люди сидят у мониторов и режутся командами за какие-то виртуальные форты, крепости. Бомбят острова, захватывают заложников, блокируют аэродромы, топят корабли врага. Команда на команду! По двадцать крейзеров шизанутых сидят до полного усыхания мозга, пьют пиво, курят. И долбятся в эти игры! А нам надо что? Чтобы по закону подобия одиннадцать футболистов сидели каждый перед своим тренажером, в мягко шумящем зале, где имитируется рев трибун. И вот эти одиннадцать, как единая команда, находились бы в пространстве футбольной игры. А я бы включал попеременно то один стиль игры, то другой! То испанцы с ними играют, то голландцы! Причем те игроки, что у них сейчас играют! Лучшие составы! И битва идет всерьез! С грубыми приемами, с ударами по ногам! С руганью, с драками! С сукой судьей!

— Понял. Это можно сделать. Это интересно. Я такого не делал, но помозгуем. Сделаем! Идея понятна. Вы хотите, коро-

че, им сначала мозги выстроить, а потом их на поле выпустить и совместить с реальностью. Сделать их немножко роботами.

— Ну, приятно разговаривать с умным человеком! — воскликнул Маранов.

Они расстались, вполне довольные друг другом.

Следующим по очереди был мастер нестандартного питания, энергетической подготовки, йог, экстрасенс, супермен Виктор Провоторов.

— Вы можете подробнее рассказать про свои последние опыты с эндогенным кислородом? — сходу поинтересовался Маранов. — Мне рассказали, что у вас фантастические два парня...

— Есть такое дело. Они наиболее удачно отработали по моей методике. Ну, основы вы помните: критерий самый важный — контрольная пауза на выдохе. Если первый позыв на вдох после полного выдоха у человека возникает менее чем через 25 секунд, то человек на круте смерти. Если контрольная пауза на выдохе до 40 секунд — человек стабилен, но все равно стареет и подвержен болезням, в том числе онкологии. Если же контрольная пауза больше минуты — организм начинает самовосстановление поврежденных систем, удаляет раковые клетки. Стволовые клетки запускают процессы обновления тканей. Если контрольная пауза около двух минут при минимальной паузе выше трех минут — человек выходит на сверхвыносливость и на нестарение.

— Максимальная пауза... Напомните.

— Напоминаю. Контрольная пауза — до первого позыва на вдох. Максимальная — после первого позыва, после второго, после первых дерганий и шмыганий. До вдоха.

— Понятно. И все же. Что такое эндогенный кислород? Я читал вашу статью. Но не все понял.

— Когда организм не получает из воздуха свою порцию кислорода, то есть когда его ставят в условия жесткого кислородного голодания, он пытается выжить. И вот оказалось, что кислород организм начинает вырабатывать сам, внутри себя. Это, вообще говоря, известно. В этом процессе не уча-

ствуют легкие. Откуда берется этот кислород, мне неизвестно. И я думаю, мало кому известно. Предполагаю, что его из чего-то синтезирует костный мозг, начиная производить обогащенную этим кислородом кровь. Но я предполагаю, что тут задействованы еще и другие системы. Часть эндокринки непременно.

— А почему вы думаете, что дело в кислороде, а не в чем-то другом?

— О, тут целая система контроля. Но вкратце так: при проведении анализов выясняется, что в организме идут окислительные процессы, абсолютно идентичные тем, что идут и при обычном вдыхании воздуха.

— Но что конкретно могут ваши ребята? Эти двое?

— Если коротко, то так. Они бегут 40 километров по 30-градусной жаре при пульсе 40–45 ударов в секунду и четырех дыхательных циклах в минуту.

Наступила пауза. Маранов, пораженный сказанным, некоторое время молча глядел на Провоторова. Потом встал, потянулся было к сигаретам, но вспомнил, что курить при этом человеке не следует; он просто подошел к окну.

— Сергей, но ведь это невозможно... Я не консерватор, я прекрасно знаю про возможности человека. Но 40 км на жаре вообще пробежать сложно! Обезвоживание! А вы говорите про четыре дыхательных цикла и про пульс сорок...

— На трассе они пьют воду, на ходу — я это не запрещаю. Я тоже думал, что это невозможно. Я многократно это проверял. Особенно у Аркадия — он более мощный. Но знаете, что поразительно? Чем дольше он бежал, тем активнее выделялся внутренний кислород. Он начинал с шести дыхательных циклов в первые полчаса. А в последние полчаса, бывало, выходил и вовсе на три цикла. И я вам больше скажу, Андрей.

Провоторов встал, подошел к Маранову и с улыбкой посмотрел ему в глаза.

— Я думаю, что человек может выйти вообще на такой уровень, что дышать воздухом ему будет не нужно. Вы ведь слышали о том, что продвинутых йогов закапывали на сутки-двое в землю? А потом откапывали живехоньких.

— Ну да. Это известные факты.

— Ну и как вы думаете, чем они там дышали?.. Вот и вам и ответ.

Маранов все понял. Надо влезать в этот эксперимент. Надо запускать в проект этого Провоторова. Лишь бы согласился.

— Будете работать со мной? Мне необходимо, чтобы игроки подошли к сверхвыносливости.

— Ого! Но вам же надо быстро. А быстро не получится.

— А медленно — это сколько?

— При полном интенсиве результат будет через год.

— А у меня есть этот год! До важных контрольных игр. Но вряд ли больше

— Мне ваш проект интересен. Я сам хочу идти дальше в исследованиях. А у вас тут столько народу? И ведь деньги будут хорошие, так?

— Даже слишком хорошие. Нормальная европейская зарплата. Хорошего инженера или классного врача.

— Ого! Я согласен. Договор будем подписывать?

— Конечно! Оформим согласно штатному расписанию. Найдем вам должность. Тут будет работать целая команда медиков. Вы будете иметь возможность анализировать совершенно разные данные. Приборные, анализы, БМРТ.

— Отлично! По рукам!

Следующим был инженер, конструктор и изобретатель Игорь Гарпунов. Это был невысокий сухощавый человек 72 лет от роду, абсолютно лысый, с усталым, но цепким и внимательным, буквально сверкающим взглядом. Это очень удивляло всякого, кто видел его: при такой заурядной внешности такие яркие, пронзительные глаза казались словно бы искусственными, будто бы вставленными в глазные впадины его резко очерченного черепа.

Он был немногословен. Тут же вставил флешку в компьютер Маранова и начал выводить на экран изображения.

Сначала он показал устройство для скоростной подачи мячей. Гарпунов сделал уже анимированную динамическую трехмерную модель: устройство, представлявшее из себя пу-

затый контейнер с выпирающей сзади трубой и дырой спереди, выплевывало мячи с невероятной скоростью.

— Пневмо? — спросил Маранов.

— Разумеется. Сжатый воздух. Чего мудрствовать? — отвечал Гарпунов.

— На какое расстояние подача?

— На любое. В пределах поля.

— Скорость?

— До двухсот.

Маранов прикинул. Скорости в двести км в час было предостаточно. Самый сильный удар сильного игрока обычно не превышает 150 км в час.

Гарпунов коротко изложил суть схемы:

— Угол наклона меняется как угодно. Мячу придается любое вращение. Скорость вращения регулируется.

— Вот как!

Андрей задумался. Это они вообще не оговаривали. Гарпунов сам понял, что это нужно. Это означало, что принимающий мяч игрок может бить по мячу, учитывая направления его вращения — щечкой, внешней стороной стопы, подъемом с вращением вправо, влево — как угодно. Такого, скорее всего, ни у кого в мире не было.

— Игорь, скажите, а как задается вращение?

— Ну, так... Придумал контур. Мяч стоит на площадке; пневмоструя задает любое вертикальное вращение. Площадка с углублением по диаметру мяча. Задаем площадке угол, скорость вращения, побрасываем снизу струей из нижнего притока. Основная струя подается сзади, и мяч выплевывается с вращением. Все просто... Но с этой площадкой повозиться пришлось. Много расчетов.

— А что, все схемы отработаны? Готов к производству?

— Обижаешь, шеф! Полностью. До шестеренки! Хоть сейчас в серию.

— Ну вы даете! А что еще?

— Ну эти... как вы их называете. Биороботы... Инопланетники.

— Манекены? Сделали? Ого! Давайте.

Гарпунов вывел сразу же анимированную схему, в которой манекены, способные двигать конечностями и головой, перемещались по полю в любых направлениях. Гарпунов задал множество параметров установки манекенов. Красной точкой была помечена позиция нападающего. В зависимости от его расположения манекены, движущиеся в три ряда, в разной очередности, используя разные ноги и корпус, перекрывали нападающему направление удара. Если нападающий прицеливался быть в правый угол левой ногой, манекены перекрывали ему этот угол. Если он собирался бить правой в нижний правый, манекены закрывали это направление. В воротах метался манекен — вратарь. Он двигался на монорельсе не только вдоль линии ворот, но мог также двигаться по дугообразным монорельсам во вратарской площадке.

Эта работа просто поразила Маранова. Он вообще не предполагал, что все будет сделано так — просто и оптимальным образом.

— Ну, Игорь! Нет слов! Получается, как в игре моего детства — настольный футбол!

— Похоже.

— И я могу фишки ставить, как хочу. Надо нападику отработать удар с левой — ставлю так. Надо с правой — ставлю эдак! Гениально! Выиграем чемпионат — вы будете героем на века!

— Да насрать мне, — равнодушно отмахнулся Гарпунов. — Вы выиграйте! Порадуйте народ. У тебя игроки-то хоть есть?

— Отсматриваю. Есть хорошие ребята.

— Нужны, бл..., знаешь... Такие, бл..., сорванцы.

Гарпунов был известен как жуткий матерщинник, который матерился где угодно и с кем угодно.

— Отчаянные головы нужны! Чтоб сдохнуть были готовы за страну...

— Знаю. Таких и искали. Трудные судьбы. Надо успеть натренировать!

— Вот! Давай, Андрюха. Вы...и их всех! Этих французики, бразильяшек... Немчуру эту, бл..., вы...и как надо. А я тебе помогу! Ты же знаешь, мне за державу обидно...

Маранов глядел на него почти с любовью. Это был чисто русский характер! Пьющий, забубенный человек, абсолютный гений, которому ни слава была не нужна, ни деньги. Истинный лесковский левша, вечный русский тип...

— А как ты ими двигаешь? Это радиоуправляемые модели?

— Цифровые, конечно. Роботы. Сначала определяем позицию нападающего. Ставим рельсы. С пульта задается режим движения. Есть режимы для каждого робота отдельно. Есть программы, которые двигают сразу всеми роботами в зависимости от позиции. Ручки-ножки двигаются оптимально, перекрывая нашему Мюллеру кислород.

— Ты про какого Мюллера? Я не помню...

— А-а, не помнишь! А я видал мальчонкой. СССР — Германия. Как они нас в...бали, когда Шестернев еще в защите играл! Этот Мюллер, Герд, сука, два раза по два гола нам засадил. Дома и в гостях. С любой позиции мог забивать. Хороший парень был! Но недолго играл... Вырубили.

— Надо бы мне посмотреть старые записи. Значит, нужен будет человек на пульте.

— Обязательно! У него компьютер, монитор перед глазами. Тренер ставит игрока, механики ставят рельсы и роботов. Сбоку ставим нашу плевательницу. Начинаем херачить мячами. Вашему пацану надо только бить!

— Здорово!

— Я синхронизировал программы для плевательницы с этой. Все будет работать синхронно.

— А сколько мячей может пропустить ветродуй?

— Да хоть тыщу. Контейнер надо побольше. Можно сетчатый. Мячи проваливаются в дырку, как в спортлото. Сверху давит пресс. Я разработал конструкции на 500 и тыщу. Надо только зону оградить сетками, чтобы мячи легче было собирать.

— Представляю. Тысяча мячей! Все поле будет усеяно!

— Пацаны пусть собирают по ходу. И бросают на конвейер. Конвейер снова забрасывает их в контейнер. Замкнутый цикл. Один парень устанет бить — ставь другого. За час могут пройти три пацана, я считал. До полной отключки. За

месяц так натаскаешь! Германцы замучаются потом мячи из ворот таскать! Двадцать — ноль! Вот так надо! Сечешь?

Маранов смеялся, качал головой. Дело шло как надо. Дело продвигалось просто замечательно!

Он подошел к окну. Сорок молодых мужиков работали на поле с мячами. Тренеры бегали, наблюдали, что-то записывали.

Гарпунов тоже подошел к окну, встал рядом.

— Бл..ь!!! Это еще что за монстр? — изумился Гарпунов, увидев на поле гиганта Никиту Гремина. — Ты где такого откопал — богатыря святорусского? Сколько же у него рост?

— Два четырнадцать.

— Ни х... себе! Правильно, Андрюха! Это будет для них, бл...ь, большая проблема! Если он еще играть умеет! А ведь мяч-то держит парень! Лихо! Верю в тебя! Этого парня бери! Это, бл..., народу на забаву! Народ будет торчать от него!

— А видишь этого блондинчика?

— Крепыш? В белой майке? Ну?

— Это моя надежда... Я из него сделаю суперчеловека! Гибрид Пеле с Марадоной плюс Месси. Мяч чувствует кожей! Техника уже на уровне. Бьет потрясающе! Обводка уже есть. Его я буду натаскивать на твоих тренажерах первым. Это будет гениальный игрок. Звезда звезд!

— Как фамилия?

— Пересветов. Игорь Пересветов. Запомни это имя.

— Тезка! Есть! Давай, Андрей! Пошел я. Все чертежи я сбросил тебе. Начнете производство, пригласите. Я буду разговаривать с технарями.

— Договорились!

Маранов сел в кресло. Усталость после трех разговоров навалилась тяжким грузом. Но уставать ему теперь было нельзя. Он глотнул чаю и ринулся на поле.

Второй тренер, Александр Курбанов, уже дал отмашку кандидатам на 5-километровый пробег по беговой дорожке стадиона.

Некоторые из бежавших игроков не понравились ему сразу. Так, не понравился черноволосый парень со вздернутым носом, бежавший лениво и расхлябанно, постоянно озира-

шийся по сторонам, с неудовольствием пропускавший вперед тех, кто не устал. «Высокое самомнение... Завышенная самооценка, нелюбовь к дисциплине, — отмечал про себя Маранов. — Физическая готовность низкая. Наверняка любитель выпить и погулять. Не любит подчиняться. Подойдет вряд ли».

Еще один человек привлек его внимание. Тонкий гибкий парень бежал ровной трусцой ровно в середине группы, ни на кого не обращая никакого внимания. Он отрешенно глядел перед собой, полностью погруженный во внутреннее пространство. Исключительно гармонично сложенный, в меру высокий, он двигался даже грациозно, красиво и явно был готов к очень долгому, длительному бегу. В планшете он быстро нашел его досье.

«Игорь Станишевский. 27 лет. 182/73. Новосибирск. Из семьи профессора университета. Образование — высшее филологическое. По знаку Зодиака — Рыбы. Преподаватель словесности в колледже. Разведен. Дочь живет с бывшей женой. Автор двух статей об истории древнерусских языков и наречий. Играл в студенческой футбольной команде в полузащите. Художник, участник нескольких областных выставок живописи. Есть проблемы со здоровьем: был разрыв голеностопа, оперирован. Отклонения в работе эндокринной системы, периодически обнаруживается белок в моче».

Обращал на себя также внимание и еще один человек. Крупный парень с вьющейся пышной рыжей шевелюрой старался бежать впереди, на бегу подшучивал, подтрунивал над другими, но незлобно; видно было, что это абсолютно славянский типаж — бузотер, шутник, игрок, бабник. В планшете была о нем такая информация: «Нестор Вибегасов. 27 лет. 187/83. Родом из Донецка. Вырос и учился в Одессе. Служил в армии, в десантных войсках. Мастер спорта по футболу. Игрок основного состава команды “Таврия” (Симферополь). Замечен в нарушениях спортивного режима. Дружит с алкоголем. Есть предположения, что принимал наркотики. Играл либо в центре защиты, либо опорного полузащитника. Не женат. Играет на гитаре, поет. Играл в самодеятельном театре».

«Странная фамилия, — подумал Маранов. — Вибергасов... Посмотрим на тебя, Нестор. Такой человек, вообще говоря, нам нужен...»

Футболисты сделали восемь кругов. Видно было, что многие устали. Фактически только восемь человек бежали легко и уверенно, и только у них ощущался некий запас силы. Они могли бы пробежать еще столько же без проблем. Примерно двадцать человек устали умеренно, бежали тяжело, и среди них — гигант Греммин. И все же он бежал, несмотря на свой вес. Пять человек бежали едва-едва. Трое уже шли пешком.

К Маранову поднялся и сел рядом второй тренер.

— Ну, что скажете, Александр Геннадьевич? По первой прикидке?

— Что сказать? Сами видите, — вздохнул Курбанов. Только восемь хоть как-то готовы физически. Я, честно говоря, надеялся на лучшее. Пока что это не игроки.

— Согласен. Игроков из них нам надо делать. Но мы ведь это так и представляли себе. Но некоторые мне нравятся. Даже по первому взгляду. Дайте им сейчас поработать с мячом. Посмотрим, что с техникой.

— Да. Сейчас начнем по квадратам работать. Потом удары по воротам. Все будет ясно. Я тоже веду записи.

— Давай, Саша, действуй.

Менеджеры вынесли на поле мешки с мячами и высыпали на газон. Футболисты выстроились в квадраты и начали перепасовку.

Андрей смотрел на эту работу и ощущал невероятный прилив оптимизма и сил. Невероятное и невозможное начинало материализовываться. Поле спорткомплекса наполнилось жизнью. Дело начинало набирать обороты.

ГЛАВА 10

Около семи вечера Михаил Георгиевич снова сидел в тихом кафе в торговом центре «Меганом» и вглядывался в большие серые глаза Вероники, полные тревожного внимания и ожи-

дания необычного. Он вызвал ее на разговор, понимая, что ей надо выговориться. Как он и ожидал, ключевые фразы, которые порождал ее ум, были направлены на отсечение прошлого: «круг моей прежней жизни исчерпан»... «я не вернусь в этот Дом культуры, это невозможно»... «там все обрыдло»...

Он сразу видел картинки: вот на двери ее табличка: «Завотделом массовых мероприятий». А вот и поток производственной жизни: бесконечные душепоустошительные склоки в чисто женском коллективе; бездарные отчеты; приезды чинуш отдела культуры, горздрава, инспекций; всякие комиссии и прочее — надоело ей это все просто ужасно. Та повестка была для нее исчерпана — это было ясно.

«С гражданским мужем отношения исчерпаны»...

Он видел рослого крепкого парня; хорошего русского мужика, но обычного. Вот он приехал в больницу подвыпившим — возможно, от переживаний; но она не почувствовала в нем никакого страха и печали от случившегося. Ее гибель его вряд ли впечатлила бы слишком, хотя недельку попереживал бы. Понятно, что он воспринимал ее внутренние шараханья как бабью блажь; это как-то терпелось ею, но только до падения. Желание иметь своего ребенка у нее было, порой даже до болезненной, мучительной остроты; она наверняка старалась быстро проходить мимо школ, детских садишков и яслей... Но с ним она будущее не связывала. Душа ее была намного взрослее.

Что он мог предложить ей? Она возникла ниоткуда, вдруг. Но возникла неспроста: это ведь они ее обозначили, проявили в его Бытии. Значит, он теперь должен был отвечать за нее. Это было поручение. Что же предложить? Надо организовать ее быт в этом городе. Надо найти ей работу. Требовалось время выжидания для определения, куда ее направить, как ей помочь вырулить на большак своей индивидуальной, предначертанной Свыше жизни. Надо наблюдать, пытаться понять, для чего она появилась, в каком спектакле и какую она будет играть роль.

У него была лишь одна вакансия для женщины. Только одна. Он взял с собой книгу для нее. Он слушал, чтобы уве-

риться в правильности решения. Достаточно ли динамична ее психика? Правильно ли она поймет суть предложения? И уже по ходу разговора он принял это решение.

Но разговор еще долго петлял вокруг главного. Она тоже прощупывала его, сканировала, пыталась понять, в каком мире он живет.

— А можно спросить? Мне очень интересно, какая может быть профессия... Ну, работа у такого человека, как вы...

— Понятно, — усмехнулся он. — Хотите знать, как я зарабатываю на жизнь?

Она смутилась:

— Да нет, что вы... Кто я такая, чтобы такое спрашивать.

— Да ничего. Это понятно. Но не тем зарабатываю, что во сне падающих спасаю...

Она нахмурилась вначале. Но потом поняла, что это не та шутка, за которые обижаются.

— Я веду группы хатха-йоги, раджа-йоги, кундалини-йоги. И так далее. Совершенно официально. У меня есть лицензия как у тренера. Это моя социализация. Ведь обществу должно быть понятно, что из себя представляет каждый его член. Общество и государство, как его основа, не терпят неясностей, размытых статусов. Должна быть фиксация. Тогда оно тебя не трогает.

— Понимаю.

— Общество — это цифровая ранжированная система, работающая по стандартным программам. Это необходимо для его выживания. В этом его минус, так как система клише и унификаций — она негибкая. Она берет в рассмотрение только целые числа или же базовые краски. Она не любит полутонов, всякого рода неопределенностей. Если вы слесарь, обществу это понятно. Вы — слесарь. Если вы продавец, врач. Преступник. Это ему понятно, и оно этот статус примет, оформит, найдет вариант взаимодействия. А вот если вы маг, свободный искатель истины, вольный философ или, не дай бог, духовный учитель, тогда оно напрягается. Ему это непонятно, это нечеткие понятия.

Он отхлебнул чаю и потом, иронически сморщив лоб, изрек:

— Правда, когда государству нужно, оно умеет быстро мутные понятия превратить в четкие. Вот, например, понятие «верующие». Предельно нечеткое. Какие верующие, что такое верующие, во что верующие, каким образом верующие? Как вообще об этом можно говорить, когда не определено, что такое вера? Какая имеется в виду вера, для чего вера. У общества нету вовсе ни определения Бога, ни понятия о том, как устроен человек и его эмоциональная сфера. Но при этом выпускает законодательные акты: какие-то чувства каких-то мутных, абстрактных «верующих» обижать нельзя! Государство, по сути, порой выглядит как дикарь с большой дубиной в руках...

Михаил Георгиевич смотрел на нее, улыбаясь и одновременно следя за каждой ее мыслью и реакцией. Она же стремилась не пропустить ни слова, понимая, что он погружает ее в пространство своих мыслей, заходит откуда-то издалека и при этом прощупывает ее интеллект.

— Все правильно вы сказали. Потому обществу было непонятно, как я осталась жива, — заговорила вдруг Вероника. — На меня как-то странно смотрели врачи. Я помню, как они стояли над моей кроватью в палате и вполголоса переговаривались: «Что, ни один орган не оборван? Нет разрыва почек? Ни одного перелома? Но так же не бывает, Иосиф Семеныч!» А этот Иосиф Семеныч, похоже, был вообще недоволен тем, что я осталась жива.

— Вот! Умница! В тот момент он и представлял файловую систему этой матрицы. Иосиф Семеныч был недоволен, потому что произошедшее выходило за рамки его понимания. Если бы вы умерли, все были бы удовлетворены, так как отклонений от правил не случилось бы. Человек упал с большой высоты и погиб. Это логично, привычно, понятно; так и должно быть. Похоронили бы вас, и все были бы довольны.

Она рассмеялась.

— Ну да! Так оно и есть. Все точно были бы довольны! Кроме моей подруги, мамы и ребят из нашей группы. В аэроклубе. Они бы переживали. Особенно Денис. Мой тренер.

— А-а... Этот Денис к вам неравнодушен.

— Да. Это так.

— А вы?

— Я... Он мне нравится. Он мужик... Но я жила с другим. Потом произошло все это.

— Понятно. Так вот, Вероника, вам надо принять такое обстоятельство: я не живу в матрице. Я существую отдельно и вне ее. Мне нужно лишь соблюдение неких внешних, чисто ритуальных формальностей.

— Маскируетесь, короче.

— Ну... можно так сказать. Обозначаю вторичное, скрываю главное. Вы ведь знаете, что такое перископ?

— Да! Это в танке! Прибор для обзора.

— И в подводной лодке. Вы идете на глубине, но перископ наблюдает то, что наверху, снаружи... Скажите, а вы к футболу как относитесь?

Она с удивлением посмотрела на него.

— Да никак. Это мальчики играют. Я не играла. И не болею ни за кого.

Он встал, прошелся по кабинету.

— Ну, вы его хотя бы раз вживую видели?

— То есть на стадионе? Нет, не видела. Хотя... нет, один раз я видела. Но такой, несерьезный.

— Это какой же?

— У меня муж был военный. И потащил меня в воскресенье летом на игру. Мол, наши играют на первенство округа. Вот тогда я видела. Но это были еще те мастера... Это совсем не чемпионат мира.

— Ну и ладно. Это не так важно. У меня, возможно, будет предложение к вам. Вы ведь, помимо прочего, ищите себе применение, область деятельности, так сказать.

— Да, это так. Мне надо что-то менять. Мне жутко не хочется возвращаться в Дом культуры. Лучше дворы местные.

— Думаю, найдем что-то получше. Есть у меня одна идея. Но от вас тут многое зависит.

— Я понимаю. Я постараюсь понять. Но я ведь до сих пор не понимаю, кто вы, чем вы занимаетесь...

— Да я многим занимаюсь. Для вас пока достаточно того, что вы знаете про меня.

— Да я поняла. Вы же сказали про перископ.

— Ну вот... Вы знаете, в разных книжках, так сказать религиозного свойства, есть всякого рода загадки. У суфиев есть интересная притча про Учителя и ученика. Положим, учителя звали Муса...

— Почему Муса?

— Ну, предположим... Есть версия, где учителя зовут Хидр. И так далее. Существует много версий этой притчи. В общем виде она выглядит так. Прибился к Мусе ученик. Говорит: я хочу, чтобы вы были моим учителем. Научите меня мудрости. А Муса отвечает: не сможешь ты быть моим учеником. Уйдешь. Нет, учитель, я буду стараться — отвечал ученик. — Ну хорошо, давай попробуем. Но, если ты трижды усомнишься в правильности моих действий, уйдешь от меня. Тот принял это условие. И вот они пошли по дорогам, по весям бродить... В одном рыбацком поселке рыбаки собирались плыть в море в очень хорошую погоду. Собирали снасти. Однако Муса подошел к лодкам, когда рыбаки отлучились, и пробил в лодках днища, и они все затонули.

Ученик удивился: зачем вы это сделали? Ведь рыба — это их пища. Не умрут ли они с голода? «Вот видишь, ты усомнился, — ответил учитель. — Я же говорил...»

Они пошли дальше. И в следующем селении этот Муса совершил нечто совсем странное: он, понимаете ли, видел, как одному мальчику грозит опасность — к нему подкрадывается человек, чтобы его убить. Мальчик был милостивый, лет десяти. И никого рядом не было. Ученик Мусы хотел броситься и защитить мальчика, но Учитель не позволил ему этого сделать. И мальчик был убит. И тогда возмущенный ученик вскричал: мол, да вы никакой не учитель! Вы бессердечный и бесчувственный человек! Я уйду от вас. Чему вы можете меня научить? «Вот видишь, ты усомнился второй раз, — отвечал Учитель. — Не получится из тебя ученик. Тебе придется покинуть меня...» Потом был еще один случай...

Вероника слушала, пытаясь понять, к чему он клонит.

— Мне кажется, я уже поняла, о чем вы, в чем смысл этой притчи.

— Да? Так в чем же?

— Этот Учитель Муса знал, видимо, какие последствия будут у событий. Если он не вмешался, видимо, какое-то нехорошее развитие у событий было бы... Тут что-то связано с меньшим злом. Средства и цель.

— Вот! Умница! Именно так — речь идет о соотношении уровней зла. Бывает, совершая меньшее зло, можно предотвратить большее.

— А почему все же он пробил лодки?

— А он знал, что, когда рыбаки выйдут в море, начнется буря, и они все погибнут. Тогда народ в поселке останется без кормильцев и весь поселок вымрет.

— Так... А мальчик?

— Это сложнее. Из мальчика должен был вырасти кровавый диктатор, который в течение десятилетий тиранил бы собственный народ, пролил бы реки крови. Потому он позволил убить мальчика.

Она вдруг улыбнулась.

— Я так понимаю, что вы хотите мне предложить что-то совершенно кошмарное. И на этом меня проверите... Господи! Неужели вы мне предложите кого-нибудь убить?

Он расхохотался.

— Я думаю, так далеко мы не зайдем.

Внезапно он сел и стал говорить с нажимом, глядя ей прямо в глаза:

— Значит, смотрите, Вероника. Я вижу, что из вас может быть толк. Я вам дам сегодня книги, и вы должны будете их быстро прочесть. А потом мы обсудим, что вы поняли. А по одной из книг — вот по этой — вы начнете делать практики. И он протянул ей книгу «Искусство даосской тантры».

Она с удивлением взяла ее, открыла.

— «Совершенствование женской сексуальной энергии» — прочитала она название главы. — Очень интересно!

Она посмотрела на него с удивлением, даже любопытством.

Он снова рассмеялся.

— Вероника! Пожалуйста, не забывайте про притчу. И про те ваши сны с вельможей...

— А-а... понимаю. Хотя нет...

Он вдруг внимательно, пристально взглянул в ее глаза, словно что-то в них считывая.

— А, на всякий случай... Вы не заметили, что видения ваши были связаны... Был там сексуальный подтекст...

— А-а, вот вы о чем... Ну да... Но все равно не понимаю...

— Да не надо вам понимать. Вы пока просто доверяйте. Если я покажусь вам очень плохим, вы уйдете. Никто вас не будет неволить.

— Я постараюсь все делать, как вы скажете.

— Только не идите по линии стереотипного восприятия. Ведь вы сейчас подумали, что я хочу из вас сделать партнершу по тантре. То есть любовницу.

— Да нет, — смутилась она, четко понимая, что он считывает ее мысли.

— Да это нормально... Я не в претензии. На этом этапе ваше мышление не может не следовать стереотипам. А мы его будем постепенно менять. Вы пока делайте то, что я вам сказал. Каждый день. Прочтите главу о том, как устроен человек. И вот тут не сомневайтесь. Делайте упражнения, которые там приведены. Дыхательные упражнения. На тяжесть — легкость. На угадывание цветов. И прочее. Я занимаюсь с вами, когда вы вникните. Только времени мало.

Вероника задумалась. Но он опять четко прочел мысли.

— Вы не думайте о быте и о деньгах. Я так чувствую, что у сестры вы сможете прожить еще неделю. Далее у вас возникнут неудобства, связанные с мужем сестры. И денег у вас останется немного. Если вы за неделю прочтете эти книги, мы встретимся снова и поговорим. И вполне вероятно, что у вас появится жилье на время и средства к существованию. Тут заваривается очень крупный проект. Мне нужна женщина, которая взяла бы на себя одно из направлений... Вот еще одна книга по той же теме.

— Спасибо! Я постараюсь вникнуть как можно быстрее. Для меня это очень важно. Но... Два слова-то скажите. Направление... это связано с книгами? С тантрой?

— Связано... Понимаю, это совсем для вас незнакомо. Но мне нужно сформировать как бы некую группу. Из женщин...

— Гарем собираете, Михаил Георгиевич? — хитро прищурилась она.

— Ну а как же? Разве не похож я на султана? — улыбнулся он.

— А я ведь на самом деле интересовалась тантрой.- неожиданно задумчиво протянула она.- У меня периодами дико раздражал секс, даже с человеком, что мне нравился. Был период. В группу тантры даже ходила. Но решения проблемы я там не нашла

— Вот так да! Это уже лучше... Думаю, что ваша проблема запрятана довольно глубоко.

Михаил Георгиевич как будто повеселел.

— Вы представьте себе, Вероника. Есть гладиаторы... Как им без женщин? Им они нужны. Только необычные... Понимающие, опытные. Но не легкомысленные.

Она посмотрела на него внезапно заблестевшими яркими глазами.

— Гладиаторы? Это фигурально... Воины. Понятно. Кажется, я понимаю, о чем вы... Не знаю почему, но у меня есть полное доверие к вам. Вы что-то затеваете такое...

— Все прояснится, — кивнул головой Берестов.

— А времени у меня сколько?

— Не очень много.

— Ясно...

Вероника направилась к выходу из кафе. Но Михаил Георгиевич вдруг остановил ее. Он вроде бы задумчиво смотрел куда-то перед собой; но ей было понятно, что он смотрит в себя.

— Подождите...

— Да? Слушаю?

Она увидела, как он тербит свою седую шевелюру. Она уже поняла, что он делает так, когда напряженно думает, или что-то в этом роде...

— А в каком городе это было?

— А?Что именно?

— Ну вот тот футбольный матч, на который вы ходили?
— А-а... Тот же мой город... Зауральск. Там тогда стояла часть Сергея. Ну, человека, с которым я жила. Гражданского моего мужа. Это небольшой совсем городок за Уралом. Точнее, Западная Сибирь.

— А с кем играла команда этого округа? Ну, команда, за которую болел этот человек?

— Ой, ну вы знаете... Это было давно. Я не помню.

— А что-нибудь помните? Как закончилась игра?

— Вот это как раз я хорошо помню! Они нас разнесли в пух и прах! То ли 5:1, то ли 6:0... Вдребезги, одним словом. А почему вам интересно это? Вот уж... Вы действительно удивительный человек! Вы мне Шерлока Холмса напоминаете. Вас все какие-то мелочи интересуют.

Михаил Георгиевич рассмеялся.

— Да, вот такой я мелочный. А никого из игроков не запомнили?

— Чьих? наших? Нет. Они все были обычные.

— А у соперников?

— Одного запомнила. Точно запомнила. Он там всем руководил у них. Парень среднего роста, темноволосый... Крепкий такой, уса́тый. Сбоку солдаты из нашей части сидели, пьяные, и все время орали. И я помню, как один сказал: «Мартова этого надо вырубить! Мартова! Он им всю игру делает...» То есть про какого-то Мартова.

— А может, Маранова?

Вероника вздрогнула, в глазах отразилось удивление.

— Не помню точно... Может, и Маранова. Не Мартова. А вообще... Точно, Маранова! — вдруг встрепенулась она она. — Сергей потом по телефону говорил кому-то, мол, этот Маранов всей нашей команды стоит... Полная ж...па. Ой, простите... А что, он стал известным?

Михаил Георгиевич смотрел на нее странным взглядом.

— А вы этого Мартова... То есть Маранова вблизи не видели?

— Я сейчас вспоминаю... Мне почему-то хотелось его увидеть. Я даже хотела посмотреть, когда они шли под три-

буны. Даже не знаю почему. И он уже показался, но меня Сергей потащил в другой выход. Не разглядела я его.

Михаил Георгиевич помолчал, а потом улыбнулся и сказал:

— Похоже, завязывается любопытная интрига... До свидания, Вероника. Я выйду на связь, когда нужно будет. Очень скоро.

Заинтригованная Вероника смотрела на него широко открытыми глазами. Но ничего более спрашивать не стала.

...Когда она шла к метро, обдуваемая холодным резким ветром, единственной ее мыслью было не потерять те две книги, что он дал ей.

ГЛАВА 11

Скоростной поезд Москва — Питер шел мощно и упруго. Дробно-пружинистый, слегка звенящий звук создавал ощущение бешеного ритма и напряжения; казалось, что он вот-вот оторвется от земли и он, Сергей Падин, привычно увидит проваливающуюся в темноту космоса Землю со сверкающими россыпями огней жизни. Плоские лампы освещения слегка подрагивали на ходу; их мертвенное мерцание сообщало пространству вагона оттенок нереальности.

Сергей Падин любил смотреть в окно мчащегося поезда, в мерцающую ночную мглу. Ему нравилось представлять фрагменты той жизни, что протекала во мгновенно выскакивавших из тьмы объектах: в стоящих у шлагбаумов машинах, небольших домиках на окраинах пристанционных поселков.

Он представлял, что в зеленых «Жигулях» каких-то лохматых советских годов, конечно же, сидит бодрый пенсионер с сигареткой «Ява» во рту, с нездоровым свисающим вниз животом, с больной печенью, и писклявым голосом поливает бранью Гордина за то, что местная губернаторская мафия тащит на себя все бюджетное одеяло района, а дороги все разбиты. Или как в домишке, вдруг проявившемся из тьмы, молодая пара купает в ванной ребенка, а второй ребенок кувыркается на полу с веселым черным

пуделем...Сбоку через два ряда кресел сидел его помощник и охранник Серафим. Сзади еще двое. Поезд качнуло. И тут же правый бок отозвался знакомой давящей болью, вдруг отдающей в тошноту...

«Черт...Опять...- с тревогой подумал он.- Неужели все-таки дискинезия?...Доигрался...»

Но через минут пять боль стала более тупой, и постепенно ушла куда-то вглубь, оставив в правом боку ощущение зудящего вакуума.

На Форуме в Питере все шло по четко разработанной технологами Гордина схеме: давали сыграть игрокам оппозиционного лагеря — независимым экономистам и политологам; однако перевес оставался все равно за людьми президента. В основном лился «одобрям» его экономической политике. Одобралось создание глобальной цифровой управляющей системы, которой предстояло, по сути, отодвинуть чиновников от управления, взять на себя все нити управления экономикой регионов, ЖКХ, распределение денег, медицину и прочее. Одобралось строительство огромного предприятия по производству дископланов на протонном топливе. Одобралось строительство трех городов-миллионников в Восточной Сибири. Одобралось масштабное развитие альтернативной безотходной энергетики. Одобралось строительство газопровода в Индию. Одобралось строительство автогиганта в Западной Сибири, который должен был наладить выпуск грузовиков нового поколения с экологически чистыми электродвигателями. И так далее. Все одобрялось.

Едва дождавшись перерыва, Падин вышел в обширный холл перед залом. К нему тут же подбежали журналисты, прося поделиться впечатлениями. Он вежливо уклонялся, говоря о том, что рано еще говорить об успехе форума, но он уже слышал трезвые оценки ситуации и конструктивные предложения. Журналисты сразу поняли, что от него не получить какой-либо острой и интересной информации. Только один немолодой телевизионщик сделал попытку прощупать его получше.

— Сергей Валерьевич, говорят, что вы все дальше дистанцируетесь от Гордина. Я думаю, что такой интеллеktуал, как вы, не может не понимать, что Гордин буксует. И страна буксует вместе с ним... Вы не хотели бы его заменить на его посту? Выборы ведь не за горами?

Падин привык к таким, провокационным по сути вопросам, хотя этот журналист не относился к контролируемым Гординым СМИ, представлял скорее оппозиционное крыло. Однако Падин был начеку: он не хотел давать поводов для кривотолков.

— Вы понимаете, совершенную политику в такой стране, как наша, вести невозможно, поскольку ни у кого нет представления о том, как такая политика может выглядеть.

— Но если вы не имеете таких представлений, какой смысл было создавать свою партию? — резонно возразил журналист.

— Влиять на процессы все равно надо. Вникать в суть происходящего, искать лучшие модели и схемы тоже надо. Одно дело, когда ты один варишься в своем соку, и совсем другое, простите, когда у тебя есть люди, что анализируют происходящее на местах. Потом, заметьте. Партия моя пока карликовая...И руковожу ей не я...Так, консультирую...

— Но все же, Сергей Валерьевич... Ведь вы реальный кандидат. Когда вы создали партию, все так и решили: Падин пойдет на президентские. Но вы не выходите из тени. Почему?

Падин улыбаясь смотрел на опытного журналиста. Оба понимали свои задачи: журналиста знал, что камера фиксирует малейшие оттенки выражений на лице Падина, выискивая нужные для последующего монтажа. Падин это тоже понимал, но ему нужен был журналист для того, чтобы его реально не списывали со счетов будущие избиратели — ведь его будущая супер-команда уже начала формироваться.

— Меня, в принципе, устраивает та социальная позиция, на которой я нахожусь, — подумав, начал отвечать журналисту. На него теперь смотрели уже две камеры, не считая нескольких айфонов. — Делать дальние просчеты я привык

только в бизнесе. Какая ситуация сложится в стране через год, не знаю. Шансов на то, что я сочту необходимым сильно изменить свой статус, немного. Но настроения людей я отслеживаю. Посмотрим, какая будет ситуация.

Старый журналист понимающе улыбнулся. Он понял, что Падин хитрит и что наверняка что-то затевает. Падин слегка кивнул, и двинулся в сторону кофе-бара. Но внезапно выяснилось, что его поджидал один неизвестный ему человек. Он не то чтобы преградил ему дорогу, но как бы перекрыл часть ее таким образом, чтобы Падин не мог пройти мимо. Мужчина в очках был ростом даже выше Падина, лет 50 на вид. Он сделал едва заметный поклон и произнес:

— Сергей Валерьевич, Валентин Леонидович хотел бы с вами переговорить. Он ожидает в кабинете рядом с третьим входом.

Падин этого не ожидал. Бывший премьер-министр с ним не был близко знаком.

Сергей Падин был озадачен, но заинтригован.

— Спасибо, — ответил Падин неизвестному. — Скажите Валентину Леонидовичу, что я сейчас подойду.

Он двинулся в направлении президентского сектора, намереваясь посетить туалетную комнату. Он был намерен проверить, пустят ли его туда, не было ли указания вычеркнуть его из списка особых персон, в котором еще в прошлом году его фамилия значилась.

Падин беспрепятственно прошел первый контрольный пункт, где крепыш в синем костюме улыбочиво его приветствовал. Но на втором контроле ему дорогу преградили.

— Приносим извинения... Далее нельзя. Президентский сектор.

— Меня нет в списке? — глядя прямо в глаза бесцветному субъекту, стоявшему перед ним, спросил Падин.

— Не знаю, о каком списке речь, — отвечал субъект условно-вежливым роботоподобным голосом. — Но сюда нельзя. Специальная зона.

— Туда нельзя, сюда нельзя, — почти пропел, улыбувшись, Падин и, крутанувшись на каблуках своих лаки-

рованных туфель, решительно двинулся обратно. Однако вдруг увидел, что к нему приближается Гордин и еще трое: вице-премьер, пресс-секретарь и министр обороны — основная его свита. Падин остановился.

Президент глянул на него на подходе, но поначалу не зафиксировал взгляд. Он, конечно, сразу узнал Падина. Когда же приблизился к нему, не сбавляя хода, то уже принял решение по поводу способа общения с олигархом. Выше среднего ростом, крепкий, стремительный, Гордин излучал энергию и оптимизм, выглядел великолепно.

— Ну что, Сергей Валерьевич, не пушают? — он, улыбаясь, подошел к Падину, протягивая руку для пожатия. Рука была влажной и горячей. Пожатие было слабым, что огорчило Падина.

— Не пушают, Вадим Вениаминович, — улыбнулся в ответ Падин. — Не того удельного веса персона.

Президентская свита заулыбалась.

— Вот как! — начал сверлить его глазами разгоряченный, находившийся в состоянии легкого куража Гордин. — И с чего бы это ваш удельный вес понизился, Сергей Валерьевич? И кто же это вам сказал, что он понизился?

— Не знаю, господин президент. Но год назад сюда пустили. А теперь вот нет. Значит, понизился. Знать, не угодили мы кому-то. Или, так сказать, уровень доверия к нам несколько того... упал малость.

— А какие поводы есть, чтобы доверие к вам снижалось? Мы таких поводов не наблюдаем! — продолжал весело Гордин. — Наоборот! Размышляем даже над тем, чтобы вам кресло советника предложить. А там, может быть, и в правительстве вакансии могут появиться...

Падин понял, что далее шутить уже не стоит.

— Я никогда не скрывал своего желания работать с вами, Вадим Вениаминович. — Сочтете, что могу быть полезен — всегда к вашим услугам. Хотя большой бизнес, признаюсь, это ноша...

— Сами выбираем свое счастье... Я думаю, нам надо бы встретиться в Кремле. Вы не против?

Падин только развел руками — мол, разумеется, нет.

— Антон, внеси в график нашу встречу, — обратился Гордин к своему пресс-секретарю, и тот послушно достал блокнот. — До скорого, Сергей Валерьевич!

— Всех вам благ, господин президент! Берегите себя!

Гордин на ходу кивнул ему и двинулся дальше. Проходя мимо бесцветного охранника, коротко и сухо отрезал, мотнув головой в сторону Падина:

— Пропустить!

Это был неожиданный разворот. Падин был озадачен. Но он не пошел в президентский туалет, несмотря на разрешение, а двинулся к третьему выходу, напряженно размышляя о произошедшей встрече. «Либо он хочет обезопасить себя, посадив меня поближе... Либо реально я ему понадобился на какое-то место. Возможно, хочет Сереброва заменить», — думал Падин.

Обширный холл форума был уже весь наполнен людьми. Именитые ученые, государственные мужи, никому не известные персоны на каждом углу давали интервью бесчисленным телегруппам, разговаривали друг с другом. Мелькавшие тут и там элитные околосударственные дамы делали глазами моментальные снимки, цепко отмечая, кто с кем общается, кто кого игнорирует, выстраивали цепочки связей для их трансформации в волокна домыслов и слухов.

Он специально сделал зигзаг через зал, чтобы выйти без хвостов к выходу 3. Подходя к двери, Падин уже представлял, о чем поведет речь опальный премьер, и дверь в небольшое помещение открывал почти с нетерпением.

Звонарев говорил в этот момент по телефону; однако, увидев Падина, тут же встал, кивнул и попросил садиться, указав пальцем на мобильный — мол, важный разговор. Однако вглубь, в соседнюю комнату, не ушел, разговаривал тут же, кидая в трубку короткие фразы, типа: «Да, понял... Да, это правильно... Логично... Хорошо... Договорились...»

В комнате находились еще трое: тот же высокий неизвестный в сером костюме, вечный спутник Звонарева, быв-

ший заместитель министра МВД Максим Юрьев, а также пожилой плотный мужчина военной выправки.

Звонарев сел напротив Падина, и они встретились глазами.

— Давненько мы не виделись, Сергей Валерьевич, — заметил Звонарев.

— Прилично, Валентин Леонидович. Года три.

— Не меньше. Последний — на правительстве. На расширенном заседании. Я был еще в силе.

— Сила — понятие относительное, — заметил Падин.

— В политике — нет. Абсолютное и конкретное. На плаву — ты в силе. В чине — ты важен. Не в чине — ты пшик.

Падин улыбнулся. Он помнил манеру Звонарева говорить короткими афористичными репликами.

— Есть люди, которые ни в каком мундире не становятся пшиками, — заметил учтиво Падин, переводя разговор в деловую фазу. — Какие идеи, Валентин Леонидович?

Звонарев огляделся — мол, нету ли кого лишних.

— Познакомьтесь, — Звонарев показал головой на высокого в сером. Виталий Юдин. Полковник ФСБ. Действующий. Генерал-лейтенант Беклемищев Антон Валерьянович.

Двое высоких поздоровались. Падин с интересом посмотрел на чекиста, в его темные, скрытые магической завесой глаза опытного мага-конструктора. Генерал, который был одет в штатское, молча крепко пожал его руку...

— Идеи такие, Сергей. У нас много новых сведений по Гордину. Похоже, америкосы его цепляют уже более плотно.

— А конкретнее? — нахмурился Падин.

Звонарев глянул в сторону Юдина и кивнул ему.

— У нас на руках копии договоров позапрошлого года, — тихо заговорил Юдин. — По премьеру Кротову. Тот, похоже, вообще не наш человек. После Денвера мы подписались рекультивировать территорию в этой зоне. Тысячи квадратных километров. Но фирмы, что создал Кротов, бутафорные. За ними стоят те, что от Моргана. От них прямые нити к нашему ВПК. К большим секретам. Гордин и ухом не ведет.

— Это только часть, — включился Звонарев. — По Сахалину подготовлены документы. Он сдает его япошкам. На сто лет. По Байкалу — чудовищный договор... Сливают воду по полной! Европе не хватает хорошей воды...

— Помимо этого... — снова заговорил Юдин. — Вся эта его глобальная цифровая сеть управления завязана на центральные коммуникации наших врагов. На их базы данных. Нет на самом деле никакой информационной автономии! Чистой воды липа! Там сплошные дыры. Программное обеспечение так сделано, что вся информация этой сети будет под контролем Вашингтона и Лондона... Это все! Это наш конец! А этот бодрый живчик и в ус себе не дует. Как он был председатель колхоза, так и остался... Его дурачат, как малыша.

— Зачем он это делает? — Падин был почти ошарашен, не верил своим ушам. Лик удачи непостижимо улыбочиво разворачивался в его сторону. — Это стратегически... провал! Это предательство!

— Именно, предательство. У Кротова есть два советника. Ключевые фигуры. Так вот. Вскрылись данные об их вербовке еще в 2019 году Ми-16.

— Да вы что! Как это возможно? А Гордин... Он что, знает об этом? Он что, санкционирует это?

— Ему это подается под определенным соусом. Пока нет доказательств, что он в курсе. Возможно, тонко работают психотропники. Тех спецов, что охраняли Путина, уже нет. Их убрали! Всех! Гордин голый. Тут все возможно.

— Кротов работает совсем на другую команду, — дополнил Юдина Звонарев. — Зафиксированы его встречи с людьми Якова Берзина. Они хотят нам втихую пропихнуть хитрую платежную систему. Ну, такую... очень хитрую. Внешне все в нашу пользу — рубль работает, поднимается. Но у меня ведь работает гений. Экономист от бога. Миша Дудник. Он вычислил, что все кончится плохо. Их финансовые потоки постепенно растворят наши. Это будет та же экспансия доллара, только без бумажек. Они снова пролезают и берут в оборот Центробанк. Вся

многолетняя работа путинской команды — в корзину... Потом нас опустят, и все... Но это еще не все. Мы вам дадим все документы... Все идет по скверному сценарию. Гордин теряет контроль над экономикой. А скоро потеряет и власть. Если америкасы опять поставят своего, мы потеряем страну.

Падин в задумчивости, автоматически сел на стул.. У него в голове возникло представление, что его втягивают в нечто гнусное, что это провокация Гордина. Но он был уверен в Звонареве. Не могло этого быть... Но если то, что сказал фээсбэшник, правда... Тогда это просто редкая удача. Футбол тогда будет лишь подспорьем, но каким! Шансы свалить команду Гордина выросли бы неизмеримо.

Звонарев встал и подошел к Падину.

— Виталий сказал, что есть первые копии. Мы покажем вам.

— Хорошо, положим, — Падин успокоился, сел на место. — А почему вы именно мне об этом сообщили? Насчет меня какие идеи?

— Создается некий узкий круг, Сергей Валерьевич. В этом кругу есть и высокопоставленные военные. Этот узкий круг рассматривает разные варианты проведения президентской компании. Разных кандидатов. Вашу кандидатуру этот круг рассматривает как одну из возможных...

Падин этого именно и ожидал. Он допускал возможность такого хода событий.

— А свою кандидатуру не рассматриваете? — деликатно поинтересовался он. — В глазах народа вы — несостоявшийся правильный премьер. — Иллюзиями не живу,- отвечал Звонарев.- Трезвым надо быть... Харизмы нету и не будет. Мне бесполезно. Вы — другое дело.

Вдруг Юдин приблизился лоб в лоб к Падину.

— Нам нужно ваше согласие. Вы готовы дать его прямо теперь? — спросил он. — Согласие баллотироваться через полтора года?

Падин задумался.

В дверь постучали. Юрьев направился к ней, чтобы открыть. В этот момент Юдин и генерал быстро переместились в соседнюю комнату. Звонарев отошел к окну.

Когда Юрьев отворил дверь, то за нею обнаружили два человека: журналист 5-го телеканала и еще один человек, неизвестный.

— Что вам угодно? — спросил Юрьев.

— У меня есть задание от 27-го канала, — произнес журналист, показывая удостоверение. — Вопросы к господину Звонареву. По поводу текущей экономической политики.

— А этот товарищ тоже... с канала? — поинтересовался Звонарев.

— Да. Это наш редактор. Фетисов Игорь Семенович

— Редактор... Хорошо. Хорошо... Ожидайте меня через десять минут на втором этаже, в холле.

— Спасибо, спасибо, — начал расшаркиваться журналист, а его спутник быстро и незаметно зыркнул глазами по комнате, зафиксировав внимание на Падине и, по-видимому, на отсутствии спиртного и чая на столиках, а также кого-либо из охраны и obsługi.

Дверь закрылась. Юрьев вопросительно посмотрел на Звонарева. Из внутренней комнаты вышли Юдин и генерал.

— Второй — шпик, — коротко отрезал Звонарев.

— Определенно, — отметил Юдин. — Нету никакой официальной информации, что эта комната закреплена за вами. Чистой воды наводка. Кому-то стало интересно, почему тут не работают камеры.

— А почему не работают? — спросил Падин.

— =Питерское отделение сняло на профилактику. Есть такая бумага.

— О-о, это мутновато... Отсюда и подозрения.

— Может, не стоило здесь? — задумчиво сказал Юрьев.

— Да ничего... Ничего. Прослушки тут нет. Ну, доложит: Падин встретился со Звонаревым. И что такого? Старые партнеры... Главное, что меня и генерала не видели, — отметил Юдин.

— Давайте заканчивать. Я предлагаю провести новую встречу, — обратился Звонарев к Падину. — В более укромном месте.

— Та-а-ак, Валентин Леонидович... В заговор меня втягиваете! — улыбаясь, заметил Падин.

— Втягиваем, Сергей Валерьевич. Нам ли не знать ваше отношение к Гордину, — улыбнулся в ответ Звонарев. — И про ваши амбиции тоже знаем. Однако программу в любом случае надо будет принимать совместно.

— Мы ждем ответа, — сверлил Падина взглядом фэ-эсбэшник.

— Ответ положительный, — коротко отрезал Падин.

Повисла пауза. Звонарев с гэбистом переглянулись.

— Надо встречаться, — тут же стал рубить фразы Звонарев. — Программу надо обговаривать. Шаги надо обдумывать. Почву готовить.

— Я не скрою, Валентин Леонидович, — заметил Падин. — Чье-чье, но ваше доверие... оно для меня очень ценно. Вы человек крепкий и понятный мне. Втихую, за спиной, игр не вели. Давайте попробуем. У меня, возможно, тоже будут кое-какие заготовки. И возможно, понадобится участие доверенных людей из органов тоже. Я по мелочи не играю, как вы знаете.

Падин выразительно посмотрел на Юдина. Ему нравился этот жесткий, конкретный офицер. Он угадывал в нем однозначную военно-патриотическую выделку.

— Мы знаем, что вы играете по-крупному. Потому и готовы поставить на вас, — улыбнулся Звонарев. — Про заготовки расскажете?

— Возможно. Назначайте новую встречу. Я приеду.

— Надо расходиться. Сейчас начнется новое сессионное заседание, — заметил Юрьев.

ГЛАВА 12

Они сидели на скамейке у Патриарших уже полчаса. Все главное Андрей уже рассказал учителю. Было ясно, что Бе-

рестов очень заинтересовался этим проектом. Он слушал Андрея со все возрастающим вниманием, и лицо его становилось все серьезнее и озабоченней. Выслушав, он некоторое время молчал. Затем спросил:

— А вы для чего меня посвятили в это дело? Вы как видите мое участие в нем?

— Мне без вашей поддержки не осилить. Я чувствую, что тут все выйдет на такие уровни... Мне не понять, не схватить. Это же не просто футбол.

— Вот! Вы совершенно правы. Футбол тут далеко не все. Это просто центральная точка мандалы. Точка центрирования процесса.

— Я помню. Закон мандалы. Алгоритм развития любого плода.

— Не только плода. Любой энергоинформационной системы, тяготеющей к сферической форме. Так вот. В данном случае футбольный чемпионат работает как зачин, чтобы эгрегоры наций перевести в некий особый режим. Этакого крайнего напряжения. Я ведь вам рассказывал про движение эгрегоров...

— Я Падину частично про это говорил. Пока не схватывает.

Михаил Георгиевич помолчал, подумал, затем заговорил:

— Всему свое время. Вы правильно сделали, что рассказали про этот проект. Это очень важно. Очень похоже, что тут заваривается нечто весьма масштабное. А вы выступаете как некий концентратор процесса. Похоже, что некто там (он показал наверх) выводит вас в зону особой ответственности. Если вы сможете осуществить задачу, вы сможете сильно подрасти как эволюционирующая сущность. Это очень ответственный момент для вас. Я рад, что так получается...

— Если бы вы не работали со мной, вряд ли я оказался в этой точке...

— Не знаю. Об этом ничего не знаю. Но давайте поразмышляем пока на простом низовом уровне. Вопрос первый. Почему Падин хочет сместить Гордина и его команду? Как вы думаете?

— Обычный вариант. Жажда власти. Самореализация.

— Это правильно. Но это не все. Падин — потенциально человек второй варны... Ему уже тесно в рамках третьей. Его материальное уже перестает удовлетворять. В нем пробуждается новый человек и зовет его; но Падин, заметьте, не уходит в питье или спортивный секс. Потом... Это единственный

человек из тех, кто наверху, у которого чисто русские корни. Надо признать, что идея с футболом — это гениальная идея! Это трамплин, который в момент может вознести его наверх. Без всяких долгих политических мытарств, без баталий, без тысяч поездок и встреч с избирателями. В случае выигрыша команды он просто проходит сразу в дамки. И все! Гордину делает моментальный мат. У Гордина в случае выхода Падина на выборы в ранге триумфатора чемпионата мира будет только один шанс: нарушить все законы. Распустить Думу. Ввести войска, все запретить; сказать, что все фальсификация, и так далее. Но это будет грозить ему политической смертью. Тогда придется бежать на поклон к Западу. Он не настолько глуп, чтобы этого не понимать.

Михаил Георгиевич по давней привычке начал ерошить свою седую шевелюру. Так он делал всегда, когда ему нужно было на чем-то сосредоточиться.

— Но главный вопрос состоит в том, кто стоит за ним.

— Как? Вы полагаете, что он не самодостаточен? Что он под кем-то?

Берестов слегка качнул головой.

— Не о том речь, Андрей. Мы ведь все под кем-то. Свободная воля наша, конечно, не полная иллюзия, но ее объем съедается факторами, которые нам неведомы.

— Не понимаю... Поясните.

— Вы Даниила Андреева так и не прочли?

Андрей чуть виновато покачал головой.

— А зря... Он первым зримо описал эти факторы. Он дал понятие, как сущности тонкого мира влияют на сознание людей, на историю народов. По его метафизике, метаистория предстоит истории.

— Опять не понимаю...

— Тонкие миры населены, Андрей. Там есть могучие сущности. Сказки Толкиена тоже об этом. Это все отзвуки увиденной ими реальности.

— А футбол здесь при чем? Падин, я... Все мы?

— Да вы слушайте! История России в «Розе мира» представлена таким образом. Демон великодержавия России,

или Уицраор, борется с враждебными демонами. Демиург народа, то есть светлое начало, в каких-то случаях противодействует Уицраору, в каких-то помогает ему. Об этом, помнится, даже снял фильм один толковый режиссер. Году эдак в 16-м... У него нынешний период обозначен как время работы четвертого демона великодержавия, четвертого Уицраора. И ход времени все более показывает прозорливость автора версии. Государство при Путине начало укрепляться после спада, что естественным образом стало очень раздражать врагов. Враждебные демоны непременно перешли бы в атаку, как в 1914-м, когда б у русского медведя не было ядерной дубины. А так они злобно твякают вот уже лет двадцать, а сделать ничего не могут, трусят. Медведь прет и прет, а у них обвалы. Катастрофа под Денвером, финансовый кризис. Но вот сейчас что-то происходит... Как бы сказать... Что-то не очень хорошее для нас. Они формируют новый эгрегор, основанный на искусственном интеллекте. И тут они начинают нас переигрывать, так как у народа сознание по-прежнему архаичное. Ему снова подсунули христианство, а это фактор торможения. Ученые ведь тоже часть народа. А те ребята, за бугром, этот инструмент давно утилизировали, выставили просто как театр для простаков. Они в серьезные вещи вложились. Вот этот чудо-город на воде, что создали в Саудовской Аравии, — это ведь не просто так. Подземный супергород во Флориде... Это не просто мозговые центры, компьютерные гиперстанции, а...

— Они это подают как центры глобального управления, без которых теперь нельзя.

— Это далеко не вся правда. Через них происходит формирование обиталищ новых монстров, причем связанных с искусственным интеллектом. На арену уже вышли первые их порождения, почти не отличающиеся от людей. А в тонком мире формируется нечто, что может там полностью все переформатировать. Чем это чревато, непонятно.

— Опять не понимаю...

— И я не могу сказать, что все понимаю. Но вы представьте... Существа появились, целое сообщество. Монады

заселились. Откуда они? Куда уходят после развоплощения? Что это за миры? Властны ли над ними уицраоры? Это совсем новый период, новая эпоха...

Берестов помолчал. Потом жестко и твердо произнес:

— Я думаю, что футбольный проект будет каким-то сегментом новой линии фронта...

Андрей с тревогой слушал, потирая лоб.

— Может, мне все же не футболом надо заниматься? А чем-то более серьезным?

Берестов улыбнулся:

— Я думаю, ваше место определено. Единственное, что нужно прояснить, это вопрос о разворачивании футбольной темы в нужное для нас русло. Не исключено, что все будет развиваться в некоем... весьма глобальном контексте. Ведь дело не в Падине. Не Падин это придумал! Его самого подвели к этому! Подозреваю, что это связано с динамикой нашего этноса. А может, и чем-то большим. И мы должны сыграть тут свою роль. Мое же дело просчитать суть процессов и правильно все выстроить. Я подозреваю, что мне придется работать с Падиным.

— С Падиным? В каком смысле.

— Пока не знаю. Возможно, даже суггестивно работать с ним.

— Скажите... А вы, вообще говоря, в принципе допускаете такую возможность, что у меня все получится? Именно вы? Что я могу осуществить такой проект? Вы лично?..

Берестов помолчал, потом сказал:

— Боюсь, что вы сами до конца не представляете, на что способны. Я уверен, что вы можете это осуществить. Вам это по силам. Именно вам! Ваш интеллект позволяет эффективно применить современные технологии. И при этом соединить их со Знанием, которое вам уже приоткрывается. Это ваш козырь.

— Спасибо! Для меня это немало...

Они снова помолчали, некоторое время задумчиво смотрели на темноватую блеклую воду пруда. Где-то раздался сонный, вяловатый удар колокола, затем другой, третий. Озабоченные

люди в темных куртках и пальто все шли и шли мимо в сторону метро. Никто из них, конечно же, не мог предположить, что двое мужчин у пруда разговаривают о чем-то таком, что может иметь отношение к большинству из них.

Берестов вдруг спросил:

— Скажите... Вам интересные сны больше не снятся?

Андрей с удивлением посмотрел на него. Такой переход он сделал неспроста; но понять для чего было невозможно.

— Сны? Да разные снятся...

— У вас интересные бывают сны. А сны — это ведь непростая вещь. Это отсвет блужданий высшего аспекта человека в тонких мирах. По ним иногда можно восстановить маршруты его странствий

— Понимаю. Но много снов таких...набор случайных картинок.

— Да, безусловно. Воздействие на тонкие тела извне выталкивает во внутреннее сознание те картинки, что привязаны к серверам мозга. И перемешивают их. Порой причудливо...Помню, вы мне рассказывали про сон...Про темных хищников...как они вокруг вас расселись. И как потом пришел огромный лев, и они все разбежались.

— Было такое. Когда я загибался...

— Ну, зачем там грубо...Вас испытывали... Не снилась ли вам средневековая зала?...Дама в красивом лиловом платье, пышном таком, на каркасе... Торжественная музыка, венчание в кафедральном соборе...

— Хм...Венчание...Не помню...Музыку такую...торжественную вроде слышал...Нет, женщины такой я не видел...А для чего вы спросили?— Да так... Просто спросил, не было ли у вас интересных снов.

— Не было. Хотя вот... С женщиной год назад был такой сон. Современный. Станный. Сажу в самолете, а рядом парашютисты. А я чужой. Смотрят на меня, улыбаются. Потом они начали подходить к люку и прыгать. И девушка идет. На меня вдруг оглядывается... И как будто просит о чем-то.

Михаил Георгиевич вдруг снова начал ерошить свою шевелюру. Он теперь внимательно смотрел прямо в глаза Ан-

дрей, а тот не понимал, с чем связано такое внимание к какой-то ерунде.

— И что? Что вы?

— Ничего. Хотел было схватить за руку. Но не схватил.

— И она прыгнула...

— Прыгнула! Улетела. Исчезла, короче...

— А вы полетели дальше? В самолете?

— Нет... как-то не по себе стало. Вышел из сна.

Берестов как бы выдохнул. Как будто задерживал дыхание до того.

— А сон снился давно?

— Года полтора назад.

— Понятно... Ну ладно. Давайте на сегодня разговор закончим. Мне надо подумать. Тут все очень-очень непросто... О-хо-хо!..

— Хорошо.

— До встречи! Я позвоню вам.

Михаил Георгиевич вдруг встал и двинулся в сторону «Маяковской». Налетевший ветер поднял сухие желтые листья, и они понеслись вдоль тротуаров. Берестов удалялся своим неповторимым шагом: вроде бы медленно, равномерно переступая с ноги на ногу, но при этом двигаясь исключительно быстро.

ГЛАВА 13

Веронике, естественно, были интересны все предметы в доме Михаила Георгиевича, и она по-женски внимательно их изучала. Количество полок с книгами ее, конечно, не удивило — это было понятно. Картины и амулеты на стенах привлекли больше ее внимания, но она не могла истолковать их назначение. Ничего особенного не могла она увидеть, только чувствовала.

Берестов заварил чай, добавив смеси разных трав, и сел напротив нее.

— Как ваши дела? Как отношения с сестрой? Ресурсы терпения еще есть?

— С нею нормально. Я ей помогаю с детьми. Она ведь мотается по делам. Я помогаю — то в секцию одного отвезти, то девочку в студию живописи. Готовлю им еду. Муж ее чуть уже напрягается — он устает от работы. Он строитель. В какой-то организации строительной работает. Делает эстакады в Москве.

— Книги, что я вам дал, прочли? По даосской тантре?

— Я подробно их изучаю. Чтение, конечно, интересное, — улыбнулась она. — Интересно все же, какое у отношение к этому имею? Мужа хотите мне такого найти? Продвинутого?

— Не мое занятие — искать мужей. Они сами находят, если судьба к этому располагает. И если у женщины есть магнетизм. У меня, Вероника, совершенно другие цели — они, возможно, довольно прагматичные. Для начала хочу вас обеспечить работой, просто встроить в проект. Но работа может вам помочь еще в каких-то аспектах, разобраться с теми наслоениями, что внутри вас... Для чего была дана эта ситуация с падением? На что вас хотели нацелить таким образом? Ясно, что на какую-то внутреннюю работу. Какую? Вот что главное. В этом во всем надо разбираться.

Берестов выразительно посмотрел на Веронику.

— Но вот на тантру вы меня нацеливаете для чего? — поинтересовалась Вероника, — Ведь не просто потому, что есть такое рабочее место?

— Не только поэтому, нет. Вы мне вот скажите, простите за нахальство: а как получилось, что вы в 32 года ни разу не были замужем? При такой весьма примечательной внешности.

Вероника смутилась.

— Так сложилось... Не встретила еще человека.

Берестов пристально смотрел на нее.

— Так не бывает, Вероника. Ведь варианты у вас были. Но потом что-то происходило... Так ведь?

Вероника покраснела. Потом глухо проговорила:

— Вы меня простите. Мне не хочется говорить на эту тему.

— Понимаю, понимаю. Больше не буду. Но книжечки вы пока читайте, хорошо?

Вероника кивнула.

— Сейчас подойдет один человек, — продолжал Берестов. — Я хочу вас с ним познакомить. Он футбольный тренер. Это в каком-то роде мой ученик. Я ему помогаю в одном деле. Очень, я бы сказал, масштабном. С этаким... существенным удельным весом по значимости.

— Футбольный тренер? Вы и в прошлый раз меня про футбол спрашивали. Ага... Связь улавливается. Хотя я и футбол вещи несовместные. Но тантра? При чем тут даосская тантра? Я слышала, что есть женский футбол. Он тренирует женщин?

В этот момент запиликал звонок. Это пришел Маранов. Михаил Георгиевич накинул куртку и пошел открывать ему ворота. Новенький «Мицубиси» Маранова мощно вкатился в небольшой дворик. Андрей отрастил волосы почти до плеч, был в кожаной куртке. Весь заведенный, горячий, крепкий, упругий. Михаил Георгиевич не удержался и похлопал его плечу, потрогал набухший бицепс.

— Вот это да! Набираем форму, Андрей? Очень хорошо! Рад видеть!

— Взаимно, Михаил Георгиевич! Постоянно вы мне приходите на ум: вопросов столько, что не успеваю охватить. Есть вопросы сложные... Представляю, как бы их решали вы.

— Разберемся, Андрей. Время еще есть. Проходите... У меня тут гостья. Хотел вас познакомить.

Войдя в комнату, Маранов тут же наткнулся на направленный на него цепкий женский взгляд. Лицо женщины показалось сразу ему знакомым. Однако он не придал этому значения — мало ли где он мог ее видеть?

— Знакомьтесь: Сергей. Вероника, — представил их друг другу Михаил Георгиевич.

Вероника привстала, пожала руку, внимательно глядя Маранову в глаза.

Они сели. Берестов начал разливать чай.

— Фирменный ваш? Улун? 324 дробь 8? — пошутил Маранов

— Именно, — сказал Михаил Георгиевич, разливая чай. — Вот свежий. Только что с Ориона привезли. В тарелке, через окно доставили. У них там очень хорошие чаи выращивают.

— О-о... как бы я хотел на плантациях поработать у них. Хотя бы роботом! — пошутил Маранов. — Может быть, научился бы растворяться в одном мире, проявляться в другом.

— Лучше проявляться сразу во многих мирах, — подхватил шуточный разговор Михаил Георгиевич. — Больше обзор — больше сознание.

— А у них какое сознание? — спросила Вероника, подстраиваясь под эту волну.

— О-о!.. Ну как вы думаете, какое может быть сознание у существ, у которых самый высокий дух нашей планеты входит только в их низшую ложу? — вдруг на полном серьезе заговорил Берестов. — У них сознание галактическое. Им надо расширять сеть освоенных космических тел.

— Михаил Георгиевич, а вы что... у них там бывали? — спросила Вероника очень серьезно.

Берестов рассмеялся:

— Да постоянно там околачиваюсь, отшутился Берестов- У меня там жена, дети. А на Арктуре еще две.

— И тоже дети, — засмеялся Маранов. — Восьмикрылые, в гуттаперчевых таких шапочках.

— Не ожидала, Михаил Георгиевич, что вы такой, однако, ветреный, — засмеялась и Вероника. — Стало быть, вы тоже участвуете в заселении Космоса.

Тут они рассмеялись все втроем.

— Однако давайте к делу, — прервал шуточный разговор Михаил Георгиевич. — У нас Андрей Викторович очень занятой человек. Он создает новую команду, и перед нею стоят отчаянно-важные задачи. Эта команда должна одержать ряд побед, которые должны нашему народу, так сказать, доставить удовольствие и удовлетворение, вдохновить его на трудовые и прочие подвиги.

Но тут он заметил, что Вероника как-то странно смотрит на Маранова, а тот на нее... И тут она сказала нечто странное:

— Скажите, Андрей... А вам тот длинный, рыжий... девятый номер... Он сильно тогда ногу подбил? В Зауральске тогда, летом. Я видела, что вы лежали целую минуту. Даже переживала за вас.

Маранов взглянул на нее несколько ошеломленным взглядом. Чего-то такого он и ожидал. Не мог Михаил Георгиевич его вызвать просто так. Он встал, нащупал в кармане сигареты.

— Можно, я пойду, перекурю немного. Гнал машину, немного завелся.

— Конечно, конечно, — отвечал Михаил Георгиевич, с любопытством наблюдая происходящее.

Маранов же, стоя на крыльце, пытался понять, что за логику выстраивает Михаил Георгиевич. Он догадывался, что тут замешано нечто запредельное. И вдруг он понял! Он вдруг понял, на кого похожа эта женщина. *Это была та самая, из сна про самолет.* Это она просила его не пускать ее, не давать ей прыгнуть. Но она прыгнула.

— Боже, так это парашютистка! Но ведь то был сон! А тут она сидит — живая, реальная!

Поняв это, он вбежал в дом. Вероника стояла вполборота к окну и пила чай с чашечки. Он подошел совсем близко к ней, взглянул на нее в упор изучающим взглядом. Чашечка задрожала в ее руке, и она быстро поставила ее на стол. Она сперва даже не могла выдержать этого взгляда, но собралась, и тоже молча стала глядеть ему прямо в глаза. Так продолжалось почти минуту, и за это время что-то между ними произошло... Нечто очень древнее, невыносимо давнее проснулось и соединило их безо всяких слов.

Они вдруг отвернулись друг от друга и сели на свои стулья.

— Ты сюда на электричке приехала? — вдруг заговорил с ней на «ты» Маранов.

— Да. На электричке.

— Потом обратно в Москву едешь?

— Да. Хочешь подвезти?

— Если ты не против.

— Я не против.

Михаил Георгиевич молча наблюдал эту сцену и никак не вмешивался. Затем он встал и включил музыку. Это была какая-то психоделическая, рассеянная электронная пульсация, наполнена прозрачными переливами.

— Скажите все же, а какая роль у Вероники?

— Связь с женщинами.

— Какими женщинами?

— Тантристками. Их надо искать и готовить уже сейчас.

Через полгода их надо будет познакомить с вашими бойцами. И соединить, так сказать. Вы же знаете, это могучий источник энергии. Без него не получится. Даже на уровне простой физиологии тут все очевидно: здоровые молодые мужчины должны иметь женщин. А цель понятная: бойцы должны получить дополнительный стимул и к борьбе, и к работе. Особенно эти женщины будут нужны на финальной стадии. Там от них, возможно, будет зависеть процентов 30 успеха.

Некоторое время Маранов и Вероника переваривали сказанное. Потом Вероника произнесла:

— Это то есть... Как женщины гладиаторов?

— Именно! Сравнение корректное. Но там была только физиология, а тут необходимо, так сказать, и энергетическое взаимодействие, причем выстроенное с пониманием сути мужской и женской сексуальности. Нужен уровень алхимических превращений, способность к овладению этими тайнами. Потому нужны особенные женщины. А мужчин также придется готовить. Но я скажу, Вероника... Поверьте, вам также нужны будут эти знания.

Она встретила его внимательный взгляд и поняла, что и это он сказал не просто так, а с каким-то дальним прицелом...

— Я так понимаю... Я должна буду найти этих женщин. Но где? Я не занималась этим.

— В борделях их точно искать не надо. Есть множество семинаров по тантре. Их надо искать там, среди участ-

ниц. Среди тех, кто прошел эти семинары, и лучше, если прошел не раз. Надо найти лучших тренеров, поговорить с ними.

— Задача проясняется, — задумчиво сказала Вероника. — Но прямо скажу: я в шоке! Я же в этом ничего не понимаю! Я только начинаю в это вникать!

— У вас есть время, Вероника. Но не так много. Мы предлагаем вам работу. Вы будете формировать команду женщин. Мы вас обеспечим всем необходимым: снимем квартиру, купим все необходимое. У вас будет нормальная зарплата. А там посмотрим... Подумайте. Мне кажется, это неплохой вариант для вас.

— Короче, у меня роль сводницы,- чуть игриво склонив головку, проронила она.

— Вероника!..-поморщился Берестов.-Ну что вы?

— Пардон...Но...Скажите, а почему вы предлагаете это именно мне? — спросила она. — Ведь вы могли бы найти профессионала, кто в этой теме давно сидит. Тренера по тантре.

Михаил Георгиевич словно ожидал этого естественного и логичного вопроса.

— Раз я предложил это вам, стало быть, есть на то причины. Как вы думаете? Ведь вы же парашютистка.

Она поняла, что таких вопросов больше задавать не надо.

— Да. Я парашютистка. Правда, бывшая. И что?

Ответа не последовало.

— Михаил Георгиевич,- вдруг заговорил Маранов.- А как это совмещается...

— С чем?

— Вы же в ведической традиции. Там ведь все жестко... Законы Рита. И так далее...

Берестов кивнул головой, встал, прошелся по комнатке. Потом заговорил:

— Вопрос-то правильный...А ответ будет такой. В стране, где двадцать веков запирали сексуальность, любой шаг в правильном направлении будет прогрессом. Да, сексуальная революция прошла. Но она прошла на почве дикости во взглядах на эту сферу. Пока нужно просто двигаться к по-

ниманию сути этих отношений. Они же прежде всего энергетические. Инь- Ян...Аспект космической любви... У нас тут все пока на животном уровне. А вы говорите законы Рита...Да и когда возникнут условия, в том виде их не породить.Так что не беспокойтесь, Андрей. Идеологически, так сказать, тут все нормально. А с другой стороны, у нас есть цель. И нам нужно ее достичь. Все должно работать на эту цель.

Они поговорили еще некоторое время, а затем Маранов и Вероника сели в марановский джип и уехали. Почти всю дорогу они молчали. Вскоре они уже были в городе. Маранов предложил ей зайти в рестораник.

Там разговор поначалу тоже не клеился. Маранов не мог преодолеть непонятную скованность; Вероникой овладело странное состояние, когда ее внимание было более направлено вовнутрь себя,где попеременно переменялись беспокойство и уверенность, страх и рассеянная отрешенность от реальности. Она подозревала, что последнее связано с воздействием Михаила Георгиевича. Однако интерес к новым обстоятельствам жизни постепенно овладел ею.

— А вы давно знаете Михаила Георгиевича? — она вновь перешла на «вы».

— Достаточно давно. Около десяти лет.

— А каким образом... на почве чего вас свела судьба?

— Я интересовался дыхательными практиками, а он как раз вел тренинг. Я прошел его. Он как-то меня выделил, пригласил на следующий — самоисцеления. Я также прошел его. И еще пять тренингов, позднее Последние три — совершенно бесплатно. Хотя он должен был платить за аренду зала.

— А на какие средства он существует, если не секрет?

— Этого я не могу сказать. Знаю, что он ведет группы. Что еще... Консультирует как психолог. Я так думаю, есть еще что-то, так как он не сам по себе. Существует сообщество, которое ему близко по духу, с которым он очень серьезно связан. На данный момент меня не это интересует.

Сейчас он будет занят на моем проекте. Я точно знаю, что он не способен делать что-либо... ну, противоречащее его нравственным принципам.

Пока он говорил, она изучала его, сканируя и внешним взглядом, и женской интуицией. Качества сидящего напротив нее человека так и отщелкивались в ее сознании, как стук телетайпа: «воля, воля, целеустремленность, агрессия, воля, память, стремление, иномирное; воля, победа, торжество, покорение; агрессия, великодушие, благородство, нежность, нежность...»

Они помолчали. И потом она спросила про главное.

— А что ты понял, когда выходил курить? Скажи! Что ты понял?

Она взглядом просто вонзилась в него. Однако он его встретил спокойно — ему и не такие взгляды приходилось встречать в своей жизни.

— А ты каким образом знаешь про матч? Ты что, из Зауральска?

— Да. Я там жила. С гражданским мужем. И видела этот матч. Пятнадцать лет назад.

— И как же ты меня узнала?

— А так... Очень просто, — чуть кокетливо отвечала она. — Узнала, и все.

— И я тебя узнал, — вдруг сказал он, проникая через ее глаза будто бы в самую ее суть...

— Как это?

Глаза ее расширились. Она отстранилась, стала как-то нервно отпивать чай из чашечки. Поняла, что имеет дело тоже с непростым человеком. «Маг... Маг. Белый маг... — застучало в ее голове. — Ученик... Посвящение... Гималаи... Гималаи...» А в уме возник уже попутный вопрос: «Почему Гималаи? При чем тут Гималаи?»

— Как узнал? Мы разве виделись? Мы же не виделись никогда...

— Я не знаю... Я точно видел тебя. Но это было что-то вроде сна. Скажи, почему Учитель назвал тебя парашютисткой? Ты что, прыгаешь с парашютом?

— А-а, так ты ничего не знаешь... Вот оно что... Да, я прыгала с парашютом. Я кандидат в мастера спорта. Но больше я не прыгаю.

— Не прыгаешь... А почему?

— Неважно. А что тебе приснилось? Кого я тебе напонила? Я могла быть просто похожа на ту, что тебе снилась. Сны — это ведь материя такая... очень зыбкая.

— Да, я мог бы ошибиться. Но я не ошибся. И дело не в похожести, а чем-то другом. В чем-то еще, что словами... не определишь.

— Так что эта женщина делала в твоём сне?

— Она шла на выход... в самолете... Для прыжка...

Вероника вдруг напряглась. Вот этого она не ожидала! Неожиданно ей сдавило виски. Начала внезапно болеть задняя часть головы.

— Для какого прыжка? — прошептала она. — Куда?

— Ну как... Вниз! У нее парашют был за спиной. Она оглянулась на меня... Вот это лицо я и запомнил.

Андрей смотрел на нее, не отрываясь, следя за каждой ее реакцией. Он понимал, что происходит нечто важное. Подошел официант, сгрузил чай, блинчики, пасту — все выложил аккуратно на стол. Они все это время молча смотрели друг на друга. Официант отскочил, как только все выставил, будто вытолкнутый невидимой пружиной.

Когда он ушел, Вероника медленно, с выражением спросила:

— Она оглянулась... И что?

— Она... словно бы просила помощи, понимаешь? Какая-то мольба была в глазах. Но я не понял. И теперь не понимаю, о чем была мольба. А ты знаешь? Скажи! Почему Учитель назвал тебя парашютисткой? Как ты его нашла? Вообще... Каким образом ты попала сюда? Как ты оказалась в его доме? Ты, которая меня видела на матче в Зауральске? Что это за ребус? Ты можешь объяснить?

Она откинулась назад, выдохнула задержанный воздух.

— Нет. Я объяснить не могу, — отвечала она. — Я пока многого объяснить не могу... Пусть объяснит твой учитель. Он-то, наверное, знает.

Маранов подозрительно смотрел на нее, понимая, что она сказала не все. Но условия игры принял и он.

— Ты про мой проект все знаешь? Представляешь, во что я влез?

— Пока приблизительно... Вот и расскажи — самое время. А то мне как-то неловко. Меня вроде как на работу взяли, а предложил ее не ты. А ты сам-то предлагаешь?

— Это зона ответственности Учителя. Все, что касается метафизики. Тут я ему полностью доверяю. Мне без его помощи это не осилить. Я больше скажу. Я отчасти потому и согласился, что рядом есть он. Это очень, очень большая игра. И ставки тут высокие. Понимаешь, футбол — это только часть проекта.

Вероника вдруг прочувствовала некий объем. Просто грандиозный объем, который стоял за всем этим. И тогда его внутренний кураж, отчетливо видный накал, сжатое словно в платиновый цилиндр огненное напряжение стало просачиваться и в нее.

— Я также ему полностью доверяю. Потому я даже не раздумываю. Я буду делать все, что он мне скажет. И как можно лучше.

— И что буду говорить тебе я, ты тоже будешь делать.

— А вот этого не обещаю, — вдруг по-женски игриво сказала она, смеясь.

— Как это? — принял он шуточный тон. — Как это не обещаешь? Я же босс!

— Босс, босс! — поддакнула она, продолжая смеяться. — Биг босс! Вэри лачжь босс! Не во всем ты босс, понял? Не во всем!

Он засмеялся в ответ:

— Согласен! Не во всем!

Они весело принялись за еду. А вскоре они уже выходили из ресторана на пустынную ночную улицу. Он довез ее до дома. Взгляд ее при прощании был заинтересованный, небезразличный. Он молча пожал ей руку.

— Созвонимся!

ГЛАВА 14

Матч в Вест-Пойнте собрал около десяти тысяч зрителей, множество репортеров. Крупные телеканалы страны заплатили за телетрансляцию.

Магистр Виндинг-Бронс занял место в затемненной ложе возле комментаторских кабин. Рядом с ним расположились

два его телохранителя, а также три представителя Братства, и среди них куратор Вестерлинк.

Игра с нигерийцами проходила немного нервно. Африканские футболисты были настроены на борьбу. Они были воодушевлены выходом в финал и любую игру теперь рассматривали как важную часть подготовки. Играли они активно, даже агрессивно; боролись буквально за каждый мяч, словно бы чемпионат уже начался. Они были очень мощны, физически выносливы и активны. Шестеро обычных игроков и четыре киборга не могли поначалу справиться с ними. Имея мощного нападающего на левом фланге, игравшего за лучшие клубы Европы, нигерийцы постоянно выводили его на удар. В итоге этот Гунугбуна на 23-й минуте поймал мяч на левую ногу и мощно пробил в угол.

Вдохновленные успехом нигерийцы атаковали американцев по всему полю, и под занавес первого тайма забили еще один очень красивый гол после углового. Но уже в первом тайме стали возникать острые стычки между киборгами и рослыми, мощными нигерийцами. Натолкнувшись на таких же мощных киборгов, нигерийцы первыми начали грубить.

Второй тайм проходил еще в более жесткой борьбе. Тренер американцев выпустил еще двух киборгов. Таким образом, вся полузащита и все нападение команды теперь состояло только из киборгов. Началась рубка на каждом пятачке поля, и киборги стали постепенно передавливать, пережимать выносливых нигерийцев. В силовых схватках за мяч африканцы начали буквально отлетать после движения плеча или бедра киборга, когда тот напролом шел к воротам.

Африканцы с удивлением смотрели на этих неизвестных им игроков, но продолжали бороться жестко и упорно. В итоге в одной из схваток киборг неловким движением крутанул нигерийского защитника через ногу; рука же его оказалась вывернутой между его же ног. Темнокожий футболист издал истошный вопль и рухнул, скорчившись на газоне. У него был жуткий перелом. Игрока вынесли на носилках; седьмому номеру американцев (киборгу Дюггарду) дали предупреждение.

Американцы мощно двинулись в атаку развернутым фронтом. После того как еще одного их футболиста вынесли с поля после столкновения с киборгом, африканцы прекратили игру и окружили судью. На поле выбежал тренер африканцев, англичанин, и начал отчаянно кричать, размахивая руками. Его можно было понять: в товарищеской игре он терял ключевых игроков. Один из африканцев толкнул одного из киборгов, что-то резко выговаривая ему. После очередного толчка он получил удар в челюсть... Так унесли с поля на носилках третьего игрока африканской команды. Девятку американцев за грубость удалили с поля. Позже выяснилось, что у африканца сломана нижняя челюсть.

Однако теперь команда Нигерии была психологически надломлена. В оставшееся время американцы мощно шли вперед, и забили-таки два рабочих, трудных гола. Игра закончилась вничью, 2:2. Однако было ясно, что эту игру придется разбирать дисциплинарной комиссии ФИФА.

Магистр покидал стадион весьма озадаченным. Эксперимент удавался лишь наполовину. Смешанная команда играла — это была удача, это было хорошо. Но играла она пока неважно. Она выглядела несыгранной, несогласованной. Африканцы же играли прекрасно, и предстали организованной, классной командой, отлично подготовленной физически. Магистр позвонил главному тренеру команды Мерриуэзеру.

— Что происходит, Пэт? Мы засвечиваем игроков как записных грубиянов, костоломов. Это может плохо кончиться. Сборную просто дисквалифицируют.

— Это пока не ко мне, господин магистр. Команда в этом составе тренируется недавно. Во время игры ваши люди из центра IT-обеспечения перевели новых игроков в режим высокой интенсивности. Да, они стали активнее бегать и бороться за мяч. Но они не контролируют свои действия по отношению к обычным людям. Я с этим не могу ничего сделать. Это не мои проблемы. Моя тема — поставить игру...

— Я понял вас, Пэт. Будем разбираться.

Когда после игры андроиды шли в раздевалку, магистр заметил, что в их лицах что-то неуловимо изменилось: в них не было теперь выражения тупой и неотвратимой агрессивности и мрачности. Некоторые улыбались; остальные имели ненапряженные, вполне адекватные человеческие лица.

«Им вообще все равно, выиграли они или проиграли,- подумал магистр, и холодок страха прошелся по его груди, где-то внутри. Страх этот был связан с неизвестностью. А вдруг ничего не получится? Вообще... Если будет полный провал?

Но он тут же отогнал от себя эти мысли, как рой назойливых мушек. У него на сей день стояло в плане весьма интересное мероприятие...

Перед самым приходом андроидов в блок проживания Балнемур и магистр переместились в другое помещение, где можно было на большом мониторе наблюдать, как после душа футболисты идут разбирать своих «женщин». Обычно после вечерней тренировки или игры им был положен так называемый секс-час. Игроки всей командой заходили в помещение. Некоторые куклы, заранее включенные, бежали встречать своих героев. Другие ожидали, пока их мужчины сами подойдут к ним. Куклы обнимали, целовали их, шептали в уши томные и страстные фразы. Некоторые из кукол тут же хватали любовников за причинное место, прощупывали их члены, и те моментально поднимались. Магистр видел, как одна из кукол, пухленькая брюнетка, нагло стащила с любовника под номером 4 трусы, и начала делать ему минет при всех, на что никто особо не обратил внимания.

— Это операторы забавляются, — усмехнулся Балнемур. — Они там обычно сидят и ржут. Кстати, после начала этой работы женщины и мужчины, которые работают в аппаратной, сами все... Короче, их это возбуждает.

К огорчению Балнемура, в этот раз возник конфликт между двумя андроидами из-за одной красивой куклы. Они ее не поделили — оба заявляли претензии на нее; красотка же стояла в сторонке и наблюдала. Оператор с трудом разрядили ситуацию, воздействуя расслабляюще на одного из андроидов.

Куклы перемещались не очень быстро, но уверенно. Поэтому обычно андрюиды брали их на руки и тащили в свои номера.

— Хорошие девчонки, — усмехнулся магистр. — Это был вообще хороший ход. Они теперь спокойнее.

— Наша задача, чтобы они не стали слишком спокойными, — усмехнулся Балнемур.

— Как все же эти куколки устроены? — поинтересовался магистр. — Любопытно все же...

— Ничего нет проще, господин магистр, — ответил Балнемур, выводя картинку на экран большого монитора. А затем начал давать короткие пояснения:

— По сравнению с первыми моделями радикальные усовершенствования. Тело создано из особого рода мягких пластиков; одето на динамичный каркас из легких композитных материалов. Система обогрева и жидкостное обеспечение выполнено по особым технологиям. По тонким металлическим нитям тепло подводится ко всем участкам кожи от основного аккумулятора. Он размещен в грудном отсеке. Жидкости в ротовую полость, к влагалищу и анусу подаются через тонкие шланги. Компьютерная система поддерживает необходимую консистенцию каждой из трех жидкостей. Более вязкая и приятная на вкус подается во влагалище. Безвкусная и прозрачная — в ротовую полость и нос. Также немного вязкая и с запахом, понимаете... определенным — в анус.

— Понятно, — отозвался магистр. — Достаточно. Давайте посмотрим, что там у них...

Магистр увидел на мониторе, как андроид играет с куклой, катая ее по кровати, заставляя занимать разные позы. А потом пригвоздил ее к ней огромным членом.

Другие андроиды не спешили сразу входить в кукол. Те издавали сладострастные звуки, произносили фразы типа: «О, бьютифул! Фак ми!»... «О, фак ми мор!» Или: «Ай лав ю», и так далее.

Во всех номерах гремела какая-то безумная, атональная музыка. Как пояснил Балнемур, андроидам нравилась

именно такая. Ее долго искали, подбирали. Ее написал один полубезумный перуанский композитор.

Куклы умели также и танцевать, что нравилось некоторым из андроидов. Это возбуждало их.

Каждый из андроидов имел свои излюбленные позы, и куклы послушно принимали их. Однако у некоторых стояли программы временного неподчинения. Такие куклы некоторое время кричали: «Ноу! Ноу! Ай доунт вонт!» — и сопротивлялись, не позволяя андроидам снять с них юбки и трусики. Это их возбуждало, и они начинали грубо раздевать кукол и насиловать их.

— Ладно, достаточно, — весело сказал, наконец, магистр. — Вы молодцы, что и говорить. Но мы не договорили по делу.

Они вышли вдвоем на пустынные аллеи парковой зоны, что прилежала к спортивной базе, и стали прохаживаться, вдыхая ароматы душной багамской ночи.

— Магистр, сложность заключается в том, что с андроидами обычные игроки плохо стыкуются. Никак не удастся сделать команду, в которой бы рядом играли и они, и обычные люди. Обычные поиграют, вроде налаживают контакт. А потом все, начинается отторжение, все разлаживается. Они перестают вообще разговаривать с андроидами.

— Я понимаю, что происходит, — вздыхая, сказал магистр. — Люди интуитивно ощущают: что-то не то. А что говорят игроки сборной об андроидах? Ведь они должны же что-то говорить?

— Разумеется. Мы записывали. Говорили интересные вещи... Мол, какие-то странные ребята. С ними говоришь, а они реагируют как-то странно. Ноль эмоций, как в пустоту. Говорят только об игре. Иногда о боли. Иногда о еде. И все. Ни о чем больше говорить не получается. Похожи на машины.

— Так и говорят?

— Так и говорят. Это все говорят. Похожи на машины.

— Контакт не складывается у всех игроков официальной сборной?

— Только один более-менее терпит их присутствие. Защитник.

— Что он за человек?

— Грубый мужик. Тупой совершенно. С уголовными наклонностями.

Магистр задумался. Ситуация складывалась непростая.

— Выставить на чемпионат команду, в которой только андроиды, мы не можем.

— Согласен. Надо иметь хотя бы полкоманды обычных футболистов, известных публике. Господин магистр, есть всего два варианта. Либо на чемпионате две команды, то есть нормальных и андроидов, держать отдельно, и в состав андроидов вводить дозированно, по ситуации. Но тогда есть риск, что несыгранная команда может сыграть не лучшим образом. На чемпионате не будет слабых команд. Может быть непредсказуемый результат.

— Да, такое может случиться. А второй вариант?

— Можно попробовать оказать воздействие на сознание самих игроков. Есть очень сильные современные препараты...

— Так... Интересно. Каков характер воздействия?

— Например, бактерии... Особого рода бактерии. Человек поначалу ничего не замечает. Но постепенно становится немного замкнутым, возможно, чуть озлобленным. Бактерии делают его мозг немного туманным. Человек начинает воспринимать себя чуть отстраненно, как другого. Открывается дверца для воздействия на его ментальную сферу. Можно жестко установить ряд инграмм: скажем, дать установку отчаянно работать на определенную цель. Например, одоление врагов на чемпионате мира. И дуплетом дается вторая установка: для достижения цели нужен контакт со сверхлюдьми. Надо принять этих сверхлюдей. Тогда может возникнуть вынужденный контакт с ними. Возникнет временная толерантность до того момента, когда будет достигнута цель.

— Очень интересно. А какие могут быть побочные эффекты?

— Возрастает асоциальность... Человек становится непредсказуем в быту, в жизни. Может повести себя жестко.

Избить, даже убить кого-нибудь. Самоконтроль ослабляется. Ощущение каких-то этических правил также размывается...

— Такие опыты уже проводились? — спросил магистр, прищурившись.

Хайслер кивнул.

— Каковы были результаты?

— Опыт проводили с военными. Я говорил с теми, кто тот проект курировал. Результаты в целом были положительными. Такие воины работали лучше, у них не было мыслей о смерти. Но в быту они были именно непредсказуемы. Помните случаи, когда солдат ночью брал автомат и расстреливал своих?

— Было такое, помню. Так вот почему...

— Именно. Один зарезал жену и двух детей. Пентагону с трудом удалось закрыть такую информацию. И еще: семейная жизнь у таких людей становится... как бы сказать... Неустойчивой. Семьи, как правило, распадаются.

Магистр задумался, глядя на океан. Получалась задача со многим неизвестными. Было понятно одно: проект начат, проект остановить нельзя. Возникли сложности, препятствия. Их надо преодолеть. Наконец, магистр принял решение:м

— Господин Хайслер, я даю санкцию на использование препаратов. Давайте, начинайте. У нас мало времени. Только пусть психологи все постараются рассчитать предельно точно.

ГЛАВА 15

На базе наладился стабильный рабочий ритм, и это радовало Андрея. Ритм вносил упорядоченность во все процессы, позволял отслеживать их с необходимой тщательностью. В 8:30 над стадионом начинал звучать специальный побудочный музыкальный сигнал. В окнах жилого корпуса одно за другим вспыхивали окна. Сонные парни потягивались, поеживались, затем вставали и шли умываться. Они глядели в зеркала туалетных комнат, рассматривали свои сонные физиономии; глядели в свои не вполне еще ясные глаза; трогали щетину щек и подбородков; вспоминали в этот момент

все, что произошло накануне, удачные моменты и проблемные; вспоминали задачи, которые надо было решить сегодня. Каждый из них осознавал, что присутствует при рождении необычной и очень перспективной команды, ведомой мощным и совершенно необычным тренером, собравшим вокруг себя группу таких же нестандартных фанатиков, нацеленных только на большие победы.

Утренняя чеканка была превращена в командный ритуал. Это жонглирование должно было, по мысли Маранова, быть доведено до уровня циркового. Всю психофизику человека требовалось подстроить под работу с мячом. Игрок должен был почувствовать на глубинном уровне, как меняется направление полета мяча от соприкосновения с той или иной частью его стопы, колена, плеча, головы.

Футбольный гольф или ножной бильярд являлся тренировочным десертом, который имел целью развить в игроках способность чувствовать мяч. Сценарий этой игры был написан Марановым еще в период работы с командой округа. На специальной площадке, засеянной нежной газонной травой, делались лунки по диаметру чуть большие футбольного мяча. На поле высыпалось определенное количество мячей — по количеству играющих. Игроки должны были попасть одним мячом по другому таким образом, чтобы он упал в лунку. Тут непременно надо было работать с мячом очень тонко, ювелирно; нужно было пинать мяч настолько мягко, чтобы тот, соударяясь, отлетал именно на нужное расстояние и в нужном направлении. Игроки во время игры входили в такой раж, что начинали кричать, охать, ахать, ругать себя за неточности и т. д.

Той же цели служил и ножной баскетбол. Корзины всякий раз устанавливались на разной высоте: то на уровне двух метров, то гораздо ниже. Играли две команды по пять игроков. Мяч не должен был касаться газона, передачи шли только верховые. Нужно было ногой послать мяч так, чтобы он залетел в корзину. Быстро выяснилось, что к такой игре готовы не все. Возникли две «элитные» пятерки, которые хоть как-то могли технически выполнять приемы этой игры.

После небольшого отдыха и ланча те из парней, за которыми уже было закреплено место в составе первой или второй команды, отправлялись в зал компьютерных тренажеров.

У каждого была своя задача -, то есть имелся свой соперник и место действия: один из стадионов мира, воспроизведенный с буквальной точностью. Единственное, что было общим, так это форма сборной России, что светилась на самом игроке и его партнерах. Характерно было также и то, что на всех футболках замечались вензеля древнеславянских рун, а на руках некоторых игроков — татуировки с изображением ведических Богов — Велеса, Сварога, Дажьбога и других. Это была придумка Маранова: такие же изображения должны были быть воспроизведены и на реальной форме, в случае решения всех организационно-юридических вопросов. Андрей был уверен, что без подключения команды к древнеславянскому ведическому эгрегору она не сможет обрести силу, необходимую для решения большой задачи. Игроки не будут иметь той мощной подпитки, энергетического ветра в паруса, который был необходим.

— Народ наш совершенно не знает своей подлинной истории, — сказал как-то Маранову Берестов. — В школах и вузах им вбивали в голову разный бред вроде того, что славяне до христианства по деревьям лазили. А у нас была древнейшая цивилизация тысячи лет. Надо рассказывать людям о ней. Надо показать, кем и какими были их предки. Именно показать. Чтобы они старались быть достойными их...

После игры в виртуальном пространстве, переодевшись в футбольную форму, зашнуровав свои жесткие ошипованные бутсы, игрок выходил на живое, настоящее футбольное поле. В его легкие вливался прохладный воздух, он слышал отдаленный шум пролетавшего где-то лайнера, видел идущего ему навстречу второго тренера. Тот давал ему четкое задание. И тогда нападающий (если это был нападающий) выходил в отведенную ему зону перед воротами, видел перед собой четырех роботов, очень похожих на людей, одетых

в синюю футбольную форму. Он видел, что справа установлены сразу три пушки для выстреливания мячей. Он знал, что где-то в кабинке, установленной в небольшом здании метрах в трехстах от поля, сидит человек, который видит его; и этот человек будет управлять пушками так, чтобы загрузить его, нападающего, так, чтобы он был завален пасами, ввинчен в состояние предельного напряжения, когда его реальные физические ноги, руки, туловище будут работать на пределе возможностей.

Работа начиналась по сигналу. Выстреливался первый мяч; игрок, естественно, не успевал даже сообразить, как на него выйти, как поймать и как обработать. Но уже летел следующий мяч, направленный более удобно, и он ловил его мыском, подбрасывал и хотел ударить; но тут возникал перед ним неуклюжий, но точный в движениях робот, закрывая собою створ ворот. Мяч улетал, и игрок снова вынужден был бежать на свою позицию, и снова пушка выстреливала мяч, и он опять бежал, и опять бил; он стремился опередить робота, ударить мимо него, ударить верхом, ударить кручным, ударить шведкой, ударить пыром — как угодно, лишь бы это движение было непредсказуемо и эффективно.

Из нападающих у Маранова с самого начала не было претензий лишь к Пересветову. Он обещал стать выдающимся по всем показателям игроком, и трудно было даже представить, что он мог выдать буквально через полгода. Его развитие шло невероятным темпом, и он сам это чувствовал. Уже в первых тренировочных играх Пересветов выделялся настолько, что его партнеры останавливались посмотреть, как он обходит защитников, виртуозно дриблингует на скорости, как отдает пасы, мастерски забивает точно в углы.

Но он был симпатичен Маранову и просто как человек. О многом говорили его ясный, прямой взгляд из-под выражавших упрямство бровей, искренняя, обаятельная улыбка, правильная речь. Как-то они разговорились.

— У тебя есть девиз? — спросил Маранов. — Ну, внутренний слоган, что ли?

— Есть. *Димикандум*.

— Как? Димикандум? Это как понять?
— Димикандум — надо бороться. По латыни.
— Вот как! И как ты нашел свой девиз?
— Случайно наткнулся в книге.
— Религию какую-нибудь исповедуешь?
— Я ищу истину. Религии — это отзвуки.
— Что для тебя победа?
— Внешняя не так важна. Победа над собой — важнее.
Над своими слабостями. Над привычками.

— А ты не слишком ли правильный? Ты с женщинами-то жил когда-нибудь?

Пересветов засмеялся:

— Еще как жил! Две жены было... Но я был очень разочарован... Я в них видел таких ангелочков. А оказались... Ну такие материальные... Ну, невозможно.

— А ты до женитьбы что, этого не видел?

— Да как увидишь?... До женитьбы они именно ангелочки...

— И теперь у тебя никого...

— Никого всерьез. Есть девушка в массажном салоне. С Украины. Хорошая такая, добрая. Пухленькая такая... Третий месяц ездю...

— Так она же и других ласкает... И как тебе это?

Он тяжело вздохнул.

— А что делать?... Физиология-то требует... И я не чувствую, что это так уж меня разлагает... Это вроде игры. Она ко мне привыкла. Остальные для нее — просто работа... Такие странные отношения...

— Но ты ждешь чего-то более серьезного? Ведь есть же много очень приличных девушек.

— Где-то есть. Но я не вижу. Я жду...

Маранов с интересом глядел на него, чувствуя симпатию к этому человеку. Он словно видел молодых людей советской поры, периода 60-х, эпохи Шпаликова, Высоцкого, Шукшина — этих искренних, честных людей с одномерной, чистой нравственностью. Этот бы не пропал ни в горячей точке, ни в плен бы не сдался, оставив последний патрон на

себя. Откуда в нем это? Но истоки этой психологии просматривались четко.

Его воспитывал отец. Одиночка-инвалид, без одной ноги. Волевой крепкий мужик. Бывший десантник. Обувных и кожных дел мастер-надомник. Он много рассказывал ему про войну. Писал стихи, песни, пел их под гитару, когда приходили друзья. Такие же кряжистые, пьющие, русские мужики. Он слышал их разговоры о боях в Афганистане, в Чечне, в которых они участвовали, рассказы об операциях, о гибели товарищей. Он слушал песни, что они пели когда-то в бетонных укрытиях после боев. Совсем мальцом начал читать романы Проханова, которые стояли на полке у отца на самом и видном месте. Его воспитывали правильным, в хорошем смысле традиционным человеком. Он был готов к работе на пределе возможностей. Маранову оставалось только поставить задачу и развить его уникальные врожденные способности.

Компьютерные эксперименты неожиданно выделили еще одного относительно молодого игрока. Это был худощавый парень из Екатеринбурга, который, как он вначале предполагал, был отобран случайно. Его звали Денис Грознецкий. По ходу работы с пушками и роботами Андрей убеждался, что тот попадает, не глядя на партнеров, не случайно, и что за этим что-то стоит. Грознецкий выдал на пушках результат на уровне Пересветова — то есть на порядок лучший, чем все остальные. Это было удивительно.

— Денис, я бы хотел понять, как тебе удается попадать в ворота, не глядя. Можешь объяснить? Ты чувствуешь ворота? Интуитивно?

Грознецкий отрицательно мотал головой.

— Нет. Я их просто вижу.

— Каким образом? Я же видел, что на поле ты не глядел.

— Я вижу их по-другому. Я вижу их внутренним каким-то видением.

— Вот как? — Маранов был явно озадачен ответом. — У тебя ясновидение? А что ты еще им видишь?

— Я не знаю, это ли называют ясновидением. И оно у меня не постоянно. Просто когда идет напряжение, вдруг

что-то включается, и я вижу. Я вижу положение роботов или людей, вижу, где свободно. Туда и бью.

— А в игре ты можешь увидеть расположение наших игроков?

— Это бывает. Я пару раз видел, как бегут наши трое. Я спиной был к воротам, а мяч им отдавал точно. Они мне говорили, что у меня на спине глаза.

— А что еще можешь видеть?

— Иногда события вижу, которые должны произойти. Раз было так. У отца перед домом гаражи. Ну, самопалом построенные. У отца там стояла машина. И вдруг я видел однажды, как приезжает бульдозер и сносит эти гаражи. Даже видел его номер и лицо бульдозериста. Рассказал отцу – мол, Отец не, гараж скоро будут сносить. Примите меры, договоритесь в управе. Отец не поверил. А через неделю реально приехали рабочие. И был этот бульдозер, и кран был. И гаражи снесли. Но таких случаев было у меня немного. Но были...

— Интересно. Давно это у тебя?

— Давно... Кстати. Один раз вас видел.

Грознецкий как-то странно посмотрел на Маранова.

— Так... И что же ты видел? — прищурившись, спросил Маранов.

Грознецкий подумал, потом сказал:

— Не знаю... Это могло быть случайностью. Вы как-то странно висели... Высоко в воздухе. А я видел вас сверху.

— На чем висел?

— На какой-то веревке... Здания пролетали. Я не понял, что это, к чему...

Андрей вдруг почувствовал тупую боль в сердце, тревогу.

— Ладно, Денис... Иди, работай, — сказал он, и пошел к себе. Он чувствовал, что этот разговор как-то задел его, но не мог понять почему. После разговора с Грознецким Андрей долго размышлял, как использовать способность этого необычного парня на пользу делу. И решил его оставить до времени как запасного, 12-го игрока одной из команд. А по поводу его способностей поговорить с Михаилом Георгиевичем.

Авральная, штурмовая, фактически фронтовая работа по совершенствованию мастерства продолжалась на базе изо дня в день, с утра до ночи. Фанатизм любого рода здесь только приветствовался. Все понимали: им приходится догонять тот футбол, что ушел далеко вперед; догонять по-русски — то есть бешеным напором, на надрыве, на воле, на сверхусилии. Бешеная идея догнать и перегнать лидеров — Бразилию, Германию, Францию — овладела всеми без исключения. Этот фронтовой, осадный режим заставлял парней выходить на площадки даже тогда, когда им хотелось спать, есть, отдыхать, смотреть ТВ. Они осознали, что без жертвенности идею не поднять, мечту не воплотить. Отобранные в команду сильные люди, характеры, личности обрели тут идею жизни и работали на нее, отбрасывая прочь все личностное. Таким образом, фантастическая идея главного тренера приобретала постепенно черты вполне определенной возможности.

Маранов первым делом приучил всех подолгу на тренировках чеканить мяч обеими ногами, коленями и головой. Он был убежден, что без этого технику поставить невозможно. И по результатам он четко видел, кто на каком уровне находится по технике. Отдельно были выставлены результаты по чеканке правой и левой ногой в отдельности, отдельно — разнобойка ногами, разнобойка коленками; отдельно — чеканка головой. Он тут же выделил нескольких парней, у которых сразу пошли приличные результаты.

Лучшие результаты были у Дениса Раскатова, бывшего нападающего городской команды Твери, атлетически сложенного, крепкого парня. Чеканка ногами также легко шла у него под тысячу, но у него пока быстро уставали мышцы ног. Игорь Станишевский, прирожденный технарь, сразу начал выдавать правой ногой стабильные 700–870 ударов, при том что левой давал под 300. Даже правой коленкой он начеканивал запросто 100–120 и почти 150 давал спокойно головой. И это было только начало тренировок! Неплохие данные были и у Павла Диденко, парня, которого нашли в Украине, бывшего нападающего львовских «Карпат». Он сразу же вписался в коллектив; его забавный выговор добав-

лял некий колорит в общение игроков, а мягкий одесский юмор (он был родом из Одессы) вообще был кстати.

Важно было и то, что физически Раскатов и Диденко был почти полностью здоровы, у них не было застарелых травм; оба имели идеальные для нападающих физические данные (рост около 180, вес 74–76 килограмм, причем ни грамма лишнего веса). Почему тренеры их прежних команд не дали им ходу, видя, насколько у них хорошие данные, как они желают играть, работать — было непостижимо. Скорее всего, это был результат во многом слепой и безграмотной системы отбора юношей в спорт, которая сложилась в постсоветские коммерческие времена. Тогда молодых людей заманивали в спорт в основном деньгами, мало обращали внимания на личностные качества ; тогда никому не нужны были люди проблемные, с сильными, нестандартными характерами.

Потенциально все трое являлись выдающимися игроками, которых просто не заметили в свое время олухи-отборщики из центральных клубов. У Маранова сразу возникла идея создать в нападении мощную, быструю и неутомимую связку: Раскатов, Пересветов, Диденко, играющих при поддержке Станишевского и кого-то еще, не менее техничного и зрячего. Он выделил этих парней, и стал наблюдать за ростом их мастерства, имея в виду именно эту дальнюю цель.

Гигант Никита Гремин, который пришел в команду слабо подготовленным, малотехничным игроком, умевшим лишь неплохо играть головой, также начал быстро прогрессировать. Через четыре месяца он удерживал мяч чеканкой вразнобойку до двадцати минут, набивая больше 2000 раз. Лишний вес начал сходить с него; правильное питание, упорная работа на силовых тренажерах постепенно превращала его в могучего атлета весом более 130 килограммов. Он все чаще в контрольных играх стал совершать рейды к чужим воротам; и когда он шел, то даже самым рослым и сильным защитникам было крайне трудно остановить его.

К июню 2029 года одиннадцать игроков основы были определены Марановым предельно четко. Это были парни

ростом от 175 у самого низкого до 214 сантиметров у Никиты Гремина; сильные физически, гордые, бесстрашные, неотомимые и горячие, жадные до борьбы и побед.

Однако до последнего времени оставалась проблема вратаря. Подававший надежды Денис Курганов был неплох, но не более; в росте мастерства он остановился. Сачков нашел еще одного талантливую парня — резкого, сильного, прыгучего Артема Бушманова. Некоторое время Маранов сохранял надежду на то, что именно он вырастет в супервратаря, который будет способен на невозможное. Вскоре же стало ясно, что из него получится просто хороший мастер, не более того.

Но неожиданно это относительно слабое звено вскоре было заменено полноценным и мощным. Произошло это так.

В один из дней Маранову доложили охранники, что неподалеку от базы живет в палатке парень, татарин, лет двадцати восьми. Живет уже больше недели. Он постоянно приходит и просит, чтобы тренер посмотрел его, так как он хочет играть в его команде. Охрана базы не подпускала его и близко, зная, что в кандидаты принимают только славян. Главному тренеру об этом было доложено в момент, когда он был очень занят. Маранов не придавал этой информации значения, попросил охранников отправить парня домой и продолжил разговор по айфону сразу с двумя абонентами. Затем он наконец забыл про этот эпизод.

Буквально на следующий день, случайно проходя мимо главных ворот базы, Маранов услышал грубые крики, характерные для мужских скандалов. Он подошел к воротам. Дюжий охранник Алексей Ухарев кричал на кого-то в приоткрытую калитку:

— А же тебе сказал: команды сформированы. Иди, иди! Езжай домой... Ты по-русски понимаешь?

— Ну пусти на минуту! Пусти, пожалуйста! Ну, пусть тренер посмотрит! Я хочу играть! Я очень хороший вратарь! Я играл!

Маранов подошел и негромко бросил Ухареву:

— Погоди, Леша. Открой калитку. Пусть войдет.

Охранник посмотрел недоумением:

— Вы же сами приказали, Андрей Викторович?

Но отошел от калитки. Перед Марановым возник высокий худощавый парень в синем спортивном костюме, с волевым, характерным татарским лицом, сверкавший черными глазами. Увидев Маранова, он сразу осекся и замолк. Потом сказал:

— Я знаю, вы главный тренер.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую. И мне описывали...

— Откуда знаешь про команду?

Парень протиснулся в калитку и быстро заговорил, понимая, что судьба дает ему шанс:

— В ноябре вы отчислили Юрика Меняйлова. Из Самары. Мы с ним вместе играли. А я из Уфы. Он мой друг. Мы играли вместе за «Кучум», вторая лига. Меня сломали, но теперь я здоров. Он мне рассказал про команду и про вас... Я хочу у вас играть! Я подойду. Мне почему-то так кажется. Я даже сон видел, что я играю у вас. Посмотрите меня! Пожалуйста!

— А как тебя сломали? — внимательно всматриваясь в лицо парня, поинтересовался Андрей.

— Ногой в челюсть. Два зуба выбили, бедро выбили, по щиколотке ударили. Суки такие были, звери. Не могли мне забить, и били. Я три месяца лечился. Но я здоров! Я все исправил. Я турмалин накладывал, пояс накладывал, все залечил.

Андрей смотрел на него и чувствовал, как напряжение, сдавленная боль, скопившиеся в душе парня за неделю мытарств под воротами, прорисовывает на его лице выражение тревоги и надежды.

— Ты мусульманин? — спросил Андрей.

Парень немного погас. Он решил, что главное препятствие не его татарская национальность, а другое.

— Да... Но не могу сказать, что я очень религиозный. Но мой отец и мать мусульмане. Я нормы ислама соблюдаю. Но фанатиков не люблю. Очень не люблю. Вообще не люблю идиотов. Но я уважаю все религии. Хороших людей, которые в религиях...

Андрей еще минуту посмотрел на него. В мозгу словно прозвучало: «Возьми его».

— Как тебя зовут?

— Вахит. Вахит Мушарапов.

— Заходи, Вахит. Познакомимся. Вещи бери свои и заходи. Алексей, проводи его в гостиницу. Скажи, что я распорядился дать номер. А ты отогрейся, сходи в душ. Поешь. Поспи. В час дня тренировка в манеже. Вон там... У тебя есть с собой экипировка?

У Мушарапова загорелись глаза. Он тихо вымолвил:

— Бутсы есть. Спортивный костюм есть. Наколенники есть. Перчатки хорошие есть. «Адидас».

— Хорошо. Недостающее дадим. Но учти! Ничего тебе не гарантирую. Не подойдешь — извини. Отбор у нас строгий.

— Я знаю. Я понимаю. Дайте шанс... Я без обид. Я понимаю.

— Договорились.

Маранов развернулся и пошел в корпус завтракать.

В два часа дня Мушарапов появился в манеже. Он был в зеленом тренировочном костюме, кроссовках; красные вратарские перчатки будто приросли к его рукам. Работавшие с мячами игроки второй команды прекратили тренировку, молча посмотрели на новичка. Они видели, что он не славянин; на лицах некоторых мелькнуло недоумение.

— Как, Вахит, чувствуешь себя? Поспал? Поел? — спросил его Маранов.

— Поел, Андрей Викторович. Помылся. Не до сна мне... Спасибо вам!

— Готов работать?

— Готов. Меня не надо жалеть. Не подойду — значит, не судьба. Значит, я не так о себе думаю. Но попробуйте!

— Ты ведь давно не играл?

Мушарапов замялся...

— В серьезных играх — да... Больше года. Но я форму быстро набираю.

— Понятно. Ладно... Становись в ворота. Диденко, Грознецкий, Бухаров, — позвал Маранов ведущих игроков второго состава. — Взяли мячи, подошли к штрафной. Остальные работают по плану.

Три игрока, обладавшие сильными и точными ударами с обеих ног, подошли к штрафной, начали обстреливать новичка — сначала не торопясь, потом все жестче.

Поначалу Маранов не увидел в парне ничего особенного. Он явно обладал неплохой реакцией, прыгучестью, цепко удерживал мяч. Но это могла быть просто хорошая школа. Он пропустил поначалу несколько не самых сложных мячей. Однако чем дальше шел обстрел, тем более четко и точно играл Мушарапов. Обнаруживалась странная вещь: хитрые и умелые нападающие Бухаров и Грознецкий изредка, но все же забивали ему, искусно обманывая его кручеными, резкими ударами, попадая в самые углы. Но обладавший сильнейшим ударом крепыш Диденко забить никак не мог. Мушарапов отбивал все его тяжелые, но понятные, видимые прямые удары. Павел Диденко завелся, и начал бить со всей силы, стремясь пробить вратаря. Началась острая, жесткая дуэль двух самолюбий.

— Егор, Макс! Кидайте Паше на накат. Один справа, второй слева. Пусть потренирует удар, — дал команду полузащитникам подошедший второй тренер Курбанов, угадывая намерения старшего тренера.

Диденко начал бить сходу; бил он на удивление сильно и точно. Мяч, как из пневматической пушки, летел то в правый нижний, то в левый верхний. Но Мушарапов вытаскивал все мячи. Диденко был в бешенстве. Он бил снова и снова, но никак не мог забить ни одного мяча. Игроки прекратили тренировку, и все подошли к штрафной, где шел обстрел. Главный вратарь второй команды Денис Курганов с интересом наблюдал за дуэлью. На его лице постепенно появилось удивление, а затем и восторг.

Между тем и вратарь, и нападающий просто озверели. Они смотрели друг на друга волками. Диденко особенно сильно бил правой с лета. У него давно был оттренирован этот удар; но после работы на тренажерах он приобрел особую силу и точность. Несколько ударов были абсолютно безнадежными. Маранов даже не видел полета мяча — с такой силой он летел. Мушарапов же каким-то образом видел и отбивал, отбивал чем

только мог — руками, ногами, кулаками, плечами, головой; он доставал мячи кончиками пальцев; он вытягивался жгутом, словно механический, прыгал из угла в угол. Вадим Полубояров и Максим Бухаров все кидали Диденко на накат, и тот плотно, уверенно направлял его в углы. Но забить не мог!..

Вопрос с Мушараповым был решен для Маранова тогда, когда татарин, вынув безнадежный мяч из левого нижнего, успел метнуться в правый верхний и выбить безнадежный, со страшной силой пущенный мяч из левого нижнего, после чего он успел перекрыть центр и выбить мяч из-под перекладины...

— Бл...! Шо ты робышь, татарин! — выдохнул, наконец, уставший Диденко. Он был, конечно, зол. Но в голосе его звучали скупой мужской восторг и уважение. — Я вустав, Андрэй Виктэрыч. Но це я вам кажу... кадр. Яшин отдыхает...

— Павло, мы же договаривались — без мата, — как-то автоматически сказал Маранов и потом добавил:

— А ты стал хорошо бить, Паша. Я удивлен. Ты молодец! Будем подпускать тебя в основу. Там только двое с таким ударом.

— Пэрэсветов? Прыданцев?

Маранов кивнул. Диденко просиял: его поставили в один ряд с лучшими игроками основы. Ему открывался путь в первый состав...

Маранов посмотрел на Мушарапова. Он был в состоянии крайнего возбуждения, завода; глаза его просто горели.

— Мушарапов, ты принят в команду, — сказал главный тренер. — Пока тренируйся в обычном режиме. В основном составе. Потом подойдешь в 12-й кабинет главного корпуса. Директор клуба Терентий Пекуза — там табличка. Будешь оформлен. Получишь все необходимое.

Возбужденный, потный, разгоряченный Мушарапов посмотрел на Маранова счастливым, лучащимся взглядом. Еще секунда — и он бы заплакал. Но он сдержался, видя, сколько глаз смотрят на него.

«В основу взяли — шептались игроки второго состава. — Ничего себе!»... «Он стоит того»... «Татарин... Татарин?»... «Тренеру виднее. Важнее игра...» «У нас таких нет.

Татары жилистые, прыгучие... Был такой Дасаев... Хусаинов был, Хидияттулин...»

ГЛАВА 16

Вероника вошла в зал, в котором должно было пройти очередное занятие школы тантры. На полу, застланном резиновым ковриками, уже находилось семь человек. Одеты и мужчины и женщины были в одном стиле, очень легко: на женщинах майки с открытыми плечами, шорты или легкие хлопчатобумажные штанишки; у некоторых они имели характерный индийский раскрас. Одна девушка лежала на полу, широко раздвинув ноги, не обращая внимания ни на кого. Еще двое – крупный мужчина и женщина лет 35 – сидели в позе «падмасана», и делали вид, что медитируют. Двое парней, пришедших, видимо, впервые, напряженно зыркали по сторонам, рассматривая каждого входящего, словно пытаясь понять, что тут с ними будут вытворять.

Вероника, переодевшись в голубой спортивный костюмчик, села в углу, и также стала ожидать начала семинара. Она помнила о своей задаче: ей нужно было не только понять, в чем суть занятий, но и присмотреться к женщинам, которые пришли на семинар, прикинуть, какая из них могла бы заинтересоваться таким необычным предложением — войти в группу женской тантрической поддержки.

Когда в зальчике набралось порядка двадцати человек, появился тренер — наголо бритый мужчина лет 50-52. Он был одет в белые хлопчатые штаны и такую же майку с изображением Ошо Раджниша, знаменитого индийского гуру, мастера тантры. Он негромко, искренне всех поприветствовал, выразил слова благодарности за регистрацию на семинаре, и попросил всех сесть, создать на полу кольцо и взяться за руки. После этого включил музыку. Это была немного странная электронная музыка, где восточные мотивы соединялись с современными мелодическими гармониями. Комната наполнилась звуками, приобрела колорит сосредоточенной отстраненности от всего конкретного и осязаемого.

Когда сидевшие люди сформировали кольцо, ведущий семинара начал проговаривать, видимо, привычный текст для сонастройки:

— Друзья, давайте отбросим прочь житейские заботы. Давайте представим и просто осознаем, что мы с вами живем на прекрасной планете, несущейся в беспредельных пространствах Космоса. Мы тут живем; мы можем осознавать свое существование — это же удивительно, это подарок Существования. Мы должны осознать, что само наличие трудностей и проблем являются частью божественного замысла. Ведь без этого ничто не заставило бы нас развиваться, раскрывать все свои способности. Но сейчас мы должны отринуть все наши проблемы, вообще все беспокоящее нас; все, что терзает нас и гложет. Дайте уму и душе покой! Позвольте себе расслабиться и отдохнуть. Это вам необходимо. Почувствуйте, как через соединенные руки течет энергия каждого из нас, как образует непрерывное энергетическое кольцо. Настройте свои сердца на любовь и радость. Пошлите энергии любви и радости в пространство перед собой. Создайте в этом небольшом зальчике сферы Божественной любви и гармонии».

Тренер говорил, и Вероника постепенно действительно стала ощущать что-то вроде эйфории, легкой приподнятости; что-то хорошее и теплое вливалось внутрь ее существа. Ее напряжение само собой снималось, растворялось. Она быстро поняла, что генерирует эти энергии, создает некий гармоничный поток именно тренер, и оценила его невидимую силу.

Семинар состоял из цикла сменяющих одно другое упражнений. Поначалу в них не было ничего эротичного: динамическая медитация представляла из себя, по сути, обычный танец под ритмичную музыку, для сброса напряжений. Затем они выполнили различные кружения относительно друг друга; затем разбившись на пары, танцевали.

Лишь через час начались собственно практики по обмену сексуальной энергией. Женщины и мужчины усаживались друг напротив друга, концентрировали внимание на половом центре. Затем стали пытаться наладить тантрическое

дыхание, технику которого до этого объяснил и показал тренер, чтобы запустить движение сексуальной энергии.

Тренер подходил к каждой паре, подсаживался. Если он чувствовал, что обмена энергиями не происходит, опять делал что-то невидимое, и половые центры мужчины и женщины реально начинали вибрировать, наполняться ощущениями. Однако строго было наказано половые органы — ни свои, ни чужие не трогать; - работать только безконтактно.

— Запомните: суть тантры не в вожделении и не в том, чтобы получить моментально острые ощущения, - пояснял тренер. - Для этого существует обычный секс. Если вы хотите сексуального удовлетворения, то вы пришли не по адресу. Здесь сексуальная энергия рассматривается как ипостась божественной любви. Запомните: главное свойство Эроса — ненасыщаемость. Потому, сколько бы у вас ни было секса в жизни, вы никогда не будете удовлетворены полностью, и это надо принять. Сексуальность — это пространство вашего совершенствования, вашего утончения. Если вы научитесь обмениваться сексуальной энергией, вы наполните свою личную жизнь гармонией; у ваших семейных отношений возникнут новые перспективы. Вы никогда не наскучите своей подруге или другу, вы не сможете насытиться сексуальным взаимодействием с ними, так как жизнь превратится для вас в духовную практику...

Вероника сидела напротив молодого парня лет 23-х, видимо, студента. Он был немного смешным: в очечках, коротко стриженный такой блондинчик в джинсиках; на нее смотрел с любопытством и скрытым страхом. У них с ним не получалось никакого взаимодействия; она ничего не чувствовала, кроме того, что парень закомплексован, и крайне сексуально озабочен. Однако когда к нему подсел тренер, все неожиданно изменилось. Сначала он дал молодому человеку наказ:

— Расслабься! Вообрази перед собой прекрасную обнаженную женщину. Созерцай ее красоту. Почувствуй свою сексуальность. Направь свою энергию на этот образ....А теперь перенеси эту энергию на женщину, которая сидит напротив тебя. Посмотри, ведь она краси-

ва, она сексуальна... Не теряй потока... Не уходи в свои мысли, чувствуй только себя и свой сексуальный центр...»

Тренер посидел рядом с мальчиком, помогая ему сосредоточиться. Через некоторое время Вероника почувствовала сексуальное возбуждение. Мальчик, закрыв глаза слегка покачивался, явно ее не видя.

«Ну и мастер! — подумала она о тренере.- Ничего себе!..». Она вдруг остро почувствовала, что у нее давно не было мужчины, не было секса... Ею овладело мучительное сладострастное желание... Словно ощутив это, тренер отошел от соседней пары, и подошел к ней. Ласково погладил ее по волосам.

— Не стесняйся того, что ощущаешь,- зашептал он ей на ухо.- Уйди в это. Направь избыток энергии вверх по позвоночнику и раствори в своем сердце. Не думай о скором удовлетворении... Наслаждайся процессом... Ты замечательная, ты полна любви и желания. Все в тебе прекрасно... Не держи это в себе, отдай другим...»

Он отошел к другой паре, а ее возбуждение пошло вообще по нарастающей. Она просто не знала, как себя вести. Ей мучительно хотелось начать мастурбировать, как это она иногда делала; она с трудом удерживалась от соблазна прикоснуться к промежности...

К счастью, это упражнение вскоре закончилось. Однако следующее было еще более конкретно-эротическим. Женщинам и мужчинам завязали глаза специальными повязками, и они в два ряда выстроились друг напротив друга. Мужчины должны были подходить поочередно к каждой, и не торопясь, медленно и тактично прикасаться к различным частям тела женщин, обмениваясь с ними сексуальной энергией. Тренер предупредил, что если какие-то прикосновения будут женщине неприятны, вызовут отторжение, она вправе сказать об этом: мол, не надо, прекратите, отойдите. И мужчина получит минус за недостаточно тонкое взаимодействие.

Вскоре практика пошла полным ходом. Время шло, однако женщины, к удивлению Вероники, ничего не говорили и вовсе не возражали против любых касаний. Ни одна даже и не думала воспользоваться правом на протест. Совершен-

но незнакомые мужчины трогали их груди, подолгу мяли их ягодицы, гладили ладонями их лобки, но ни одна не выразила никакого неудовольствия! Более того, Вероника чувствовала, как быстро и возбужденно дышит ее соседка справа, а где-то справа еще одна издает стоны, которые у женщин предшествуют острому оргазму. Но, как, ни странно, тренер не просил ту девушку прекратить вскрикивать, а только требовал правильно дышать и поднимать энергию по позвоночнику, вытягивать ее из полового центра вверх.

Возбуждение Вероники еще более усилилось. Тренер просто ходил между стоящими людьми, и наблюдал; возможно, что-то и делал, но это можно было лишь почувствовать, но не понять. Веронике было приятно, когда невидимый, возбужденно дышавший мужчина приблизился к ней сзади, и осторожно прижал своими большими руками ее груди. Бюстгальтер преступно громко зашуршал. Он дышал ей в самое ухо, и более того, осмелился взять губами ее левое ухо. Она почувствовала, что ее влагище набухло, что оно быстро увлажнилось, и ее половые губы полностью раскрылись. Ей стало казаться, что это видят все окружающие, что она без трусов, и ей на миг стало стыдно. Но пронзительное желание пересиливало все; к тому же кругом все были заняты своими ощущениями. Кто-то постанывал, две женщины почти кричали.. К Веронике подошел другой, мужчина, третий... Они трогали ее груди, гладили ее волосы, целовали в шею. Ей казалось, что она сейчас сойдет с ума от возбуждения, и страстно желала, чтобы хотя бы один догадался погладить ее в районе лобка и ниже. Но никто не осмеливался это сделать. Мужчины исправно выполняли упражнение – дышали, сопели, поднимали энергию. Она чувствовала попой их напряженные члены. «Вот идиоты!»- раздраженно, почти с ненавистью думала она. -Тупые!» Она зависла в каком-то странном, мучительном оцепенении. Тренер не подходил – он занимался другими, чувствуя, что процесс может стать совершенно неуправляемым.

И тут к Веронике подошел некто, кого она не могла определить. Она не видела, кто это, и у нее не было никаких заце-

пок, чтобы догадаться. Она только поняла, что это достаточно полный человек, поскольку, как ей показалось, мускулы его груди были немного дряблыми, мягкими. Но этот некто приблизился спереди, прикоснулся губами к ее щеке, нежно стал ласкать губами ее шею. От него пахло каким-то недешевым дезодорантом. А затем вдруг он сделал то, чего она, собственно, и хотела: он стал гладить ее лобок, ее промежность правой рукой — плотно, жестко, по-мужски. Она тяжело задышала, стон вырвался из груди. Тогда он прижал свободной рукой ее голову к своему плечу (он был немного выше ее), так что ей стало трудно дышать, и другую руку просунул прямо туда, под штаны, прямо в трусы, к ее разгоряченному влажному лицу. Опытной рукой он начал ласкать ее набухшие влажные губы; затем быстро нащупал клитор, и начал теревить его безымянным пальцем — и жестко, и мягко одновременно, — именно так, как и было нужно. Вероника судорожно сжала ноги. Она почувствовала, что уже в шаге от оргазма, и что ей хочется кричать. Однако невидимый мужчина прижал ее рот к плечу, так что она не могла даже вздохнуть, и продолжал нежно и плотно ласкать ее клитор... И тогда она кончила — грубо, очень сильно, ужасно, отвратительно, полно... Такого с ней вообще никогда не было, и она даже не знала, что это может быть так остро... Он подержал ее еще немного, пока не прекратились конвульсии внизу. После этого поцеловал в щеку, и отошел.

Вероника теперь стояла оглушенная и опустошенная... Когда к ней стал прижиматься еще один, она сказала «не надо», и он отошел. Затем приподняла повязку, и глазами стала искать того, кто это сделал. Однако перед ней ходили между женщин озабоченные, раззадорившиеся мужчины, которые не обращали на нее внимания. Она искала его глазами, но не находила.

Все оставшееся время семинара она пыталась понять, кто же из присутствовавших мужчин это сделал, внимательно приглядываясь то к одному, то к другому. Но она никак не могла себе представить в этой роли кого-то из этих мальчиков, или закомплексованных семейных мужичков, или озабо-

ченных туповатых увальней, попавших сюда из любопытства. Это был явно и не тренер – она бы точно его узнала, хотя бы по майке, по жилистым рукам, по запаху пота. Это был точно не он. Но тогда кто же? И вдруг она поймала на себе взгляд молодой женщины, крупной брюнетки лет 35-ти, с небольшой грудью, плотным, пышущим здоровьем телом. Женщина смотрела на нее из угла, и улыбалась ей. Вероника поняла, что это сделала она. Вот почему грудь того человека была мягкой! Вихрь разноречивых чувств обуял ее... Это было неожиданно; противно, приятно, отвратительно, интригующе, — очень странно. Такого никогда с ней не бывало.

Женщина сделала ей знак – мол, иди за мной, и вышла в коридор. В коридоре женщина улыбнулась, затем подошла, и вдруг обняла ее — без эротики, вроде как по-дружески.

— Ведь ты не обижаешься на меня. Правда? — спросила она.

Веронике не было неприятно, но она отстранилась.

— Сказать, что мне было неприятно, я не могу, — смущенно отвечала Вероника. — Но я не лесбиянка. Это я точно знаю.

Женщина ожидала этого ответа:

— А что такое лесбиянка? Чушь все это! Я очень люблю мужчин. И сексом занимаюсь в основном с ними. Но я могу и с женщиной, если мне хочется. Я чувствовала, что тебе это нужно. И я это сделала.

— Значит, ты бисексуалка, - сказала Вероника.

— Не люблю эти ярлыки. Они ничего не значат. Я давно занимаюсь тантрой. Мне важна энергия. У тебя ее было очень много. Она была просто заперта в твоём половом центре, как в темнице. У тебя как минимум полгода не было секса. Так ведь? Зачем ты терпела? Что с тобой произошло? Ведь ты симпатичная... А как тебя зовут?

— Вероника. А тебя?

— Лаура.

— Почему Лаура? Ты итальянка? Ты давно занимаешься тантрой? А как давно?

— Я не итальянка. Но у меня отец бельгиец. Наполовину. Прикололись они с мамой. Тантрой занимаюсь лет десять.

Я ездила на семинар к Мантаку Чиа. Я была в ашраме Ошо. Да где я только не была!

— Послушай, мне надо с тобой поговорить.

— Хорошо. А о чем ты хочешь поговорить? Ты хочешь уйти с семинара? Но ты же платила деньги? Я-то могу так. Я давно его знаю...

— Кого?

— Ведущего. Это мой партнер. Мы с ним ездили по разным странам. Но мы свободные... Можем быть вместе, можем по-рознь. Он опытный мастер тантры. Он меня многому научил.

— Мне надо с тобой поговорить. Давай уйдем отсюда.

Вскоре они сидели в кафе неподалеку от Центра йоги, где проходил семинар. Вероника рассказала ей про новый футбольный клуб, про идею создать команду тантристок.

— Ничего себе! Кому это в голову взбрело? — с удивлением смотрела на нее Лаура. Потом задумалась. — А, похоже, далеко не дурак тот, кто до этого додумался. Очень даже не дурак...

— Я тоже так думаю, — улыбнулась Вероника.- Я даже в этом уверена.

— Он хочет батарейки запасные сделать. Для своих монстров...Неглупо! Ты знаешь его? Хотя понятно...Так это твоя работа, что ли? Тебе платят деньги за это?

— Ну да, это моя работа теперь. Я должна набрать такую группу.

— Но ты же ничего в этом не понимаешь! Я же вижу.

— Это правда. Меня бросили, как щенка в бассейн. Понимаешь, так получилось...всего не расскажешь. Но я должна это сделать. Можешь мне помочь?

— А сколько денег платят? И сколько надо женщин?

— Денег может быть много. Тебя устроит.

— Да ты что? Правда? — глаза Лауры загорелись.- А мне очень нужны деньги! Мне надо на семинар на Кипр. В Таиланде очень интересная есть группа. Мне очень нужны деньги! У меня ребенок, школьница. Няне плачу. А заработать мне трудно. Я бросила все работы. Сейчас во фрилансе

сiju, херней всякой занимаюсь... посты, перепосты... Аут-сорсинг... Так сколько нужно женщин?

— Не меньше 25-ти. А лучше больше.

Лаура аж присвистнула.

— В Москве хороших тантристок мало. И большинство заняты. Живут с парнями, с мужьями. Скажи, а как он себе представляет... Ну, всю эту ситуацию. Ну, создали мы группу женщин. И что дальше? Мужики то разве разбираются в тантре? Эти футбольеры? Они же, как правило, тупые, как валенки. Мясо!

— Мне нравится, что ты умная, - заметила Вероника. — Но тот, кто меня направил, очень непрост. Я тебе даже скажу, что ты даже представить не можешь, до какой степени он непрост... Мужчин они тоже будут готовить. Потому это будут совсем необычные мужчины. Я точно знаю, что они как раз не мясо!

— Постой, постой... — вдруг оборвала его Лаура. — А я вижу его... Я же ведьма...

— Как ведьма? — напряглась Вероника.

— Ведьма- от слова ведать... Экая ты... Несведущая... Вижу что-то... Старый.. борода... Ого! Ого!!!

Лаура вдруг закрыла лицо руками. Некоторое время она качала головой, будто от чего-то отмахиваясь.

— Что такое? Что с тобой? — испуганно спрашивала она Лауру.

Та открыла лицо, убрав ладони, и смотрела теперь очень серьезно.

— Да-а... Туда лучше не соваться... Этот твой кто-то... вообще непонятно кто... Мне вмазало по полной... Сноп света какой-то. Ужас! Ну, ты и вляпалась! Кто же это такой?..

— Да какая разница, Лаура! Нам надо сделать дело, и все. Ну, ты согласна помочь мне?

— Да... Мне это интересно. Очень даже интересно. Считай, что одну ты нашла. А я сразу могу найти еще троих... думаю... точно. А какие сроки?

— Время есть. Полгода точно.

— Отлично! Если командировки оплатят, найдем в Европе остальных. Надо в Индию ехать. Надо в Китай ехать...

— Командировки? Об этом я не говорила. Но, думаю, не проблема... Но парни- то русские все.

— Но английский могут знать?

— Кто-то, может, и знает... Но не думаю, что таких много.

— Что, иностранцев нет? Вообще нет?

— Не будет. Ни одного.

— Странно... Сейчас модно закупать легионеров. Им такие бабки платят, с ума сойти. У меня подруга одного зацепила. Теперь ва-аще... Как сыр в масле. Вилла у нее. На Багамах!

— Да ладно. Каждому свое. Тренер твой же говорил – главное совершенствование. А ты вся в материи.

— Я не вся в материи! — отозвалась уязвленная Лаура. — Но от материи тоже далеко не уйдешь. Не надо ля-ля, вот так, попусту. Все сложнее, чем ты думаешь. Мы ведь пока живем в физических телах, правда? И надо кормить, их надо обогреть, одеваться тоже надо... не кое-как. Куда от этого деться? А у женщин еще дети! Так что не надо...

— Да ладно, ладно, я так... Не надо нам Багам. Мне лично не надо. Мне нужно, чтобы смысл был. Просто так жить... какой смысл?

— Так на чем порешим? — начала сворачивать разговор Лаура.

— Я доложу, что нашла бригадира...

— Кого? — засмеялась Лаура.

— Это ведь будет женская бригада, — засмеялась Вероника. — Ты будешь бригадиром.

— А ты будешь кто?

— Распорядитель. Менеджер. Начальник отдела.

— Начальник блядского отдела, — съязвила Лаура.

— Вот этого не надо! — насупилась Вероника. — Прекрати! Мы не бордель делаем. Может, возникнут пары. Я даже уверена. Нам нужно, чтобы возникли пары.

— Ладно, договорились. Договор будем подписывать?

— Будем. Я уточню. Зарплата будет в конвертах.

— Это понятно. Короче – звони. Я начинаю работать. Буду говорить с девчонками. Найду кого – встретимся.

— Договорились!

Они обменялись телефонами, и разошлись. Вероника шла к метро, чувствуя облегчение. Какой же великий это город – Москва! Чего тут только нет! Можно найти, при желании, абсолютно все, что нужно.

ГЛАВА 17

Океан шевелился, как огромное живое существо, оцептинившееся своей бугристой, переливающейся кожей. Магистр подумал, что, вероятно, Станиславу Лему пришла идея написать «Солярис» после такой вот встречи с океаном. Ему пришло в голову, что посылаемые океаном волны, длинные, волокнистые, являются его голосом, его текстом, посредством которого он хочет что-то сказать людям. Разные размеры волн, их неровный ритм являлся каким-то шифром, наподобие азбуки Морзе; и раз был передатчик, значит, должен где-то иметься и приемник. Но возникало ощущение, что голос океана некому услышать, и от этого он еще более приходит в неистовство. Магистру представилось, как чуть ниже в видимого ему слоя воды, в других его толщах и массивах, мечутся стаи встревоженных, перепуганных рыб; как всякие там моллюски, морские звезды и прочее его население пытаются спрятаться в расщелинах подводных скал, среди облепленных илом камней и остистых окаменелостей... Его так и притягивал вид встревоженного, взбаламученного океана; но ему надо было готовиться к важной встрече.

Магистр внес в план три сеанса магической работы с русской верхушкой, после чего потянулся на кресле, выправил резким движением шею; затем, нажав кнопку на пульте, попросил прислугу принести кофе. Сенатор Джейк Макферсон должен был подбехать вот-вот.

Важность этого разговора была чрезвычайной; связан он был с общей стратегией магистра. Нужно было развернуть Братство на серединный, третий путь. Нужно было урезонить радикалов, продолжавших выступать за активное проведение климатических нападений, с целью подавить русских и китайцев. Ход размышлений магистра был примерно таков. Денвер радикалов ничему не научил, они считают эту катастрофу случайной. Идиоты! Они, видите ли, на Луне уже город спроектировали Им ведь сто раз внушали, что Луна обитаема, внутри полая; что там внутри триста тысяч в физических телах живут; что снаружи базы трех цивилизаций. Их

вышвырнут как котят, миллиарды вылетят впустую. Им планеты мало, этим дегенератам от магии. Нет, надо идти другим путем. Свое влияние не терять, но и голову тоже. С русскими и китайцами дружить не получится, но ограничить их поползновения надо. Нужно все делать разумно, спокойно.

В этом плане поддержка Джейка Макферссона — наиболее перспективного, набирающего харизму и рейтинг кандидата в президенты — была очень нужна магистру, как важный козырь во всей этой сложнейшей партии. Магистр знал, что Центральная ложа просматривает сразу нескольких кандидатов. Прощупывать и готовить Макферссона было поручено его ложе, и он хотел бы использовать этот шанс. Если бы Макферссон в итоге победил, он бы его не забыл, и влияние магистра могло резко вырасти.

Разумеется, Джейк приехал не один, о чем он и предупредил — с ним приехал его друг, консультант, помощник Эндрю Эббот и руководитель крупного банка «Закс энд Беренс Лимитед» Артур Шиманович.

Джейк Макферссон был энергичным, обаятельным, речистым мужчиной 52 лет от роду, внешне чем-то напоминавшим Билла Клинтона: такой же высокий, улыбчивый, с такими же седеющими, зачесанными назад волосами. Магистр лишь однажды до этого встречался с Макферссоном. Эта встреча состоялась два года назад, когда магистры семи основных лож провели с ним беседу с целью получить согласие этого перспективного политика на совместную работу. Макферссон тогда как раз метался между несколькими влиятельными закрытыми сообществами, раздумывая, на которое из них поставить. Он понимал, что, связавшись с одним из них, он уже не сможет переменить. Отход от договоренностей на таком уровне был чреват неизбежным, стопроцентным физическим устранением. Макферссон после некоторых раздумий все же поставил на Братство Обновления, а не на иллюминатов, хотя прекрасно знал, скольких президентов они в свое время привели к власти.

Магистры же на той встрече как следует прощупали Джейка Макферссона. Для них важно было выяснить две

основные вещи. Во-первых, качество интеллекта претендента. Одно дело — телевидение и пресса, другое — частная беседа. Есть ли у него тот объем сознания, который сможет стать основой для проведения глобальных реконструкций во всей макросистеме? Ведь было очевидно, что такие реконструкции назрели, и человек, держащий в руках нити внешнего управления, должен был себе представлять объем предстоящих преобразований, обладать соответствующими знаниями. Все помнили неудачные опыты с Обамой и особенно с взбалмошным, эксцентричным, плохоуправляемым Трампом. Разумеется, и этот президент должен был стать всего-навсего менеджером, обязанным проводить стратегию Братства в реальность; но от него не так уж мало зависело. Ведь он был витриной, фасадом, декором; именно президент окрашивал реальность страны в тот или иной тон. Во-вторых, магистры должны были понять, способен ли этот человек вдруг взбрыкнуть, начать действовать независимо, как это начал делать в начале 60-х Джон Кеннеди. Никому в Братстве не были нужны лишние детективные истории, связанные с физическим устранением таких публичных людей. Спустя почти семьдесят лет после расстрела в Лос-Анджелесе Джона Кеннеди всем в Братстве было известно, что такие акции имеют нехорошие последствия: теневая система управления проявляется, восстанавливая против себя множество структур из внешней макросистемы, затрудняя работу по управлению, требуя дополнительных вложений в систему конспирации.

Джейк Макферссон, выпускник Гарварда, потомок древнего именитого рода, показал себя на встрече магистров блестяще. Он легко отвечал на все вопросы, импровизировал; показал потрясающее знание в области экономики, философии, политологии, эзотерики, теории управления и прочих областях. Было видно, что он тщеславен, горделив и что он торопится взлететь. Было также известно, что он натурал в сексуальной сфере, но не держится за семейственность. Его любовь к красивым женщинам была еще одной нитью, за которую его можно было цеплять. Но главное — он непременно

хотел стать первым лицом в США, прославить свой не такой уж именитый род. Ему крайне были нужны деньги и закулисная поддержка. В итоге он заручился поддержкой Братства, но дал слово, что будет верен договору о долговременном сотрудничестве с Братством, который был тогда же и подписан.

Правомерность и внутренняя легитимность его встречи с магистром были неполными, но и не являлись сомнительными. Пока сенатор был просто сенатором, он мог встречаться с любым частным лицом. Встреча с влиятельным членом одной из лож закрытого сообщества не была чем-то исключительным или предосудительным ни с какой стороны. Внутренняя этика общества не запрещала такие встречи, хотя отдельными влиятельными персонами других лож могла быть расценена как интрига, направленная на укрепление позиции одного из магистров. Сам Магистр Виндинг-Бронс допускал, что Макферссон мог также встречаться с кем-то из мастеров и других лож, чтобы лучше понять ситуацию внутри их организации и, в случае чего, скорректировать свою политику.

Все три гостя поздоровались с ним энергично и весело, отвесив магистру сразу кучу комплиментов.

— Вы словно заморозились, сэр Ричард! — шутил Джейк. — Вам не дашь больше пятидесяти пяти! Мы с вами ровесники!

— Ну, конечно, конечно, — отвечал магистр. — Только жена устала песок из кровати выметать.

— О, магистр, а я бы хотел приобрести ведерко такого песочка! — пошутил Шиманович. — Продай бы на бирже по цене золотого!

— Дороже надо, Артур, — заметил Эндрю Эббот. — Это сакральный песок! Песокус сакрариум! Магистерииум сакрариум!

— Прагматики! До мозга костей, прагматики! — отшутился магистр. — У вас только деньги на уме! Вы ведь очень бедные!

— Да, магистр! Мы бедные евреи! — шутил Шиманович. — Что такое нынче двадцать — тридцать миллионов долларов? Неделя неплохой жизни в Лас-Вегасе!

— Да-да! Это немного! Придется пожертвовать золотыми унитазами! — парировал магистр. — Сидеть на чешском хрустале! А то и на китайском фарфоре!

Понемногу они все же перешли к серьезным темам. Так матерые картежники, подтрунивая друг над другом, садятся за игру, которая заканчивается выстрелом в чью-то голову...

Магистр повел разговор сразу по главному фарватеру. Он рассказал про последние новости, касающиеся команды андроидов.

— Работа идет активно. Мы переходим к главной фазе, когда в команде останутся только андроиды, и необходимость в обычных игроках отпадет. Если команда с тремя андроидами разгромила хорошие сборные, думаю, что результаты тут будут еще более впечатляющими.

— Как вы думаете, а насколько победа на чемпионате может повысить шансы Джейка? — спросил Эббот. — Как вы это видите?

— Все дело в подаче. Но СМИ это могут отыграть блистательно. Почему я и счел целесообразным пригласить вас. Формировать общественное мнение в Америке надо уже теперь. Там основные массы не понимают, какую роль играет соккер в мире. Особенно в южных штатах, где мало команд. В стране только начали проводить регулярный чемпионат. Во всем мире английский футбол — мировая игра, а у нас все зависают на гольфе и американском футболе. Везде в Европе кандидат, создавший команду-победительницу, получает потрясающие шансы. Но не у нас! Это надо менять. В этом состоит специфика ситуации. Ваши шансы могут взлететь чудовищно, если правильно подать победу.

— Что вы мне посоветуете? — спросил посерьезневший Макферссон. — Вы говорите, надо уже этим заниматься... Мне выйти на поле? Поиграть в соккер?

— А это неплохая идея, — заметил магистр. — Я думаю, все нюансы этой компании вы должны определить со своими PR-менеджерами. Главный ориентир ясен: поднять, резко поднять престиж английского футбола в Америке. Это миллионы голосов, Джейк. Прежде всего, мужская часть населе-

ния центральных и северных штатов. Это темнокожие. Сейчас в Европе играют в основном ниггеры.

— О да, это очень смешно, — согласился Шиманович. — Я был на чемпионате Европы год назад. Играют Франция и Португалия, а на поле один белый, три латиноса, а остальные — ниггеры. На трибунах сто тысяч белых. И они это называют чемпионатом Европы! Смешные люди!

— Магистр, разумеется, наши пиарщики займутся этим, — заметил Джейк. — Но научиться играть мне будет нужно.

— Думаю, это просто будет необходимо. Я хочу вам напомнить пример с Путиным. У него был очень высокий рейтинг в лучшие годы. И во многом потому, что он умело разыгрывал спортивную карту. Сначала была борьба, потом он в хоккее научился играть. Для русских это было очень важно. Я думаю, вам надо научиться прилично играть и сыграть за студенческую команду через годик. А после этого наши выиграют чемпионат, и развернется кампания — выяснится, что команду-чемпиона сделал Джейк Макферссон! Кто вам что противопоставит? Спортивный президент, симпатяга, умница! Все карты будут у вас на руках! А мы сыграем свою игру...

— Магистр, с футболом мы поняли, — заметил Эббот. — Будем работать. Давайте перейдем к следующей теме...

— Понимаю. Сенаторы люди занятые. Но у магистров тоже график плотный. Вторая тема примыкает к первой. Я вам рассказал про андроидов, господа. Вы ведь понимаете, тема эта закрытая. Информация разглашению не подлежит...

Трое гостей в знак согласия кивнули головами, а Макферссон сказал утвердительно:

— Слово сенатора! Ни толика не просочится вовне!

— А почему вы называете киборгов андроидами? — спросил сенатор. — Андройдов всяких много. Телефоны, программы...

— Это ничего, — заметил магистр. — Мы-то знаем, о чем речь. Так было принято при формировании проекта. Однако, господа... Тема эта шире, гораздо шире, чем футбол. Андройдов появляется все больше, вы знаете. Они уже рабо-

тают в разных странах по разным программам. А у тех, кто запустил эти программы, нет, представьте, единого представления о том, куда все это поведет.

Лицо Макферссона стало серьезным. Шуточный тон сразу исчез.

— Неужто-таки и нету? — спросил Эббот. — Ведь вы же там на своих конференциях все время это обсуждаете...

— Обсуждаем. А единого представления нет. Есть два направления. Лорд Ледргхэм, восьмая ложа, это наш новый ястреб. Он бывший иллюминат, со всеми вытекающими. У них в кровь впиталась фанаберия превосходства. Они не сходят с линии тотального главенства. Для них Денвер лишь досадная осечка. Они видят в андроидах бесстрашных агентов и солдат.

— Вот оно что, — выдохнул Макферссон. — Теперь кое-что связывается. Понятно, почему они тянут в претенденты Майкла Уолкера. Я слышал его в конгрессе. Жутко агрессивный тип.

— Джейк, они до сих пор ничего не поняли. Они хотят подключить андроидов к геоклиматическим программам. Запустить их вглубь земли. Запустить в ниши под океанами. Там заложить установки для запуска направленных землетрясений. Они идиоты, Джейк. У них нули по философии. Это сливки поколения гаджетных дебилов.

— Посмотрите, у меня волосы встают дыбом, — заявил Шиманович. — Это без шуток.

На самом деле он, конечно же, шутил, так как не мог быть серьезным. При всех своих мозгах.

— Они ничего не хотят слушать. Они даже не знают, как устроена планета. Там что-то всерьез стронь — и пойдут необратимые процессы! А они хотят чем-то управлять. У них эвересты денег, а мозгов...

Магистр постучал костяшкой пальца о столик.

— Вы знаете о том, что там было... Под Денвером?

Наступило молчание. Слышно было, как накатывают сонные волны на берег, как кричат вдалеке чайки, как мерно гудит пролетающий где-то за облаками лайнер.

— А что там было? — немного испуганно проговорил Эббот. — Атомная станция была... Да...Плотина... Заводы.

— Там был подземный город. В трехстах милях. Секретный подземный город. Один из трех, что были у иллюминатов. Но этот был главный.

— А что в нем? — почти прошептал сгоравший от нетерпения Шиманович.

— Центр глобальной оцифровки. Главный центр обработки информации. Станции космической связи. Связь с ядерными пусками. Главные программы по андроидам разрабатывались тоже там.

Гости магистра были просто ошарашены услышанным. Эббот закурил. Макферссон встал, подошел к бортику яхты, стал задумчиво смотреть на волны.

— Но что вы этим хотите сказать, господин магистр? — серьезно спросил шутник Шиманович. — Уж не русские ли шарахнули?

— Нет. Точно нет. Шарахнула более высокая инстанция. Те ребята, что заселили нас всех сюда и контролируют. Это их работа. Провидение...

Макферссон вернулся и сел за столик.

— Я вас понял, магистр. Я вас хорошо понял...

— Джейк, если северная ложа выйдет на вас, остерегайтесь! — глядя прямо в глаза Макферссону сказал магистр. — Не поддавайтесь! Я вам покажу тексты их выступлений. Там все понятно. Они узколобые, Джейк. Они воображают, что можно управлять всем и дальше. Ставят дебилов в президенты и премьеры. Вы же видели морду Уолкера?

Макферссон засмеялся.

— Этот почище Джорджа Буша-младшего...

— А им такие и нужны. Либо клоуны, либо дураки. В Англии они стабильно выводят наверх дебилов. Или постклимактерических идиотов.

— Точно, господин магистр! Точно, — засмеялся Шиманович. — А я ведь знаком со старушкой Мэй... Ей уже под сто! Она стала еще умней.

Тут засмеялись все.

— Давайте серьезно, господа, — прервал смех магистр.

— Они опасные люди, — кивнул головой Макферссон. — Я вас понял, магистр. Я на вашей стороне. Будьте уверены. Вы производите впечатление серьезного человека.

— Но хватит ли у вас влияния, чтобы переломить ситуацию, — осторожно спросил Эббот. — В иерархии Братства вы ведь третий...

— Мне нужна поддержка. И мне нужны деньги.

— Они у вас будут, магистр, — не раздумывая, ответил Эббот.

— Их будет у вас, сколько нужно, — подтвердил Шиманович. — Вы только перенаправьте кораблик...

— И вы тоже перенаправьте, Артур... Лайнер ваш океанский... А то Сингапур много на себя потянул... Не Сингапур создавал великую сеть... А тут вдруг какой-то Ваджио...

Шиманович засмеялся:

— Успокойтесь, магистр! Ваджио больше нет... Уже три дня как...

— Вот как? — деланно удивился магистр. — А Чивиккони не докладывал...

— Что это за Ваджио? — нахмурился Макферссон.

— Новоявленный король царства букмекеров, — пояснил Эббот. — Все под вас делаем, Джейк...

Макферссон улыбнулся, и понимающе кивнул.

— Вы с Чивиккони держите линию, Артур, — обратился магистр к Шимановичу. — Для нас Марсель как центр более удобен...

— Да, магистр. Управление пойдет оттуда. Спасибо вам за Чивиккони. У него оказались толковые связи...

— Хорошо, господа. Значит, мы друг друга поняли.

Магистр помолчал, словно задумался, рассказать нечто любопытное или не нужно. Но все же сказал:

— Мне тут одну историйку как раз рассказали... Забавную такую. Про Большого Старика.

— Ого! — воскликнул Шиманович. — Интересно...

Макферссон и Эббот замерли, и чуть придвинулись к магистру.

— Большой Старик держал речь на внутренней встрече под Кливлендом. Был динамичен. Жестикулировал. Не было задержек речи, не было его э-э-э... Появился, сказал речь и ушел. И ногами не шаркал. Хотя все, кто хоть раз его видел, знают, что он уже лет двадцать шаркает.

Макферссон нахмурил лоб и поинтересовался:

— Так вы полагаете... Это был клон? — взвешивая каждое слово, проговорил Эббот.

— Не в курсе. Может быть, и он сам. Собственной персоной, в новом образе...

Магистр улыбнулся и отпил из чашечки кофе. Все некоторое время молчали.

— А вы его близко видели когда-нибудь?

Магистр улыбнулся:

— Я был среди тех семерых, кто присутствовал при подписании Козырного Векселя... В 2008-м.

Макферссон и Эббот так и отпрянули. Но Шиманович и не шелохнулся.

— Значит, это правда, — проговорил он. — Мне говорили...

— Сэр Ричард, — вдруг заговорил чуть торопливо сенатор. — Пользуясь случаем... Правда ли, что Большой Старик деньги считал на счетах? С костяшками.

— Истинная правда! — засмеялся магистр. — Счеты такие древние... На них еще его прапрадед первый свой миллион набрасывал. Костяшки такие черные, потертые. Но это ритуал. Старик любит ритуалы. Когда надо, считает на калькуляторе. Но это был ритуал.

— Еще бы! — воскликнул Шиманович. — Цифра с пятнадцатью нулями! Он тогда спас всю Систему!

— Тринадцать триллионов девятьсот миллиардов восемьсот семьдесят тысяч, — уточнил Эббот. — Это всем известная цифра...

— А у Старика дрожала рука, когда он подписывал чек? — спросил Макферссон, будто чуть пригнувшись.

— Ничуть! — отвечал магистр. — Будто садовнику чек выписал. За стрижку кустов. Только похрипывал и шамкал ртом... Великий Старик! Но все же... Как вам идея насчет дублей?

— Думаю, это возможно, — вздохнув, ответил Макферссон. — Но все надо прорабатывать...

— Темка-то, вообще говоря, перспективная, — задумчиво сказал Шиманович. — Тут можно придумать что угодно... Можно, например, какой-то дубль на «Боинг» посадить, от-править с какими-нибудь большими деятелями, для нас не очень удобными... Арабами какими-нибудь. Русским. Или китаезой главным... И уронить всех случайно в водичку... Тут много вариантов...

Макферссон перестал улыбаться.

— Ты это всерьез, Артур? Я вообще-то говорил, что хотел бы оставаться в рамках нравственного поля...

— Да это я так, — смутился Шиманович. — В порядке импровизации...

— С нравственным полем и вправду есть сложности, — заметил магистр. — Проблема в том, что это поле всякий норовит развернуть, как ему удобно. Вот у арабов многие считают, что очень даже нравственно головы людям отрезать. Или взрывать их в разных там местечках... Не прими мы меры, они бы давно и шарик наш разнесли на кусочки. И появился бы тогда вокруг Луны пояс астероидов. Я думаю, вы со мною согласитесь, что большинство, что пасется ныне на планетке нашей, они... как бы сказать... в основном склонны к хаосу и деструкции и нуждаются в жестком управлении. Мы с вами тогда говорили Джейк, и вы, кажется, с нами согласились, что курс надо держать все же на создание центра глобального управления. Вечно весь этот бардак продолжаться не может. Кто-то должен брать на себя ответственность за всех.

Сенатор кивнул головой:

— Разумеется, магистр, я помню ту беседу до мельчайших деталей. И я тогда подтвердил, что старый курс считаю правильным. Но я также говорил, что надо постоянно вносить коррективы в этот курс. Ситуация на планете быстро

меняется. Мир сжимается, становится виден. Мы не должны ничего навязывать миру силой. Чем больше мы давим, тем больше хаоса, тем больше давят на нас. Конструкция NWO* должна быть более гибкой.

— Что вы подразумеваете под гибкостью, Джейк?

— Прежде всего, отказ от линии, которая показала свою неперспективность. Например, от идеи перемешивания всех со всеми. Вы же видите, что в Европе происходит. Цветные просто давят белых, и все. Вы когда-нибудь наблюдали, как сорняк глушит сою? Сорняк всегда сильнее. Через пару столетий тут будут только они, и это никакое не перемешивание. Это разведение сорняка. Надо, наоборот, заниматься сегрегацией. Рассовывать всех по своим квартирам. Дикие народы — одна ниша. Цивилизованные народы — другая. К диким народам — да, можно применять строгие меры, и чипизация — это вариант. Это средство. Дикарей надо контролировать, согласен. Но тех, у кого в порядке все с интеллектом — зачем же их-то в общий котел? Такие народы надо приводить в порядок, давать им систему правильного управления и подыскивать место в общей структуре. Это и будет новый мировой порядок. Надо и им находить нишу. Нужно многое пересматривать, магистр... Времена подходят очень важные. Старые подходы надо корректировать.

— В деталях согласен, сенатор, — кивнул головой барон. — Концепцию надо уточнять. Но методы достижения нам вряд ли стоит менять. Сила денег — это единственный способ увязывания снопов. Массами можно управлять, управляя их инстинктами. Людьями управляют два главных: выживание и жажда наслаждений. Лицевая сторона инстинкта выживания — деньги. Обратная сторона — страх. Мы вряд ли придумаем что-либо новое, Джейк. Всегда будет неравенство, всегда будет иерархия. Но лучше, чтобы наверху были те, кто может управлять.

— Это, бесспорно, магистр. Деление народов на молодые и старые правомерно. У молодых всегда хаос, они не способны к самоорганизации. И это поле нашей деятельности. Но ведь раньше мы всех считали молодыми и дикими.

И Китай, и Россию. Мы должны отказываться от такого снобизма. Он необоснован.

— Джейк, мы об этом как раз и говорили. Это вообще не наш подход. Нас не должно заносить. Мы все должны помнить про Денвер... Денвер был расплатой. Помимо прочего — за три «Нортекс Диурома», что сдвинули плиту под Гуайямом.

— Вот оно что, — присвистнул Шиманович. — Сколько вы нам интересного поведали.

— Мы найдем с вами общий язык, Джейк. Только ястребов надо будет прижимать совместно.

— Ястребы у нас есть разные, — усмехнулся Джейк. — Одни в АНБ, другие в Пентагоне.

— Это не главные, — улыбнулся барон. — Главные неподалеку...

— Я далек от заворотов Северной Ложи, — прямо глядя в глаза магистру заметил сенатор. — потому я здесь. А ваша позиция по главным вопросам мне теперь известна.

— Ну вот и отлично, — улыбнулся магистр. — В основном мы солидарны.

Джейк Макферссон молча курил сигарету и смотрел в океанскую даль. Шиманович и Эббот также пили сок, уже не вмешивались в разговор главных лиц. Магистр считывал мысли Макферссона: тому явно мечталось освободиться от опеки; но при этом он понимал, что без нее он никогда не окажется у руля.

— Магистр, смысл встречи был в том, чтобы сверить пульс? — спросил сенатор.

— Я веду программу андроидов, Джейк. Я хотел довести до вас смысл этой затеи, чтобы подправили свои планы. Мы всерьез ставим на вас. Мы начинаем двигаться к цели.

Сенатор кивнул.

— А нельзя было бы мне хотя бы взглянуть на этих андроидов? Я бы тогда быстрее принял решение. По поводу своих дублей.

— Я устраю вам такую встречу, Джейк. Как возникнут для нее условия, тут же сообщу.

— А как насчет нас? — хитро прищурился Шиманович.

— Артур, простите... — отвечал невозмутимо магистр. — Проект пока не допускает такой возможности. Начнутся игры — появятся возможности.

ГЛАВА 18

Приглашенный для работы с командой психолог Ростислав Пиоро предложил Андрею Маранову очень непростую психологическую игру, для того чтобы лучше понять, с кем они имеют дело, чтобы составить максимально точное представление о каждом из кандидатов.

Еще до начала этого мероприятия Андрей Маранов попросил Михаила Георгиевича Берестова просмотреть тех людей, относительно которых у него не было полной ясности — оставлять их или все же взять в команду.

Вызванный на подиум игрок поначалу смущался, с недоверием смотрел на психолога и тренера. Но Пиоро старался снять напряжение с человека, с тем чтобы он раскрылся. Нападающий второй команды Максим Бухаров был одним из сложных персонажей, который тяжело разворачивался на откровенность. Психологу пришлось применить чуть ли не весь арсенал средств, чтобы его вывести на нее.

— Поймите, Максим, команда и люди, связанные с нею, — это довольно узкий круг. Нам надо знать каждого как можно лучше. И вас нам надо узнать... Первая просьба такая: расскажите о ситуации, которая до сих пор мучит вас, которую вы вспоминаете с тяжестью в сердце, с неудовольствием. И тем не менее вспоминаете. Ту ситуацию, которая отпечаток наложила на последующую вашу жизнь, повлияла на отношение к людям.

Бухаров задумался.

— Не могу так сразу сказать. Разные были ситуации. А почему сразу негативное?

— Про позитивную будет следующий вопрос. Мне представляется, что лучше начинать с тяжелого. Наверняка ведь было такое.

— Конечно, было...

— Семья, улица? Женщина, деньги? Обычно люди натыкаются на проблемы именно на этих пунктах.

— С деньгами было...

— Рассказывайте.

— С драками было...

— На ваш выбор. О чем удобнее, о том и рассказывайте.

— Да много было... Вот лет семь назад. Сижу, готовлюсь к экзаменам. У нас квартира на втором этаже. Пятиэтажки. Поселок небольшой, заводской. Кричит снизу парнишка-сосед: «Макс, Кольку бьют! Выходи!»

— Колька — это кто?

— Мой младший брат. Я руки в ноги... Выбегаю... Витька показывает. За сараем два старшекласника с Хаевки... Ну это... плохой район у нас есть. Зажали в углу. У Коляна нос разбит, плачет. Бьют в живот.

— Так. И что вы?

— Я тут же, с ходу, без разбора начал их месить. Один сбежал, другой упал, я его ногами. Кольке сказал: иди домой. А оказалось, эти старшекласники с большими пришли, и те ко мне сзади подошли.

— А сколько их было?

— Трое. Здоровые. Отпетые. Плохо дело обернулось...

— И что?

— Говорят, становись на колени, а не то убьем.

— Вот как! Однако... И что же вы?

Все, кто был в зале, затихли.

— Я не встал.

В зале все громко выдохнули.

— И чем дело кончилось? Тебя избили?

Бухаров вместо ответа молча поднял майку. На левой стороне живота, под ребром, у него был короткий, но как бы заглубленный внутрь шрам...

— Нож всадили...

В зале воцарилась тишина.

— Серьезное ранение было? Сознание потерял?

— Селезенку чуть задела. Сознание потерял минут на пять. Они ушли. Колька скорою вызвал. Врач сказал, что,

если бы повыше ударили, селезенку порвали бы. Смерть... Летальный исход. Мне повезло.

— Это самое тяжелое воспоминание?

— Были и другие. Городок тяжелый. Наркоманов много.

— А ты? Не пробовал.

— Как тут не попробуешь? Пробовал. Но я нагляделся на этих... Я попробовал, но не подвис. У меня цель была. Я хотел футболистом стать. Я тренировался. Играл за завод. А тех троих я потом нашел...

— Тех, кто порезал тебя?

— Да. Тех, кто порезал.

— И что же ты сделал?

Бухаров молча поднял глаза на зал.

— А что сделал? Закопали мы их с ребятами. Грохнули из пушки и закопали. Чтобы было неповадно... И больше с Хаевки к нам никто не ходил. С Хаевкой проблемы закончились.

В зале воцарилось молчание.

— А оттого, что ты убил людей, — спросил озадаченный психолог, — тебя не посещает... чувство сожаления? Может, помягче надо было...

— Вы про каких людей? Про тех? Да на них крови знаете сколько? Это не люди... Их нельзя называть людьми. Это нечисть. Зачем им жить на свете? От них только зло!

— Ты рассказываешь про убийство. Ты не боишься, что тебя кто-то сдаст? Из тех, кто тут присутствует?

— А это и будет проверка на шивость тех, кто тут присутствует. Не одного же меня проверять? Правда же? И я вас проверю. Бывает, что нельзя иначе. Война есть война. Либо ты, либо тебя. Такая у нас страна.

Психолог был несколько о бескуражен, но виду не подавал.

— М-да! Однако... Личность! Не бойся, Максим. Никто тебя не сдаст. Хорошо, что ты раскрылся и важный эпизод рассказал. Иди на место. Спасибо!

Зоркий глаз Михаила Георгиевича отметил, что на возвращавшегося на свое место парня особенно пристально смотрели два человека: Маранов и одна из пришедших тантристок, высокая блондинка по имени Рита. Маранов действительно

был озадачен. С одной стороны, это был человек, который убивал, у которого сняты охранительные клапаны. Но с другой... Это была сильная личность, которая будет на поле биться также насмерть. Андрей посмотрел на Михаила Георгиевича. Тот, улыбаясь, кивнул. Вопрос с Бухаровым был решен.

Дальше интервью пошли довольно эффективно. Выходившие на подиум парни понимали, что их рассматривают как бы через некий усилитель, пристально оценивая каждый жест и каждое слово. И они говорили. Рассказывали про моменты трудные и про светлые, про детские воспоминания, про яркие впечатления. Один рассказал про двух своих друзей, которых увидел на берегу мертвыми. Они утонули; когда их вытащили, они лежали на траве, на берегу; руки у них были выпячены перед грудью, согнутые в локтях, затвердевшие... Экспансивный, открытый Диденко рассказал, как знакомая девушка уселась в проеме окна на седьмом этаже и собралась выпрыгнуть, истерично крича про какого-то Диму; а он ее снизу уговаривал не прыгать, и все же уговорил, после чего у него с ней завязался роман... Предельно откровенный, бесшабашный Нестор Вибергасов специально раскрыл себя перед всеми, рассказав, как он любил поиздеваться в своем Томске над местными инспекторами ГИБДД.

— Я, стало быть, имел такой обычай: затоскую, нажрусь не на шутку. В дупелину пьяный в свой «Дровер» залезу, заведу, разгонюсь до 200 — и прямо к местечку, где гаишники дежурят. И мимо них. Как ветер, стало быть, как лайнер сверхзвуковой, пролечу. Они, понятное дело, чумеют от такой наглости! Вскакивают в свои пшикалки — и за мной... Понятно, по рации зуд идет: «первый, первый, я второй... преследую бандита... Километр такой-то... Первый, первый, ответь второму...»

Нестор издевательски изобразил инспекторов, делая голос свой скрипучим.

— Нагнать меня они не могут. Ночь, тьма, дождь — кошмар! Я иду все так же, под двести. Смотрю, навстречу еще две с мигалками. Я от них на боковые какие-то улицы. Или вообще по лесам, по грязям. Все городское ГИБДД на ухах

стоит... Шухер! Нестора ловят! Один раз выскочили и давай палить... Прямо по мне! По мне... стрелять! Причем не по колесам — по мне! Попали в крыло... Я добавил газу. Ушел...

Сидевшие в зале следили за рассказом затаив дыхание. Всем было понятно, что все так и было, как он рассказывал, что это просто такой человек.

— Ну тебя же поймали? — спросил Пиоро. — И что?

— Никто ни разу меня не поймал. Я что делаю? Крут большой делаю... Ухожу на кольцо, километров за 40. А там, я знаю, мои пацаны, гаишники прикормленные, дежурят. Я к ним, как ни в чем ни бывало, целехонький, с пулевыми ранениями на кузове, подкатываю. Говорю: ребята, мол, блин, так и так, оборотни в погонах замучили. Гоняются, деньги вымогают! Помогите!

Они мне: какие оборотни? Где? Я говорю: да из томского ГИБДД. А они: ах, бл... это же суки, мы знаем! Вымогатели! Они меня — в загон, а сами свою машину поперед ставят, свои пулеметы выставляют. Подкатывают, стало быть, те, на трех тачках с мигалками. Выскакивают с калашами. Орут, машут — где этот черт, бешеный, бл... дайте его нам! А мои свои пушки выставляют, орут: мы ничего не знаем, нормальный парень, вот он, здесь. На вас жалуется! Короче, не отдают меня. Перетираем полчаса; ор, базар стоит нешутейный. Ну, поорали, поорали... Пар спустили. А в итоге что? Я всем ментам по две месячных оклада проплачиваю. Их там штук восемь было. Проплачиваю. Наликом, прямо тут же. У меня тогда бизнес неслабый был, торговля... И что вы думаете? Они меня пьяного, эскортом, в три машины домой сопровождают! С почетом! Я по дороге прошу — ребят, остановите пивка, возьму в палатке. Останавливают! Едем дальше, я пью из горла. Прощаемся. Они говорят: ты, парень, давай, больше так не балуй, а то, блин, подстрелим, не ровен час. А я говорю: ребят, да не гарантирую. Пристрелите — и хрен бы с ним. Так жить-то скучно! Скучно мне, понимаете? Скучно! Они ржут... Вот такие дела...

Все, кто сидел в зале, покатывались со смеху, и даже Маранов.

— Да... Адреналиновый ты человек, Нестор, — только и смог сказать Ростислав Пиоро. — Мне кажется, вот теперь ты попал именно туда, куда надо.

Панорама жизни страны просвечивала через эти эпизоды жесткими, контрастными, резкими красками, очерчивая многослойную панораму народной жизни. Маленькие поселки, городки, темные кварталы больших городов на глазах наполнялись напряженными разговорами, разборками групп мужчин и женщин; шумом от битья стекол и драк; криками и шепотом десятков русских людей, чья жизнь была полна беспокойствия, напряжения, прозябания, устремления к лучшему, желания жить и радоваться, желания горевать и быть удрученным, стремления стать лучше или же подчиниться воле дурных и опасных обстоятельств, или же давлению собственных слабостей. Это была обильная пища для размышлений, но Маранов чувствовал, что и от него теперь зависит, сможет ли он дать этому народу хоть толику радости, в которой тот почерпнул бы уверенность, поверил в себя, в свои возможности.

Последним был вызван на подиум Никита Гремин. Особенно внимательно разглядывали три женщины, которые приехали вместе с Михаилом Георгиевичем. Футболистам было сказано, что эти женщины будут работать в блоке питания.

Увидев Гремина, Лаура шепнула Веронике, указав на него:

— У нас под такого девочки-то нет. Тут такую надо... По спецзаказу! Рост нужно не меньше 180! А то мокрое место останется в койке!

И обе рассмеялись.

А Гремин вышел с тем, чтобы ничего не рассказывать. Никак психолог его не мог раскрыть. Не было, мол, никаких историй — хмуро бурчал Гремин. Так, мелочи. Но психолог сделал один неожиданный ход: он рассказал одну историю из своей жизни. Про то, как играл однажды в казино, и вдруг будто на экране увидел цифры, на которые надо поставить фишки. И выиграл сразу миллион рублями, очень ему нужный тогда. И после этого Гремин вдруг начал рассказывать...

— У меня тоже был эпизод. Иду как-то по лесу. За грибами пошел. Грибов набрал, но забрел куда-то. Потом сел отдохнуть. Ну, размяк как-то... сморило. Заснул, короче, под березой. Проснулся — к вечеру дело. Пошел. Иду, иду... И все не туда. Нету дороги, и все...

— Заблудился?

— Напрочь! И места ведь знал! Компас никогда не брал, да и не разбирал, как он работает... К вечеру дело. Нету дороги! Хоть тресни.

— Так... И что?

— Попал на какое-то болото. Я и не знал, что там есть болото. Раз пять ходил в этом лесу, а не знал... Черт знает куда забрел. И вдруг вижу... Глухомань, а идет компания. Три женщины и мужик. Бабы в расписных таких платьях. Пестрых таких. Ярких платьях!

— Так. Компания. И что?

— Да как что? Болото! Болото кругом! Какая компания? Они чисто так одетые, по-летнему! И одеты-то... по моде какого-то... блин... хрен знает какого века!

— А они разговаривали?

— Ну да! Мужик их смешил, бабы так... посмеивались тихохонько. И шли так, наискосок. И меня не видели. Ярко так одетые!

— Ну а ты что?

— Я их окликнул, а они не слышат. Еще кликнул — не слышат... Я подумал: глухие? Тогда как разговаривают? Черт знает что! Ну, я не будь дурак пошел за ними. Позади, метрах в ста. Они маячили поначалу. А потом я отвлекся на шорох. И потерял их... Или они пропали. Вообще как не было... А я на дорогу вышел.

Люди в зале заулыбались, стали переговариваться. Это было интересно. Никто не ожидал от Гремина такого рассказа. С мест посыпались вопросы:

— Так это из деревни, наверное, цыгане были!

— Никита, а может, поселок рядом был? Чего странного-то?

Гремин смотрел на них, как на идиотов, недоуменно: он не мог взять в толк, почему они не понимают того, что отчетливо понимал он.

— Да какая деревня? Ближайшая деревня в двадцати километрах! Нету там таких жителей. Как вы не поймете? Не люди это были! Не-лю-ди! Мне их послали, чтобы вывели меня на дорогу. Вот так вот!

— Кто послал, Никита? — спросил психолог с интересом.

— Хрен его знает кто, — ответил Гремин, показывая пальцем куда-то вверх.

Все футболисты смотрели на него с удивлением, кроме Пересветова. Они не понимали его. Лаура шепнула Веронике: «Громила-то непрост!» — и та кивнула.

— Да ничего в этом особенного, — вдруг заговорила одна из девушек, приехавших с Вероникой. — Ойлики это были. Обычные ойлики... Мне бабушка рассказывала. Это духи. Они появляются иногда, когда человеку нужна помощь. Но не ради всякого.

Все обернулись в ее сторону. Но никто не нашелся что на это сказать.

Немного позднее Маранов уже сидел в своем кабинете, заваривал молочный улун для Михаила Георгиевича. Они не торопясь обсуждали ситуацию. Девушек Михаил Георгиевич отправил в кафе, с тем чтобы они тоже обменялись впечатлениями, а заодно перекусили.

— Ну что, Андрей? Что-то прорисовывается? — спросил Михаил Георгиевич.

— Я определил для себя такую стратегию, — отвечал Маранов. — На чемпионате мира должно быть заявлено 25 игроков. Это значит: две полные команды плюс трое человек запасных. Я решил сделать так: я готовлю две законченные команды. То есть наигрываю их таким образом, чтобы возникли устойчивые связи между линиями в каждой.

— Так... А для чего это?

— Я думаю так. Если соперники поначалу будут несильные, выставлю против них команду послабее. Ее примут за главную. Игроков будут вырубать, выключат из игр кар-

точками. Когда наступит пора главных игр, я неожиданно выставлю главную команду. То есть игроков, которых все считали запасными. А они и будут главными. При этом я еще так рассчитываю: если порушат одну из линий в главной команде, я смогу выставить целиком линию из второй. Наигранную линию в полном составе. Чтобы потеря ощущалась не так явно.

— Хорошая стратегия, — одобрил Михаил Георгиевич. — Мне нравится. Но тогда возникает несколько проблем. Две команды в одном клубе... Могут возникнуть трения между группами. Между разными составами. А во-вторых, команды должны быть практически равноценны. Вы говорите, если соперники послабее... Но на чемпионатах мира любая команда может выкинуть фортель. Дать бой фавориту, а потом провалиться. Одна игра может решить все. Рисковать нельзя.

— Я это понимаю. Я могу пойти на применение такой стратегии, только если буду видеть, что обе команды очень сильны. Что шансов переиграть вторую команду у соперника нет.

— Понятно... Я думаю, вы разложили пасьянс правильно... Андрей, я хотел вам рассказать одну довольно любопытную вещь. Я проанализировал гороскопы всех приехавших кандидатов. Когда я раскладывал гороскопы людей, что тут собрались, сами собой выделились 12 человек, гороскопы которых находятся в некоем идеальном сочетании. Эти 12 расположены таким образом, что составляют некое гармоническое целое. Наподобие идеального аккорда.

— Можно чуть подробнее. Что значит идеальное сочетание? Это что, люди одного знака? Года рождения? Мне непонятно... Ведь из любого количества людей можно отобрать такую группу, ну, которая будет представлять из себя идеальное сочетание.

— В том-то и дело, Андрей. Речь идет об очень редком сочетании. Иначе бы я не говорил об этом. Такое сочетание может не проявиться, если мы отберем гороскопы двух миллионов людей. Понимаете? Миллионы людей — а вероятность, что такое сочетание появится, минимально...

— Вот как? Вот это действительно интересно! Но вы объясните, что это за сочетание...

— Объяснять долго, но вкратце так. Это сочетание, при котором сила каждого из двенадцати как бы умножается на силу всех двенадцати. Число двенадцать — сакральное число. В кабале есть система 12 сефирот, которая представляет собой как бы гармоническое целое, некий интеграл, отражающий совокупность базовых аспектов тонкого мира. Каждая из сефирот символизирует один из аспектов, составляющих гармоническое единство. Каждый аспект может работать сам по себе; но силу он приобретает лишь через скрытое взаимодействие со всеми остальными. Это как раз то, что философы называют диалектикой целого и единичного, отдельного и общего. Вот здесь именно такое проявляется, Андрей. Я был крайне удивлен, когда это увидел.

Андрей задумался. Он знал, что Михаил Георгиевич не стал бы говорить об этом просто так, из любви к красивым сочетаниям.

— Но что вы хотите этим сказать? Что среди 44 скрывается готовая команда?

— Я не могу этого точно утверждать. Я только говорю, что сочетание редкое... Очень редкое. И скорее всего, оно не случайное...

— В каком смысле?..

Михаил Георгиевич помолчал, задумчиво глядя в темно-синий проем окна, в котором видно было слегка подсвеченное прожекторами рыжеватое футбольное поле.

— Не случайное... Это может говорить о том, что этот проект уже... под контролем... Под Высшим Контролем. И это может быть знак или указание на что-то.

— Ах, вот вы о чем, — понял наконец Андрей. — Вот вы о чем... Тогда, быть может, вы мне дадите фамилии людей, которые составили это сочетание? Это важно!

— А я уже приготовил этот список...

Михаил Георгиевич протянул Андрею сложенный вчетверо лист бумаги. Андрей тут же развернул его и стал изучать.

— Так... Вибергасов, Нестерович, Приданцев, Гремин, Пересветов... Так... Понятно... Вратаря здесь нет... Интересно... Что я могу сходу сказать? Семерых из этого списка я уже утвердил. Они, собственно, составляют костяк одной из команд. Только я пока не знаю, главной или команды-дублера. А вот еще пятеро... Я удивлен. Я не собирался их отбирать. К двум присматривался, но не принял решения. Трех точно не собирался отбирать...

— Я не могу вам ничего навязывать. Я не тренер и не могу сказать, что хорошо разбираюсь в футболе. Это ваша зона компетенции. Но Андрей! Вы не спешите. Вы присмотритесь к этим людям. Я, конечно, могу ошибаться, как и все. Но понимаете... Причины, из-за которых нам с вами надо быть предельно внимательными, — они есть...

Андрей понял, что этим вечером ему предстоит услышать еще нечто важное. Он всегда удивлялся способности Берестова точно дозировать информацию, которую надо передать другому. Новую информацию он давал только тогда, когда собеседник готов был ее воспринять адекватно.

— Я весь внимание, Михаил Георгиевич.

— Помните наш разговор у пруда?

— Конечно. Но мы о многом говорили.

— Мы говорили об искусственном интеллекте. Искусственных людях.

— Да. Помню. И что же?

— У меня возникло, знаете, такое интуитивное подозрение. Хотя я могу ошибаться... Это может иметь отношение к футболу...

— Вот как! Тревожно... Меня даже дрожь пробила. Но какие основания для таких подозрений?

Михаил Георгиевич молча смотрел на Маранова, словно обдумывая что-то. Затем спросил:

— Помнится, вы мне говорили о неожиданном взлете американской команды...

— Да... Есть такой момент, — внимательно глядя на Берестова, произнес Андрей. — Две крупных, совершенно неожиданных победы их вывели в финал. Никто не ожидал.

— Вы говорили, что там появились три новых игрока, которых ранее никто не знал...

— Да, я вам говорил. Три новых игрока сделали им результат. А почему вы спрашиваете?

— Эти три игрока где-нибудь играли до того?

— Хм... Тут как раз есть странность... По документам они числятся игроками команд двух американских университетов. Но никогда за университеты эти не играли. Они также не числятся ни в одной европейской лиге. Этой темой занимались журналисты, но толком ничего не выяснили.

— А при этом они игроки высокого класса?

— Да! Несомненно! Очень высокого уровня. Все трое мощные... Главное, очень выносливые. Понимают друг друга очень хорошо. Отменная техника. У правого нападающего потрясающий удар. Он забил в трех играх пять голов. Ему сразу стали предлагать контракты в лучших клубах Европы... Да и двум другим тоже предлагали. Сразу же.

— А они не соглашаются...

— Ну, это понятно. Скоро чемпионат мира.

— Андрей, вы не могли бы показать своему компьютерщику игры с участием этих троих игроков, — вдруг сказал Михаил Георгиевич, пристально глядя в глаза Андрею. И тогда он понял, к чему клонит его учитель. От неожиданно пришедшего понимания он просто остолбенел.

— Вы думаете... Вы думаете, что это возможно? Киборги? Киборги и футбол?

Михаил Георгиевич улыбнулся странной улыбкой...

— Покажите игры Согрину. Пусть поработает. Особенно внимательно пусть посмотрит за игрой этих троих. Пусть проанализирует их движения. Ну... характер перемещений. Повторяемость рисунка игры... И так далее.

Маранов кивнул:

— Я понял вас, Михаил Георгиевич. Я все понял. Я передам. Завтра же.

— Если что найдете интересное... Вы мне сразу позвоните.

Они вместе вышли из офиса. На улице было прохладно. Студеный промозглый ветер, не соответствовавший марту,

посвистывал, вонзаясь порывами в промежутки между рядами трибун, налетая на железные перила ограждений. Девушки уже вышли из кафе. Стояли, поджидая их, у дальнего выхода со стадиона. А совсем недалеко от них, у выхода, стоял Никита Гремин и рядом с ним девушка, которая сказала про ойликов, Юлия. Они чем-то спокойно разговаривали.

Михаил Георгиевич попрощался и направился к девушкам.

— Только звоните сразу, Андрей. Я буду ждать.

Маранов кивнул. Он был очень, очень озадачен.

— Возможно, это лишь мои предположения. Мои фантазии, — успокоил его Михаил Георгиевич. — Но проверить надо, Андрей.

— Да! Это очень важно.

Микроавтобус вскоре исчез в сырой осенней мгле. Андрей долго стоял у кромки поля, переваривая услышанное. Тяжелая, давящая тревога зашла в его сердце. Если предположения Михаила Георгиевича имеют под собой почву, то ситуация может усложниться на много порядков, и тогда все его усилия могут оказаться если не напрасными, но... Можно не достичь поставленной цели, не добиться результата. А для него это означало поражение при любом результате. Страшный, чудовищный соперник предстал перед ним в его воображении: двенадцать могучих нелюдей могли выстроиться против его великолепной команды, разметать в клочья ее оборону, превратить в ничто весь огромный труд по ее подготовке, обрушить все его замыслы...

Андрей тут же сделал звонок Согрину. Тот сначала не понял.

— Так, игры американцев. Это понятно. Но делать-то что?

— Сделай анализ игры трех игроков этой команды. Номера 7, 10, 11.

— Анализ какого рода?

— Как тебе сказать... Проследи, нет ли отличий в игре этих игроков и остальных других. Нет ли алгоритмов в их поведении на поле... Понимаешь? Нет ли скрытой схематики.

— Анализ перемещений? Схему перемещений? То есть... Тактику изучаем?

— Не только... Представь, что эти люди скажем... очипованы. Управляются извне. Просто представь. Заметно это или нет.

— А вот теперь понял... Понял. Сделаем! Как скоро надо?

— Как можно скорее.

— Понял. Будет сделано.

Михаил Георгиевич Берестов с девушками некоторое время стоял у ворот комплекса. Затем он помахал Андрею рукой, и машина уехала. В проеме между трибунами осталась лишь Вероника. Она стояла и смотрела на него. Волна неожиданной любви и нежности внезапно возникла в нем. Он улыбнулся ей и помахал рукой, приглашая подойти. Она направилась к нему, глядя на простершееся над спорткомплексом черное мещерское небо, полное звезд. Он уже знал, что ее всегда завораживало этот вечное зрелище... Ее бледное лицо постепенно выходило из тени, прорисовываясь в полумраке ровным и изящным овалом. В глазах ее звучал открытый, проникновенный интерес к нему, тяготение.

Но когда она подошла ближе, посмотрела на него, тут же состояние ее изменилось — она прочитала его смятение ментально.

— Ты как будто не рад мне. А я думала, что ты... Может мне уйти?

— Ну что ты. Я очень рад тебе.

Он придвинулся к ней совсем близко, взял за руку.

— Мы же не виделись неделю. Я ждал этой встречи... Честно говоря, я начинаю уже привыкать к мысли, что не одинок. Для меня это очень новое чувство...

Она все так же пристально смотрела, словно изучая его. Будто что-то уловив, она чуть расслабилась, улыбнулась.

— Но я вижу, что ты чем-то озадачен. Ты был другой на этом... ну, собеседовании.

— Да, это правда... Озадачен — это даже слабо сказано.

— Что-то случилось?

— Появилась тревожная информация. Я под впечатлением. Пойдем ко мне...

— А что за информация? Расскажи.

— Пока не стоит, поверь. Не стоит. Чуть позднее. Может, все еще не подтвердится. Пойдем ко мне...

— Ты хочешь, чтобы я пошла к тебе в номер?

— Да. Я этого очень хочу. И чтобы ты сегодня не уехала...

Она смотрела на него немного странным, задумчивым взглядом.

— Но у тебя же проблемы. Ты будешь об этом думать. Тебе разве до меня?

— Да я от них сейчас отключусь. Моментально. Только скажу, что все проблемы — до утра. И их для меня существовать не будет. Останешься лишь ты.

Он протянул руку и погладил ее волосы. Она не отстранилась, только чуть отвернула голову.

— Ты расскажешь мне, что это за проблемы? — снова спросила она.

— Не теперь. Мне надо будет уточнить кое-что. Пока преждевременно.

Он видел, что в ее душе идет какая-то борьба, но не мог понять, что ей мешает принять такое очевидное решение. Было самое время продвинуться в отношениях дальше. Казалось, что все для этого располагало.

— Понимаешь, — наконец, произнесла она, приняв какое-то решение. — Со мной очень все непросто... Ты очень важен для меня. Ты — человек всерьез, надолго. Есть у меня свои странности, и я не могу тебе все рассказать... Так, чтобы было понятно.

Она увидела, как он опустил глаза, как помрачнело его лицо. Тогда она сказала как-то неожиданно игриво:

— А впрочем... Я бы кофе выпила. Есть у тебя?

Его лицо просияло.

В его номере она некоторое время прохаживалась по комнатам, которых было две, пока он суетился с угощением. В гостиной она не нашла ничего интересного. В кабинете задержалась — тут было много всего: картины, сувениры, маски, какие-то кубки. Много разных мелочей.

Она не торопясь рассматривала эти предметы, считывая по ним особенности человека, с которым ее свела судьба.

Одна картина привлекла ее внимание. На ней гуашью была прорисована какая-то зала, вроде средневековой. Со спины был виден вельможа в каком-то длинном серебряном с подпалинами одеянии. Перед ним было видно какое-то стрельчатое, вытянутое в высоту окно. Что-то притянуло ее внимание к этой картине. Она приблизилась и хотела было рассмотреть все получше, но тут вошел Андрей.

— Ты где? Я все принес. Пошли.

В гостиной он накрыл столик. Фрукты, сливки, мороженое. Кофе в изящном кофейнике. Красное молдавское вино. Все было сервировано умело, не по холостяцки.

— Я уже выпила сегодня бокала четыре, — пожаловалась Вероника. — Мне больше не надо. А то развезет... Засну тут у тебя.

— Ну и что? — улыбнулся Андрей. — И очень хорошо...

Он чувствовал, что все шло нормально, как надо. Она расслаблялась, чувствовала себя все более комфортно у него. Она пила кофе со сливками, он говорил по ребятам, про концерт, мол, удивили, проявили себя совершенно неожиданно. Но она словно пыталась вспомнить что-то... А потом вспомнила:

— Послушай, там в кабинете, картина... А она кем написана?

Андрей удивился перемене темы:

— Какая? Их там три... А зачем тебе?

Она встала.

— Пойдем покажу.

Они остановились в кабинете напротив картины с витиеватым бронзовым багетом.

Андрей посмотрел на нее, прищурясь...

— А что тут интересного?

— Картина... Чья?

Тогда он развел руками:

— Понимаешь, это типа хобби... Я же в молодости художественную школу заканчивал. Художником хотел быть.

Вдруг возникло напряжение. Она стала внезапно собранной, как бы включилась резко в реальность:

— Так это ты нарисовал? А что на картине? Ты откуда взял это? И что тут такое...

Он помолчал. Потом недоуменно поднял на нее глаза:

— А что тебя заинтересовало?

Она молчала и выжидательно смотрела на него. Тогда он ответил:

— Понимаешь, мне несколько раз один и тот же сон снился... Какой-то нехороший.

— И что же было в том сне? — как-то холодно спросила она.

— Ну... Зала такая вот. Человек... Будто я его знаю. Что-то происходит нехорошее. Женщина там, дальше... как будто. Неприятный какой-то сон...

Она молча смотрела на него каким-то странным, пронзающим его насквозь блестящим взглядом.

— Да, ты знаешь... Я даже делал зарисовки после этих снов.

Он вдруг ринулся к полкам, стал что-то искать. Посыпались какие-то бумаги... Он достал обычную тетрадь в линейку.

— Вот... Вот, смотри. Вот зарисовки...

Она взяла тетрадь в руки. Было заметно, что они будто немного дрожат. Она молча рассматривала рисунки. Там с разных ракурсов был изображен вельможа. На одной зарисовке на нем была красная накидка. На другой явно была прорисована ложа, а на ней женщина на ложе, накрытая чем-то белым...

— И сколько раз тебе снился этот сон? — странным голосом спросила она.

— Раза четыре, не меньше... Но я не пойму... В чем дело? Ну, сон. И что? Ты что, придаешь этому какой-то смысл?

Она, не отрываясь, рассматривала рисунки. На последнем, справа от витражного окна, было едва заметно написано: sakramento.

— Этого не может быть, — прошептала она. — Это невозможно!

Она вдруг заметалась по комнате, бросила тетрадь на диван, ринулась в одну сторону, в другую. Потом выбежала в коридор и начала одеваться...

— Да что случилось-то, Вероника? Что такое?! — вскричал он.

— Пожалуйста, проводи меня! Пожалуйста! Вызови такси! Это уж слишком на сегодня! Я так сойду с ума! Вызови мне такси!

Она почти кричала.

Они выбежали на улицу. Она быстро пошла к воротам. Он едва поспевал за ней.

Андрей понимал, что останавливать ее бесполезно, что произошло нечто ужасное и очень важное. Два такси дежурили у ворот. Она двинулась к ближайшему...

— Не обижайся, если можешь, — только и промолвила она. — Приду в себя — все объясню.

Машина умчалась, а он так и стоял, ошарашенный, потерянный.

— Ну и денек! — вырвалось у него.

Ночная птица хлестанула по ушам из кустов скрежещущим криком. Волокнистые тревожные облака быстро проползали вдоль почти полного диска Луны. Он вдохнул в легкие влажный весенний воздух, и быстро пошел обратно.

Звонок Согрина раздался утром, буквально через минуту после того, как Андрей встал и пошел в туалет. Телефон лежал на кухне и звенел его любимой музыкой.

— Да, Ростислав. Слушаю. Для тебя звонки спозаранку не характерны...

— Меня заинтересовала задачка, Андрей Викторович. Мы всю ночь пахали с товарищем.

— Так... Интересно. И что? Есть что-нибудь?

— Это очень интересно, Андрей Викторович. Трое америкосов, о которых речь, работают точно по программам. Именно, по компьютерным программам. Повторяются одни и те же схемы движений. Я прочертил траектории — они повторяются, причем устойчиво, буквально до метра, без отклонений.

У нормальных так не бывает. Их взаимодействие также идет по схематике. Ходу добавляют по команде. Ускорение всегда одинаковое. Есть совпадения с компьютерными играми.

— Это точно? Ты в этом уверен?

— Шеф, мы же делали игру «ФИФА». Это буквально то же самое. Игроки управляются. Кем-то извне и программой.

— Только эти трое?

— Именно так. Только эти трое. Все остальные — обычные. Схематики нет. Да и я вам скажу... И с точки зрения психологии. Эти трое — другие. У них реакции на все другие. Эмоций практически нет. Да и во внешности, я вам скажу, есть приметы... Скулы у троих под прямым углом... Очень странно...

— Да... Вот беда-то. Это... Это... Боже мой! Это действительно удар ниже пояса.

— Понимаю вас. Очень даже понимаю. Но кто это? Как это у них вышло? У вас есть какие-то данные по этим... существам?

— Ростик, спасибо тебе! Ты не представляешь, насколько важно то, что ты сообщил. Пока ничего более сказать не могу. Вопрос будем прорабатывать.

— Откуда ноги-то растут? Пентагон? АНБ?

— Неизвестно. Просьба об этом — никому. Ни слова.

— Заметано! Это и так понятно. Я так понимаю, игра принимает хитрый оборот...

— Да, Ростик. Это точно! На связи!

В душе Маранова не было теперь смятения и страха. Он закурил, спокойно думая о том, какой может быть контригра. «Ее не может не быть... Контригра есть всегда. Киборгов выставите? Валяйте, ребята. Мы и киборгов свалим. Сдохнем, но свалим! Посмотрим, кто кого...»

Он снова глядел на утреннее поле стадиона. На лице его светилась улыбка. Он взял телефон и набрал номер Пади-на.— Да, Андрей. Слушаю, — отозвался тот, позевывая.

— Я вас разбудил, Сергей Валерьевич? Извините.

— Да нет... Просто плохо спал. Прихожу в себя. Что-то срочное? Как вообще дела?

— Дела идут. Отбор заканчивается. Нужны еще кандидаты. Полных двух команд пока не набирается.

— Понятно. Но время еще есть. Ищите. Страна большая, народу много.

— Сергей Валерьевич, разговор есть... Встретиться надо срочно.

— Вот как?

Падин замолчал, видно что-то обдумывая.

— Я знаю, что без особого повода вы бы о встрече не просили.

— Точно. Когда можно подъехать?

— Хорошо. Подъезжайте завтра к 16:00.

— Могу я приехать с учителем? Помните, я хотел вас познакомить с ним...

— Да, я помню. Вы говорили... Хорошо. Сообщите только его данные в охрану.

— До встречи!

— До встречи!

Итак, возникало препятствие. Возникла новая интрига, и стратегия теперь требовала корректировки. Жизнь усложнялась, но продолжалась, становясь все более интересной.

ГЛАВА 19

— Так вот каков ваш учитель, Андрей, — произнес Сергей Падин, вставая навстречу Маранову и Берестову. — Очень рад познакомиться.

Берестов улыбнулся в ответ. Они пожали друг другу руки.

Когда они уселись в кабинете, возникла пауза. Некоторое время все трое молчали, рассматривая друг друга, настраиваясь на общение. Михаил Георгиевич как будто ушел в себя, молчал, глядя прямо перед собой. Паузу прервал Маранов.

— Сергей Валерьевич, вы правильно поняли, что я не стал бы вас беспокоить без серьезного повода.

— Это понятно. Чувствую, вы озабочены. Чувствую. Излагайте...

— Выяснилась очень интересная вещь. Нехорошая вещь...

— Одна минуточку, — вдруг прервал Маранова Берестов. — Сергей Валерьевич, можно вас на минуточку.

Михаил Георгиевич встал и подошел к окну. Удивленный Падин также поднялся. Они встали возле Маранова; тот, понятно, мог слышать все, что говорится. И тогда полусшепотом Берестов произнес:

— Вы меня простите, но тут нельзя разговаривать... Кабинет прослушивается...

Брови Падина удивленно взлетели.

— Это вы на каком основании? С чего вы это заключили? У меня спецы следят...

— Спецы, может быть, и хорошие... Но кабинет прослушивается. Устройства установлены где-то здесь.

Берестов показал на угол рядом со столом.

— И установлены они недавно... Нет ли другого места, где мы могли бы поговорить?

Падин немного озадаченно, недоверчиво смотрел на странного человека, стоящего перед ним. Он не знал, какое принять решение. Он был уверен в своих специалистах. Однако затем он как будто вспомнил что-то...

— Как вы это знаете? И так уверены!

Падин нахмурился. Но, посмотрев на Маранова и его учителя, как-то расслабился.

— Недавно, говорите?

— Совсем недавно.

— Хм... Был ремонт в соседних кабинетах месяц назад. Сюда заходили сотрудники одной фирмы, но мои контролировали... Вообще-то... все может быть. Но вы уверены?

— В этих вопросах я не ошибаюсь, — шепотом продолжал Берестов. — Нет ли другого кабинета?

Падин молча посмотрел на Маранова. Тот также встал и, подойдя к ним, сказал очень тихо:

— Сергей Валерьевич, я бы прислушался. Вы не можете представить, какими возможностями обладает этот человек. Я не раз убеждался.

Падин молча смотрел то на одного, то на другого, прикидывая что-то. Потом принял решение:

— Идемте.

Втроем они вышли из кабинета, а затем из приемной. Секретарша с удивлением посмотрела на них. Они прошли по длинному коридору, дошли до лифта, поднялись на 12-й этаж. Там находился тихий пустынный холл, в котором стояли кресла и столики. Там они и сели.

— Вас устраивает это место, Михаил Георгиевич? — спокойно спросил Падин.

Берестов словно что-то прикинул и, помолчав, сказал:

— Это место хорошее. Но с кабинетом вам надо что-то делать, Сергей Валерьевич. Там устройство.

— Раз есть устройство, значит, есть тот, кто его поставил.

— Вам надо просчитать, оставались ли пришлые без контроля. Или внимательно проанализировать своих людей.

Падин нахмурился. Но затем, опять словно прикинув что-то, сказал:

— Я не знаю вас. Я не знаю так уж близко и Андрея.

— Я понимаю. Вы можете не слушать. Но движение проекта будет затруднено. Если не сказать — обрушено. Прервано.

Тогда Маранов снова включился в разговор:

— Сергей Валерьевич, понимаю ваше недоверие. Не знаете меня и Михаила Георгиевича не знаете. Вот и будет повод узнать... Я знаю, что Михаилу Георгиевичу нужно только показать людей. Поверьте, мы давно связаны друг с другом. Я убеждался многократно. Михаил Георгиевич не ошибается.

— Ясновидение? — спросил Падин. — Может, и мысли читаете?

Берестов промолчал.

— Сергей Валерьевич, у нас проблемы, — вернулся к главной теме Маранов.

Падин вздохнул. «Начинается, — подумал он. — Только начали...»

— Излагайте, Андрей.

Маранов коротко изложил информацию про киборгов в команде США. Однако про волхва на Урале и его видения сказано не было. Падин выслушал информацию с явным недоверием.

— Ну, это... знаете... Это что, научная фантастика? Ну, просмотрели вы их беготню. И что с того? Я не вижу ничего доказательного.

— Вы же Согрину доверяете.

— Доверяю... Доверяю. Но чтобы такие вещи отследить, думаю, одного его мало.

Наступила пауза. Берестов глядел перед собой и размышлял. Падин был по-своему прав: прямых доказательств не было. Одни догадки. Падину нельзя было говорить про волхва, его видения и его напутствия.

— А что вы от меня-то хотели? Ну, допустим, что это на самом деле так. Допустим, что невероятное стало очевидным. И что дальше?

— Нужно проверить эту информацию, — сказал Берестов. — Вы правы, заключения вашего айтишника недостаточно. Для подробного расследования нужны деньги. Нужны связи в кругах, связанных с внешней разведкой. Либо же надо нанять частное агентство.

— А, вот оно что... Получается, мне надо санкционировать такую сложнейшую работу, не имея никаких явных доказательств.

— Хорошо, — согласился Берестов. — А вы могли хотя бы помочь собрать информацию о трех этих игроках?

— На каком уровне?

— Каком угодно. Возможно, снарядить какого-то толкового журналиста. Это недорого.

— А вот это можно... Давайте. Я согласен. Вы, Андрей, свяжитесь с моим помощником и решите все вопросы. Он посоветует, кого из знакомых журналистов можно под это подрядить.

— Хорошо, Сергей Валерьевич, — со вздохом отвечал Маранов.

Он был очень огорчен. Он не сомневался, что учитель его прав, но не ожидал, что сознание Падина столь узко, что не может допустить вообще существования киборгов, и тем более футбольных.

Падин поднялся, достал телефон, нажал кнопку.

— Серафим, подойти на тринадцатый, в холл... Но до этого загляни к Пишняку. Срочно пусть проверит кабинет. Срочно! Что? Ищите жучки... Да, жучки. Ничего не знаю, ищите.

Он отключился, повернулся к собеседникам. Он был явно разочарован.

— Честно говоря, я полагал, что повод будет более серьезный.

И тогда Берестов промолвил негромко:

— Есть еще один повод... Для вас он куда важнее. Только сейчас вот он обнаружился.

Падин вопросительно посмотрел на него. Михаил Георгиевич смотрел на него как-то очень серьезно, сосредоточенно. Маранов никогда его таким не видел. Глаза его смотрели словно бы в никуда и странно блестели.

— Что у вас с правым боком? — негромко обронил он. — Побаливает?

Падин замер, нахмурился. Взгляд его стал жестким.

— Побаливает иногда, — настороженно произнес он. — И что?

— Вы только не нервничайте. Но... Ничего хорошего. Вам бы надо обследование провести, Сергей Валерьевич. Нехорошее там что-то развивается. Лучше бы побыстрее...

Падин присел на стул, подумал, помолчал.

— Я знаю, что так определяют болезни... Я сталкивался. Экстрасенсы очень точно порой видят. А что вы видите у меня?

Берестов опустил голову и некоторое время молчал. Понятно было, что он включил свое видение и сканирует что-то.

— Шестиугольники... Так я и думал, — пробормотал он.

— Что вы сказали? — с тревогой в голосе спросил Падин. — Что там?

Берестов наконец поднял на него глаза. Он был очень серьезен.

— Вы только не волнуйтесь. И помните, что у всякого процесса есть обратный ход... Похоже, у вас онкология. Правда, на начальной стадии.

Падин так и вонзился в него остекленевшими вмиг глазами, лицо его побледнело. Не зная, что делать, он двинулся прочь, к окну. Это был удар... Странный человек нокаутировал его. Некоторые время он стоял, пытаясь взять себя в руки. Он понял, почему так странно на него глядел тогда врач после БМРТ... Значит, тот просто боялся сказать. Решил оставить это другим. Поберегся...Слизняка!

«Сволочь, — подумал Падин о Берестове, — шантажирует меня... Странный тип...»

— Вы пришли, чтобы бить меня с правой и с левой? — жестко спросил Падин, почти с ненавистью глядя на Берестова.

— Я пришел, чтобы вам помочь, — невозмутимо отвечал тот. — Мы общее дело должны сделать. Не переживайте, уберем мы эту опухоль... Не так уж это сложно.

— Вы манипулятор! — жестко сказал Падин. — Ставьте меня в зависимость от вас...

Берестов пожал плечами:

— Вы вправе думать как угодно... Но со своими врачами вы только потеряете время.

Падин сел. Лицо его как-то вдруг осунулось, стал заметен возраст. Маранов был сам изрядно потрясен известием. Он знал, что Михаил Георгиевич никогда не ошибается в диагнозах. Проблемы сыпались одна за другой, навалом. Это было тяжело принять, психологически трудно. Сознание сопротивлялось, шел перегруз.

— Я сделаю обследование, — сказал Падин каким-то глухим голосом.

— Сделайте. Непременно сделайте, — кивнул головой Берестов. — Но советую идти как частное лицо, как рядовой пациент. Чтобы вас не узнали. Иначе солгать могут...

«Как он все это знает?»— подумал Падин.

— Вы говорите... Можно убрать?

— Можно. Но при вашем участии. От каких-то вещей придется отказаться. Например, от высокомерия. Придется представить себя вполне простым смертным. Отчетливо это представить. А без этого ничего не выйдет.

— А что еще?

— Надо будет практики делать. Надо будет поход один сделать. Пройтись по горам... Волю придется собрать в кулак. Придется достать некоторые очень редкие вещества. Но вам это по карману. Пить определенные вещи. Диету жестко соблюдать. С дыханием работать, причем упорно. Голодать придется. Но без жертвы никак нельзя. Лучше вам не терять времени.

Берестов говорил уверенно и спокойно, внимательно глядя в глаза Падину. И тогда тот немного успокоился.

— А сколько времени нужно?

— Желательно сделать все в течение ближайших трех месяцев. Онкология — гнусная вещь. Это определенное сознание, коллективный разум, который направлен на выдавливание жизни из физических тел людей. Так сказать, конкурент физической жизни. Учитель душ, по жесткой формуле. Как всякая популяция, она имеет программу экспансии...

— А откуда взялся этот, как вы говорите, разум?

— Это все плоды эволюции логосферы земли. Если говорить проще, внеплановые отголоски симфонии зла. Зло ведь имеет свою целесообразность; это своего рода инструмент эволюции. Но в зонах, где нет полной предопределенности, зло может начинать играть в свои игры. Возможно, для каких-то душ рак и необходим как жесткий метод активации сознания. Но не для всех. Неизбежно кто-то попадает, так сказать, «до кучи», незаслуженно...

— А почему те, кто создали этот разум, не могут отыграть эту ситуацию обратно, на исходную точку?

— Пока длится эта манвантара, не могут. Только в следующей. Программы запускаются в начале разворачивания.

Падин даже позабыл про только что полученный удар, задумался.

— То есть... Вы хотите сказать, что программы уже содержатся в какой-то нулевой точке? Когда еще ничего нет?

— Совершенно верно! Гегель это обозначил как *ничто*. Хотя это и ничто, но в нем идут процессы. Для сознания, которое может развернуть вселенные, несущественно, есть пространство или нет. И времени для него не существует. Ничто — оно ничто только для нас, поскольку мы не можем его воспринять никоим образом. Но это не значит, что у него нет аналога субъектности, доступной для восприятия какого-то иного субъекта. Другой ступени, другого уровня. Но, может, не будем уходить в такие дебри? Я вижу, вы сильно устали. Падин подумал и спросил:

— А что это была за фраза про шестиугольники?

Берестов поморщился, но все же ответил:

— Понимаете, когда рассматриваешь эти клетки тонким видением... Возникает образ шестиугольника, такого багрово-черного, и еще вензель на нем... Когда эта клетка идет по тканям, фагоциты и макрофаги не видят ее. Она их как бы перепрограммирует на ходу, прикидывается своей. Задача иммунки — защитить жизнь, а задача этих клеток — убить ее. Это хищники, понимаете? Но вопрос о том, санитары ли они в лесу или нет, он, к сожалению, открытый... В отношении вас, я уверен — тут просто спровоцированная атака. Наслоения зависти и злобы ваших врагов привели к этому пробою. Надо защищаться. Защищая свою жизнь, вы защищаете вещи куда более значительные. Защищаете, может быть, весь план своей жизни...

Падин и Маранов молчали, переваривая сказанное Берестовым. Затем Падин спросил:

— Когда надо начинать?

— Сегодня. Сегодня и начнем. Вы начнете делать задержки дыхания на выдохе. При паузе в сорок секунд раковые клетки начинают вянуть. Надо также купить пузырек, одну редкую жидкость... очень дорогую. Но не для вас... Я найду где ее взять. Вы начнете пить, а я скажу как. Я поработаю с вашим боком... Но я предлагаю все же договорить. О деле, с которого начали.

— Поработаете... как?

— Вы не переживайте. Я уже работаю. Надо затормозить процесс там, где он локализован. Это, похоже, печень. Не лучший вариант, я вам прямо скажу. Но и не худший. Костные ткани или кровь — хуже. Там ловить эти клетки труднее всего. С этой структурой работать можно. Считайте, что мы начали... Я очень большое значение придаю начинанию, которое вы затеяли. Вы даже представить себе не можете, куда оно поведет. Ваше президентство... оно возможно, но при ряде условий. Все зависит от того, насколько быстро будет развиваться ваше сознание. Сегодняшний эпизод показал, что пока оно... Как бы мягче сказать... Весьма узко. То есть какие-то вещи вы ментально правильно понимаете и оцениваете. Но на реальность свои знания спроецировать вам не удастся. И это проблема...

Падин надолго задумался. «Вот она, иерархичность, — пришло ему на ум. — Я учу тупых генералов, теперь меня учат...»

Он интуитивно угадывал, что разговор этот очень серьезен. Первоначальная антипатия по отношению к учителю Маранова понемногу прошла. Он спросил:

— Откуда у вас уверенность, что это киборги играли в футбол?

— Дело гораздо серьезнее, Сергей Валерьевич, — спокойно и невозмутимо отвечал Берестов. — Киборги уже играют не только в футбол. По моим сведениям, они уже на пороге спецслужб. А возможно, уже рядом с правительством... Все это очень скверно. И плохо это в первую очередь потому, что на всех этажах так называемого государственного здания сидят люди с ограниченным сознанием.

— Это моя тема, — улыбнулся Падин. — Это аксиома.

Берестов спокойно смотрел на Падину и продолжал:

— Это начальный постулат для действий. Возможно, от вас вообще может зависеть многое. Ваш ментальный уровень очень обнадеживает. От того, остановим ли киборгов или нет, возможно, зависит вообще... судьба человечества. А публике наверху удобней просто трескать бублики. Легче

отмахнуться, как от фантастики. Пока они впрямую к ним не подберутся и не возьмут их за... Сами понимаете за что...

Падину стало не по себе. Он почувствовал усталость и даже отчасти страх. Ему захотелось отдохнуть, успокоиться, поговорить с женою. Станный бородатый человек просто размазывал, расплющивал его непонятно какой силой; он, сильный и властный олигарх, не знал, как вести контригру, как противостоять ему. Он чувствовал унижение, огорчение — на злобу и протест больше сил не было.

— То, что вы сказали, очень важно, — медленно проговорил Падин. — Если такие существа могут появиться наверху... Это действительно... Это не шутки. Вообще говоря, я помню, такие материалы появлялись. Был, помнится, какой-то человек, ученый, что ли. Он выдал тайну, что якобы где-то собирают... клонируют этих киборгов. Ему никто не поверил.

— Совершенно верно! Это был некий Джейкоб Макнил. Было сделано все, чтобы дезавуировать его информацию. Его оболгали, а потом убили. И все успокоилось. А работы были продолжены. Было еще двое ученых из Европы. Их тоже убили.

— Убили?

— А как бы вы думали? Теневые ребята шутить не любят, Сергей Валерьевич. Это конкретные люди. Они много не говорят — они делают. Я полагаю, нам надо крепко подумать, как нам противостоять им. Если они готовят команду киборгов, то справиться с ними будет очень непросто. Нужно понять, как они устроены. Но всегда есть средства противодействия. Их не может не быть. Если они работают на чипах, можно взломать систему. Любую систему можно взломать. Есть разные способы, и не только хакерские. Поверьте мне.

И Падин поверил. Он глядел в глаза этому седому человеку и понимал: все, что он говорит, — сушая правда, абсолютно все. И тогда весь кошмар ситуации предстал перед ним во все своей полноте.

— Андрей, скажите. Те трое американцев... они реально хорошие игроки?

— Они не просто хорошие игроки, Сергей Валерьевич, — быстро ответил Маранов. — Они неутомимы. Они работают безупречно, почти не делают ошибок. Если команда составлена будет только из таких... Борьба с ними на поле обычным людям будет, я вам скажу... Очень будет сложно с ними играть. Это будет реально битва насмерть. И боюсь, что нужны будут еще какие-то меры, вне поля. Штатники с тремя такими обыграли две команды из первой мировой десятки. А если таких игроков будет одиннадцать? А если двадцать два?

— То есть... Вы хотите сказать, что у нас не будет шансов вообще? — Падин сдвинул брови и наклонился вперед.

— Не надо драматизировать ситуацию, — Берестов вновь вошел в разговор, тщательно взвешивая и подбирая слова. — Мне были известны кое-какие документы... Думаю, что в общих чертах я представляю, что это за существа. У них не может не быть слабых мест. Дело в том, что любое существо непременно должно быть заселено монадой. Так устроен мир.

— Монадой? То есть душой? — переспросил Падин.

— Именно. В обиходе обычно используют слово душа. И именно в этом будет заключаться слабость любого такого проекта. Присутствие монады в любом теле вносит элемент непредсказуемости. Конечно, гениальные люди многое могут. Они могут через чипы воздействовать на психику существа, что-то включать, что-то выключать. Но до конца сделать его роботом они не смогут. Но вопрос надо изучать непременно и очень срочно. Прошу вас, выделите средства. Дайте возможность получить информацию. Это очень важно!

Падин некоторое время смотрел на Берестова странным взглядом.

— Вы правда можете помочь мне? С моей проблемой? — как-то тихо и чуть просительно произнес он.

— Я не один. Таких, как я, в стране несколько. Мы поможем вам, потому что вы нам нужны, очень нужны. Вы

будете здоровы. Но вы должны нести ответственность за свой проект. Вы должны осознать его важность. Вы все сделали правильно, запустив его. Не отступайтесь. Идите до конца. Выбор Андрея Маранова — это ваш сильный ход. Другого тренера такого уровня в мире нет, поверьте мне. Только он может создать такую команду. Команду берсерков, бессмертных витязей славянства. Только он!

Падин медленно потянулся к телефону, лежавшему на столе, но тут в холле появился бесцветный невозмутимый серый человек в очках и сером костюме. Падин представил его своим гостям.

— Серафим, дело чрезвычайной важности. Чрезвычайной!

— Слушаю, шеф.

Затем он обратился к Маранову и Берестову.

— Процесс будет запущен. У меня есть люди во внешней разведке. Дайте Серафиму все выходные данные. Всю информацию об этих существах, об этих игроках, об этих играх. Все-все расскажите. Он толковый и сделает все как надо. Надо провести эту операцию по всем правилам. Серафим, отнесись внимательно ко всему, что тебе сообщат эти люди. Каким бы бредом это тебе ни показалось.

— Слушаю, шеф. Я понял.

— Эти люди поставят задачу и дадут тебе информацию. На тебе разработка разведывательной операции за рубежом. Разработай ее в деталях со своими. Составьте смету. Составь конспирологическую схему. Свежие шифры. Схемы защиты от информационных внедрений. Все по науке.

— Будет сделано, шеф. Но на мне еще та работа...

— Передай Баглаю. По этой теме работай сам.

— Есть.

Падин встал, пожал руки гостям.

— Извините, мне надо идти. В ближайшее время я сам свяжусь с вами, Андрей. Рад был познакомиться, Михаил Георгиевич.

Он растворился в длинном коридоре офисного здания. Маранов и Берестов начали излагать Серафиму суть дела.

ГЛАВА 20

Каждому из парней, что вылезали в 8:30 из своих постелей, что видели в утренних зеркалах своих сонные физиономии, виделись уже арены крупнейших стадионов мира. Их ярко освещенный газон появлялся перед их глазами при выходе из тоннеля; в их уши уже врвался грохот, заполнявший распахнутые вверх ребристые вазы стадионов; рев, исходивший от разноцветных ячеистых стенок этой вазы; рев, порождавшийся одновременным выхлопом из десятков тысяч глоток, сливавшийся с монотонным буханьем барабанов, пиликаньем каких-то гармоник и труб. Они выходили для того, чтобы их увидели сотни миллионов людей; чтобы, сидя в своих жилищах, эти миллионы напряженно всматривались в их лица, ловя каждый жест, каждое движение. Парни в своих мыслях уже неслись на всех парах к чужим воротам, пробивались сквозь заслоны жестких конструкций, именуемых ногами защитников; пропихивали мимо них упругий скользкий шарик — средоточие всеобщего внимания, центральную точку действия. Они прорывались, они защищались, они отбивались ради того, чтобы вспыхнул тот яркий момент, когда кто-то из партнеров вдруг вытворит у ворот что-то необычное и белый шар резко залетит в сетку за спиной чужого вратаря. Тогда родится внезапный обвальный шумовой взрыв, люди вскочат, трибуны закипят в восторге и гнев, а в душах игроков вспыхнет ни с чем не сравнимое, удушающее, разрывающее душу чувство торжества...

Именно эти мысли и образы часто возникли перед их мысленным взором утром, давая импульс для трудной дневной работы, ради которой они и выходили на подсвеченное с утра поле, подмороженное ночным морозцем.

После пробежки парни бежали в манеж, рассаживались на резиновых ковриках, ежась в слегка прохладном, не прогретом зале, глядя на едва синевшие окна. Виктор Провоторов появлялся минута в минуту, уверенным спор-

тивным шагом проходил мимо рядов сидящих, усаживался на свой черный коврик, внимательным взглядом мага оглядывал сидевших перед ним людей. Он сканировал их состояние, получал необходимую ему информацию; при этом он сразу же начинал воздействовать на зал, стараясь успокоить его, выровнять общее его энергетическое поле, состояние которого он ощущал до нюансов. Затем он нажимал кнопку лежавшего перед ним пульта, и зал заполняла электронная музыка.

— Есть ли у вас вопросы по предыдущему занятию? — обычно спрашивал он. — Замеряли ли вы контрольную паузу вчера днем и вечером.

В ответ слышались разрозненные выкрики с мест:

— Замеряли. Не увеличилась. После еды падает.

— Что такое эндогенный кислород? Я не понял.

— А пауза увеличивается только из-за задержки или из-за чего-то еще?

Провоторов начинал терпеливо пояснять в третий или четвертый раз, что по мере увеличения паузы в дыхании после выдоха, организм будет стремиться постепенно переходить на выработку состава, способного компенсировать недостаток живого атмосферного кислорода, и понижать уровень углекислого газа в крови. Пауза реально может увеличиться лишь через несколько месяцев, но это будет означать, что они вывели организм на совсем иной режим работы.

— Вам будет все равно, играете ли вы на жаре где-нибудь в Мексике в полдень или в Норильске при минус тридцати. На высоте 4 тысячи метров или ниже уровня моря на два километра. Резервы адаптации организма к нагрузкам и внешним условиям вырастут в разы. Если вы намереваетесь выигрывать у грандов, это необходимо. Когда они во втором тайме выдохнутся, вы будете свежими, как в начале игры. И вы возьмете их голыми руками. Вы порвете их в пух и прах.

Футболисты молча слушали, некоторые записывали монологи Провоторова на диктофоны смартфонов.

— Давайте начинать, — давал команду к действию Провоторов. — Встаньте, пожалуйста. Ноги на ширине плеч. Снимите майки, чтобы я видел, как вы дышите.

Провоторов строил работу по той программе подготовки, которую представил Маранову. Он учил игроков дышать наиболее эффективным образом. Прежде всего, он стремился отучить их от поверхностного дыхания верхними долями легких.

— Вы должны вообще отучиться дышать грудью. Дышать надо только животом! Для этого надо пережать гортань гортанным хрящом, чтобы воздух шел медленно. Грудь прижимаете, воздух вбираете в нижнюю долю легких. Низ живота набухает. Следите за частотой дыхания. Циклов дыхательных в минуту не должно быть более шести-семи. Затем дойдет до четырех. Вдох — шесть секунд, пауза на выдохе — двенадцать; выдох — восемь секунд. Начали...

Но не всем из парней нравилась эта работа. Больше всех не любил эти занятия Вибергасов. Ему вообще не нравился Провоторов; он считал его занудой и педантом. Провоторов отвечал Вибергасову столь же стойкой антипатией.

В один из дней разразился конфликт. Произошло это так. Провоторов рассказывал про психологические блоки и мышечные зажимы, которые мешают спортсменам расслабиться перед важным соревнованием. Когда он сделал небольшую паузу, вдруг громко и развязно прозвучал голос Вибергасова:

— Зажимов у нас нету! А блоки есть! Жел-лезобетонные! Вам какие надо?

Все обернулись назад.

— Заткнись, Бекас! — рыкнул на него сидевший с ним рядом Гремин. — Идиот!

Но было поздно. Виктор Провоторов встал с места и подошел к этим двоим. Он пристально посмотрел сначала на одного, затем на другого.

— Встань, Нестор, — тихо сказал он.

— А что такое, босс? Я в... — спросил Вибергасов, но осекся. Он сообразил, что все идет не так, как надо.

Провоторов понял, что он пьян; что он, по всей видимости, всю ночь гулял, не спал и утром пришел на занятия. Это было очевидное ЧП.

— Теперь ты, Никита... — обратился он к Гремину.

Все остальные молча ожидали развязки.

— Я в порядке, Виктор Сергеевич, — сказал Гремин и встал.

Неповторимый запах зажеванного жвачкой алкоголя достиг ноздрей тренера. Но он видел, что Гремин полностью адекватен и на ногах стоит твердо, чего никак нельзя было сказать о Вибергасове.

Провоторов, ничего не говоря, взял в руки телефон...

Буквально через три минуты в манеж уже входил находившийся неподалеку главный тренер. Немного мрачный с утра, он вопросительно посмотрел на Провоторова. Тот указал на Вибергасова и Гремина.

— Вот, Андрей Викторович... Полюбуйтесь. Нетрезвые пришли.

Маранов молча, исподлобья поглядел на Гремина. Он был для него важен гораздо больше, чем Вибергасов, на которого он даже не смотрел. Гремин помрачнел и насупился.

— Зачем неправду говорить, — проговорил он. — Пьяным меня назвать нельзя. Вечером отмечали день рождения Лизки из ресторана. Поздно заснули, правда. Но я к работе готов.

— Чего он на нас катит? — вдруг понесло Вибергасова. — Мы живые люди! Не любит меня Витя, знаю... и я его не люблю. Но вы на поле мне выйти дайте! Я покажу!

— Заткнись, Бекас! — рычал Гремин, толкая его в спину. — Заткнись, идиот!

Маранов видел, что Вибергасов пьян. Это был серьезный, наглый проступок. По идее, надо было его отчислять. Однако Маранов был не готов к такому решению. Именно Вибергасова он видел капитаном второй команды. Поразмыслив несколько секунд, он сказал:

— Вибергасов, выйди отсюда. Иди, проспись. Делаю тебе предупреждение. Еще один такой случай — и поедешь домой...

— Да я в порядке, босс, — попытался взять себя в руки Вибергасов, но Маранов перебил его:

— Ты меня понял, Нестор?

Вибергасов, потупил голову, молчал.

— Двери вон там, — отрезал Маранов, указывая пальцем.

В полной тишине в зале прозвучали тяжелые шаги Вибергасова, а затем стук захлопнувшейся двери.

— Тебе, Никита, надо будет также подумать. Я не ханжа и не тиран. Но прийти на занятие в таком виде... Это слишком.

Гремин кивнул головой:

— Я понял, Андрей Викторович. Больше не повторится.

Маранов, прищурясь, посмотрел на него; потом обратился ко всем остальным игрокам:

— Вы все должны понять: мы на самом деле делаем суперкоманду. Мы работаем на идею. У нас мало времени. Нам нужны собранные, ответственные люди. Нарушители режима будут моментально отчисляться.

Игроки молча, с пониманием смотрели на него.

— Продолжаем, — сказал он на ходу и вскоре исчез за дверью.

Те из парней, у кого не было желания выполнять комплексы упражнений, ставились Провоторовым на учет, и игроки об этом были оповещены.

После упражнений на разработку полного дыхания всем раздавались так называемые трубки Фролова. Это были небольшие цилиндры из пластмассы, на одну десятую наполненные водой, от которой отходил гибкий шланг. Человек должен был брать шланг в рот. Вдох шел через нос, выдох через трубку. Вода, находившаяся в трубке, вынуждала человека замедлять темп выдоха. После того как ассистент разносил коробку с трубками и салфетками для очистки шланга и футболисты брали шланги в рот, начиналась работа. Зал наполнялся странным шумом, напоминавшим шум отдаленного пенистого водопада. Лица парней краснели, щеки то надувались, то сдувались, глаза словно стекленели

и расширились. Провоторов, как и во время предыдущего упражнения, ходил вдоль рядов, смотрел, кто как выполняет упражнение.

После выравнивания дыхания делались пранаямы по йогической схеме различной интенсивности. С каждым циклом длительность вдоха и выдоха, равно как и пауза после выдоха, увеличивались в соответствии с ритмом, который отмерял вслух тренер. И лишь в конце производились замеры контрольной и максимальной пауз. Каждый игрок доставал свой сотовый телефон или планшет и включал секундомер. Замеры делались три раза. Затем Провоторов просил каждого назвать свой наилучший результат и тщательно заносил их в свой ноутбук.

Результаты поначалу и у всех были приблизительно одинаковые. У пятерых стабильно был результат до первого позыва на вдох ниже 35 секунд. Они виновато глядели на преподавателя.

— Не волнуйтесь, ребята, это нормально — успокаивал их тренер. — Это только начало. Откуда у вас возьмется здоровье, если вы только что прибыли из городов, из сутолоки? Обычная жизнь — это обычная жизнь. Здесь другое.

У десяти пауза была более 50 секунд. Их Провоторов сразу выделил и внимательно следил за ростом паузы. Среди этих троих были Гремин, Станишевский и Приданцев. Провоторов пристрастно расспрашивал этих десятерых, чувствуют ли они резервы увеличения, они уверенно отвечали, что через месяц выйдут на две минуты, на что Провоторов только улыбался.

Однако на одном из занятий его крайне удивил скромный интеллигентный Станишевский. Когда дошла очередь до него и он назвал цифру — 95 секунд, Провоторов с удивлением посмотрел на него.

— Как ваша фамилия? Станишевский? Игорь вас зовут? Вы не ошиблись, Игорь? Вы сказали... Больше, чем полторы минуты?

— Да, Виктор Сергеевич. Я замерил точно. Третий раз результат был хуже, чем в первый.

— А в первый было сколько?

— Минута сорок семь.

— А максимальная сколько?

— Две минуты тридцать две секунды.

Наступила пауза. Провоторов озадаченно смотрел на Станишевского.

— И вы это сделали... не на пределе? Голова не кружилась? Круги перед глазами?

— Нет, не было. Спокойно сделал. Наверное, смогу и больше.

— Вы что, занимались подводным плаванием?

— Нет. Но я однажды тонул... Я не знаю, как это связано.

— И что, ты совсем утонул?

От удивления Провоторов забыл про свою манеру обращаться к игрокам на «вы».

— Где это было? Сколько было тебе лет?

— Десять. Утонул совсем. Меня вытащили только через десять минут. Но откачали.

— Десять минут? Десять минут ты не дышал?

Провоторов задумчиво смотрел на парня, но не мог понять, как связано утопление с такой паузой. И почему сначала у него такой паузы не было? И что следовало из того, что она теперь есть? Над этим ему предстояло поразмыслить.

— Ладно, ребята. Рост есть явный. Все идет нормально. Вы свободны.

Парни вскакивали, зал наполнялся смехом, разговорами и гвалтом. Сдавленная энергия выходила из них. Они бежали в другой зал, где начиналась утренняя разминка. Там гудела уже другая, громкая, ритмичная музыка, которая сразу же включала их в работу. Упражнения на растяжки, прыжки, пробежки, потягивания на снарядах, перебрасывание тяжелыми большими мячами, игры с гантелями и гириями — весь этот комплекс разогревал их, включал в работу все ряды их мощных мужских мышц.

По совету Михаила Георгиевича Берестова на базу стали приглашать авторов, писавших на философские темы,

исследовавших историю славянства и его мировоззренческие устои. Одним из первых Берестов пригласил Петра Ведунова, работы которого он уважал. Ведунов, седовласый, с большой белой бородой, человек лет 60, разговаривал спокойно; на все вопросы отвечал долго, пространно. Ведунов имел способность разговаривать просто, а свои обширные знания подавать как бы между прочим, не навязывая.

— Ребята, вы должны составить прежде всего нормальное представление об истории народа, к которому вы принадлежите. Вы должны выбросить из головы весь этот мусор, которым вам набили голову в школе и в последующие годы. Вы должны знать, что Россия — это страна, уникальная во всех отношениях. Взять хотя бы название страны. Тут же всплывает целый пласт информации, о которой большинство жителей России не имеют ни малейшего представления. Название страны, Россия, возникло от другого слова — Рассея, которое, в свою очередь, образовалось от слова Рассения. Так называлась часть древней Славяно-Арийской империи, лежавшей западнее Рипейских гор. Сейчас их называют Уральскими. Иноземцы эту страну называли по-разному, но последним названием, которое было известно в Европе до конца XVIII века, было название Великая Тартария.

Вы должны знать, что населявшие ее славяне и арии владели фундаментальными знаниями о материальном и нематериальном мирах. Славяно-Арийские священные предания — прелюбопытнейшая, я вам скажу, познавательная вещь. Важнейший документ тут — Книга Велеса. Последние записи сделаны новгородскими волхвами в конце десятого века. Она охватывает более двадцати тысяч лет истории славян. В ней, помимо прочего, говорится о великом похолодании, возникшем вследствие катастрофы, вызванной падением осколков Малой Луны, Фатты¹, в ходе

¹ Фатта, Леля, Месяц — три малых планеты (Луны) Земли, период обращения Фатты (древнегреческое — Фазтон) 13 дней; Лели, ближайшей к Земле и самой малой из Лун — 7 дней.

войны между метрополией — то есть Великой Рассенией, и вышедшей из-под «родительской опеки» провинцией — Антланией (Атлантидой). Резкое похолодание и изменение климата на территории всей Сибири и Дальнего Востока вынудило огромное число древних славян покинуть метрополию. Они переселились на незанятые земли Европы, что привело к значительному ослаблению самой метрополии. Этим и попытались воспользоваться южные соседи — аримы, жители Аримии, так в те времена древние расичи² называли Древний Китай.

Война была тяжёлая, неравная, но тем не менее Великая Рассения одержала победу над Аримией. Это событие произошло 7511 лет назад. Победа была столь значительной и тяжёлой, что день, когда она была одержана, был назван Днём Сотворения Мира. Это 22 сентября по христианскому календарю. Наши предки избрали его поворотной точкой отсчёта своей истории. По этому славянскому календарю сейчас лето, год 7511 от Сотворения мира...

Лекции Ведунова порой продолжались и два, и три часа. Его засыпали вопросами на самые разные темы.

Как оказалось, многие из тех, кто был отобран в команду, очень интересовались общими вопросами. Но у них просто не было возможности получить какие-либо варианты ответов на том уровне, на котором они этого желали. Так что встречами на базе начал заполняться тот мировоззренческий вакуум, который имелся в сознании практически каждого из парней.

ГЛАВА 21

Разговор в офисе Фонда «Прогресс и право», который возглавлял Звонарев, начал накаляться неожиданно. Основные пункты программы все приняли почти без оговорок, разговор шел спокойный. Обострилась обстановка вовсе не из-за гэбиста Виталия Юдина, а из-за генерал-лейтенан-

² Расичи — представители всех Родов Великой Расы.

та Антона Беклемищева, которого пригласил на встречу Звонарев. Со Звонаревым, Юдиным и Падиным генерала объединяла патриотическая нота: все они считали, что Гордин недостаточно предпринимает усилий, чтобы отвязать страну от западного капитала; ставили ему в вину, что так и не удалил из страны доллар, повязан кучей договоров с американцами и Евросоюзом; что не занимается русским вопросом, запутался в миграционной политике и так далее. Тут у всех четверых во взглядах было полное единство. Но когда речь зашла о том, какая идеология должна господствовать в России в случае, если их группировка придет к власти, обнаружили разногласия.

Генерал был действующий вояка, бывший член компартии, ненавидящий Гордина и его окружение. Как многие бывшие члены КПСС, он после крушения СССР обратился в православие, воцерковился, стал прилежно исполнять обряды, молиться, ходить на поклон к батюшке в ближний к его работе храм.

— Я думаю, нам надо смелее идти туда, куда страну не довел Путин. Он ведь начал строить православную государственность. Он правильно делал, — говорил генерал. — Народ без религии — быдло, скотина. Нашему народу необходима религия. И она есть. Но надо ее внедрять более активно. Народ иначе не сплотить!

— Это неоднозначная тема, Антон Валерьяныч, — возражал Звонарев. — Ну, вы же помните всю эту историю с самодержавием. Было православное государство. Деревнями в церковь ходили. И что в итоге?

— А что в итоге? Не церковь развалила страну!

— Правильно! Народ сам церкви и порушил. Сам их и снес. И иконы сам же пожег, и попов отстрелял.

— Что вы передергиваете? НКВД стреляло в попов, а не народ! Комсомоляки церкви рушили, а не народ!

— Ну конечно, комсомоляки! Откуда бы их столько взялось? Вы хроники посмотрите, — также начал закипать Звонарев. — Мужики и бабы растаскивали храмы, в которые ходили. Сами их громили! А потом на партсобрания шли.

У нас такой народ! Блеф все эти религии! Туфта! Не надо к этому возвращаться!

— Надо возвращаться, но по-новому! Осмысленно! Надо пояснять, что такое церковь Христова, что такое подвиг Христа, что такое поведение христианское! Раз не поняли тогда, значит, надо теперь объяснять.

— Антон Валерьяныч, вы где других-то попов возьмете? — вошел в разговор Виталий Юдин. — Мы же их всех знаем. У нас все списки сохранились, все их личные дела... Ведь это же мы ставили каждого патриарха РПЦ. Это все наши люди — вы что, не знаете? Мы их хорошо знаем. Абсолютно беспринципные ребята! Вчера были во Владимире Ильиче, сегодня они во Христе, а завтра — хоть в Коране, хоть в Яхве.

— Они всегда были в Яхве, — с усмешкой бросил Звонарев. — Кого они славят в своих церквях? Не сынов ли Дома Израилева?

Генерал покраснел, и поначалу не знал, что возразить, но потом вдруг снова вскипел:

— Ветхий Завет — это только часть Писания! И не все священники такие. Большинство — честные, добропорядочные люди. Это русские люди, замечу я вам! И церковь обновляется. Она очищается. А что вы хотите предложить вместо? Что у вас есть? Может, коммунячьи трели опять запоем?

И вот тогда Падин вошел в этот разговор.

— А вы знаете, какая религия была в стране до принятия христианства?

— Что вы мне экзамен устраиваете? Кто же не знает? — отвечал генерал. — Язычество! Многобожие.

— Язычество... Очень все у вас просто — приклеили ярлык, и нормально. Многобожие... Эта система была мировоззренческая, где у каждой стихии был реальный покровитель, реальный дух, который с нею был связан. С этим духом контакт устанавливался. Это было единение с Природой. А для христианства природы вроде бы вообще и не существует. Ни природы, ни Космоса — ничего не существует!

Маленькая планетка и единственное на весь космос человечество. И божки сверху. И все. Вот и все ваше христианство... Это, извините, религия маленьких детей. Пора вылезать из детских штанишек. Двадцать второй век не за горами.

— Верно сказано! — поддержал Звонарев. — У нас уже ученые подтверждают существование Высшего Разумного Начала. А наши военные вот толкутся возле ящика со старым хламом.

Это замечание просто взбесило Беклемищева.

— Христианство слово божие принесло на Русь! Христианство письменность принесло! Мы без него так бы и бегали в шкурах! В берлогах бы сидели!

— Это кто же бегал в шкурах? — холодно процедил Падин. — А вы не слышали, что в копиях Урала найдены пружинки из вольфрама? Тончайшие золотые цепочки? Двадцать тысяч лет назад их делали! Они откуда там взялись? Вы про какие шкуры говорите, товарищ генерал? Письменность на Русь? Да она тысячи лет до христианства существовала на Руси, только не такая! Не 33 буквы в алфавите. А около ста! Письменность они принесли! Разрушили весь строй народной жизни! Миллионы сожгли и закопали живьем! Божьи люди ваши, которые все во любви христовой... Я вообще считаю, что это вирус; ужасный, жуткий заговор. Расслабили народ! Сделали покорным, слюнчавым. Рабское сознание в него внедрили.

— Вы будете поражены за такие слова! За такое... бого... богохульство, богоборчество! Прокляты и поражены будете! Не ведаете, что говорите! Церковь святую хулите!

— Между прочим, дела этой вашей святой церкви все у нас в сейфах лежат, — холодно и спокойно процедил Юдин. — Там хищений и злоупотреблений на миллионы евро. Плюс куча дел по педофилии и содомии. Вы не там роете, генерал.

— Я думаю, мы не найдем с генералом общего языка, — заметил, покачав головой, Падин. — У меня совсем иные представления о будущем страны и ее идеологии. Вы ведь меня хотите в президенты выдвинуть? Или генерала?

Наступило молчание.

— Господа, может быть, мы не с того начинаем? — вступил в разговор молчавший до того медийный магнат Павловский. — Может, все же на социальных вопросах заострим внимание? Ведь у нас только-только образовался круг. Пусть мы не во всем единомышленники. Надо найти общий язык в главном.

— А что у нас главное? Главное ведь это как раз программа, — заметил Звонарев. — Власть — это не шутки. Это ответственность! Надо к народу идти с открытыми картами.

— Без поддержки армии нам крутой поворот не сделать, — продолжал Павловский. — Антон Валерьянович — единственный серьезный военачальник, который готов нас поддержать.

— Я солидарен с Валентином Леонидовичем, — не глядя ни на кого, увесисто, жестко сказал Падин. — На берегу надо решать, что мы собираемся строить. В строительстве клерикального государства я принимать участия точно не буду. Запрещать христианство никто не собирается. Но и подпитывать его за счет бюджета, как это делает Гордин, тоже не будем. Ни к чему это.

— Что ж вы, язычество будете возрождать? — язвительно спросил генерал.

— Нужно формировать научное мировоззрение, — заметил Падин. — Не надо нам никакого мракобесия.

— Стало быть, атеизм будет у нас религией? — сказал с нехорошей улыбкой генерал.

— Нет. Научное мировоззрение не значит атеизм. Это просто другое понимание отношений человека и сущего. Это и не религия, и не атеизм. Названия этому нет пока. Придумаем.

— М-да... Неожиданно развернулась ситуация, — задумчиво произнес Звонарев. — Что делать-то будем? В товарищах согласия нет...

И тогда слово взял Юдин.

— А я не вижу проблемы. У нас нет согласия только с товарищем генералом. Ну и ладно. Не единственный он

в стране генерал. Есть и другие. Так что я думаю, что Антону Валерьяновичу мы скажем спасибо за визит и за участие. И попросим оставаться верным своему слову. Это насчет выноса сора. А мы продолжим...

Это был прямой намек на то, чтобы генерал убирался восвояси. Это был для него неожиданный оборот, и он вдруг несколько припогас. После некоторой паузы он сказал совершенно другим, вполне спокойным тоном.

— Господа, я, собственно... никому не собирался навязывать свои... так сказать, убеждения. Хотя я и удивлен. Но участвовать в деле я хотел бы. Я здесь видел патриотическую линию, славянскую линию. Для меня это важнее. Вы простите... Я тут разгорячился. Правда ваша в том, что мы... да, несколько ретивы порой. Эмоции, сам понимаете...

— Я тоже думаю, что мы тут все разгорячились, — подхватил миролюбивую ноту Звонарев. — У нас есть заготовка программы. У нас есть план действий на разных этапах выборной кампании. Нам надо принять ее. В плане есть пункт о действиях военных на случай осложнений. Если Антон Валерьянович подпишет его, значит, мы можем на него рассчитывать. Ведь он человек военный. Человек слова.

— Тут все люди слова, — заметил Юдин.

— Я подпишу, — встал с места Беклемищев, — Я видел мой пункт. Вверенные мне подразделения выступают по моему приказу беспрекословно. Я своих офицеров знаю. У меня все комдивы надежные.

— Антон Валерьянович, — обратился вдруг к генералу Падин. — Вы расскажите... А как мы будем действовать? Вот, положим, получил я на выборах 40 процентов, Гордин 30. Гордин захочет сбросить мои очки. ОМОН выставит у Центризбиркома. Что будем делать?

— А что делать? — развел руками генерал. — Стрелять будем! Стрелять будем в ОМОН. А как еще? Десантники пойдут. Увидите, сколько стоит этот ОМОН, когда мои мальчишки пойдут. Мои мальчишки в синих беретах! Разбежится весь этот ОБЗДОН! Будет полсотни трупов, остальные разбегутся. Не вижу проблемы.

— Вот на то он и генерал, — улыбнулся Юдин. — Верим, что вы так все и сделаете. Давайте чайку попьем, товарищи. Да, я думаю, и не только чайку можно... Ведь есть повод. С огласье-то в итоге все же возникло.

Заговорщики дружно поднялись с мест, и двинулись в соседнюю комнату, где был сервирован стол с дорогой выпивкой и закуской. Через два часа они вместе пели советские песни, рассказывали друг другу свежие анекдоты и дружно смеялись. Заговор состоялся.

ГЛАВА 22

Отрабатывавший технику дыхания, развивавший общую энергетику игроков Провоторов как-то обратил внимание старшего тренера на то, что у Гремина, возможно, есть потенциал для того, чтобы стать мастером астрального боя. Провоторов сделал такой вывод, наблюдая эпизод, когда Гремин во время тренировки размахивал в раже руками, а стоявшего рядом человека мотало из стороны в сторону, словно невидимым ветром. Провоторов подошел к Никите и спросил:

— Что ты делаешь, Никита? Ты добавляешь что-то в движения?

Гремин посмотрел на Провоторова сверху вниз с любопытством:

— А что я делаю? Ну, дышу в руку... Я так привык.

— Как дышишь?

— Рука идет вперед, я выдыхаю резко. Через ладонь. Или кулак.

— А почему ты так делаешь?

— А я заметил по дракам. Когда просто бьешь — одно. Когда выдыхаешь, человек не поднимается.

— Давай знаешь, что сделаем? Вот Олег стоит... Не приближайся ближе трех метров. Ударь его... И выдыхай. А я посмотрю...

Провоторов подозвал левого крайнего защитника второй команды Павла Развозжаева, рослого, крепкого парня,

бывшего бойца иркутского СОБРа. Тот в недоумении остановился.

— Паша, ты просто стой, — дал ему указание Провоторов. — Просто лови ощущения. Бей, Никита! Не стесняйся.

Гремин начал прыгать, как в боксе, наносить удары в воздух. Еще трое игроков подошли посмотреть, что происходит. Развозжаев смотрел спокойно. Однако, когда Гремин разошелся, Развозжаева вдруг качнуло, как порывом ветра. В какой-то момент после очередного воздушного удара стоявший рядом с Развозжаевым Олег Приданцев вдруг упал — как-то резко, вбок.

— Стоп, Никита, стоп! Почему ты упал, Олег? — спросил его Провоторов.

— Да черт его знает, — сказал удивленный Приданцев. — Меня кто-то толкнул в бок. Но я не понял кто...

— А ты, Паша, ничего не чувствовал?

— Чувствовал, — улыбнулся Развозжаев. — Но мы это проходили. В СОБРе нас учили бесконтактному бою. Но я не продвинулся. Но меня не сшибали. Я прочно стою!

— Вот как!

-Никита, бл... ты еще и колдун!- вдруг шутливо напрягся Приданцев.- Вот я тебе!

Разыгрывая шутливую агрессию, он бросился на Гремина; они сцепились, как два борца, и стали возиться. Причем Приданцев,, занимавшийся в свое время борьбой, едва не завалил Гремина подсечкой; а тот никак не мог ухватить своими ручищами сильного, верткого соперника.

— Мужики, прекратите! — смеясь, пробасил подошедший второй тренер. — О травмах помните. Ты нам нужен живой, Олежек.

Провоторов стоял, погружившись в раздумья.

Андрея Маранова этот случай крайне заинтересовал. Ему сразу же пришла в голову мысль, что в возможной схватке с киборгами способность некоторых игроков наносить невидимые энергетические удары по сопернику может пригодиться. Он договорился с Падиным о привлечении к подготовке игроков инструктора по астральному карате.

Четыре игрока — Гремин, Рославцев, Вибергасов и Полубояров (защитник первой команды), которых порекомендовал Провоторов для этих занятий, — начали по часу в день работать с опытным инструктором по астральному карате — офицером ГРУ в отставке Степаном Каркасовым, имевшем два боевых ордена за операции в горячих точках. Суровый, крепкого телосложения, бывалый мужик был придирчив в отборе.

Маранов предложил Каркасову присмотреться к остальным игрокам. Как ни странно, его заинтересовал легковес Игорь Станишевский: утонченный, умный, культурный парень, художник и музыкант, хитроумный полузащитник первой команды, необычайно быстро прогрессирующий. Эти пятеро и начали занятия с подполковником Каркасовым, давшим подписку о неразглашении. Он обещал подвести учеников к первым результатам примерно через полтора месяца. Однако вскоре в группе Каркасова осталось только четверо...

Инцидент, после которого был отчислен из команды Вибергасов, случился в ночь с пятницы на субботу, в начале апреля. Поздним вечером дежурный по жилому сектору сообщил директору клуба, что трое игроков — Гремин, Вибергасов и Приданцев — не прибыли на базу. В номерах их нет. Пекуза не стал сообщать об этом главному тренеру. Вибергасов был его приятелем — они с ним иногда в свободное время играли в покер, просто «из любви к жанру», на небольшие суммы.

Но ситуация развернулась не лучшим образом. Утром на городской телефон главного тренера позвонили из полиции Твери.

— Господин Маранов? — услышал Андрей обезличенный официальный голос.

— Слушаю вас.

— Начальник 2-го отделения полиции по городу Твери майор Павлихин. В команде, которую вы тренируете, есть такие игроки: Гремин, Вибергасов, Приданцев?

— Да. Есть такие игроки. А что случилось? — спросил Маранов с тревогой, приподнимаясь в кресле.

— Они задержаны за участие в пьяной драке. Находятся у нас в отделении. Полагаю, что ваш визит к нам будет нелишним.

Маранов помолчал. Внутри у него будто все обрушилось в пропасть тоски и тревоги. «Все-таки не удержались, — с горечью подумал он. — Все мне поломали...»

— Выезжаю, — сказал он в трубку и помчался на улицу к машине, на ходу вызывая Пекузу.

В отделении полиции майор Павлихин, возрастной, толстоватый мужичок с неприятным красным лицом, красочно описал им случившиеся накануне вечером в ресторане «Притон». Якобы трое игроков напились, стали приставать к девушкам из сидевшей рядом компании. Местные парни вступились, не отдавали девушек; в ресторане началась драка.

— Ваши ребята здоровые, местных разделали так, что теперь четверо в больнице. Но те вызвали других. И тогда уже все пошло по-серьезному. Против ваших троих тут целая свора собралась. Там и ножички были, а может, и что посерьезней. Если бы мы не прибыли, плохо все могло кончиться. Одного самого здорового немного подрезали. Остальные двое почти в порядке.

— Вы скажите, кто драку-то затеял? — спросил Терентий Пекуза.

— Я же сказал — ваши. Этот, рыжий. Самый был пьяный. Чужую девку цеплял. Вот и понеслось. Обычный вариант... Им грозит статья, Андрей Викторович. Да, боюсь, не одна...

Маранов и Пекуза мрачно смотрели на него.

— Можно нам переговорить с ребятами? — спросил Маранов.

Павлихин кивнул, вставая.

В камере предварительного заключения футболисты сидели втроем. Гремин и Приданцев встретили главного тренера спокойно; Вибергасов же мертвым сном спал на койке и похрапывал. От него разило водкой.

— Что же ты, Никита, — сказал Маранов, глядя Гремину в глаза. — Обрушиваете мне все.

— Андрей Викторович, а что вам наговорили? — осторожно спросил Олег Приданцев. — Мы с Никитой пили только пиво... Нестор — да. Девки его втянули, под водочку. Мы не смогли его остановить. Они сами его в коридор вытащили, облепили. Такие сучки...

— Кто начал драку? — спросил Маранов.

— Да не мы, конечно, — загудел Гремин. — Я что, идиот? Там какая-то мелкота сидела, я их как мух мог перебить...

— Кто начал драку? — переспросил Маранов.

— Дело было так, — начал рассказывать Олег Приданцев. — Мы просто отдохали. К нам подсели две их телки. Такие веселенькие. Понравились мы им. Особенно Нестор... Ребята, что с ними были, сильно выпили. Начали героев из себя строить. Никита встал и за шкуру их оттащил на их место. Они снова... Тогда Нестор...

— Бекаса не удержали, — мрачно сказал Гремин. — Бекас начал их херачить... Но мальцы сами виноваты.

— Мальцов Нестор уложил. А те, что удрали, вызвали целую шоблу. Тогда и нам пришлось вступить... А куда деваться? Вот Никите в бок ножиком ткнули. А товарищ майор даже не распорядился рану перевязать. Мне майку свою пришлось порвать.

Приданцев приподнял рубашку Гремина. Показалась окровавленная повязка Павлихин молча слушал и понемногу багровел.

— Хорошо, что ножичек был несерьезный, — заметил Приданцев.

— Мы разберемся, как оно все было, — проговорил Павлихин мерзким сипловатым голосом. — Мы восстановим ход событий...

Картина происшедшего для Маранова постепенно прояснилась. Особой вины Гремина и Приданцева не просматривалось. Выезжать в город, чтобы развеяться и удовлетворить половые аппетиты, им разрешалось — под честное слово. Виноват был только Вибергасов.

В коридоре Пекуза сообщил Маранову, что договорился с Павлихиным.

— Три штуки евриков его устроят, — сообщил он. — Надо будет объяснить спонсору... Доверьте это дело мне. Я все улажу...

Уже к обеду того же дня все трое были на базе. Вибегасову было сообщено, что он отчислен из команды, что он должен собрать вещи и сдать номер. Он сделал попытку встретиться с тренером, но его к нему не пустили. Вечером его на базе уже не было.

Уже к середине мая 2029 года первый состав стал все уверенней переигрывать второй. Во втором составе также были очень сильные игроки, но таких, как Приданцев, Станишевский и Пересветов, в нем не было. Второй состав теперь стабильно проигрывал первому, но с небольшим срывом — в один-два, редко в три мяча.

Эти игры становились все более интересными. Футболисты осознавали, что являются игроками одного клуба, но самолюбие в них играло, и коллективный дух каждой из команд продолжал формироваться, причем довольно активно. Второй состав всякий раз бился упорно, до последней секунды.

Маранов стал записывать эти игры на видео, чтобы проводить анализ. Пока что его замысел — довести игру ребят до уровня, когда они могли бы играть много на верховых мячах, быстро переводя мяч с фланга на фланг, не оправдывался. Игроки старались «воздушить», но слишком много было брака; стремясь быть точнее, они постоянно опускали мяч и переходили на низовую игру, что не давало им выйти на высокий темп.

Хуже всего дело обстояло с тактикой. Маранов пробовал различные построения для обеих команд. Играли и с двумя нападающими по схеме 4-4-2 и по схеме 4-2-4. Но четкий рисунок никак не строился, стройность умозрительных схем размывалась в динамике игры. Игроки постоянно сбивались на мелкую вязкую игру, возню в центре. По-

лузащитники хотя и старались, но явно не дорабатывали в построении игры, и это было слабое звено.

Сильнейшими звеньями обеих команд были нападающие и вратари. Тройка Диденко — Пересветов — Раскатов становилась все более сильной, сыгранной и эффективной. Пересветов забивал голы в каждом матче, и порой очень красивые. Чтобы его удержать, к нему приклеивались два, а то и три защитника, но он все равно пробивался, часто уходил в отрыв, выходил на ударные позиции и сильно, точно бил. Он добавил в весе, отрастил волосы и бороду и смотрелся весьма эффектно: при росте 178 он был широкоплеч, очень силен физически, резок и быстр. Его светлая шевелюра эффектно развевалась на бегу, словно показывая скорость его бега.

Его появление на поле в игре мирового уровня непременно должно было произвести ошеломляющее впечатление на женщин — так он был хорош. Маранова порой просто одолевали страхи за него, боязнь, что с этим уникальным парнем может что-то случиться; это была бы невосполнимая потеря. Маранов прекрасно знал, что означает наличие нападающего такого класса в команде: он один может сделать игру единственным прорывом и голом.

В июне 2029 года Андрей Маранов вывел в ежедневнике жирную запись: «Прошло семь месяцев с того момента, как составы команд определились. Пора подводить первые итоги...» Какими же он видел эти итоги? В целом он их определял как удовлетворительные.

Медленно, очень постепенно нестройная, «эскизная» по рисунку игра начинала приобретать более-менее устойчивую стройность, некую художественную стабильность. Каждый игрок для Маранова превращался в динамический мазок, движущуюся кисть или пастельный карандаш; все эти кисти вместе начинали рисовать все более гармоничный и эстетичный рисунок. Это было начало приближения к искомому совершенству, к которому они должны были подойти, согласно планам главного тренера, в апреле-мае 2030 года.

...Оценивая в совокупности состояние команд на начало июня 2029 года, Маранов пришел к заключению, что пришла пора проверить их силу в игре со сторонними командами мастеров. Переговоры с клубами относительно товарищеских матчей провели формальный хозяин клуба Нугзар Тапатадзе и его директор Терентий Пекуза. В итоге (не без финансовых вложений) была достигнута договоренность с клубом премьер-лиги — «Рубином» из Казани.

В день игры Павел Ануров, братья Тапатадзе, Вадим Комм, а также Михаил Георгиевич Берестов, ряд людей из спецслужб консорциума Падина, — словом, все посвященные в проект люди собрались на главном стадионе Твери (ближайшем к базе), чтобы посмотреть эту игру. Сам Падин расположился в районе кабин телекомментаторов, в закрытой ложе с затемненными стеклами. Никто не должен был его увидеть, никто не должен был знать о его присутствии на матче – об этом позаботилась его охрана.

Игра началась в 18:00. По первым же минутам стало заметно, что первая команда Маранова вышла, будучи уверенной в себе, организованной и сплоченной. Игра сразу же приняла довольно жесткий характер. Казанцы, увидев перед собой не мальчиков, а взрослых, дюжих, уверенных в себе мужчин, были несколько обескуражены. Минут двадцать шла ровная позиционная борьба, пока первый марановский состав осваивался на поле, привыкал к сопернику. Но уже к двадцать пятой минуте преимущество марановцев стало ощутимым. Станишевский, Приданцев и Багрянов полностью овладели центром поля. Самолюбивые казанцы не хотели отходить в оборону, тренер постоянно кричал с места:

— Не сидите в защите! Атакуйте! Работайте!

Игроки «Рубина» носились по полю как угорелые, но поспеть за быстрыми и техничными игроками первого состава не могли. Опасные моменты у их ворот стали возникать один за другим. На 27-й минуте защита казанцев оставила Приданцева одного по центру без присмотра. Тот получил мяч и мощно, неотразимо пробил с левой в нижний угол. Вратарь даже не успел двинуться...

Игра началась с центра поля, но характер ее не изменился. Постепенно Игорь Пересветов освоился и начал выходить на свой уровень игры. Раз за разом она стал проходить по флангу двух-трех защитников «Рубина». Те, не поспевая за ним, разозлились и начали фолить. Особенно преуспевал в этом плотный мордастый парень в майке с номером 3, голова которого была острижена наголо. Когда он в очередной раз грубо сыграл в ногу Пересветова, сбив его с ног, он увидел перед собой огромного бородатого игрока команды-соперника. Хмурый Никита Гремин склонился над ним и спокойно, но жестко произнес низким басом:

— Еще раз так сделаешь, гаденыш — бошку откручу! Ты меня понял?! Больше предупреждать не буду!

Рядом с ними находились капитан казанцев и еще три игрока. Они с удивлением наблюдали эту сцену и злобными взглядами проводили глазами огромного парня с номером 2 на майке...

— Кто это такие? — ошарашенно произнес капитан. — Откуда они взялись?

— Подстава какая-то... Нам говорили, что это любители.

— Ни х... себе, любители! — покачал головой мордастый защитник. — У меня ощущение, что они как минимум Кубок Кубков брали...

— Откуда понты-то такие? — бросил другой.

— Они знают себе цену, — угрюмо заметил капитан. — Нам их не обыграть. Надо отходить в защиту, иначе они нам накачают. Отходите все назад.

Казанцы ушли в оборону. Однако их это не спасло. До перерыва Пересветов и Станишевский забили, виртуозно маневрируя в сутолоке штрафной, еще два мяча. Со счетом 3:0 команды ушли на перерыв.

Сергей Падин перешел с охранником в кафе, находившееся под трибунами, и позвонил Маранову.

— Андрей, это потрясающе. Но нам не надо так светиться. Если вы их обыграете с крупным счетом, начнутся выяснения, пойдут дикие слухи. Я всякого ожидал, но та-

кого... Первый состав — просто нет слов! Вы выдающийся тренер! Но так нельзя!

— Я вас понимаю, Сергей Валерьевич, — отвечал Маранов. — Я сам не ожидал, что будет такое преимущество. Они нас недооценили. Вышли совершенно расслабленные, думали, что на классе возьмут голыми руками. Им кто-то дал неверную информацию. Я сейчас ориентирую ребят. Все будет, как нам нужно, не беспокойтесь

— Спасибо, Андрей! Нам надо теперь быть осторожными. Разговоры и так пойдут...

Идя за игроками в раздевалку, Маранов услышал разговоры игроков «Рубина».

— Ты не знаешь, откуда эти ребята? Играют будь здоров! Бл..., техничные ох...но. Носятся как бешеные!

— Да и я удивляюсь: говорили, мол, типа любители, какие-то новички, не надерите их с двузначным. А они куда сильнее нас.

— «Баварию» напоминают по стилю. Верхом много кидают.

— А ты видел «девятку»? У нас таких игроков нет... Непонятно, почему их не разобрали по командам. Нам бы такого левого защитника.

— А вратарь? Вратарь-то вообще... Не пробьешь! Просто атас!

Некоторые казанцы прямо спрашивали игроков Маранова:

— Ребята, а вы откуда? Вы откуда взялись?

На что игроки команды уклончиво отвечали:

— Да так... Новый клуб формируют...

— Тренируемся...

— В отбор пойдем на следующий год...

— Да с такой игрой вы запросто. Будем рубиться с вами в лиге.

В раздевалке Маранов пришел просто сияющий, все игроки это видели и в ответ улыбались ему. Второй состав также был тут, и его игроки начали было нахваливать первый состав. Но Маранов попросил их удалиться.

— Ребята, ситуация непростая, — так обратился Андрей игрокам первого состава. — Я был уверен в вашем классе, и я рад, что у нас все получается. Значит, мы готовились правильно. Вы держите игру уверенно, играете с достоинством. Игра идет под вашу диктовку. Но! Парни, у меня к вам просьба! Очень прошу, умерьте пыл. На этом этапе мы не должны обыгрывать никого крупно. Нам это невыгодно. Я вам не могу объяснить почему, но нам сейчас нам не нужны лишние разговоры. «Рубин» — шестая команда страны. Мы не должны ее обыграть крупно.

— То есть в поддавки надо сыграть? — хмуро спросил Гремин.

— Никита, прости, но получается, что так. Если засветимся раньше времени, может весь проект накрыться. Вас разберут по другим командам, и все рухнет. Есть такие варианты...

Это аргумент подействовал на игроков очень сильно, просто отрезвляюще.

— Мы вас поняли, — задумчиво произнес Олег Приданцев. — Мы хорошо вас поняли, Андрей Викторович.

— А что, может, лучше вообще слить игру? — спросил Станишевский. — Если так нужно?

— Нет, Игорь, сливать игру не надо, — отвечал Маранов. — Вы играйте, как играли. Выиграйте с отрывом в один мяч, максимум в два. Но не больше. Они сейчас прибавят — не сомневайтесь. Замены произведут, выпустят сильнейший состав. Игра пойдет другая.

Тренер «Рубина» Стопоров внимательно, с интересом, но чуть неприязненно посматривал во время игры на Маранова, но ни о чем не спросил его, проходя мимо. Он видел на трибуне второе лицо федерации и догадывался, что тут скрыта какая-то интрига. Но вряд ли его мысли могли пойти дальше гипотезы, что какой-то олигарх за границей неизвестных, но хороших русскоговорящих, игроков и лепит команду, чтобы играть в премьер-лиге.

Во втором тайме защитники марановской команды давали казанцам бить по воротам, но Мушарапов легко отбивал не самые сложные мячи. В один из моментов, когда мяч был выбит за пределы поля, к Мушарапову подошел защитник казанцев, один из трех игроков татарской национальности, и заговорил с ним по-татарски:

— Как тебя зовут, брат? Из какого ты города?

— Зовут Вахит. Я родом из Будамши, — отвечал Мушарапов. — Играл за «Кучум». Немного за «Молот». В Перми.

— Я знаю Будамшу. Там двоюродный брат живет. Скажи, брат, что это за команда? Мы не возьмем в толк. Откуда вы? С такой игрой?

— Новый клуб формируется, брат. Меня взяли. Единственного татарина. Мы скоро будем играть в премьер-лиге.

— Вы всех положите в премьер-лиге, точно говорю. Помоги, брат! Хочу в эту команду!

— Не могу обещать, брат, — отвечал Мушарапов. — Тут все славяне. Меня одного взяли, как исключение... В палатке жил месяц, добивался, чтобы посмотрели.

Соплеменник, огорченный, побежал на свое место.

Игра более-менее выровнялась, казанцы начали атаковать по флангам, делать навесы; но не было остроты в их действиях, несмотря на все старания. Видя, что у казанцев атаки не очень получаются, левый защитник Вадим Полубояров умышленно сыграл в штрафной площади рукой. Судья опять указал на 11-метровую отметку. К мячу подошел лучший игрок «Рубина», 9-й номер, который не раз играл за сборную страны. Он пробил очень хорошо, сильно — в район «девятки»; но Мушарапов метнулся, как молния, и выбил мяч на угловой.

Казанцы оторопело смотрели на Мушарапова.

— Да что это за команда такая? — сплюнул в сердцах их капитан. — Им вообще-то можно забить?!

Два игрока татарской национальности сначала зааплодировали, а потом подошли и похлопали Мушарапова по плечу. Один радостно сказал:

— Вахит! Ты великий вратарь! Тобой скоро будет гордиться весь Татарстан!

И они побежали на свою половину поля, гордые за своего соплеменника.

Гремин подошел к Мушарапову и негромко сказал:

— Вахит, ты чего, ох...л? Ведь установка была. Ты чего выеб...ся?

Мушарапов развел руками, не зная, что ответить.

— Я на автомате, Никита. Я не умею по-другому...

К несчастью, этот разговор слышал стоявший неподалеку нападающий казанцев, все тот же девятый номер. Он сплюнул и, повернувшись к партнерам, в сердцах воскликнул:

— Да они нас за придурков держат! Я игрок международного класса! Почему со мной, как с мальчиком? Я не буду играть эту идиотскую игру!

И он побежал, едва не плача, в сторону скамейки запасных, прося замены. Затем он, не останавливаясь и не глядя на тренера, ушел в раздевалку.

Казанцы были деморализованы. Как ни гнал их тренер вперед, они играть не хотели. Но не хотели играть и марановцы. После 80-й минуты игроки, словно договорившись, начали просто доигрывать игру, что вполне устраивало марановцев. Счет так и остался 3:0.

Чуть позднее тренер «Рубина» Стопоров вышел из раздевалки и увидел в коридоре Маранова, разговаривавшего по телефону. Он вежливо подождал, пока тот закончит разговор, и подошел к нему.

— Вас зовут Андрей Маранов? — спросил он, — Я очень давно, но слышал о вас. Меня зовут Вадим.

— Я вас знаю, конечно. Рад познакомиться, — отвечал Маранов, пристально глядя на Стопорова, пытаясь понять его состояние.

— Я слышал про какой-то скандал в каком-то сибирском городе. О вас тогда говорили... Я рад, что вы возвращаетесь в футбол. Давно вы тренируете эту команду? Давно вы ее набрали?

Маранову пришлось соврать, чтобы не огорчать коллегу:
— Почти три года.

— Вы вывели ее на хороший уровень. С такой игрой вы на премьер-лиге не остановитесь. Мне кажется, нескольких игроков надо бы в сборную предложить. Вот этого большого, второй номер. И блондина, девятку. Уж не говорю про вратаря. Там игроков такого класса и близко нет. Вы ведь это наверняка понимаете.

— Вадим, боюсь, это невозможно. Вы же понимаете, есть организационные трудности...

— Не знаю, не знаю, — отвечал Стопоров. — Я видел на трибуне зампреда федерации. Он бы мог решить такие вопросы.

— Посмотрим, Вадим, — уклончиво отвечал Маранов. — Мне надо еще работать с ними. Я думаю, что ваши просто нас недооценили, играли не в полную силу.

— Не надо Андрей, — понимающе улыбнулся Стопоров. — Мы с вами профессионалы. Вам зачем-то дали указание слить второй тайм, но они даже и слить-то не смогли. Это мастера, реальные, без дураков. Завидую вам, Андрей. Удачи вам!

Пожилой тренер «Рубина», грустный, подавленный, отправился к своим игрокам, которые после душа уже готовились к отъезду. Оба состава марановцев вскоре также отправились на базу.

ГЛАВА 23

Магистр с удовольствием наблюдал, как острый белый нос яхты мягко вспарывает массивную тушу океана. Он видел еще два катера, которые шли впереди и позади яхты, а также курсировавший над этой зоной вертолет. Он знал, что их движение курируется службой охраны, что на катерах и вертолете находятся вооруженные люди. Такие меры безопасности не были вызваны какими-то особыми обстоятельствами, а были продиктованы

регламентом, по которому совещания с участием более чем трех магистров лож должны были сопровождаться усилением охранных мер.

Стюард в белом пробежал мимо с подносом, мягко поклонившись сэру Ричарду. Ко встрече четверых руководителей лож все было готово. Но она должна была начаться ровно в 12:00. До этого трое гостей магистра — магистры Фергюссон, Орхоуз и Маккуори — отправились в специальный оздоровительный кабинет. Он сделал обещанный им ранее презент: в соответствии со спецификой генетики каждого из них накануне были получены генетические материалы — фрагменты плацент только что рожденных в разных частях света младенцев. Благодаря закрытой базе данных, давно созданной для узкого круга избранных, заранее были получены данные о генетической схожести биоматериалов и генетики приглашенных магистров. Эти материалы были доставлены из соответствующего центра в Кливленде, и теперь находились на яхте.

Теперь все три магистра-гостя, люди немолодые, сидели в специальных креслах на нижней палубе яхты, и на них шло дистанционное воздействие с особого устройства, представлявшего из себя симбиоз лазера и цифрового передатчика генетической информации. В устройство были вложены программы нестарения и перехода на омоложение, сформированные на основе разработок русских визионеров Аркадия Петрова и Григория Грабового, а также ученого-генетика Петра Гаряева. После процедуры магистрам также должна была быть сделана инъекция с приготовленной особым образом выжимкой из доставленных биоматериалов.

Сам магистр Виндинг-Бронс подобную процедуру проходил дважды. Он не мог сказать, что она как-то радикально изменила его состояние. Но, как ему казалось, процесс старения все же несколько затормозился, общий тонус, самочувствие улучшились. К тому же, как утверждали разработчики метода, эффект от этой процедуры будет сказываться не сразу, а с течением лет.

Магистр Виндинг-Бронс предчувствовал, что разговор предстоит непростой. Ему надо было провести свою основную линию, которая казалась ему единственно правильной. Хотя он понимал, что ему не следует двигаться по пути завоевания репутации стойкого консерватора. Мудрый подход заключался в принятии разумных аргументов оппонентов, но продвижении версии, в которой ты убежден сам. Когда ты оказываешься в таком значительном статусе, что способен повлиять на исторические судьбы целых народов, ты должен быть полностью отрешен от своих эмоций, от влияния всего, что связано со вторичным — бытом, дразгами личной жизни родственников и так далее.

Магистр давно пришел к выводу, что удел избранного — внутренняя тишина и молчание. Только разум и опора на Тех, кто выше тебя. Но последний аспект был самым сложным, и иногда возникали неизбежные сомнения. Барон Ричард Виндинг-Бронс встречал не раз в своей жизни людей, которые были убеждены, что именно они связаны с Высшими Началами, и каждый из этих людей был убежден, что его Высшие, то есть их Бог или боги — самые основные, самые главные. Но у магистра имелись прямые доказательства подлинности того Кураторства, что было распространено над ним: он не раз видел в снах-видениях, в погружениях этих Кураторов, могущественных гостей из другой звездной системы, участвовавших в жизни земного человечества. Он был уверен, что неуклонно идет к установлению тесной связи с Ними, и что вскоре окажется в ряду тех немногих избранных планеты Земля, кто такого кураторства удостоился. Он хотел оказаться и рядом, и выше человека, основавшего орден, претендовавшего на роль Глобального Предиктора именно в силу доказанной и очевидной связи с Кураторами. Магистр Виндинг-Бронс неукоснительно старался следовать тем общим наставлениям, что шли от них, и переводить эти указания в режим конкретных действий. Раз *Они* дали точные указания поставить каждого землянина под контроль формирующе-

гося Центра Глобального Управления, значит, так нужно и он должен это делать; но он понимал, что средства исполнения могут быть разные. Тот жесткий путь, что избрали иллюминаты, казался ему неправильным, опасным. Две чудовищные катастрофы, что произошли за пять последних лет, это подтверждали. Денвер был расплата за Гуайан — так он считал. Он был уверен, что не его Кураторы наказали Америку, а скорее всего те, другие, кто противостоял им на внешнем планетарном, космическом уровне, которые именовали себя Служителями Света. Это они, воздействуя на тонкие оболочки планеты, инициировали этот толчок, сдвинув плиту в этой зоне американского континента... Касательно их «светлости» у него были большие сомнения. Он считал, что такого жесткого разделения вообще не существует; что есть лишь перетекания света во тьму, тьмы в свет и так далее.

Ему надо было, не упустив нити от Кураторов, стараться вывести процесс построения Глобальной Системы Управления (Global Direct Sistem) на более мягкий путь, чтобы не повлечь новых ударов с той, другой стороны.

В перспективе возможного скорого перехода на тонкий уровень существования, то есть смерти, неприятное беспокойство у него вызывала не сама перспектива потери тела, а именно неопределенность его позиции и статуса сознания в иных мирах. И тут пока от его Кураторов не исходило какой-то внятной определенности, на которую он хотел бы рассчитывать за свою преданность им. Они никоим образом не проясняли этот вопрос; ничего ему не было гарантировано. Именно потому он вынужден был активно поддерживать эксперименты в генетике, стремясь получить гарантию продления физической жизни на неопределенное время. Пока процесс старения продолжался. Ему шел 72-й год, и он замечал все новые и новые изменения во внешнем облике, а также нарушения в организме. Все хуже работали суставы, в особенности коленные; постоянно болела правая почка; часто повышался уровень сахара в крови, прыгало РН мочи, а также кровяное давление; в моче появлялись то

белок, то сахар, то концентрированные соли. Организм работал все хуже и хуже, и это его очень беспокоило. Однако мозг пока сохранял ясность, а память — свою оперативную скорость. Это был результат применения редчайших витаминных комплексов и последних достижений закрытой для всех элитарной неомедицины, и в первую очередь того, что было взято от русских визионеров.

Однако мэтр Виндинг-Бронс не терял надежды, что Кураторы в итоге вмешаются. Он был прекрасно осведомлен о нескольких случаях их вмешательства, когда их летательные аппараты неожиданно забирали к себе на борт хорошо известных ему людей. Одним из них был сверходаренный специалист, работавший на засекреченную структуру Пентагона, занимавшуюся климатическим оружием. Другой, очень пожилой, болевший раком простаты 4-й степени, являлся вторым лицом одной лож иллюминатов. Оба они были взяты дисковидными святающимися аппаратами в разных частях света — один в Австралии, другой в районе Коморских островов. Они отсутствовали не более трех суток. Позднее магистру стало известно, что спец из Пентагона вернулся сильно изменившимся внешне: помолодевшим, со святающимся пронзительным взглядом поменявших цвет глаз. Он стал также мощнейшим магом, способным к моментальной телепортации, к запоминанию сотен страниц текста, обладающим прочими сверхспособностями. Его засекретили еще больше, и он полностью пропал.

Второй же, старец, вернулся в семью не просто здоровым, а радикально помолодевшим, выпрямившимся. По словам членов этой логи, он выглядел теперь потрясающе: темные волосы, свежесть кожи лица; сам подтянут, строен, стал выше ростом. Он был избран руководителем логи.

По поводу своих контактов с Кураторами он рассказал очень немного. Однако вес каждого слова его был значителен. Поговаривали, что он обладал теперь уровнем ясновидения, который был недоступен ни одному из высших посвященных ни одной из лож. Теперь именно он являлся

кандидатом на роль Великого Магистра альтернативного магического сообщества.

Яхта замедлила ход, а затем и вовсе легла в дрейф. Теперь зеленовато-бирюзовые волны улыбочиво плескались возле ее ярко-красного киля. И в этот момент магистр увидел в пространстве перед собой желто-зеленую голограмму видеовызова. Он сам установил на пульсаторе этот цвет, потому что тогда вызовы не пугали внезапностью. Он коснулся пальцем браслета на запястье, и четкий образ медиатора Чивиккони возник перед его глазами. Магистр тут же различил ноту неуверенности в его голосе.

— Магистр, прошу извинения, но раньше подтвердить информацию не мог. Магистр центральной ложи поставил меня в известность в последний момент. Он только что звонил.

«Вот оно! — вспыхнуло в душе магистра ощущение опасности. — Я предчувствовал...»

— Звонил... Хорошо. И что же?

— Он едет.

— Куда едет?

— Он догоняет вашу яхту на катере. Будет в течение десяти минут. Магистр все понял моментально. Информацию о предстоящей встрече четырех магистров кто-то передал в центральную ложу. Скорее всего, сам медиатор.

— Магистр, поверьте, прошу вас, — как будто поймав его мысль, торопливо заговорил медиатор. — Они получили информацию не от меня. Мне нет смысла... Зачем? Я битый человек. Зачем мне рисковать, терять ваше расположение? Репутацию терять...

Магистр молчал. «Мог сдать информацию и Орхоуз, — раздумывал барон. — Он наиболее далек. Или просто перехватили разговор. Ну ничего. Разберемся...»

— Хорошо, — сказал он в трубку. — Поговорим обо всем позже. Мне надо сделать распоряжения.

Он отключился. Собственно, ничего особо страшного не происходило. Устав Братства не запрещал магистрам проводить уединенные встречи. Это ведь мог быть про-

сто совместный отдых. Однако внезапное появление магистра центральной ложи свидетельствовало прежде всего о ее стремлении обозначить жесткость иерархии. Соломон Моргентоу явно ехал, чтобы показать, кто главный, кто руководит всем, от кого зависит общий курс. Иначе бы он вел переговоры не через техническое лицо, а связался бы непосредственно с ним, с магистром Виндинг-Бронсом.

И все же магистр не мог отделаться от подозрений в отношении медиатора Чивиккони, которого он сам, лично впустил в орбиту Братства. В молодости Чивиккони был введен в круг Конгрегации доктрины веры (бывшая святая инквизиция). Поговаривали, что он был любовником одного из кардиналов, и это было похоже на правду. После какого-то скандала с этим кардиналом Чивиккони был перемещен в пресс-службу старейшего в Италии банка *Montedei Paschidi Siena*, и проработал там пять лет.

Затем, однако, у него возникли проблемы. То он ли сам ввязался, то ли кто-то ему поручил заняться изобличением Верховного генерала ордена Иезуитов Федерико Пиоваккари, представителя одной из 13 итальянских семей, из членов которых выбирались папы на протяжении сотен лет. Магистр знал, что именно они в действительности управляют иезуитами и мальтийским орденом, но испокон веков конкурируют друг с другом.

Джузеппе Чивиккони вел кампанию под лозунгом «Кьяра Мадзонни была похищена для секс-вечеринок в Ватикане!». Он помогал распространять информацию о секретном докладе некоего Микеле Паравиччини о нетрадиционной сексуальной ориентации представителей высшего католического руководства. В результате серии скандалов Чивиккони сам попал под удар. На него было совершено покушение, он едва выжил после двух пулевых ранений, после чего уехал из Италии, и скрылся. Немыслимыми путями он оказался в зоне видения Братства Обновления. Теперь, когда он был в безопасности, Чивиккони вполне мог начать свою игру.

В любом случае со стороны Центральной Ложи это была наглая, некрасивая демонстрация силы. Моргентоу не раз видели в свите Великого Магистра. Это был его человек. Возможно, сам Великий Магистр интересовался тем, что происходит в доминантных ложах.

«Вот тебе, дружок, и ответ. А ты думаешь, от тебя что-то зависит», — думал магистр, наблюдая за тем, как быстро вырастает в размерахдвигающаяся от горизонта белая точка. Большой белый катер вспенивал позади себя воду и будто летел над волнами.

Три магистра появились на палубе. Подошел человек из свиты Орхоуза и пригласил всех в залу, располагавшуюся в нижней части яхты.

— Господа, прошу извинения, — произнес барон. — Есть один сюрприз, о котором я заранее не оповестил вас, поскольку не было подтверждения. На встрече также будет присутствовать магистр центральной ложи Соломон Моргентоу.

Три магистра некоторое время молча и недоуменно глядели на барона. Фергюссон брезгливо поморщился. Остальные ничего не говорили.

— Вы можете спускаться. Моргентоу сейчас будет.

Магистры постояли и медленно двинулись к лестнице, ведущей в нижние помещения яхты.

Магистр Виндинг-Бронс отдал распоряжения капитану яхты. Светло-малиновый трап начал медленно выдвигаться из тела яхты, опускаясь при этом вниз.

Моргентоу еще с катера увидел стоящего у борта магистра и приветливо помахал ему рукой.

«Ну-ну, — подумал магистр. — Поиграй в дружелюбие...»

Вскоре он уже поднимался по трапу. Это был худощавый еврей небольшого роста, лет сорока пяти, с зализанными назад темными волосами, с небольшими пронзительными глазками, лицом, на котором как бы застыла гримаса невозмутимой отстраненности. В нем угадывались многолетние накопления личного магнетизма; даже в походке его читались внутренняя весомость и значимость.

Они приветствовали друг друга, как и положено магистрам Братства, пожатием за локти.

— Не сбросите в воду непрошенного гостя? — слегка улыбаясь, произнес Моргентоу. — Вы вправе...

Магистр не принял эту игру. Он бы взбешен. Внутри у него все кипело, хотя он и не подавал виду. Он холодно смотрел на Моргентоу, требуя объяснений.

— Приглашением мы обязаны доктору Орхоузу, — считывая состояние хозяина яхты, проговорил Моргентоу. — Надеюсь, мое присутствие не расстроит ваших планов, магистр.

Теперь все было понятно. Двойную игру вел именно Орхоуз. Магистр в очередной раз убедился в своей наивности, рассчитывая на способность магов к конфиденциальности. Большинство из них всегда вели двойную игру. Приглашение от Орхоуза снимало подозрения в этической недоброкачественности визита Моргентоу: согласно Уставу Братства, приглашение любого магистра ложится на какую-либо внутреннюю встречу было превыше всех прочих норм и не требовало предупредительных звонков и прочего.

Магистр Виндинг-Бронс все же позволил своему негодованием слегка выйти наружу.

— Знаете, магистр, читал я некогда книжку о Мао Цзэдуне. В его партии была норма: о любом собрании более чем из трех партийцев член партии обязан был доложить руководству. В случае умышленного сокрытия информации он мог быть расстрелян. Похоже, мы двигаемся по его стопам.

Моргентоу сбросил маску невозмутимости и улыбнулся:

— А что? Руководитель он был не мелкий. Почти миллиард китаёзиков держал в узде. А мы хотим удержать в десять раз больше. Как бы выдумали? Может, и нам его опыт пригодится, как знать...

Магистр только и мог, что улыбнуться в ответ. Чего еще можно было ожидать от этого наглого типа?

— Пойдемте вниз, магистр, — предложил барон. — Остальные уже собрались.

Зала была отделана палисандром и красным деревом. Ритуальная часть имела вкрапления деодара. Традиционные знаки их ордена можно было видеть в разных местах по периметру всей залы. Шумоизоляция была идеальная, никаких звуков извне не доносилось; внутри залы тихо звучала спокойная электронная музыка. Фредерик Фергюссон и сам магистр Виндинг-Бронс являлись представителями североамериканских лож. Трое остальных — Орхоуз, Интроно и Маккуори — являлись магистрами трех европейских. Они прибыли для встречи накануне. Центральная ложа имела две резиденции: в Канаде и Англии.

Вскоре все они уже сидели за овальным столом. Жезл ведущего лежал на столике напротив кресла магистра Виндинг-Бронса. У него был наиболее высокий статус по посвящениям и совокупности регламентной атрибутики, значимой для Ордена. Магистр уже быстро осмыслил суть изменения ситуации, и решил не поднимать вопрос о формировании ядра из магистров по лоббированию его кандидатуры на Большом Конгрессе. Он решил сосредоточить разговор на инициативах Северной Ложи принять жесткую линию иллюминатов как основную, и внести на этой основе изменения в базовый Манускрипт Братства Обновления. Магистр, поднимая этот вопрос, выступал защитником основ Базового Манускрипта, что не могло подпортить его репутацию непоколебимого борца за твердость устоев.

Как это положено по этикету подобных встреч, барон произнес вводное слово, в котором произнес все положенные и подходящие к такому случаю слова.

— Господа, общая тема вам известна. Между ложами Братства Обновления Мира наметилось размежевание, возникла угроза раскола. Как вы знаете, источник смуты — Северная Ложа Европы, персонально магистр Ледргхэм. Две европейских ложи попали по его влияние. Я пригласил вас для того, чтобы, во-первых, узнать вашу позицию по проведению Большого Конгресса. А во-вторых, выработать совместную стратегию в его преддверии. До возникнове-

ния противоречий у Ордена была солидарная позиция по кандидатуре в президенты на очередные выборы. Теперь такой позиции нет. А вопрос о кандидате напрямую связан с общей стратегией Братства на долгосрочное будущее. Если ясности не будет, то и ситуацию с кандидатом надо переосмысливать.

Седовласый, усатый сэр Орхоуз чуть привстал и сказал:

— Сэр Ричард, давайте пройдемся по позициям, где возникли расхождения. Мы их знаем, но нам надо определиться, кто и что на этот счет думает. Именно я считал возможным пригласить магистра Моргентоу. Мне представляется вопрос столь важным, что без участия центральной логи его обсуждение будет не совсем объемным. Вы уж простите мне эту вольность, но я так считаю. Я готов озвучить ряд тем, если позволите. Ситуация с расхождением по стратегии очень тревожна. Я хотел бы, чтобы обозначили линию расхождений, так как вы умеете разъяснять все. Знаем вашу светлую голову. О чем речь, представляем, но лучше вы сами.

— Спасибо, сэр Орхоуз, — сказал магистр. — Постараюсь не разочаровать. Впрочем, длинные речи не требуются. Вы ведь все в курсе. Внедрившиеся в Братство иллюминаты пытаются нам навязать свою игру. Я бы сказал, жесткую игру. Они ведь всегда были максималисты. Ну и к чему они привели мир? Сто пятьдесят лет назад выдвинули идею человека-кочевника, стали перемешивать расы. В итоге что получили? Желтая раса забивает всех по численности, а черная — по энергетической активности. Старой Европы, считайте, уже нет. Это уже цветная Европа; культурный слой эрозирован, белая раса подавлена; первобытная религиозность доминирует в оккультном поле. Доигрались? А кто запустил процесс? Кто, я вас спрашиваю? Кто гендеры начал перемешивать? Разве можно вырастить хорошую культуру на тухлом поле? Сорняк всегда забьет ее; а ведь так и получилось. Не так ли, господа?

— Всецело с вами согласен, магистр, — кивнул головой Орхоуз. — Так оно и есть. Это их работа.

— Согласен, — подтвердил Фергюссон.

Остальные трое молчали и слушали.

— Идем далее. Женщину отпустили. Чего добились? Все тогда знали, в 50-х, что Рокфеллеры хотят получать налоги не с половины населения, а со всего сразу. Прагматики! Мы все знали, что их болтовня про равноправие — хитрый трюк. Никто не остановил их. Что в итоге? Семьи нет. Государство плодит безмозглых идиотов, без роду, без племени. Тупые орды, которые хотят только трахаться и наслаждаться жизнью. Что с ними теперь делать? Ну очипуем. Что дальше? Это что, дальновидное управление?

— Уважаемый магистр, но ведь мы собрались поговорить о глобальном управлении. Обсудить пути, — бросил реплику магистр Южной ложи Европы Джеф Маккуори, седой сутулый англичанин,

— А я о чем говорю, Джеф? — приподнял брови магистр Виндинг-Бронс. — Разве я говорю не об управлении? Я говорю о результатах безмозглого управления! И нам теперь эти же люди хотя навязать свою линию. Вот я о чем говорю...

— Господин барон, об этих вещах на прошлом конгрессе шла речь, — заметил Интроно, магистр 3-й ложи, базировавшейся в Италии. — Хотя, согласен, в документах зафиксировано это не было.

— Вот именно, — кивнул барон. — А надо бы было. Они этой промашкой и хотят воспользоваться. Иду далее... Программа чипизации и вообще информационные средства контроля... Нет слов, это важно. Это необходимо. Но ведь и тут не были продуманы последствия! Не было философии дела создано! А ведь тут не шутки! Извечные распри между людьми и народами просто перешли на информационный уровень! Доминировать не удалось, так как на каждую свежую программу возникало противодействие. Они кого-то берут под контроль, а те в ответ начинают контролировать их. И так до бесконечности! Почему нельзя было это продумать? Не так надо было все строить. Придержаться надо было компьютеры в начале

60-х, создать замкнутую сеть для избранных. И только потом дозированно расширять. А они всем кинули, весь мир оплели паутиной. И что, получили контроль? Ни черта не получили! Только над своими и частью народов-олухов. Китай отбил, Россия отбилась, Иран, Саудиты — запросто... Тоже отбились. Где же контроль? Это что, управление? Где мы теперь? На что рассчитываем? На андроидов. Правильно. А у нас есть понимание, к чему это поведет? Овечка Долли к чему повела? Сколько франкенштейнов появилось? Крови ненужной сколько?

А программа ГМО? Ведь опять не было продумано! Черти чего намутили в этой флоре и фауне, все цепочки нарушили! Сколько мутантных видов, сколько гадости всякой! Сами не знают теперь, куда деться! В генетику без мозгов нельзя лезть! Это наука наук! А они нам предлагают продолжить. Запустить генетические вирусы. Подчистить ненужные этносы. Один мудака из Германии уже пытался подчистить. В 30-е... Чем они кончили — те, кто его вытолкнул? А с климатом вообще шутки плохи. А Ледргхэм об этом в открытую говорит! Откуда он вообще взялся? Он был рядовым человеком в ложе Блокстера. Что они могут вытворить на Конгрессе? Нам надо что-то решать... Давайте, высказывайтесь, господа.

Магистр говорил немного нервно, возбужденно, отрывочно. Всем было видно, что он взволнован и разгорячен.

— Я, честно говоря, вообще не предполагал, что Ледргхэм — серьезная фигура, — заговорил Интроно. — Меня удивила ваша обеспокоенность, барон. Очень удивила... Вероятно, есть основания. Так я понимаю?

— Уже три ложи втянуты, — пояснил Фергюссон. — Мы видели их документы.

— Они хотят вписать те же позиции? — спросил Маккуори. — Так надо понимать?

— В несколько измененном виде, но то же самое, — ответил магистр. — Меня больше всего беспокоит воздействие на климат. Они предлагают туда направить больше денег. Очень много денег. Снять их с военных программ. И потом говорят об активизации марсианской и лунной программ.

— Задницу свою хотят подстраховать, — усмехнулся Фергюссон. — Если планета грохнется, там отсидеться. Не идиоты ли?

Наступила пауза. Прервал ее Орхоуз:

— Я дополню ваш список барон. Смотрите, что происходит в геополитике. Я позволю себе заметить, что процессы развиваются по-прежнему хаотично, и это тоже результат чрезмерно резвого управления. Мы видим, что в Азии продолжают хаос и смута. Хаос там затягивается, и дело не в том, что наши исполнители — я имею в виду президентов ключевых стран — допустили какие-либо ошибки. Они не совершали ничего, существенно расходящегося с директивами иллюминатов. Преодолеть хаос в Азии помешали некие факторы, которые связаны с силами неведущих миров, прежде всего inferнальным. Они явно недооценили эти силы. Очень возможно, что они вообще переоценили свои возможности в части контроля над планетой. Они рассчитывали, что, взбудоражив ординаров, натравив их друг на друга, они в итоге получают управляемые правительства в регионах. Но убрав одни хаотические режимы, они получали другие, не менее хаотические. Это вам в поддержку, барон. Мы не должны уподобляться этим ребятам. Я в этом уверен. Я всецело на вашей стороне! Глобальное управление по рецептам иллюминатов невозможно! Оно разрушительно.

— Я тоже говорил: Денвер — расплата за недооценку метафизических факторов, — произнес как-то особенно строго магистр Виндинг-Бронс. — Они вообразили себя богами. Вот их и опустили. Им показали, кто тут хозяин на самом деле. И нету больше великого города Альхиона. Они там в мантиях богов уже ходили. Им показали, кто тут настоящие боги. Надо заткнуться и утихнуть. Надо вести дело спокойно, но твердо. Управление нужно, подавление противника необходимо. Но без крайностей! В более-менее честной борьбе!

Вскоре разговор перешёл в сторону конкретики. Магистры стали по позициям разбирать, что они предлагают внести в Базовый Манускрипт, что исключить. Задача была

одна: купировать активность иллюминатов, проникших в Братство. Барон рассчитал все правильно: все три магистра его поддержали. Но вот Моргентоу все молчал. Он как будто чего-то ждал. Или же думал. Он явно темнил.

Позиции усиливали такие:

1. Завершение чипизации в Европе, Латинской Америке и Африке; продолжение чиповой экспансии на Ближний Восток; активизация этой работы в России на уровне детей (создание сети оздоровительных центров, формирование под нее новых программ и информационного контроля).
2. Свертывание программы ГМО, как не оправдавшей себя. Вместо нее — расширение зон применения спецпрепаратов, направленных на сокращение рождаемости у представителей желтой расы.
3. Принудительная вакцинация негроидов, направленная на ослабление их мощной генетики.
4. Резкое сокращение масштабов применения климатического оружия ввиду его опасности для всех. Применять ряд его видов допускается только в отношении России ввиду ее большой территории, а также с целью сдерживания второго после Китая опасного геополитического и военного противника. При этом эпицентры искусственных землетрясений должны отстоять от США максимально далеко, не менее 7000–8000 миль.
5. Подготовка цикла мероприятий с целью расчленения Китая на ряд независимых государств. Создание Восточного центра управления на Тайване.
6. Прежний курс на стабильное стравливание Турции и Ирана, при изящной игре Израиля на понижение их ставок. Удушение экономики Турции через формирование скрыто-деградационных финансовых систем.

И так далее.

Когда основные прения были закончены и магистры почувствовали легкую усталость, слово, наконец, взял Солломон Моргентоу. Все прекрасно понимали, что у него два

выхода: или обозначить жестко свою позицию, или взять тайм-аут, не сказав ничего по сути. Это означало бы, что до обсуждения темы с Великим Магистром он не решится сказать что-либо конкретное. Так и случилось. Моргентоу выбрал второй вариант. Короткая речь его была витиеватой и наглой:

— Господа, вы знаете, что, согласно Уставу Братства, все магистры равны в своих возможностях влиять на события, — слегка хриплым голосом начал он. Затем, прокашлявшись, продолжил:

— Нет у нас главных магистров и неглавных. Я лишь один из вас, хотя именно наша ложа принимает первой решения Великого Магистра. В Центральной ложе также существует беспокойство относительно движения мыслей в некоторых из наших лож. Но мы считаем, что такое движение должно быть, непременно должно. Вы же знаете: клетки любого организма пребывают в движении, пока он жив. Нет движения — нету и организма. Важно, чтобы правильно работала голова. А также руки и ноги. Чтобы глаза глядели вперед. Большое пространство видно лишь с верхней точки пирамиды, и мы эту данность приняли с вами.

Он закончил и с особой важностью опустил на место. Снова повисла пауза.

— Я в цирке однажды видел один номер, — вдруг заговорил магистр Виндинг-Бронс. — Шесть акробатов внизу держат пятерых на плечах; пятеро — еще четверых и так далее. А тот, что на самом верху, жонглирует булавами.

— Прекрасная метафора! — улыбнулся Моргентоу. — Заметьте, ему всех сложнее удерживать равновесие! Но зал сверху он видит лучше всех!

— Возможно. Хотя икры у него дрожали. Но проблема в том, что они задрожали у одного нижнего. Он как бы просел, и тогда вся пирамида поехала. Посыпалась. И верхний ударился всего сильнее, потому что вылетел за арену. Его увезли на скорой помощи. Хотя он лучше всех видел, куда падает.

В зале повисло молчание. Все знали о бесстрашии и независимости магистра Виндинг-Бронса. Все также были осведомлены, что сместить его мог только Большой Конгресс. Но Центральная жога могла легко перекрыть ему кислород, обрезав связи, лишив маневра, средств и ареала действия. В принципе, они могли превратить его ложу в бутафорную. Магистр сильно рисковал, демонстрируя независимость взглядов. Но Соломон Моргентоу только улыбался, ни тени раздражения не было у него на лице.

— Магистр, вы всегда отличались оригинальностью суждений и смелостью взглядов. Мы вас за это ценим и уважаем — не правда ли, господа? Я точно знаю, что Великий Магистр самого высокого мнения о вашей работе по футбольному проекту. Он был на матче. Мы уверены, что вы доведете дело до конца и финиш будет успешным. Мы все в это верим.

И он захолопал в ладоши. Затем и все магистры также захолопали. Дело было кончено. Ничего не произошло. Ложи продемонстрировали покорность и дисциплину.

— Спасибо, господа, — только и оставалось сказать магистру Виндинг-Бронсу при выходе на завершающее слово. — Мы обменялись мнениями. Теперь можно и поужинать. Надеюсь, мы еще не разучились просто радоваться жизни.

Вскоре все четверо вышли на верхнюю палубу. Тут же возникли стюарды с напитками, фруктами и легкими закусками. С кухни доносились аппетитные запахи приготовляемых рыбных блюд и чего-то еще. Стюарды носились туда-сюда с приборами, с подносами, готовясь к горячей работе.

Барон стоял у борта и снова смотрел на воду, мягко пенящуюся у красного киля яхты. Солнце начинало тихо клониться к горизонту, приобретая легкий оранжево-багровый окрас. Барон слышал, как внизу Моргентоу, Орхоуз, Интроно и Маккуори оживленно беседуют, попивая какое-то старинное вино. Катер Моргентоу болтался на волнах, подцепленный к корме яхты.

— Ничего, Ричард, — подойдя к магистру, положил ему руку на плечо Фредерик Фергюссон. — Мы ничего не можем изменить в ходе событий. Они всегда будут обозначать, где наше место. Нам надо делать то, что мы обязаны делать. Мы же давали клятву. Они нам давали посвящение.

— Да, Фредерик, — кивнул головой барон. — По большому счету мы все равно пешки. Признаюсь, меня самого посещают сомнения... Имеет ли это все смысл по большому счету? Мы не знаем их кухню даже на 20 процентов. Может быть, они все делают с иллюминатами вместе? А перед нами разыгрывают разрыв с ними!

— Это вполне может быть, Ричард, — кивнул Фергюссон. — Я сам тебе хотел сказать это. Им нельзя доверять полностью.

— В любом случае они загребут весь куш. Власть при любом раскладе будет у них.

— А как бы ты хотел, Ричард? Они нам многое дают. Работу дают, положение. Влияние, участие во власти. А что ты хочешь? Они великие! Они создали механизм. Они создали доллар. Где бы ты ни был, но, если у тебя есть доллар, ты человек! Они контролируют почти всю финансовую систему. Это они, дети Сиона, создали все это, а не мы. Они великие, потому они это сумели. И они вправе демонстрировать, что главные тут они. Это логика жизни, Ричард. Или ты думал, что Кураторы выйдут на тебя непосредственно и ты станешь выше их? Кураторы имеют дело прежде всего с ними. И возможно, не только кураторы. И с этим ничего не поделаешь.

Магистр помолчал.

— Кураторы... Для нас имеет большее значение то, что они работают от Большого Дома. Великий Старик и Семья их курируют. Да, ситуацию придется принять. Я сам ведь восхищаюсь ими. Как они убедили весь мир, что все человечество пошло от них? Это такой трюк...

— О-о, Ричард! Если бы это был их единственный трюк! У меня всегда вызывал восторг их проект «христианство». Половине мира внушить рабское самосознание, чувство

неполноценности! Просто хитро составив книжку и пропиадив ее, как надо! Гениальные люди!

— Это правда... Это был хитрый трюк. Ловкачи. Одну только фразу подкинули — про прелюбодеяние. А в результате полмира стали бояться своей сексуальности.

— О, да! Да! Они прекрасно знали, что запереть поток нельзя, но он прорвется через боковые какие-то прорывы. В итоге полностью переформатировали все это поле.

— Ну да. И на нем буйно пошел в рост сорняк. Извращенцы, трансвеститы и прочее. И только на этом поле, заметь.

— Ну да... На Востоке нигде этого нет.

— На Востоке они тоже показали класс. Мастера эквилибристики. Я до сих пор толком не могу понять, в чем различие католиков от православных. Или шиитов от суннитов. Какие-то мелочи, при том, что религия общая и бога именуют одинаково. Но их дернут за нитку — и тысячи баранов будут убивать друг друга! Дернут за другую — те же бараны будут друг друга любить до беспамятства!

— Потому что они заложили противоречие в самую основу, Ричард! В корень! Очень дальновидно заложили! И на этом построена игра. Я и говорю, что они гении. Надо было Германию сравнить с русскими — создали Гитлера. Надо было развалить Советы — создали Горбачева, Ельцина. Надо было сравнить русских с русскими — сделали стада баранов на Украине. Запросто! По всему шару у них зацепки. Нам надо ценить свое место, Ричард! Мы без них — ничто.

— Ну, не совсем ничто. Без нас-то им с кем работать? Вот и проявляют толерантность. Не нужны станем — сбросят, как костяшки на счетах. И все...

Фергюссон раскурил свою традиционную трубку, пыхнул несколько раз. Синий ароматный дым стало быстро уносить вперед, и для магистра закат приобрел пурпурный мерцающий цвет.

— Если бы я не разделял в целом направление, — медленно и внушительно проговорил Фергюссон, — я бы с ними не работал. Нету порядка на планете. А порядок нужен.

— Да, нужен. И я тоже уверен в направлении. Ладно, я больше дергаться не буду. Мое дело — футбольный проект. Мне это интересно, и я буду это делать.

— Не знаю, Ричард. А ты не преувеличиваешь возможности футбола? Команда андроидов — это, конечно, здорово. Но непонятно, что в конце концов из этого выйдет. А если нас разоблачат? Проект не отработан. Риск немалый — и ты должен это понимать, Ричард.

— Мы работаем над снижением рисков. Пока все идет неплохо. Но только в техническом плане... Меня другое гложет... Это ведь я вытащил Чивиккони, замкнул на него людей Челлза. Я прокладывал русло от букмекеров именно на себя! Мне нужны эти деньги для больших дел... И что сегодня я увидел? Что же я увидел, Фредерик? По голове мне дали топориком! С чего бы Моргентоу звонить Чивиккони? Кто такой для него медиатор Чивиккони? Вошь постельная! Эх... Везде двойная игра!.. Теперь я сам буду стоять с бидоном и выпрашивать ручеек... Твари! Подонки!

— Не расстраивайся, Ричард. Сделаешь эту работу, у тебя появятся новые возможности. Мы живем, Ричард. Главная магистраль, я считаю, верная. Наше дело вести мир к порядку. А кто во главе — Бог с ними. Мы оба с тобой из старой гвардии. Я поддержу тебя.

Барон молча сжал крепкую и сухую ладонь Фергюссона.

Они постояли еще некоторое время, следя за молчаливым бегом беспокойных волн. Порывы мягкого ветра, насыщенного влагой, оевали их волокнистой прохладой.

— Ты что-то давно не читал стихов своего любимого поэта, — сказал магистр, на которого вдруг накатило лирическое настроение. — Мне нравится, как ты его читаешь. У тебя голос, как будто из старинного радиоприемника.

Фергюссон усмехнулся.

— Да, Томас Стернз всегда со мной. У меня даже его фотография над кроватью с детства. Дружок на ней написал: «Идиоту, любящему Эллиота».

— Хороший у тебя был дружок, — засмеялся магистр.

Фергюссон прокашлялся и хрипловатым распевным голосом затянул:

Предназначение человека — в его собственной деревне,
В его собственном очаге и в стряпне его жены;
В сиденье на приступке в час заката,
Во взгляде на внуков и на соседских внуков,
Играющих друг с дружкой во дворе.
Весь в шрамах, но уже в безопасности, такой человек
Обладает воспоминаниями, воскресающими
в час беседы
(В прохладный час или в теплый — это зависит
от климата),
Воспоминаниями о чужаках, как они сражались
на чужбине,
Будучи чужаками друг для дружки.

Предназначение человека — это вовсе не
предопределение;
Каждая страна становится для одних отечеством,
А для других чужбиной. Там, где падешь смертью
храбрых,
Слившись воедино с предопределением, там ты свой.
Тамошняя деревня — твоя деревня.

Фергюссон умолк. Они постояли еще немного на палубе, молча слушая шелест волн и ветра.

— Вот именно, — заметил магистр. — Предназначение — не предопределение. Вот именно... Ладно, пойдем к остальным. Уже подают ужин.

Перед тем как уйти ко сну, магистр снова поднялся на палубу, сел в мягкое кресло. Он снова смотрел на чуть затуманившийся океан, вдыхал йодистый свежий воздух. Стоявшую на якоре яхту тихо покачивало. Магистр незаметно задремал. И едва погрузившись в дрему, он увидел футбольное поле, одна половина которого была погружена

в тень, а другая ярко высвечена и почти сверкала. На темной стороне появились игроки в белом, на светлой — в черном. Они почему-то выстроились в шахматном порядке. Арбитр вышел и поставил на центр огромный черно-белый мяч. Арбитр дул в свисток, но наружу выдавился звук теплохода, гулкий и протяжный. На поле все изменилось, и игроки теперь стояли, как шахматные фигуры, на клетках противоположного цвета, не шевелясь. Арбитр снова дунул в свисток, выдул звук, похожий на стон; поле тут же с хрустящим гранитным грохотом коряво и грузно развалилось на две половины, которые тут же обрушились вниз, унося игроков в сверкающую молниями бездну...

ГЛАВА 24

Сергей Падин стоял у могилы своего друга долго, не менее двадцати минут. В небе наступило прояснение, потеплело до +18. Потому он расстегнул свою кожаную куртку. Над ним величественно растягивалась зернистая голубоватая пустотность, медленно колыхались мягкие перистые облака. Там, наверху, уже концентрировалось тепло, насыщая все пространство светом и надеждой. Друг Падина Виктор был убит три года назад, в подъезде дома, где жила его любовница. Виктор при жизни был жестким человеком, который любил переть, как танк, во всех направлениях. В большом бизнесе так нельзя, но перевоспитывать Быка (такое у него было прозвище) было невозможно. Он долго ходил под пулей, пока она его реально не достала.

Каждый год в один и тот же день Падин проходил на эту могилу. Виктор был его другом еще со школы, и более близкого человека у него не было. Теперь друзей во все не осталось, при том, что врагов было хоть отбавляй.

Гул проходившей неподалеку автострады доносился сюда плотными давящими волнами, заглушая редкие вскрики невидимых птиц. Вдаль, насколько видел глаз, простирались хаотичные ряды крестов и памятников. Серые, едва оконтуренные лики глядели с отшлифованных

каменных плит, как будто проявляясь невесть откуда только теперь и только для Падина. Они будто бы ожидали от него то ли помощи, то ли сочувствия. Казалось, что отсутствие мимики на этих лицах связано лишь с медленным течением времени в этом месте и что если ускорить его потоки, то лики задвигались бы и на них проявилась бы мимика. Скривился бы углом губ лукавый старичок Ерофеич, что глядел с ближней плиты; улыбнулась бы слабой, растерянной улыбкой Наталья Сергеевна с памятника, что стоял чуть поодаль, у сосны... Это было странное сообщество, которое лишь обозначало существование кого-то реального; оно словно бы шифровало его, защищая от стороннего проникновения.

Поток одних и тех же мыслей неся в голове у Падина, словно зацикленный той трагической нотой, которая была заключена в фотографии Виктора на памятнике, в этой оградке, в которую теперь был сжат его некогда обширный мир; в нескольких цифрах, которые обозначили длительность прожитой Виктором земной жизни, но выглядели именно кодом, запечатавшим вход в пространство этой жизни.

«Ну что, Витек? Здорово!» — мысленно поздоровался он с другом.

Сергей любил вести с ним такой мысленный диалог. Его образ как бы возникал в районе памятника, и он обращался к нему, всякий раз ожидая реакции на свои слова.

«Ты видишь, я опять тут, — так он говорил ему. — Сильно тебя не хватает. Дурила ты дурила, говорил я тебе: чтобы выиграть, нельзя напролом. Не слушал! Теперь, я думаю, до тебя дошло. Только тела теперь у тебя нету, а без него, брат, тут ничего уже не совершишь. Зато я могу. Я буду стараться их переигрывать, Виктор, я буду это делать, хотя ребята играют опять не по правилам. Я извлек уроки, Витя. Ты был прав в одном: сидеть и наблюдать, как они делают откат назад, как сдают страну, нельзя. Это недостойно человека, а я себя пока еще уважаю. Раз мы попали в эту страну при рождении, значит, наше дело пытаться тут построить

что-то пристойное. А кому делать, Витя? Кому как не нам с тобой? Разве мы делали то, что они делают? Разве мы ли-зали жопу всякой америкосной швали? Разве ложились под них, как последние бляди? Я разберусь с ними, Витя. Пожа-лай мне, чтобы у меня получилось. Я завариваю серьезную кашу. Я иду ва-банк...»

Он присел, закурил электронную сигарету, что делал крайне редко. Легкий анисовый дымок медленно пополз вверх, к листьям разлапистой осины, что росла у могилы, а затем еще выше, сливаясь с синевой неба, поглощаясь все-ядной массой невидимого глазом газа.

На миг у него возникло ощущение своего бессилия перед властью времени, и это слегка подсекало, гасило его запал; но он отводил от себя это веяние слабости, поскольку знал, что и ему дана сила творить в этих пространствах нечто свое, проистекающее лишь из неумолимости его воли и силы желаний.

Он вспомнил юность. Екатеринбург, уральские леса, предгорья, озера. Отцовскую виллу, где прошло его детство, школу в закрытом городке. Вспомнил, как они с Витьком гонялись по окрестным дорожкам совсем пацанами на скутерах, которые тогда, в 90-е, могли купить только такие, как его отец — высокопоставленные чиновники мэрии, или руководители местного УВД (как отец Виктора), или быстро поднимавшиеся бизнесмены.

Они были неразлучны с Витей. В школе училось много заносчивых юношей, и они вместе ставили их на место. Они вместе играли в школьном рок-ансамбле. Первые подружки у них также появились одновременно. И дальше они пошли по жизни вместе: Сергей в бизнес, Виктор в спецслужбы. Потом, когда Падин поднялся, Виктор переродился в бизнесмена, стал его правой рукой. Виктор бы несдержан, горяч, недалновиден; он напропалую плодил врагов, был слишком самоуверен при контактах с подпольным криминалом. Кто-то в структурах МВД имел на него зуб, но нельзя было понять кто. Кому-то Витя крепок перешел дорогу, обломал проект. Сергей подозревал, что это структуры не-

когого Скрипача, что продвигал «Формулу-1» в Восточную Сибирь. Но концы найти было очень сложно.

Когда Сергей вышел из дебрей могильника на асфальт небольшой кладбищенской площадки, возле него тут же возникли двое рослых крепких парней. Вышколенная охрана никогда не приближалась к нему, когда он был на могиле, но зорко просматривала все подходы к месту. Увесистые стволы слегка пучили их пиджаки внизу сбоку, делая их неровными. Стволы дремали, готовые в мгновение проснуться, выплюнуть из себя стремительный огненный сполох, запускающий в полет сгусток разящего металла. Падин сел в ожидавшую его машину с водителем и поехал домой.

Весь вечер он сидел за столом и одну за другой просматривал стопки бумаг. Это были совершенно секретные данные, закрытая статистика, полутайные и тайные договоренности разных звеньев высшего властного эшелона, которые он получал по своим каналам.

У Падина была своя агентура в верхах — он создавал ее годами из старых знакомых, которые в разное время работали в КГБ, потом в ФСБ, ГРУ и имели доступ к документации. К ним теперь добавился и Юдин, который передал ему флешку с копиями документов высшего руководства. Таким образом, теперь он мог отслеживать те флюктуации в линиях активности властей разного уровня, которые имели место в те или иные отрезки времени. Эти данные позволяли ему составлять представление о реальной политике власти. А она все более и более отличалась от той виртуальной, которую эта власть транслировала через СМИ народным массам.

Гордин был верхней инстанцией, которая лишь производила решающее конкретное действие; само же оно набухало постепенно в глубинах того рыхлого и разноликого монстра, который принято называть властью. Словно капля на сосулке, она накапливалась на ее острие — и лишь потом капала. Переход количества в качество.

Он увидел, как, пользуясь неопытностью, а иногда и просто доверчивостью президента, за его спиной кучкуется компрадорская элита. Возникло сообщество крупных воротил бизнеса, которые на людях облизывали Гордина со всех сторон и тайком делали свое дело.

Просматривая все эти статистические сводки, копии крупных контрактов и договоров, информацию о закрытых масштабных сделках; сведения, касающиеся активности страны на международных валютных рынках; сведения о визитах в страну отдельных крупных персон со всего мира, о целях их переговоров, как и многое другое, Падин постепенно формировал картину деятельности гординской администрации. Он ясно видел следующее:

— западные ТНК резко активизировали свою деятельность и стремятся завладеть контрольными пакетами акций крупных нефтяных и газовых компаний России. Им явно в этом кто-то потворствует, причем на самом верху;

— влияние ФРС на политику Центробанка России, вопреки уверениям Минфина, усиливается. Доллар укрепляет свои позиции в стране, постепенно отвоевывая утраченные при Путине позиции;

— опять ничего не делается для тотальной информационной защиты. Ведь были поставлены фильтры на все мессенджеры и социальные сети, как у китайцев; сторонняя диверсионная работа была ослаблена. Теперь ворота опять открывают, прикрываясь болтовней о модернизации. Гордин же мышей тут не ловит.

— Власть опять начала игры с землей. Огромные территории подготовлены к продаже и, скорее всего, будут проданы крупным структурам Востока;

— вновь идет замещение российской продовольственной продукции на импортную, и масштаб этого процесса снова нарастает. При этом идут переговоры с крупнейшими производителями генно-модифицированных продуктов;

— резко ослабляется финансирование науки, что снова приведет к неизбежному оттоку лучших ученых и спецов на Запад;

— подозрительными выглядят приезды американских военных и спецов Евросоюза. Их допускают на полусекретные производства и даже закрытые полигоны. Зачем это делается? Уж не готовятся ли очередные предательские игры в сокращение вооружений, а на деле — реальное разоружение боеготовой армии;

— через Роснано вновь оживляют подготовку в чипизации детей на уровне детсадов и школ. То, что не удалось запустить при Путине, пытаются оживить теперь;

— Гордин затевает что-то существенное в Азии. Идут какие-то игры вокруг Сахалина и Курил, идут очень интенсивно. Уж не готовит ли он эти земли к продаже?

И так далее.

Падину становилось все более не по себе. Его доверие Гордину таяло неуклонно. Если в начале этого его первого срока он принял его назначение как положительный знак, видя в нем достойного преемника Владимира Путина, то теперь факты вынуждали видеть все под другим углом. Зачем он все это делает? И может ли он этого всего не делать?

Мог ли Гордин взять власть полностью в свои руки и начать действовать исключительно во благо своего народа? Казалось бы, мог, ведь в его руках набор силовых инструментов: не нравятся какой-то элитной группке твои действия — ставишь своего человека во главе МВД или ФСБ, тот дает приказ — и нету никакой группы, нету никакой элиты! В лагере далеком эта элита или на диком острове за ключей проволокой. Иосиф Виссарионович показал эффективность этого метода предельно ясно.

«Кто тебе мешает строить жизнь страны так, чтобы твой коренной народ жил по крайней мере в достатке и с перспективой? — размышлял Сергей Падин, и потоки эмоций захлестывали его. — Территория огромная, запасы всего колоссальные, экономическая платформа безразмерная. Что мешает тебе запустить крупные проекты, чтобы нормальный русский хозяин получил бы сразу четыре-пять гектаров земли в полную собственность? Что тебе мешает так

построить всю финансовую систему, чтобы он в придачу к земле получил еще и кредит хороший под низкий процент? Чтобы освоился, построил на этой земле ферму или производство какое, чтобы десяток детей наплодил, чтобы дети корни на этой земле пустили? Ну что тебе мешает, коли ты на самом вершине, если ты властитель? Почему у тебя в стране, где ты добываешь моря нефти, бензин дороже молока? Почему половина народу живет в бедности, как триста лет назад? Картошку с капустой на огородах выращивает и на этом выживает? Ведь ты же говоришь, что ты народный президент! Черт бы тебя побрал! Ну я понимаю, ты армию усиливаешь — это правильно. Но нельзя все делать за счет народа... Другого-то нет! Ну что же тебе мешает?»

Просматривая бумаги, Падин видел, что Гордина постепенно вяжут по рукам и ногам не вполне понятными для него обязательствами и что у него почва под ногами не такая уж твердая. Он постепенно влипал в ситуацию, в которую попал Гулливер в царстве лилипутов: тысячами нитей было опутано его тело, ноги и даже волосы. Таким образом, подняться и встать во весь рост становилось для него все проблематичнее.

Страну очень хитро интегрировали в мировую экономику, повязали финансовыми проводами, подцепили к неким закадровым конструктам, по которым проходил в эту систему ток. Как работали сами конструкты, точно знали, видимо, лишь их создатели. Те же, кто сидел тут, в этой стране, на входе, лишь реагировали на посылы извне. Ни один банк и ни одно предприятие не являлось вполне самостоятельным. Только мелкие, маленькие. По этим жилкам-проводам поступала туда-сюда энергия в виде денег, питая все это огромное чудовище — мохнатую экономику страны.

Это был гигант, который поворачивался туда-сюда, мерцал светодиодами и пытел. Проводки, по которым к нему, пульсируя, шли нити подпитки. Без проводков монстр бы просто рухнул. Те, кто сидел в верхней кабине, конечно же, нажимали на кнопки. Они управляли кровеносной систе-

мой монстра, его органами. Но они не могли повлиять существенно на те главные нити снабжения, через которые монстр запитывался, без которых он бы рухнул и умер. Те, кто сидели наверху, в кабинке, порой ухитрялись отрезать некоторые из проводков, сделать переключение. Один раз им удалось даже отрезать один очень гнусный провод и переключить его на другой контакт, который он сам и контролировал. Это была большая удача, но таких удач было немного.

Гордин был машинистом этого механизма. И все же он явно был способен реально что-то изменять и трансформировать внутри него. У него были для этого возможности, причем гораздо большие, нежели те, что имел Владимир Путин, придя к власти в стране в 1999 году. Но он-то как раз постепенно сумел перестроить значительную часть механизма, провел огромную работу по отстеживанию внешних присосок, вампиризировавших страну. Он фактически снял внешнее экономическое управление, ликвидировал зависимость власти от оккупантов извне, чем вызвал их чудовищную, непримиримую ненависть к себе. По идее, Путин мог бы, принудив парламент принять поправки к Конституции, править еще лет восемь, до старости. Но он не захотел; он заявил, уходя в 24-м, что у него есть достойный преемник и что он будет выполнять его работу еще успешнее. Как же так получилось, что преемник так быстро начал терять все наработанное своим шефом и наставником? Что произошло? Не мог Путин так ошибиться. Значит, произошло нечто, чего он не предполагал, что относится к области сакральной психологии, а возможно и оккультной сфере.

Падин ходил по комнате, курил, иногда наливал себе немножко коньяку. И снова ходил, думал. Он понимал, что процесс запущен, что он уже в игре и что он совершенно на самом деле не готов к тому, чтобы оказаться победителем. Ему надо было понять, существуют ли скрытые механизмы влияния на власть, на психику человека, который пришел на самый верх. «С этим надо разбираться. Иначе сам ста-

нешь жертвой. Игра только начинается, мистер Гордин, — поток лихорадочно-бравурных мыслей двигался в сознании Падина. — Мои намерения самые серьезные. Я свалю вас, мистер Гордин, поверьте мне. Вы что-то не туда рулите. У меня будут для этого инструменты...»

ГЛАВА 25

Тайная встреча с вице-президентом Федерации футбола Павлом Ануровым состоялась на нейтральной территории — в особняке их общего знакомого, бизнесмена Ираклия Тапатадзе. Это был верный человек, который за много лет ни разу не подставил Падина.

Ираклий, грузный, с блестящим от пота лицом, приветствовал Падина, едва за его джипом закрылись ворота.

— Сергей, дарагой! Рад тебя видеть, родной!

Они обнялись. Накрапывал мелкий дождик, и они двинулись внутрь.

— Как ты, брат? Как твои дела? Все хорошо? — гудел Ираклий.

— Нормально, нормально. Кофейку сразу сделай. Ануров скоро подъедет.

— Все сделано, дарагой! Запах аж сюда пробивает, чужь? Кофе — свежий. Привезли из Бразилло!

— Нормально!

— На песке делаем. Как положено. Садись, дарагой!

— Ираклий, на жучки все проверено?

Тапатадзе вдруг стал серьезным.

— Я пригласил спецов. Прозвонили все стены. Ничего не нашли.

— Да и не должно быть. Я пока для них не представляю опасности. Так, на всякий случай отслеживают. Ты не обижайся, но мне надо с ним наедине поговорить. Дело пойдет — я посвящу тебя.

— Да что, что ты, брат! О чем речь? Если я буду нужен тебе в твоих делах, ночью подними меня, из морга меня подними — я приеду!

— Ну что ты сразу про морг. Надо жить, дружище, и дела делать. Я новое дело затеваю. Если все пойдет, как надо, ты мне будешь очень нужен. Тут нужны люди, которые язык за зубами умеют держать.

— Ты меня знаешь, брат. Разве я болтал лишнее?

— Никогда. Потому тебе и доверяю.

Вошел человек из охраны и сказал:

— Сергей Валерьевич, Ануров приехал.

Вскоре Ануров, Падин и брат Ираклия Тапатадзе Нугзар уже сидели вдвоем в гостиной на втором этаже особняка и прихлебывали из чашечек кофе.

Деловая часть разговора свелась к обсуждению игры новой команды с «Рубином» и выработкой дальнейшей стратегии. Падин первым делом обнадежил партнеров:

— Мужики, в общем, ситуация развивается как надо. Самое главное — я не ошибся в тренере. Прошло пять месяцев с начала его работы. Команда уже есть. Причем не одна, а две.

— Как две? — не понял Ануров. — 44 человека?

— Зачем 44? 22. Плюс запасные. Просто он формирует как бы два ансамбля. Один основной, а второй как бы запасной. Но по классу они отличаются незначительно. Игроки второго состава могут подменять игроков первого. Та команда, что играла с Казанью, была смешанной.

Настроение собравшихся в доме Ираклия Тапатадзе мужчин было явно приподнятым.

— Надо выпить по такому поводу, друзья! — заявил Ираклий, доставая бутылку «Киндзмараули». — Надо выпить! Рождается не просто хорошая команда. Это будет команда-звезда!

Ануров был более сдержан:

— Класс на уровне премьер-лиги уже есть. Это очень хорошо. Есть три игрока мирового класса, это хорошо. Но говорить, что эта команда сильнее сборной, пока рано. Я думаю, они сыграли бы вничью.

Падин кивнул головой:

— Павел, команда собрана не из мастеров. Это были футболисты заштатных каких-то любительских команд. То, что из них сделал за четыре месяца Маранов, поразительно. А что сделает через полгода, можно только представить. Я считаю, что он выдающийся тренер. И я уверен, что вы скоро в этом сами убедитесь.

— Я уже могу сказать, что это тренер самый экстра-класс! — сказал Нугзар. — Ты сделал хороший выбор, Сергей! Почему его никто не знает?

— О, это отдельная тема. Почему у нас везде шустрая серость в дамках, а таланты в заднице. Это чисто российская тема.

Далее началось обсуждение моментов, связанных с возможностью стыкового матча, необходимого Падину.

— Пока ситуация развивается так, как нам надо. Официальная сборная после ничьей в Греции зависла. Она может не пройти в финальную пульку. В федерации еще не паника, но все очень в большом напряжении. Если хорваты сыграют с Германией вничью, они сравняются с нами по очкам. А если выиграют, то обойдут нас.

— И что тогда?

— Тогда нам надо непременно обыгрывать хорватов в гостях, — сказал Ануров. — А это очень сложно. В сборной, между нами говоря, начался раздрай. Европейцы... ну, наши, кто в Евролиге играет, недовольны тренером. Обвиняют его в неправильном подборе состава, в том, что не ставит лучших игроков. Тренер заявляет, что ему надо сделать сыгранную команду. В таком состоянии обыграть хорватов в гостях очень трудно.

— И что тогда? Что, если не обыграют? Что, если ничья?

— Если ничья, то надо обыгрывать Германию. В гостях! А их и дома обыграть трудно. Балок сделал сильную команду. Очень хорошую, сыгранную.

Ираклий Тапатадзе присвистнул:

— Плохо может быть дело! До нашей команды дело может не дойти!

— Такая опасность есть, — нахмутив брови, отвечал Ануров. — Но варианты есть тоже. Маранов должен через полгода выйти на твердый мировой уровень. Тогда мы можем заявить о существовании нашей тайной команды. И попросить сыграть стыковой матч в присутствии руководителей Футбольного Союза и федерации. И кого-то с самого верха. В случае удачи можно будет ставить вопрос о повторном стыковом матче в присутствии президента.

Падин нервно барабанил пальцами по журнальному столику.

— Самое грустное в том, что от нас тут мало чего зависит. Дело может обернуться таким образом, что сборная просто потеряет шансы выйти в финал. И тогда все...

— Сергей, но все равно есть плюс: мы получим хорошую команду, — постарался успокоить его Ираклий. — В 32-м на Европе выступим. Тогда выиграем с гарантией. Тогда расставить все фишки время будет.

— Тогда мне будет это все уже не нужно, — сказал Падин.

В гостиной зависло молчание. Никому не был выгоден такой вариант.

— Сергей, есть варианты, при которых карты могут лечь, как нам надо, — заметил Ануров. — Давай подождем. Осталось немного. С Хорватией играем в июле. Если ничья, у нас с ними равные очки. Тогда надо считать голы. С Германией тогда достаточно ничьей, что реально.

— А что по голам?

— Неясно. Пока равенство по забитым и по разнице. Хорваты в июне играют с Грецией. Тогда уже кое-что прояснится.

— Друзья мои, вы мне объясните, пожалуйста, какие мои действия, — спросил Нугзар. — Какая у меня роль при раскладѣ одном и при раскладѣ другом? Вот если все у нас пройдет по маслу. Стиковый матч, главный сборный абигралы. Что тагда?

— Тогда? Тогда, Нугзар, ты становишься почти великим человеком, — заговорил Падин. — Только об этом никто не будет знать.

— Почему нэ будет?

— Потому что президент постарается использовать ситуацию к своей пользе. Заявит, что хорошая команда подготовлена по его указанию.

— Понятно, — сказал Ираклий. — Но тогда ты, Сергей, как ситуацию эту развернешь? Если мы на чемпионат попадем и сыграет команда хорошо, то президент в дамках и останется.

— Не останется. Я тогда выйду из тени. Мы выпустим фильм, посвященный подготовке этой команды. Он выйдет в эфир в прайм-тайм. Мы ведь снимаем всю работу команды. После фильма — интервью со мной. Интервью главного тренера, игроков. Гордин окажется... сами понимаете где.

— Вот это харашо! Очэн харашо, — согласился Нугзар. — А если нэ попадаем на чемпионат? Тогда и проблем нет, да?

— Разумеется. Растворяем ситуацию, и все. Команду выводим на чемпионат, и получается нормальный бизнес. Если будут осложнения, рассеиваем игроков. Но, чувствую, это худший вариант. Там люди подобрались... исключительно одаренные.

— Не надо рассеивать такую команду!- воскликнул Ираклий.- Команда будет хорошая! Пусть будет новая команда! Кубки возьмем!

Падин кивнул.

— В случае стыкового матча работаешь от себя, Нугзар. — сказал он. — Мол, команда твоя, идея твоя. Хорошего тренера нашел. Главное, отвести от меня все подозрения. Чтобы и намека на мое участие в этом проекте не было.

— Само собой, Сэргей! — отвечал Нугзар. — Но, Сергей... Нэ сочти за наглый разговор. Нэльзя ли грузина

включить в эту команду, а? Сколько талантливых игроков в Грузии, ты нэ представляэш!

Сергей Падин улыбнулся

— И ты не сочти за предвзятость, дорогой Нугзар... Я очень уважаю грузин. И знаю, что они прекрасные футболисты. Мне отец рассказывал, как играли Давид Кипиани, Манучар Мачаидзе. Я был тогда ребенком. Славу Метревели я не застал, так как тогда еще не родился... Но мы не можем взять никого с Кавказа... Идея в том, чтобы русскому народу, именно славянам, дать посыл, импульс поддержки. Поддержки народного духа... Помочь поверить в себя... Понимаешь, Нугзар? Не сочти за неуважение...

— Понимаю тебя, Сэргей. Мы понимаем... Раз такая идея, то правильно... Но жаль, очень жаль...

— Пойми, в России сложное отношение к кавказцам вообще, его переносят и на грузин... Политика миграционная была идиотская. Ельцин накуролесил... А на грузин еще тень Сталина падает... И Бери...

— Знаем, знаем, -согласился Иракий. -Иосиф Джугашвили великую страну выстроил... Но помнят только плохое..

— Никто не говорит, что не было хорошего... Великий был человек, нельзя отрицать... Но русские не простят его никогда. Он становой хребет народа сломал, самую сильную часть его уничтожил. Под корень вырубил... Нельзя было так, такими средствами. Потому народ уже давно другой...

Оба Тапатадзе, нахмурились, но закивали головами, делая вид, что, мол, понимают справедливость сказанного...

— Но я вот что скажу, дорогие грузины,- продолжил с едва заметной улыбкой Сергей Падин.-Если бы все сложилось... Ну, наилучшим образом... И после успешного выступления команда бы сохранилась... Я бы туда ввел грузин... С радостью!

— Вот это разговор!-хлопнул ладонь о ладонь Нугзар.-Дагаварились, дарагой!

ГЛАВА 26

Большой зал досугового центра был стильно оформлен; приехал популярный в Москве ведущий, а также известный диджей Марик. Ростислав Пиоро тщательно продумал сценарий вечера и руководил всем процессом.

Девушки подъехали на трех микроавтобусах к 18.00. В этот момент игроки находились в своих номерах и видеть их не могли. Девушек сотрудники охраны провели в досуговый центр, где они и расположились, наполнив зал смехом, визгом и возбужденным гомоном. Диджей запустил динамичную модную музыку.

Молодой и красивый ведущий по имени Вадим начал громко и торжественно вещать со сцены:

— Девушки! Вам сейчас предстоит увидеть воочию таких мужчин, каких вы еще не видели! Возможно, сегодня вы встретите свою судьбу, своего возлюбленного, мужчину своего сердца. Итак, приготовьтесь. Выстройтесь в одну линию вот с этой стороны, справа от меня. Слева встанут мужчины.

Девушки, толкаясь и наступая друг дружке на ноги, вскоре все же выстроились в нестройную линию. Их было ровно тридцать. Пиоро и Берестов остановились именно на таком количестве, чтобы у парней все же был некий запас в выборе.

Больше женщин просто не было. Сколько ни старались Вероника и Лаура, найти свободных, внешне привлекательных и при этом русскоговорящих женщин, им сделать это не удалось. То, что среди славянок были две темнокожие и одна креолка, связано было именно с дефицитом белых тантристок. Берестову, конечно же, хотелось, чтобы в группе были одни славянки, но так не получилось. Никакие интернет-поиски нужного числа подходящих женщин так и не обнаружили.

Приглашенная съемочная группа тут же начала съемки. Блестящему объективу камеры, в которую вперился глаз оператора, открылось неповторимое зрелище. Это были тридцать мало похожих друг на друга, но при том исключительно интересных, по-своему привлекательных женщин. Они не выстроились по росту, и поэтому в этой шеренге выделялись три высоченных, свыше 183 см ростом, молодых женщины. Мощная блондинка с большой грудью Лидия; стройная, худенькая, с длинными ногами и небольшой

грудью жгучая брюнетка Элеонора; откровенно красивая, ладно сложенная, холеная шатенка Валерия. Было и несколько маленьких, упитанных девушек — энергичных, голосистых, зорких, хватких; было несколько полнотелых и при этом гармонично сложенных. Большую часть составляли молодые женщины среднего и средневысокого роста, от 164 до 174, славянской внешности, разного типажа. Все они переглядывались, осматривались, замечая малейшие детали интерьера, поведения присутствовавших людей. Они осваивались с обстановкой, готовясь увидеть своих мачо.

Наконец, ведущий громко прокричал в микрофон.

— Итак, наступил главный момент! Девушки, встречайте своих героев!

В зал по одному стали входить футболисты. Они были одеты отнюдь не в цивильные костюмы, а все по-разному, в соответствии с индивидуальным пониманием стиля и моды. На некоторых были модные пиджаки и джинсы; большинство предпочли выйти просто в рубашках и брюках. Ведущий попросил их выстроиться напротив девушек, что они и сделали, организованно и быстро. Сразу было видно, что это дисциплинированные и организованные парни, привыкшие выполнять конкретные указания. Их было ровно 25.

На некоторое время и женщины, и мужчины перестали воспринимать все, что торжественно вещал в микрофон ведущий, и вообще что-либо. Они начали просто пожирать друг друга глазами. И те, и другие хаотично елозили взглядами, перебрасывая их с одного объекта на другой, удивляясь, изумляясь, оценивая, прикидывая, представляя ту или иную сцену с участием того или иного персонажа. Наиболее активные вступили, находясь в шеренгах, в обмен репликами.

— Девушка, какой у вас сногшибательный бюст! — кричал полногрудой блондинке молодой и темпераментный Максим Бухаров. — Я бы вам отдался без крика!

— А остальным ты отдаешься с криком, да? — хохоча, отвечала блондинка.

— А мне ты не хочешь отдаться, мальчик? — кричала Бухарову брюнетка лет 35. — Я не против!

— Я обдумаю ваше предложение. Еще не вечер! — не замедлил с ответом тот.

Гремина тут же начали дразнить девушки небольшого роста:

— Эй, Геркулес! Мы тебя боимся! Ты от нас мокрое место оставишь!

— Не бойтесь, малышки! Я вас буду нанизывать, как на шампур, крошки!

Девушки зашлись от хохота: им понравилась его реплика.

— Как бы твой шампур не обуглился! От нашего огня!

— Эй вы, заткнитесь! — изображая гнев, заорала на них самая высокая из женщин, Лидия. — Это мой мужчина! Только суньтесь! Бошки откручу, ноги повыдергаю!

Гремин с интересом посмотрел на Лидию.

— Не-э, подруга, не уверен я... Мы с тобой друг друга изувечим! У меня такая была... твоего сайза. Плохо дело кончилось!

— Не спеши с выводами, Никита! — впивлялась в него глазами Лидия, рассмотрев имя Гремина на бейджике. — Ничто на свете не повторяется дважды! Я очень даже миролюбивая!

— Вам нельзя! Вам никак нельзя! — верещала малышка Анжелика. — У вас дети будут трехметровые! У них будет несчастная судьба!

Большая часть женщин, безусловно, была впечатлена внешностью Игоря Пересветова. Наиболее красивые открыто и молча рассматривали его, словно что-то прикидывая. Они явно не ожидали увидеть среди футболистов столь красивого мужчину.

— Ну что, красавчик? — обратилась, наконец, к Игорю яркая шатенка Алина. — Я с тобой танцую первой?

Пересветов, улыбаясь, отвечал:

— Заметано!

Тогда еще две других начали шутливо переговариваться с ним:

— Красавчик, а если нас будет несколько? Потянешь?

— Я привык работать на максимальных оборотах, — рассмеялся им в ответ Игорь.

Реплики тонули в общем шуме, который составлялся из наслоений музыки, слов ведущего, общего гомона. Затем ведущий обозначил, что следует теперь делать.

— Внимание, юноши, девушки! Тонкий и важный момент, от которого многое зависит! Только слушайте внимательно, чтобы не возникло недопонимания! Шеренги должны теперь сблизиться, и двинуться относительно друг друга, начиная с головы! Каждый должен будет подойти к каждой, обняться так, по дружески, на момент, на миг, и представиться. И этот миг может многое решить! Попробуйте почувствовать друг друга, уловить, насколько интересен вам данный человек, насколько он симпатичен вам; запомните свое впечатление! Гораздо позднее, после совместного концерта, вы сможете снова встретиться, и общаться уже более основательно! Итак, начали!

Две вереницы людей двинулись относительно друг друга. Женщины останавливались напротив мужчин; каждая прижималась на миг, называла имя (хотя оно было видно на бейджике). В этот момент, по замыслу Пиоро, должен был возникать тот флюид, который затем мог вырасти в отношения. Это был моментальный обмен энергией, быстрый, емкий, острый; каждый уносил в себе впечатление от каждого. Утонченные, набравшие опыт на семинарах женщины тут же улавливали, который из мужчин совпадает с ними по каким-то внешне не заметным, но тонко осязаемым параметрам.

Некоторые наиболее раскомплексованные, активные девушки смеялись во время объятий, шутили; некоторые из парней игриво их пощипывали за разные места, вызывая визг и шутивное возмущение. Некоторые задерживались в объятиях тех, кто был им симпатичен.

Труднее всего пришлось самой красивой, умной и стройной шатенке по имени Оксана. Рассматривая ее вблизи, парни словно теряли дар речи, а некоторые старались за-

держат ее; однако она быстро отстранялась, и переходила к следующему. Наблюдательный человек все же отметил бы, что когда она подошла к Пересветову, то задержалась возле него несколько дольше, чем возле других. Также можно было заметить, что они не сказали друг другу ни слова, а просто смотрели некоторое время молча глаза в глаза.

После такого знакомства все расселись за столики в произвольном порядке, но мужчины отдельно, женщины отдельно.

Начался концерт. Он был построен таким образом, чтобы женские номера чередовались с мужскими. У парней и девушек пред глазами была программа. Ведущий работал активно: шумел, шутил, искрил островами, метался между столиками, говорил массу глупостей, но в целом поддерживал нужный тонус.

Когда приближался чей-то черед выступать, артист шел за кулисы и готовился. В целом все проходило живо, бурно, ярко, шумно. Пересветов покорила женщин окончательно, спев под гитару романс своим бархатным баритоном. Футболисты бурно аплодировали женскому танцевальному ансамблю, который минут пять выплясывал перед ними в откровенных нарядах быстрый, ритмичный танец. Невозмутимый Гремин и быстрый, подвижный Шерстобитов смешно обыграли разницу в размерах и темпераменте. Гремин играл туповатого неповоротливого снежного человека, а Шерстобитов — папарацци.

Рок-группу долго не отпускали: Эдик Багрянов оказался очень хорош как солист. Девушки, взявшие на себя роль певиц, одна за другой смело выходили на сцену, пели под фонограмму, как умели; двигались максимально соблазнительно, демонстрируя свои ножки, фигуры и наряды. Только одна из них имела поставленный голос и хороший слух. Остальные пели не очень, но это никого не напрягло — всем аплодировали шумно и весело, многим кричали «браво».

Почти все из парней быстро определились. Они уверенно направлялись к понравившимся им женщинам, и те уходили

ли с ними танцевать. Некоторые нюансы, однако, проявились сразу. Оксана отказала сразу трем претендентам, и те осторожно отошли в сторону. Только когда к ней подошел Игорь Пересветов, она, не глядя на него, встала, уверенно взяла его за руку и повела на танцпол. Несколько девушек разочарованно посмотрели им вслед, перешептываясь. Они надеялись на другую развязку, предполагая, что Пересветов уйдет с двумя или тремя. Но он оказался однолюбом.

Удивил всех и выбор Гремина. Он пригласил скромную, серьезную, не слишком эффектную девушку по имени Татьяна, которая вела себя довольно робко. Однако, когда она поднялась, не выказав удивления, стало понятно, что она словно знала, что Гремин пригласит именно ее. Ростом она была выше среднего, одета в темно-синее изящное платье; на каблуках она почти доставала до плеча Гремина, и смотрелись они неплохо.

Особо веселая женская суэта возникла вокруг Станишевского, Бухарова и Приданцева. Эти шутливые и умные парни оказались заядлыми бабниками. Они завертели вокруг себя целый хорювод женщин, переходя от одной к другой, сбивая их с толку. Бухаров вообще скоро исчез вместе с одной активной брюнеткой. Через некоторое время Станишевский исчез сразу с двумя женщинами. Они возвратились только через час, когда вечер уже начал терять накал; причем в странно-игривом, утомленно-расслабленном состоянии, которое могло возникнуть только после активного секса.

Вероника и Андрей весь вечер сидели за одним столиком, рядом. Вероника внешне была спокойной, однако Андрей очень остро ощущал ее взвинченное состояние, сдавленное напряжение. Она избегала встречаться с ним взглядом, что не предвещало ничего хорошего. Она смеялась, аплодировала, но Маранов видел, что она отчего-то не вполне искренна, как бы играет роль. По поводу прошлого инцидента с тетрадкой никто из них даже не заговаривал, словно опасаясь чего-то. Он с тревогой ждал момента, когда они окажутся наедине.

Когда же это произошло и они вышли на улицу, их обступило, словно кокон, тягучее молчание. С крыш капало, так как прошел легкий летний дождик; было свежо; приятно потягивало откуда-то дымком, пахло прелыми листьями, застоявшейся водой. Откуда-то издали раздавался равномерный лай какого-то очумелого одинокого пса.

Они прошлись по аллеям парка, погрузившись в мягкий июньский полумрак. Однако тишины тут никакой не было. В разных местах на аллеях они видели смутные фигуры, которые то появлялись, то исчезали; с разных сторон доносились то смех, то тихие голоса. Подойдя к месту, где пересекались две аллеи, они заметили за оголенными кустами двух целующихся людей. Зоркий Маранов сразу определил:

— Это Денис Раскатов. Нападающий.

Таким образом, молчание было прервано. Она подхватила эту нить:

— Первый состав?

— Да... Очень тонкий парень, неистовый. Упорно идет к целям, которые ставит. Они моя надежда, эта троица. Скоро в мире не будет такой защиты, которую они бы не проббили.

— А еще двое — это кто?

— Игорь и Паша. Пересветов и Диденко. Ага... А вон Кармадонов... Блондиночку отхватил...

— Он кто?

— Он у меня на особом счету. Ясновидец. Запас первой команды.

— Кармадонов... Ущелье есть такое. В горах. Там когда-то погибла киногруппа.

Они побродили еще немного по аллеям, слыша эти приглушенные тайные голоса, шорохи, всхлипы, на которые накладывался писк многочисленных активных птах. Но парк был невелик, все аллеи были исхожены. Надо было определяться, что же делать. Она прекрасно понимала, что он ничего не спросит. Тогда она спросила сама:

— Ты хочешь, чтобы я пошла к тебе в номер?

Они, наконец, поглядели в глаза друг другу. Много интересного вскрыл этот перегляд! Андрей увидел в ее взгляде смесь всего со всем: тревогу и желание, страх, ожидание, нетерпение, физическое влечение и еще что-то.

— Конечно, я хотел бы этого, — ответил он. — Нам надо бы поговорить. В тот раз произошло что-то совершенно... непонятное. Я думал, думал и ни черта не понял. Что ты увидела в этой картине? Просто квест какой-то...

Она улыбнулась:

— Так мы идем или нет? Там, возможно, что-то и прояснится.

В номере все повторилось в той же последовательности, что и в предыдущий раз, словно это была та же сцена одного спектакля. Она снова пошла к картине, а он пошел на кухню готовить кофе. Но вдруг она позвала его в комнату.

Когда он, опасливо озираясь, вошел, она стояла спиной к той же картине с какой-то тетрадкой в руках.

— Андрей, — немного торжественно произнесла она. — Ты не мог бы снова достать ту тетрадь. С зарисовками...

Он с тревогой посмотрел на нее:

— Что ты задумала опять? Я теперь просто боюсь ее доставать .

— А ты не бойся.

Она смотрела на него, улыбаясь, спокойная, чуть торжественная.

Он молча повиновался.

Она взяла его тетрадь, положила на столик, что стоял под картиной. Затем положила рядом свою тетрадь, закрыв ему обзор. Когда она отошла, обе тетради были раскрыты.

Она странным взглядом посмотрела на него, сказала:

— А теперь смотри...

И быстро вышла, явно взволнованная.

Андрей с опаской стал рассматривать ее тетрадь. Там были рисунки и текст, написанный немного детским, правильным, явно женским почерком.

Надписи все были похожие:

«Видение от 12 февраля 2014-го... Видение от 17 июля, 4 утра... Очень страшно!!! Опять он! Я прыгнула!»

Он стал всматриваться в рисунки, не понимая ничего. В голове крутилось: «квест... квест...» Но вдруг он понял! И тогда реально ощутимая дрожь пронзила его с головы до пят!

На одной из картинок неумелой рукой был изображен вельможа в темно-синем облачении с красной накидкой. Только он был развернут лицом, а не как в его рисунках, со спины. А позади него еще один, помоложе, вроде бы, испуганный. Это значило, *что их видел некто со стороны того ложа, что у него выглядывало из-за спины вельможи!* На другом рисунке было заметно, помимо тех же двоих, зарисованных сбоку, еще и стрельчатое окно, и справа надпись «sakramento»...

Он понял тогда все... «Это все прошлая жизнь... Вот почему Михаил Георгиевич... Вот в чем дело»...

Он почувствовал, что она вошла и стоит сзади. Он даже боялся поглядеть на нее. Он почувствовал, что у него почему-то словно что набухает вод веками, глаза пощипывает. Вдруг слезы потекли у него из глаз... Это было необъяснимо.

Она зашла впереди и словно чувствовала, что смотреть на него не надо. Она просто обняла его.

Так они стояли некоторое время, пока он не успокоился. Он как-то боком ушел на кухню. Но потом вернулся и, наконец, посмотрел ей в глаза. Она глядела на него лучистым, ослепительно-ярким взглядом, немного торжественно.

— Это... это очень странно, — проговорил он. — Никогда не было таких ощущений.

— Расскажи. Сравним...

— Понимаешь... Я вдруг увидел всю эту цепочку. Как я умирал и рождался. Умирал, и снова рождался... Это невымыслимо!

— Но это так и есть! Да. Мы тогда умерли, и теперь снова встретились. Спустя лет двести пятьдесят... Я тогда умерла первой.

— Но Михаил Георгиевич! Как он это увидел? Как?! Кто он вообще? Ведь он тогда спросил про мои сны! Ты бы видела, как он заволновался, когда я рассказал про парашютистку!

— А я тебе больше скажу...

Он снова напрягся, ожидая услышать нечто ужасное.

— Он ведь меня и в этой жизни спас... Спас мне жизнь.

Андрей удивился:

— Каким образом? Вы же недавно познакомились.

— Я реально падала. У меня парашют не раскрылся. На высоте 1200... Я должна была погибнуть.

Андрей, не отрываясь, смотрел ей в глаза.

— И что? А он где был? В самолете?

— В каком самолете, Андрей? Ты что, не понимаешь?

Он отрицательно покачал головой.

— В каком самолете? Он откуда-то взялся, и меня опустил на землю. Прямо перед ударом.

— Что ты такое говоришь? Как это взялся? Где?

Она улыбнулась:

— А это ты у него спроси... Мне он сказал, что он просто спал и видел сон...

— Что? Сон?!?

У него на лбу выступил даже пот. Он вытер его со лба. Он вдруг почувствовал, что страшно устал. Она словно прочитала его мысли:

— У тебя трудный был день. Давай, проводи меня. Там такси.

— Ну вот... Опять у нас ничего не складывается.

Она продолжила улыбаться:

— У нас все идет нормально. Все сложится. Ведь в этой жизни мы только встретились.

ГЛАВА 27

Общее совещание магистров лож, генетиков и IT-специалистов проходило непривычно бурно. И возникло напряжение после заявления ведущего IT-систематика доктора

Джарвиса. Он обнаружил несколько попыток взлома системы управления андроидами со стороны неизвестных хакеров.

— Система оказалась более уязвимой, чем мы предполагали. Первая попытка взлома системы была неуспешной, защита сработала; однако они все же нащупали слабые места. Следующая попытка привела к запуску в систему вируса. Три наших андроида-разведчика, работавших в Индонезии, Перу и Ботсване, выведены из строя. Полностью. Один в это время находился на работе в офисе, другой — на улице, третий — на встрече. Возникло перекрестное замыкание систем, сбой по нескольким режимам — двигательному, речевому, контроль психики. Один повел себя агрессивно и находится в тюрьме Ботсваны. Два других — схвачены полицией, находятся в психиатрических клиниках в Малайзии и Перу. Их изучают. Не исключено, что перуанцы подключат специалистов из России — у них есть договор. Надо что-то предпринимать нашим спецслужбам.

Последним в повестке дня стоял вопрос о мерах по продвижению команды андроидов на чемпионат мира по футболу. Отвечавший за этот вопрос специалист коротко доложил ситуацию.

— На данный момент, когда до чемпионата остался год, ситуация развивается в нужном для нас русле. Игроки зарегистрированы в различных клубах Америки и двух латиноамериканских — в Парагвае и Венесуэле. Пока утечка информации маловероятна. Для прохождения команды на чемпионат условия, в целом, неплохие. Но есть проблемы. Наибольшую сложность представляют из себя две службы: допинг-контроль и Служба медицинского освидетельствования. Все остальные бумажные процедуры мы проходим без заминок — на всех уровнях есть работающие на нас люди. Первое лицо федерации, немец Райнер Хорст, также находится под нашим контролем. Он знает, что у нас на него имеется обширное досье, и в случае неподчинения будет возбуждено уголовное дело. Тогда он сядет минимум на двадцать лет. Такие же досье имеются еще на пятерых

членов совета федерации, и трое них об этом знают. Они совершенно точно будут молчать и помогать нам.

Далее подключился еще один спец и за закрытых структур Братства, который даже на заседании не снимал темные очки:

— В систему компьютерного обслуживания внедрены два наших специалиста. Они многое могут сделать. Сфальсифицировать данные им будет несложно. В крайнем случае — уничтожить невыгодные для нас данные, добиться повторных тестов.

А вот медики под контролем не все. В системе контроля важные посты занимают китаец, японец и русский. Нам все о них известно... У нас есть все их переговоры. Китаец — большой любитель порнографии, постоянно мастурбирует перед монитором. У нас имеется видео. Русский пока осторожен, не дал ни одного повода. Относительно японца пока ясности нет. Мы пытаемся вовлечь его в некий бизнес, где могли бы появиться компрометирующие его материалы. Судя по всему, он поддастся, так как у него есть проблемы. Мы банкротим его семью в Хоккайдо, отбираем дом; его домашний счет заблокирован. Его дети заражены вирусом, который можем излечить только мы. Если японец втянется в нужный нам процесс, дорога на чемпионат окажется чистой.

— Предусмотрены ли какие-либо меры на случай, если кто-то из андроидов будет, так сказать, разоблачен? — спросил магистр Фергюссон. — Я имею в виду в ходе чемпионата...

— Мы будем внимательно наблюдать, кто какие делает заявления, — последовал ответ. — Наш PR-центр — это двести сотрудников, сильных профессионалов. Они будут тут же дезавуировать всю вредную для нас информацию как во время чемпионата, так и после него. Кроме того, как вы знаете, мы располагаем средствами дистанционного воздействия. Если человек будет слишком упорен в отстаивании своей точки зрения, к нему будут применены специальные средства. Может быть нарушена работа его сознания, или мы его просто ликвидируем.

— А если, несмотря на принятые меры, произойдет сбой? Наша команда будет проигрывать? Что тогда?

— Мы рассматриваем такой вариант. Сильные команды у Германии, Франции, Бразилии. С кем-то из них придется играть непременно. Но у нас необычные игроки. Они необыкновенно выносливы. Он просто изматывают соперника темпом. Во-вторых, они одним движением могут выбить из строя любого игрока. Одно касание — перелом. И ничего незаметно. Наш игрок получит желтую карточку, и все. В судейском корпусе у нас также есть люди, и мы именно их будем ставить судить наши матчи. Но на самый крайний, непредвиденный случай мы предусмотрели радикальные меры...

Неназванный агент сделал паузу и немного тожественно оглядел присутствующих. Все с интересом слушали его.

— На стадионах, на каждом нашем матче, будут присутствовать наши специалисты. У них в руках будут торсионные генераторы нового типа. В случае развития событий в неблагоприятном для нас направлении они включают эти устройства. Генераторы закроют полностью все пространство трибун, воздействие будет сильнейшим. Тогда толпы болельщиков перейдут в стадию агрессивного возбуждения. На стадионе начнется массовая драка, и никакая полиция не сможет ничего поделать. Матч будет сорван. И будет назначена переигровка. Там уж мы найдем способы повернуть все, как нам нужно.

ГЛАВА 28

Подъем был тягуч и мучителен. Сердце надсадно побаливало, как перегруженный тягач, тянущий на подъем тяжеленный экскаватор. Сергей Падин пытался вспомнить, было ли ему еще когда-нибудь так трудно, так тяжело. На высоте 3400 метров у него появилось ощущение, что подниматься дальше он уже не может. Но тогда снизу к нему тут же приблизился Берестов.

— Ну что, тянете? Как состояние?

— Мне кажется, я сейчас умру, — только и мог ответить Падин, задыхаясь.

— Вы не умрете, — отвечал невозмутимо Берестов. — И не думайте об этом. И мысли такие не допускайте! Вы спокойно пройдете еще с километр. Этот кризис пройдет. Вам станет легче. Через полчаса будет привал, и вы отдохнете. Вы поймите: чтобы избавиться от дряни, что проникла в вас, нужны серьезные усилия. Но это единственный вариант избавления от нее. Все остальные — это просто оттягивание срока ухода. Идите, Сергей. Я принял ответственность за вас. Ничего не бойтесь.

Падин посмотрел вниз. Там, слева от тысячелетней каменной гималайской тропы, по которой они поднимались, далеко-далеко внизу, поблескивая, бежала узенькая быстрая речка; рядом с ними мимо быстро двигались мутно-серые влажные клубы тумана. Это был именно тот туман, который внизу называли облаками; здесь он был лишь частью пейзажа. Настоящие облака расплзлись по пространству неба много выше, там, где мощно и тяжело вздымались колоссальные массивы вывороченной и окаменевшей земной массы, называвшейся горами. Эти сероватые, подобные вате облака медленно двигались. Иногда в их разрывах вдруг появлялось что-то странное, ярко-белое. Приглядевшись, можно было понять, что это макушка высоченной, бесконечно удаленной горной вершины.

Сергей сконцентрировался на своей воле, резко крикнул и пошел дальше. Навстречу по тропе спускались маленькие смуглокожие люди, на спинах которых укреплены были тюки, корзины или же разнообразные емкости. Юркие и неутомимые шерпы тащили на себе тяжеленные грузы, при этом весело переговаривались и даже смеялись. Среди них были даже подростки, почти дети — и они тоже шли с корзинами. Периодически на тропе появлялись то группы японцев с лыжными палками в руках, то разномастные европейцы. Они медленно перемещались по неровной тропе, сформированной из крупных булыжников тысячи лет назад и отшлифованной миллионами ног. Было

около двух часов дня, и солнце стояло высоко над вершинами. В этот февральский день температура воздуха в горах поднималась до пятнадцати градусов тепла; было ни жарко, ни холодно.

Они шли уже третьи сутки, с перерывами на еду и ночлег. Накануне вечером у Падина сильно болел правый бок, но когда он сказал об этом Берестову, тот как-то внутренне просиял; Сергей понял, что все идет как надо. На привалах Берестов давал ему выпить по полчашки двух каких-то странных горьковатых настоев, пахнувших то ли мухоморами, то ли клопами, то ли еще какой-то дрянью; но на вкус они были не так уж и неприятны. На ночь же Берестов давал ему выпить стакан с водой, в который очень осторожно, боясь обронить хотя бы одну, ронял несколько капель какого-то препарата. За пузырек этот Падин заплатил больше двух тысяч евро.

Буквально через пять-семь минут после этого у него начиналась тошнота, а затем и рвота; все тело начинало трясти, и всего его знобило. Падин бежал в туалет, и из него лилось что-то черное. В правом боку у него словно что-то горело, весь организм дрожал и потел... Ужасное состояние продолжалось почти час, после чего вдруг резко проходило, и Сергей тут же засыпал в кровати, полностью обессиленный.

— Хотя бы скажите, что это за гадость такая? А, Михаил Георгиевич? — спрашивал наутро Падин своего мучителя.

— Проверенная вещь, Сергей. Не волнуйтесь. Я все на себе сперва проверяю. Это синтезировали европейцы, скажу я вам. Но на восточной основе. Они уже кое-что умеют. В организме даже от капли начинается реакция очищения. Клетки, составляющие вещество, особенно разумны. Попадая в организм, они начинают сами искать очаги чужеродных образований, и как бы иссушают посторонние клетки.

— То есть... это типа каких-то спор или грибов? Они имеют разум?

— Они имеют аналог разума. Ваши фагоциты и лейкоциты тоже имеют аналог разума, потому они ищут врагов,

которые внедряются в ваше тело. Находят и бьют их. А вот эта гадость, то есть рак, тоже разумен; у него способность перепрограммировать клетки организма под себя, а иммунку он умеет обманывать, притворяться своим. Внутри нас постоянно идет битва программ.

— Как в большом мире! Кошмар!

— Да, как в большом мире. Что микромир, что макромир — все по одной схеме. Замечу, что наш макромир для кого-то является микромиром. И так до бесконечности.

После таких разговоров Падин четко ощущал беспомощность своего разума.

— Михаил Георгиевич, но не может такого быть...Чтобы нигде не было конца...Это невозможно...Как такое может быть? Сейчас, вдруг – и во все стороны – нету конца! Кошмар! Как это?

— Да...Нам это сложно представить... Уму так и хочется, чтобы шарик где-то внизу влетел в какую-то сеточку; чтобы у сеточки стоял добрый старичок, и приговаривал: а вот здесь и находится конец всего, детишки...Вот это и есть конец...

— Не любите вы религиозников, Михаил Георгиевич,- подтрунивал над Берестовым Падин.- Ох, не любите!

— Я не люблю детей, что рядятся в одежды взрослых,-отвечал Берестов.

Вечерами они сидели на открытой веранде небольшой гостиницы, в которой не было отопления; глядели на звезды, ярко мерцавшие прямо между вершинами; разговаривали на абстрактные, вечные темы. Также вечерами Падин включал свой основной спутниковый телефон, чтобы решить с сотрудниками важные вопросы по бизнесу, которые без него было решить невозможно. Второй телефон, предназначенный для экстренной связи, был включен постоянно. Его номер знал лишь три человека: его жена, его заместитель и руководитель охраны.

Падин тратил на разговоры не менее часа каждый вечер. Не менее десяти минут он разговаривал с женой и сыном Денисом. С руководителем службы охраны разговор шел

на условном закодированном языке, и был всегда очень короток.

За те недели, что прошли после памятного разговора с Берестовым и Марановым в офисе, его спецслужбами была проделана серьезная работа. Была получена очень интересная информация о трех игроках, которые сделали погоду на финишных играх сборной США в отборочной пультке. Оказалось, что все документы, зарегистрированные в соответствующих органах штата Орегона на этих людей, были подложными. Люди, которые реально имели эти фамилии и проживали в означенных в документах местах, недавно умерли при невыясненных обстоятельствах. Это были одинокие и психически больные люди. По третьему игроку данных вообще не было никаких. Он возник словно бы ниоткуда; зарегистрировали его по месту жительства всего год назад. Как его пропустили к играм, было непонятно. Возможно, речь шла об очень крупной взятке, врученной одному из важных чиновников ФИФА.

Сотрудники спецслужбы Падина выяснили еще несколько очень любопытных фактов. В сети несколько раз появлялась информация о тайной игре команды университета Миннесоты с неизвестной командой. Эта команда состояла из никому не известных игроков экстра-класса, которая играла предельно жестко и была на две головы сильнее университетской. После игры, на которой не присутствовало ни единого зрителя, несколько студентов вбросили в сеть информацию, что против них играли очень странные люди. «Когда с ними сталкиваешься на поле, то будто бьешься о железяку, — написал в своем блоге один из студентов. — Они словно сделаны из железа. Если они тебя толкают, то ты летишь на три метра, словно кролик. Если бьют штрафной, то лучше не стоять в стенке: мяч летит с такой силой, что может убить. Наши двое попали в больницы с травмами спины и мошонки. У одного отбита почка. Взгляд у них нечеловеческий — с ними нельзя даже разговаривать: они только ухмыляются и говорят односложно, со странным акцентом. После драки трое наших были жутко искалечены.

У этих монстров одинаковые прямоугольные скулы. У нас у всех был шок после этой игры...»

При дальнейшем расследовании выяснилось, что сделавший вброс студент вскоре бесследно исчез. Он числится в федеральных списках пропавших без вести людей. Еще один, заранее понявший ситуацию и уехавший из страны, написал, что все они перед игрой давали подписку о неразглашении. Им сказали, что речь идет о секретной команде, которая готовится выиграть чемпионат мира. Молодой человек писал, что его разыскивают, что он вынужден уехать из страны и сменить имя.

Но самую поразительную вещь выяснил агент, работавший в Кентукки. Он вышел на молодого человека из команды другого университета, из штата Иллинойс, который должен был принять участие в такой же секретной игре в июне прошлого года, но по болезни не смог. Его товарищ позвонил ему после игры — он был в шоке. «Мы играли со страшными людьми. Мне не верилось, что это вообще люди, — рассказал он. — Когда они шли, то нас просто сметали. Они могли нам забить и 10, и 20 голов. Один схватил меня за руку и сжал. Теперь у меня трещина кости. Сила невероятная... Мы дали подписку о неразглашении, но ряд ребят хотят сказать правду. У них есть переломы, есть травмы внутренних органов. Эти существа не играют, как люди. Они типа зверей, вроде горилл...»

Самый разительный факт заключался в том, что вся эта команда из Иллинойса, которую для чего-то кто-то решил отправить в соседний штат именно на небольшом самолете, хотя удобнее было на поезде, погибла при крушении этого самолета! Об этой катастрофе в единый миг узнала вся Америка. Был объявлен траур, состоялись трагические похороны; получены соболезнования президента. Но все это был камуфляж. Расследованием катастрофы занимались спецслужбы, так как никакие другие организации не были к нему допущены. Комиссия установила, что к крушению привел отказ обоих двигателей. Были наказаны даже какие-то инженеры, отобрана лицензия у авиакомпании и так

далее. Но агентам было все понятно: студентов просто убрали.

Падин рассказал обо всем этом Михаилу Георгиевичу. Тот был очень встревожен и долго молчал.

— Я, собственно, и не сомневался, что ситуация с ними будет непростая... Вы сделали очень важное дело, что выяснили все это. Значит, команда киборгов существует, и они готовятся. Что остается нам? Также готовиться к схватке.

— Скажите, а можно ли одолеть их? Если у них такое превосходство в силе? Есть ли смысл теперь в том проекте?

— Поверьте мне, он есть. И этот смысл разрастается до космических масштабов. Предстоит не просто борьба на футбольном поле. Это все выходит просто на эпический уровень! Уровень противостояния добра и зла... Цивилизации людей будет бороться с цивилизацией нелюдей. И мы должны победить! Мы непременно должны выиграть!

— Но как у них выиграть?

— Это другой вопрос! Но помните русскую поговорку про лом?

— Разумеется... Против лома нет приёма.

— Неправильная поговорка! Против любого лома есть прием! Мы должны внести изменения в подготовку наших игроков. Мы должны их сделать не просто игроками. Мы должны сделать из них берсерков!

— Это... Витязи, которые шли первыми в славянском войске? Бессмертные?

— Именно, они. А были еще характерники. Мы успеем подготовить и таких. Ну, хотя бы одного или двух. Это тоже сила, но сила другая, пусть тоже надчеловеческая. Но только она здесь может работать. За этой битвой будет следить весь мир. Лишь бы все сложилось чисто организационно.

— Официальная сборная страны должна оказаться на грани вылета. Тогда я смогу показать эту команду. Только бы Маранов не подкачал.

— Он все делает как надо. Поверьте, у нас есть методы, о которых вы не имеете полного представления. Есть сла-

вянское посвящение, переданное нам предками. Мы подготовим эту команду. Ей всего-то нужно будет выиграть лишь один матч — с этими зверями. Выиграть или пасть на поле боя. Все рядовые игры выиграет второй состав. Но берсерков мы можем подготовить только десять или одиннадцать. А лучше двенадцать.

— Скажите, Михаил Георгиевич, а если получить данные о том, как устроены эти киборги? Это может нам помочь?

— Вот! Это очень важно! Это очень может нам помочь! Если мы получим информацию о том, как они управляются, как они связаны с компьютерными центрами, какие стоят программы в их чипах и так далее — мы сможем принять контрмеры! Вы же знаете, что такое русские хакеры! Это гении!

Падин чувствовал, что кровь приливает к его голове, как сдавливает виски — то ли от пребывания на высоте, то ли от волнения... Страшное возбуждение овладело им. Берестов прорисовал ему величественную сложность замысла. Падин и не предполагал, что дело может выйти на такой уровень, но такая масштабность ему нравилась.

— Я непременно решу этот вопрос. У меня есть люди.

— Если добраться до киборгов не удастся... Возможно, найдутся другие средства, — сказал задумчиво Берестов.

Падину все больше нравился этот простой и очень мудрый человек, который, казалось, знал ответы на все вопросы; который совершал по ходу какие-то странные ритуалы возле определенных мест, вдруг останавливаясь и замирая или садясь на камни и выкладывая свои руки на колени ладонями вверх.

На второй день их похода, когда они шли на высоте около трех километров, Берестов стал периодически останавливаться, доставать маятник, доставать карту и приглядываться, сканируя глазами окрестности, закрывая глаза от солнца, словно ища чего-то. После того как они прошли по навесному, шатавшемуся под ногами мосту еще через бурлившую внизу речку, они устроили привал.

Берестов с одним из шерпов скрылся в горах и вернулся только через два часа. Рюкзак шерпа был полон поленьев и еще чего-то.

Вечером Берестов пригласил Падина посидеть у костра, в отдалении от гостиницы. Они уединились на уступе, недалеко от которого белел камень, расписанный буддистской символикой. Луна высвечивала множество флажков, висевших над домиками растянувшегося под горой селения.

Берестов разжег костер. Это были обычные кривоватые гималайские дрова. Однако, когда они загорелись, он достал из рюкзака другие — те, что нес шерп. Это были ровные кругляши буровато-зеленого цвета. Их было семь-восемь.

— Попробуйте на вес, — он протянул Падину одно из поленьев.

Падин взял одно и едва удержал — таким тяжелым оно было.

— Ничего себе! Что это за дерево?

— Деодар, — тихо сказал Берестов и положил обрезок дерева в огонь.

— Не слышал про такое, — удивленно произнес Падин.

Полено разгорелось. Пошел ароматный и довольно густой дым. Дерево горело медленно, плотным красноватым огнем. Михаил Георгиевич сел в позу лотоса и попросил Падина сделать то же самое. Наступила тишина, которую изредка прокалывали крики какой-то птицы; к потрескиванию костра слух быстро привык.

— Попробуйте успокоить свои мысли, Сергей. А лучше вовсе остановите их. Возьмите мысленно этот огонь в руки, а дым как бы вдохните в себя. Дышите им мысленно. Огонь, что взяли в руки, введите в область печени, в правый бок. Выжигайте им мысленно все плохое, что там есть. Делайте это непрерывно, пока горит деодар, пока не догорит последний обрезок.

Падин все делал так, как было сказано. А Михаил Георгиевич был занят чем-то своим. Падин видел, как он покачивается из стороны в сторону. Глаза его были закрыты, дыхания как будто не было вообще. Он как будто бы умер.

Падину даже стало не по себе. Но, когда прогорело последнее полено деодара, Берестов открыл глаза. Они сияли каким-то особым светом, не принадлежавшим этому миру.

— Ну, как вы? Все сделали, как я сказал? Теперь сделайте так. Вытяните правую ладонь, сформируйте на ней сферу. Ну, как мыльный пузырь. Вложите в нее цифры...589 12 48 Вложили?

— Не успел... А как это — вложить?

— Введите как бы голограмму из цифр. Повторяю: 589 12 48 ...Введите сферу с цифрами в правый бок, в место, где дискомфорт.

— Сделал.

— Скажите: нормировать мою печень. Моя печень — норма.

— Сделал.

— Скажите: «есть!»

— Есть!

— Хорошо. Очень хорошо. Только не ждите сразу результатов. Вообще не думайте о болезни и боли. Смерти нет, запомните. Есть только формы существования сознания.

И снова они молча сидели, костер потрескивал, дым струился в туманный сумрак, чуть выбеливая его. Берестов одно время сидел с закрытыми глазами. Но что-то вдруг произошло. Падин вдруг заметил, что Берестов сидит как-то не так, что глаза его как-то странно широко открыты и смотрят куда-то, не мигая. Падин перевел свой взгляд туда, куда глядел Берестов. Он глядел куда-то выше огня. Струился дым, но ничего не было видно более. Но вдруг Падин увидел: *дым на уровне полуметра над огнем образовывал струями фигуру в воздухе, и этой фигурой был треугольник*. Струи ровно обтекали что-то невидимое, имеющее форму треугольника.

Падин замер. Мурашки волнами пробегали по коже... Так продолжалось примерно пять минут. Берестов неотрывно смотрел на треугольник и ничего не говорил. Глаза его не моргали все эти пять минут. Затем вдруг дымные

кольца моментально сомкнулись, и воздушный треугольник исчез.

— Что это было, Михаил Георгиевич? — спросил Падин. Берестов некоторое время ничего не отвечал.

— Это был знак, Сергей... Знак.

— А от кого? Вы, вероятно, знаете.

— Это та область, где точно знать ничего нельзя.

Но сам для себя Михаил Георгиевич сделал вывод однозначный: это было послание от Чохана. Учитель увидел его, Учитель считал его ситуацию, Учитель с ним. Значит, будут и другие знаки, будет поддержка. Возможно, он, чела Свами Аннуварсат, скоро услышит зов Учителя и снова увидит Его в теле. Что и говорить, этот вечерний знак сильно его ободрил.

Смысл и содержание знака прояснилась буквально на следующий день.

В этот день Падину было особенно тяжело. Он поднимался, прерывисто и хрипло дыша, часто останавливался. Боль в правом боку резко обострилась. Берестов посматривал на него с тревогой, но подбадривал его, поддерживал как мог.

Примерно в два часа дня откуда-то с востока налетел сильный ветер, на них понеслись густые холодные облака, обдав стылой моросью. Ветер быстро усилился, понесло даже снежной крупой. Они остановились, достали из рюкзаков теплые куртки с капюшонами, одели под них свитера. Два шерпа, которые несли их тяжелые рюкзаки, также одели выдавшие виды штормовки. До ближайшего селения было, по их словам, километра четыре — совсем немало для гор. Они продолжили путь, но неожиданно все стихло. Туман унесло прочь, выглянуло солнце.

Они подошли к повороту, и здесь увидели сидящего на камне человека. Шерпы прошли вверх, а Михаил Георгиевич вдруг остановился примерно в десяти метрах от него. Человек этот был одет в какую-то белую тогу, со странной иероглифообразной вышивкой; на ногах его были сандалии, что также было странно — обувь не по погоде. Ступ-

ни его ног были такие же белые и гладкие, как и руки; почти неестественно белые. На голове грациозно вышалась белая чалма. Черная борода обрамляла тонкое, слегка смуглое лицо; кожаный шнурок мягко окольцовывал шею, но висевший на нем амулет был скрыт одеждой. Маленькая матерчатая сумочка с витиеватой росписью на неизвестном Падину языке лежала на его коленях. На руке у человека светился большой, с камнем бирюзового цвета, перстень. Возраст мужчины определить было сложно: седых волос у него не было; кожа лица была свежей и гладкой, без морщин; но почему-то казалось, что перед ними старец.

Человек сидел и молча строгал какую-то фигурку большим ножом с костяной, изысканной резьбы ручкой. Он поднял глаза лишь на миг, посмотрел в сторону Берестова, но Сергей Падин навсегда заполнил этот взгляд! Темные большие глаза выражали какое-то непередаваемое, царственное величие, апофеоз достоинства и пронзительную, невозможную мудрость. «Человек ли это вообще?» — мелькнуло в уме Падина. Но мужчина опустил глаза, продолжая строгать, и как бы что-то гравировать на плоской стороне палочки. И внезапно Падин увидел, как Берестов наклоняется, становится на колени, медленно простирает руки в поклоне до земли и замирает в этой позе.

Падин остановился. Он, не отрываясь, наблюдал за человеком в чалме, чувствуя, что происходит нечто необычное. По голове и по всему телу резко побежали мурашки. Человек в чалме спокойно поглядел своим невыразимым по значимости взором на Михаила Георгиевича, едва заметная улыбка мелькнула на его губах. Когда Берестов поднялся, человек молча протянул ему предмет, который строгал. Это было похоже на статуэтку или фигурку сидящего святого. Берестов сделал поклон, сложил на груди руки и принял эту вещь из рук мужчины, как что-то очень хрупкое; расстегнул молнию куртки и бережно засунул ее во внутренний левый карман. Падин видел, как они обменялись взглядами. Ни слова не было сказано... Человек в чалме еще раз едва

заметно улыбнулся, посмотрел на Берестова чуть строго и в то же время доброжелательно, едва заметно кивнул. Затем он медленно встал. Роста он был такого же, как Падин, за 190. Падина же он словно не замечал. Берестов еще раз низко поклонился и пошел; затем обернулся, дал Падину знак следовать за ним. Падин и человек в чалме разминулись на тропе. Падин обратил внимание на странную вещь: на том месте, где мужчина строгал палку, не было стружек. Как такое могло быть? Падин быстро двинулся вперед по тропе, шедшей круто вверх.

Берестов шел быстрым шагом. Тропа пошла вверх менее круто, и он стал подниматься энергично, будто вдруг зашепшил. Падин начал задыхаться — у него не было сил подниматься далее. Однако Берестов, пройдя еще метров тридцать, остановился сам. Он стоял теперь намного выше Падина на уступе.

Они оглянулись, ища глазами место, где оставили незнакомца. Его там уже не было. Не было его и на тропе, которая вся просматривалась отсюда, метров на четыреста. Куда он мог исчезнуть, было непонятно...

Вид с высоты открывался потрясающий. Под ними простерлась огромная долина. Солнце мягко вышло из-за облаков, на горы лилось потоком ровное тепло, все кругом преобразилось и засверкало. Горы лучились легкой синева-той дымкой, величественно светились под матово-бирюзовым сводом небес. Это была словно другая планета! Невозможно было оторвать глаза от этого зрелища...

Падин подошел к Берестову. Тот находился в необычном состоянии, что сразу бросалось в глаза. Он как бы светился изнутри, с лица не сходила улыбка. Он поглядел на Падина блестящими, почти сверкавшими глазами.

— Кто это был, Михаил Георгиевич? Вы знаете этого человека?

Берестов помолчал, потом сказал:

— Не могу сказать, что я знаю. Не уверен, что их вообще можно знать. Но это очень хорошо, что мы его встретили. Вы не можете себе даже представить, насколько это хорошо.

Он прикоснулся рукой к тому месту, куда положил статуэтку, полученную от высокого незнакомца.

— Ну хотя бы намекните. Это какой-то учитель? Из ашрама? Но он не в одежде буддистов.

Берестов все смотрел куда-то вдаль, где за дальними облаками виднелись белые макушки больших гор.

— Это Гималаи, Сергей. Обитель Богов. Где-то рядом душа нашего мира...

Падин понял, что Берестов ему ничего больше не скажет.

— А что за вещицу он вам дал?

Михаил Георгиевич посмотрел на него, все также едва улыбаясь. И ничего не ответил.

— Пойдемте, Сергей... Главное, что мы все делаем правильно, — задумчиво сказал он. — И у вас все будет хорошо. Только надо идти и идти. Пока мы идем, мы не можем умереть. Умирает только тот, кто останавливается.

Берестов до того, как его догнал Падин, успел рассмотреть статуэтку. Он не ошибся в трактовке дымного знака: *на статуэтке был вензель Учителя...*

Они двинулись вверх по тропе дальше. Шерпы поджидали их на высоте, метрах в трехстах.

Когда они поднялись на высоту примерно в 3600, Падину стало совсем плохо. Бок очень сильно болел, болела вся печень. Михаил Георгиевич объяснил, как ему нужно дышать — прямо через печень, медленно вводя и с напряжением выводя воздух. Он сказал, что еще немного — и кризис минует, ему станет легче. При этом он достал свой маятник — выплавленный из чистого золота конус на золотой цепочке. Он что-то проговаривал неясно и внимательно следил за тем, как двигается маятник. Маятник раскачивался то вперед, то вбок, то совершал круговые движения. Михаил Георгиевич был удовлетворен тестированием, и его лицо прояснилось.

— Нам надо идти, не останавливаясь. Кризис может обостриться, Сергей. Но вы преодолеете. Просто идите. Идите через силу. Если у вас есть пример того, кто преодолевал себя в трудных обстоятельствах, возьмите его образ.

Опирайтесь на него. Я в такие трудные минуты вспоминаю рассказ деда. Он работал на мелиорации в Таджикистане в 30-е годы того века. Пошла эпидемия тифа. Кругом умирали люди. Бараки были полны трупов. Они с товарищем поехали в соседний аул за водой. Однако по дороге оба поняли, что заболели. Товарищ сказал, что плохо себя чувствует, и залез на телегу. А мой дед не стал этого делать, он пошел и дальше пешком. Он сам не знал, почему он так сделал. Он шел и шел, по жаре, без воды. И ему становилось все хуже и хуже. В какой-то момент сознание его померкло. Но когда он очнулся, то понял, что все также идет за лошадью, но ему уже легче. Когда они дошли до места, он был почти здоров. А товарищ его к вечеру умер. Дед же мой прожил почти сто лет...

— Я понял, — кивнул головой Падин. — Это подходящая история... Я помню вашу фразу: пока мы идем, мы умереть не можем. Я готов. Давайте команду шерпам.

— Выпейте вот это, — сказал Берестов, протягивая ему стаканчик с жидкостью.

Это была густая темно-коричневая жижа с едким, мучительно-липким, неприятным запахом. Падин едва смог выпить эту жидкость, морщась и крикая. Через несколько минут в голове его будто что-то сдвинулось; мир покачнулся, и сознание его на миг стало другим. Голоса отдалились, лица сместились куда-то в сторону. Проступило что-то иное, но неотчетливо. Время исчезло... Затем сквозь ватную пелену до него донесся голос Берестова:

— Как вы себя чувствуете, Сергей? Посмотрите на меня... Я здесь.

Зрение вдруг прояснилось, и он увидел Михаила Георгиевича, внимательно смотрящего на него.

— А вы здесь? — спросил он.

— Да, — последовал ответ Падина. — Теперь уже здесь...

— Тогда идемте.

На подходах к Намче-Базару, располагавшему на высоте 4320 метров, дорога стала другой: камней уже не было, пошла обычная мягкая грунтовка. Как только они на нее

ступили, состояние Падина изменилось. Он даже не заметил, как прошел последние километры. Он начал вдруг насвистывать какую-то советскую песенку. Обратив внимание на свой свист, он вдруг понял, что идет легко. Тогда он остановился и прислушался к своему организму. Ничего не болело. В районе правого бока все было тихо и чисто: ни боли, ни тяжести не было. Он не придавал поначалу этому значения. Не раз бывало так, что боль в боку пропадала, но затем давала о себе знать вновь.

Вскоре они разместились в лучшей гостинице Намче-Базара. Они расплатились с шерпами, поблагодарили их и отпустили.

Когда они сидели в кафе и пили горячий кофе, у Сергея Падина было странное самоощущение. Порой ему казалось, что в теле этом уже кто-то другой, и воспринимает мир теперь совсем не он. Затем стало возвращаться привычное мировосприятие. В теле он ощущал необычайную легкость; ничего не болело, ничего не беспокоило. Падин с опаской задал Берестову главный вопрос:

— Как вы считаете, у меня теперь есть шансы вылечиться?

— От чего? — невозмутимо спросил Берестов, прихлебывая кофе.

— Ну, как от чего? От главной проблемы...

— А какая проблема?

— Не понимаю вас... Вы сами диагностировали рак.

— Нету у вас никакого рака! — спокойно и жестко сказал Берестов. — Нету и никогда не было. Забудьте про это! Вообще забудьте! И постарайтесь не вспоминать.

Падин все понял. Его вдруг охватило такое внутреннее смятение, такой мучительный и одновременно радостный восторг, что он зарыдал. Неожиданно для самого себя — судорожно, по-мужски сдержанно, зарыдал; глаза его увлажнились слезами. Он прижался к плечу Берестова и взял того за руку.

— Спасибо вам! Спасибо! Вы великий человек! Сам Бог вас послал мне! Я ничто рядом с вами!..

— Прекратите, Сергей. Слезы — это хорошо. Это выходят боль и страх. Вы доказали самому себе, что можете многое. Вы сами себя исцелили. Я лишь помогал. Вы молодец! Теперь надо делать большие дела.

В Намче-Базаре им предстояло выполнить важную задачу, которую поставил Михаил Георгиевич. Надо было определить место для создания футбольного поля со всеми необходимыми постройками, решить все оргвопросы на месте. Еще находясь в Катманду, они получили разрешение на создание в Намче-Базаре небольшого стадиона, и юрист Падина уже проработал с королевскими юристами этот вопрос. Берестову хотелось непременно самому увидеть это место и определить, подходит ли оно для пребывания и тренировок футбольной команды.

После обхода поселения стало понятно, что выбора тут практически нет. Выдолбить в скалах необходимое для базы пространство было невозможно, так как сюда нельзя было доставить тяжелую технику. Но тут было плато, обрывавшееся одним краем в пропасть. Размер этого плато соответствовал размерам поля, но лишь с небольшим запасом. Нужно было его расширить, завезти на вертолете качественный рулонный газон. Предстояло много работы с коммуникациями, освещением, строительством гостиницы для проживания игроков и персонала и прочим.

— Мячи будут в пропасть улетать, — заметил Падин, когда они стояли с Берестовым на плато.

Рядом с ними абсолютно невозмутимые черно-махровые яки стояли и жевали какую-то желтую солому.

— Ничего. Сетки надо высокие поставить. Тогда не улетят. Место подходит. Другого не будет. Высота хорошая.

— В каком смысле?

— За две недели организмы игроков привыкнут к недостатку кислорода. Эфирные тела наполнятся очень плотной энергией. Когда они нырнут в долину, их будет словно ветром носить. Они перебегают кого угодно. Рекорды по бегу будут ставить.

— Значит, их надо перед чемпионатом привезти сюда?

— Первый раз нужно привезти, чтобы всех проверить на способность к адаптации. Могут быть такие, кто не выдержит. Они отсеются. А кого и когда привозить второй раз, должен решить Маранов. Только он знает, когда закончится тот или иной цикл подготовки. И какая тактика будет на турнире.

— В него еще надо попасть, — вздохнул Падин. — Через три недели первая сборная играет с Грецией. В гостях. Если выиграет, у нее останутся шансы попасть в пульку. Тогда моя карта бита.

— Предоставьте существованию распоряжаться ходом событий. Многое уже определено, — задумчиво произнес Берестов.

— Комбинаторика предельно сложная. Тут еще эти киборги...

— Чем сложнее задача, тем интереснее работа, — заметил Берестов. — Сложные ребусы интересно разруливать. Где наша не пропадала, Сергей? Мы русские люди. Нас сложными задачами не испугаешь. Прорвемся!

Они оба рассмеялись и стали глядеть, как солнце быстро уходит за гору и котловина, в которой расположился поселок, буквально на глазах погружается в ночь.

Уже на следующий день они были в Катманду, куда их доставил вертолет. Падин подписал договор о строительстве базы в Намче-Базаре и вылетел с Берестовым в Москву. Работы в горном поселке начались незамедлительно.

ГЛАВА 29

Это был первый приезд Михаила Георгиевича Берестова в США. Ранее у него не было надобности приезжать в эту столь значимую для всего мира страну. Потому он специально все устроил таким образом, чтобы пробыть хотя бы день в Нью-Йорке, походить по нему, почувствовать его атмосферу. К тому же здесь должна была состояться встреча с двумя агентами, работавшими на Сергея Падина.

Встреча должна была состояться в 4 часа дня по местному времени, и Михаил Георгиевич, разместившись в небольшой гостинице на 32-й авеню, двинулся погулять по городу. Что могли рассказать ему строения из бетона, стекла и металла, глубоко въевшиеся в землю железными корнями, а квадратными, круглыми или ромбовидными цилиндрами упершиеся в желтоватые облака? В этих усеченных кубических муравейниках копошились тысячи аккуратно постриженных и чисто одетых людей. Он сновали с этажа на этаж, шуршали рубашками и юбками, разговаривали, курили; они сидели в бесчисленных кабинетах за компьютерами, старательно собирая крупинки информации в невидимые ячейки памяти, давая импульс ее течению по невидимым проводам во все стороны.

На другом уровне этот мозг выделял из себя особую субстанцию, подобную той, посредством которой осуществляется перенос всех полезных веществ по кровеносным руслам в организме человека. Этой субстанцией являлись деньги, которые двигались по особому руслу, затекая во все уголки огромного существа, которым управлял весь этот мозг. Эта субстанция накапливалась в специальных учреждениях под названием банки; она затекала в мощные производства, роскошные виллы, маленькие дома, парикмахерские, кафе, магазинчики, торговые центры — всюду-всюду; из маленьких потоков она сливалась в большие и текла туда, где ее требовалось особенно много.

Движение этой субстанции заставляло греметь, скрежещать, дымить огромные заводы, на которых собирались разного рода конструкты: экскаваторы, бульдозеры, крупногабаритные детали мостов и эстакад, самолеты, авианосцы, автомобили, компьютеры, телевизоры и бесчисленное число прочей продукции. Небоскрежный мозг заставлял шевелиться портовые краны, поднимать контейнеры и устанавливать их на корабли и платформы поездов; он отправлял копать котлованы, и они вгрызались в землю. Всюду происходило движение разных частей этого огромного существа, снабжаемого энергией по одному главному каналу.

Огромное тело монстра пульсировало, скрежетало, двигалось всеми своими частями, ощеривалось ракетноносными подразделениями армии, авианосцами, подразделениями запечатанных в камуфляж людей. Это существо вглядывалось в заокеанские пространства, и его взгляд с ужасом ощущали на себе небольшие народы, имевшие скромное техническое оснащение.

Берестов заходил в магазинчики, пил воду и соки в небольших кафешках, в которых услужливые, с разным цветом кожи люди вежливо предлагали свои услуги. Он слышал разговоры, вслушивался в быструю кворкающую речь этих людей и понимал, что говорят они, как правило, об одном и том же: о приобретениях, о получении денег, о болезнях, о еде, о вещах, смерти одних и рождении других людей. Из абстрактных тем, которых касались люди интеллектуального вида, были следующие: политика, критика президента; ситуация Ближнем Востоке; катастрофы самолетов; цены на нефть и газ, котировки акций на биржах и так далее. Конечно же, где-то сидели и более глубокие интеллектуалы, маги, философы и мыслители, но очаги их мыследеятельности не ощущались в объемах этого огромного всеядного монстра.

Берестов присел в условленное время на открытой веранде летнего кафе. Потоки гулких машин как бы отделились от этого небольшого закутка, окаймленного рядами невысоких коричневых зданий. Это был район, где проживало в основном белое население со средним уровнем дохода. Во дворы заезжали хорошие, но все же не самые дорогие машины, а из супермаркета, что находился неподалеку, выходили люди с пакетами, полными снеди, и несли их в руках в свои дома.

Невысокий, плотный, начинающий лысеть мужчина с коричневой сумкой через плечо сел напротив Берестова. Не глядя на него, раскрыл свой планшет и углубился в него. Подошедшему официанту он заказал два капучино.

Через несколько минут к нему подсел другой мужчина — худощавый интеллигент в очках, похожий на препода-

вателя истории в колледже. Мужчины поздоровались и заговорили по-английски. Однако Михаил Георгиевич понял по характерному акценту, что они русские. Они посидели некоторое время, попивая кофе. Берестов увидел, что лысый смотрит на него поверх планшета. Берестов достал из своей сумки синий блокнот и красную шариковую ручку и написал: «Тебя, как первую любовь...» В этот момент лысый встал, подошел к его столику и сел. Михаил Георгиевич показал ему листок. Лысый, не глядя на листок, развернул планшет. Крупными буквами там было набрано: «...России сердце не забудет».

— Здравствуйте, Михаил Георгиевич, — улыбнулся ему лысый.

— Приветствую вас, — отозвался тот. — Как вас звать-прозывать?

— Аркадий. Когда летите в Майами?

— Сегодня вечером рейс на Хомстед.

— Новости вот какие. Возле того островка багамского активизация. Только вчера пролетало четыре эксквайзера. Есть подозрение, что там сооружен подводный пирс для подлодок. Вода подозрительно закручивается. Несколько раз в день. Мы получаем видео со спутника.

— А куда движутся подлодки, отследить нельзя?

— Нет. Пока нельзя. Они идут глубоко. Но к этой зоне приближается наша подводная лодка. Возможно, ей удастся просканировать зону.

— Эксквайзеры летают между островом Беверскуадо и материком?

— Иногда между ним и другим островом, центральным, Говерло. Но чаще на материк. Приземляются возле городка Фликерстоун. От Хомстеда это в 60 верстах. Там есть научная база, полуоткрытая; занимается программным обеспечением, сверхлегкими материалами и прочим. Медицинские препараты делает. У нас есть полный список продукции.

— Дайте мне его. Он нужен.

— Включите планшет. Я переброшу.

— Он включен. Перебрасывайте.

— Я перебросил еще кое-что. Карты Фликерстоуна. Есть два дома, вызывающие интерес. Там появляются время от времени крупные мужчины спортивного вида. Выходят из очень дорогих затемненных машин и быстро исчезают в доме. Повсюду в городке установлены камеры. Просматривают все въезжающие и все проходящие. Нигде в Америке такого нет. Камеры установлены три года назад. Поймать коды доступа к их информации невозможно.

— Гостиница, где я останавлиюсь, далеко от этих домов?

— Вам там нельзя останавливаться. Вас непременно засекут. Вам надо остановиться в другом городке, в десяти километрах, Нейшвилл. Во Фликерстоун будете подъезжать на разных такси. Возле домов стоять более десяти минут не рекомендую. Более длительное пребывание вызовет подозрения. Никаких звонков делать нельзя. Никакие электронные средства включать в этой зоне также нельзя. Все прозванивается абсолютно.

— Как пропал ваш человек?

— Мы установили, что его вели от города до места погружения, где был припрятан акваланг. Ему дали зайти в воду. Скорее всего, его взяли с подводной лодки. — Могут ли они наладить контроль за каждой едущей во Фликерстоун машиной, за каждым человеком?

— Тотально нет. Людей живет более 10 000. Каждый день кто-то подъезжает, уезжает. Разные люди. Там рядом заповедник. Дикае звери. Далее — место паломничества любителей уфологии. Плато с непонятными вензелями. Считается, что их оставили инопланетники.

— Это новая информация. Это будет моя легенда. Я еду исследовать.

— Хорошо. Я вам послал информацию о каналах связи с нами и агентами. Что работают в том районе.

— Если я обнаружу интересующие нас объекты, каковы мои действия?

— Как вы их обнаружите?

— У меня есть средства и возможности. Для этого я и прибыл сюда.

— Если обнаружите... Есть канал связи, над которым невозможно взять контроль. Он помечен цифрой 7. На него есть выход у нашего агента, находящегося сейчас во Фликерстоуне. Зовут Камилла. Вот, посмотрите на нее.

Берестов увидел на планшете изображение жесткой волевой женщины возрастом лет около сорока.

— Хищная! — улыбнулся он. — Не одного мужика по миру пустила! Натуральная шпионка!

— Других не держим, — засмеялся Аркадий. — У нас могут работать только такие... Вот номер ее телефона. Гостиница «Флубус», 6-я авеню, строение 14. Она будет встречать вас в аэропорту. Постарайтесь нанести незаметный визит в одно местечко рядом с городом. Но очень осторожно.

— Что за местечко?

— Закрытая вилла, хорошо охраняемая... Мы знаем, что там собираются какие-то маги. Какая-то ложа, но какая, точно неизвестно. Мы о ней давно знаем, но мало. Почти ничего. Подъезжали обычно пожилые мужчины с охраной. Но недавно стали прибывать крупные мужчины лет 35–40. Один раз было замечено сразу пять человек. Они шли сами по себе, без охраны. Это странно...

Михаил Георгиевич вдруг резко напрягся, выпрямил спину. Он внимательно посмотрел на лысого агента.

— Насколько можно приблизиться к зоне?

— Примерно на километр. Там побережье. Есть высокие точки. Там останавливаются проезжающие туристы, чтобы посмотреть на океан.

— У вас все? Могу отправляться?

— Нет, не все. Вот... Хочу вам подарить кое-что...

Аркадий достал толстую шариковую ручку золотистого цвета. Прежде чем положить ее перед Берестовым, он незаметно огляделся. Также повел вокруг глазами и его партнер.

— Это специнвентарь, — пошутил он.

— Я уже понял, — отвечал Берестов. — Что делает?

— Стреляет. Видите красную кнопку?

— Вижу. Что, сразу стрельнет, если нажму? Но ведь можно случайно...

— Зеленый ползунок — предохранитель. Поставить надо вот так, на ноль. Потом нажать красную... Но раньше надо нажать сюда и произнести магическое слово.

— О-о! И тогда — смерть Саруману!

— Определенно, Михаил. И не только ему. Особенно если в сердце.

— А зарядов сколько?

— Семь. Только семь.

— Седьмой для себя?

— Не надо так шутить... Вы слишком ценный товарищ. Мы осведомлены.

— Магическое слово?

Аркадий взял листочек с началом пароля у Берестова и написал:

«СДОХНИ, ТВАРЬ!»

Михаил Георгиевич рассмеялся.

— Прекрасно! Родной лексикон... Могу идти?

— Возьмите еще вот это.

Аркадий протянул Берестову пестрый медальон, разрисованный в восточном стиле разноцветными полосками.

— Это прибор более сложный. В центре мандалы — кнопка включения. Идущие от центра полоски — зоны сканирования. Там весь спектр возможных частот. Если запеленгует, нужная полоса засветится. Чтобы ее зафиксировать, с обратной стороны нажмите кнопку G. Желтые полоски обозначают метражную близость излучения. Если оранжевый цвет — значит, совсем рядом, десять метров. Слабая охра — до 50 м. Вот вам бумажечка с цветами, памятка. И так далее. Рычажок сбоку — включение инфракрасного фото. Одно нажатие — одно фото.

Берестов повертел в руках медальон, покачал головой.

— Тут нужен навык...

— Я вам даю инструкцию. Найдите время, изучите. Потом сожгите. Он незаметно подложил ему под чашку крошечный буклетик.

— Теперь все. Я вызываю такси. Вас отвезут в аэропорт. Самолет ровно через час... Удачи вам! Наше дело правое, мы победим.

— Победа будет за нами! Спасибо!

Берестов благополучно долетел вечером до Джексонвилла. Переночевал в гостинице при аэропорте. Уже в 12 следующего дня Берестов прибыл во Фликерстоун. Его и еще двадцать пассажиров доставил туда регулярно ходивший рейсовый автобус. Едва он вышел из здания автовокзала, как увидел высокую женщину в темных очках. Она пристально смотрела на него. Берестов направился к ней.

— Здравствуйте, Камила!

— Здравствуйте, господин резидент! — улыбнулась она. — С прибытием в страну инопланетян!

— Буду рад с ними пообщаться. Но не со всеми.

— Пообщаетесь с лучшими. Обещаю.

Они сели в такси. Оно не было автопилотным. За рулем сидел худощавый усатый латинос лет пятидесяти. Машина помчалась по иссушенным огнедышащим солнцем серо-желтым просторам, слегка пересеченных цепью мягко закругленных холмов. Над степью стояла дымная хмарь. Было очень жарко; вероятно, градусов 35 по Цельсию.

По дороге все трое молчали. Лишь однажды латинос указал на одно изощренной витиеватой архитектуры здание.

— Интересная форма, не правда ли? — сказал он, кивая в сторону строения. И многозначительно посмотрел на Берестова. Вероятно, он принял их за туристов и рассчитывал за свою осведомленность на чаевые.

— Да, форма интересная, — отозвался Михаил Георгиевич.

Они вышли далеко за городом, на возвышенности. С одной стороны простирался огороженный участок, поросший густой растительностью. С другой открывался вид на океан. Они вышли из машины и направились в сторону океанского побережья. Вскоре они поднялись на смотровую площадку. Океанский простор отсюда просматривался как минимум на десяток километров. Сразу несколько судов

медленно двигались по нему, утопая в бархатистом розоватом мареве. Время здесь текло медленно, а океан казался жутко тяжелым и живым. Казалось, что он занимает все пространство планеты, а этот берег — часть небольшого острова.

Камилла оказалась по-шпионски немногословной. Они молча постояли, поглядели вдаль.

— Вы такая загадочная, госпожа Камила... За версту видно, что шпионка.

— Как так? Да вы что? — с улыбкой отозвалась она.

— Однозначно! Какую разведшколу кончали? — продолжал шутить Берестов.

— Арбат 15. 39 бис.

— Знаем, знаем эту школу. При Булате Шалвовиче там трамвай ходил с тем же номером.

— Информированного агента прислали, — засмеялась Камила. Затем уже серьезно продолжила:

— Сзади интересующая нас территория. Въезд просматривается с другой точки, через оптику. Мы туда не пойдем. Мы знаем, что там три строения находятся примерно в 800 метрах. Если у вас есть представление, как получить информацию, то этот как раз лучший момент. На смотровой, видите? Никого. Обычно сюда подъезжают смотреть закат. Парочки, родители с детьми. Туристы. Солнце заходит там...

Берестов снял куртку, постелил под себя на траву и сел.

— Простите... Вы не могли бы отойти на метров десять-пятнадцать?

Она вопросительно посмотрела на него. А затем молча отошла в сторону.

Берестов положил сумку перед собой, открыл ее. Он достал из прозрачного футляра камень, который два месяца назад, после круга, вручил ему волхв Велемудр. Это был лучезарий, обработанный и настроенный волхвами Высшего Круга, при участии самого Радомира. Берестов положил камень на ладонь, и стал наблюдать. Никакого свечения не было. Тогда Михаил Георгиевич убрал камень

в сумку, но не закрыл ее. Он стал глядеть вдаль, прислушиваясь к своим ощущениям. Понемногу он смог войти в состояние, когда звуки и шумы параллельного мира начинают прослушиваться. Видение понемногу приоткрывалось. Он попытался найти свое положение в пространстве на физическом плане, разглядеть его через тонкий мир... Он попытался сконцентрироваться, обнаружить себя там, соединиться со вторым своим Я там, войти в него и начать мыслить от него... Это было необходимо. Такую практику он проводил довольно редко: она требовала много энергии...

В какой-то момент соединение стало происходить. Физическое тело тяжело дышало; он ощущал его стабильно, не выпуская из зоны восприятия; физическое зрение выключилось, хотя глаз он не закрывал. Он сконцентрировался на органе, через который мог воспринимать тонкий мир и одновременно рассматривать проекции мира физического. Напрямую увидеть интересовавшую их зону он не мог, доступна была лишь проекция. Постепенно он овладел возможностью видеть и мыслить через свой тонкомирный дубликат. Он начал приближаться к пространствам, надлежащим над огороженной зоной; увидел длинный особняк, дворец изысканной архитектуры в центре. Это здание, изображение которого было плавающее, зыбкое, имело внизу какое-то дополнительное образование, неровное, вроде конуса. Он начал приближаться, стараясь рассмотреть, что это за конус, что там, внизу. На миг возникло изображение ниши вроде амфитеатра с сидящими по кругу людьми в строгих черных одеждах. Картина показалась ему знакомой... Да, находясь в том пространстве, он понял: это было их логово, тех, кто напал на него тогда в Москве, у Таганской. Но вдруг он почувствовал, что к нему что-то приближается... Почувствовал на себе внимание какой-то сущности. Это нечто разворачивалось в его сторону. Тогда он резко нырнул вниз, настроился на возвращение.

Через мгновение он уже был в плотном теле. Внезапное возвращение переживалось как удар. Тело было камен-

ным. Сердце, чтобы обжить его, резко забилося, быстро поднимая давление крови. В висках застучало. «Опасное место, — выдохнул он. — Контроль! Выставлен зрячий контроль... Старинный эгрегор. Матерые ребята. Надо быть осторожнее...»

Он уже хотел подняться и сказать Камилле, что тут все чисто. Но тут мимо прошелестели две черных больших машины с затемненными стеклами. Что-то заставило Берестова открыть сумку. Теперь внутри появилось едва заметное лиловатое сияние. Берестов вначале не поверил своим глазам: он никогда такого не видел. Но это было реальностью: камень лучился изнутри фиолетово-лиловым светом. В нем высветились пучки прожилок, организованных наподобие паутины; именно прожилки издавали свечение, которое охватывало весь минерал. Берестов резко поднялся и подошел к агенту.

— Улов есть, госпожа резидент. Улов есть.

Она пристально посмотрела на него.

— Машины?

— Именно.

— Вы уверены?

— На все сто. Они здесь. Именно они...

— Что за метод? Экстрасенсорика? — продолжила она энергичные расспросы. Не получив ответа, спросила уже другим тоном:

— А что еще можете сказать? Сколько их?

— Не могу сказать. Но не один. Место вы нашли точно. Здесь идет работа. Очень плотная работа. Один из центров, завязанных в проекте. Возможно, ключевой.

— Что значит центр? Какого рода центр? — переспросила, не поняв его, Камилла.

— Магия. Очень серьезная магия. Мозговой центр и магическое прикрытие. Могу достоверно утверждать.

— Ложа какая-то?

— Скорее всего... Но существа тут тоже есть.

Камилла подумала и затем сказала:

— Надо отследить обратный путь машин. Откуда и куда.

Они двинулись к стоявшему неподалеку такси.

Ждать, к неудовольствию латиносу, пришлось долго, почти два часа. Но деньги ему капала, и он успокоился. Джипы появились внезапно, и ушли на приличной скорости. Латиносу едва удалось приблизиться к ним у самого города.

Там джипы разъехались по разным маршрутам. Латинос пристроился за одним из них, и следовал на отдалении до тех пор, пока тот не остановился возле небольшой виллы. Они проехали мимо и видели, как джип въехал в ворота. Берестов следил за камнем, когда они проезжали мимо джипа, но камень молчал.

Когда, расплатившись, они вышли из такси, Берестов сказал:

— Там их не было.

— Значит, они остались в резиденции, — ответила Камилла. — Вот и уточнили маршруты.

В легких шортах, открытой майке, темных модных очках Берестов имел вид обычного западного туриста — англичанина или голландца. В обычной толпе, фланировавшей по центральным улицам города мимо маленьких магазинчиков, мимо рынков, где продавали всякую туристическую мелочь, он напрочь терялся. Камилла тут же взяла его под руку, начала весело щебетать о том, о сем, рассказывать разные смешные истории. Теперь они были просто парочкой туристов, приехавших в городок посмотреть достопримечательности. Когда же они свернули с главной улицы в узенькую теньевую улочку, Камилла вновь стала серьезной и сказала:

— Мне сообщили, что вы имеете возможность обнаружить их. Теперь я убедилась... Есть еще кафешка, недалеко от объекта 3. Это в пятнадцати минутах ходьбы. Вы готовы туда идти?

— Не уверен. Та а вилла, куда поехал джип, тоже местечко интересное.

— Зайдем и туда. Но будем осторожны. Мы же с вами шпионы.

— Завтра. На сегодня мне приключений хватит.

Они рассмеялись родным московским смехом.

— Вы коренная?

— Да! В пятом поколении. Родилась на «Динамо». Верхняя Масловка.

— А я из Кожухово. Простой парень, промзоновский.

— О да, по вам очень это видно! — улыбнулась Камилла, разглядывая интеллигентное лицо Берестова. — Дать промасленную робу и гаечный ключ — будете как настоящий! Истинный кожуховец!

Они просидели в кафе часа два, вспоминали Москву. У них оказалось довольно много общих знакомых — среди писателей, артистов, целителей, экстрасенсов. Целая галерея неординарных лиц словно зависла возле них, потянулась сквозь горячий эфир южного города в гулкую пустоту. Звуки, шумы и отсветы прошедших периодов жизни вспыхивали и растворялись, сообщая собеседникам посылы щемящего волнения.

— Ладно, на сегодня, я думаю, все, — наконец сказала Камилла, поглядев на часы. — Давайте прощаться.

— Какие планы на завтра?

— Продолжим. На том же месте. Но не в тот же час.

Ночью Берестов спал не очень хорошо, как и всегда на новом месте. Только длительная медитация позволила ему, наконец, расслабиться — чуть ли не под утро.

На следующий день они вновь гуляли по городу, несколько раз прошли мимо места, где исчез один из джипов. Не обнаружили ничего подозрительного. В час дня они снова сидели за тем же столиком в том же кафе. И вновь камень молчал, и ничего не происходило.

Но Берестов на сей раз чувствовал странную тревогу. Будучи человеком с развитой сенсорикой, он никак не мог определить, откуда идет воздействие и какого оно рода. Он чувствовал, что женщина мешает ему уловить эти токи более четко и разобраться, с чем они связаны.

— Камилла, предлагаю пока расстаться. Я в одиночку пройду мимо тех двух других домов, что на карте.

— Я вам мешаю? — прищурилась Камилла.

— Я не могу вам в деталях объяснить механику моей работы. Для нас важен результат. Мне одному легче сосредоточиться. Не обижайтесь.

Она кивнула. Затем достала из сумочки карточку и протянула ее Берестову:

— Вот гостиница и адрес. Звонить можно на этот номер. Только на него. Одноразовый.

Берестов положил карточку в портмоне, кивнул. Камилла поднялась и, улыбнувшись, ушла.

Михаил Георгиевич долго бродил по городку, рассматривая проходившую мимо разношерстную публику. Он зашел в квартал, где проживали в основном темнокожие; они не слишком приветливо посматривали на него. Он чувствовал, что идет в правильном направлении, потому что странные токи усиливались. Это было похоже на приближение какому-то мощному техническому резонатору, тревожно пульсировавшему где-то неподалеку.

Вскоре он вышел на улочку, на которой располагалась вилла, куда нырнул джип. Машины тут проезжали нечасто, прохожих было немного. Берестов понимал, что улица просматривается через камеры, и специально шел по той стороне, где была тень, рассматривая дома и деревья. Ни одна камера не смогла бы увидеть его в тени четко. Когда он проходил мимо виллы, скрытой за деревьями, тревожное излучение достигло максимальной величины. Упругие волны неприятного, зудящего, тяжелого технического воздействия шли тут прямо на него. Он остановился — якобы для того, чтобы закурить. Искося он посмотрел на камень. Мерцание появилось. Но оно было очень слабым. Он двинулся дальше. В сторону виллы он не глядел — это был верный путь к тому, чтобы заинтересовать тех, кто следил за камерами.

И тут он почувствовал поток нового излучения, более мягкого, но четкого, строгого, направленного. Он не знал, откуда оно; увидев какой-то магазинчик, безотчетно двинулся к нему. Это был небольшой минимаркет. Темнокожая

толстая женщина сидела за кассовым компьютером, и весело разговаривала с белой пожилой женщиной, только что купившей авокадо, бананы и сок. Продавщица приветливо улыбнулась Берестову, распознав в нем традиционного туриста. Берестов прошел вглубь магазина. Давление на мозг усилилось. Виски начали пульсировать невыносимо сильно. И тогда он увидел его...

Он стоял вначале спиной к нему. Роста он был не слишком высокого, в районе 184 см. На нем были серые брюки и тоже серая, но более темная рубашка поло. Рука его была рукой мощного атлета; плечи выдавали большую физическую силу; шея была чуть наклонена вперед; голова имела редкую форму: шея находилась на одной линии с затылком, вся голова была как бы сдвинута относительно шеи вперед, почти прямоугольные скулы также резко выдавались. Голова была покрыта коротким, курчавым, серовато-русого цвета волосом. Человек рассматривал для чего-то этикетки на бутылках, стоявших на стеллажах. Берестов заглянул в сумку. Камень светился! Прожилки резко прочертились; проявились даже те, что в первом случае, на побережье, были не видны. Берестову показалось, что камень даже гудел.

Он достал из-под рубашки висевший на груди медальон. Нажал центральную кнопку. По полосам начали пробегать цветные волны. Сканер заработал. Берестов спрятал его снова под рубашку и начал приближаться к мужчине. И тогда тот оглянулся...

Многое довелось повидать Михаилу Георгиевичу на своем веку, но более странной и жутковатой встречи у него не было. На него глядел человек без цвета, без запаха, без индивидуальности, без души, без сердца. И тем не менее это был человек. Серые холодные глаза поблескивали странным внутренним огнем, как будто изнутри их подсвечивало какое-то устройство. Виски Михаила Георгиевича сдавило еще сильнее. Он через силу улыбнулся человеку, но тот на улыбку не ответил. Словно заинтересовавшись чем-то, мужчина двинулся в его сторону, и остановился

в двух метрах от него. Теперь они смотрели друг на друга в упор. На лице киборга медленно стала появляться улыбка; но это была нехорошая, опасная улыбка. Берестов начал моментально просматривать ауру существа, сканируя, анализируя, что и как у него работает. Моментально включившееся видение различило ряд технических устройств, которым был снабжен человек. Они медленно пульсировали в районе сердца, обоих локтей, в области печени, левой почки и половых органов. Человек, судя по всему, имел вес, намного больший обычного человеческого; в его движениях различалась потаенная техническая мощь.

— I see you wanted to pick ? — осторожно спросил Берестов.

Но человек не отвечал, только нехорошо улыбался. Берестов вдруг остро почувствовал, что тот может напасть на него, и что у него, возможно, стоит программа антисканирования; а с ней сопряжена программа агрессии. Он потянулся к груди, нащупал рычажок на медальоне, нажал. Инфракрасный фотофиксатор сделал снимок. Киборг чуть вздрогнул. Он перестал улыбаться и медленно двинулся на стоявшего перед ним Берестова, глядя теперь куда-то мимо него. Михаил Георгиевич развернулся, и пошел в сторону выхода, отсчитывая секунды. Он со страшным напряжением перебирал варианты возможного воздействия на это существо, но ничего не мог придумать.

Он выскочил на улицу мимо удивленной продавщицы. Киборг вышел за ним. Берестов ускорил ход. В висках пульсировало невыносимо больно, шло давление на мозг. И вдруг пришел ответ: агрессия шла из точки в районе пупка киборга. Берестов быстро создал сферу в правой ладони, ввел туда энергию, диффузировавшую поля технических устройств, вбросил ее в район пупка шедшего за ним киборга. Тот прошел еще несколько шагов и остановился. Берестов оглянулся. Он видел, что киборг снова смотрит на него, и белый огонек в зрачке был хорошо виден. Берестов увидел устройство в передней части головного мозга, прямо над глазами. Он поставил на киборга центральный

взгляд, создал в районе переносицы сферу, вложил в нее программу: «Иди прочь! Иди домой!» и вонзил ее прямо в межбровье киборга. Тот встряхнул головой. Взгляд его чуть потух, он отвел его в сторону. Затем вдруг развернулся и, ускоряя ход, пошел прочь. Он пошел в сторону виллы. У него была обычная походка человека весом около 120 килограмм, только очень ровная и какая-то жесткая.

Берестов почувствовал резкое облегчение; однако сдавленная тревога по-прежнему жила в нем. Он быстро двинулся вдоль улицы к центру. Однако когда он заворачивал за угол, услышал сзади тяжелые шаги быстро идущего человека.

Берестов свернул за угол дома, надеясь спрятаться, оказаться незамеченным. Он уже знал, что за ним идет все тот же киборг: он, по-видимому, пришел в себя, и теперь в нем вибрировал нерв возмездия.

Однако надежды Берестова были напрасны: киборг без труда, безошибочно обнаружил его. Возможно, он сделал это чисто инструментально, ориентируясь на запеленгованную частоту врага. Никто из непосвященных не мог знать, какие возможности могли заложить в него его создатели! Киборг осмысленно развернулся и тут же направился к нему. Белый огонек внутри его зрачка горел теперь еще ярче и имел слегка синеватый оттенок.

Берестов отчетливо осознавал, что киборг идет разрушать его тело; но не испытывал ни страха, ни ужаса. Он слышал удары сердца, мыслил четко и быстро, чувствовал поддержку. От этой поддержки шло спокойствие и трезвость мысли. Михаил Георгиевич быстро достал из левого кармана авторучку с вензелем. Киборг замедлил ход. Он улыбался и медленно подходил. Правая рука его разжалась и приготовилась сработать, как рычаг, чтобы свернуть голову человека одним резким и просчитанным рывком. Берестов достал авторучку, хладнокровно перевел зеленый рычажок в положение 0. Тихо сказал: «Сдохни, тварь...» На ручке тут же зажегся красный огонек. Киборг был уже метрах в пяти и весь был напряжен, со-

бираясь наброситься на человека. Берестов увидел ярко блистающий внутри организма киборга кружок в центре манипуры — видимо, тут находился центральный чип. За мгновение до броска киборга Берестов нажал кнопку, что располагалась в верхней части авторучки. Раздался короткий шипяще-свистящий звук, как от газовой горелки. Слюнообразный огненный сполох вонзился в район манипуры киборга. Тот на ходу вздрогнул, и выражение его лица изменилось... Улыбка исчезла. Однако по инерции он пошел на Берестова. Уже в упор тот выстрелил еще раз, теперь в зону сердца. Киборг замер, стоя рядом, но не глядя на противника. Внезапно его начало трести, и он упал на колено.

Берестов отскочил в сторону, и быстро глянул на улицу. Там никого не было; никто их не видел. Киборг теперь стоял на одном колене и дергался всем телом, ритмично, с правильной амплитудой движений. Он дергался, будто автомат, штампующий невидимые глазу детальки. Глаза его обесмыслились, белый огонек исчез. Это была теперь просто машина. Берестов хладнокровно зашел спереди, снова нажал на кнопку медальона, который достал из-под майки. Он сделал два фото и одно короткое видео. Он также включил сканер частот, но полосы не побежали. Нужно было нажать еще что-то, но ведь он не успел изучить инструкцию... На улице слышались голоса. Берестов судорожно пытался понять, как настроить прибор на сканирование частот, но не мог. Кто-то шел по улице. Берестов быстро протянул руку к голове киборга, выцепил из нее несколько волос; затем резко ушел за деревья. Никем не замеченный, он пересек сквер и быстро пошел прочь.

Виски отпустило. Все тело его пробивали судороги. Выйдя на соседнюю улицу, он вызвал такси. К счастью, машина приехала моментально. Вскоре он был уже у гостиницы Камиллы. Портье сказал, что мадам Зарвигорова в номере. Он поднялся к ней.

Камилла сразу же поняла: что-то произошло. Берестов теперь был совершенно не тот уравновешенный, слегка

добродушный дядечка, каким она его видела час назад. Теперь это был жесткий, собранный, встревоженный человек.

— Можно войти? — спросил он низким голосом, который не узнал сам.

— Что случилось? — тревожно спросила она, закрывая за ним дверь.

— Мне надо срочно уезжать... Соединитесь по своим каналам с людьми в Нью-Йорке. Пусть отправят меня сегодня же. Мне срочно надо уезжать, просто срочно.

Она кивнула. Взяв телефон, она быстро набрала какой-то номер. Начала быстро говорить на испанском. Через минуту повернулась к нему и сказала:

— Они сделают билет на сегодня. С визой разберутся также. Что случилось?

— Я видел его. Я снял его... Это серьезно. Это очень серьезно.

Берестов достал медальон.

— Вот... Скачайте, только быстро. Сделайте дубль. Мало ли что со мной... Частоты снять, скорее всего, не удалось. Не получилось... Я не знаю прибор.

Камилла поняла и тут же принесла ноутбук. Настроилась на нужную частоту, скопировала данные.

— Какие-то частоты зафиксированы... Я не буду пока смотреть. Надо срочно вас отправлять отсюда. Но расскажите, как вы его встретили. Где он был?

— В магазине, что рядом с точкой два. Он проявил агрессию.

— Он напал на вас? — вскинула брови Камила.

— Да. Меня могло уже не быть в живых... Спасибо Аркадию. Он дал мне вот это.

Берестов достал авторучку и как-то смущенно показал ее Камилле; та кивнула.

— Это спасло меня. Но меня возле магазина видели камеры. Если они начнут их срочно изучать, то... Люди, которые в курсе, меня вычислят. И уничтожат. Я не знаю когда. Они могут это сделать через пять минут. Могут через час.

Все зависит от того, смотрел ли кто в камеру в тот момент. И когда найдут киборга.

— А что с ним? Он умер?

— Не знаю, могут ли они умирать. Его заклинило. Он поврежден. Задергался... У меня его волосы.

Камилла размышляла секунд тридцать. Затем сказала задумчиво:

— Думаю, его уже нашли.

Камилла теперь поняла всю серьезность ситуации. Она быстро собрала вещи в сумку. Вдвоем они вышли из отеля, приветливо улыбнулись портье, разыграв милую туристическую пару. Серый «Фольксваген», арендованный разведчицей, стоял на соседней улочке. Вскоре они уже мчались прочь из этого города. Они решили не ехать в ближайший аэропорт, в Майами, а проехать дальше, до города Дания-Бич, и разлететься из аэропорта Лодердейл — Голливуд в разные стороны.

После шести часов очень быстрой езды они подъехали к нему. Тревожное ожидание рейса длилось около часа, однако ничего не произошло. Когда Михаил Георгиевич двинулся на посадку, он мягко улыбнулся женщине, которая оставалась в этом тревожном городе продолжать работу. Камила все время незаметно оглядывалась вокруг, опасаясь появления агентов тайного общества. Но ничего не произошло. Видно, данные с камер не анализировались в режиме тщательного просмотра. Тем более что никаких резких, привлекающих внимание действий на улице возле мини-маркета не было. Чтобы обратить внимание на то, что там произошло, нужны были специально подготовленные люди, которые были в курсе самого тайного проекта.

Вскоре небольшой самолет взмыл в воздух, и через три лета Берестов уже выходил из здания нью-йоркского аэропорта Ла-Гардиа и садился в такси. Когда они отъезжали, он внимательно смотрел вокруг, но не заметил ничего подозрительного. Это было очень хорошо...

Вскоре бешеная нью-йоркская суэта поглотила его. Он растворился, исчез. Он понимал, что найти его тут теперь

непросто даже для опытных агентов. Его могли вычислить теперь лишь по банковской карте, с которой он рассчитывался за номер во Фликерстоуне. Но для этого надо было определить, что человек на улице и оплативший номер — это именно он. А в Нью-Йорке, понятное дело, он эту карту использовать не собирался.

Когда он ехал по городу в такси, ему позвонили. Это был Аркадий.

— Привет, Мишка! — весело кричал он в трубку, разыгрывая звонок старому приятелю. — Как долетел?

— Аркаша, отлично. Еду в такси домой.

— Отлично, отлично! Ты классные зарисовки сделал, Миша! Просто художник и все тут!

— Да ладно, не преувеличивай. Это наброски, подмалевки.

— Они понравились Феде, Марусе. Джеймсу не очень, но он ничем никогда не доволен. Они подходили на 6 -ю... Час назад.

Михаил Георгиевич понял, что ситуация меняется в худшую сторону. Его ищут.

— А Мила... как? Как она? Вышла из депрессняка?

— А, она в порядке. Но уже не здесь. С ней все нормально.

— Приятелям нашим привет! Мне нравится Нью-Йорк. Большой город. Приятно раствориться в толпе. Сливаешься, так сказать, с массой.

— Да, приятное ощущение. Но постоянно чувствуешь на себе взгляды, словно кто-то хочет тебя непременно рассмотреть. Особенно не люблю Бронкс и его главные улицы... Тебя, кстати, Женька хотел повидать. Он обычно сидит там же, где всегда.

— Очень хорошо. Очень кстати. Подойду, поговорим, если он не пьян— Не гарантирую. Квасит он тут постоянно. Тоскует по родине. Ты ему покажи зарисовки. Мы сделаем дубликат, публике покажем.

— Обязательно. Поговорим.

— Поговори. Проводите Машку. Она улетает сегодня в семь.

— Во как интересно!

— Вот так, Миша. Ну пока! До встречи!

— Пока!

Берестов смеялся про себя. Он превратился в нормального русского шпиона; роль эта была для него внове, и нравилась она ему только отчасти. Это был хороший тренинг для мозгов, полная мобилизация ресурсов. Но все же это было вынужденное насилие над собой, над своим естеством. Но так было нужно.

Итак, стало ясно, что пленка просмотрена и что его ищут. Найдут ли они его следы в аэропорте Лодердейл? Это можно сделать, только просмотрев видеозаписи. Они с Камиллой специально старались проходить мимо камер так, чтобы сливаться с массой. Анализаторы видео вряд ли смогут его найти через программы сличения. И все же это было возможно. Надо было спешить. Понятно было, что на встрече с Евгением ему надо было сбросить дубль фотографии и файлы с частотами. У него должно было быть устройство, позволявшее это сделать. Также было ясно, что в 7 вечера ему надлежит вылететь домой, в Москву. Значит, вопросы с визой ребятам удалось решить оперативно. Они работали превосходно!

Встреча с Евгением прошла быстро. Они просидели вместе не более 15 минут. В ходе разговора Берестов незаметно положил заранее снятый медальон в руки сидевшему и без остановки говорившему Евгению. Тот незаметно вытащил чип и вставил в свой ноутбук. Дубль был сделан. Евгений был вторым после Камиллы, кто увидел это изображение. На лице его выразилось удивление и неподдельный интерес.

— Можно взглянуть? На секунду?

Евгений, не торопясь, развернул ноутбук. Берестов увидел своего противника. В инфракрасном диапазоне он выглядел вообще как монстр. Глаза горели красновато желтым

светом. Вокруг головы и шеи сверкала пурпурная аура. Голова на изображении двоилась. В районе солнечного сплетения, горла, возле висков виднелись неровные излучения странного лилового цвета.

— Есть над чем поработать, — поразмыслив, сказал Евгений. — Можно снять информацию в разных спектрах. Возможно, удастся снять частоты, на которых сидят чипы... То, что вы сделали, непостижимо! Это могли сделать только вы. Стало быть, прокатился не зря л, — задумчиво ответил Берестов. — Возможно, теперь что-то прояснится и по футболу.

— Думаю, многое прояснится. Но мы работаем. Надо выйти на след их команды. Я думаю, что тот, кого вы встретили, не футболист вообще. Футболисты, скорее всего, на острове. И их нам не достать. Но теперь мы кое-что будем знать. Спецы подготовятся.

— Зацепка есть. Ребятки у нас проворные, талантливые. У меня его волосы.

— Знаю. Это здорово. Это даст информацию по генетике. Через два часа самолет. Вам надо бы срочно изменить имидж. Сбрить бороду надо точно.

— Ах, борода моя, борода! Что я буду без бороды? Вся сила в ней... Не могу я без бороды. Да и на загранпаспорте я с бородой.

— Рисуем... Так бы сказали, что решили сбрить.

— Не подозрительно, что только прилетел и тут же улетаю?

— Это вряд ли... Тут масса коммивояжеров, негоциантов. Доставят что-то с утра — и обратно. Например, розы с Ямайки дочке миллионера. Ко дню рождения. Обычное дело.

— Я ведь русский... Но будем надеяться.

Вскоре они были в аэропорту. Все шло поначалу просто прекрасно. Паспортный контроль он прошел нормально, без проблем. Евгений помахал ему рукой, но не ушел, поглядывая по сторонам.

Однако при выходе на посадку вдруг начали сгущаться тучи. Неожиданно, но неотвратно... К девушке, выпу-

скавшей пассажиров «Боинга-1200» на посадку, подошел невысокий человек в синем костюме и голубой рубашке. В руках у него был планшет, в который он периодически посматривал. Он встал всматриваться в лица проходивших пассажиров. Берестов почувствовал своей жуткой интуицией, что появление человека связано с ним. «Шустрые ребята... Все-таки докопались...» Он подумал, что надо бы вернуться в зал, где он оставил Евгения. Но это наверняка бы привлекло внимание и этого, в синем, и полицейских на выходе. Можно было также засветить Евгения... Надо было что-то предпринимать прямо здесь.

Берестов знал, что шансы выкрутиться есть всегда. Он чуть заметно сдвинулся в сторону, пропуская других пассажиров вперед. Он лихорадочно раздумывал, что делать. «Похоже, заваливаемся», — подумал он, волна неприятного страха на миг сковала душу. Но он быстро справился с нею и стал наблюдать за человеком в костюме. Наверняка это был фэбээровец. Берестов увидел, что тот обращает внимание только на мужчин, и больше на пожилых. Он постарался включить видение и рассмотреть, что за изображение было на его планшете. Ему понадобилось порядка трех минут. Вначале видел он смутно; затем начал наводить фокус усилием воли. Да, это была фотография. Собрав силы, он усилил поток энергии — вот когда пригодилась ему эта школа, которую он прошел много десятилетий назад! Он увидел серое изображение стоящего на улице человека майке и кепке, с длинными седыми волосами и белой бородой.

Да, это был он, Берестов. Они сработали быстро... Но шансы были — изображение было нечетким, и даже очень. И тогда Берестов сообразил, что ему надлежит делать. Он создал образ совершенно иного человека — лысого, с усами, в очках и большими оттопыренными ушами. Человек именно с такой внешностью шел сзади Берестова, через пятерых. Приближаясь к фэбээровцу, Михаил Георгиевич постарался уплотнить это изображение и ввести его в сознание агента, заместив то, что было на фотографии. «Вне-

дрить изображение. Держать сорок минут...» — сопровождал он командой созданную мыслеформу. Теперь все зависело от подготовки агента. Берестову пришло в голову, что таких людей они закрепили теперь за каждым рейсом во всех аэропортах страны.

Когда Берестов приблизился к выпускавшей пассажиров девушке, он ей улыбнулся, а взгляд агента постарался направить по скользящей траектории, мимо себя. Агент мельком взглянул на него и зевнул. Он стал смотреть на человека, следующего за ним следом. Внедрение удалось. «Непрофессионал», — подумал Берестов. Он не мог удерживать нервы, сердце билось неистово. Агент в синем увидел лысого пассажира, шедшего сзади. Агент посмотрел на фотографию, затем снова на лысого... Последней сценой, что видел Берестов, переходя из зала ожидания в посадочный терминал, была такая: агент поднял рубку к уху и кому-то звонил...

Войдя в салон лайнера, Берестов быстро нашел свое место и сел, рассматривая проходящих к своим местам пассажиров. Лысого человека в самолете не было! Далее последовало двадцать минут тревожного, мучительного ожидания...

Через двадцать минут лайнер взревел, рванул и взмыл в воздух. Берестов облегченно вздохнул. Он выкрутился! Это был российский самолет, суверенная территория России, и остановить его теперь никто уже не смог, даже президент США. Михаил Георгиевич улыбнулся и посмотрел вниз. Бесконечный синий океан простерся под ним точно так же, как в фильме Тарковского океан Солярис. Неожиданное расслабление накатило на него. Он выпил стакан сока и моментально провалился в бездонный сон, сквозь который все же слышал монотонное гудение лайнера.

ГЛАВА 30

Все телефоны были выключены. В комнате был полумрак, и только свет торшера освещал открытую книгу, что

он держал руках. Сергей Падин то и дело поднимал голову на настенные часы, негромко отбивавшие свой вечный ритм. Ему представился этот ритм в виде полосочек на треке аудиоредактора, и полоса с этими полосочками вылезала из компьютера, уходила вовне, тянулась далеко за границы планеты, Луны, Солнца, куда-то вообще с бесконечную даль миллиардов световых лет, и там как будто терялась. И не было никакой возможности для того, чтобы этот трек с полосками где-нибудь остановился, прекратился, исчерпался или возвратился туда, откуда вышел. Тиканье ходиков сопровождало все-все-все, и было невыносимо представить, что где-то этого тиканья нет. Лента обворачивала одну вселенную за другой, пронизывала миллионы, миллиарды вселенных, и в этих вселенных также дышали и двигались миллионы существ, подобных ему, Падину, только гораздо более грандиозных, колоссальных, невыносимых размеров и степеней совершенства и разумения.

Как только он уперся снова в эту болезненную мысль, что ни в какой момент и нигде не может быть конца у всего, что зримо и незримо, он снова почувствовал тоску и бессилие. Суета его поползновений на власть представилась возней одного из муравьев в муравейнике. Падину пришлось в голову, что маленький муравей никак не может себе представить, что живет в огромном лесу, что за лесом есть поле и озеро, и что по лесу ходят хмурые гиганты на двух ногах, которые в любой момент могут на него просто наступить. И тогда муравей лишь почувствует боль от того, что его корпус, его тело все поломалось, и перестанет вообще что-либо чувствовать. Исчезнет для самого себя и для всего-всего, что вообще есть где-либо. И никого нигде не взволнует произошедшее с ним, поскольку одновременно в миллиардах лесов на миллиардах планет погибнут миллиарды таких же муравьев, как он; и никто не выделит его, одинокого муравья, почитающего себя властным и значительным, среди всех этих других муравьев, божьих коровок, стрекоз, червяков, птиц, рыб, больших и малых животных. И даже те гиганты, что грузно ходят по его лесу, также ис-

чезнут без следа, растворившись во всем этом непредставимом-огромном, бесконечном кошмаре.

Сергей налил себе немного коньяку и отхлебнул. То, что он читал, тихо ошеломляло его. Выяснялось, что он о своей стране имел очень неопределенное понятие и практически не знал ее настоящей истории «Бл..., как ты собираешься ей управлять, если ни черта не знаешь?»

Это была книга «Антихрист». Падин с удивлением обнаружил, что все ранее им узнанное, похоже, не соответствовало правде. Автор книги отмечал полное изменение внешности, характера и психики у царя Петра I после его возвращения из «земель немецких», куда он поехал на две недели, а вернулся через два года. Русское посольство, сопровождавшее царя, состояло из 20 человек, и возглавлял его А.Д. Меньшиков.

«После возвращения в Россию это посольство состояло из одних голландцев (включая небезызвестного Лефорта), единственным из старого состава остался лишь Меньшиков. Это “посольство” привезло совершенно другого царя, плохо говорившего по-русски, не узнающего своих знакомых и родственников, что сразу выдавало подмену.

Это понудило царицу Софью, сестру настоящего царя Петра I, поднять стрельцов против самозванца. Стрелецкий бунт был жестоко подавлен, Софью повесили на Спасских воротах Кремля, жену Петра I самозванец сослал в монастырь, куда она так и не доехала, и вызвал свою с Голландии. “Своего” брата Ивана V и “своих” маленьких детей Александра, Наталью и Лаврентия Лже-Петр умертвил сразу, хотя официальная история об этом рассказывает нам совсем по-другому. А самого младшего сына Алексея казнил, как только тот попытался освободить своего настоящего отца из Бастилии.

Петр-самозванец стал действовать как обычный завоеватель: разгромил русское самоуправление — “земство” и заменил его бюрократическим аппаратом инородцев, которые привезли в Россию воровство, разврат и пьянство, и усиленно его здесь насаждали;

- ◆ *передал крестьян в собственность дворянам, чем превратил их в рабов (для отбеливания образа самозванца это “мероприятие” сваливается на Ивана IV); разгромил купечество и стал насаждать промышленников, что привело к уничтожению прежней универсальности людей;*
- ◆ *разгромил духовенство — носителей русской культуры — и уничтожил православие, приблизив его к католицизму, что неизбежно породило атеизм;*
- ◆ *ввёл курение, употребление алкоголя и кофе;*
- ◆ *уничтожил древнерусский календарь, омоложив нашу цивилизацию на 5503 года;*
- ◆ *повелел все русские летописи свезти в Петербург, а затем, как и Филарет, приказал их сжечь».*

Падин читал и удивлялся. «А если это все правда? Если так оно и было? Фактически это что? Внешнее влияние, ползучая оккупация. А если Маранов прав и надо двигаться к той цивилизации, что была, пытаться ее восстановить? А если это и сделать программной установкой, гвоздем программы, основой? А ведь народ может поддержать...»

Чтение исторических книг было его недавним увлечением. Таким образом он переключал свой ум с чисто экономических, практических, политических тем на иные, осознавая, что таким образом расширяет диапазон своего мышления.

В прихожей послышался шум. Жена Ирина и младший сын Денис вернулись — они катались по окрестностям на мини-джипе. Ирина, не снимая куртки, приоткрыла дверь кабинета, заглянула — раскрасневшаяся, веселая, и спросила:

— Ну, что делает наш великий олигарх? Будущий властитель Вселенной?

Сергей улыбнулся в ответ:

— Ну что, примадонна, не навернулись там? Все нормально?

— Распугали всех ворон и галок.

— Пап, мы гнали на восьмидесяти! — влез в разговор Денис, также возбужденный и красный.

— Ира, вы офигели? Нельзя так гонять, вы что? Сшибете еще кого-нибудь.

— Да никого нет. Твои церберы всех распугали. Собак бродячих, и тех нет.

— И что, Денис за рулем был? На восьмидесяти?

— Он хорошо водит. Лучше меня, — отвечала Ирина.

Падин только покачал головой. В принципе, он был рад, что сынишка имеет нормальную координацию и любит технику.

— Одному ему ему ездить не давай, — только и сказал он.

Затем заглянула и домработница Марья, полная женщина лет 45.

— Ирина, обед готов. Сергей Валерьевич, обед подавать?

— А что на первое? — спросил Денис.

— Борщ. Вы заказывали борщ украинский.

— А на второе? — не унимался Денис.

— Разное, — отвечала Мария. — Котлеты паровые с овощным рагу. Картофель по-деревенски с бифштексом. Суши есть, креветки есть, пицца с грибами, паста. Анчоусы вчерашние. Да в секунду разогрею...

— Я хочу мяса, — сказал Денис и пошел раздеваться.

— Давайте через двадцать минут. Я готов буду через двадцать минут, — сказал Падин. — Мне надо дочитать.

— Маша, тогда можете уже накрывать, — сказала Ирина, и пошла переодеваться в домашнее.

«Мы, оказывается, своей истории ни черта не знаем, — думал Сергей. — Маранов прав. Он правильно делает, что здесь копает. Если у нас все получится, мне нужно будет только поднять эту тему. У нас, получается, со времени Петра нет независимости. И все. Народ будет готов!»

Позвонил телефон. Это был Звонарев. Он подтвердил, что завтрашняя встреча состоится. Отключившись, Сергей на миг задумался. «А что, если завтра мы эту тему и поднимем? А если они поставят блок, тогда я... тогда я... Что? Прогнусь?..»

Он не был уверен, что ему точно надо сразу садиться в эту колею. Когда он спустился в гостиную, на лице его был оттенок неуверенности, озабоченности. Внимательная жена сразу заметила это.

— Что-то не так, Сережа?

— Да ничего. Обычные дела.

— Нет, ты скажи. Ты что-то скрываешь.

Падин внимательно посмотрел на жену. Та смотрела на него знакомым ему пристально-взыскующим взглядом, и он понял, что так просто не отделаться и что надо что-то говорить.

— Я думаю над тем, идти ли мне на выборы.

— Президентские?

— Ну, а какие еще.

Ирина отвела взгляд, задумалась.

— Я так и думала. Так и думала. Это, конечно... решение. Ну, и ты решил?

— Приближаюсь к решению. Размышляю.

— Это опасно... Опасно. Но заманчиво, — улыбнулась она. — Очень заманчиво.

— Я знаю, что ты хотела бы быть первой леди.

Она улыбнулась. Хмыкнула.

— Ладно, думай. Кстати, ты знаешь, что у Гордина был сердечный приступ на днях?

Падин с удивлением посмотрел на жену:

— А ты-то откуда знаешь? Это ведь совершенно закрытая информация!

Жена, улыбаясь, хитро смотрел на него.

— Моя разведка не дремлет.

Падин деланно возмущился:

— Бл..., эти жены госчинуш подведут страну под монастырь! Пидарасы их мужья! Все выбалтывают в постелях!

Ирина, смеясь, проговорила:

— Говорят, он быстро отошел. Ничего серьезного. Но это звоночек!

— Да, это странно. Он никогда на сердце не жаловался. Очень странно.

— В любом случае это добавляет тебе шансов. Ваша вшивая элита все берет на заметку.

— А ты сама-то что думаешь? Какие у меня шансы? Ты же ведьма.

Она помолчала, словно прокручивая в голове все за и против.

— Получиться может. Если придумаешь что-то очень оригинальное. Очень необычное. И попрешь, как танк. Так просто не выйдет. Потом... Будет опасность. Очень большая опасность. Можно вообще... могилка, холмик...

— Это понятно. Замах-то какой. Ну так все же?

— Не знаю... Пока не знаю. Пока нет решения. Пойдем кушать.

Когда они зашли в столовую комнату, их сын вовсю уплетал багрово-красный аппетитный украинский борщ.

Звонарев и Юдин продолжали вести активную подготовительную работу, стараясь постепенно эрозировать почву под ногами президента Вадима Гордина в армейских кругах. Помимо генерала Беклемищева, были найдены еще несколько высокопоставленных военных, склонных к тому, чтобы поставить другого президента. Их недовольство было вызвано непоследовательностью Гордина.

К заговору постепенно присоединялись крупные хозяйственные руководители славянского происхождения, целый ряд губернаторов. Против Гордина играло и его заигрывание с православной церковью, стремление с ее помощью удержать контроль над массами невежественных и в основном немолодых людей, составлявших значительную часть его электората. В верхних эшелонах за два десятилетия активной экспансии РПЦ возникло стойкое сопротивление ей со стороны наиболее просвещенной части общества. Ни Путин, ни Гордин не понимали, что произошедшая секуляризация полностью аннигилировала саму возможность прорастания этой религиозной традиции в недра народного самосознания. Развившаяся под влиянием научных и философских прорывов новая ментальность находилась

в неразрешимом противоречии с самим духом христианской ортодоксии, сформировавшейся на ментальном гумусе бесконечно далекого прошлого.

Желание Гордина во что бы то ни стало удержать власть, ничего кардинально в стране не меняя, не имея путинской воли и путинской харизмы, постепенно порождало в массах ощущение бесперспективности. Когда же поползли слухи о его намерениях отдать Сахалин и Курилы японцам, это было воспринято военной и промышленной элитой как попытка совершить политический кульбит с целью задобривания народа подачками, не выстраивая долговременной экономической стратегии. Гордин, как мог, удерживал жизненный уровень на некоем усредненно-низком градусе, не давая полностью увянуть малому бизнесу, поддерживая средний класс, удерживая от нищеты массы пенсионеров. Усталость от Гордина становилась хронической. Он фактически превращался в Брежнева нового времени, втягивающего страну в новый неперспективный застой, чреватый новым обрушением, новой оккупацией.

Звонарев несколько раз в неделю звонил Падину; изредка они встречались. Шла подготовка к заседанию расширенного круга заговорщиков. Сергей Падин все более отчетливо понимал, в какое масштабное дело он вовлекается, какая ответственность на него наваливается. Но вся короткая трехмесячная история, начавшаяся известием Берестова о его болезни, подтверждение этого диагноза в элитной израильской клинике; мощный рейд с Берестовым через Гималаи и поразительное исцеление, — радикально преобразили его внутренний мир, его представления о себе, его отношение к своей миссии.

Общение с Берестовым придало совершенно иной смысл его существованию. Падин постоянно вспоминал их встречу с каким-то великим Гуру на гималайском переходе. По прошествии времени ему стало отчетливо ясно, что это был какой-то высокий духовный Учитель, который появился словно бы ниоткуда на гималайской тропе, владел непостижимыми тайнами преобразования материи, высшей алхи-

мией духа. Падин теперь понимал, что Высокий Посланник возник на тропе только потому, что по ней шел Берестов, которого этот Учитель воспринимал как перспективного ученика. При этом он, Сергей Падин, известный всей стране человек, богач, влиятельный человек, не раз общавшийся с президентами развитых стран мира, был для этого Учителя ничем и никем, — духовно неразвитым существом, малым духовным ребенком, не сделавшим за свою жизнь ни единого серьезного шага в развитии своего духа. Именно потому тот не удостоил его даже своим взглядом.

Падин теперь все это отчетливо понимал. У него кардинально изменилось представление о том, кто реально является элитой человечества, а кто просто мусорной пеной, выброшенной ближе к власти волнами финансовых потоков и туго натянутыми линиями клановых связей. Знаменитый слоган Теккеря «ярмарка тщеславия», который он теперь часто вспоминал, стал для него крылатым, исчерпывающим тему определением. Псевдоэлитное сборище по преимуществу пустых, чванливых, поверхностных людей, скрыто или явно кичившихся своим положением, своими деньгами, новыми машинами и яхтами, все больше представлялось ему собранием маленьких несмышленишек, которые играют в песочнице и хвастаются друг перед другом новыми игрушками. Берестов однажды осторожно сказал про этот круг: «Согласитесь, вряд ли можно считать элитой людей, которые даже в малой степени не обладают хотя бы первоначальным ясновидением, не способны лечить себя руками, энергией, не способны управлять своим дыханием и мышлением... Настоящая элита любого общества, увы, как правило, не видна; в этом заключается вечная проблема общества...»

Сергей Падин понял, что ему надо очень внимательно прислушиваться к тому, что говорит ему Берестов, поскольку он как раз принадлежал к той самой подлинной элите, являлся посредником между нею и теми, уже совершенно неземными существами, которые вообще надстояли над всеми: социумом, религиями, наукой и культурой и даже, возможно, самим временем.

Берестов же ориентировал Падина на выработку глобальной стратегии, которая могла бы прочертить путь страны в самое отдаленное будущее. Берестов связывал это будущее с расчисткой пространства для развития Белой Расы и славянского этноса как ее форпоста, для перехода всей цивилизации на новый эволюционный виток. Анализируя факты и свидетельства, которые ему передавал Берестов, Падин приходил к такому выводу: разумеется, повторить то прошлое нельзя; но дух, который сопутствовал славянству на протяжении той многотысячелетней и весьма славной истории можно возродить в полной силе, и кардинально с его помощью преобразить общество. Падин все более проникался идеей именно масштабных, коренных преобразований, которые надо совершить в стране, с тем, чтобы в ее дальнейшем движении через историю никто не сумел бы ее перенаправить на ложные и вредоносные ориентиры. Его интерес к властному статусу, его желание стать лицом, от которого зависит развитие всей «открытой системы под названием страна», как любил выражаться Берестов, значительно выросли; пафос возможных преобразований постепенно прорастал в нем подспудным, довлеющим над всеми другими, желанием.

Происшедшие в нем перемены в первую очередь заметила, естественно, жена. Она ничего не знала об истории его заболевания и о настоящей цели его поездки в Гималаи. Муж тогда сказал ей, что давно мечтал пройтись по высоким горам, развеяться, отдохнуть; что на высоте будет сооружаться стадион; что его почти двухнедельное присутствие в Непале необходимо для урегулирования важнейших политико-экономических формальностей. Ее такое объяснение вполне удовлетворило.

Михаил Георгиевич Берестов, с которым ее познакомил Падин, ей очень понравился, вызвал интерес. Его точные замечания по поводу ее проблем со здоровьем, плохого сна, головных болей, неприятных ощущений в спине и прочего сориентировали ее в многоликой сфере медицинских услуг; она поняла, куда и с чем ей надо обращаться и что делать.

Так же Берестов сообщил полезные и важные вещи по поводу их ребенка, сказав, что он меркурианец по физиогномическому типу, что он обладает тонкой нервной системой, быстр и резок в реакциях, восприимчив и что поэтому надо заниматься развитием его творческих способностей.

Ирина заметила, что муж после гималайской поездки стал гораздо мягче, добрее, снисходительнее; его душа как бы вдруг просветлилась и прочистилась. У них теперь было гораздо больше секса, что Ирину крайне удивило и, кажется, обрадовало. У него больше не болел правый бок, но муж объяснил это тем, что тибетские препараты сняли дискинезию желчного пузыря. Она пыталась выяснить, с чем вызваны такие перемены, не было ли у него какой-либо любовной истории в этой поездке. Но ее постоянный консультант по вопросам магии колдунья Эльвира никакой женщины возле мужа не обнаружила, но нашла сильного белого мага-защитника. Это Ирину, конечно же, не удивило.

Сергей с большим интересом стал относиться к информации, поступавшей от Звонарева по закрытым информационным каналам, касавшимся расширения круга вовлеченных в заговор лиц. Идея расширенной встречи участников заговора также стала занимать его, и он принял участие в проработке темы встречи и средств ее информационной защиты.

Однако в силу того, что футбольный проект явно переходил в фазу ответственных игр, Падину пришлось срочно, уже в июле 2029 года решать вопрос о регистрации игроков секретной команды в информационных ресурсах Федерации футбола страны. Ануров пообещал решить все эти вопросы.

ГЛАВА 31

Разговоры о странном матче «Рубина» с неизвестной российской командой экстра-класса в футбольных кулуарах шли весьма оживленные. О нем говорили практически все

тренеры; затем эта информация дошла и до функционеров Футбольного союза и федерации.

Выслушав тренеров, председатель федерации Юрий Плешаков снял очки и нервно стал потирать свой лоб.

— Товарищи, что же у нас такое получается? Что-то просто непонятное. Получается, ниоткуда взялась команда хорошего уровня. Появились какие-то классные игроки. А мы ничего не видим, ничего не знаем. Надо что-то предпринимать. У нас ведь сборная засыпается. Через две недели игра с Хорватией в гостях. Если даже ничья — мы можем оказаться на грани вылета. Сыграют греки с немцами вничью — все тогда! Надо что-то делать. Какие есть предложения?

Сидевшие на совете люди, кроме Анурова, стали предлагать вступить с переговорами с руководством нового клуба, показать игроков главному тренеру первой сборной. Суть их рассуждений сводилась к следующему: раз уж есть готовая связка классных полузащитников, сильный нападающий и супервратарь, то тренер может быстро вклинить их в сборную, наиграть буквально за неделю. Предлагалось срочно провести контрольный матч этой команды со «Спартаком».

Буквально тем же вечером Павел Ануров, присутствовавший на совещании, экстренно встретился с Сергеем Падиным, Андреем Марановым и Михаилом Берестовым в особняке братьев Тапатадзе. Все вместе они начали просчитывать варианты, стараясь выбрать оптимальный. Сергей Падин склонялся к тому, чтобы согласиться на матч со «Спартаком».

— Возможно, судьба нам дарит наиболее короткий путь на чемпионат, — рассуждал он. — Мы обыгрываем «Спартак». Федерация увидит, что есть мощная команда. Пусть они предложат отдать пять игроков в первую сборную. Мы выставим условие: не пять, а всю первую сборную меняем на нашу команду. Они быстро регистрируют игроков в ФИФА; мы играем с Хорватией; обыгрываем ее, выходим

в финал чемпионата. У них просто не будет другого выхода. Сразу в дамки идем.

Ануров придерживался иного мнения.

— Сергей, поверь мне, так не получится. В Федерации и Футбольном союзе есть три конкурирующие группировки. Часть лоббирует своих игроков, что играют в сборной. Замене всей команды будут категорически противодействовать. Согласятся на введение трех игроков, не более. Возьмут, может быть, вратаря; может, одного Пересветова в запас, и все. Этому тренеру легче проиграть все, вылететь к черту из турнира, чем поступиться принципами. Это такой человек. В итоге что получится? Игроков засветим, из турнира вылетим. Тогда все. Сушите весла!

— Главное, Сергей, дорогой, не выйдет, что ты хотел, — заметил Ираклий Тапатадзе. — Команду разберут, команда будет не твоя.

Ануров поддержал Тапатадзе:

— Ираклий прав. Замысел твой уже не сработает. Это факт. Падин некоторое время молчал, думал.

— Да, вы правы... Чего ради я все это затевал? Вы правы. Но что же делать? Ждать, пока сборная сама вылетит? Тогда команда тоже окажется не у дел. Все равно весь проект коту под хвост...

Тут заговорил Маранов:

— А давайте просчитаем все варианты. Тут, похоже, такая ситуация, что все варианты хуже. Но надо выбрать лучший из худших. Если даже мы проиграем Хорватии, это не значит, что сборная вылетела. Греки наверняка проиграют немцам. 90 процентов. Немцы люди самолюбивые. Даже ничья с Грецией вызовет в Германии неудовольствие. Немцы всегда играют на выигрыш. При таком раскладе сборная просто зависает.

— И что тогда? — спросил Падин.

— А тогда будет уже более подходящая ситуация. Сборной надо будет вничью играть с Германией в гостях. Там это будет сложно сделать. Германия дома играет очень сильно.

Ничью с ней там в последние годы делали только Испания и Бразилия.

— Я вас все равно не понимаю, Андрей, — нервничал Падин. — Ну будет у сборной тяжелая ситуация. И что?

— Эта ситуация будет выгодна для нас. В федерации прекрасно будут понимать, что при таком раскладе сборная вылетает. Сто процентов. И тогда они предпочтут сыграть ва-банк. Они согласятся провести стыковой матч. Мы против сборной. У них просто не будет выхода. Мы выиграем, крупно выиграем, я уверен. В Германию пошлют нас. А мы немцам не проиграем. Послушайте меня! Мы не проиграем Германии! У меня не те парни. Уж вничью-то мы точно сыграем. Но мне нужно выиграть время. Мы не завершили целый ряд программ. Чтобы довести ребят до минимально необходимого международного класса. Мне нужны эти два месяца до матча с Германией, понимаете? Они мне необходимы!

— В щизни нэ видал такой кашмарный рэбус! — заметил Нугзар Тапатадзе. — Эта просто мазги паламаэшь!

— Помнишь, Нугзар, как мы в рулетку с тобой играли в Тбилиси? — заговорил Иракий. — И туда ставили, и сюда ставили. И все продули! Пачку денег продули!

— Здэс так нэ надо! — заметил Нугзар.

— Это точно, — засмеялся Падин, а за ним все остальные.

Падин обратился к Берестову:

— Михаил Георгиевич, я вашей интуиции очень доверяю. Скажите свое слово. Берестов все это время молчал, и словно был чем-то недоволен, немного хмур и задумчив. Но к вопросу Падина он оказался неожиданно готов.

— Эта ситуация рациональному решению не поддается. Это иррациональная ситуация, с поливариантностью исходов.

— О-о, блин, — покачал головой Нугзар Тапатадзе. — А неэльзя ли папроче, уважаемый? Ми вэдь академиев не проходили.

Все засмеялись.

— Хараша, дарагой, — подыграл Нугзару Берестов. — Короче, ребята, я могу идти только от интуиции. Я подерживаю точку зрения Андрея. Со «Спартакoм» играть не следует. Мне отчего-то кажется, что у Хорватии сборная не выиграет. Очень много шансов именно на то, что первая сборная зависнет, как сказал Андрей; попадет в критическую ситуацию. Возникнет предметовая, так скажем, позиция. Для руководства федерации совершенно невыгодная, нехорошая. И они будут готовы на все. Распри в футбольных кругах уже ничего не буду решать. Никто не будет верить в то, что сборная может выйти в финальный турнир. Они пойдут ва-банк. Наш вариант рассмотрят как экзотический, что нам и нужно. И тогда мы выйдем из тени. А Андрей за это время сделает еще один рывок. Сейчас его люди на подъеме. Они поверили в себя, они будут работать... ну просто неистово. Я верю в его команду.

Падин и гости некоторое время молчали, обдумывая версию Берестова.

— Мне нравится то, что сказал Михаил Георгиевич, — наконец сказал Андрей. — Предлагаю рискнуть.

— Я тоже за эту версию, — твердо сказал Ануров.

Опять все немного помолчали, попивая чай.

— Но вот вопрос. Как мы обоснуем наш отказ федерации? — спросил Ануров. — Они через два дня будут вас искать, братики. Если обидеть федерацию отказом, то... Потом они могут на нас и не поставить. Там тоже люди с гонором.

— Предлагаю такой вариант, — отвечал на это Берестов. — Завтра же отправляйте команду куда-то далеко. В Непал, например. Срочно, аврально! Там ведь готова база, правда же?

Падин кивнул:

— Почти

Маранов схватился за голову:

— Ну, не ожидал от вас Михаил Георгиевич! Вы представляете, что такое отправить столько народу за границу?

Да еще куда? Это же двое суток на ушах надо стоять... Пекуза с ума сойдет! По стране еще можно.

— Тогда... Ну, тогда на Алтай, например. Я, кстати, знаю, где неплохая база есть. К тому же место силы. Взлетаете, и все — вы там. Придется встать на уши, что поделаешь.

— Алтай? — задумался Андрей. — А что... А почему бы нет?

После недолгих прений план Берестова был одобрен. В ту же ночь началась авральная подготовка команды к отъезду. 26 июня 2029 года все игроки команды вместе с тренерами и обслуживающим персоналом в числе 47 человек улетели в Горный Алтай. Буквально на следующий день председатель Федерации футбола Юрий Плешаков пытался связаться с братьями Тапатадзе, но безуспешно: предусмотрев вариант преждевременного звонка, они выключили телефоны, а их запасные номера знали только самые близкие люди. И только когда команда прибыла на алтайскую базу, они включили телефоны, вышли на связь.

Как ни уговаривал председатель федерации Нугзара Тапатадзе вызвать хотя бы пятерых лучших игроков, тот не пошел ему навстречу, мотивировав это тем, что игроки уже неделю на высоте; что им нельзя ломать программу подготовки; что они только акклиматизировались и возвращение на равнину очень опасно, и так далее. Плешаков не ожидал отказа, грозно кричал в трубку:

— Да вы понимаете хоть, о чем идет речь, уважаемый? Они со сборной могут поехать! На чемпионат мира! Мира!!!

— Я понэмаю... Оч-чэнь понэмаю вас, — отвечал Нугзар, нарочно усиливая кавказский акцент. — Што могу сдэлать? Они на высотэ недэлю сидят... Акклим...засия. Нэля...

— Пускай сейчас вылетают! Еще неделя до игры!

— Нэ, нэля, — отвечал невозмутимо Нугзар. — Врачи нэля, говорят... А потом эти ващи козлы подбили нападающий! Лучший нападающий! Трэщина в кости!

— Какие козлы подбили? — оторопело спрашивал председатель. — Вы о чем?

— Эти козлы из «Рубина»! Нэ умэют играть, в человек играют! Мэсяц тэпер играть нэ будэт! Полузащитник — тоже подбили! Нэдэлю нэ играет! Как так можно играть, скажитэ? Почему нэт воспитатэлный работа?

Эти аргументы убийственно подействовали на Плешакова. Он разозлился и в сердцах, раздраженный, отключился... Первая сборная продолжила подготовку к игре с Хорватией в старом составе, по своей программе.

Игра сборных России и Хорватии, состоявшаяся 11 июля в Загребе, закончилась ничью, 0:0. После этого шансы первой сборной попасть в финал чемпионата мира стали еще более проблематичными, и многое зависело теперь от исхода матча Греция — Германия в Афинах.

Он состоялся 11 августа в Мюнхене. Если Германия побеждала, то у российской сборной оставались некоторые шансы: наших устроила бы ничья с Германией. Тогда они опережали бы хорватов и греков, выходили в финал.

Ситуацию понимали все игроки: они знали, что эта игра имеет к ним прямое отношение. Игру смотрели оба состава вместе, все тренеры, врачи, весь обслуживающий персонал. Поначалу сборная Германии имела большое территориальное преимущество. Однако греки упорно защищались, у них был очень хороший вратарь. В конце тайма греки подавали угловой. Внезапно из-за спин защитников выскочил юркий длинноволосый латиноамериканец, и точно пробил. Немцы до перерыва так и не смогли отквитаться. Во втором тайме немцы атаковали упорно, но мяч в ворота не шел.

Сумрачный Гремин с досадой обронил фразу:

— Не заладилось у немцев... Не идет игра...

— Сольют игру, — согласился Рыклин.

— А греки просто уперлись, — заключил Нестерович.

Наблюдавшие за игрой игроки постепенно замолчали. Забрехала сенсация, совершенно невыгодная для России. Ко всеобщему изумлению, несмотря на непрерывные атаки немцев, греки удержали победный счет.

Эта ситуация фактически сводила шансы России на выход в финал почти к нулю, создавала нового фаворита — сборную Греции. Теперь чтобы выйти, надо было выигрывать в гостях у Германии со счетом не меньше, чем 3:0. Тогда Хорватия, Россия и Греция набирали бы равное количество очков, но по голам Россия выходила бы на второе место после Германии. Та выходила в финал при любом раскладе, так как выиграла до того все матчи. Но все понимали, что выиграть с крупным счетом дома у немцев невозможно, тем более после их проигрыша грекам.

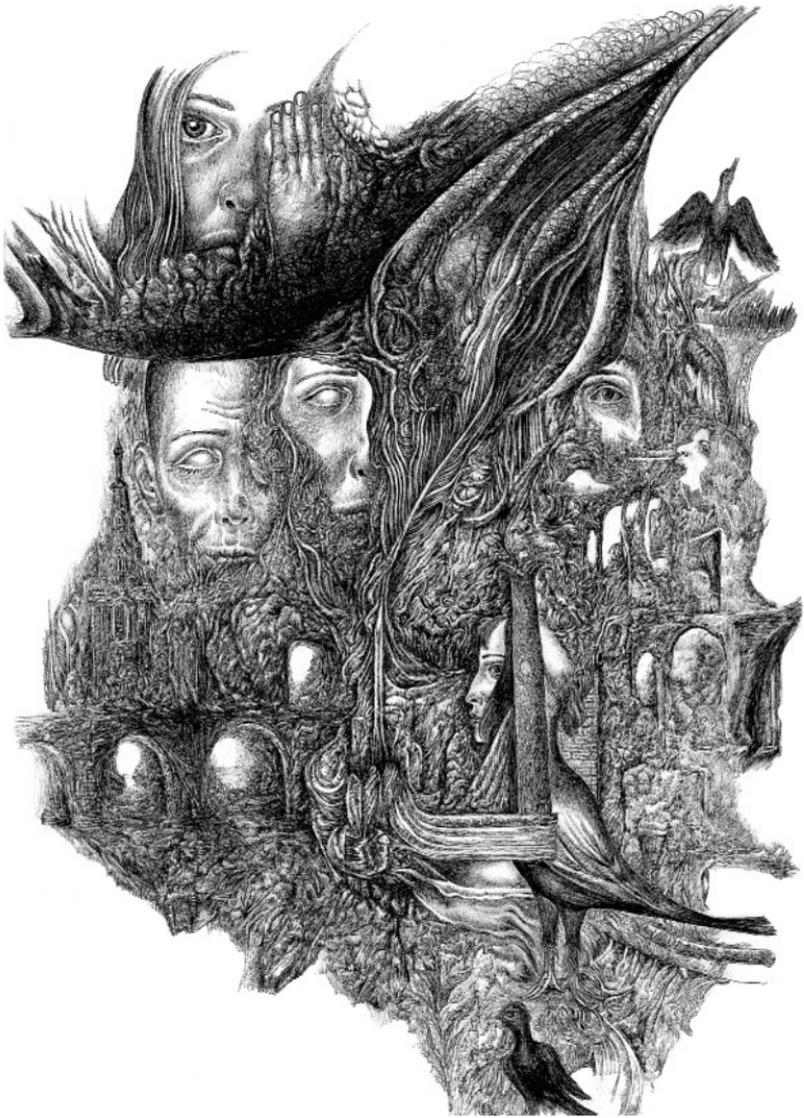
Маранову вечером позвонил Ануров. Он сообщил, что состоялось экстренное совещание в федерации; что там царят переполох и уныние. Президент уже звонил Плешакову, и сказал все, что он думает о нем и тренерах команды. В голосе Анурова звучали досада и разочарование. Это был самый худший вариант из возможных. Однако Андрей Маранов смотрел на ситуацию более оптимистично. В этой ситуации он мог получить твердый козырь на руки. Игра ва-банк, игра, когда на кону стоит все, его устраивала и была ему интересна. Он был готов выставить еще «сырую» команду на игру с Германией и попытаться дать нужный результат. Но тут все зависело теперь не от него, а от политиков.

Сергей Падин вскоре позвонил и сообщил, что сделал все от него зависящее, чтобы ситуация «разворачивалась в нужном направлении». И что состоялся важный разговор одного из его знакомых с одним важным человеком. Только потом Маранов узнал, что имелся в виду разговор генерал-лейтенанта Беклемищева с президентом.

Теперь все зависело от того, даст ли он добро федерации на проведение стыкового матча Первая сборная — команда Маранова.

ГЛАВА 32

Магистр спал. Он видел там огромное безжизненное серое пространство с белесым навесным шерстистым не-

бом. Он видел несметную толпу людей, которые неровной широкой цепью стояли в какой-то очереди. Он видел их перед собой: заплаканные лица женщин, угрюмо-покорные, бледные лица мужчин, стариков и даже детей. Некоторые его заметили, и посмотрели на него холодными

обреченными взглядами. Каким-то образом он увидел всю очередь сверху. Она растянулась на какое-то немыслимое расстояние... Если бы его можно был измерить, то получилось бы, вероятно, несколько сотен километров; да и конца не было видно, поскольку и горизонта как такового там не было.

Тот, кто был в трехмерном мире магистром Виндинг-Бронсом, подошел к людям в очереди и спросил:

— А вы для чего тут стоите? Что за очередь?

Две ближних к нему женщины отвернулись от него. Пожилой мужчина в кепке как бы нехотя, небрежно бросил:

— Это только на покаяние... Такая тьма народу. Там храм у них какой-то.

— Покаяние? — спросил магистр. — А дальше что?

— А дальше куда распределят... Я вот уже десять лет стою. Холодно тут. Ветер из-за того холма все время! Вот беда-то! Знать бы раньше, что ждет!

Магистр пошел вдоль очереди. Ледяной ветер со снегом и колючими каплями пронзал его насквозь. Ветер содержал в себе еще струю ледяного темного страха. Тревога за свою судьбу властно внедрилась в него. «Что такое? — подумал он. — А как же я?..»

Он прошел еще немного и увидел какого-то особенного человека. На нем была белая одежда, он имел длинные полуседые волосы и бороду. Лицо его не было мрачным, скорее безучастным; а в глазах светилась какая-то веселинка. Магистр подошел к нему.

— Скажите, вы ведь тут служитель? — спросил он седого.

Тот кивнул.

— Скажите, мне тоже надо встать? Мне-то что делать?

Седой мгновение смотрел на него; глаза его как-то странно лучились.

— Нет, вам не сюда, — ответил он. — Совсем даже не сюда...

— А куда? — спросил магистр.

— Туда вон сначала...

Седой уверенно показал куда-то вниз. У магистра все так и рухнуло внутри.

— А там что? То есть, что... Я даже сюда не могу? — спросил он.

И вдруг внизу обнаружился словно нижний этаж, какое-то кубическое пространство. И вдруг он увидел себя — только в длинном черном одеянии. Он ясно понимал, что это он сам и есть. Этот его дубль спокойно и деловито сидел за столом и аккуратно, очень по-деловому вводил раскаленные иглы под ногти пальцев молодой женщины. Руки ее были намертво прибиты гвоздями к деревянному столу. Он понимал, что она истошно кричит, но крик ее был каким-то высокочастотным, словно наводка от радиомикрофона. Этот его дубль в черном неприветливо посмотрел на него самого, словно был недоволен, и продолжил свое занятие.

Магистр отвел взгляд, желая уйти в другое пространство. Но теперь не было ни толпы, ни седого. Было безлюдное пространство, освещенное холодным безжизненным фиолетовым светом. Оно излучало бездушную безысходность.

Он обреченно побрел в фиолетовое никуда. Из ветра вдруг вылетели четыре большие черные птицы. Одна едва не задела его крылом, резко и противно проверещала над головой. В этот момент он и проснулся, и увидел низко пролетевшую чайку.

Неприятен был ему этот сон. «И что бы это значило? — подумал он. — Мне хотят что-то сказать? Идиотский сон...»

Он позвонил, чтобы принесли кофе, а сам стал прохаживаться по веранде. «Может и вправду... Что-то не то делаю? А если там все так и будет?»

Но прошло немного времени, отзвуки нехорошего сна в душе стали понемногу пригасать, бледнеть. Он стал гнать от себя ненужные мысли.

«Обо мне позаботятся Кураторы, — подумал он. — Неизвестно еще, кто тут является высшей инстанцией...» Эта мысль ободрила его.

Он стал готовиться к назначенной на 16:00 общей встрече представителей технических подразделений и магистров лож.

Заседание проходило на острове Беверскуадо. Магов сюда доставили на эксквайзерах, а спецы приплыли на яхте. Перед заседанием все некоторое время общались в овальной зеркальной зале. В таком составе по данному проекту заседаний еще не было. Было понятно, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Многие уже знали, что именно.

Заседание открыл сам доктор Зигмунд Грегориус, генеральный руководитель всего проекта. Его давно уже не видели, так как на проекте более засекреченным оставался только еще один человек, имя которого знали только двое или трое из присутствовавших. Грегориус сразу объявил, что в реализации проекта возникли проблемы.

— Господа, где-то произошла утечка информации. В проект пытаются внедриться неизвестные нам силы. Они определили место нахождения нашего центра и исследуют те места, которые имеют к нему непосредственное отношение. Три дня назад произошел из ряда вон выходящий случай на одной из улиц Фликерстоуна, возле филиала №4. Я приглашаю рассказать о произошедшем шефа специального подразделения Джозефа Тремптона.

Микрофон был передан лысому загорелому человеку лет 55, с волевым лицом старого солдата.

— Произошло следующее. В 14:00 один из андроидов серии PGW-12 был выпущен в город. Целью была адаптация подготовленного и четко работающего андроида к работе в условиях города. Контроль за его перемещениями осуществлялся через камеры наблюдения и устройства дистанционного слежения. Более часа андроид перемещался по городу, полностью подчиняясь командам центра. Однако в 14:13 в магазине, в который он зашел, произошла его встреча с неизвестным нам человеком. Как показали дальнейшие события, это был серьезно подготовленный агент неизвестной нам разведки. Скорее всего, русской, так как

следы повели к русскому авиарейсу. В результате столкновения андроид был выведен из строя. Возможно, восстановить функциональные нарушения уже не удастся.

— Джозеф, почему андроид не убил агента? Я так понял, что трупа у вас нет?

— Нет не только трупа. Агенту удалось уйти. Вообще уйти. Его сейчас нет в Америке.

— Прокол! Позор! Это зона вашей ответственности! Преступление! — закричал с места магистр Фергюссон.

— Вы не правы, господин Фергюссон! — остановил его доктор Грегориус. — Если наши спецсы не смогли его задержать, значит, противник серьезный. — Мы столкнулись с недоработкой, — продолжал Тремpton. — Программной прежде всего. Наши диспетчеры наблюдали за андроидом, не упускали его из виду. Но когда он получил ранения, информация об этом в центр управления не поступила. Оба агента исчезли. По нашим предположениям, они улетели на самолете с одного из аэропортов Майами. Либо с центрального Майами, либо Фонтейбло. Дальше им ехать не было смысла. Либо они отправились на машине. Но далее след агента с бородой был обнаружен. Как и следовало ожидать — в Нью-Йорке. Мы предполагали, что агент попытается скрыться из страны, и оперативно разослали его фотографию во все аэропорты. Однако проблема заключалась в том, что фотография у нас имела некачественную. Это была выкадровка с видео. Агент, разумеется, знал про камеры, и все время уходил в тень. Была видна выглядывающая борода, часть плечей. Но лицо вышло нечетко.

— Какая неудача! Как же так! Ведь стоят камеры наивысшего качества!

— Господа, нет такой оптики, чтобы могла снимать в тени с максимальной четкостью. Но даже плохая фотография могла бы сработать. Но! Я повторяю, это был очень профессиональный агент. В аэропорту Ла-Гардия произошло нечто вообще из ряда вон выходящее. Нанятый нами полисмен, задачей которого бы доложить

о появлении всех бородатых седых людей на всех рейсах, прозевал агента.

— Почему полицейский? — раздался возглас с места. — Почему это был не агент? Опять прокол!

— Господа, мы не имеем столько агентов, чтобы контролировать все рейсы. Рейсов тысячи! Это невозможно! То, что был зафиксирован этот агент, случайность. У нас были все шансы его взять. Но то, что он сотворил, показывает уровень его подготовки. Полицейский, имевший перед глазами фотографию, был моментально дезориентирован агентом. Ему был внушен совершенно другой образ, и был задержан человек вообще другой внешности – лысый и толстый. Никакой бороды! Вот так вот!

— Суггестия! Обычная суггестия!- воскликнул психолог Сандерс. — Но хорошего уровня.

— Да, суггестия! Но в сложных условиях. Он выключил полицейского почти на час. Тот уверял, что в его планшете была именно фотография лысого. Он был в этом убежден! Когда мы его приперли к стенке, показали фото в планшете, он не мог в это поверить. Только спустя час он признал, что был подвержен зомбированию. Более того, он заявил, что видел этого бородатого, и хорошо его запомнил. Он хотел его задержать, и поджидал, когда тот подойдет, чтобы убедиться. Произошедшее далее он не мог объяснить. Он словно был во сне.

— А что это был за рейс, Тремpton? Куда улетел самолет?-спросил магистр Виндинг-Бронс.

— Это был самолет русской компании. Он улетел в Москву. Он вылетел за границы США ровно через двадцать минут после взлета. Задержать его было невозможно.

В зале начался шум, люди повыскакивали с мест, раздались возмущенные выкрики:

-Это русские! Проклятые русские!

— Черт возьми! Русские!

— Сбить надо было к чертовой матери!

— Вы с ума сошли? Ядерной войны хотите?

— Да может быть вовсе не русский... А агент другой разведки, работающий в России...

— Черт их разберет... Но скорее все же русский. Обратите внимание: волосы! Борода! Нестандарт!..

Все дальнейшее обсуждение было посвящено одной теме: каким образом русские агенты вышли на закрытый центр по разработке проекта, что из этого следует, как защитить проект, и что могут предпринять русские агенты в дальнейшем.

— У русских наверняка работают тут и другие агенты,- размышлял вслух директор Департамента информационной защиты Степлтон. — Они вряд ли будут искать своего пропавшего; они уверены, что он погиб. Но им явно дали команду собрать информацию об острове. Они проявятся. Они будут стараться получить более подробную информацию о наших андроидах. Они их боятся, и подозревают, что они могут быть внедрены в их секретные организации.

— Они о наших андроидах знают давно, -заметил Джессен Балнемур.- Но почти ничего не знают об их устройстве, о программах, об их возможностях. Но плохо то, что они пытаются блокировать проект как раз тогда, когда мы начали их внедрять в их организации. Все же непонятно, каким образом агент умудрился поломать программу андроида. Это очень плохо. Значит, у них есть какие-то средства... Придется перепрошивать всю систему. У них есть какой-то секретный метод.

— Перепрошивать придется,- кивну Тремптон. — Программу антисканирования надо усовершенствовать. Расширить параметры.

Магистр слушал, и чувствовал все возрастающую тревогу. Спецы все говорили, говорили... Но все не о том, не о главном. Но что было главным? Он никак не мог понять. Но когда Фергюссон попросил его высказать свое мнение, его вдруг прорвало. Он разразился весьма пространной речью.

— Господа, у меня есть подозрение, что ситуация несколько сложнее, чем мы предполагаем. Сопоставляя разные данные с теми, что были озвучены сегодня, я все более прихожу к весьма неутешительному выводу. Русские по-прежнему оказываются конкурентоспособными, но не потому, что идут вровень с нами в технике. У них бурно развиваются технологии, которые мы фактически стали игнорировать. Мы ушли в техницизм, мы уверовали в силу технического прогресса и науки. Мы создаем искусственного человека, хотим поставить его выпуск на поток. Они же стремятся развить сверхспособности в человеке обычном и поставить на поток создание именно таких людей. И опять встает вопрос, что стоял перед нашими мастерами еще триста назад: каким образом нам предотвратить их развитие в опасном для нас направлении?

Я уверен, что вы блокируете русских агентов, благо вы о них уже знаете. Но мы должны принять во внимание то, что эти агенты обладают нечеловеческими способностями и, не ровен час, они научатся блокировать на расстоянии нас. Потому главное, что я хотел вам сказать: ищите новые подходы. Вам надо найти способ совместить сверхспособности человеческие с техническими. Тогда вы создадите существ, поистине неуязвимых.

Чуть больше года осталось до чемпионата мира по футболу. На этом чемпионате мы должны победить с помощью наших андроидов и доказать прежде всего самим себе, что мы можем побеждать с помощью новых технологий. Большая война непременно произойдет еще в этом столетии. В ней — учтите, поймите — будут воевать существа нового типа! Полулюди — полуроботы. Они должны нам обеспечить победу над теми, кто мешает нам навести порядок на планете. Но я призываю вас осознать серьезность этой борьбы! Нам никто не гарантировал победы! К ней надо идти!

Речь магистра произвела на присутствовавших странное впечатление. Никто ничего не сказал на это. Только старый друг Фергюссон потом тихо спросил: «С тобой все в по-

рядке, Ричард? Мне кажется, ты устал... Может тебе стоит выключиться, поветриться, отдохнуть?»

Магистр на это лишь вяло махнул рукой, и пошел на выход.

ГЛАВА 33

В небольшом горноалтайском городке было несколько футбольных полей и небольшая спортивная база, не бог весть какая современная, но вполне пристойная.

В начале августа тут было нежарко, температура не поднималась выше 17–18 градусов, периодически припускали дожди. Однако тренировки сразу же пошли в обычном напряженном режиме. Заработал зал для компьютерных тренажеров, всюду также работали и пушки. В один из дней команды сделали марш-бросок на Белуху, пройдя по сложному маршруту на места силы. Их вел рекомендованный Берестовым местный проводник из общины староверов. Парни поднялись на вершину без всякого напряжения — они были уже очень хорошо тренированы, держали дыхание; вверх поднимались быстро, почти бегом, и никто не отставал. Во время подъема даже шутили и пели песни. Для их организмов это была уже не нагрузка.

На вершине горы они провели интенсивную разминку и даже поработали с мячами.. На следующий день после этого похода они готовы были работать с утроенной энергией.

Через два дня игроки первой команды уехали из лагеря вместе с Берестовым и Провоторовым. Всем остальным было сказано, что цель приезда — проведение практик и обрядов на древних славянских капищах. Те, кто остался на базе, работал по своей программе.

А семеро игроков первой команды прибыли в отдаленное урочище возле мощной дубовой рощи, в пяти километрах от ближайшей деревни.

Это было довольно большое пространство, на котором стояло несколько срубов, а посередине — деревянные статуи, изображавшие славянских божеств. Видимо, специ-

ально к встрече гостей бородач лет 50 играл на билах — музыкальном инструменте, состоящем из рамы и подвешенных на ней медных пластинах. Плавные текучие звуки, напоминавшие перезвон дальних и ближних колоколов, растекались как по огороженному пространству двора, так и далеко за его границы — туда, где от края дубовой рощи протянулись цветистые, пышно травные, по-июньски пахучие луга. Вовсю пели птицы, их разномастный, пестрый клекот сливался со звоном инструмента.

Всю группу встретили у ворот трое бородатых мужчин с длинными волосами, одетые в длинные белые рубахи, расшитые древнерусской орнаментальной вышивкой. С каждым они поздоровались по древнеславянскому обычаю, запястье к запястью.

В середине двора был разожжен костер. Над ним, на складке из кирпичей, стоял большой чан. Под навесом, напоминавшем большую беседку, стоял длинный стол, деревянные стулья, сколоченные несколько грубовато, но искусно, отделанные резьбой. На столе стояли два огромных старинных самовара, разного рода небольшие чайнички, миски, алюминиевые кружки.

— Заходите, братки, располагайтесь, — сказал один из мужчин, которого звали Велеслав. — Каша почти готова, чайку сейчас попьем. Чаек из иван-чая, целебный. Потом с Ратибором двинетесь в лес, там обряд один совершим. На то, чтобы сила была с вами. У вас задачка стоит непростая. Я бы даже сказал, большой сложности задачка. Надо быть готовыми. Надо, чтобы сила была с вами.

Чаепитие проходило в довольно принужденной, даже чуть чинной обстановке. Парни по большей части молчали, не очень понимая, зачем они приехали сюда и что будет происходить дальше. Больше разговаривали Берестов и местные бородачи.

— Капище удалось оживить? — спрашивал Берестов.

— Оживает понемногу, — отвечал тот, что играл на пластинах, Радосвет. — В прошлом году на него налетели христианствующие. Водичкой залили, естественно.

— Обычное дело.

— Ну да. Пришлось потом снова чистить алтарь. Костер большой жгли. Оживает все понемногу, оживает.

— Русь оживает, — добавил Велеслав. — Многим это не нравится. Враги напрягают силы.

— На обрядах порой огонь задувает, хотя ветра нет никакого, — сказал Родослав. — Видно, те ребята напрягаются.

— Кто работает, не видели? — спросил Берестов. — Откуда идет?

— Ты бы, может, и увидел бы, Доброгор. Мы не видим. Но Мастер говорит, что издалека. Может, даже с американского материка. Или еще дальше... Хотя куда дальше?

Футболисты с удивлением посмотрели на Берестова. Они не знали, что у него есть еще и такое имя.

— Скажите, мужики... А вот эти имена. Они как даются? — спросил Пересветов.

— При посвящении даются, — охотно отвечал Велеслав. — Мастер видит, что ты правильно живешь и мыслишь правильно. Без мусора в голове. Если сила появляется, он видит. Огни видит... Огни центров. Они у каждого должны быть, но у обычных людей загашены. Мастер видит, что огни загорелись, посвящение устраивает. Это фиксирует человека в иерархии. В следующий раз у него будет свое место при обрядах, и с ним будут обращаться в соответствии с его положением. Или чином. Он входит в кон. Тот, кто за коном, не может войти.

— Это древние порядки, ребята. Не мы их придумали, — заговорил Ратибор. — Мы были обычные мужики. Я был инженер на заводе, а Велеслав — агроном. Каждый в свое время почувствовал зов некий... Веление такое. Что-то такое отозвалось в душе, знаете — на песни славянские, на тексты, на былины. На вещи, на вышивку, на роспись. Стали вникать. И вдруг обнаружили, что за всем этим — бездна. Не знали настоящей истории народа нашего, понятия не имели. Христианствующие так мозги всем запудрили, так запугали, что любому непросто выйти на

свободу мысли. Но когда эту беду увидели, когда поняли, что за нами — сотни тысяч лет истории... Все это осознали. И пошло... Теперь у каждого из нас посвящение.

— Но Доброгор выше нас, — заметил Ратибор. — Он рядом с волхвами. Так что вам повезло ребята, раз он за это дело взялся.

— А мы уже поняли, кто он, — вдруг заметил Пересветов. — Мы многое уже поняли. Была возможность.

— Не ожидал, что ты такое скажешь, Ратибор, — покачал головой Михаил Георгиевич. — Прекрасно знаешь, что в цепи мы все равны и никто не выше. Если ради ребят сказал, то зря... Они уже зрячие. Им предстоит битва. Возможно, для кого-то насмерть... Мы сюда приехали, чтобы вы помогли. Им не одолеть без помощи.

Все трое бородачей молча смотрели на Берестова.

— Нам не было сказано, что все так сурово, — сказал Велеслав. — А в чем задача? Разъясни. Мы знаем, что они хотят попасть на чемпионат. ... Ты разъясни. Ведь ты произнес слово «смерть». Ты ведь не будешь такие слова говорить всуе. Мы же знаем тебя.

Берестов вздохнул, посмотрел на парней. Они внимательно слушали разговор. Даже чай перестали пить.

— Ты ведь помнишь прошлый круг, Велеслав. Помнишь, мастер сказал: *они появились*. Теперь все будет по-другому. Помнишь?

— Как не помнить. Он дал мне камень от Радомира. Но я пока нелюдей не встречал. Камень молчит пока. Хотя мы ездим, и немало...

— А я вот видел. Мне довелось. И парням придется увидеть. И биться с ними придется. Вот в чем дело...

— А кто такой Радомир?-спросил Пересветов.- Это ваш товарищ?

Волхвы переглянулись, улыбаясь.

— Нету у нас таких слов...Другие слова у нас,- заметил Велеслав.

— Радомир – великий Учитель. Он несколько столетий пролежал в капище, в Иране. Лет тридцать назад начал

периодически возвращаться с тело, но не вставал. Разговаривал с нашими через тонкие слои...С видящими. А не так давно он встал и ушел. Где он, знают только те, кому позволено знать.

Пересветов очень этим заинтересовался:

— А что он делает? Его миссия – она какая?

Но волхвы молчали. Затем Ратибор сказал:

— Землю русскую преобразить. Мир преобразить...

— Каким образом?-не унимался Пересветов.

— Всему свое время. Узнаете, когда надо будет...

Велеслав отошел за трубкой. Вскоре он вернулся, раскуривая ее. Это была старинная длинная трубка с какой-то росписью.

— Расскажи подробнее, Доброгор,-обратился он к Берестову.- Надо понимать, от парней нету секретов?

— Я как раз хотел им рассказать. Им надо знать... В Америку я ездил, чтобы их найти. Мне помогли найти место. В городке, возле одного местечка, камень ожил...

— Какое было свечение?

Желтовато-зеленое, горел прожилками вначале; потом весь засветился... Я их видел сначала другим глазом. А потом с одним столкнулся прямо в магазине...

Те из парней, что сидели далеко, стали перемещаться поближе. Они хотели лучше слышать, так как Берестов говорил негромко.

— Как он выглядел, Доброгор? — спросил Велеслав.

— Он выглядит, в общем, как обычный здоровый мужик. Возраст его определить сложно. По коже его — такой грубоватой, шероховатой — можно сказать, лет на тридцать выглядит; но нету содержания в нем человеческого, понимаете? Нет отпечатка опыта. Никакого отзвука пережитого — ну там, страстей, бед — нет этого ничего. Такая гладкая аморфность, индифферентность... Лицо чуть в сероватость отдает. И ощущаешь его по-другому. Чувствуешь что-то другое; это непередаваемо... Очень жесткий; словно металл внутри. И вот что: электричеством пахнет. Пред-

ставьте, что электричество может пахнуть. Немного едко, голову сдавливает... Он обернулся. Глаза не мертвые, но в них, понимаете, не та жизнь, что в человеческих глазах. Станный технический такой привкус... Огонек серый виден. Он больше робот, чем человек.

Велеслав, покуривая трубку, слушал, как и остальные, очень внимательно, стараясь услышать каждое слово.

— Как ты разошелся с ним, Доброгор? Чувствую, нехорошо разошелся.

— Да, нехорошо, правильно чувствуешь. Я было начал смотреть его. И приборчик у меня был — снабдили добрые люди... Но в него, похоже, вшито какое-то защитное устройство; видимо, с разными программами. Он засек сигнал от меня однозначно. Посмотрел нехорошо. Постоял. И пошел на меня... Прямо в магазине пошел.

— И что?

— Я начал разные вещи делать, — вздохнул Берестов. — Искал, как запустить в него солитон... Мыслеформу. Думал, не получится. Но мне, честно говоря, повезло: одна мысль прошла, попала; тогда он замер. Значит, этот центр у него, как у людей. Я стал быстро уходить. Я быстро шел, думал: все, спасся. А потом слышу: шаги...

Все молчали. Слышно было, как жужжит шмель на посадках клубники.

— Догнал он меня. Но у меня кое-что было. Те же хорошие люди и снабдили. Огнем полыхнул в две точки, его заклинило. Нога дергается в одну сторону, рука в другую. Он как-то так неловко на бок осел. Я быстро взял информацию и ушел. Но могу сказать, что голову бы он мне отвернул очень быстро, и поделаться я бы ничего не смог, вот в чем проблема. Ребятам это надо знать.

Все молчали, обдумывая рассказ Михаила Георгиевича.

— Так он умер? — тихо спросил Станишевский.

— Вот этого не знаю. Вообще не знаю, умирают ли они, — отвечал Берестов. — Ведь они полумашины. Чипы стоят, через них управляются.

— А парни как с ними могут пересечься? — спросил Велеслав. — Ты говоришь, они в Америке...

— Понимаете, американцы сделали из них целую команду. Я думаю, их будет не меньше двенадцати. Сейчас пока семь. Я думаю, они готовят остальных. Это будет сборная США, и ей поставят задачу всех разгромить, взять первое место. Подчеркнуть величие Штатов. Возможно, есть еще какая-то цель. Может, кого на президентство выведут после победы. Те, кто этим занимается, никогда ничего не делает просто так. Цель всегда одна — мировая власть, деньги, влияние. Бороться с этой командой будет трудно. Поэтому надо подготовить парней.

— Теперь понятно, — отозвался Велеслав. — Дайте подумать. Дельце... однако. Такого сроду не было. Нечего сказать... Поможем чем сможем. Времени вот мало.

Велеслав внимательно посмотрел на парней, остановив взгляд на Гремине и Пересветове.

— Двух таких я здесь уже вижу. Но только двух... Сделаем так. Сегодня проведем общий обряд, какой планировали. Через два часа выйдем на место. Там наши уже работают. А потом еще что-нибудь придумаем. Но думаю, придется вам приехать еще раз. А вы бывали когда-нибудь на славянских обрядах?

— Я бывал, — ответил Никита Гремин. — На Купала был... Еще на паре.

— И что? Как впечатление?

Гремин пожал плечами:

— Ну, ничего. Живенько так, все по делу. Но бутафории тоже много.

— Как это? Какой бутафории?

— Ну так... Много народу пустого. Играют в эти игрушки. Вроде как что-то новенькое. Попрыгают через костер. А потом — все как положено: нажрут и песни под гитарки шпарят. Попсу всякую. Но не все, конечно. Нет, не все.

Волхвы некоторое время молчали.

— Это на самом деле правда, — заметил Берестов. — К движению прибилося много разных людей. Случайных людей. Но так всегда бывает. Чистая вода идет не сразу. Сначала ржавчины много.

— Время нужно, — кивнул Ратибор — По этой теме мы и работаем. Наследие-то какое получили: советская унификация; потом нулевые и прочие — гаджетные поколения. Но нам никак не выжить без связи с Родом. Вся история последняя вопиет об этом. Защиты нет у народа. Враг захотел — и делает с нами что хочет. Мы сверху вообще не защищены никак. Связь надо восстанавливать...

Через час вся группа — футболисты, Берестов, трое бородатых хозяев — двигались по лесной тропке в глубине леса. Как будто специально в тот день чуть потеплело, температура поднялась до 22 градусов; небо было закрыто по большей части серовато-желтыми бархатистыми облаками, вяло передвигавшимися на запад. Комарья стало уже чуть меньше, появились слепни и оводы; появились, периодически пролетали большие и маленькие жучки, а иногда и стрекозы.

Один из волхвов нес в руке большой посох. За спинами у всех висели рюкзаки.

Так они шли примерно час. Олег Приданцев было предложил перейти на более привычный для спортсменов бег; но волхвы сказали, что они не смогут за ними угнаться и что вообще в лесу лучше ходить, а не бегать, внося суету в течение лесной жизни.

Вскоре все уловили запах дыма; послышался стук топоров и голоса. Они вышли на небольшую поляну. Несколько бородатых мужчин и парней лет двадцати пяти — двадцати восьми ходили по ней, бросали в небольшой костер сучья и мертвые ветки. Тут же прохаживались четверо молодых женщин с распущенными волосами, в юбках и сарафанах; для тепла на них были одеты кофты.

Подошедшие поздоровались с теми, кто был на поляне, познакомились. В центре поляны стояли три больших

деревянных статуи, выдолбленные из плотного, большого диаметра дерева — скорее всего, дуба. Тут же видна была огромная мощная складка под костер, сооруженная явно грамотно, по науке. В центре нее стояло сухое дерево без листьев; по рисунку коры можно было безошибочно определить, что это ствол сухого дуба. Нижним торцом он входил в дупло, выдолбленное в мощном пне другого дерева — явно березы. К сочленению деревьев присоединена была сколоченная из бруса рама, а к ней привязана с двух сторон толстая веревка. Возле рамы возились пятеро здоровых бородатых мужиков в белых полотняных рубах со славянской традиционной вышивкой. Было понятно, что тут идут приготовления к чему-то.

Откуда-то появился высокий человек, похожий обликом на Берестова: длинные седые волосы спадали ниже широких плеч, окладистая борода опускалась до груди. В руках он держал украшенный витиеватой резьбой посох. Волосы его были перехвачены через лоб красной тесемкой.

— Вновь пришедшие, здравствуйте! — приветствовал он футболистов. — Меня зовут Велимудр. Я буду вести весь обряд. Разделитесь на две равные группы, встаньте с двух сторон дерева. В самый раз поспели. Мы уже начинаем...

Еще один бородач, парень лет двадцати, негромко стучал в большой бубен, как бы задавая ритм всему действию.

Футболисты разделились на две группы по шесть человек. К ним присоединились по шесть человек из тех, кто находился на поляне. Теперь все ждали команды.

— Итак, славяне, сегодня День Перуна. непростой день. В этот день совершаются многие обряды, ведь сила периода большая. Огонь непременно зажигается в этот день — он очищает людей. Смывает с них все горести и болезни. Мы много лет тут проводим праздники; это место — готовое место силы. Когда-то было тут древнее капище. Ритуалами мы возродили его, восстановили силу.

Футболисты стояли молча, рассматривали людей, что находились на поляне, в особенности женщин. Немного иронично происходящее, судя по выражению лица, мог

оценивать лишь Бухаров; остальных уроки Ведунова и Берестова научили всерьез относиться к любой работе с родовой энергетикой, потому они были собраны и серьезны. Волхв между тем продолжал:

— Сегодня мы будем проводить праздник не так, как обычно. У нас сегодня редкие гости, важные гости. Важные не потому, что они солидные персоны. Задача у них особая. Всего народа касающаяся, всей страны. В день Перуна мы соединяемся с царством Перуна, с огненной силой, вбираем в себя эту силу. Напитываемся ею. Соединяемся с предками нашими, кто ныне пребывает в мире Нави. Мысли наши соединяем с их мыслями. Направляем мысли эти и силу на умножение духовной мощи народа. Кругами, звеньями отсылаем силу эту всем народам славянским, всем представителям народа нашего.

Тем, кто в таких обрядах не участвовал, надо знать следующее. Не сила тут важна, а чистота мыслей. Если кто из находящихся здесь будет думать, что это все несерьезно, что это все глупости каких-то тронутых умом людей, он нам все обрушит и огня не будет. Если кто будет думать о всякой ерунде — о том, когда зарплата, или о ругани с женой, или еще о чем-то, о мелком, о глупостях всяких — не получится огня. Если кто не будет верить в то, что огонь загорится — не будет огня. Вот парни стоят из большого спорта — мы ничего, кроме уважения к вам, не испытываем; попробуйте поверить, что мы тут не ерундой, а делом важным занимаемся. Просто примите на веру, что сила эта родится, что она пригодится вам, когда час вашей борьбы настанет. Гоните сомнения, гоните тщеславие, гоните суету из души. Вы русские люди, вы славяне; корни одни у нас у всех. Не победить любого врага без этой силы. Так вещали нам характерники, так и теперь мы это понимаем. Итак, начинаем! Те, кто справа от меня, посолонь, то есть по часовой, начинают вращать дерево. Те, кто слева от меня, вращают противосолонь. Начали!

Двенадцать мужчин, среди которых половину составили футболисты, двинулись, держа канат в руках, вперед,

поворачивая раму с закрепленным в нем деревом. Дерево пошло туго, со скрежетом; мужчины напряглись. Поворот произошел неполный. Волхв начал двигаться вокруг ритуального места, громко ведя наговор:

— Духи воды, духи земли, духи леса, Боги небесные, светлые предки наши! Явите силу свою потаенную заговоренную, дабы глаз дурной не углядел, дабы корысть, злость и зависть в предел к нам не пробрались! И да будет путь закрыт для злословья и обид. Наши мысли, наше слово, наше дело! И на то Богов воля.

— И р-р-а-аз, — крикнул бородач, ведущий первой группы, и она двинулась, вращая дерево против часовой. Снова раздался скрежет, бело-черный ствол березы провернулся в отверстии пня.

— Правые! Пошли! Посолонь! И р-р-р-аз! — крикнул волхв, взмахнув жезлом.

Снова дерево прокрутили по часовой, но теперь оно шло лучше. Скрежет разнесся еще более мощный. Затем темп вращения и переходы постепенно стали убыстряться.

Двенадцать молодых женщин одновременно потихоньку двигались против часовой вокруг центра всего действия. Они перемещались, совмещая ритм своего движения с движением групп мужчин.

— Раз-два! Р-раз-два! — командовал волхв, — и ему вторили бородачи из обеих групп. — Быстрее вращаем! Работаем! Концентрируемся на возжигании огня!

Скрежет пошел уже просто громкий, отвратительно-резкий. Каждое полувращение, видно было, давалось мужчинам непросто. У всех, и у футболистов, на лбу выступил пот. Гремил был весь в мыле; но работа эта ему, как было видно, нравилась. Он периодически сам ярко начинал командовать, подбадривая других:

— Налегай! Шустрее! Круче дави! Давай, бурлаки!

Рубашки на Приданцеве, Станишевском и других потемнели на спинах; мышцы рук были напряжены, жилы на шее и руках вздулись. Нагрузка даже для них, тренированных людей, была вполне приличной. Но осталь-

ные из мужиков, местные, обменивались, посмеиваясь, репликами:

- С ними быстрее идет!
- Ну, мужики! У вас и мышца! Качки!
- Амбалы! Тренер, значит, хороший.
- Всех на чемпионате раздавить должны!

Работа под непрерывный стук бубнов продолжалась около получаса. Волхв периодически подходил к месту, где береза терлась об дупло, трогал пальцем это место. Не вполне довольный ходом работы, он отходил в сторону.

— Останавливаться нельзя! Я еще раз говорю: кто не верит в то, что огонь появится, пусть отойдет. Я не буду называть его. Он сам знает. Он должен знать, что ему лучше обрести эту веру... Продолжаем!

Группы двигались, как две машины, вращая дерево, уже отшлифовавшееся в месте трения, уже не скрежетавшее резко, а шероховато шипевшее. Минут через пятнадцать появился легкий дымок. Волхв потрогал горячий ствол пальцем, меряя температуру.

- Огонь близко! Скоро будет! Быстрее! Вращаем!

Еще через десять минут дым стал гуще. Звук, производимый трением деревьев друг о друга, изменился, стал суше, звонче. Приближалась развязка. Волхв ходил вокруг и вел наговор, которому вторили группы мужчин и женщин, двигавшихся вокруг ритуального места тут же:

— Громовержцу — богу Перуну, богу битв и борьбы, славу споем! Слава есть Света лава! Ты, оживляющий все явленное, ты, кто ведет нас стезею правой к битве и тризне великой! Славься Перун, Бог огнекудрый, что стрелы во врагов посылает, верных ведет по стезе правды своей! Те, что пали в бою, которые шли, вечно живут в войске Перуновом!

Дым вдруг пошел из места главного трения плотный, темно-синий, густой. Мелькнул сполох пламени.

- Хворост! Несите хворост, — скомандовал волхв.

Двое молодых бросились к лежавшим на поляне вязанкам хвороста, схватили по охапке и стали раскладывать его

в том месте, откуда блеснул огонь. Дерево безостановочно, мощно вращалось в дупле.

Велимудр стоял, держа в руках посох, и хрипловатым натужным голосом командовал:

— Еще немного! Еще немного! Не теряем ритм! Сейчас будет огонь!

Тренированные, дюжие футболисты были все красные, потные, будто отработали 90 минут на поле. Внезапно что-то сверкнуло. Белый огонь полыхнул в момент, как будто плеснули бензин. Он постепенно пошел вверх вдоль березы.

— Остановились! — скомандовал волхв обоим группам мужчин.

Девушки продолжали свое кружение вокруг дерева.

— Мужчины, взялись обе группы за руки! Образуйте круг! Женщины идут против часовой, мужчины — по часовой! Двинулись!

Бубны гудели, не переставая. Один из стоявших мужчин начал подыгрывать на кутиклах. Двое других затагнули славянское песнопение. Отблески пламени отразились на стоявших трех больших деревянных статуях.

Волхв двинулся к ним, продолжая наговор:

— Главу перед Триглавом склоните, братья! Славу Сва-рогу — деду Богов наших, славу воспеваем, ибо Слава — это Света лава суть! Старшему бога Рода Божьего и Роду всему вечно бьющий родник, что летом проистек, что зимой не замерзает, живую водой одаряет пьющих из него!

Развернувшись затем к запылававшему огромному костру, волхв продолжил:

— Да войдет огонь Перуна в души наши! — начал возглашать волхв. — Да пусть освятит священный его огонь мысли и дела наши! Пусть соединит души наши с душами предков наших! Пусть пребудет с нами и в нас сила этого огня!

Огнем уже была охвачена вся береза. На фоне белесого неба огонь казался переливчато-красным. Он быстро устремлялся по дереву все выше и выше. Два круга — мужской и женский — вращались один в другом.

Как потом рассказывал Игорь Станишевский, перед его глазами словно вспыхивали какие-то воронки. Какие-то белые мягкие светящиеся кружочки плыли буквально рядом. Игорь Пересветов рассказывал, что, вглядываясь в эти плавающие сгустки, он как будто бы видел лица: то благочинных бородатых старцев, то улыбающиеся лица женщин с большими глазами, с длинными распущенными светлыми волосам; видел даже детей — веселых и подвижных.

Видимо, сгустки видели и волхвы.

— Поклонимся предкам нашим! Души их рядом с нами сейчас! Соединимся с ними! Взойдем к истоку, к тому, с чего начиналась жизнь наша на земле, с чего начиналась земля наша славянская! Черпнем живительной влаги из водоемов, что окропляли некогда Русь! Живой воды возьмем в души и в сердца! Это сила наша, это жизнь наша, это правда наша, это воля наша! Ничто мы без нее! А с нею мы способны свершить невозможное, немыслимое. Этим отличались предки наши от других людей, других народов. Воспойте, славяне, песнь нашу!

Опытные участники из числа мужчин затагнули тягучую славянскую песнь. Пение длилось не менее пятнадцати минут, пока два хоровода кружились один в другом.

От огня между тем зажгли факелы. Двадцать четыре факела взяли в руки кружившиеся во внутреннем хороводе мужчины; двенадцать — шедшие во внешнем круге женщины. Две круговых линии огня и дыма слились в единые неровные кольца, которые теперь двигались один внутри другого.

В середину центрального круга вышла женщина и с нею мужчина с гусями. Волхв Велимудр обратился к футболистам:

— Теперь, парни, наша ведунья сделает вам заговор. Понятно, вы не знаете ни меня, ни ее. Но попробуйте просто взять веру, что это будет незряшная работа. Что сделанный заговор пригодится вам, когда настанет час. Это старинный, древний славянский заговор, который делался воинам. Просто внимайте, включите внимание. Они войдут в вас,

эти слова, и то, что стоит за ними, тоже войдет. Тысячи лет назад славянских витязей на битву снаряжали этим разговором.

Гусли заиграли, женщина начала певучим голосом прозносить:

— Под морем Хвалынским стоит медный дом, а в том медном доме закован змей огненный, а под змеем огненным лежит ключ семипудовый от княжева терема; а во тереме князем сокрыта сбруя богатырская, богатырей новгородских, костромских, козельских и прочих соратников молодецких. По Волге широкой, по крутым берегам плывет лебедь княжая со его двора. Поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Наговор скажу ей: «Ты, лебедь, полети к морю Хвалынскому, заключи змея огненного, достань меч семипудовый, что есть ключ от терема княжева. Не моим крыльям долетать до моря Хвалынского, не моей мочи расклевать змея огненного, не моим ногам дотащить тут ключ семипудовый».

В светах факелов, которые футболисты держали в руках, их лица высвечивались рельефно, контурно. Парни внимательно слушали, периодически отшатываясь от летевших на них от костра быстрых искр. Женщина продолжала свой полунапев — полурассказ:

— Встану я рано, утренней зарей, умоюсь водою холодной, утрусь сырой землей, завалюсь за каменной стеной кремлевской. Лягу я поздно, вечерней зарей, на сырой заре, во стане славянском ратном; а в стану есть могучи богатыри княжей породы, со ратной земли славянской. Принесет мне лебедь ключ от терема княжева, меч тот семипудовый. Отпру я тем ключом княжий терем, достану сбрую богатырскую. Во той сбруе не убьют меня не пищали, ни стрелы, ни бойцы, ни борцы, ни черны люди, ни какая рать вражеская. И будет мне топор не топор, бердыш не бердыш, пищаль не пищаль, пика не в пику, сила не в силу, вражеская рать не в рать, черные люди не люди, богатыри не богатыри, недуги не недуги. Соберусь я кровавую рать вражескую бить, врагов и супостатов крушить без страха и устали, и останусь

я цел и невредим. Вы раны тяжелые меня не болите, вы раны бойцов меня не губите, вы пищали меня не десятирите! Отмахнусь по сей век, по сей час по сей день.

Женщина пошла вдоль ряда стоявших спортсменов и гуслиар за нею.

— Заговариваю я ратных людей, идущих на войну с полчищем поганым, сим крепким заговором. Чур слову конец, моему делу венец! Заговариваю... Имена свои называйте мне!

Первый из игроков произнес негромко свое имя — это был Приданцев; женщина тут же произнесла снова тот же текст:

— Заговариваю витязя славянского Олега от силы вражеской, от силы темной, силы разящей! Заговариваю воина, идущего на битву с полчищем поганым, сим крепким заговором!

Заговор она сделала на каждого из футболистов. Пройдя всех, женщина отошла в сторону. Тогда к ним двинулись другие женщины. Они были все молодые, намного моложе той, что делала заговор. Ничего не говоря, они начали доставать из берестяного туюска славянские обереги на толстых кожаных шнурах, вешать их на шеи футболистов, приговаривая различные сопутственные обрядовые слова.

Над лесом появились два сокола. Они медлительно, чуть торжественно плавно стали кружить над местом, где проходил обряд. Один из парней увидел птиц, свистнул. Соколы не отреагировали, шли по своей траектории, только приближаясь к горевшему дереву. Сверху им, понятно, хорошо были видны два кольца огня и дыма, движение людей. Что-то привлекло их сюда во время, когда обычно такие птицы не появляются на виду.

После завершения обряда бородатые мужчины отделились от спортсменов, рассредоточились по поляне. Все стали подходить к установленным тут же бочонкам с брагой и медовухой и чистой ключевой водой. Ее зачерпывали ковшом, наливали в кружки, как берестяные, так и алюми-

ниевые. У всех были радостные возбужденные лица. Футболисты перемешались с местными, обсуждали проделанную работу, шутили.

— Парни, не оплошайте на чемпионате, — трепали их по плечам бородачи. — Мы все будем болеть за вас! Вся страна будет болеть!

— Э-э, браток, нам на него еще надо попасть,- отвечал Игорь Пересветов.- Тут такие заслоны...

— А я вижу, что вы играете,- вдруг сказала ведущая.-Южную страну вижу...Народу туча...

Потом она вдруг нахмурилась:

— Огонь вижу...Огонь...Нехорошее что-то...Люди бегут...

Потом ее лицо еще более помрачнело. Хороший наблюдатель мог бы заметить косой взгляд, брошенный ею на Игоря Пересветова.

— А ты береги себя, витязь,- сказала она. -Испытание тебе предстоит...

Подбежал веселый мужичок,игравший на кугиклах:

— Вы должны дать народу эту радость!- заговорорил.- Народ веру в себя теряет. Пьет много. Он смирился, он спит. Его надо растолкать, дать проснуться.

Женщины подходили к футболистам, заговаривали с ними.

— А среди вас много женатых? — спрашивала одна красавца Пересветова. — А у тебя есть ли жена?

Пересветов в ответ только улыбался:

— Подруга есть. Сейчас дело надо сделать. Успею еще.

— Смотри, смотри, — улыбались девицы. А то упустишь, всех лучших разберут.

Берестов в сторонке разговаривал с тремя жрецами общины. Затем к ним присоединился и волхв Велимудр .

— Ну что, Доброгор, вроде бы у нас получилось, — сказал он.

— Получилось, брат. Получилось. Но этого мало. Они проникаются, но только наполовину. Они все еще сидят в прошлом. Они воины, но не вполне наши.

— Нужна еще работа, — отвечал Велимудр. — Приводи послезавтра тех троих. Я вижу, с ними можно работать. Остальных отправь. Остальных надо еще готовить.

— А что будешь делать с ними ?

Велимудр хитро прищурился.

— Со зверями попробую договориться.

Берестов смотрел на волхва и размышлял.

— Звери... Это да...Это сильно. Но помнишь те случаи...

— Помню, брат... Все мы помним. Но ведь ты говоришь, им предстоит встреча с нелюдьми?

— Да. Скорее всего.

— Побить нелюдей могут только берсерки. Но мы не сможем таких сделать из них. Времени мало. На это нужны годы. Мы можем только ввести...

— Попробуй, брат. Если смогу, помогу... Я буду рядом.

— Мы все будем рядом, — подтвердил, и Велеслав. — У нас были встречи со зверями. Звери нас слушали. Надо проверить на зверях.

Обратно в селение все вернулись только к вечеру, усталые, но умиротворенные, спокойные.

ГЛАВА 34

К середине августа в Горном Алтае установилась прекрасная, солнечная, чистая, бездождевая погода. Команда продолжала тренировки. Но 18-го августа Маранову снова позвонил возбужденный Падин. Он сказал, что после жутких разборок в верхах принято решение: срочно провести стыковой матч первой сборной и неизвестной команды. Игра назначена на 21 августа — так удобно президенту. Маранов схватился за голову: всего два дня в запасе, а они ведь на высоте почти 3000! Хотя бы дня три на акклиматизацию надо бы иметь... Но выбора не было.

Начались быстрые сборы. Однако команда не могла моментально взять и улететь сразу из равнинного Барнаула — такой скачок в давлении был опасен для здоровья игроков. Потому они сначала двинулись в однодневный горный переход.

На базу «Динамо» в Подмоскowie команда прибыла вечером накануне игры. Тренеры попытались провести тренировку, но она не пошла. У игроков словно что-то помутилось в головах; они бегали много и суетливо, то уставали, отдыхали, то снова носились, как лоси. Потом играли в бестолковый, чрезмерно активный, перевозбужденный футбол. И отчего-то быстро устали. Маранов был на грани отчаяния. Все рушилось прямо на глазах.

Ночь на 21-е была просто ужасной. Всю ночь лил проливной дождь, разразилась страшная гроза. Никто не спал до самого утра.

Утренняя тренировка прошла уже более организованно: футболисты чувствовали себя чуть лучше. На кроссе они внезапно понеслись как бешеные. Никого нельзя было остановить. Маранов, который хотел пробежать с ними пару километров, сразу же отстал и вынужден был орать им вслед, чтобы берегли силы, но они не слышали. Он споткнулся о корень, грохнулся на грязную тропу; лицо окатило грязью. Отплевавшись, вытершись, он встал и побежал дальше, надеясь догнать парней, да где там... Хорошо, что у Багрянова развязался шнурок на кроссовке и он присел прямо у тропы.

— Эдик! — закричал Маранов. — Догони этих идиотов! Сегодня игра, а они рекорд в марафоне ставят!

Багрянов зашелся от смеха:

— Вот если бы Олимпиада шла! Оставили бы кенийцев в жопе!

И помчался за всеми вдогонку.

Провоторов внимательно наблюдал за футболистами. Подойдя к Маранову, он сказал:

— Наш прогноз оправдался: они переполнены эфирной энергией. Они не знают, что с ней делать. Она их разрывает. Представь себе лайнер, у которого моторы на полных оборотах шаршат, а сам он стоит на тормозах.

— Понял. Избыток давления.

— Избыток энергии. Теперь я представляю, что будет после Непала. Алтай ведь на порядок ниже.

— И что с ними делать?

— Канализируй. Используй этот момент. Мы же об этом и думали, когда проговаривали варианты тактики на чемпионате. Просто к нему мы бы разумно сбросили давление эфирки. А сейчас не можем. Выбери тактику, при которой выброс энергии максимальный.

Маранов задумался. Потом произнес:

— А все просто. Пусть бегут. Пусть просто несутся. Но в пределах общего рисунка. Пусть просто давят.

— Мой совет, — ответил Провоторов, — ставь смешанную команду. Убери избыточных. Не ставь Нестеровича, Приданцева, Диденко. Их просто несет, они неуправляемы. Им нужен секс, трехдневный секс. Им нужны упражнения с отягощениями. Заплыв на 5 тысяч метров в холодной воде. Поставь других.

Маранов посмотрел на него задумчиво.

После кросса главный тренер заставил игроков попытаться поспать после обеда. Как ни странно, многие быстро выключились, и проснулись более-менее свежими. В Москву на стадион «Спартак» они приехали за полчаса до игры. Расселись в раздевалке. Но это были очень условные посиделки, так как сидеть никто не мог. Футболисты то и дело вскакивали и начинали ходить, бегать, пританцовывать. Приданцев без конца что-то говорил. Другие колотили себя по коленям, массировали друг друга, толкались. Бухаров чуть не подрался с Нестеровичем. Был полный гвалт и бардак. Угломонить их было невозможно.

Тогда Маранов взял микрофон и начал говорить в него:

— Внимание! Объявляю состав на данную игру. Но прежде скажу следующее. Я не могу поставить целиком первый состав. Я вынужден пока сделать сборный. По причинам, о которых я не буду долго говорить. Состав будет смешанный. Не все одинаково готовы к игре, и пусть никто не обижается.

Игра слишком важная. Вы играете с первой сборной страны. Опытными, бывалыми игроками, которые находятся в хорошей форме. Та игра, с «Рубином», — это не

тот уровень. Тут европейский уровень, и вы должны это понимать. Но! Никакой робости. Вы не то что не слабее их. Я точно знаю, что вы сильнее. У нас есть звезды. У нас есть игроки мирового класса. Но вы должны работать организованно. Не надо носиться, как угорелые, за соперником и орать друг на друга, как вчера. Помните: организация превыше всего! Организуйтесь. Ощутите себя командой. Почувствуйте друг друга. Вы теперь — как братья. Выиграете сегодня, выиграете уверенно — вы решите свою судьбу. Вы поедете на решающий матч с Германией. А там костыми ляжете, но забудете три мяча и выйдете в финал. И тогда вас ждет дорога героев.

Там вы будете биться уже с лучшими игроками мира и побьете их. Там вы сразитесь с теми, кого еще не видывал свет. Работать на лучших — играйте на Пересветова, Багрянова, Бухарова. Они забудут. Не жалейте себя. Бегайте от первой и до последней минуты. Объявляю состав. Мушарапов, Гремин, Рыклин, Полубояров, Гарнаев; Рославцев, Багрянов, Станишевский; Раскатов, Пересветов, Диденко. В запасе: Приданцев, Бухаров, Кармадонов, Курганов.

Названные игроки идут в соседнюю комнату переодеваться к игре. Остальные могут оставаться в спортивных костюмах, могут рассестись внизу на трибунах. Не исключен выход кого-либо на поле. Будьте готовы. Учтите: на игре присутствует президент страны, вся верхушка Федерации, футбольного союза. Не подкачайте, ребята. Вы готовы к такой игре. Мы ведь не зря так много работали. Верьте в себя!

Разумеется, игру задержали. Президент опоздал на 17 минут. Когда он вошел в центральную ложу, все члены совета федерации и тренеры встали. Охрана заняла свои места.

Над Москвой сгустился вечерний августовский сумрак. Погода была идеальной: после ночной грозы небо очистилось, было безветренно и чуть прохладно. Воздух был наполнен мягким запахом озона. Издали доносился тяжелый гул огромного города.

Сборная страны вышла в лучшем своем составе. Когда команды выстроились друг напротив друга; игроки сборной мрачно, с нехорошим любопытством рассматривали соперников. Они никого не знали из них, хотя слышали о матче с «Рубином». Они не понимали, в чем смысл этой игры. Им сказали, что есть очень сильная команда, из которой могут взять в первую ряд сильных игроков. И тогда, мол, вы сможете положить Германию с тем счетом, какой нужно. Но они в это не поверили. Убедить известных футболистов, избалованных вниманием прессы, получавших огромные гонорары в зарубежных клубах, что перед ними серьезный соперник, было невозможно. Они были уверены, что знают всех сильных футболистов мира. Однако позднее стало известно, что на совещании перед игрой сборники решили жестко опустить неизвестных выскочек. В любом случае перед президентом страны они хотели реабилитироваться, показать хорошую игру. Если самозванцы даже неплохо играют, их надо разгромить. Таков был настрой. Никто из них не ожидал того, что произошло...

Игра началась без разведки. Сборники рванули вперед, сразу же завладев инициативой. Минут пятнадцать марановцы попросту ориентировались, разбирались, кто против кого и как. Пропустили выход один на один. Но Мушарапов немислимым броском в ноги нападающему спас команду. Однако начало было не в пользу марановцев. Но полузащитники упорно цеплялись за центр. Команда постепенно набирала обороты.

Помня о необходимости играть организованно, они как бы сдерживали себя, не позволяли себе механически разогнаться, чтобы не потерять организационную стройность игры. Но сборники первые пятнадцать минут имели преимущество, сидели на половине поля марановцев. Видно было, что команда сыгранная, сбалансированная, среднего европейского класса. Марановцы стали набирать обороты лишь к 30-й минуте. Рославцев повел команду за собой, успешно выполняя роль Приданцева. Станишевский слаженно заработал с ним в паре. Вместе с активным и цеп-

ким Багряновым они постепенно зацепились за центр поля. Игра медленно, тяжело стала перемещаться в зону сборной. Противостояние можно было сравнить с противоборством в армрестлинге: один из силачей начинал медленно продавливать руку противника к столу.

Сборники, уловив, что натиск на их ворота нарастает, попытались блефануть, надавить авторитетом: начали делать блокировки, откровенно хамить. Судья особо не старался наказать их: у него была установка проверить новичков на прочность. Но новички оказались не из робкого десятка. Они держались так, как будто сборниками были они, а не соперник. Начались стычки. После толчка в спину и тяжелого падения на газон Рославцев встал, подбежал к 8-му номеру сборной и жестко проорал прямо ему в лицо:

— Ты что же, сука, делаешь? Говно собачье! Просрали все, теперь сидите в жопе! Сейчас мы вам, сукам, надерем задницу!

Сборники не ожидали такой наглости от каких-то дебютантов. Они вообще не понимали статуса этой игры; но они уже видели, что столкнулись с сильным соперником, и поняли, что зря пропустили мимо ушей предупреждения тренера.

Игра становилась все жестче и нервной. Опять, как и в матче с «Рубином», к 35-й минуте игра полностью переместилась на сторону соперников команды Маранова. Ее игроки начали двигаться настолько мощно и быстро, что сборники потеряли нить игры. Пересветов с Багряновым на правом фланге раз за разом выходили на опасные позиции и мощно били по воротам. Несколько раз мяч после пушечных ударов просвистел рядом со стойками, но потом игроки команды Маранова пристрелялись, и удары пошли исключительно точные. Первый вратарь страны Субботин с трудом отражал их, но до времени.

Угловые пошли один за другим. Вскоре сборники уже не могли выбраться со своей половины поля. Игра практически пошла в одни ворота. На 40-й минуте Гремин, сметая

на пути ошеломленных защитников, вышел на ударную позицию. Станишевский мягко сбросил мяч ему на ход, и тот страшным по силе ударом вонзил мяч низом в угол. Но это был для сборников лишь первый звонок. Буквально через три минуты Багрянов ювелирным резаным пасом вывел Пересветова в штрафную, тот накоротке обыграл двух защитников и вратаря и нежно закатил мяч в пустые ворота. На предпоследней минуте тайма с углового тот же Гремин, пришедший в штрафную, отодвинув корпусом защитников, забил красивый мяч головой. Когда два центральных стоппера сборной злобно оттолкнули его, он в своем стиле взял одного из них, Туганова, за шкирку:

— Ты должен помнить, мразь, что ты — никто. Ты — дерьмо, которое просрало свое счастье, посрамило державу. Теперь мы вас опустим до двузначного, чтобы знали свое место. Понятно? За плохое поведение!

Ошарашенный Туганов сел на газон. Никто из сборников ничего не понимал, кроме одного: сейчас их будут громить дальше. Тренер с места кричал:

— Уходите в защиту! Разберите игроков! Держите вдвоем девятку и большого! Не давайте бить! Держаться!

Но сам он был в панике.

Капитан сборников орал на своих игроков:

— Возьмите себя в руки! До перерыва минута! Больше не пропускать! В перерыве разберемся!

Сборники включили все резервы, забегали, как могли, начали активно прессинговать и немного выровняли игру. Счет 3:0 продержался до перерыва.

Сидевший рядом с главой федерации футбола Павел Ануров внимательно наблюдал за президентом. Тот вначале следил за игрой вполглаза, постоянно разговаривал по телефону; иногда переговаривался с сидевшим с ним рядом генералом Беклемищевым. Но когда в ворота сборной посыпались мячи, он отдал телефон помощнику. Затем, заинтригованный, спустился на более низкий ряд, чтобы лучше видеть, что происходит. Он позвал к себе Плешакова. Ануров слышал, как Гордин стал выговаривать ему:

— Как такое может быть? У вас, оказывается, есть такие игроки, а за сборную играет хрен знает кто? Как такое могло случиться?..

Когда Гремин забил третий мяч и счет стал 3:0, и стало ясно, что сборная команда просто слабее, Гордин грубо выругался и пошел на прежнее место к сияющему Беклемищеву, демонстративно оставив Плешакова. Возмущению президента не было предела!

Что происходило в перерыве в комнате, где находился президент, никто не знал. Однако он вышел смотреть второй тайм уже более спокойный, даже веселый. Но теперь рядом с ним находился и Нугзар Тапатадзе. Ануров слышал, как Гордин спрашивал грузина:

— А где тренера такого нашли? Он откуда?

Тапатадзе что-то отвечал. Слышно было, как президент снова сплюнул, хлопнул себя по коленям и выругался:

— Хер знает что! Такие деньги в них вбухали! А у них под носом такие игроки! Экстра! Экстра!

Второй тайм начался. Сборники попытались заиграть более активно, но от обороны. Вышли два свежих, самых физически мощных игрока — бороться с Гремичным; но запалу у них хватило ненадолго. Энергия теперь перла из марановцев с такой силой, что удержать их было невозможно. Снова пошла игра в одни ворота, буквально с седьмой минуты. Пересветов был неудержим: он обводил двух, а то трех защитников невероятными скоростными финтами, выдавая острейшие пасы в штрафную. Станишевский, Рославцев и Багрянов перепасовывались верхом практически без ошибок. Мяч так и летал с фланга на фланг, нападающие подхватывали его, резко шли в штрафную, рассекали оборону, рвались на удар. Вратарь и все игроки сборной отбивались, как могли, выбивали несколько раз мяч с линии ворот. Они боролись за свою честь, за репутацию; но игра теперь шла слишком неравная. Скорость, с которой носились по полю марановцы, была неестественно высокой. Их команда напоминала перекачанный мяч, из которого под страшным давлением

выходил воздух. Вряд ли устояла бы перед нею в тот вечер какая-либо сборная в мире!

На 62-й минуте Пересветов точно подал в штрафную Диденко, и тому удался его коронный удар через себя. Затем после комбинации перед воротами Станишевский и Раскатов вышли вдвоем в штрафную и, спокойно перекидывая мяч, закатили его. Счет стал 5:0. Это был полный разгром.

Оборона сборной была растерзана, игроки растеряны. А давление марановцев только нарастало. Их несло, как будто ветром, их просто невозможно было остановить. Накопленная на Алтае энергия выходила из них могучим потоком; казалось, что каждый может ставить рекорды по бегу. Вратарь сборной чудом спасал ворота, беря очень трудные мячи, выбивая мяч кулаками, ногами — чем придется. Угловые и штрафные шли непрерывной тревожной чередой — общее число угловых было уже за 20. Было ясно, что счет будет расти, и непонятно, до какого верхнего предела. Обозленные, самолюбивые сборники снова начали грубить. Вблизи штрафной в очередной раз сбили Пересветова. Разбираться прибежали Рыклин и Гремин. Игроки начали толкаться. Назревал серьезный конфликт. Игра была остановлена.

Один из администраторов попросил судью подойти к нему. Переговорив с администратором, судья попросил игроков выстроиться в центре.

— Товарищеский матч решено прекратить, чтобы сберечь силы игроков, — объявил судья. — И заодно — их здоровье. Вы можете поприветствовать друг друга. Если, конечно, захотите...

Уставшие, вымотанные игроки сборной страны угрюмо смотрели на своих обидчиков. Однако капитан и три полузащитника преодолели себя, и подошли к парням в синих футболках с руническими знаками. Капитан команды Олег Сергачев улыбнулся и сказал:

— Ребята, мы все поняли. Где же вы были раньше? Я думаю, вы порвете немцев. Удачи вам!

Марановцы тоже подошли, стали дружески похлопывать бывших соперников по плечам.

— Ребята, не переживайте. Мы сделаем, что можем. Извините, что жестко работали.

— Кто ваш тренер? — спросил капитан. — Я бы хотел просто посмотреть на него.

Игорь Пересветов молча указал на человека в темном костюме, стоявшего возле скамейки запасных и наблюдавшего за поведением игроков.

— Он — гений. Могу точно сказать.

— Мы это уже поняли, — отвечал Сергачев. — А тебя, судя по игре, ждет большая слава. Как твоя фамилия?

— Пересветов. Игорь Пересветов.

— Я запомнил. Удачи тебе, Игорь!

Позже выяснилось, что игру остановил президент.

— Не надо травмировать парней. Они и так на земле, — сказал он Плешакову. — Остановите эту бойню. Все уже ясно. Готовьте эту команду к игре с Германией. Это наш единственный шанс. А ведь, похоже, неплохой...

Так был развязан очень важный узел во всей этой интриге. Ситуация разворачивалась неожиданно, но перспективно. Теперь все зависело только от марановцев.

После того как президент уехал, дав указания Плешакову и руководителю футбольного союза Семаку, они вдвоем подошли к Нугзару Тапатадзе. Тон Плешакова теперь был исключительно уважительным.

— Нугзар Давидович, вопрос решен. Но мы хотели бы поговорить с тренером. Может быть, он все же возьмет на игру с немцами кого-то из наших? А то народ просто очуеет: сборная — и ни одного известного игрока.

— Я нэ могу сказать. Давайте поговорим с трэнэром, какие проблэмы?

Вскоре перед Марановым стояли три самых крупных руководителя отечественного футбола, министр спорта и с ними — Нугзар Тапатадзе. Они с интересом рассматривали человека, который создал уникальную команду.

Ануров познакомил их, и Плешаков сразу же стал рассыпаться в реверансах. Однако Маранов быстро остановил его:

— Прошу вас, не надо. Я думаю, что сборная психологически не готова была к игре с нами. Она, простите, в известном смысле деморализована, не верит в себя. А мои ребята как раз были настроены. Бывает такое... Нам надо еще много работать, чтобы играть с грандами.

— Вас не интересует ни один из игроков сборной, Андрей Викторович? — спросил президент Футбольного союза Семак.

Маранов однозначно ответил:

— Простите, нет. В сборной есть неплохие профессионалы, не более того; а этого мало. Это все по высшим меркам совершенно средние, малоодаренные люди. Я бы ни одного из них даже в черновой отбор не взял. Простите, но у вас вся работа по отбору людей вообще не поставлена никак. Вы берете абы кого и начинаете натаскивать. Футбол — это искусство. Тут может успешно работать только талант. У вас в корне неправильный, совковый подход. Потому пятьдесят лет мы ничего серьезного не можем выиграть. Тогда, после провала на домашнем чемпионате мира, я все сказал на футбольном союзе. Но меня никто не стал слушать...

Аппаратчики слушали Маранова молча, так как сказать им было нечего. Их только что очень наглядно убедили в правильности именно его подхода к делу. Оставалось только договориться о формальностях и о деньгах.

— Это не ко мне, — отвечал Маранов. — На то есть господин Тапатадзе и директор клуба. Я только тренер.

Разбор полетов на базе продолжался более двух часов.

— Андрей Викторович, я даже не ожидал, что первый состав выступит так сильно, — сказал Александр Курбанов. — Практически есть только одно относительно слабое место — левый защитник. Центральные держат центр мощно, полузащита сыграна, играет просто прекрасно, особен-

но Станишевский. Вот по поводу левого я бы подумал... Во втором составе как раз левый очень хорош. Я имею в виду Гарнаева.

— Идея, конечно, богатая. Но надо подумать. Есть другие факторы. Да, Полубояров пока слабее. Он чересчур высокий для крайнего защитника, но рост ведь можно использовать и как плюс. Главное, что как личность он, понимаете, очень крепок. Мне жаль его убирать. Вот что меня тревожит, так это отсутствие капитана во втором составе. Нет там капитана, понимаете? Нету!

— Команда во втором тайме играла неплохо. Перспективы играть сильнее у нее есть, — продолжал Курбанов. — Ее надо доделать. Довести до нормы. А насчет капитана... Вы правы. Рославцев — неслабый парень, играет хорошо. Но у него нет такого авторитета, как в первой команде у Приданцева. Он-то бесспорный капитан.

— Да, согласен. Там капитан есть. Где взять капитана во вторую? Вот вопрос.

— Вторую вообще надо усиливать, Андрей Викторович, — заметил тренер по физподготовке Рьянов. — Есть физические слабые ребята. Я имею в виду Грознецкого и Кармадонова. Они хорошие игроки, но у них нет здоровья, которое нужно. Каждый по цистерне в свое время выпил. Печенка не та.

— Грознецкого не трогайте. У него есть то, чего нет ни у кого. Он свое слово скажет, я уверен...

Под конец этого обсуждения слово взял молчавший до того Берестов:

— Андрей, вы тут, конечно, главный, и вам виднее. Но вы знаете, под каким углом я смотрю на вещи... Я тогда вам обозначил двенадцать игроков, которых я увидел как команду.

— Да, я помню, конечно, Михаил Георгиевич. Они все в команде.

— Все. Кроме одного...

Наступило молчание.

— Михаил Георгиевич, но вы же знаете, — проговорил Маранов, нахмурившись. — Нестор Вибергасов начал разлагать команду. Эта история с пьяной дракой, с полицией... Гремину стал втягивать, Приданцева.

И тут Берестова неожиданно поддержал второй тренер Александр Курбанов:

— Андрей Викторович, простите, не соглашусь. Он шепутной, загульный парень, это так. Тут вы правы. Но в той истории не так ведь все просто. С камер наблюдения было видно, что мальцы сами нарывались. Да, выпил. Не рассчитал силу ударов. Но ведь это мы сами его натренировали! Мне кажется, он бы на этом этапе взялся за голову. Это такая натура... К тому же Гремин, я же вижу, скучает. Вибергасов был его единственный друг, которого он слушал. Вибергасов — сильная личность. К тому же опытный, третий футболист. Он бы резко усилил вторую команду.

— А я знаете, как скажу? — заговорил снова Берестов. — Мне вот старые фронтовики рассказывали, кто на войне хорош был. Там все проявлялось очень четко. Говорили так: те, кто храбрился, много шумел, бил себя в грудь — как раз были не очень. Прятались за спину в бою. А такие вот рубаха-парни, которые... Ну да, выпить не дураки, и анекдоты потравить, и песню под баян спеть, и девок помять — вот они-то и шли первыми. Шли, куря папироску, автомат наперевес. Шли первые под пули, закрывая товарищей. И последнюю корку им отдавали, щепотку махры. И погибали с улыбкой. А в плену из них слова фрицы выжать не могли. Они им в лицо плевали... Понимаете, Нестор Вибергасов — это чисто русский характер, хоть и фамилия у него непонятная. С ним если поработать, к делу плотно прижать... Будет результат, поверьте. Он мощный парень — по духу. Верните его, Андрей. Я на себя могу его взять; и Ростислав Пиоро поможет...

Маранов молча смотрел на своего учителя. Это был первый случай, когда он сомневался в его работе.

— Хорошо, Михаил Георгиевич. Я подумаю... А ты, Саша, узнай, где он сейчас и что с ним. Может, его уже посадили. Или в запое. Может, и говорить не о чем...

Тренеры обсудили детали, связанные с дальнейшей подготовкой команд. Игры высветили слабости в тактике, в подготовке отдельных игроков.

На этом совещание и закончилось.

Ночью Маранову приснился Нестор Вибергасов. Он стоял метрах в пяти от него, на нем была какая-то простая белая рубашка с коротким рукавом. Он смотрел вовсе не виноватым, а спокойным пристальным мужским взглядом. Таким взглядом мог смотреть боец, уезжающий на фронт, на своего раненого, остающегося в тылу командира... Проснувшись, Маранов решил, что это не что иное, как знак свыше.

Вопрос о возвращении в команду Вибергасова был решен очень быстро. Как выяснилось, тот все это время вел себя вполне прилично: играл за команду второй лиги, но к нему уже присматривался «Локомотив». Класс его игры за три месяца пребывания в стане Маранова настолько вырос, что вопрос о его переходе в команду премьер-лиги был лишь вопросом времени.

Когда он появился на базе, как раз шла тренировка на поле. Игроки остановились, увидев знакомую фигуру. У Вибергасова за время отсутствия отросли волосы, и теперь его ярко-рыжая курчавая шевелюра обрамляла его физиономию, делая ее чуть менее круглой. Он был одет в яркую светло-синюю куртку и джинсы, и на фоне появившейся зелени смотрелся как яркое экзотическое пятно.

Первым к нему подбежал, разумеется, его друг Никита Гремин. Он обнял его, мощно приподнял в воздух и опустил. Они начали шутливо толкаться. Затем уже подошли остальные игроки первого и второго состава. Вибергасова толкали, щипали; тут же начались шутки-прибаутки. Однако Нестору было до времени не до шуток — ему предстоял разговор с главным тренером.

Разговор этот состоялся в кабинете Маранова. Рядом с ним сидел Михаил Георгиевич Берестов и второй тренер Курбанов. Понимая, что разговор неизбежно зайдет о его поведении, о его слабостях, он сразу же сказал:

— Андрей Викторович, я не буду виниться и каяться, но я вам так скажу: я очень переживал, когда вы меня отчислили. Но я признаю справедливость вашего решения. На вашем месте я бы, наверное, поступил так же. Я недооценил вас, что ли... Не так ко всему этому отнесся. Я теперь понял, что тут все по большому счету. Я могу собраться, поверьте. Пьянок больше не будет. Вообще ни грамма не возьму в рот — клянусь! Слово даю! Я догоню всех. Я буду полезен команде. Я буду биться, как... как тигр. Я очень хочу, чтобы мы победили! Я уверен, что мы это сделаем.

Маранов поднялся, и тогда Вибергасов встал тоже.

— Ты сказал сейчас слова мужчины, Нестор. Это правильные слова, и я рад их от тебя услышать. Я думаю, что ты нужен команде. Я верю в тебя. Только помни о своих словах, Нестор. Ведь это были слова мужчины. Так ведь?

Вибергасов кивнул. Мышцы лица его дрогнули.

— Тогда иди, работай. Тренироваться будешь со вторым составом, а там видно будет. Все формальности решишь с директором клуба. Тебе тут все знакомо.

Они пожали друг другу руки, и Вибергасов вышел из кабинета.

Это был очень короткий разговор. Ни второй тренер, ни Берестов не стали ничего говорить. Маранов посмотрел на лицо учителя. Его глаза улыбались...

Тем же вечером Нестор Вибергасов приступил к тренировкам в составе второй команды.

Слухи о громовой победе все той же неизвестной команды над сборной разнеслись в футбольных кругах молниеносно. Игроки, тренеры, имевшие доступ к первичной информации, прибавляли все новые и новые подробности разгрома, учиненного командой Маранова. Слухи проникли, естественно, и в круги болельщиков. На очередном мат-

че чемпионата «Спартак» — «Зенит» болельщики стояли группками перед матчем у касс. Шел интенсивный обмен мнениями.

— Говорят, у них двухметровый центр со страшным ударом. За шкирку поднял Туганова, пальцем грозил! Как мальчонке!

— Бл..., а ведь Туганов сам не маленький. 184!

— Говорят, два крайних просто атас! Бьют с обеих ног, обводят всех!

— Да это вообще кошмар! Сборную сделать 5:0! Почему их раньше не звали? Теперь ситуацию не вытащить...

— А кто такой Маранов? Он откуда вообще?

— Да наш он... О нем писали. Он поднимал какую-то периферийную команду. Аппаратчики его задавили в 2018-м. Когда просрали в Москве чемпионат, он выступил на Футбольном союзе. Всех разнес, в коррупции всех обвинил. Его и задвинули.

— Вот так у нас всегда! Нет бы главным поставить!

— Это они могут! Загасить толкового человека — это у них хорошо получается! Пидарасы!

О команде Маранова говорили и на трибунах. Группа молодых болельщиков, когда на поле пошла вялая, несвязная игра, вдруг начала скандировать: «Маранов, Маранов!..»

В телетрансляцию эта выходка не попала. Однако в кругах любителей футбола начал расти ажиотаж. Матча с Германией все ждали теперь с небывалым, неумным интересом.

Однако не всем эта история понравилась. В олигархических кругах стала муссироваться мысль, что за марановцами может стоять какой-то политик, и что малоизвестный грузинский бизнесмен это только прикрытие, декор.

Однако Сергей Падин заранее продумал вариант возникновения такой версии. Еще когда команда только формировалась, он через своего пиарщика Комма пустил слух, что политик за командой действительно стоит, и что им является Станислав Верховский, руководитель Демокра-

тического Союза. Этот человек, руководитель одного из комитетов Госдумы, действительно собирался баллотироваться в президенты. В сети появилась пленка, на которой Нугзар Тапатадзе и Верховский разговаривают на каком-то форуме. Встречи этой добился под вымышленным деловым предложением Нугзар. Слухи о том, что за таинственной командной стоит Верховский, поползли моментально. Падин в истории с командой заподозрен не был.

ГЛАВА 35

Работа по подготовке сборной США к работе по совмещенной программе была завершена в течение месяца. Отобранным психологами игрокам основного состава стали вводить специальные инъекции. Это делалось в момент контрольного забора крови якобы для проб. Также во время бесед через специальные торсионные излучатели игрокам стали вводить в ментальные структуры определенные инграммы и речевые команды. Семь футболистов основного состава сборной США постепенно научились работать рядом с андроидами, не воспринимая их как чужеродных существ. Андроидам также ввели программы на терпимое и уважительное отношение к своим «мягким», чтобы те не вызывали у них агрессии; в то же время сохранили в их ментальных контурах умеренно агрессивное отношение к «чужим мягким». Тренеры сборной начали подготовку к первому товарищескому матчу.

Однако пять игроков основного состава оказались лично устойчивыми к внешнему воздействию. Они по-прежнему не могли тренироваться и играть рядом с андроидами. Их пришлось вывести из команды.

Однако это акт вызвал активное противодействие со стороны двух игроков — Джона Вейерда и Джека Вудворна. Эти двое имели жен и вообще хорошее семейное окружение. Жены почуяли неладное и заставили мужей обратиться к частным психиатрам. Те заставили игроков сдать различные анализы, и было выявлено наличие в организме

неизвестных микроорганизмов. Джек Вудворн был взбешен и собрался сделать заявление для репортеров. Так как его дом и его разговоры находились под контролем спецслужб Братства, о его намерении стало известно. Вечером того дня он был убит возле автозаправки, на которой остановился заправить машину — банальным выстрелом из пистолета в голову. Ничего другого в связи со срочностью людям Братства подготовить не удалось.

Сообщение о смерти футболиста разлетелось по всей Америке. Жена находилась в шоке, ее предупредили о необходимости молчать. Она была сильно напугана, находилась в предшоковом состоянии и побоялась сделать заявления. Сотрудники Братства вбросили через СМИ документы о якобы имевшихся связях футболиста с итальянской наркомафией. В прессе и сети появились записи фальсифицированных переговоров игрока с наркобаронов, фотографии его встреч с наркодельцами. Скандал стал затихать.

Другой футболист-отказник, Джон Вейерд, срочно уехал из страны. Его взяла в состав одна любительская австралийская команда.

В американской прессе и электронных СМИ после матча в Аделаиде со сборной Колумбии появилось большое количество откликов и аналитических статей. Общий тон большинства публикаций был позитивный. Аналитики отмечали, что с введением новых игроков американская команда выглядит более солидно, внушительно. И даже грубость, которая была для всех очевидна, которая вызвала нехороший резонанс в футбольном мире и должна была стать предметом разбирательства дисциплинарной комиссии ФИФА, в американских СМИ рассматривалась почти как позитивный фактор. «Впервые в истории национального спорта, — писал обозреватель портала “Тайм”, — Мы видим мощную, уверенную в себе команду, команду монстров, десант сильных парней, достойный того, чтобы называться национальной командой США. Не было ни малейшего намека на неуверенность, на то, что мы можем позволить себе уступить африканцам в принципиальном по-

динке. Проигрывая поначалу из-за тактических просчетов, вполне допустимых в подготовительный период, команда США во втором тайме предстала жесткой, организованной, нацеленной только на доминирование и победу. Да, в действиях новых игроков наблюдалась порой чрезмерная жесткость и даже грубость. Но тренеры сделают выводы. Мы же отметим именно достойную команды сверхдержавы уверенность в своих силах, в том, что не существует соперника, которого эта команда не смогла бы одолеть. Словно сошедшие с экранов из голливудских блокбастеров, неутомимые, могучие атлеты безжалостно терзали оборону физически сильных, сыгранных колумбийцев, и имели все шансы выиграть».

Были, безусловно, аналитики, которые отметили некоторые странности этой игры. «Странная команда: нападение и полузащита составлены из атлетов, которые работают как машины, как будто начиненные каким-то чудо-топливом, — написал еженедельник “Нью-Йорк Глоб”. — Все семь футболистов, действовавших впереди, выполнили такой объем двигательной работы, который и вообразить-то невозможно. При этом линия обороны была составлена совсем из других игроков — куда более мягких, уступчивых и явно менее физически сильных. Между этой линией и другими не просматривалось должной сыгранности. Тренеры сделали общую ставку на силовое давление, однако в предыдущем матче с нигерийцами это оказалось не вполне эффективным, что и привело к ситуации, когда нам пришлось отыгрываться. Голы, забитые нашей командой сборной Колумбии, стали результатом того же силового прессинга, но сопряженного с откровенной хамской грубостью. Наши игроки продемонстрировали, что такое грязный футбол. С такой игрой нам не на что рассчитывать на чемпионате мира. Игроков будут просто удалять с поля за грубость, и мы будем играть все время в новом составе».

Магистр в целом был доволен результатом. Главная цель была достигнута: сразу семь новых игроков основного состава (андроидов) были легализованы. Практически никто

в США не задавался теперь вопросом о том, откуда они взялись. Тех же немногих из журналистов, кто проявил интерес к обстоятельствам, сопряженным с появлением этих людей в сборной команде, удалось постепенно разными способами урезонить.

И все же после этого контрольного матча он долго не мог успокоиться. Сердце работало с перебойями. Кровяное давление опднялось до опасной черты, и его личный врач вынужден был дать ему более сильный препарат. Он был обеспокоен состоянием магистра. По-видимому, опасался инсульта.

Магистр постепенно отошел, и занялся любимым делом — сел в шезлонг и начал смотреть на океан. Он по-прежнему был беспокоен. Клочка голубого неба не осталось совсем. «Все ли мы правильно делаем, Отец? — обратился он к Высшему Источнику. — Ведь мы стремимся выполнить Волю Твою. Мы хотим превратить планету в цветущий сад. Мы придем к этому, Отец. Мы очистим землю от паразитов и насекомых в облике людей. Здесь останутся только достойные, которые и выполняют Волю Твою. Пошли мне силы и мудрости, Отец. Прости мне мои слабости. Я служу только Тебе. До конца, которого нет... Люблю тебя, Отче».

Слезы выступили на глазах у магистра. Ощущение значимости своей миссии наполнило его существо. Твердость духа его была неколебима. Он снова чувствовал в себе силы идти к поставленной цели.

ГЛАВА 36

7 сентября 2029 года президент России Вадим Гордин сделал заявление о передаче Сахалина и Курил в аренду Японии сроком на 99 лет. В заявлении он эмоционально аргументировал этот шаг тем, что наступили для мира новые времена, когда экономические интересы должны уступать место общемировым; что теперь надо думать не только о своих интересах, но принимать во внимание судьбы тех

народов, которые связаны с вами. Он говорил о том, что Япония в течение столетий ютится на маленьких островах, которые в любой момент могут уйти под воду из-за катастрофы; что для этой великой страны, где живет необычайно талантливый народ, очень важно сохранить себя. А для России от этой сделки выгод будет гораздо больше, нежели потерь. Мол, интересы рыбного хозяйства и стратегические интересы будут обеспечены двусторонним договором; что в страну потекут огромные инвестиции, и мы сможем с помощью японских технологий полностью обновить свою промышленность, перевести ее на современный уровень технического оснащения и так далее. Самое же главное в речи Гордина заключалось в том, что он обещал направить будущие прибыли на строительство новых поселений, в которых коренные жители России смогут получить безвозмездно большие участки земли, получить выгодные кредиты, работать эффективно на земле. Гордин обещал солидно повысить пенсии, зарплаты госслужащим, понизить кредитные ставки для малого бизнеса, серьезно вложиться в сельское хозяйство и фундаментальные науки

Разумеется, решение президента вызвало широчайший резонанс в мире. Западный мир был встревожен этой сделкой — усиление России ему было традиционно неприятно и некомфортно.

Российский народ отнесся в целом к идее президента достаточно индифферентно. Всем было понятно, что Гордин пытается таким образом преодолеть глубокий экономический спад, который начал постепенно нарастать после ухода президента Владимира Путина, и к 2028 году достиг высокой точки. В стране уже буйствовала инфляция, платежеспособность народа резко упала. Бюрократия, которую с трудом немного уговорил Путин, снова начала поднимать голову и топить страну в коррупционных схемах. Вновь стали строиться финансовые пирамиды. Стали также возникать криминальные кланы, которые брали под свой контроль крупные банки, стараясь монополизировать наиболее доходные отрасли экономики. Гордин не имел должного ав-

торитета на Кавказе, пытаясь держать его народы в узде прямолинейно, силой. Там участились случаи убийств представителей центральной власти, агрессивные вылазки против силовиков центра. Радикальные мусульманские группировки активизировались, и начали вести активную пропаганду в молодежной среде. Правоохранительные органы в Дагестане, Ингушетии, Чечне и даже Северной Осетии постепенно теряли доверие к центру. Шло движение к децентрализации — примерно в том же варианте, как это происходило после прихода к власти Ельцина.

Аналитики, близкие к Кремлю, отмечали, что властная олигархическая группировка, которая поддерживала Гордина, во главу угла ставит прежде всего свои клановые цели. Многие начинали склоняться к мысли, что Владимир Путин, уходя с поста президента в соответствии с Конституцией страны, не позволявшей ему баллотироваться на новый срок, все же просчитался, рекомендовав в качестве своего преемника Вадима Гордина, лидера партии Единая Россия.

Путин полагал, что Гордин, будучи яркой и харизматичной личностью, сможет завоевать такое же доверие народа, что и он сам. Однако Гордин, который поначалу народу понравился, постепенно стал проявлять себя как человек несколько экстравагантный, любящий шумные эффекты, способный петь на эстраде вместе с ее звездами, произносить зажигательные речи, в делах оказываясь не таким прозрачным и предсказуемым. Доверие к нему стало иссякать постепенно, по мере того как терялась динамика экономического развития, как продолжало усиливаться влияние РПЦ в лице нового патриарха Всеволода I. Всем было известно о его дружеских отношениях с Гординым, и что до вступления в ранг патриарха этот о. Всеволод развил доходный бизнес не без поддержки своего патрона.

Совокупность всех этих факторов привела к тому, что на международной арене с Россией начинали считаться все меньше и меньше. Гордин дипломатически провалил ряд крупных проектов, связанных с поставкой газа и неф-

ти в Европу и Азию; он ничего не предпринял во время кризиса на Украине в начале 2026 года, когда там началось мощное революционное движение, имевшее целью сместить сионистский олигархат. Он не поддержал пророссийских активистов на Украине, не решился начать хотя бы в каком-то варианте гибридную войну, подобную той, что в свое время вел Владимир Путин в Донбассе. Освободительное движение на Украине было подавлено; те же олигархи укрепили свою власть и позиции в экономике, направили страну в сторону дальнейшей колонизации западным капиталом.

Передача Сахалина и островов была, по сути, отчаянной попыткой Гордина найти средства для остановки экономического спада и предотвращения политического кризиса.

Сразу после обнародования решения Кремля все основные заговорщики — Звонарев, Юдин, три генерала, под контролем которых находились солидные воинские группировки, Сергей Падин и еще ряд влиятельных политиков и бизнесменов — провели тайную встречу, в которой наметили конкретные шаги по подготовке переворота и приведения к власти своего «патриотически настроенного президента». Безопасность и полную закрытость встречи обеспечивал Виталий Юдин. Для Сергея Падина это было очень важное совещание. На нем должны были утвердить его кандидатуру как кандидата от патриотических сил. Он подготовил специальную речь, в которой изложил свою программу.

Она включала в себя ряд важных пунктов, касающихся общетеоретического базиса, экономической и политической стратегии. В философской части он определенно высказался за утверждение в качестве доминирующего мировоззрения базовые положения космогенеза и антропогенеза Елены Блаватской, с дополнениями и корректировками более поздней версии той же Доктрины, данной Великими Учителями через Елену и Николая Рерих, а также визионера и философа Даниила Андреева. В качестве нравственного и духовного ориентира он также предложил использовать

ведизм — оккультно-религиозную традицию древних славян-ариев, основанную на древних сакральных знаниях.

Исходя из общих положений этой концепции, Падин предложил глобальную программу преобразования страны, рассчитанную на 100–150 лет. Она включала в себя:

1. Программу возрождения славянского этноса, повышение его численности до 400–500 миллионов человек. Для постепенного движения к этой цели он предлагал создавать экопоселения современного типа со всей инфраструктурой, с выделением группам родственников или дружеских семей крупных земельных участков. Программа предусматривала расселение больших городов, переход на производство экологически чистой сельхозпродукции (без ГМО и химии), также экологически чистую энергетику, в которой могли бы применяться блокируемые в настоящее время технологии (в их числе технология «закачки» энергии из вакуума).

2. Экологическое преображение ландшафта страны: отведение огромных площадей под новые леса и сады; восстановление поврежденных и высохших водоемов; разведение традиционной флоры и фауны, экологически чистое сельское хозяйство.

3. Радикальное изменение системы образования и здравоохранения.

Говоря об этом, он отклонился от написанного текста и стал говорить от себя, своими словами:

— Мы наблюдаем ныне чудовищный абсурд. В одном школьном классе сегодня сидят юные люди, которые совершенно не соотносятся по духовному возрасту. Даются совершенно ненужные знания, а главные не даются. Например, такие, как понятия о происхождении Вселенной, устройстве человека как системы; о базовых законах мироздания. Не даются знания о психологии отношений в семье и обществе; о природе сексуальности и принципах работы с нею.

4. Отказ от всего колосса официальной медицины, построенного на примитивно-профаническом представлении о человеке.

Нужна не медицина, а просвещение — обучение людей искусству быть здоровыми. Оставить на некоторое время можно лишь стоматологию, травматологию и институт скорой помощи. Нужна медицина, которая прежде всего восстанавливает энергетику человека, предупреждает отклонения. Никаких прививок не должно быть. Любая инфекция может быть подавлена энергоинформационным воздействием; общие чистки всего организма и отдельных органов, траволечение, раздельное питание; числовые ряды, голографические солитоны — вот методики будущего.

5. В области культуры и массмедиа надо полностью снять крен в сторону негатива.

Никакого криминала, кровавых разборок, демонстрации массовых убийств, садизма, извращений. Вся мерзость, которую инвазировали в культурное пространство народа хронические недруги России, должна быть зачищена.

6. Выборная система, органы самоуправления должны быть коренным образом реформированы.

«Необходимо проведение тотальной дифференциации населения в соответствии с возрастом души человека (точнее, его монады). Признаками более высокого возраста является объем сознания; способность мыслить абстрактно; способность адекватно воспринимать достижения культуры и философии; способность к самостоятельному мышлению; понимание сути космической этики; способность работать на общее благо; способность к образованию и так далее. Проведение сегментарной (кастовой) дифференциации, по Берестову, позволило создать Общественную Симфонию — или, научно выражаясь, меж кастовую когеренцию, то есть гармоническое сотрудничество разделенных на четыре сегмента людей. Такая дифференциация, по Падину — Берестову, позволит выявить наиболее старые души, то есть мудрецов-брахманов (в русской традиции — волхвов), которые должны составить круг Высших Советников — тех, на мнение которых должен будет ориентироваться в своей деятельности Верховный Правитель.

В органы управления, по этой концепции, не должны попадать люди третьего сегмента — материальные люди с интеллектом, в которых голос совести (вести Бога в себе) еще не пробужден и которые не способны воспринимать реальность Высшего Нравственного Закона, или Космическую нравственность. Представители четвертого сегмента должны заниматься производительным трудом на благо общества. Оно же должно создать все условия для их культурного и духовного развития.»

Падин говорил много и о внешней политике. Он бросил такую фразу: «нужно четкое оконтуривание откровенных врагов», понимая под этим прежде всего англосаксов. Нужно сделать страну полностью самостоятельную, независимую ни от кого экономически и политически. Реформы поначалу будут болезненными; но независимости без них не обрести и на собственный путь не выйти.

Падин говорил также о совсем глобальных, общих вещах. Например, высказался за восстановление статуса Белой Расы, за установление ее гармонического союза с другими расами — желтой и черной; но не допуская при этом их перемешивания.

«Необходимо принятие концепции расового обособления для создания «чистой» нации. Именно такая нация, может дать возможность наладить поток «высоких воплощений», что создало бы основу для интенсивной эволюции народа. А сам этот народ, эволюционно предназначенный для миссии «локомотива истории», со временем должен стать «эволюционным локомотивом» всей цивилизации.»

Геополитическая линия должна выстраиваться на основе этой стратегии: сближение со «старыми» народами через верхний сегмент, и проведение достаточно жесткой линии в отношении молодых народов, тех, что не создали плотного культурного слоя и находятся под влиянием первоначальной профанической религиозности.»

На встречный вопрос одного из генералов: «Не скатимся ли мы таким образом к нацизму типа гитлеровского?» — Падин отвечал с ходу:

— Разумеется, я размышлял над этим. Надо понять, что Гитлер в своей практике идиотски извратил базовые представления, потому что был малограмотный военный человек с узким сознанием. К тому же он был еще и одержимый — понятно, что не Силами Света. Понять суть таких вещей, как нация, евгеника, как славяно-арийская традиция, он просто не мог. Это был воинствующий одержимый профан. Он нашел ловкий способ соблазнить низшие касты нации — поймать их на идее ее превосходства над другими. Неразвитому человеку льстит идея стать избранным, ничего для этого не делая. Гитлер на эти низшие инстинкты и сработал. Он действовал точно так же, как в свое время Ленин и его приспешники. Низы взбаламутили, на приманку низшие касты поймали; направили на разрушение государственности. А цель была простая — привести к власти узкий круг лиц, и властвовать без контроля.

Мы же предлагаем совсем другое: на основе разделения общества на сегменты выстроить именно коренную обособленную общность, где и национальное, и историческое, и культурное как бы его цементируют. Такого крепкого национального единства у нас ведь еще не было. Именно коренная нация должна сплотить остальные народы, и рационально эти людские ресурсы использовать — всем во благо. Вот такой я вижу национальную политику.

У нынешнего президента ее вообще нет. Люди разных наций варятся в одном котле. Результат — полная дисгармония, взаимное недовольство, скрытая вражда. «Коренные» ненавидят пришлых, пришлые — «коренных». О какой гармонии можно говорить?

Нынешний президент лишь говорит о том, что знает, куда вести общество. На самом деле ничего он толком не знает. Он запутался и пытается лишь удержаться у власти. Он просто временщик. У него нет, так сказать, долгоиграющей стратегии. Мы же должны предложить народу именно

такую, рассчитанную на сотни лет. А из нее вырастет и наша геополитика: мы должны создать мощнейшую евразийскую державу. Главное отцепить — от тела нашей Родины щупальца мирового паразита — англо-саксонской финансовой системы. Мы должны тут быть крайне осторожными и при этом последовательными. Скрытый враг хитер и коварен и часто трудноразличим. Он как бактерии-сопрофиты: вроде бы живет в организме, работает на пользу. Но в нужный момент вдруг активизируется и делает все, чтобы организм тяжело заболел. Или вовсе погиб.

— Вот это правильная идея, — воскликнул генерал Беклемищев. — Обеими руками за! Это враг из врагов! Вечный враг!

— Но, как мы договаривались, без антисемитизма, — заметил Звонарев. — Для сионистов обычные евреи такой же мусор, как и мы с вами. История это доказала.

Что и говорить, выступление Падина на совете заговорщиков смутило часть членов совета. Его программа оказалась им непозволительно усложненной, эзотеричной, нежизненной, высокопарной. Они ожидали чего-то попроще. Если Валентин Звонарев, Виталий Юдин и ряд ближайших союзников Падина удивлены не были, зная его любовь к философии и общим вопросам, то генералы и бизнесмены были озадачены. Смысл их реплик сводился к простой мысли: надо думать не на тысячу лет вперед, а понять, что делать сегодня, в текущей ситуации.

— Нам надо разобраться, какую экономику мы хотим строить, — говорил руководитель Национальной Ассамблеи предпринимателей Леонид Земцов. — Нам нужна строгая экономическая теория, и этого пока будет достаточно. Как надо нам, например, преобразовать банковскую систему; как грамотно вплести иностранный капитал, чтобы у него не было доминирования на рынке; как вообще построить систему взаимодействия губерний и центра. Чтобы не было того, что теперь мы имеем: центр все забирает себе, жирует; а регионы обескровлены.

— Надо понять нашу политическую стратегию на международной арене, — возбужденно говорил генерал Беклемищев. — Если американцы, например, опять полезут в Сербию мешать объединению славянских государств, которое началось, — что мы будем делать? Сидеть втихую, как в 98-м Ельцин? Или введем войска и поставим на боевое дежурство стратегические ракеты? Об этом надо иметь представление! Мы не должны забывать, в каком мире живем. Если господин Падин не представляет конкретно, что мы будем делать в ситуациях сложного выбора, то он не годится президентом страны.

Третий из тех, кого озадачило выступление Падина, был медиамагнат Аникушин. Его сильно озадачила идея о кастовой дифференциации общества.

— Как вы предполагаете определять кастовую принадлежность? — восклицал он. — Это же поле для субъективизма! Это поле для злоупотреблений! Тот, от которого это будет зависеть, будет брать взятки! Это сто процентов!

Сколько ни убеждал их Падин, что дифференциацию нужно будет долго готовить, что она должна начинаться с предварительного тестирования; что очень много параметров будет вводиться для определения социального статуса человека и что это вполне возможно сделать; что именно определение кастовой принадлежности выявит людей, которые в принципе не способны на какой-либо безнравственный поступок — никак это не действовало на скептиков.

— Федор Николаевич, вам не приходилось разве встречать людей, которые живут только по совести? — говорил Падин. — Которых невозможно купить ни за какие деньги? Которые подотчетны только высшим силам?

На этот вопрос Аникушин отвечал предельно определенно:

— Нет. Мне не приходилось. И думаю, что таких не бывает. Думаю, что вопрос только в цене. Предложи вашему бессребреннику, ну, миллион евро, ну, десять миллионов — пусть не сломается. Предложите двести миллионов — и он сломается. Нету таких!

И с такой точкой зрения Падину трудно было спорить.

И все-таки в совете было больше его сторонников, которые в целом оценили его программу как позитивную. Грамотнее всех сказал другой генерал, начальник политакадемии, философ Петр Шестаков:

— Важно то, что у человека есть Доктрина. Хуже было бы, если бы у него ее не было. Вот у нынешнего ничего за душой нет, кроме этого... православия, которое обрыдло всем, кроме экзальтированных старушек. У Сергея Валерьевича патриотическая линия очень хорошо видна. Забота о будущем страны видна. Отчетливо! Линия на спасение славянского этноса от вымирания и разжижения — тоже видна. Я за этого человека! К тому же у него ведь не будет такой уж тотальной власти. В диктатора превратиться не дадим — армия не даст, прежде всего. Будем действовать сообща — выстроим новую Россию!

В итоге за Падина проголосовали семь человек из двенадцати. Он был утвержден как кандидат в президенты, который будет поддержан и частью армии, и частью МВД, и частью бизнес-сообщества.

Далее совещание пошло уже по накатанной схеме: разговорщики определяли стратегию, как привести Падина к власти. О том, что у него может быть некий «ход конем», никто из них, кроме генерала Беклемищева, не знал.

ГЛАВА 37

Как уверял магистр один из крупных агентов Братства Кевин Верстрейдт, в окружении Гордина уже находились два новых агента Братства Обновления, которые активно участвовали в решении экономических и внутривнутриполитических вопросов. Один из них имел непосредственное отношение к проталкиванию проекта с Сахалином и Курилами. Осуществление этого проекта открывало перспективу создания со временем совместных с Японией военных баз на Сахалине и прилежащих к нему островах, усилении контроля на всем этих регионом. В случае победы кандидата

от Братства политика Джейка Макферссона на выборах 2032 года, установление контроля над Сахалином и Курилами с помощью проамериканского лобби в Японии становилось совершенно реальным, и это был бы сильнейший ход в укреплении как позиций Макферссона, так и всего финансово-промышленного и военного олигархата, который стоял за Братством. Русские не знали, что на смену нынешнему премьеру Японии придет вскоре новый человек, который человек развернет всю политику страны в нужную для Америки сторону.

В случае прихода к власти в США Макферссона все надежды и расчеты русских будут развеяны в прах. Гордин окажется полным банкротом, и будет вышвырнут из лодки политического истеблишмента, как отработанный материал. Потому на предстоявших в 2030 году в России президентских выборах Братству следовало поддерживать именно Гордина. Он отчетливо сдавал позицию за позицией, позволяя организациям, лоббирующим Братство в России, усиливать свою деятельность.

Магистр собрал общее заседание ложи в плановую дату. Предстояло обсудить дальнейший план всесторонней подготовки команды андроидов к чемпионату мира. Решено было не проводить более товарищеских матчей; готовиться незаметно, не привлекая внимания. В качестве главной задачи была определена следующая: надо было добиться, чтобы регистрация этой команды и ее игроков — людей без прошлого — прошла как можно более спокойно, без эксцессов. Для этого нужно было точно распределить силы и деньги. Конкуренты из противоборствующего тайного общества активизировались; возможно, они заинтересовались этой командой и теперь пытались узнать, кто стоит за нею. Нужны были контрмеры.

Усеченный, короткий чемпионат США, в котором участвовали всего десять команд, позволял предполагать, что в команду могут быть приглашены игроки из периферийных любительских клубов, прошедшие специальную подготовку. Теперь надлежало только выровнять командную

игру, подготовиться к тому, чтобы на завершающем этапе могла играть сборная, составленная только из андроидов. До чемпионата оставалось десять месяцев, и магистру предстояло теперь вести постоянный контроль за процессом дальнейшей подготовки.

Так как именно ложа магистра Виндинг-Бронса курировала Россию, на заседание был приглашен ведущий эксперт Братства по России немец Йозеф Мецлер. Он долго и интересно рассказывал о работе в России агентов влияния; о создании карликовых партий, которые должны были затаиться, накапливать силы, и в нужный час выступить по сигналу, вывести людей на площади; бросить в прорыв ярких агитаторов и сыграть свою роль в операции по смене высшего руководства страны. Но неожиданно опытный эксперт заговорил о футболе.

— У меня есть из наших источников интересная информация. Недавно в Москве тайно прошел очень любопытный матч. Первая сборная страны играла с никому не известной командой в присутствии президента Гордина.

— Интересно... А в чем смысл этой игры, господин Мецлер? — поинтересовался магистр.

— Это и есть главный вопрос. Мы знаем, что русская команда практически потеряла шансы выйти в финал чемпионата мира. Гордин начал искать шансы выправить ситуацию, поскольку чемпионат пройдет буквально за месяц до выборов президента России. Ему кто-то сообщил, что есть экспериментальная клубная команда, которую готовят по особой методике. Он из любопытства устроил контрольный матч.

— И каков результат?

— Результат интересный. Неизвестная команда разгромила их сборную в пух и прах. Матч остановили при счете 5:0. Но счет мог быть и большим. Эта команда имела подавляющее преимущество. Наш информатор получил точные данные. Однако видеозапись добыть не удалось: русские предприняли чрезвычайные меры по информационной защите этой игры.

— Все говорит за то, что их команда «Х» — сильная, — заметил магистр Виндинг-Бронс. — Русская сборная, в принципе, нормальная средняя европейская команда. Их разгромить не так-то просто.

— В этом-то вся и интрига, господин магистр. Это самое интересное. Дело в том, что тут явно просматривается политическая игра. По нашей информации, подготовил команду один бизнесмен, грузин по национальности. Но мы выяснили такие детали. Никогда прежде этот грузин футболом не занимался и вообще никакого интереса к нему не проявлял. Создается впечатление, что им кто-то прикрывается. Кто-то за ним стоит. Но, похоже, вовсе не президент Гордин, который о существовании команды узнал недавно — это достоверно известно. За командой стоит кто-то другой. И нам бы хотелось узнать, кто этот другой.

— Господин Мецлер, я не очень понимаю, — с места приподнялся Вернье. — Почему вас заинтересовала эта история? В футболе такое бывает. Ну обыграли сборную... А что тут особенного? Они все равно не попадут в финал чемпионата.

Мецлер поглядел на Вернье поверх очков.

— Вы, похоже, не слишком разбираетесь в футболе, господин Вернье... Повторяю, разгромить такую команду, как сборная России, обычная команда не может. Это способна сделать только команда экстра-класса. И такой команде по силам забить три гола Германии, которая уже обеспечила себе место в финале. Немцам не за что бороться. А у русских последний шанс... Вы меня понимаете, господин Вернье?

— Нет, не понимаю. Ну пусть даже они выиграют у немцев. Пусть выйдут в финал. У них там все равно нет шансов. В чем здесь проблема? Почему мы на это тратим наше время? Мне кажется, мы говорим о какой-то ерунде.

Вернье даже чуть разгорячился. Он втайне недолюбливал эксперта Мецлера, так как хотел занять его место. В России у него жили родственники. Магистр Виндинг-Бронс внимательно слушал этот диалог, и вскоре перевел разговор на себя.

— Скажите, господин Мецлер. Вы что, опасаетесь, что русские могут обыграть нашу команду в финале? В этом подтекст вашего сообщения?

— Не в этом, господин магистр. Я не думаю, что русские сильнее Бразилии или Испании. Общий класс футбола у них ниже. Думаю, что дальше четвертьфинала они в любом случае не дойдут. Дело в другом. Надо принять во внимание такое обстоятельство. Футбол затрагивает в России, как в Бразилии или Аргентине, огромное количество людей, причем наиболее активную, я бы сказал, мобильную часть электората. Потому в связи с появлением этой команды у нас возникают два вопроса. Если за этой командой стоит политик, то мы должны знать, что это за политик. Потому что в случае даже просто победы над Германией рейтинг этого политика резко взлетит. А если эта команда пройдет в финал? А если успешно сыграет на самом чемпионате? Мы ведь с вами привыкли просчитывать ходы наперед. Мы не можем это оставить без контроля. Наша задача оставить у власти Гордина. Он предсказуем, и наш контроль над его деятельностью усиливается. Он вполне может стать вторым Горбачевым, и тогда мы сможем вернуть контроль над Россией. Мы с вами всегда старались быть предусмотрительными.

— Но Гордин наверняка развернет ситуацию в свою пользу, — заметил один из членов ложи. — Ведь СМИ у него под контролем.

Мецлер покачал головой:

— Не все СМИ. В этом и проблема. Есть интернет и многое другое. И теперь о главном. На настоящий момент нам известно, что за командой действительно стоит политик. И этот политик — Игорь Верховский. Наши агенты сумели получить фотографии, на которых он общается с нынешним хозяином клуба. Этим грузином, Тапатадзе. Фотографии сделаны полтора года назад. Они подлинные. Верховский связан с крупным международным бизнесом, в том числе и нефтяным. По нашим сведениям, на него делают ставку наши противники внутри США. Нам точно

известно, что не так давно в Вашингтоне состоялась любопытная встреча.

Мецлер сделал паузу и демонстративно оглядел присутствующих.

— С Верховским в прошлом году тайно встречался действующий президент США. На встрече также присутствовал Олиф Сойден, одна из ключевых фигур АНБ. А также и директор ФБР.

В овальном зале воцарилось молчание. Магистр Виндинг-Бронс задумчиво произнес:

— Почему иллюминаты делают ставку на этого человека? Чего они хотят?

— Понятно, что они видят его президентом. Гордин их не устраивает. Верховский — интеллеktуал, мистик. Он харизматичен, речист. Он связан с известным теоретиком Дургиным. Они хотят разыграть большую партию, создать евразийский альянс, усилить контригру против Китая. Они рассчитывают, что тщеславный и самовлюбленный Верховский быстрее развернется в нужную сторону. У них целая комбинация, будьте уверены; мы далеко не все планы их знаем. Гордин все же последователь Путина. Он не будет сотрудничать с США в объеме, желательном для наших оппонентов. Надо признать, иллюминаты нас тут могут переиграть. Мы ставим на Гордина; правильно ли мы делаем?

— Господин Мецлер, есть одно важное обстоятельство, — заметил магистр Виндинг-Бронс. — Верховский — еврей. И этим все сказано... Еврей никогда не будет в России президентом. Сегодня в России все знают, кто в 1917-м произвел переворот в России. Теперь там на евреев во власти иммунитет.

— Господин магистр, несомненно, ваше замечание справедливо. Мы знаем, что Верховский еврей. Но я бы вот что отметил. У русских на самом деле очень противоречивое отношение к евреям. Они их и боятся, и ненавидят, и уважают, и отчасти даже любят. Там все одновременно. Русские — это такой уникальный народ, у него такая психо-

логия: он мягкотелый с импульсами упрямства. Евреи как раз на этом всегда и играли.

Этот Верховский прекрасно ориентируется в обстановке. Его партия имеет четвертую фракцию в парламенте. Я уверен, что еврей в России может выиграть, если правильно подаст себя народу. Был у них такой Жириновский. Тоже еврей. Но народ его любил, так как он был циркач, шулер, творческий человек. Умело себя подавал. Теперь он скис, его времена прошли. Нам не нужен Верховский у власти. Всем известно, что он разделяет взгляды Александра Дургина, влиятельного русского идеолога. Дургин — наш противник. Нам совершенно не нужно, чтобы позиции сторонников четвертого пути усиливались.

Магистр знал, что Мецлер озвучивает лишь часть правды. Другая ее часть заключалась в том, что он являлся одной из связующих фигур в большой букмекерской игре. На него замыкалось сразу несколько крупных финансовых потоков. Конечно, главные боссы букмекерского мира знали про команду андроидов. Их это устраивало, поскольку гарантировало управляемость процессов. Им представлялось, что андроиды — самый лучший вариант; что они будут делать только то, что им внушат. Скажут проиграть — они сольют игру. Запрограммируют на выигрыш — они победят. И сам Чивиккони так считал. Хотя даже барон до конца не был уверен в том, что тут все прокатит, как по маслу. Это еще предстояло выяснить. Боссов мировой букмекерской мафии волновало другое. Их не устраивало появление непредсказуемой команды русских. Для них это была просто новая темная фишка и в без того мутной игре. Вот почему Мецлер так фокусировался на команде русских. Политика тут была вторична.

— Есть ли у вас предложения, господин Мецлер? — спросил магистр.

— Разумеется. Вы меня знаете, я без предложений не заканчиваю. Первое, что надо сделать — прощупать этого грузина. Надо понять, что у него за связи. И попробовать предложить интересные для него вещи. Вы знаете, у нас

есть серьезные планы по Грузии. Контроль России над Закавказьем слабеет. Южная Осетия вернулась по контроль грузинского правительства, благодаря нашим усилиям. На очереди — Абхазия и Северная Осетия. Мы можем предложить этому грузину пост премьер-министра в новом правительстве. За его лояльность по отношению к нам.

— В каком смысле?

— А в том, чтобы отсечь Верховского от этой команды. Заявить, что он к ней не имеет отношения.

В заседании возникла пауза. Все обдумывали предложение Мецлера... Но тут с места поднялся Дерек Флокастер, руководитель одной из ключевых спецслужб Братства.

— Господа, я вас не понимаю. Ситуация ведь проста как день. Нужно, чтобы эта команда «Х», как вы говорите, просто не поехала в Германию на игру. Я вас правильно понимаю?

Мецлер кивнул.

— Так в чем дело? Дайте нам указания. И они на игру не поедут. У меня в России сильная агентура. В чем проблема?

В овальном зале началось шевеление, шум. Кто-то рассмеялся.

— А действительно, господин магистр, — вступил в разговор Вернье. — К чему нам вся эта мышьяная возня? Выеденного яйца дело не стоит! Поручим дело Флокастеру. Пусть работает.

— А что вы собираетесь предпринять, Дерек? — прищурив глаза, спросил Мецлер. — Уж не хотите ли вы их всех... того... К праотцам отправить? А? Мы ведь вас знаем.

— Да ну что вы. Ни в коем случае! — отвечал Флокастер. — Зачем шум, зачем следы. Сделаем все тихо. Все будут живы. И возможно, здоровы. Но в Германию на игру поедет их бесцветная серенькая команда, и благополучно проиграет.

Магистр Виндинг-Бронс поднялся с места.

— Господа, ну что же... Будем считать, что решение принято? Поручим господину Флокастеру решить эту проблему? Есть ли возражения?

Возражений не было.

Дерек Флокастер приподнялся и учтиво поклонился присутствующим в знак уважения.

— А по поводу этого Верховского, — сказал магистр задумчиво, морща лоб, — Надо наблюдать за его действиями. Вы правы, господин Мецлер. Ходы партии надо просчитывать вперед...

На этом заседание логи было завершено.

ГЛАВА 38

Подготовка к игре с Германией на базе в Перекатной шла предельно интенсивно. У Маранова была одна задача: сделать команду настолько сбалансированной и сыгранной, чтобы у нее просто не осталось уязвимых мест, звеньев, не работающих на уровне высших достижений мирового футбола. Но времени оставалось совсем немного — всего-то меньше трех недель. Игра должна была состояться в Мюнхене 21 сентября.

Разумеется, более целенаправленно готовился к игре с Германией первый состав. По несколько часов игроки сидели на компьютерных тренажерах и проводили виртуальные игры со сборной Германии, причем именно с тем составом, в котором немецкая команда выступала все последнее время. Игроки изучили повадки каждого из немецких футболистов; защитники знали теперь, как родных, всех нападающих и полузащитников, вплоть до манеры обводки каждого; знали любимые точки, с которых они производили опасные удары. Были проанализированы все домашние разработки немцев, отработанные ими комбинации при пробитии штрафных и угловых.

Игроки второго состава нередко также приходили в тренажерный зал и наблюдали на огромном мониторе эти виртуальные игры. Когда они смотрели такой матч, возникала полная иллюзия, что в прямом эфире идет реальная игра — настолько хорошо были анимированы как игроки сборной Германии, так и игроки первого состава.

Маранов ждал, что состав определится сам собой, и наигрывал в средней линии то одного, то другого. В обороне могла быть найдена замена только Вадиму Полубоярову: Гремин, Рыклин и Нестерович играли уверенно и цепко. Полубояров играл чуть слабее, и с ним конкурировали за место в основе Чебурканов, Шерстобитов и Гарнаев, резко усилившие игры и физическую форму за последний месяц, после Гималаев. И все же костяк у основного состава был сформирован. Полная определенность должна была наступить накануне игры с Германией.

Контрольные игры между первым и вторым составом показали, что первый состав становится все сильнее. Даже имея в воротах Мушарапова, вторая команда не могла выстоять теперь против первой — настолько сильные игроки там были подобраны. И все же второй состав не проигрывал ни разу более двух-трех мячей. Они также уверенно боролись за центр, комбинировали у ворот соперника, мощно и точно били. Вратаря Дениса Курганова все же пробить было легче, что несколько уравнивало шансы команд. В защите игроки дубля работали цепко и уверенно, не давая универсальным дриблерам первой команды выходить на ударные позиции и забивать. Второй состав демонстрировал также сыгранность в линиях; мастерство крайних нападающих Бухарова и Грознецкого, как и центрфорварда Прокопенко заметно возросло. Это теперь были также высокотехнические, мобильные футболисты, видящие поле, умевшие плести длинные острые комбинации у ворот, постоянно перемещавшиеся, обладавшие хорошим чутьем на голевую позицию.

Нужный боевой тонус на базе поддерживался также при содействии команды девушек. На самой базе постоянно находились двадцать шесть женщин, которые жили теперь вместе с игроками. Многоженство как-то само собой рассосалось. Из трех женщин Приданцева осталась одна — Лиза, спокойная блондинка, оказавшаяся очень хозяйственной и шустрой. Она отвечала на базе за сохранность и учет инвентаря, умело руководила техническими работниками,

занимавшимися разного рода вспомогательными работами: подключением роботов, поливкой поля, установкой сеток для мячей, подключением электричества к вакуумным пушкам, сбором мячей и так далее. По одной женщине, как и следовало ожидать, осталось и у Станишевского с Бухаровым. Однако последний был все же склонен к постоянному обновлению сексуального окружения, чем доставлял хлопоты психологу Пиоро. Количество тантристок не увеличивалось.

Бухаров бы единственным, кто после всех занятий так и не уловил разницы между сексом и тантрой. Он постоянно посещал массажные салоны, да и интим-салоны тоже. Удержу на него тут не было никакого, и Пиоро, смирившись, закрыл на его приключения глаза.

Работы на базе было много, и большинство женщин устроились работать прямо здесь. Семеро работали в комплексе бытового обслуживания (прачечная, парикмахерская, уборка, блок питания). Остальные работали по снабжению, администрированию; ассистировали медперсоналу; двое занимались благоустройством территории (парк и дендрарий).

Остальные женщины приезжали по несколько раз в неделю. Почти всегда они оставались ночевать, иногда жили по несколько дней. У них была в городе стабильная работа, по большей части связанная с бизнесом. На базе постоянно происходило движение: кто-то приезжал, кто-то уезжал; что-то привозили, что-то ремонтировали, устанавливали, и так далее. Это было большое и сложное хозяйство, обеспечивавшее полноценный тренировочный процесс, и работало оно ритмично и исправно, в чем большая заслуга была директора клуба Терентия Пекузы. Его постоянно было можно увидеть в разных частях комплекса. Толстенький, невысокий, быстрый, он всюду бегал с помощником, с двумя телефонами в ушах; кого-то разносил, кого-то хвалил, с кем-то договаривался. Весь обслуживающий персонал слушался его беспрекословно. Более высоким авторитетом на базе пользовался только главный тренер.

Два тренера — мастер из Индии и тот же Родион Куллэ — работали с разными группами, развивали в женщинах и мужчинах способность ощущать энергии и работать с ними — прежде всего, сексуальной; программы и подход к работе у тренеров был схожий. Парни с удовольствием ходили на эти занятия; они превратились во что-то вроде досуга, где приятное сочеталось с очень приятным, а также полезным. У женщин был, разумеется, и весьма прагматичный интерес к этим занятиям. Они прекрасно знали, что тантрический секс, который неизбежно следовал после этих занятий, когда все разбредалось по номерам, очень привязывает мужчин к женщинам, и что в силу этого у них появятся шансы выстроить со своими партнерами долговременные отношения: выйти за них замуж и создать семью.

Постепенно парни стали замечать, что сбереженная и обогащенная женской сексуальной энергией при следующем, если можно так сказать, сеансе давала еще более острые ощущения. Также было замечено, что при сбережении семени желания и сил работать на тренировках прибавляется. Те, кто в этом убедился, делились впечатлениями с теми, кто еще сомневался. Постепенно процесс шел, и парни к тантре начинали относиться немного серьезнее. Хотя, разумеется, внешне все разговоры об этом и сами практики напоминали часто игривые вечеринки, где парни и девицы непрестанно смеялись и подшучивали друг над другом.

Вечером парни и девушки гуляли по аллеям парка, играли в бильярд, пинг-понг или обычный ручной волейбол. Это было любимое развлечение: смешанные команды из мужчин и женщин играли друг с другом под общий гвалт, улюлюканье и смех.

В один из теплых летних вечеров Вероника и Андрей, встретившись, долго бродили по аллеям, слыша кое-где приглушенные тайные голоса, шорохи, всхлипы. Где в районе полуночи они отправились в номер к Андрею. Прои-

зошло это само собой. Андрей нарочно не спрашивал, уедет ли она домой на машине. Она прекрасно понимала, что он ничего не спросит. В какой-то момент, когда возникло напряженное молчание, она сказала:

— Ну что, пойдем к тебе? Не будем отставать от других?

Они испытали приятное расслабление, и весь просиял.

В номере они еще пили шампанское, но она никак не могла расслабиться. Тогда он обнял ее, начал целовать... Она никак не могла расслабиться, и раздеться...

— Что тебя мучит?-спросил он. -Что-то тебе мешает... Ведь у тебя есть чувства ко мне...

Она кивнула. Потом глядя ему в глаза сказала:

— У меня что-то вроде блока...Когда у меня *это* происходит с мужчиной, я почему-то... могу его возненавидеть...Я уйду, а потом сама мучаюсь...Я не хочу, чтобы это произошло и с тобой. Ты мне очень нравишься, очень...

Он понял. Подумав, сказал:

— Надо это как-то преодолеть...Но только вместе. С этим надо справиться. Мы сможем, я уверен....Не бойся...Ты не представляешь, что у меня на душе...Какие чувства я к тебе испытываю...

— Я чувствую...

Он начал осторожно расстегивать ей сзади платье. Бардовый кружевной бюстгальтер открылся...Он вдруг обнаружил, что у нее довольно большая и красивая грудь. Сдавленное желание вырвалось наружу... Даже не раздев ее до конца, он подхватил ее на руки и перенес в постель. Она не сопротивлялась...

И все же ее слова отпечатались в его сознании, и он делал все очень осторожно, предельно мягко. Долго-долго ласкал ее везде языком, губами. Вошел только тогда, когда почувствовал, что она полностью расслабилась, и просто изнемогает от желания...

Чем меньше времени оставалось до игры с немцами, тем меньше становилось смеха и шуток. За неделю до матча Провоторов и Пиоро собрали всех женщин и мужчин и ре-

комендовали воздержаться вообще от эякуляции. После игры, было сказано, «упущенное» можно будет наверстать. Причем это относилось и к первой, и ко второй команде. Пиоро понимал, что, если табу поставить только первому составу, возникнут какие-то трения и негативные энергии проявят себя в коллективе сами собой.

За три дня до отъезда в Германию Маранов распорядился сбросить нагрузки для игроков первого состава. Он окончательно определился с составом. Спорное место в защите осталось все же за Полубояровым, который серьезно отнесся к критике и резко прибавил. Вместе со Станишевским и Приданцевым в полузащиту был выведен все же Багрянов, который был сыгран с этой парой лучше других. Вибергасов продолжал тренировки со второй командной, но должен был поехать в Германию запасным, как и Курганов, Грознецкий, Рославцев и Бухаров.

Вечерами на базу приезжали приглашенные историки, писатели и поэты; все — отчаянные русофилы, которые давали парням все новую и новую информацию об истории славянства, о древнеславянской азбуке, книге Велеса, магических практиках и ритуалах, законах Рита. Берестов, приглашавший Петра Ведунова, стремился к тому, чтобы и интеллект парней развивался, и общий культурный уровень рос.

Разумеется, беседа Ведунова о космологии Вед, о теории пространства-времени Николая Козырева для них была сложноватой, но кое-что они ухватили. По-крайней мере, они узнали, что вот так, спустя тысячи и тысячи лет, современные ученые открывают то, что было хорошо известно их предкам. Пересветова и Станишевского, наиболее интеллектуально-развитых из футболистов, это просто поразило.

— Как такое может быть, Петр Васильевич? -спрашивал Станишевский.-Если это было уже известно, зачем же заново открывать? Почему знания-то эти были забыты?

— Правильный вопрос! Очень точный,- отвечал Ведунов.- А ответ такой. На всяком новом витке знания открываются по другому. Более полно, в другом объеме. Веды

основаны на откровении, то есть знании иррациональном. Козырев же постигал суть времени по другому, на научной основе, на основе открытых формул, фактов и т.д. Но есть и такой момент. Бывают разрывы в потоках информации. Как правило, они связаны с той или иной формой мракобесия. Веды, попросту говоря, задвинули в тень сразу два вида мракобесия: христианское и коммунистическое. В своем воинствующем профанизме эти две системы оказались очень родственными.

Незаметно, исподволь приезжавшие теоретики готовили парней к тому, чтобы те осознали себя продолжателями древнеславянской линии. Постепенно в команде не осталось ни одного игрока, носившего христианский крестик и сохранившего желание сходить в христианскую церковь, при том что никто их прямо против христианства и РПЦ не агитировал. Все происходило само собой, без нажима и дидактики. Давалась информация, а люди делали выводы сами. Их сознание само постепенно разворачивалось в сторону именно ведической традиции — исконной традиции славянства.

Все шло гладко, по накатанной. Ребята были уверены в том, что, впервые появившись на зеленой сцене перед сотнями миллионов людей, они не оплошают, и как минимум порадуют их отчаянно-мощной наступательной игрой на победу.

Однако судьба уготовила Маранову еще одно тяжелое испытание. За день до отъезда в Германию, когда уже были оформлены и все документы, куплены авиабилеты, подготовлен весь необходимый для поездки инвентарь, произошла катастрофа. Произошло то, чего никто не ожидал. Это было то самое жесткое вторжение в пасьянсы судьбы чего-то внешнего, темного, тяжелого, которое не раз уже происходило жизни Андрея Маранова, причем в самые важные, ответственные, судьбоносные моменты его жизни...

Накануне отъезда, позавтракав, игроки первого состава после короткого отдыха в номерах отправились на тренировку. Отсутствовали только Мушаратов, уехавший в город

по неотложным делам, и Багрянов, который как раз в это время сидел с приехавшей его навестить матерью в летнем кафе Твери.

Уже подходя к зеленому газону поля, Станишевский сказал шедшему рядом Приданцеву:

— Чего-то меня мутит. Подташнивает, и сил чего-то нету...

— «Ты вахту не кончил, не смеешь бросать», — пошутил Приданцев строчкой песни. — Ничего, разбегаешься. Бывает такое. Может, вечером переел.

Футболисты выбежали на поле; Станишевский вдруг сел на газон у кромки поля. Его тошнило. К нему подошел врач команды. И в этот момент у него началась рвота... Врач поднял его и повел в сторону медпункта.

Игроки первого состава было начали тренировку, но шла как-то вяло, без энтузиазма. Александр Курбанов, второй тренер, не мог понять, в чем дело... Вдруг Олег Приданцев остановился и заявил, что и его тошнит, что он чувствует боль в области печени. А далее уже пошла цепная реакция: игроки один за другим начали садиться или даже ложиться на газон. Лица их становились все бледнее и бледнее. У троих также началась рвота, причем у Нестеровича — с кровью.

Врач команды экстренно позвонил находившемуся в своем офисе главному тренеру.

— Андрей, Андрей! Что-то происходит. Похоже на отравление. Я срочно вызываю скорую. И не одну.

— Что? Что? У кого отравление? — закричал Маранов, предчувствуя недоброе.

Он в это время находился в офисе, разговаривал через переводчика с Германией. Прервав разговор, он выбежал на поле. Жуткое зрелище предстало перед ним: игроки его основного состава сидели и лежали на газоне. Гремин лежал, широко раздвинув ноги, приподняв голову и тяжело, хрипло дыша. Трое стояли на коленях и рыгали. Лица всех имели зеленовато-бледный оттенок.

«Отравили, — сразу понял он. — Отравили... О боже! Только бы не насмерть...»

Он сделал экстренный звонок Сергею Падину. Тот моментально поднял на ноги всех медиков Твери одним звонком губернатору. Буквально через десять минут примчалось сразу три машины скорой помощи. Врачи бросились к игрокам.

Через некоторое время приехали и вызванные Падиным следователи прокуратуры... Они оценили ситуацию, и тут же пошли в пищеблок делать осмотр.

Особенно плохо чувствовали себя Станишевский и Нестерович. Пересветов держался мужественно, сидел молча с закрытыми глазами в позе лотоса, старался дышать ровно и глубоко.

— Игорек, что ты чувствуешь? Насколько это серьезно? — спросил его Маранов с болью и трепетом в сердце. Однако вменяемый и разумный ответ Игоря слегка успокоил его:

— Нас отравили. Это ясно. Состояние жутко неприятное, но стабильное. Интоксикация... Думаю, выживем.

Скорые, забрав игроков, вскоре умчались в город, в больницу. Вслед за ними уехали на джипе Маранов, второй тренер, врач команды и психолог. Но, узнав о случившемся, следом в районную больницу помчались и девушки — кто на такси, кто на микроавтобусе базы.

В больнице уже были срочно подготовлены дополнительные места в палате интенсивной терапии. Однако когда десять футболистов расположили в диагностическом комплексе для проведения экстренного исследования, то выяснилось, что только состояние Станишевского вызывает серьезные опасения. Пульс у него был неровный и слабый; он не мог самостоятельно передвигаться. Потому его одного положили именно в отделение интенсивной терапии. Остальные хоть и чувствовали себя плохо, но к критической точке по состоянию не подходили. У всех была слабость, озноб и тошнота; их постоянно рвало. Языки у всех были белые; в области печени чувствовали острую боль. У некоторых также болела и голова.

Срочный анализ крови не дал результатов. Никаких отравляющих веществ в организмах парней при первом ис-

следовании выявлено не было. Они лежали в палатах под капельницами. Им срочно дали абсорбенты для выведения токсинов из крови. Теперь все ожидали из Москвы бригаду специалистов центра, специализирующегося на отравлениях. Сергей Падин пообещал большие гонорары врачам.

Буквально через час после начала кризиса бригада медиков со всем необходимым прилетела на вертолете, вызванном Падиным. Снабженная самыми современными приборами-тесторами, реагентами, антидотами и прочим бригада оперативно выявила в крови у футболистов одно и то же вещество. Оно было хорошо известно медикам центра: это был синтетический яд новой модификации, имевший кодировку VC-N-12.

Вскоре в больницы приехал и срочно вызванный Марановым Михаил Георгиевич Берестов. Он был молчалив и мрачен, почти ничего не говорил. Он уже догадывался, откуда пришла беда и кто ее организовал. Последнее время он постоянно чувствовал странную тревожность; его не покидало ощущение опасности, но он никак не мог определить, с чем это связано. Никаких снов, никакой информации по невидимым каналам он не получал. Войдя в одну из больничных палат, он сразу понял: состояние футболистов таково, что ни о какой поездке в Германию не может быть и речи; что, по сути, произошла катастрофа.

Горечь и досада от пропущенного им удара ворвались в его сердце. Он не предотвратил, не предусмотрел, не защитил... Только он мог это предвидеть, но не смог. Маранов в абсолютной прострации стоял в больничном коридоре, глядел в открытое окно и нервно курил. Берестов подошел, посмотрел ему в глаза; он сразу понял его состояние. Оно было ужасным — полное смятение. А что еще могло быть в его душе? Берестов молча положил руку ему на плечо, постоял некоторое время с ним. Потом ушел, чтобы поговорить с пострадавшими ребятами. Ему надо было понять, что в этой ситуации можно предпринять.

Проведя обследование, медики вынесли вердикт: отравление тяжелое, но угрозы летального исхода нет. Однако специфика ядов этого типа такова: вывести его из крови

быстро невозможно. Токсины, проходя в клетки и межклеточное пространство, локализуются в печени, угнетая ее функции. Токсичные вещества будут выводиться при активном проведении процедур в течение четырех-пяти дней. В этот период любые физические нагрузки противопоказаны, так как возможен паралич сердечной мышцы, при котором возникает угроза жизни. Показано жидкостное легкое питание (а лучше голодание), обильное питье; показано интенсивное применение абсорбентов со стимулирующими работу печени и почек препаратами.

Всех десятерых на состоявшемся консилиуме врачей было решено оставить на несколько суток в больнице — на всякий случай. Подруги игроков, встревоженные и возбужденные, непрерывно бегали из палат на улицу курить, бурно обсуждали происшествие. Главный вопрос был один: кто это сделал и зачем? Существование каких-то тайных сил, которым невыгодна была победа новой команды в Германии, поразила всех. Всем казалось, что в родной стране таких сил быть не должно.

— Наверняка кто-то из федерации заказал, — говорила одна, — Сами все профукали... стыдно. Совсем опозориться не хотят.

— Да с чего федерация? Ей-то зачем? — отвечала вторая. — Она ведь себе может победу присвоить. Это кто-то другой.

— Кто тогда? Зачем?

Ответов не было.

Андрей Маранов долго сидел рядом с футболистами, внимательно наблюдая за их состоянием. К физическому их недомоганию начала теперь прибавляться депрессия от морального удара. Вместо триумфальной поездки в Германию, вместо отчаянного, безумно важного матча они обречены были теперь оставаться дома, больные, словно выброшенные из жизни.

— Что вы теперь делать-то будете, Андрей Викторович? — грустно спросил Никита Гремин. — Неужели вся работа коту под хвост?

Маранов молчал. Именно об этом он сам думал, мучительно и непрестанно. Удар был настолько силен, что он даже не знал, что говорить и как. Такой силы ударов в его жизни было всего два: предательство друга и судебное преследование с последующим заточением в тюрьму; отстранение от работы в его первом клубе в самый разгар сезона.

— Кто все-таки это мог сделать? — слабым голосом спрашивал бледный Олег Приданцев, у которого под глазами появились глубокие темные круги. — У вас есть какие-то мысли на этот счет? На базе ведь все свои.

— Получается, свои, да не все, — только и смог ответить Маранов. — А вот кто заказал... Есть только смутные предположения. Врагов и завистников много, ребята. Вы так крепко разделали первую сборную. Кому-то это не понравилось. Кто-то хотел, чтобы поехали сборники, и все продули окончательно. Кто-то проник на базу...

Футболисты угрюмо молчали. Приданцев тихо постанывал. У него сильно болела печень и тошнота стала лишь сильнее. Тут же находился и Пересветов. Капельница стояла возле него — вечная российская больничная капельница, первое средство в российской медицине от всего непонятного. Капли стекали по трубке к игле, пронзившей его вену. Однако он не лежал, а сидел и по-прежнему молчал. Брови его были сдвинуты. Вдруг он спросил сидевшего тут же Берестова:

— Михаил Георгиевич, вот вы все знаете... Скажите. А есть способ восстановиться? Быстро восстановиться? После такого?

Берестов внимательно посмотрел на него, некоторое время молчал, раздумывая. Потом заговорил:

— Я на данный момент не могу на этот счет ничего сказать. Мне надо знать, каким будет ваше состояние завтра. Но способы, конечно, существуют.

— Вы скажите, какие это способы. Вы просто скажите, — настаивал Пересветов.

Берестов внимательно посмотрел на него. В глазах его мелькнуло что-то вроде моментальной искры.

— Мне один человек рассказывал, как он однажды попал в довольно сложную ситуацию — прямо скажем. Он, вообще говоря, исследователь. Ботаник, зоолог. Он продирался сквозь джунгли, где-то в долине Амазонки. Его укусила змея за ногу. Серьезная змея. Ядовитая.

— И что?

— Он вначале даже не обратил внимания — что-то просто кольнуло внизу и все. Пошел дальше. И вдруг почувствовал, что ему становится хуже. Посмотрел на ногу — там ранка от зубок... Все понял. Яд, как полагается, отсосал, ранку прижег. Пошел дальше. А состояние все хуже и хуже. Понятное дело. Яд в крови.

— И что он решил?

— Он решил идти. А что оставалось? Он по телефону позвонил, рассказал, кому следовало, что произошло. Но он ведь в сельве находится. В сельве! Как к нему добаться? Но он точно знал одно: надо идти и идти. И еще — вот важная вещь. Он стал уговаривать организм справиться с этим ядом. Воинов иммунной системы уговаривал. Просил и Высшие Силы. У него поднялась температура. И видимо, сильно. А там и так было жарко и влажно. Но он решил, что будет идти до тех пор, пока не умрет. И он шел, как говорится, на зубах, хотя состояние его было критическим. Он мне рассказывал: порой шел, а сознания не было... Очнется на миг и видит, что идет. И снова сознание уходит. Но в какой-то момент он очнулся и понял, что все еще идет. А потом ему вдруг стало легче. А затем он лег отдохнуть... Проспал неизвестно сколько часов. Проснулся здоровым.

Игорь Пересветов и остальные слушали этот рассказ с интересом.

— А вы как объясняете, почему он выздоровел? — спросил Пересветов.

— Ну, тут все просто. Что такое яд, вирус, инфекция? Это сообщество микросуществ. У них задача выживания и экспансии. Для них не важно, погибнет организм человека или нет. У яда тоже есть свои носители, у которых свои

программы, свои интересы. Но у организма есть защитники — это тоже колонии разумных существ. Когда в организме появляется враг, и враг опасный, они вступают с ним в бой. И если тот бог, который живет в этом теле, ослабевает духом, сникает — могут сникнуть и эти маленькие существа. Ведь это их бог ослаб! А уж что им-то делать? Они такие маленькие... Тогда враг — будь то вирус или раковые клетки — побеждает их, и организм гибнет. Бог уходит из тела... Сникает — это значит ложится на койку и пассивно ожидает исхода битвы, чья возьмет. Враг одолеет, то есть вирус, или все же свои победят. Фагоциты, макрофаги... Но если бог, то есть дух человека, восстает и мобилизует своих на борьбу, они бьются с удесятеренной силой. И имеют все шансы победить.

И еще. Чтобы одолеть внутреннего врага, организму нужна энергия. Эфирная энергия. Если человек лежит, откуда она возьмется? Только от сна и еды. Больному организму приходится тратить силы на переработку еды. Бывает, что расход тут меньше прихода. А когда человек идет... Две ноги закручивают торсионный вихрь. Эфирная энергия начинает интенсивно проходить в позвоночные каналы. Через три часа торсионная воронка насыщает весь организм энергией. Клетки начинают интенсивно работать. Иммунная система словно воспламеняется. Чем дольше человек идет, тем ярче эффект. Вот и весь секрет.

Игорь Пересветов улыбнулся:

— Спасибо, Михаил Георгиевич! Для меня это важная информация.

— Мы завтра обсудим возможность такого прохода. Эти ребята из центра отравлений сказали, что могут быть осложнения на сердце и на печень. При нагрузках... Надо подумать...

Все замолчали. Маранов наблюдал за своим учителем, видимо, ожидал от него совета.

— Вы что-то решили, Андрей? — спросил Берестов.

— Я ничего пока не решил... Я думаю.

— А что тут думать? Ситуация жесткая. Есть только один выход. У вас есть вторая команда. Да, она слабее первой, но она тоже не слабая. Надо посылать ее. Надо срочно решать оргвопросы. И разговаривать с парнями.

Футболисты и Маранов молча смотрели на Берестова, осмысливая сказанное.

— Михаил Георгиевич прав, — прогудел Гремин. — Ничего другого не остается. Ребята сделают все, что могут. Им трудно будет сделать счет. Но... Мы с ними сто раз играли. Они упертые. То, что сыграют хорошо, уверен.

— Мушарапов здоров, — заговорил Денис Раскатов. — А ведь он гениальный вратарь! Нестор Вибергасов в норме! Эдик Багрянов — в норме! Их ведь на обеде не было. Они могут играть!

Маранов вдруг словно очнулся. Он оглядел присутствующих несколько удивленно, будто видя их впервые.

— Мушарапов? Ну да, он же... Багрянов? Вибергасов... Ну да...

Он вдруг быстро, даже чуть суетливо, достал телефон, нажал кнопку.

— Терентий! Снаряжай в Германию второй состав. Срочно! Всех! Плюс Багрянов и Мушарапов. Билеты оформляй. Аврал!

Слышно было, как ошарашенный директор клуба что-то быстро кричал в трубку.

— Включи все ресурсы! Найди рейс! Любые деньги предлагай! Хоть на вертолетах, да перелетим поближе, а там на машинах. Работай! Всех поднимай! Все!

Маранов отключился.

— Кто же все-таки это сделал? — с горечью в голосе просил Пересветов.

— Разберемся, — отвечал Маранов.

Через два часа руководство команды уже было на базе. Здесь состоялся экстренный сбор игроков второго состава. Взявший себя в руки, собранный, волевой, Андрей Маранов выступил перед ними. Парни сидели вместе с подругами. Здесь же находились все сотрудники базы, кроме

охранников. Лица у всех были сосредоточены, даже суровы. Вибергасов сидел со стиснутыми скулами, собранный и жесткий.

— Ребята, произошла отвратительная история, — начал Маранов. — Вы в курсе. Совершенно преступление. Игроки первого состава отравлены. Но все живы, и все будут здоровы. Но спустя время. Понятно, что играть послезавтра они не могут. Что из этого следует?

А то, что играть придется вам! И на вас будет послезавтра смотреть вся Россия! Вся страна, все соотечественники. Вы можете сыграть хорошо! Я уверен, что вы можете победить. И победить крупно. Но вы должны понять, что сделать это могут только герои! Мы вам рассказывали про русских витязей. Про фронтовиков, которые в одиночку бились с целым взводом. Эти люди умели побеждать даже тогда, когда победить было невозможно. Впереди славянского воинства шли смертники — или берсерки. Они продолжали идти даже тогда, когда им отрубали руки, когда в их тела вонзались копья. Они шли и крушили врага, пока тело способно было двигаться. Вы должны совершить невозможное. Но вы можете это сделать.

В зале стояло гробовое молчание. Было слышно, как летала какая-то очумевшая муха. Женщины сжимали руки, плечи парней своими пальчиками. Мужчины молчали.

— Я хочу, чтобы вы сами осознали ответственность, — продолжал Маранов. — Я хочу, чтобы вы сами приняли решение. Если кто из игроков вашей команды считает, что не готов к игре, пусть скажет. Не бойтесь. Говорите.

Наступило молчание. Никто не вставал и ничего не говорил. Тогда встал Нестор Вибергасов:

— Вы же знаете, среди нас нет трусов. Вы ведь сами нас набрали. Мы костями ляжем на поле. Сыграем на пределе и за ним. Так ведь, мужики?

В ответ раздалось одобрительное мужское гудение и мажорные, боевитые возгласы. Маранов сделал паузу, а затем продолжил:

— Тогда перехожу к конкретике. Через полчаса сбор в тренажерном зале. Играем виртуальную игру с Германией. Работаем в привычном составе. В воротах Мушаратов. В полузащите вместо Середы работает Эдик Багрянов в связке с Юрой Рославцевым и Нестором. После тренажерного — тренировка на поле, при свете. Затем отдых. Утром — тренировка в 10:00. В 12:00 — выезд в аэропорт. Убедительно прошу: до завершения расследования в кафе не заходить, не принимать никакой пищи из той, что находилась там. Сейчас нам привезут еду из городского ресторана. Она будет проверена. Пока все.

— Андрей Викторович, есть ли информация? Кто это сделал? И как?

— В столовой уже работают следователи. Выясняют, кто и когда заходил в блок питания. Идет анализ информации с видеокамер.

— Будет информация, скажите, — процедил, сжимая кулаки, Нестор Вибергасов. — Мы к столбу его прицепим и кишки выпустим. Чтоб другим неповадно было.

— Давайте без крайностей, — заметил Маранов, — разберемся. Есть у нас, похоже, завистники, недоброжелатели. Кого-то купили. Кого-то подослали. Выясним. Но мы теперь должны стать только сильнее. Испытаниями растем. Завтра мы должны быть в Мюнхене. Давайте, готовьтесь к работе на тренажерах. Вам надо понять, как играть с этой командой. Вы должны почувствовать каждого игрока, пощупать его. Вы готовы. Только поверьте в себя!

Если бы знал Нестор Вибергасов, что в этот же самый момент к воротам базы, не торопясь, подходил задумчивый и спокойный Михаил Георгиевич Берестов. Он подошел к въездным воротам, молча наблюдая, как они периодически открываются, как въезжают одна за другой машины с затемненными стеклами. Документы проверяли два охранника, один из которых имел мощную шею и стриженую почти под ноль голову. Берестов остановился, молча глядя на этого охранника. Машина проехала, ворота закрылась.

Охранник угловым зрением уловил, что кто-то смотрит на него. Но отчего-то не оборачивался. Берестов подошел ближе. Охранник повернулся и встретился взглядом с Берестовым. Он словно наткнулся на пристальный, непрерывный, немигающий взгляд длинноволосого седого человека с белой бородой. Краска внезапно залила лицо охранника. Он отвел глаза... Затем на мгновение снова повернулся и снова уперся во взгляд Берестова. И снова отвел куда-то вбок и глухо сказал:

— Вам чего? Чего нужно? Здесь нельзя находиться.

Берестов молча подошел совсем близко к охраннику. Тогда и второй охранник приблизился, словно почуяв неладное.

— Что же ты наделал, дружок? — покачав головой, произнес Берестов. — Как же ты мог?

Охранник стоял и молчал. Его лицо стало пунцово-красным. Он глядел в землю. Второй охранник прищурился и внимательно наблюдал за этой сценой.

— Вам что надо? — прохрипел стриженный. — Вы кто? Следователь?

Но Берестов продолжал:

— Ты, конечно, не знаешь, что такое Скривнус. Но тебе придется теперь узнать, что это такое. Это очень плохой, тяжелый слой в самых низах нисходящих миров. Там веками мучаются те, кто здесь не признавал законов совести. За все придется отвечать. Так-то вот, парень... Зря ты на это пошел.

— Скажите, — волнуясь, спросил второй невысокий охранник. — Это что... Сергей сделал? Отравил... Это сделал Сергей? Серега, это ты сделал?:

Охранник хотел что-то возразить, но у него словно свело скулы. Он молча стоял с пунцово-красным лицом, не в силах произнести ни слова... Берестов продолжил говорить, обращаясь к нему.

— Я теперь ничем тебе не могу помочь. Ты сам определил свою судьбу. То, что с тобой произойдет далее, предрешиено только тобой.

— Что же ты сделал, Сергей! — вдруг подскочил к лысому второй охранник и схватил его за грудки. — Что же ты, сука, натворил такое? Ведь ты же наш ЧОП похоронил! Ты всех предал! Мразь поганая!

Раздался звук удара, и лысый охранник грузно упал на асфальт. Он мычал, пытался подняться. Второй охранник ударил его ногой.

— Прекратите! — крикнул Берестов. — Не надо... Он расплатится по-другому. Сказано было: «Мне мщение, и аз воздам...» Улик-то нет никаких против него. А может, и не будет...

Избивавший лысого охранник остановился и с удивлением посмотрел на Берестова. А тот повернулся и пошел в сторону комплекса.

Между двумя охранниками состоялся острый, но приглушенный разговор. Тот, кого звали Сергеем, потирая разбитую скулу, вскоре зашел в домик охраны и вышел оттуда с сумкой. Весь взъерошенный, ошеломленный, резкий, он торопливо влез в свою машину и спешно уехал.

Утро было тревожным, рабочим, деловым. Игроки второго состава, к которым примкнули Багрянов и Мушарапов, собранные и серьезные, вышли на тренировку. У них был на нее всего час. Они интенсивно, в охотку поработали на поле. На 12 дня был назначен выезд в аэропорт.

Маранов, Провоторов, врач команды и Берестов с утра уже съездили в больницу. Состояние тех, кто был отравлен, было неважным, но стабильным; они были все также ослаблены. У большинства врачи отмечали учащенное сердцебиение. Некоторых бил сильный озноб. Ночь они почти не спали. Станишевский еще вечером был переведен из реанимации в общую палату. Спортивный врач, посоветовавшись с коллегами из больницы, предложил на следующий день при сохранении стабильности в состоянии перевезти игроков на базу, на что те с радостью согласились. В привычной обстановке, рядом с подругами им было бы гораздо легче морально.

Но тем же утром выяснилось интересное обстоятельство: из больницы исчез Игорь Пересветов. Никто не знал, где он; было непонятно, как он вообще мог в таком состоянии встать и куда-то пойти.

Вахтер больницы, пожилой, военного типа мужчина, рассказал, что примерно в пять часов утра мимо него прошел крепкого сложения бородатый блондин. Нам нем был тренировочный костюм. Когда вахтер спросил, кто он и куда идет, тот только улыбнулся. Потом он молча вышел на улицу, и пошел в сторону загородного шоссе. Охраннику показалось, что у него бледное лицо, и что он шатается, как-то трудно, хрипло дышит.

Маранов хотел позвонить директору и послать машины на поиски Пересветова. Но Берестов остановил его:

— Не надо, Андрей. Я уверен, что он появится в ближайшее время.

— Это опасный яд. Если он решил идти, то это может плохо кончиться.

— Тут палка о двух концах... Воля и вера иногда творят поразительные вещи, Андрей. Только если это настоящая вера. Положитесь на Высших, Андрей. Если они с нами, все будет в порядке. Игорь появится... Я не могу сказать когда. Это может произойти через пять, через десять часов. Не мешайте ему. Пусть идет. Пока человек идет, он будет жив. Он кое-что решил для себя. И пусть исполняет то, что решил.

Маранов помолчал, а затем опустил телефонную трубку.

В двенадцать подъехал двухэтажный автобус-лайнер «Мерседес». Вскоре футболисты уже были в аэропорту.

Около трех часов ночи кто-то позвонил в электронный селектор проходной базы. Охранники посмотрели на монитор внешней камеры — звонил бородатый парень в спортивном костюме. Заступившая в ночь смена охранников работала на базе давно. Они сразу узнали его — это был Игорь Пересветов...

Он был бледен, но глаза его горели. Он, ничего не говоря и ни о чем не прося, молча проследовал мимо охран-

ников в свой номер. Буквально через двадцать минут на базу примчались две машины. Виктор Провоторов, врач команды, а также директор Терентий Пекуза быстро направились к номеру Пересветова. Тот улыбнулся, и молча впустил их.

Врач осмотрел Пересветова. Он был практически здоров! В норме были пульс и давление; язык розовый, дыхание ровное. Анализы крови показали норму.

Пересветов внутренне сиял. Он молча смотрел на беспокойных, озабоченных гостей.

— Где ты был, Игорек? — спросил Провоторов. — Как ты себя чувствуешь?

— Отлично! — отвечал Пересветов. — Я практически здоров. Так, есть маленькие нюансы... Но завтра они исчезнут.

Врач недоверчиво поглядел на него:

— Надо бы все же сдать тесты на остаточное присутствие яда. Не бывает чудес на свете.

— Бывает, Антон Михайлович. Оказываются, бывает... Отправляйте меня в Германию! Но мне надо поспать. Утром я буду готов к перелету и игре.

Терентий Пекуза схватился за голову и сказал:

— У меня крыша скоро поедет от всего этого! Ну и проектик! Ох...ть можно!

Подумав, он позвонил Андрею Маранову, приговаривая:

— Придется шефа разбудить, раз такое дело...

Но Маранов, находившийся в номере одной из гостиниц Кельна, не спал. Он рассматривал город, переживая за происшедшее, тревожась за исход предстоявшей игры. Маранов сразу включился, все понял. Трепет моментального волнения вдруг радостно всколыхнул его душу...

— Дай мне с ним переговорить, Терентий, — резко попросил он

Пекуза передал айфон Пересветову.

— Ну? Как ты, Игорек? — спросил Маранов, внимательно вглядываясь в лицо Пересветова.

— Андрей Викторович, я здоров. Я могу играть.

Маранов некоторое время молчал.

— Прилетай, Игорь! Ты нам очень нужен... Ты молодец! Ты настоящий мужик. Передай трубку Пекузе...

Директору он коротко дал указание:

— Терентий, значит так. Если Игорь говорит, что готов к игре, значит, он готов, — сказал он. — Срочно отправляй его в Мюнхен. Первым же рейсом. Как угодно. Виза ведь на него есть.

— Слушаю, шеф! Все сделаем! — последовал ответ.

Позднее выяснилось, что Пересветов шел весь остаток ночи и весь день и прошел за день почти шестьдесят километров. Только к вечеру он почувствовал, что яд побежден. Состояние его стало быстро улучшаться. Он пил много воды и ничего не ел весь день. Дойдя по шоссе до Тейковска, он выпил воды в баре и вызвал такси.

Рано утром, около семи утра, когда на базе все еще спали, за Пересветовым прибыла машина — он уехал в аэропорт. Рейсов на Мюнхен не было — только до Берлина. Но и этот рейс, как назло, задерживался на час. Он вылетел только в 11 часов утра; Пересветов прибыл в берлинский аэропорт Тегель около 13 часов дня. До начала игры оставалось шесть часов...

ГЛАВА 39

Сергей Падин очень давно не включал телевизор. У него просто не было на это времени — большой бизнес забирал все его время. Но вечером 21-го сентября он приехал пораньше домой и заранее включил телевизор — огромную панель в центре гостиной на первом этаже. Жена с интересом поглядела на него.

— Ты сто лет не смотрел телевизор... Что это с тобой?

— Да так... Футбол хочу посмотреть.

— Ты?! Футбол? Разве футбол и ты — вещи совместные?

Падин усмехнулся...

— Мне по делу надо. Товарищ футбольным бизнесом занялся.

— Какой это товарищ? — любопытствовала Ирина.

— Не лезьте не в свои дела, женщина, — строго ответил Сергей, но потом добавил более мягким тоном:

— Да так... Один грузин...

За пять минут до начала трансляции Германия — Россия его начало буквально трясти. Он ничего не мог с этим поделать. У него даже постукивали зубы. Он нашел в аптечке старое лекарство — «Релакс», экстракт зверобоя — и проглотил две таблетки.

Едва включили Мюнхен, как комментатор начал свою привычную трескотню:

— Друзья, мы все понимаем, что наша сборная в очень тяжелом положении... Что у нас шансов выйти в финал практически нет. Но я думаю, ребята сегодня настроились показать хороший футбол, хотя бы игрой порадовать болельщиков. Пусть не результатом, так хотя бы игрой... Хлопнуть, так сказать, дверью напоследок. К сожалению, нам не удалось переговорить ни с кем из футболистов и тренеров. Это немного странно, но мы вообще не смогли увидеть нашу команду. Она прилетела вчера, мы видели. Мы видели каких-то спортсменов с большими сумками, но футболистов наших не видели. Вероятно, они готовятся к игре в каком-то особенном режиме, находятся на какой-то базе. Может быть, готовят сюрприз...

Падина опять начало трясти. Релакс не действовал. Вдруг он увидел скамейку запасных и тренеров. На ней усаживался на скамейку Андрей Маранов. С ним рядом находился второй тренер, врач, Берестов, Провоторов и запасные игроки.

— Итак, объявляем состав команд. Сборная Германии...

Комментатор назвал поименно фамилии немецких футболистов. Но когда он хотел объявить состав нашей команды, он вдруг запнулся и замолчал.

— Итак... Состав нашей команды... Нашей команды... Так... Так... Вы меня простите, но... Есть некоторые неясности с составом нашей команды. Одну минутку, я отключусь на минутку. Мне надо выяснить некоторые детали по составу...

Через несколько минут комментатор снова включился. Тон его изменился; он явно был несколько смущен и озадачен, былая бодрость его пропала.

— Уважаемые болельщики! В спорте такое бывает, что тренеры иногда выставляют экспериментальный состав. Видимо, руководство нашей федерации решило провести эксперимент, что ли. Иными словами, мы не увидим сегодня на поле знакомых нам игроков. Федерация выставила экспериментальный состав. Ну что же, вероятно, в этом есть какая-то логика... Не беда, что нам пока она не очень понятна.

Итак, объявляю состав нашей команды. Тот, который мне принесли. Не удивляйтесь. Я не вижу ни одной знакомой фамилии...Вообще ни одной! Я не знаю никого из этих людей. Вот так. Представьте себе...Легкий шок...Тридцать лет эфирю, но такого не было...Итак... Вратарь — Вахит Мушарапов. Защитники: Юрий Чебурканов, Глеб Гарнаев, Иван Середа, Павел Шерстобитов... Полузащита: Нестор Вибергасов, Эдуард Багрянов, Юрий Рославцев. Нападающие: Денис Грознецкий, Максим Бухаров, Олег Прокопенко...

Внезапно Падину позвонили на его прямой телефон, который знал ограниченный круг людей. Звонил его старший сын от первого брака, Олег.

— Привет, па! — раздался в трубке родной голос. — Как ты? Можешь разговаривать?

— Могу, могу, Олежка, — отвечал Падин. — Я дома. Футбол смотрю.

— Вот! Пап, я как раз по той теме. Ты, может, знаешь... Ты ведь все знаешь. Что это за команду прислали? Ты ведь знаешь тайны мадридского двора? Я тут в спортбаре. Ребята просят: позвони отцу. Что это за игроки? Ни одного известного... Они вообще откуда?

Сергей Падин несколько секунд молчал. Потом произнес:

— Это хорошие игроки, Олег. Не хуже наших официальных... Смотрите футбол. Будет интересно в любом случае...

Олег замолчал. Он хорошо знал своего отца, и просто по его тону понял, что отец в курсе всех подтекстов, что сказанное им имеет некий скрытый смысл.

— П-о-онятно...Спасибо, пап! Мы посмотрим!

В миллионах домов припавшие к телеэкранам болельщики были полностью обескуражены. Во время исполнения гимна страны они увидели незнакомые им, но явно русские, свои, лица. Это были немного хмурые, даже суровые парни — рослые, крепкие, не слишком молодые, имевшие очень разный облик. Было трое бородатых; двое с длинными волосами. У одного они были убраны в косичку. Лица были волевые, мужественные. Чувствовалось, что это непростая команда.

В спортбарах, где активные, шумные компании сидели за столиками, стояли за стойками и глушили литрами пиво, установилась непривычная тишина. Все рассматривали игроков. Никто ничего не понимал. Все обменивались удивленным репликами:

— Чё такое? Это кто?

— Откуда эти люди? Кто объяснит?

— Они с какого неба свалились, эти ребята?

Но были и такие, кто быстро смекнул, в чем тут дело.

— А вы не помните разговоры о тайной команде? Что «Рубин» разнесла, сборную раздела? — говорили смышленные болельщики.

— Так значит, это не слухи? Это правда?

— Скорее всего, это и есть команда Маранова.

— Вот оно что! Ну что же, давайте смотреть, что они могут...-

Марановцы начали игру достаточно нервозно. Немцы уверенно контролировали мяч, и игра сразу же перешла сторону поля гостей. Марановцы оттянулись к воротам, стараясь перекрыть все зоны. Немцы привычно комбинировали на флангах, делали резкие навесы в центр штрафной. Центральные защитники Гарнаев и Середа, оба высокие и мощные, выглядели поначалу неповоротливыми;

нервничали, давали неточные пасы, иногда играли на отбой. Зацепиться за центр не удавалось.

Однако уверенно играл капитан. Сразу было видно, что это опытный, бывалый футболист. Нестор Вибергасов работал в поте лица, подбадривая партнеров; однако игра шла под диктовку немцев. Было очевидно, что они спокойны и уверены в себе. После неожиданного поражения от греков от них на родине ждали только победы, несмотря на то что место в финале они уже себе обеспечили. Они были нацелены на нее. Это был вопрос престижа, репутации. Тренер Балок был спокоен, так как не увидел в составе русских ни одного известного ему игрока. Давление на ворота Мушарапова нарастало.

На 17-й минуте в штрафную прорвался Штиглер, быстрый правый крайний немцев, их лучший игрок, звезда мирового класса; он выходил на удар, прокидывая себе мяч на ход. Чебурканов рванулся, но, не догоняя его, зацепил, сыграл в ногу, и нападающий упал в штрафной...

Падин закрыл лицо руками. Пенальти... Но потом вспомнил, что за вратарь в воротах, открыл глаза... Надежда еще была. Он начал следить, как игрок немецкой команды устанавливает мяч на одиннадцатиметровом кружке. Плотный удар пошел в нижний угол, но Мушарапов был верен себе: он угадал направление, метнулся и едва задел все же мяч кончиками пальцев. Тот ударился о штангу, отлетел в поле. Но набежавший первым нападающий добил его в ворота. Счет был открыт...

— Ай-яй-яй! — воскликнул комментатор. — Как обидно-то! Вратарь-то отбил... Такой мертвый мяч. И надо же! Увы, теперь у нас шансов нет... Да их, в общем-то, и не было...

Это был конец!

Падин встал, и вышел на крыльцо дома. Сентябрьская прохлада обволокла его лицо. Полная луна то и дело выскакивала из облаков и нагло смотрела в лицо. Это был конец... Проект не состоялся. Враги оказались сильнее. Но все было так близко... Он погрузился в размышления о своем дет-

стве; о матери, об отце; о маленьком городке, где он родился и вырос. Почему-то вспомнились пирожки с мясом, которые они покупали с Витьком, возвращаясь из школы домой... Он не представлял себе, сколько он так стоял. Крик его сына вернул его в реальность.

— Гол! — кричал ребенок. — Папа, наши забили гол!

Он вбежал в гостиную. Крупным планом показывали Нестора Вибергасова, который бежал от немецких ворот и жестикулировал руками, словно говоря партнерам: не радуйтесь! Надо играть на результат! Теперь только вперед!

На повторе было видно, как Бухаров и Багрянов быстро прошли по правому флангу, сыграли в стенку, и затем Багрянов точно выложил мяч на ход Вибергасову. Тот прокинул мяч вправо, уходя от защитника, и мощно пробил в дальний от вратаря угол. Счет сравнялся.

Однако после гола изменилась и сама игра. Вибергасов, Багрянов и Рославцев начали комбинировать в центре. Рославцев играл просто отменно, оттягивая на себя полузащитников немцев, уверенно, как мастер экстра-класса, держа мяч. Грознецкий и Бухаров пошли вперед, постоянно ища в центре быстрого и верткого Прокопенко. Игра выровнялась. Начала пробиваться их фирменная верховая перепасовка. Немцы немного занервничали, стали фолить.

Комментатор, который после пропущенного гола сник, вздохнул, сказал, что эксперимент не удался, немного воспрял духом и как бы заинтересовался игрой. Они никак не мог запомнить незнакомые фамилии, и постоянно смотрел на экран компьютера, сверяясь с составом.

— А вы знаете... А ведь неплохо смотрится эта экспериментальная команда. Просматривается рисунок. Явно выделяется капитан — пятый номер. Сложная у него фамилия... Вот... Вибергасов! Хороший дриблинг у седьмого номера. Посмотрим. Игра еще не окончена, идет только первый тайм.

Чем дальше шло время, тем увереннее играли марановцы. Немецкие футболисты также стремились атаковать,

проводя в своем стиле массивные многоходовые атаки с привлечением шести-семи игроков. Два раза очень опасно пробил их центральный нападающий. Один удар был практически из разряда неберущихся: резко, из-под игрока, тот же Штиглер бил в ближний угол. И тогда Мушарапов показал себя во всем блеске — он бросился, как барс, и перевел мяч на угловой. Центральные защитники больше не ошибались, уверенно играли вверху, купируя все навесы; быстро переводили мяч хавбекам. Ближе к концу тайма всем стало очевидно, что средняя линия марановской команды очень сильна, на уровне высших мировых стандартов. Немцы начали терять центр.

Пошла равная и упорная игра. Но такая игра не сулила марановцам ничего хорошего...

За десять минут до конца тайма Вибергасов крикнул в короткой паузе игрокам:

— Внимание! Тренер!

Все поглядели на тренера. На его большом планшете горела цифра четыре. Игроки поняли: надо было включать все резервы...

Марановцы включились, рванули, ускорились, пошли вперед. Последние минуты тайма уже проходили при их преимуществе. У ворот немцев пошли угловые; после розыгрыша одного из них по отработанной дома схеме тот же Вибергасов точно и сильно бил в «девять», но вратарь немцев в отчаянном прыжке отбил мяч. Свисток на перерыв застал марановцев в атаке.

— Ну что же, ну что же, — тараторил взбудораженный, возбужденный комментатор. — Это приятная неожиданность! Эта команда играет никак не хуже нашей первой сборной. Может быть, даже лучше... Однако ситуация тяжелая. Ничего пока не могу сказать, откуда эти игроки. Но могу точно сказать: все они граждане России. А теперь внимание: тренирует команду тренер Андрей Маранов. Думаю, стоит запомнить это имя. Хотя некоторые помнят его скандальное выступление на заседании Футбольного союза. О нем тогда говорили... Это было очень давно... Итак, счет

1:1. Наши шансы попасть в финал чемпионата хоть и невелики, но они есть. Главное, что есть игра.

Потные, разгоряченные игроки марановской команды вбежали в раздевалку и бухнулись в кресла. Маранов внимательно вглядывался в лицо каждого. Ему важно было понять, готовы ли они к сверхнагрузке, к прыжку через голову... Он ожидал, он надеялся. Оставался еще один тайм, а забить надо было три гола — в ворота одной из лучших команд мира. Было хорошо уже то, что они играли практически на равных. Маранов теперь видел, что у этой команды есть шанс.

— Ребята, если будете играть второй тайм, как последние десять минут, вы можете забить три гола. Поверьте мне. Полузащита, ребята, выше всяких похвал! Нестор, нет слов! Ведешь себя как настоящий капитан! Держите центр. Мущарапов — выше всех похвал! Постарайся держать замок... Пропускать нельзя! Ребята, где-то рядом уже Игорь Пересветов. Он сказал мне, что здоров. Он только что звонил.

Игроки удивленно загудели:

— Как здоров? Каким образом?

— Его вылечили?

— Я не могу вам точно сказать. Но он вот-вот появится. Это будет крепкая подмога... Но вы играйте. Вам надо поверить в себя. Поймите, в миллионах квартир, в барах, по всей стране сейчас встрепенулись люди. После безнадежной игры сборной они увидели игру... Они ждут от вас чуда! Они хотят, чтобы мы играли на чемпионате мира. Прыгните через голову! Играйте через не могу! Я предполагаю, что мне придется показать вам цифру пять... В какой-то момент. Другого выхода у меня нет! И у вас тоже! Те, кто не готов работать в этом режиме, лучше скажите. У нас есть запасные...

И на этих словах дверь раздевалки открылась. Вошли два стадионных служителя в синей форме, а за ними Игорь Пересветов — в ветровке и джинсах, с рюкзаком за плечами.

Один из сотрудников подошел к главному тренеру:

— Этот... говорить, он игрок, — заговорил он на ломаном русском. — Документ — не понят... Ваш игрок? Подтверждают?

— Это наш игрок, — ответил уверенно Маранов. — Это наш лучший игрок.

— Лучший? — улыбнулся служитель. — Плёхо, что лучший... Не надо обыграть! Германия — чемпион! Брать он!

Он улыбнулся и дал дорогу Пересветову.

Что и говорить, тренер и игроки бросились ему навстречу. Видно было, что он похудел, был чуть бледнее обычного, но уверен в себе и весел.

— Детектив целый! — выдохнул он. — Не хотели пускать немцы!

Позднее выяснилось, что по дороге на стадион он попал в мутную историю. Его задержала полиция Мюнхена, так как он быстро бежал, ища улицу, где было оживленное движение, чтобы поймать такси. Он не мог заказать по телефону, так как не знал языка, да и айфон его был не настроен как надо. Он задевал прохожих, и это не понравилось полицейскому.. В Германии не принято носиться по улицам — разве только детям это позволялось. Больше часа он просидел в полицейском участке, пока не была установлена связь с посольством, и за ним не приехал один из сотрудников. Сотрудник такого игрока не знал. Только после звонков в Федерацию футбола все прояснилось, и фамилию не сразу, но подтвердили. Потом Пересветов пробирался через пробки на такси к стадиону. Но его на арену не пускали. Только новый звонок из посольства решил дело, в конце концов, в его пользу, когда уже заканчивался первый тайм. Только дозвонившись до директора клуба, он сумел пройти через последние кордоны полицейских.

— Переодевайся, Игорек. Ты нам очень нужен, — сказал Маранов, глядя ему в глаза.

— Счет 1:1? — спросил Игорь. — Это уже неплохо... Мужики, работаем! Надо забить три гола.

Все игроки вскочили, встали в круг. Они стали кружиться и петь древнюю славянскую боевую песнь, которой их

научил историк славянства, философ Ведунов. Они кружились так минут семь, и Маранов вместе с ними. Это было мощно и красиво! Они вышли на поле, полные решимости совершить невозможное...

Пересветов вышел на поле, заменив центрфорварда Олега Прокопенко.

На базе в Перекатной, где в просмотровом зале ослабленные, бледные игроки первого состава смотрели игру, весь первый тайм царило глухое молчание. Даже когда наши забили гол и сидевшие тут же девушки завизжали и запрыгали, ни Гремин, ни Рыклин, как и остальные шестеро, даже бровью не повели. Депрессия была настолько сильной, что, казалось, их ничто не могло как-то взбодрить, изменить их состояние. Сознание того, что они не у дел, что проект провалился, довлело над ними тяжким и удручающим грузом...

Когда начался второй тайм, их состояние было тем же. Но вдруг Станишевский вскочил, внимательно всмотрелся в изображение на огромной телепанели.

— Мужики... Да там ведь Игорь! Ей-богу! Игорь!

Тогда все, кто мог вскочить, вскочили, даже Гремин и Рыклин. Чтобы их не расстраивать, никто из администрации не рассказал им про ночное появление Пересветова и про его отправку в Германию. Для игроков первого состава это было полной неожиданностью.

И тут комментатор дал информацию о замене:

— В нашей команде произошла замена. Вместо Олега Прокопенко на поле вышел Игорь Пересветов. Двенадцатый номер у него на футболке... Вообще, Прокопенко смотрелся неплохо. Посмотрим, с чем это связано. Мы об этих игроках информации пока не имеем.

Стоявшие у экрана игроки первого состава вскочили, удивленно переглядываясь; потом сели...

Станишевский громко сказал, сокрушенно махнув рукой:

— Вот так, мужики! Он смог, а мы нет... Вот так вот... Он там, а мы здесь.

— Почему он мне не сказал, что идет? — с горечью обронил Олег Приданцев. — Я бы тоже пошел...

— Мы бы все пошли, — подтвердил Раскатов. — Но не факт, что у всех получилось бы...

— Ладно, парни, — подытожил Гремин, хлопая себя по коленям. — Факт то, что у нас появились шансы. Игорек с Эдиком уже могут кое-что сотворить.

— Полузащита работает на уровне, — заметил Степан Рыклин. — Нестор всех тянет... Шансы есть. Надо смотреть.

Начало второго тайма прошло в равной и упорной борьбе. Техничные немцы, комбинируя, держали мяч, упорно пытались отобрать центр, но Багрянов и Вибергасов совершенно освоились на поле, играли мощно и быстро. Рославцев также набрал обороты, держал сразу двух немецких хавбеков, тесня их к кромке, не давая принять мяч. Он выполнял огромный объем черновой работы, выматывая полузащитников, заставляя их бегать без мяча. У него пошли фирменные марановские верховые пасы, и темп еще более возрос. Немцы к этому были не вполне готовы. Они подхватили этот темп, но не могли выйти к воротам, вязли на подступах; понемногу силы их таяли. Марановцы же, наоборот, играли все сильнее и быстрее. Их необычные практики работы с дыханием явно сказывались. Ни у одного не было одышки, ни у кого не заметно было и тени усталости. Они, конечно же, не были классом выше немцев; но у них был кураж, и у них была сила и выносливость. Это было единственное, за счет чего они могли переиграть маститых немецких мастеров.

Однако теперь на поле выступал их лучший игрок. Поначалу Пересветов был незаметен: он тяжело бегал, не успевал уйти из-под опеки. Немцы теперь пристально следили за каждым русским, видя, что это довольно сильная команда. Но Багрянов настойчиво стремился восстановить их связку, наигрывавшуюся месяцами; Вибергасов, понимая это, все время пытался раскрыть удобную для Пересветова правую зону.

На 56-й минуте Бухаров совершил умопомрачительный рывок метров на тридцать по левому флангу. Два немец-

ких не удержали его; он прошел вдоль лицевой и увидел вбегавшего в штрафную Юрия Рославцева. Тот неотразимо пробил в нижний угол своим коронным ударом с правой...

Павлик снова закричал:

— Гол! Гол! — и запрыгал по комнате. В груди Сергея Падина затомилось щемящее ощущение надежды. Он резко распрямился в кресле, затем вскочил. Побежал курить. Только теперь он понял, что у него совершенно занемела спина. Он курил нервно, быстро.

«Ну что же... Шансы есть. Давайте, ребята...» — мысленно разговаривал он с марановцами.

Стадион гудел. Комментатор был возбужден и непрерывно говорил:

— Какая комбинация! Какой удар! Красавец! Я вам скажу, немцы обескуражены. Игра принимает интересный оборот... До конца игры еще много времени.

Снова позвонил старший сын:

— Папа! — кричал он в трубку. — А ведь у нас хорошая команда! Очень хорошая команда, па! Откуда взялись эти мужики, па? Я смотрю, они немолодые... Они забьют еще два, как ты думаешь?

— Не знаю, сынок... Не знаю. Давай смотреть. На поле вышел наш лучший игрок... Теперь надежда есть.

— Это кто? Какой номер?

— Двенадцатый... Вот он, видишь? Блондин.

— Вижу... Крепкий! Блонд, русак! Будем смотреть.

Немцы встрепнулись, оттянули назад полузащитников. Они поняли, что их ловят на контратаках сильные полузащитники русских. К Вибергасову прикрепили персонального опекуна. Немцы перешли на прессинг. Началась вязкая трудная борьба с одинаковыми шансами на успех. Немцы провели несколько мощных опасных атак. Вновь пошли угловые у ворот марановцев. Немцы стремились отквитаться. Был опаснейший навес, два удара с близкой дистанции. Видно было, что центральные защитники марановцев все же тяжеловаты, класс их недостаточен для игр на таком уровне; они то и дело упускали быструю

«десятку» немцев. Он снова пробил с близкой дистанции в угол. Но немцы не имели представления о том, кто стоит у русских в воротах. Они уперлись во вратаря, как в стенку. Мушарапов брал все мячи, и всем видом давал понять, что для него это шутки.

Звезда немцев, десятка, подбежал к нему и сказал, улыбувшись:

— «Барса» играют! «Реал» играют! Со мной играют!

И похлопал вратаря по плечу. Все-таки немцы были великолепные мастера и умели по достоинству оценить мастерство других.

Уверенность вратаря придавала силы игрокам. Между тем у Пересветова начали получаться его фирменные финты. Он понемногу начинал чувствовать свою игру, что называется, разбегался. Багрянов по-прежнему постоянно искал его, стремясь вывести на удар.

Примерно с 75-й минуты общее преимущество мараповцев стало проявляться уже заметно. Они не снижали темпа, а только наращивали его. Немцы же явно начинали уставать. Вибергасов то и дело посматривал в сторону тренерской скамейки. Он ожидал команды на включение «режима пять». Но Маранов почему-то медлил...

Марановцы атаковали отчаянно, стремясь разорвать немецкую оборону; но немцы имели очень слаженную, классную защиту. После двух острых проходов Пересветова они обратили внимание и на него и тут же закрыли его плотной опекой. Игорь никак не мог получить пространство для маневра...

В голосе комментатора появилась обреченность.

— Ну что же, пока надежды не оправдываются. Все же у немцев очень сильная команда. Ведь это вице-чемпионы мира — что тут говорить. То, что наши бьются на равных, вообще говоря, удивительно. Мы ведь выигрываем. Но надежды на выход в финал улетучиваются. Надо было нам играть лучше в предыдущих матчах. А где была эта команда? Почему мы не видели этих игроков? Интересный вопрос, не правда ли?

Тяжелая вязкая борьба продолжалась до 80-й минуты. Именно тогда, когда миллионы болельщиков уже приуныли, ожидая, что матч так и закончится с почетным для нас счетом 2:1, Багрянову удалось все же вывести Пересветова в штрафную. Немцы не успели разобраться — форвард настолько быстро заметался зигзагами по штрафной, что никто не мог увидеть мяч. На миг возникло столпотворение, суета; куча игроков также металась вокруг него в штрафной, но никто не видел мяч. И вдруг он вылетел из кучи и вонзился под перекладину... Только на замедленном повторе можно было разглядеть, как резко, молниеносно выстрелил Пересветов из-под ноги защитника...

Комментатор было закричал «го-о-ол!», но сорвал голос и замолчал. Однако вдалеке от Германии по всей огромной стране разносился масштабный массовый крик... Что творилось в российских барах! Здоровенные парни прыгали, брали на плечи своих девчонок, орали и махали флажками России. Полиция съезжалась к дверям наиболее шумных баров, ожидая столкновений.

Неожиданно команда страны оказалась совсем близка к нужному результату! Этого никто, конечно, не ожидал. Незвестная никому команда показывала игру, которая всем почему-то казалось знакомой. Это была именно русская, отчаянная, бесшабашная игра, будто игра в рулетку.

Но времени оставалось катастрофически мало. Немцы, понимая, что игра проиграна, не пытались уже отквитаться. Они были озлоблены и ошарашены, потому что проигрывали второй матч подряд — при своей обычной хорошей игре. Трибуны начали их освистывать, резкие возгласы на немецком слышались отовсюду... Но игроки были вымотаны и идти вперед просто не могли. Соперник же как ни в чем не бывало продолжал играть в немыслимо быстром темпе. Но время шло, опасных моментов у ворот немцев не возникало. Они уперлись и по-немецки жестко и организовано сгруппировались. Закрыли всех опасных игроков. Пересветова держали теперь двое.

На 85-й минуте вновь игроки услышали крик капитана:

— Парни! Тренер!

На планшете Маранова сверкала цифра 5...

— Ребята! Не бойтесь сдохнуть! Ляжем костями, но не посраим страну! — крикнул Вибергасов. — Выкладываемся по-черному. Нам терять нечего! Играем на зубах. Нет выхода! Играем на Игорька.

То, что происходило на поле последние пять минут матча, можно было назвать однозначно: тотальный, неудержимый штурм. Вся команда заработала, как бешеная машина, на невероятных оборотах. Немцы не могли уже выбраться со своей половины поля; они были полностью прижаты к воротам, играли на отбой. При первой возможности они нагло тянули время после выхода мяча за боковую линию. Тренер одну за одной произвел две замены, чтобы потянуть время. Марановцы тоже начали нервничать, подбегать, хватать мяч у немцев, вбрасывать в поле; судья-испанец резко свистел, всех осаживал; дал желтые одному немцу, но также и Вибергасову с Рославцевым. Шел непрерывный обстрел немецкого вратаря издали и со средней дистанции; угловые и штрафные назначались едва ли не каждую минуту.

И все же... На 89-й минуте произошло то чудо, на которое надеялся, которого так ждал Маранов, на которое уповал, на свершение которого последние часы упорно работал оставшийся в Москве Берестов и его собратья-волхвы...

Вибергасов сумел совершить силовой рывок по краю, оттянуть на себя защитников. А дальше сработало то чутье, которое по многу часов они отрабатывали на тренажерах: непостижимым образом он увидел, как идет на другому краю в штрафную свободный Юрий Рославцев. Вибергасов послал ему на ход далекий сильный пас. Последовал удар головой; мяч ударился в перекладину и отлетел в поле. Бухаров подхватил его, моментально увидел, что Пересветов вбегает, уходя от защитников, в штрафную, и мгновенно, просто автоматически дал мяч ему на ход. Тот нанес разящий удар в дальний угол. Мяч ударился о ногу защитника, затем, кулясь и дергаясь, залетел в ворота...

Трибуны охнули... С российской трибуны, где было всего несколько сотен русских, понесся долгий торжествующий рев. И такой же рев разразился в тысячах российских городов и поселков огромной страны. Люди вскакивали, кричали, обнимались, целовались... Хотя это был всего-навсего выход в финальный турнир! Но они увидели в битве свое отражение, своих бойцов — таких, какими безотчетно, бессознательно они с очень давних пор хотели бы видеть своих футболистов и каких они до этого матча не видели.

Комментатор, как зацикленный, повторял одну и ту же фразу:

— Вот это да-а-а!!! Вот это да! Вот это... да! Кто... кто бы мог подумать?! 4-1!!!

Маранов, сидевший на скамейке, почувствовал, что не может сдержать слез. К нему бежали сразу несколько телеоператоров, на ходу разворачивая на него свои камеры. Он не хотел, чтобы его слабость видели, вскочил, подозвал второго тренера.

— Саша, сердце разрывается... Сделай вид, что разговариваем, закрой меня.

Курбанов понял. Он был более хладнокровен, но глаза его сверкали каким-то неистовым огнем:

— Андрей, мы победили! Все нормально... Успокойся, все хорошо. Ты сделал большое дело...

Но слезы текли не только из глаз Маранова. В это же самое время в тренажерном зале базы в Перекатной, сидя на стуле, рыдал Игорь Станишевский; текли слезы из глаз Олега Приданцева, Дениса Кармадонова... Девушки, присутствовавшие в зале и следившие за игрой, бились почти в истерику, прижавшись к своим мужчинам. В происходящем было нечто сущностное, серьезное; эти жесты, реакции, объятия как бы заново форматировали отношения между этими недавно обретшими друг друга людьми. Они остро чувствовали теперь связь друг с другом; ощущение единства было ошеломляюще острым, отчетливым. Никита Гремин и Степан Рыклин молча поднялись, и как-то угло-

вато, ссутулившись, пошли курить на улицу. Хотя курить, понятно, футболистам было категорически запрещено. Что они чувствовали, что творилось в их душах, было ведомо только им. Они твердо знали одно: дорога для них была проторена, и теперь дело было за ними...

Только когда операторы отошли от Маранова, которого заслонил Курбанов, оба тренера вернулись на скамейку и взяли в себя в руки.

Три добавленные минуты прошли при непрерывных атаках марановцев. Пересветов «поймал» свою игру и был неудержим. На последней минуте добавленного времени он совершил еще один зигзагообразный рейд к штрафной, обвел защитника и нанес сильнейший резаный удар, и вратарь просто чудом смог выбить мяч кончиками пальцев из верхнего угла...

Телекомментатор словно схватился за голову:

— Непостижимо! Как можно было, имея таких мастеров, так бесславно играть весь турнир? Почему нельзя было хотя бы этих троих — Вибергасова, Багрянова, Пересветова — пригласить в первую сборную? Ах да... Есть еще вратарь! И какой вратарь! Удивительный матч! Поразительно, но факт: мы выходим в финал чемпионата мира. Но я вам скажу, дорогие мои товарищи... С такими игроками, думаю, нам есть на что рассчитывать! Это уже совсем другой коленкор!

Игра закончилась со счетом 4:1. В финал чемпионата мира из группы «С» выходили теперь сборные Германии и России. Хорватия и Греция оставались с теми же очками на 3-м и 4-м местах.

— Папа! Мы победили! Мы в финале! — орал Павлик и бегал, как бешеный, по огромному холлу особняка. Падина слегка трясло, но он быстро взял себя в руки.

Снова позвонил старший сын и вдруг впервые назвал его не «па», а по-другому:

— Отец! Отец! Это было что-то... Ну нет слов! — кричал он. — Скажи только одно: ведь ты приложил к этому руку? Ведь правда, па?

— Да ну что ты, Олежек... При чем тут я?.. Я просто болельщик., — немного резко ответил. Олег некоторое время молчал, соображая. Потом, видимо, догадался, что ему не надо было спрашивать отца об этом по телефону...

— Ну ладно, па...- немного разочарованно протянул он.- Не ты, так не ты...Хорошо, что есть другие толковые люди...Пока!

И отключился.

Умная Ирина внимательно и удивленно наблюдала за мужем, но ничего не говорила. Она никогда не видела его таким. Она уже поняла, что произошло нечто очень важное, что это была непростая игра, и что ее Сергей имеет к ней прямое отношение.

В российских городах всю ночь все гудело, двигалось и ликовало. Тысячи людей ездили на машинах, размахивали, вылезая из окон, флагами страны, гудели сигналами. Люди ходили толпами по улицам, пели военные песни, песни советской поры, а также гимн России.

Произошло нечто необъяснимое, фантастическое. Футбол вырвал людей из квартир, из домиков, властно выбросил и на улицы. Футбол стал поводом для того, чтобы они ощутили свое единство. Приниженное, сдавленное, но живое, трепещущее чувство национального достоинства вырвалось наружу, проявилось во всей этой ночной свистопляске...

После свистка, как водится, Андрей Маранов вышел на поле навстречу потным, горячим, сияющим своим игрокам. Он обнял с каждым из них, благодарил, ласково трепал по волосам, по щекам... Они не подвели его. Он смогли **это** сделать. Некоторые плакали. Солидные немецкие мастера уважительно подходили к русским игрокам, что-то говорили им, хлопали по плечам, жали руки. Они вели себя достойно и мужественно, как бы признавая: сегодня вы были сильнее, игра была честной.

Игорь Пересветов был в центре внимания. Сразу несколько камер нацелились на него, ловя каждое движение.

От усталости и перерасхода сил у него появились темные круги под глазами. Он, конечно же, не полностью восстановился после отравления. Но светлая борода не скрывала улыбки, а его синие глаза сияли. Фотографов особенно заинтересовали рунические символы на его футболке, оберег на груди, татуировка на правом запястье.

— Скажите, что значит тату? — спросил на плохом русском репортер, указывая на татуировку.

— Это древнеславянская символика, — отвечал Игорь. — Символ священного славянского воинства, русских витязей древности.

Удивленные словоохотливостью Пересветова, репортеры стали засыпать его вопросами

— You are a beautiful master, — говорил немец. — What the first coach you have?

— I have only one coach in my life, — отвечал Игорь на вполне сносном английском. — It is a great coach Andrei Maranov!

К Маранову хотели пробиться многие, но он уходил, общаясь с игроками. Лишь затем он остановился и, засыпаемый вопросами, сказал лишь одно:

— Мы пока только пробились в финал. Ребята сыграли прекрасно, и я счастлив. Но весь чемпионат впереди. Пока мы выполнили только программу минимум. Рады, что оправдали доверие нашей федерации футбола, спортивного руководства страны, которые дали нам возможность проявить себя. Мы счастливы, что порадовали наших болельщиков, выполнили задачу... Немецкие футболисты — выдающиеся мастера. Просто победа была нам нужнее, чем им. Но нам еще надо много работать. Мы только начинаем подтягиваться к уровню лидеров мирового футбола.

Эти слова Маранова тем же вечером дали практически все без исключения информационные и спортивные каналы мира. Скромность и объективность тренера, его странная, естественная харизма привлекли к нему внимание. Все поняли, что у русских появился серьезный тренер, и что с ними теперь придется считаться.

На следующий день все центральные газеты России, естественно, пестрели заголовками типа «Невероятное стало реальным», «Фантастический триумф в Мюнхене», и так далее. Спортивные журналисты бросились добывать информацию о том, как создавалась эта команда, кто приглашал Маранова, по какой методике они тренировались, как давно начался процесс их подготовки.

Однако вскоре выяснилось, что получить доступ к интересующей журналистов информации затруднительно. Игроки и тренер испарились в неизвестном направлении. Хозяин формирующегося клуба Нугзар Тапатадзе был совершенно недоступен. Представители федерации отделивались общими словами...

Атмосфера тайны, окутавшая команду, стала порождать множество нелепейших слухов. Их поток особенно усилился после того, как кто-то из следователей проболтался жене, что против Германии играл второй состав и что первый намного сильнее, но перед матчем его игроки были кем-то отравлены...

Рассказ женщины об этой темной истории записала ее хитрая подруга и вбросила в сеть. Его тут же выловили и стали постить. Запись была скопирована, пошла гулять по сети. Отравление футболистов добавляло всей истории закрученную детективную спираль...

Интервью игроков «Рубина» появились в сети сразу же после победы российской команды. Они с гордостью говорили, что играли именно с этой командой, хотя состав ее был изменен; что хорошо себе представляли ее силу; но все же и они не ожидали, что этой команде удастся переиграть немцев так убедительно.

ГЛАВА 40

— Вам надо готовиться к схватке, — улыбаясь, произнес Валентин Звонарев, совсем близко приближаясь к уху Падина. — Вам надо теперь заручиться поддержкой национальных сил, молодых сил. Без борьбы Гордин власть не

отдаст. Патриоты могут сыграть решающую роль в тот момент, когда в силовых структурах возникнет неуверенность и брожение.

Падин кивнул. Сюда, в холл Кремлевского Дворца, из зала доносился гром аплодисментов и микрофонные голоса. В вестибюле находилось множество людей в костюмах, с бейджиками на груди; тут же крутились фото- и видеорепортеры, разного рода распорядители, менеджеры и технические спецы. Падин понимал, что за ним наблюдают; он вел себя совершенно невозмутимо. Бывший премьер-министр также был заметной фигурой; о его давних связях с Сергеем Падиным было всем известно, и потому их дружеское общение не вызывало удивления.

— Ваш финт с футболом оказался потрясающим ходом, — признал Звонарев. — Мы недооценили вас в очередной раз. Ну просто гениальный ход! Если команда даже просто выйдет в четвертьфинал при хорошей игре, весь молодежный электорат, весь рабочий электорат будет наш. Да и интеллигенция тоже. Победа обеспечена!

— Нам надо конструктивно поговорить по поводу дальнейшей стратегии. Я чувствую, что меня заметили, на меня обратили внимание. Мою связь с этой командой будут стараться нащупать.

— Это понятно. Надо пустить ищеек по ложному следу. Ход с Верховским был хорош, но он в любой момент может его дезавуировать, заявив, что он не имеет отношения к этой команде.

— Он пока думает. Кстати, вот он и идет.

Игорь Верховский, динамичный брюнет ростом выше среднего, с изящной черной бородкой, приблизился к Падину и Звонареву, издали учтиво поклонился. Увидев, что они смотрят на него и расположены к общению, подошел в сопровождении Александра Дургина, главного идеолога его движения.

— Какие люди! И, как всегда, без охраны! Какой демократизм, какая открытость! — улыбаясь, заговорил он с характерной для него иронической нотой

Падин и Звонарев улыгнулись в ответ. Звонарев, у которого когда-то Верховский был рядовым сотрудником министерства машиностроения, пожав руку, тут же ответил:

— Ты, как всегда, ерничаешь, Игорь. А президентом станешь, над народом тоже будешь ерничать?

Верховский сделал вид, что остолбенел, но тут же нашелся что ответить:

— Президентом непременно стану. Всего земного шара! И ерничать буду надо всем человечеством сразу. По-моему, оно того заслуживает. Юморное сообщество!

Все рассмеялись. Падину понравилась находчивость и юмор Верховского. Дургин не улыбался, но внимательно следил за двумя известными персонами, отмечая малейшие оттенки реакции и поведения. Падин впервые видел этого известного теоретика близко и с интересом посмотрел на него. Они встретились взглядами, и Падин прочел со стороны Дургина четкую антипатию.

— Ну что, господа, как вам эта говорильня? Совок, по-моему, чистой воды.

— Совком попахивает, согласен, — кивнул Звонарев. — Гордин затевает рискованные игры. Ну, ты знаешь мою позицию, Игорь... Я государственный. Государство слабеет. То, что наработывал Путин, понемногу разбазариваем.

— Есть такое дело! Согласен. Вообще, я считаю, общий тупик. Непонятно, куда ведут страну. Нет концепции. Туда, куда Запад ушел, идти не нужно. Это теперь всем ясно... И в сталинизм нет дороги. Четвертый путь — единственное, что остается. Вот Александр Генрихович путь протояет правильный. Мы двинемся туда, мимо все этих Сцилл и Харибд.

— Слышали, слышали. Не вижу тут национальной идеи. Замес христианства с какой-то не нашей мистикой. Неинтересно нам это...

Верховский понял, что эту тему лучше на ходу не развивать. Дургин внимательно и хмуρο посмотрел на Звонарева.

Падин молчал. Вдруг Верховский, в упор глядя на Падина, задал ему предельно прямой вопрос в своей манере лобового натиска:

— Ну что, Сергей Валерьевич? Схлестнемся осенью?

Падин улыбнулся, сделал паузу, формируя приемлемый ответ. Он прекрасно понимал, что такие диалоги могут стать принадлежностью истории.

— Не люблю влезать в игру без козырей... Будут козыри — можно и сразиться.

Пауза длилась секунд десять, и все это время Падин и Верховский, улыбаясь, смотрели друг другу прямо в глаза.

— Неужто у вас козырей нет, Сергей Валерьевич? — прищурясь, спросил Верховский. — Не верится что-то...

Падин в ответ лишь пожал плечами, а Звонарев вдруг ввернул четкий и продуманный вопрос:

— Это у тебя, Игорь, хорошие козыри намечаются, как я посмотрю... Помню, помню, как ты в футболчик играл в нашей крытой аренке.

Вот тут Верховский вдруг нахмурился и стал серьезен. Улыбался теперь уже Дургин, но молчал.

— Вот и я не совсем пойму, у кого это любовь к футболу вдруг проявилась, — сказал он, попеременно глядя то на Звонарева, то на Падина. — А я ведь слышал некогда, что Сергей Валерьевич футболом когда-то интересовался. Помн- ния. даже команду одну хотел прикупить...Сдается мне, что...интерес-то ваш не пропал...Не растворился в потоках времени...

— Рискованное это дело — футбол, — отвечал спокойно Падин. — Мяч уж больно круглый и гладкий. В какие ворота покатится, не угадаешь... Я лично шахматы предпочитаю.

— А я вот предпочитаю карты, — отпарировал Верховский. — Вот и Александр Генрихович также... Правда же, Александр Генрихович? — обратился Верховский к Дургину, и тот кивнул. — По крайней мере, можно догадаться, какие карты в игре, а какие — в сбросе.

— Ну вот и сыграем в три руки, — заключил Звонарев. — Мы в шахматы, вы в карты. А кто-то в футбол... Поглядим, что получится.

— А получится то, что кто-то в дамки пройдет, — вдруг сказал Дургин. — Тот, кто будет играть в шашки. В шашки навыйлет... В щелобанчики.

Все снова рассмеялись. Верховский протянул руку Падину, затем Звонареву для прощального рукопожатия, и мужчины раскланялись друг другу нарочито учтиво. На том и разошлись.

Звонарев и Падин посмотрели друг на друга.

— Что скажете на это? — спросил Звонарев.

— Он пытается понять, чья это карта — футбол, — отвечал задумчиво Падин. — Дургин уверен, что это мы. Он интуитивен.

Звонарев кивнул.

— Игра приобретает очень рискованный характер, — заметил он. — Вам надо сделать ход, чтобы отвести от себя подозрения. Гордин пронюхает — могут убить... Ставки слишком высоки.

Падин кивнул.

— Думаю над этим. Все видео со съемками тренировок и моим присутствием на них под замком, надежно... А ход надо сделать хитрый. И идей у меня нет.

— У Юдина есть, — вдруг сказал Звонарев. — Без ГБ ничего не получится.

Падин незаметно просмотрел вокруг. На них издали смотрело несколько человек. Но вряд ли у кого-то и них был высокочувствительный направленный микрофон.

— По ложному следу надо пустить. То, что Верховский тут ни при чем, скоро выяснится. Нужно ввязывать еще кого-то... Надо пообещать высокий пост Буракову. Он на серьезном крючке. А КПРФ на подъеме... На нем пара миллиардов крапленых. Взять его не представляет труда. А молчать он будет. Ему просто деваться некуда. Он третий кандидат, и шансов у него нет, но процентов пять-семь он

наберет среди всякого сброда и радикалов... Пусть заявит, что команда от него.

Падин внимательно посмотрел на Звонарева. Это было для него неожиданностью.

— Любой, кто сейчас назовется создателем команды, станет популярен у народа. И это в его памяти зафиксируется, отыграть это будет невозможно... Все уже произошло. Команда засвечена. Команда в поле внимания. Надо разыгрывать карту случайного выплеска. Тапатадзе должен дать интервью и все подать таким образом, мол, сам не ожидал. Тренер оказался гением... Он скажет, что готовил команду на европейские кубки. Никогда не думал о таком обороте событий. Это, мол, чудо. Нужно просто закрыть тему и продолжать тренировочную работу. Нужно совершенно закрыть команду от всяких вторжений. Даже федерацию отместить. Не приглашать ее на контрольные игры. И мотивировать тем, что команда пока не раскрыта для соперников, а только приоткрыта. А самим готовить ее. Ведь у нас огромная проблема — нам придется играть с киборгами. И когда наступит решающий момент, сработает именно эта информация. Все узнают, что мы знали о существовании команды роботов. И потому полностью засекретили свою команду.

— В любом случае Гордин теперь будет все время интересоваться подготовкой команды. И все делать так, чтобы история работала на него...

— Это так... Но это мы будем пытаться купировать. Звонарев кивнул. На том они и порешили.

ГЛАВА 41

Следователи, занимавшиеся делом об отравлении — и официальные, от МВД, и два нанятых Падиным детектива — буквально через два дня после случившегося, проведя анализ, пришли к выводу, что злодеяние мог совершить только человек, непосредственно работавший в блоке питания. Камеры внешнего наблюдения показали, что в то

утро и в обед никто из посторонних в блок питания не входил.

Однако следователей заинтересовала женщина, работавшая в блоке питания, по имени Варвара, выполнявшая вспомогательные работы. На одном из проходов по кухне

она несла в руке какой-то небольшой пакетик, в котором мог находиться шприц или что-то подобное. Настораживало и ее прошлое. На нее дважды заводились дела – наркотики и мошенничество. Но не было убедительных доказательств для посадки.

Женщину допросили в числе остальных сотрудников блока питания. На допросе она вела себя явно нервно; глаза ее бегали, она то и дело отпрашивалась в туалет. Следователям стало известно, что у этой маленькой ростом, неказистой внешне женщины были недружелюбные отношения с подругами футболистов, которые также работали на кухне. Она им явно завидовала; несколько раз вступала с ними в перепалку; одну даже назвала шлюхой и подстилкой. Однако прямых улик против нее не было.

Следователям также стало известно содержание и характер разговора у ворот между Михаилом Георгиевичем Берестовым и сотрудником охраны Сергеем Подвязовым. Естественно, они обратились к Берестову за разъяснениями. Но тот отвечал таким образом: «Видите ли, я основываюсь на информации, которую никак нельзя считать конкретной. У меня нет сомнений, что Подвязов виноват, но доказательств у меня нет».

Естественно, следователи попытались найти Подвязова и допросить его. Однако его невозможно было найти: он не звонил руководству своего частного охранного предприятия не появлялся дома; жена также не знала, где он.

Но буквально в считанные дни после преступления все прояснилось. Произошло то, о чем предупреждал Михаил Георгиевич Берестов...

Андрей Маранов находился в этот момент на поле; он работал с Денисом Кармадоновым, пытаясь поставить ему удар «через себя». Маранов периодически сам любил повозиться с мячом; ему доставляло удовольствие непосредственное взаимодействие с игроком — так он лучше чувствовал его, угадывал, над чем ему еще надо работать, какая нога у него работает лучше, к какому флангу он интуитивно тянется; с кем из партнеров нравится ему взаимодейство-

вать и так далее. Маранов таким образом «просканировал» большинство футболистов.

Во время этой работы к Маранову подошел помощник тренера по физподготовке и протянул телефон.

— Андрей Викторович, простите. Тут кто-то звонит. Просит вас... Я сказал, что вы заняты.

— Это правда... Ну?

— Понимаете... Мужик говорит, что умирает. Дай, говорит, трубку Маранову... Прошу тебя...

Маранов отбросил мяч в сторону, лицо его приняло озабоченный вид; он взял телефон в руки.

— Слушаю... Это Маранов.

Маранов услышал хриплый голос человека, который тяжело дышал.

— Андрей Викторович... Вы меня вряд ли знаете. Я сотрудник охраны. Подвязов моя фамилия...

Маранов нахмурился:

— Известна мне ваша фамилия... Вас ищут.

— Искать меня будете в морге. Где-то под Брестом... Товарищ тренер, я виноват. Передайте ребятам... Я виноват. Простите меня... Бес попутал. Жадность попутала... Я не хотел...

Маранов сначала не понял.

— Вы о чем? Я не понимаю...

Но Подвязов продолжал. Голос его прерывался. Его дыхание становилось все более прерывистым, он говорил со все большим трудом:

— Меня предупредил ваш друг, с бородой. Он предупредил, что я расплачусь. Я расплатился... Тут авария. Лобешник. Меня зажало. Мне хана... Андрей Викторович, под вас копают. Какие-то иностранцы... Иностранцы срные копают. Не знаю, кто они. У них денег немерено. Суку ту гоните из столовой, Варьку. Я ей яд передавал, она все делала...

Маранов все понял. Сердце его учащенно забилося. Холодный пот выступил на лбу в один момент. Он крикнул в трубку:

— Где вы находитесь? Сергей, вы где?

Но ответа не последовало... В трубке теперь раздавалось лишь хриплое и неровное дыхание. Затем стали слышны звуки сирены — скорее всего, скорой помощи. Последнее, что услышал Маранов, было слабое и хриплое:

— Про... простите меня...

Далее были лишь шумы проезжавших машин и разговоры. Потом телефон отключился. Вероятно, сел аккумулятор, или же он был поврежден, или упал в какую-то жидкость.

Уже позднее следователям удалось восстановить картину происшедшего с Сергеем Подвязовым...

В тот день, когда у него состоялся тот короткий, но емкий разговор с Берестовым, испуганный Подвязов забрал из дома загранпаспорт, деньги (очень крупную сумму, почти двадцать тысяч евро), и на своем «Мицубиси» рванул в сторону западной границы. Почему он не попытался улететь за границу самолетом, выяснилось позднее. У него был уговор с неизвестным иностранцем, который должен был помочь ему проехать через российско-польскую границу — в сумке у Подвязова лежала польская виза. Проехав Смоленск, он остановился перекусить в одном из придорожных кафе.

В тот момент как раз транслировался матч Германия — Россия, и сотрудник кафе, как и зашедшие в бар водители-дальнобойщики с удивлением наблюдали, как российская команда в совершенно новом составе, показывая великолепную, яростную, атакующую игру, одолевает Германию. Когда матч закончился, скопившиеся баре люди обнимали друг друга, орали, были вне себя от восторга. Какой-то состоятельный человек выкрикнул, что угощает всех самым дорогим коньяком по такому случаю. «Наконец-то, — кричал молодой дальнобойщик, прыгая. — Наконец-то в России появилась команда! Дожили! Ура!»

И это все видел Подвязов, который сидел в углу особняком. Что творилось у него в душе, можно только догадываться. Но бармен позднее рассказал, что «лысый боров

заказал бутылку водки и выпил ее из горла, почти не останавливаясь».

Совершенно пьяный, Подвязов сел в машину и поехал дальше. Он проехал еще более 120 километров, въехал на территорию Белоруссии. На шоссе недалеко от Бреста его машина на полной скорости врезалась в шедший навстречу грузовик «КамАЗ», перевозивший трубы. От лобового удара машину отбросило в кювет. «КамАЗ» понесло в кювет, и там он опрокинулся, рассыпав с грохотом трубы. Подвязова зажал в искореженной машине. Он получил сразу несколько тяжелых повреждений и начал истекать кровью. Очнувшись, он нащупал телефон. Он позвонил одному из технических работников базы, с которым дружил, тот передал трубку второму тренеру... Далее состоялся тот разговор с Андреем Марановым.

Подвязов скончался через час после этого разговора. Как установили следователи, он все это время находился в коме.

Об этом разговоре Маранов рассказал игрокам. На следующий день у ворот базы была разыграна сцена с участием практически всех футболистов. Инициаторами были трое: Никита Гремин, Степан Рыклин и Нестор Вибергасов. Психолог Ростислав Пиоро, предполагая, что это будет что-то вроде коридора позора, одобрил проведение акции, но предупредил парней, чтобы никто Варвару Черняеву не трогал: против нее нет прямых улик, и она может подать иск в суд. Но Гремин успокоил его:

— Пальцем никто не тронет мразь! Можно ведь и без пальцев...

Что имел в виду Гремин, Пиоро понял чуть позднее.

После завтрака сотрудница блока питания Варвара Черняева собралась ехать домой. Накануне она подала заявление об уходе. Когда она вышла из здания кафе, она увидела, что футболисты, их подруги и сотрудники базы стоят вдоль дорожки в две шеренги и смотрят на нее. Отдельно от всех стояли трое: Гремин, Приданцев и Станишевский...

Черняева хотела обойти всех, но люди выстроились так, что другого пути к воротам не было.

— Что вам от меня нужно? Что вы от меня хотите? — испуганно спросила она. Однако никто не отвечал ей. Все просто смотрели на нее и молчали.

Черняева остановилась. Она все поняла. Лицо ее покраснело. Скорым шагом она направилась к воротам. Но вдруг что-то произошло... Гремин едва заметно двинул рукой. Черняева на ровном месте вдруг подлетела вверх и со всего размаху упала около лужицы на асфальт. Ошарашенная, она вскочила, оглядываясь вокруг себя. Но никого рядом с ней не было. Он развернулась, чтобы побежать дальше. Приданцев незаметно склонил голову. Голова Черняевой естественно криво дернулась в сторону, и женщина резко свалилась набок. словно обезумев, не понимая, что происходит, она проползла в сторону ворот, вскочила, но опять ее словно что-то сшибло с ног. Стоя на коленях, она вдруг завывала, горестно и тяжело, по волчьим...

К Гремину и его друзьям уже подходил Берестов. Коротко и внятно он произнес, обращаясь к ним:

— Прекратите, ребята... Это недостойно. Сказано ведь: «мне мщение, и аз воздам...» Это универсальный закон. Пусть отправляется.

Черняева побежала к воротам. Они были закрыты. Она стала биться в них и кричать:

— Откройте! Вы не имеете права! Если есть что-то против меня, пусть следователи разбираются... Откройте!

Когда она оглянулась, то увидела позади себя Михаила Георгиевича Берестова, внимательно и спокойно смотрящего на нее. И тогда ее обуял несказанный ужас.

— Только не это!!! Уберите колдуна! Только не это! — завизжала она и снова бросилась к воротам.

— Откройте ей, — тихо произнес Берестов, обращаясь к охраннику. Тот кивнул и нажал кнопку пульта.

Черняева оглянулась назад. Глаза ее были черными, но не цветом, а выражением; вся она как будто съежилась и казалась крохотной. Как напружиненная, она вылетела наконец за ворота. Пикнула сигнализация, хлопнула дверь, завизжали колеса стартующей резко машины. Больше эту Варвару

никто никогда не видел. Так как прямых улик против нее не было, дело не возбудили; да и команда не хотела, чтобы эта история имела резонанс.

Игроки обоих составов — кто с недоумением, кто удивленно, кто восторженно — смотрели на трех своих товарищей.

На следующий день в группу Степана Каркасова записалось сразу десять человек...

К марту 2030 года первый состав вновь начал стабильно переигрывать второй уже с большим разрывом. Неудержимая тройка нападающих при поддержке тройки полузащитников все же пробивала оборону второго состава и забивала в ворота Мушарапова мячи, которые отразить было невозможно.

Параллельно шли тренировки как в группах айкидо и тхэквондо, так и у Степана Каркасова. Их предваряли лекции, которые он читал. На них члены команды впервые в жизни узнавали о том, как, собственно, устроен человек. Что сущность его являет собой бессмертная душа или монада; что физическое тело запитывается энергией от эфирного, а то — от эфирной энергетики Природы. Узнавали, что они мыслят и чувствуют через ментальное и астральное тела, и что их мысль способна облекаться в разного рода энергии, с помощью которых можно исцелять себя и других, а также наносить боевые удары по противнику.

Каркасов подолгу обучал парней искусству концентрации эфирной энергии на кончиках пальцев, на ребре ладони, на лбу, на ступнях ног.

— Вы должны знать, что перед возможной битвой надо сперва проверить, не поддается ли человек на внушение; насколько он способен противостоять направленному внушению. Для этого мысленно создайте в районе 6-й чакры, прямо напротив межбровья, сферу и вложите в нее соответствующую мыслеформу. Например, «ты будешь побежден» или «сейчас ты умрешь»... Очень часто это сра-

батывает. И тогда дух человек может дрогнуть. Если получилось, вы сразу это увидите по глазам, по выражению лица, общему состоянию энергетики. Если дух человека дрогнул, вам остается только победить. Битвы выигрывает тот, кто сильнее духом — это надо запомнить. Это базовое положение.

Каркасов кропотливо тренировал парней работать со своим воображением, своей мыслью. Он говорил так:

— Для того чтоб нанести противнику удар без касания, нужно настолько уплотнить мыслеформу, настолько сконцентрировать в ней эфирную энергию, что она должна стать просто ощущаемой. Не тактильно, но энергетически. Такая плотная мыслеформа, влетая в эфирное тело противника, наносит ему реальный удар. Получая резкое повреждение эфирного тела, противник реагирует на него точно так же, как на реальный физический удар...

Разумеется, не у всех процесс шел одинаково успешно, но все же к началу апреля уже шесть человек в разной степени, но владели техникой нанесения астральных ударов.

В начале апреля 2030 года, за четыре месяца до начала чемпионата мира, от агентов спецслужбы Сергея Падина были получены достоверные сведения о реальном существовании команды киборгов. Андрей Маранов, подумав и обсудив ситуацию с Берестовым, решил, что пора рассказать игрокам о том, с кем им, по всей вероятности, придется сразиться на чемпионате мира. К этому времени он окончательно убедился в том, что никто из составляющих команды людей уже не будет отчислен.

На этом закрытом совещании присутствовали только футболисты, тренеры, врачи и психолог. Женщины на него допущены не были.

— Я хотел бы вам сказать нечто, чего не говорил раньше, — обратился главный тренер к своим футболистам. — Нечто очень важное. Вы можете не поверить в то, что вам скажу. Но вы уже имеете представление обо мне, о Михаиле

Георгиевиче... Вы, вероятно, поняли, что мы не бросаем пустых слов и не склонны к эффектам.

Сидевшие в зале люди моментально включили предельное внимание. Они поняли, что услышат сейчас нечто очень важное. Сделав паузу, Маранов продолжил:

— Я знаю, что Михаил Георгиевич вам рассказывал о своей встрече с нечеловеком... Но это был технический киборг. Теперь же я хочу вам рассказать вот что. Наши подозрения и опасения подтвердились. На чемпионате мира нам будет противостоять необычный соперник. Такого соперника еще ни у кого не было в истории мирового футбола... Чтобы его победить, нужно будет не просто играть на победу. Боюсь, что придется рисковать здоровьем, а возможно, и жизнью. Для того чтобы вы поняли, о чем речь, я вам предлагаю посмотреть фрагменты двух игр...

Свет в зале погасили. На огромной панели пошли подмонтированные и обработанные фрагменты матчей сборной США с участием киборгов. Поначалу главный тренер не называл их так.

— Вот, последите, пожалуйста, за тремя игроками сборной США. Номера 5, 8 и 10. Это первый из трех ее сенсационных отборочных матчей. Просмотрите внимательно эти фрагменты... Вы должны заметить нечто как во внешности, так и манере игры этих футболистов. Мы их на монтаже специально укрупняли с потерей качества видео. Для удобства.

Через некоторое время игроки начали делиться ремарками:

— Похоже, они идут по одним траекториям. От края к центру, от края к центру, и все время один зигзаг, — заметил Станишевский.

— Поглядите... У всех троих челюсть под прямым углом. У них скулы, как у горилл. Остальные, как люди, а эти отличаются, — заметил Олег Приданцев.

Когда были показаны фрагменты второго матча с участием этих троих, ремарок стало больше.

— Эти трое делают игру, — заметил Греммин. — Их остальные боятся. Все работают на них троих.

— Эти трое не устают. Они бегают как заведенные. Вообще не останавливаются. Сильные! Они ни с кем не разговаривают, — снова заметил Станишевский. — Скажите, кто это? Жутью какой-то отдает.

И тогда Маранов рассказал, в чем дело.

— Ребята, это как раз те игроки, которые... скажем так, не вполне люди... То есть это вроде бы люди, но как бы и не совсем... Эксперименты по созданию полулюдей-полуроботов в Штатах велись давно. Но никто не ожидал, что уже к 30-му году они получают такой результат. У этих существ скелет сделан из композитных материалов. Тело у них как у людей, но не совсем. Мускулатура у них другого качества. У них огромная физическая сила, чудовищная — понимаете? Я думаю, что каждый лом может согнуть...

Сидевшие в зале игроки слушали это молча, некоторые покачивали головами.

— Значит, в драке с ними тяжеловато придется, — заметил Вибергасов.

— Да, ребята... К сожалению, это так. Есть такая информация. Они играли с Нигерией зимой. Трех нигерийцев с поля унесли едва живыми. А дисциплинарная комиссия ФИФА закрыла на это глаза. Поймите, у америкосов все схвачено. У них везде все проплачено.

— Вот твари! — прохрипел Греммин. — Калечат людей за так? Надо им устроить кровавую баню. Чтобы знали наших...

— А если... по кумполу? — спросил Вибергасов. — У них мозги-то есть?

— Мозги у них есть, — отвечал Маранов.

— А яйца?

Маранов, начиная смеяться, кивнул.

— Раз есть мозги и яйца, мы их отп...им, — заключил Вибергасов.

Все было начали смеяться, но Маранов остановил их.

— Ребята, поверьте: на поле будет не до шуток!

Маранов молча обвел всех взглядом.

— Чтобы им устроить баню, нужно быть подготовленными. По всем линиям. У них есть слабые места, и мы их изучаем. Мы научимся их бить, хотя времени немного. Дело в том, что в их тело, в их мозг встроены чипы. Чипы заведены на компьютерную сеть. Эти существа — их можно называть киборгами — управляются частично по сети, частично — с помощью своего мозга. Запомните: это не вполне люди. Это киборги!

Игроки вдруг разволновались, повыскакивали с мест. Посыпались вопросы:

— Андрей Викторович, а чем они питаются?

— А как их тренируют?

— А они разговаривают?

— А они живут где? У них семьи есть? У них женщины есть?

На помощь Маранову Михаил Георгиевич Берестов.

— Ребята, я вам дам пояснения. Американцы осуществили очень серьезный эксперимент. Вначале были обнаружены киборги-шпионы, которых они подготовили. Киборги-футболисты — это лишь часть программы. Многих деталей этого проекта мы пока не знаем. Смотрите, вот что на сегодняшний день известно.

На предпоследнем матче сборной США в Аделаиде их команда состояла из шести киборгов и пяти обычных футболистов. А вот уже в их последней игре, матче в Мичигане с Мексикой, уже был другой состав. Играли семь киборгов и только четыре обычных футболиста. О чем это говорит? Они их как в инкубаторе готовят: довели до нормы — выпускают на поле. Что из этого следует? Скорее всего, на чемпионате мира у них будут играть только киборги.

Об их силе говорит такая вещь. Один из них проходил по тоннелю на поле. Задел за трубу рукой. Взял и вырвал ее к чертовой матери, да еще согнул чуть ли не в узел... Они запитываются энергией от внешнего источника, поэтому усталости не знают. Они не так переживают боль, как мы; или же умеют ее терпеть. Они точно не знают, что такое

смерть. Учтите — это важно! Имеют ли они женщин, затрудняюсь сказать. Нет такой информации. Но есть наблюдение одного человека. Он видел на стадионе, как киборги рассматривали женщин. Говорит, глазами чуть не прожигали их насквозь.

Играют они очень организованно, выполняют команды центра. То есть на 60 процентов кто-то играет ими, как куклами; они же сами соображают на поле, что делать. Видимо, в соответствии с навыками, которым их обучили. А учили их хорошо. Наверное, в мозги закачивали манеру лучших игроков мира.

На этой фразе в зале раздался смех — сразу несколько человек рассмеялись, приняв это за намек.

— Так мы, значит, тоже что-то вроде киборгов, — смеялся Нестор Вибергасов. — Часами сидим играем за Марадону, за Месси... Значит, мы тоже роботы.

— И вся команда — роботы, — пошутил Игорь Станисhevский. — Мы же играем за Италию, за Испанию...

Берестов тоже улыбнулся.

— Если уж речь о том зашла, то все мы немножко роботы... Нас ведь здесь выводили высшие цивилизации. Тысячи, сотни тысяч лет! Мозг форматировали, энергоструктуру... И все же мы люди! У нас есть совесть. У нас есть дух человеческий. Искра божественная есть. Связь с высшими силами есть. Жизнью за жизнью, как гирлянда... Уходим из одного тела — приходим в другое; а то, что накоплено, сохраняется. Душа наша копит все это, хранит. От жизни к жизни шагаем, растем... Нет, ребята. Отличие настолько существенное, что сравнивать никак нельзя. А у этих существ что? Побегали, попрыгали — и выключили их чипы. И сознание их угасло безвозвратно. А вам не приходит в голову, кому нужна генерация этих существ? Кто их собирает штамповать тысячами и для чего? Поймите, на этой планете силы зла — это сила конкретная. У них своих цели, у нас свои. Мы созидаем — они разрушают. Нам нужен Свет — им нужна тьма. Тьма — это отсутствие Света. И мы должны нести Свет! В каждой нашей

жизни, как можем, как получается. В этом, собственно, и есть смысл нашей жизни.

Игроки слушали внимательно. Им не приходилось ранее слышать ничего подобного. Но их все же больше интересовала конкретика.

— А что у них за тактика, Андрей Викторович? — спросил Багрянов. — Ведь те, кто на них играет, наверняка имеют разные программы.

— Правильно, Эдик, — отвечал Маранов. — И я так думаю. Но я пока видел всего три варианта. Завязывают игру через двух сильных хавбеков. Двое крайних начинают метаться по краю. Хавбеки включают попеременно то правого, то левого. Большой парень в центре ищет зону, продавливая защиту. Крайние обыгрывают на краю защитников, кидают либо ему, либо кому-то из хавбеков. Они все время повторяют этот рисунок, раз за разом. Второй вариант — атлетический. Это силовое давление, ставка на выносливость. Оставляют сзади трех стопперов. Семеро начинают переть, как танки, со всех сторон. Расшатывают, разрывают защиту. И все время ищут двух небольших центральных нападиков. У тех очень мощные удары. Все. Как правило, пробивают. Либо так, либо эдак. Но думаю, они придумают еще варианты. Но! У них нет таких виртуозов, как вы. Вы должны путать их своими выкрутасами. Сбивать с толку, загонять в тупик. Они не могут не быть тупыми. Они, скорее, персонажи компьютерной игры. Но играть их научили, они техничны; удары с обеих ног у них поставлены. Удары очень сильные — это тебе на заметку, Вахит. Я могу сказать точно: одолеть их в игре очень непросто. Но можно. Вот, пожалуйста: Нигерия у них выигрывала до 78-й минуты. И сыграла вничью. Они их просто начали выбивать, по-хамски, как звери. Но я думаю, те, кто управляет проектом, сделали выводы и такое не повторится. Хотя ничего нельзя исключить... Есть основания предполагать, что команда США будет играть только на победу. Уже не-

сколько фирм разработали дизайн маек, флайерсы, флаги с надписями «Сборная США — чемпион Мира 2030!»

Игроки некоторое время перебаривали услышанное. Затем поднялся капитан первого состава, Приданцев:

— Мне, честно говоря, насрать, люди они или не люди. Я думаю, тех, кто их делал, тоже нельзя считать людьми. Я так полагаю, с ними можно играть. Но нам надо понять как. Чтобы не облажаться. И что нужно, чтобы их обыграть? Андрей Викторович, вы как думаете — мы можем играть с этими... хотя бы на равных?

Маранов ждал такого вопроса.

— Играть на равных — это не наша задача. Мы должны их побить! Вот наша задача! Мы должны их переиграть уверенно! С тактикой мне все более-менее ясно. Они играют по одной схеме: за счет активности и выносливости полузащиты контролируют центр; за счет постоянно высокой скорости четырех нападающих постоянно давят на ворота. На обыгрыше играют крайне жестко, постоянно на грани фола. Когда они оттесняют игрока от мяча, все выглядит вроде бы приемлемо. Но на самом деле игрок получает гематомы, сильнейшие ушибы — всего-то от соприкосновения с ними! Потому соперник начинает их бояться, бессознательно начинает уходить от единоборств. А они этим пользуются, усиливают давление. И забивают. А удары их в драке приводят к тяжелейшим травмам. Переломы челюсти, вывихи рук и так далее.

Что из этого следует? Нам надо выстроить тактику так, чтобы лишить их козырей. Надо делать все время неожиданные ходы и играть предельно быстро. Они будут ловиться на всем нестандартном. Те, кто играет ими там, за пультом, должен растеряться. Машина уступает человеку в творческом мышлении. Надо перейти на абсолютно нелогичную, неровную игру, с рваным ритмом; тактику менять надо будет по ходу. То поддаемся им, прогибаемся; то вдруг включаем скорости и за счет техники оставляем их сзади и забиваем. Забиваем безжалостно, сколько сможем. Я так понял, нет у них такого вратаря, как Вахит. Их вратарь —

просто пешка; даже если его натаскали, реакцию ему извне никто не вставит в голову. У ворот надо их защитников путать и дурачить.

Штаты играют в одной группе с бразильцами, поляками и Ираном. Я думаю, поляки ничего с ними не поделают. Киборги их просто раздавят силой. Иранцы — ребята покрепче; они посопротивляются на духе, но не более того. Бразилия имеет сильную команду, должна бы их обыграть, но... Может сработать грубость этих нелюдей. В любом случае из группы они выйдут. Дальше решительно с ними будут сражаться немцы, голландцы и, возможно Италия. За счет класса они могут их удержать. Но мы не знаем, как готовится эта команда нелюдей. Скорее всего, они усилят игру, и возможно, значительно.

— Так вы думаете, что нашим главным соперником будут именно Штаты? — спросил Станишевский. — Не Германия, не Португалия, не Испания?

— Для нас эти команды все равно будут труднейшими соперниками. Но тут все более понятно. Мы Германию смогли обыграть не в лучшем составе; мы можем обыграть всех грандов. Тут все более-менее ясно. Но точно ничего нельзя предполагать. Ведь это футбол. Но судя по тем играм, что я видел... У меня есть предположение, что киборги играют не в полную силу. Они полностью не выкладываются. Ими хотят огорошить всех на чемпионате. Понимаете, там еще будет жарко. Судя по всему, эти киборги на жаре работают как в холоде. Им все равно. Они просто будут брать всех во втором тайме, когда европейцы выдохнутся и пойдет обезвоживание. Вот почему нам надо переходить на эндогенное дыхание. Понимаете теперь?

— Может, надо изменить характер подготовки? — спросил Приданцев.

— Вот именно! Правильно, Олежек! — отвечал Маранов. — Нам надо делать акцент на силу и выносливость. Причем не только на силу физическую. Есть еще и другая сила, с помощью которой мы можем противостоять кому угодно. Это та сила, работе с которой вас учит полковник

Каркасов. Без этого нам не выиграть у них, поверьте... Михаил Георгиевич, хотите еще сказать что-либо?

После совещания с тренерами капитаны Приданцев и Вибергасов собрали свои составы снова, но без тренеров и без женщин. Парни долго сидели, обсуждали ситуацию

и предстоящую работу. Резюме всему подвел Гремин одной фразой: «Киборги, говоришь? Нехай будут киборги! Разберемся и с ними... Где наша не пропадала!»

ГЛАВА 42

Чем дальше смещалось время к чемпионату, тем тревожнее становились сны магистра, тем более сгушалось в его душе напряжение. Тревога за исход всего предприятия одолевала его. Сны были полны каких-то странных странствий по вполне земным пространствам: то он оказывался в каких-то трущобах в Азии, где на него выбегали немые крикливые дети; то путался в лабиринтах какого-то дикого супермаркета, где люди, товары, продукты — все проплывало мимо него на каких-то пестрых лентах, раздавалась дикая какофония. Он все время оказывался уязвимым, ненужным, лишним.

Ночь перед очередным общим совещанием для магистра оказалась тяжелой. В эту ночь он увидел не просто сон, а нечто гораздо более существенное. Среди обычного путаного, тревожного сна его словно облаком обволокло; пространство безмерно раздвинулось и наполнилось смыслом. У этого пространства не было определенной локализации — оно было нигде и всюду; он был частью него и мог воспринимать его одновременно изнутри и извне. И все же каким-то образом он ощущал, что оно представляет из себя немисливо большую, почти беспредельную сферу. Он увидел, что оно являет собой странное единство: что-то вроде цельного мозга; но при этом состоит из множества разумных существ. Но и эти существа при приближении к ним оказывались разумными множествами. И нельзя было однозначно сказать, что эти множества связаны с какой-то космической конкретикой — созвездиями, галактиками и прочим. Было похоже, что эти все объекты находятся внутри этого безмерного мозга, и являются его небольшой частью; он же напоминал скорее многослойное образование со множеством хитроумных ответвлений.

Далее сознание того, кто был на земле магистром Ричардом Виндинг-Бронсом, вдруг увидело существ, которые непосредственно сооружают ту планету, на которой он теперь жил; он увидел ее на какой-то промежуточной стадии формирования. Он увидел ее слоистую структуру и каким-то образом уловил, что в ее формировании участвует весь этот огромный ячеистый мозг, где каждая крупника является разумным множеством.

Он увидел далее формирующуюся систему управления планетой: это была как бы вшиваемая в разные части ее тела, в разные слои система пирамид. Их засаживали верхушками вверх в слои еще до того, как на светящийся огненный центр наворачивались новые и новые массивы плотных пород. Эти пирамиды клетками мозга насыщались способностью осмысленно управлять всеми процессами. Магистр видел, что через пирамиды идет управление как водными средами, так формирующимися газовыми слоями, атмосферой, которые постепенно уплотняются. И все, все, что происходило, весь этот процесс сооружения планеты — все это делалось разумными существами, составлявшими в своей совокупности огромный мозг. Разумность целого составлялась из разумности частей.

Это был величественный и монументальный процесс — магистр не представлял, что такое возможно. Этот цельный ячеистый разум работал очень точно, безукоризненно, управляемо, расчетливо. Как бы проскальзывая через ячейки этого мозга, магистр видел все на стадии предзамысла: формы будущих деревьев, цветов, трав, плодов; структуру покрытий, вещества, составлявшие крону — все-все, до мелочи, было предметом анализа этих существ и готовилось ими к воплощению. Он видел миллионы видов насекомых и рыб, которые содержал в себе ячеистый мозг и которые являлись предметом осмысления клеток этого мозга.

Наконец, он увидел, как создается человек. Образ такого родного двурукого, двуногого существа как бы вращался в пространстве. Глаза его уже открывались. Сознание

того, кто был на земле магистром, вдруг как бы вошло внутрь, в суть этого творения; оно предстало перед ним во всей своей невысказанной многосложности; ее он узрел вмиг в озарении, вспышкой, во всем объеме, в гармонической полифонии частей. Он вдруг увидел, что многосложность эта связана с осмысленностью, с формами разумности каждого мельчайшего фрагмента этого существа, от атома до клетки, от клетки до органа, от органа до целого. Именно невысказанная, непостижимая продуманность системы взаимосвязей физического и нефизического поражала более всего; она словно бы приоткрывала завесу к важной тайне вообще всего Сущего, оставаясь недоступной пониманию.

В этой зоне все существа, все крупицы мозга в процессе созидания планеты и его покровов занимались как бы каждый своей частью работы, и каждый делал то, к чему был более предназначен. Эти существа не имели видимой формы, но ощущались как единичные разумные особи. Магистр видел, как один из них занимался подращиванием особых клеток, которые должны были составить первый слой эпителия будущих кровеносных сосудов; как другая сущность формирует в каком-то устройстве состав хрящей для голени; как третья занимается жидкостью для смазки суставов. Цепочки цифр связывались особой лентообразной витиеватой кружевной структурой и как бы прошивали все существо, соединяли все его системы воедино непрерывной смысловой управляющей магистралью. Далее он увидел, как человеческое существо уже двигалось, как улыбалось, как оно становилось разумным и самоосознающим. Весь этот масштабный и самозабвенный творческий процесс был уникален по уровню осмысленности.

Магистр также увидел, что этот мозг творит сразу вовсе не одну планету и не одну даже звездную систему, а большие скопления небесных тел сразу — множество, великое множество... От этого зрелища даже в процессе сна возникало щемящее чувство пронзительной неудовлетворенности от невозможности охвата всего видимого объема. Еще

во сне, еще там у него родилась тревожная, удушающая своим смыслом мысль: а я? а что я? а где я?

Планета практически уже была готова, приобрела законченный вид. По ней уже перемещались огромные человеческие массы, причем исключительно людей с белым цветом кожи. В какой-то момент его сознание включили в другой процесс, который можно было бы обозначить как регулирование соотношений на уровне этических полей. Он вдруг ясно увидел и почувствовал, что планета словно была поражена невидимым, но ощущаемым коричневатым флером, формой дыма или газа. Этот газ, или газоподобный вирус, порождал мириады маленьких коричневатых существ, которые затем разрастались и до крупных; и их скопления являлись тем, что противостояло той гармонии, которая ощущалась на стадии изначального творчества. Он догадался, что это не что иное, как вирус. Его можно было бы охарактеризовать как эквивалент того, что называлось в земном обиходе злом; но слово это было не совсем тут точным. Вирус также являлся разумом, но с какими-то другими жизненными основаниями. Он содержал в себе отрицание интересов общего и гипертрофию частного, забвение вектора целостности и гиперфункцию индивидуального; при этом вирус явно был вездесущ... Магистр четко осознал, почувствовал, что сам он находится именно в этой системе, вовлечен в нее, живет в ней; что этот вирус в нем, в каждой его кровинке и даже в дыхании, уж не говоря о мыслях и чувствах...

Далее все поменялось, и он увидел сферу, простершуюся от планеты далеко в Космос. В сравнении с размером сферы вся солнечная система казалось небольшой; она находилась как бы в отдалении, в глубине сферы; сама же она была соткана из какой-то сверхтонкой материи. Фрагменты плотных образований, вроде скоплений космической пыли и астероидов, являлись лишь малой частью тела этой сферы. И по смыслу, уловленному тонким сознанием магистра, все выглядело таким образом: сфера являлась как бы панцирем, который окутывал всю их солнечную систему. Сфе-

ра являлась тем, чем большой Космос защитился от вируса, поразившего их мир. Внутрь сферы попасть было можно; но невозможно было выбраться из нее наружу, в грандиозные пространства Большого Космоса. И именно вирус являлся причиной, из-за которой их мир оказался закупоренным, замкнутым в своем объеме.

...Магистр просыпался трудно, словно выбираясь из лабиринта. Сознание некоторое время держало ощущение виденного — оно было обезоруживающе ужасным — и находилось в полном антагонизме со всеми его теоретическими и жизненными устоями. Можно сказать, что эти основания теперь выглядели конструкциями какого-то мелкого червя, горделиво задирающего головку из груды навоза.

Ум его спокойно и хладнокровно подводил итог: диспропорция масштабов катастрофична; что бы ни творили существа вроде него — это всегда будет примитивно, убого, первоначально; всегда будем неким младенческим, зачаточным уровнем разума, сопровождаемым сладостными гимнами собственному эго. «Зачем они дали мне это? — размышлял магистр. — Раньше не давали... А почему?» Он некоторое время осмысливал виденное; он понимал, что его словно наводили на мысль: ты — часть вирусного дыма. Ты носитель и умножитель вируса; ты — часть того, от чего все большее и безмерное защищено непроницаемой стеной. Да, именно так: ты часть вируса и его множитель.

Тягостная депрессия нахлынула на него. Магистр встал и хотел было вызвать прислугу, но потом передумал. Он пошел сам на кухню, сварил себе кофе. Было пять утра, солнце едва-едва высветило часть неба над океаном... Общее ощущение бессилия, беспомощности, глупости, жалости к себе нахлынуло на него. «Чего они хотя от меня? Что им нужно? — думал он. — И кто они? Кто это дает мне? Это не Кураторы. Кураторы как раз с нами... Значит, они и есть вирус... Неужели все, что мы делаем, ничтожно и вредно? И все ни черта не стоит по большому счету. И все идеи — это блеф, бред, наив маленьких гордоносных комаров, клопиков, мошкар, у которой своего

ничего-то нет?.. Боже, что же мы делаем? И что бы надо делать? И где то, в полезности чего можно быть уверенным? Боже, боже!»

Он находился в депрессии все утро. И снова возник облик его младшей дочери, презрительно бросавшей ему в лицо жесткие фразы... Он даже боялся снова погрузиться в сон, чтобы не увидеть снова весь этот объемный, обезоруживающий ужас. Лишь звонок медиатора, раздавшийся около 9 утра, вывел его из состояния мучительного, горького оцепенения.

— Господин магистр, к заседанию все готово, — сообщил бодрым утренним голосом медиатор Чивиккони. — Нет ли изменений в программе?

— В программе? Какой? Нет, изменений нет, — сказал он и не узнал собственный голос: так он был глух, хрипл и отчужден от его существа.

В ответ в трубке зависло молчание.

— С вами все в порядке, господин магистр? — тревожно спросил медиатор. — Вы здоровы? Что-то голос у вас...

— Все в порядке, — поспешил выровнять голос магистр. — Я только проснулся. Голос еще не... Не разговаривался...

— Заседание будет вести Джессен Балнемур. Как было оговорено.

— Да-да... Именно так...

— До встречи, господин магистр! — попрощался медиатор несколько озадаченным тоном и отключился.

Только перед самым заседанием, когда он летел в эксквайзере на встречу в головную резиденцию, у него стала проходить эта тягучая, мучительная депрессия. Он старался просто не думать об этом сне или видении, хотя предполагал, что вернется к размышлению над виденным спустя некоторое время.

Заседание на сей раз проходило довольно спокойно. Сотрудник Братства, отвечавший за техническую регистрацию обновленной команды США на чемпионате мира, доложил,

что возникшие было проблемы в основном преодолены. Выяснилось, что японец, член одной из служб, связанных с медицинским освидетельствованием и допинг-контролем, настаивавший на проведении особой экспертизы для «подозрительных» игроков команды, был нейтрализован.

— Есть ли гарантии, что у команды не будет организационных проблем в Аргентине? — задал вопрос магистр докладчику.

— Такие гарантии есть. У нас есть уже все допуски. Это стоило немалых денег, но наши люди сработали прекрасно. Документы на футболистов-андроидов абсолютно надежны. У каждого есть реальная родовая история. Слабые места в легендах под контролем.

Далее агент, работавший по России, поднял вопрос о российской сборной по футболу. Он заявил, что подтвердились подозрения: за Россию будет выступать очень сильная команда, способная играть наравне с лидерами — Германией, Испанией, Бразилией и другими. Агент подтвердил, что ее надо принимать в расчет. Минус заключается в отсутствии информации об этой команде. Если тактика, особенности игроков и важные нюансы, имеющие отношение к другим командам, все изучены, то в отношении русских имеется только одна запись ее игры с Германией. Агент признал, что, несмотря на принятые меры, полностью заблокировать поездку новой команды в Мюнхен не удалось.

— Операция, в принципе, прошла успешно. Игроки основного состава были инфицированы. Они оказались в больнице. Но тренер у них хитер, очень дальновиден. Второй состав оказался также сильным; при этом три игрока основного состава по случайности не попали под воздействие. Они остались здоровы и приняли участие в игре. Они все и решили. Русским удалось в последний момент решить задачу. В стране прошли бурные стихийные празднества. На день остановились даже крупные производства.

Все это можно бы не рассматривать как тревожный фактор, но есть новые обстоятельства. А вот они как раз

говорят о возможных серьезных последствиях. И дело тут не в президенте Гордине. Он на настоящий момент разыгрывает эту политическую карту, что естественно. Он заявляет, что это он создал все условия для подготовки этой команды, что игроки нацелены на самый высокий результат и так далее.

Но дело в том, что в России уже никто не сомневается в том, что сам Гордин не имел отношения к созданию и подготовке команды. Тут СМИ мощно у них поработали. Политик Верховский после того, наш агент обстрелял его машину, официально заявил, что созданием команды не занимался. Получается, что наша превентивная операция против него не имела смысла. Информация о причастности Верховского к созданию команды оказалась неверной. Нас пустили по ложному следу, и я склонен думать, что неслучайно. Далее я поясню почему.

Хозяин клуба, грузин, от ответа на прямой вопрос об участии политиков в создании команды, ушел. Он уклонился, отболтался. Грузин настаивает, что не ожидал сделать такую команду, что все дело в гениальном тренере. Но мы сделали анализ необходимых затрат. Он показал, что они намного превышают возможности этого грузина. Весь его бизнес — максимум сто миллионов долларов. Только ремонт и реконструкция спортивной базы недалеко от города Тверь, где тренируется эта команда, стоил гораздо дороже.

И вот вам главное. Анализ показал, что двоюродный брат этого грузина по линиям бизнеса связан с крупным бизнесменом и политиком Сергеем Падиным. Анализ документации ряда фирм на Кипре и в Турции однозначно указывает на эти связи... Нам также удалось выяснить, что кто-то постарался зачистить все данные, указывающие на эту связь.

— Получается, по вашей логике, что команду создал Падин? — спросил агента магистр ложи «Европа». — Но мы не имеем такой информации.

— Утверждать это твердо пока нельзя. Но такая версия выглядит вероятной. И это вызывает определенные опасения. Дело в том, что Падин имеет репутацию независимого. Он представляет в России умеренно- националистический, славянский лагерь. Он последователь философии Блаватской и Рерихов; он высокого мнения о Данииле Андрееве, русском визионере. Он игнорирует полностью христианство, помешан на идее воссоздания ведической религии славян на новой основе. У него есть идея создать панславянский анклав — Украина, Белоруссия, Сербия, Болгария и так далее. Это будет опасный и реальный претендент, если он надумает идти на президентские выборы. А он может это сделать. И если эта команда имеет к нему отношение, если она хорошо выступит, у него будут неплохие шансы.

В конференц-зале возник легкий шум, пробежала волна спонтанных движений. Магистр барон Ричард Виндинг-Бронс, нахмурившись, напряженно слушал доклад агента.

— Тревогу вызывает еще одно обстоятельство. Мы установили наблюдение за виллами Падина в Крыму и Подмосковье. И там, и тут были зафиксированы его контакты с неизвестными лицами. По некоторым автомобилям, подъезжавшим к виллам, нет никакой информации. Они не фигурируют ни в одной информационной базе России. Это значит, что информация засекречена. Ни один из разговоров Падина по сотовой и космической связи не удалось прослушать. Это значит, что в систему защиты вложены очень значительные средства — десятки тысяч, возможно, миллионы долларов. Наш президент не имеет такой защиты! Все подслушивающие устройства в диаметре километра блокирует неустановленное оборудование. Все это крайне подозрительно! Не исключено, что Падин ведет какую-то работу, связанную с подготовкой к выборам. Это все вызывает тревогу, так как мы не имеем каналов влияния на Падина.

После этих заявлений обсуждение вновь приняло горячий характер. Ведущий эксперт Братства по России немец Йозеф Мецлер, разумеется, был, что называется, в теме и знал больше других. Он заговорил несколько взвинченным, нервным тоном:

— Я никак не ожидал от Флокастера такого провала! Я заранее предупреждал всех о возможных последствиях! Я чувствовал! Как можно было упустить из виду другой состав? Там ведь черт не разберет, кто лучший, кто худший! Это же русские! Вы провалили дело, Флокастер! Теперь мы будем иметь лишнюю головную боль в Аргентине!

Голос Йозефа Мецлера был голосом боссов букмекерской мафии – все сидевшие в зале знали об этом. И все понимали, что часть денежных потоков теперь пройдет мимо Братства.

— Но что вы теперь предлагаете, господин Мецлер? — вступил в разговор Фергюссон. — Карты-то розданы.

— Ничего подобного! — зло и величественно произнес Мецлер. — Вы забываете о том, что есть еще процедура регистрации команд...

Тут неожиданно снова поднялся засекреченный агент, курировавший Россию, и заговорил быстро, словно опасаясь огласки чего-то секретного:

— Это вопрос решается... Вы же знаете... Действительно, у нас есть шансы заблокировать эту команду... Мы работаем в этом направлении. По жесткому варианту...

— Мы должны заблокировать эту команду на подходе к чемпионату, — заявил магистр Виндинг-Бронс. — Кто бы за командой ни стоял, он не должен получить такой козырь. Нам нужен на посту президента только Гордин.

— Надо подбросить Гордину информацию о Падине, натравить его на него, — предложил аналитик внешней разведки. — Пусть он удушит его сам, своими руками. Нам нечего лезть. Эти два паука пусть сами выяснят отношения. Гордин сам уберет его.

— Может, все-таки лучше убрать этого Падина? — снова вошел в разговор магистр ложи «Европа» — У него круп-

ный банк. Надо взять его бизнес, и все. Мы не раз в России такое проделывали.

— Наш контроль над финансовой сферой России пока не полностью восстановлен, — заметил аналитик. — Но мы к этому идем. Путину удалось все же убрать их центральный банк от нашего влияния. Гордин пока делает шаги в нужном для нас направлении. Вы совершенно правы, барон. Нам нужен именно Гордин, и никто другой.

— Я бы настаивал все же на ликвидации Падина, — заявил барон Виндинг-Бронс. — Нам не нужны такие риски... В чем проблема? Гордин не будет так уж активно пускать своих ищеек по следу. Ему это не нужно.

— Господин барон, боюсь, что наши возможности для такой операции недостаточны, — ответил аналитик. — Падин имеет автономную разведывательную сеть, в которой работают лучшие профессионалы ФСБ и ГРУ. Мы подозреваем, что именно его люди засыпали наших лучших агентов. Мы прилагаем усилия для вращения новых людей в эшелоны, приближенные к власти. Но это вопрос времени.

Все-таки прошло предложение одного из магистров сравнить Падина и Гордина. Ликвидация Падина могла бросить тень на Гордина, что было невыгодно для него перед выборами.

Заседание закончилось глубокой ночью. Магистр вышел после него возбужденный, встревоженный. Поднимаясь на палубу своей яхты, он взглянул на черное ночное небо. Месиво звезд всегда волновало его своей отчетливой недосыгаемостью. Свежий вечерний бриз тихо налетал, ероша его седые волосы, небольшие волны ударялись о корму яхты. Этот ритм порождал в нем тревожное ощущение собственной малости. Оказывалось, что даже в пределах одной планеты у него немного возможностей влиять на события. Какие-то человекоподобные существа в разных частях планеты, существа недоразвитых, слабых этносов нагло вмешивались в грандиозные замыслы по благоустройству планеты, преобразованию ее в цивилизованный, организо-

ванный очаг космической разумности, субъект космического права. Помощь Кураторов также порой словно исчезала; они не давали знать о себе неделями; от них не поступало никакой информации ни через сны, ни через видения, как это бывало раньше. Магистр подозревал, что их власть над планетой также неограничена; что их активно теснят какие-то неясные, но весьма могущественные силы. «Надо одолевать, надо быть безжалостными и непреклонными, — вновь и вновь взбадривал он себя. — Надо идти до конца. Другого не дано...»

ГЛАВА 43

В один из дней второй алтайской эпопеи восемь игроков первого состава после завтрака вместе с тремя волхвами и Берестовым отправились в лес. Парням выдали рюкзаки, в которых были фляги с водой, бутерброды. Ножи туда же были также положены — на всякий случай. Всем вручили и компасы. В чем заключается цель похода, им объяснили так: идем на древнее славянское капище, чтобы там совершить ритуал. По дороге им нужно пообщаться с Природой; встретиться с духом леса, а возможно и его жителями; пообщаться соединиться с ними внутренне, найти общий язык. Гремин с некоторым подозрением поглядел сверху на бородачей, но ничего не сказал. Ему показалось, что какой-то несерьезный они придумали повод для того, чтобы их оторвать от коллектива, прервать тренировочную работу. Но тренер сказал остаться — и они остались.

Погода по весне стояла относительно теплая — 18-19 градусов; иногда припускал довольно прохладный, резковатый ветер. Но в гористых долинах, понятно, его не чувствовалось, особой сырости тоже.

Вначале они шли все вместе одной группой по разбитой машинами лесной дороге. Затем углубились в гущу леса, пошли по тропинке.

Примерно через час после выхода с базы Велеслав предложил всем рассеяться в долине, двигаться в разные сто-

роны по горным тропкам через редколесье и периодически перекликаться. Он объяснил необходимость этого тем, что каждый должен остаться в лесу наедине с собой и Природой; настроиться и уловить тайную жизнь леса, попробовать сонастроиться с его внутренней гармонией.

— Увидите оком, речку можете увидеть, ручеек — уловите жизнь, что протекает скрыто; там непременно есть дух. У леса свой особый дух, у болота, у озера, у зверья лесного; за ними за всеми наблюдают духи, и они управляют всем; все в лесу сонастроено с ними. Мы хотим, чтобы, когда вы там, где-то в другой стране, будете биться за нас всех, вы знали: духи родного леса, озера, реки будут с вами и будут помогать вам. Другой мир не отделен от нашего; он существует рядом с ним; для него нет преград и расстояний. Вспомните, когда на жаре будете бегать, все в мыле — вспомните про этот лес, про озеро, по болотце; и вам же станет легче. Вы поймете, откуда вы, и кто вы, и за кого вы бьетесь.

Пересветов и Приданцев слушали волхва внимательно; Пересветов даже кивал, улыбаясь; казалось, что эти слова проникают в него и не пропадают без следа для его души. А вот Гремин был по-прежнему немного суров и мрачен; могло сложиться впечатление, что для таких материй он несколько грубоват. Но на самом деле никто не знал, что происходит в его душе, в глубине его существа, скрытого за массивами большого тела.

— Вот, смотрите, — сказал Велеслав, — солнце сейчас по левое плечо; идти будем еще часа два, пока не выйдем к большому озеру, за которым Алатырь-камень и капище. Солнце будет уходить с левого плеча и встанет напротив лица. По компасу ориентируйтесь тоже: идите по стрелке примерно на северо-восток. Мобильные телефоны есть у каждого. Но навигаторы не включайте до времени; лучше идти по солнцу — иначе соединения с Природой не произойдет, будем все в той же суете окаянной... Все! Разделяемся, расходимся. Встреча у озера, с северной стороны...

Ни Гремин, ни Пересветов, ни Приданцев не понимали толком, что они должны были делать. Но идя по лесу в одиночестве, каждый оставался наедине с собой; и понемногу они начинали ощущать нечто, чего давно не ощущали — постоянно вокруг были люди, техника, строения и все такое прочее. А здесь они начинали осознавать, что огромное количество времени они провели в постоянном общении, в городском шуме-гаме, среди околоспортивного гула и суеты. Теперь они шли по горным тропкам, иногда присаживаясь на серые угловатые валуны, просматривая снизу вверх, наблюдая, как ползут над ними вечно, независимо, невесомо серовато-желтые облака, приоткрывая время от времени рваные фрагменты тускловатой, уходящей в бесконечность синевы.

Предполагал ли кто-либо из магов какие-либо особенные встречи для идущих по лесу мужчин, делал ли что-то для того, чтобы эти встречи произошли — на этот вопрос сами маги наверняка ответили бы утвердительно. И при этом никаких встреч могло бы и не произойти; и у Олега Приданцева никакой такой встречи не произошло. Но вот у Гремина и Пересветова они все же состоялись.

Где-то минут через сорок после того, как вся группа рассеялась в лесу и все перестали даже перекликаться, проходя через заваленную павшим березняком лесную прогалину, Игорь Пересветов вдруг заметил некое движение справа от себя. Решив, что это мелькнула птица, он продолжил движение. Однако пройдя еще метров сорок, он увидел идущую метрах в ста и следящую за ним большую собаку. «Откуда она тут взялась?» — подумал он, и на всякий случай взял в руки большую палку. Собака могла быть одичавшей и больной. Однако слева, метрах в трехстах, появилась еще одна; силуэт третьей он увидел напротив. Он остановился. «Так это же волки!» — вдруг пришло ему в голову. — Ничего себе прогулочка!»

Три волка двигались за осинником сбоку и впереди него. Один, самый крупный, ощерясь, стал подвигаться ближе. Игорь ясно увидел его ощеренные большие белые клыки.

Игорь стоял и не двигался. Внутреннее напряжение сковало его внезапно, и так же внезапно нахлынул и страх. Он вспомнил, что в рюкзаке у него нож, и хотел было достать его; также он хотел достать мобильный, чтобы позвонить, позвать других. Но вдруг у него возникла другая мысль, которая скорее была даже ощущением, но не мыслью... Он вдруг вспомнил слова волхва про лес, про гармонию, про жителей леса. Ему вдруг представилось, что если сейчас он наберет номер, если ему на помощь прибегут мужики и волков отгонят, не состоится что-то важное, касающееся только его и только ему необходимое; что нечто важное не произойдет, не случится.

Большой волк стоял метрах в пятидесяти. Он щерился на него, и даже как-то странно гудел, низким длинным рыком. Игорь теперь совсем четко видел его желтые пронзительные глазки... Чего хотел он? Неужели того, что и должен был, по идее, желать волк: наброситься, попытаться нанести рваную рану, добраться до горла, вцепиться в живот? Мог ли волк хотеть чего-либо иного? Но два других волка замерли, стояли там же, где и раньше, не приближались. Игорь вдруг почувствовал, точнее, понял суть их жизни: вот они обитают в этом лесу; у них тут логово, семьи, волчата; они охотятся, кормят своих детей. Его они видят впервые, не знают его; ничего плохого он им не сделал. Но, возможно, делал кто-то другой из людей. Тогда у них может быть повод для злобности, помимо голода и инстинктов... Но отчего-то Игорь не чувствовал какого-то жуткого ужаса опасности; страх был не острый, как бы приглушенный. Может быть, надо, напротив, попытаться найти с ними общий язык; ведь он и они живут рядом, на одной земле. Почему у них непременно должно быть желание лишить жизни того, кто вовсе не относится к привычному для них объекту охоты, не является ни зайцем, ни лосенком, ни кабаном?

Игорь принял внезапное решение: он демонстративно отбросил палку, собрался внутренне; загасил страх и уверенно пошел вперед, прямо на того зверя, что находился

ближе всех. Волк присел на передние лапы, ощерился, зарычал. Два других также двинулись; они пошли в разные стороны, возможно собираясь окружить человека. Игорь шел прямо на волка, и улыбался ему. Тот начал пятиться. Шагах в двадцати Игорь остановился.

— Ну что, брат? Как жизнь? — громко обратился он к нему, и его голос странно, неестественно прозвучал в звуковой пустоте леса. — Неужто ты сожрать меня хочешь, а? Пойми, у тебя это не получится. Я просто разорву вас руками, ножом раздеру всех троих, или сколько вас тут ни есть. Моя жизнь, дружок, стоит дорого! И думать не смей! Просто порву! Давай по-хорошему! Как ты на это смотришь?

Волк тарачил на него свои желтые глаза, глядел на него и все равно ощеривался. Когда же Игорь двинулся прямо на него, он вдруг рванул с места и ушел в бок, направо, за него. Игорь уверенно пошел дальше. Ему вдруг стало весело и легко. Он начал насвистывать. Вдруг перед собой увидел тех двоих волков — они стояли с двух сторон, метрах в пятидесяти. Один щерился и рычал, другой, скорее всего самка, просто стоял и смотрел на него.

— Ну что, ребята, глазеете на меня? — весело спросил он. — Человека, что ли, не видали? Человек я — вот, посмотрите. Русский, кстати, человек.

Он почувствовал движение сзади. Оглянулся резко. Первый волк, самый крупный, был буквально в нескольких шагах. У Игоря снова мелькнула мысль и страх: «Неужели все-таки нападут?» — и он уже хотел достать нож из рюкзака. Но потом решил, что успеет это сделать, если на самом деле нападут. Он лишь поправил рюкзак и, повернувшись, смотрел на большого волка. Но тот не щерился. Он просто стоял и смотрел.

Игорь присел и стал глядеть ему прямо в глаза. И вдруг он почувствовал, ощутил каким-то неведомым чувством, что волк не нападет; что он, наоборот, чего-то хочет; хочет как-то соединиться с человеком, пообщаться с ним; что у него есть в этом потребность, такое желание. Игорю

захотелось что-то сделать... что-то необычное. И тогда он вдруг бросил рюкзак, достал свой айфон, включил свою любимую музыку — старый альбом «Энигмы». Звук пошел не слишком громкий, но вполне слышимый в лесу. Игорь начал ритмично двигаться, танцевать, крутиться, двигая в такт руками; потом и вовсе стал кричать, орать что-то невнятное в такт музыке.

Волки стояли, не двигаясь; самка села. Игорь не обращал на них внимания. Он прыгал, и пел, и кричал, и танцевал.

— А-а-а! А-а-а! — понеслось по лесу.

Два других волка неожиданно подошли ближе, не проявляя никакой агрессии. Игорь потанцевал минут пять, пока не кончилась первая композиция. Затем сел на лежавшую осину, полез в рюкзак, достал два бутерброда.

Он стал есть, медленно пережевывая куски. Волки с интересом следили за ним и не рычали.

— Ну что, мужики? Жрать хотите? Меня жрать не надо! Со мной надо дружить! Давайте дружить, мужики! А?.. Вот, возьмите. Это хорошая буженина! Вам понравится. Очень хорошая буженина!

Пересветов сделал несколько шагов сторону большого волка и положил один бутерброд на траву.

Сам же отошел и стал доедать свой бутерброд, запивая водой из фляги.

Волки не двигались, хотя бутерброд хорошо видели и запах мяса, конечно же, учуяли. Они молча следили за человеком.

Игорь поел, надел рюкзак и двинулся дальше. Он видел, что волки не идут за ним, а чего-то ждут. Он понял, что они ждут, пока он отойдет подальше, чтобы сожрать втихую его сэндвич. При нем, получалось, им было вроде как неудобно, ниже их волчьего достоинства — так надо было это понимать. Понятно, ведь они были не собаки, а вольные жители леса.

Он прошел метров пятьсот. Солнце уже на самом деле переместилось и теперь располагалось почти напротив лица. Он шел правильно. Вдруг он снова уловил движе-

ние где-то рядом. Справа мелькнул один из волков, затем второй. Сзади слева шел третий. Они бежали, не проявляя агрессии. Когда они вышли на открытое пространство, он увидел всех троих. Они бежали параллельным курсом, изредка посматривая на него. Но агрессии в них не было.

— Мужики, все нормально! — крикнул им Игорь. — Будем братьями!

И он запел во всю глотку «Из-за острова на стрежень...»

Он прошел с полкилометра, когда обнаружил, что волки отстали, ушли. Вскоре вдруг на его пути вырос один из жрецов общины, Радосвет.

— Игорь, ты кричал? Ты звал? У тебя все в порядке?

— Да нет, я не кричал, — отвечал Игорь. — Я пел. Русскую народную песню.

— У тебя все нормально? — спросил Радосвет, пристально посмотрев на него.

— Нормально. Все в порядке.

И они пошли дальше уже вместе.

У Никиты же Гремина приключение было иное.

Он шел по лесу, насвистывая, ломая плечами хрупкие ветки сухого березняка, топча тяжелыми ногами полусгнившие тонкие ели, взрывая мокрую весеннюю листву. Не получалось у него никакого соединения с Природой; его одолевали мысли об оставленной на базе в Мещере Татьяне, которую ему очень хотелось увидеть. Также его тревожили его промахи в последней игре. Он трижды мог забить гол Курганову, но дважды промазал мимо ворот, а один раз попал в штангу. Это был обидно, так как ему представилось, что он достиг пика формы, и должен был бить после стольких-то месяцев тренировок только в створ, только точно. Не чувствовал он ни красоты березняка, не интересовало его пение птиц. Однако разного рода забавные дела, творившиеся в лесу, его интересовали. Так, он обнаружил мощную плотину, которую сотворили бобры на небольшой тоненькой речушке, что пересекла его путь. И он долго раз-

глядывал, как мастеровито они подрезали куски осиновых стволов, как их разложили — ровненько, порядком, как надо, предельно эффективно.

Он прошел еще метров шестьсот по вдруг обнаружившейся еле заметной тропке. И вдруг он уловил на себе чей-то взгляд. Это точно был взгляд. Не останавливаясь, он двинулся, желая рассмотреть, кто там: лось, человек или вообще какой-нибудь леший или еще черт знает кто. Ему было это одинаково интересно. Он раздвинул мохнатый лапник двух елей и выбрался на небольшую прогалину, поросшую мелким ельником. И тут же он увидел что-то коричневое за одной из елей. Коричневое, урча, двинулось и вылезло.

Перед ним метрах в тридцати прорисовался большой бурый медведь. Гремин остановился — это было неожиданно. И совершенно неестественно, — ведь медведи очень осторожные животные. Гремин подумал, что его разыгрывают жрецы общины: он не раз видел на YouTube приколы с облачением человека в шкуру медведя.

— Ребята, хватит х... ней заниматься! Вылезай, кто там! Дай примерю шкурку!

Медведь понял, что человек его увидел, и стал мотать головой и реветь. И тогда Гремин вдруг понял, что медведь — настоящий... Медведь, все так же ревя и мотая головой, медленно двинулся навстречу человеку...

Кровь хлынула Никите в голову, сердце гулко забухало в груди. Он не был готов к такой битве; это было неожиданно. Но, для того чтобы прийти в полную боевую готовность, ему понадобилось всего пятнадцать-двадцать секунд. Руки и ноги тут же налились силой, все тело напряглось и спружинилось, кулаки сжались. Гремин теперь хладнокровно оценивал силу животного и быстро прикидывал, что надо будет делать, когда зверь бросится. Он понял, что лапы зверя сильнее его рук, и потому нельзя ему давать облапить себя; нельзя дать ухватить себя зубами или позволить рвать когтями лап. Гремин решил, что будет просто бить зверя по голове своими пудовыми кулаками, разбивая ему череп,

вышибая напрочь глаза, оглушая его; понял, что ногами надо бить ему в живот, в бока, ломая ребра; потом снова кулаками ниже шеи, чтобы сломать позвоночник; что затем надо будет схватить руками пасть и разорвать ее мощным движением рук, свернуть ему голову набок. Он совершенно забыл, что у него в рюкзаке есть нож!

Зверь медленно шел навстречу, мотал головой и ревел.

— «Шатун», — решил Гремин. — Не выпался, гад. Добычу ищет! Сейчас ты получишь добычу. Ну, держись, тварь!»

Медведь был уже двадцати шагах в него. Он припал на передние лапы, словно готовясь к броску; но затем вдруг встал на задние лапы и снова издал мощный хриплый рев, который разнесся далеко по лесу. И лес как будто замер, задрожал, услышав голос самого крупного из своих обитателей, своего хозяина. Но Гремин вдруг неожиданно для себя сам во всю глотку тоже издал страшный, жуткий, хриплый рев! Он и сам не мог знать, каким образом нечто древнее, животное пробудилось в нем и вылезло наружу. Это также был рев мощного и сильного, уверенного в себе зверя. Гремин ревел, раскачиваясь, мотая перед собой кулаками.

Медведь смолк и несколько секунд с удивлением смотрел на него. Он остановился. Потом снова поднялся на задние лапы и тоже заревел, мотая головой, грозно глядя на человека. Рев двух зверей поднял оттуда-то из кустарника стайку небольших птиц, которые, испуганно вереща, унеслись прочь. Тут еще и ветер налетел, всколыхнув листья на берегах.

И вдруг Гремин все понял... Он понял, что медведь и не собирается на него нападать, что у него совсем другое на уме. Каким образом он это понял, он бы не смог объяснить; просто почувствовал, что зверь испытывает к нему интерес и если хочет помериться силой, то не физической. Никита сконцентрировался и нанес медведю сильнейший астральный удар в район уха. Медведь и не шелохнулся; но перестал реветь и, как показалось Гремину, как-то ошарашено

посмотрел на него. Тогда Никита двинулся ему навстречу. Зверь стоял на четырех лапах, смотрел, но не пытался, пригнул голову к передним лапам.

Гремин рассмотрел его вблизи; он вдруг увидел, что, вообще говоря, ему вряд ли удалось бы сладить с таким противником. Он увидел мощные мохнатые лапы с толстыми кривыми когтями, огромную тушу, очень большие острые зубы. «Здоровый, черт! Центнера три, не меньше», — подумал Гремин.

У него возникли сомнения насчет того, сможет ли он вообще сломать такой хребет. Медведь снова поднялся на задние лапы. В нем также было больше двух метров роста. Теперь они стояли друг напротив друга. Гремин улавливал прерывистое, хрипловатое дыхание зверя. Маленькие желтоватые его глаза смотрели внимательно, но не было в них злобы.

— Ну что, брат? Драться будем? — спросил Гремин.

Медведь только рычал в ответ.

— Предлагаю разойтись миром. Мы ведь с тобой хорошие звери, правда же? Человечину не жрем! Так, мохнатый? Или не так?

Гремин нанес зверю еще один мощный астральный удар в район левого уха; тот покачнулся и внезапно задергал головой влево. Потом он вдруг опустился на четыре лапы и сдвинулся влево. Он освобождал дорогу Никите. «Признал, — подумал Гремин. — Признал... Может, дрессированный? Не может быть! Откуда здесь такой? Да нет... Не может быть...»

Но потом странная мысль пришла ему в голову. Он вспомнил намек Велеслава насчет жителей леса... «Неужто... Они специально сделали? Договорились? С медведем? — подумал он. — Но как? Как это возможно? Или все само собой?»

Гремин двинулся дальше. Однако через некоторое время он услышал грузные шаги слева от себя. Большой медведь шел в метрах ста левее, не обращая на него внимания. Медведица, с более светлой, желтоватого окраса шерстью, шла

за ним следом, подталкивая носом совсем еще небольшого медвежонка. Медведица порой поворачивала голову в сторону человека.

«Да ты семейный, брат! — подумал Гремин и улыбнулся.

— Эге-ге-гей! — закричал он, делая отмашку рукой в сторону медвежьего семейства, и гулкое эхо далеко разнеслось по лесу.

Все трое зверей оглянулись на человека, подняли уши. Гремин махал им рукой. Медведи постояли, посмотрели на него, и двинулись дальше.

Так закончилось приключение Никиты Гремина.

К озеру все семеро вышли с разных сторон и в разное время. Собирались все примерно в течение часа. Большие деревянные статуи, а также лежавший у берега большой камень был виден издалека. Там уже горел костер, разожженный пришедшими раньше всех волхвами. Дым стелился низко, уходя частично на озеро; относительное безветрие прерывалось эпизодическим нашествием потоков прохладного воздуха с севера, приносящих иногда даже мелкие капли влаги.

— Ну что, богатырь святорусский? — спросил Гремина Велеслав. — Как прошелся? Как дорога?

— Нормально прошелся, — отвечал Никита. — Другана встретил по дороге.

— Вот как! В лесу, другана? — поинтересовался Радосвет. — Играли в футбол вместе?

— Пока не играли. Но сыграем.

— Как выглядел друган?

— Мохнатый. Крупнее меня.

Игорь Пересветов подошел, услышав, о чем речь.

— Не темни, Ник. Кого встретил?

— Я же сказал — другана.

— Мохнатого?

— Ну да...

К костру подошел и третий из жрецов общины, Ратибор, и спросил:

— Ну и как? Поладили?

— Не сразу. Сразу непонятка была.
— Вот как? То есть сразу ты ему не понравился?
— Он мне. Но потом сладили. Я понял: у него там жена с ребенком. Потому беспокоился.

— Тоже мохнатые?

— Ну да. Какие же еще?

Велеслав спросил также и Игоря.

— А ты, Игорек? Нормально прошел? Никого не встретил?

— Никого. Нормально. Только собачек...

— Каких это собачек? — вскинул брови Радосвет. — Болонок? Пекинесов? Нету тут таких.

— Ну, не болонок... Серых таких.

— И что же? Приручил?

— Бутерброды дал. Они покушали.

Велеслав с Радосветом переглянулись.

— Знаем мы этих собачек... В прошлом году двух ухорей подъели они. Те браконьерничали, водку пили. Самку лося завалили.

Пересветов удивленно смотрел на них.

— Вы хотите сказать... Напали на этих двоих? Реально? Убили?

Радосвет с Велеславом, улыбаясь, смотрели на него.

— Реально, реально, Игорек. И ружья не помогли... Так что ты молодец...

Капище представляло из себя древний насыпной курган, поросший кустарником, в центре которого имелось углубление. На кургане стояли два древних деревянных изображения каких-то славянских богов и одна новая деревянная статуя. Тут же находилось что-то вроде деревянного алтаря. Развели большой костер. Все семеро расселись вокруг него, и Велеслав провел тут обряд. Гремину было присвоено имя Волибор. Игорю Пересветову — имя Лучезар.

Между тем в этот же самый день приключение ожидало еще троих игроков первой команды — Игоря Станишевского, Эдуарда Багрянова и Павла Диденко. На базу

приехал на старенькой «Тойоте» улыбчивый буддист-бурят и сообщил, что с тремя игроками команды хотел бы встретиться настоятель их буддийского монастыря. Андрей Маранов сделал вид, что первый раз слышит о таком приглашении (хотя, разумеется, с ним этот визит был с ним согласован). Он сам отозвал с тренировки трех игроков, и они, озадаченные и удивленные, переоделись и поехали с бурятом.

Ехали они часа два по вполне приличному шоссе. Затем свернули в проселок, миновали какое-то маленькое поселение, после чего поехали уже по совсем плохой грунтовке, углубляясь в обширное каменистое пространство, где поросшие кустарником и мелколесьем холмы чередовались с совершенно голыми каменистыми разломами. В конце концов они остановились в низине между холмов, перед высоким деревянным забором.

Улыбчивый бурят погудел сигналом, а затем предложил парням выйти из машины; из ворот вышел другой бурят в желтом буддийском одеянии и пригласил их внутрь.

Некоторое время он молча вел их по каменистой тропке через небольшой перелесок. Когда перед ними возникли какие-то невысокие скалистые образования, он остановился и будто к чему-то прислушался. Три футболиста прислушались тоже; звуки, похожие на отдаленное рычание, донеслись до них.

— Что-то странное, — заметил Станишевский. — Тут что, собаки?

Монах улыбнулся и сказал:

— Нет, нет! Не собаки! Все хорошо!

А сам словно чего-то ждал, водил головой, то, странно улыбался. Словно кто-то был тут же, среди них, но невидимый. Затем вдруг сказал:

— Мне отойти надо. Вы идите туда, по тропе... там речка. Там вас ждут.

— А куда идти? — удивленно спросил Багрянов. — Где речка?

— Вон, за камнями... идите, вас встретят. Вас ждут.

Он развернулся, пошел в сторону и вскоре скрылся в перелеске.

— Шо такое? — удивился Диденко. — Нэ врубився. Пишлы!

Они двинулись в сторону скалистых образований. Когда дошли до них, оказалось, что тропинка ведет вниз между камней. Узенькая речушка струилась между огромнейшими валунами. Видно, это был какой-то древний разлом: впереди зияла объемная впадина в земле, словно карьер, а вверх вздымались гористые образования, на срезе которых явно просматривались геологические слои. Никого тут не было видно, и никто их не встречал.

— Не пойму я чего-то, — сказал Станишевский, остановившись. — Куда идем? Чего такое придумал Михаил Георгиевич? Зачем идем?

Он стоял спиной к этому распадку. И вдруг увидел, что стоящие перед ним Диденко и Багрянов смотрят куда-то ему за спину, и что у них резко меняется выражение лиц: глаза расширяются, лица вытягиваются. Он быстро оглянулся. К ним по тропе, неторопливо, порывкая, поднимались два крупных тигра... Они шли, и желваки массивных мышц перекатывались под их полосатыми рыжими шкурами.

— Это что такое? — только и смог вымолвить Багрянов, пятясь назад. Диденко же вдруг собрался, наклонил голову вперед к бою; лицо его стало багроветь. — Это чего, Игорек? Это же тигры!

Станишевский размышлял лишь несколько секунд.

— Не трусим! — тут же сказал он. — Это подстроено! Не бежать! отошли на площадку...

Тигры были совсем близко, метрах в двадцати. Один рычал вполне конкретно, раскрывая пасть и ощеривая зубы. Тигры уверенно и спокойно шли на людей.

Парни медленно отошли, спинами назад, метров на десять, на небольшую площадку среди камней.

— Стоим здесь. Лицом к ним! — скомандовал Станишевский.

Почему-то именно он взял на себя роль управляющего ситуацией. Лицо его было бледно... Однако он был уверен, что ситуация разворачивается неслучайно. Интуиция подсказывала ему, что ничего не произойдет; что это какое-то испытание. Однако Багрянов вел себя беспокойно; он озирался и хотел было взять в руки большой камень, который лежал в двух шагах от него.

— Братцы, загрызуть! Яки здоровы! — сказал Диденко. — Робити -то що будемо?

— Камнем по голове надо... Нет вариантов! — отрезал Багрянов, и лицо его побагровело. — Я им так не дамся.

— Не дергаться! — жестко сказал Станишевский. — Это все не просто так. Стоим! Просто стоим!

Тигры подошли совсем близко, остановились метрах в двадцати от них. Тот, который был крупнее, зарычал и присел на передние лапы, будто готовясь к нападению. В этот момент и Станишевского пронзили сомнения. Он перестал верить своей интуиции и также стал оглядываться по сторонам, словно ища орудия защиты. Мысль о том, что произошла какая-то накладка, пронзила его страхом; тут же пришла в голову другая мысль, что втроем они смогут отбиться, если... Но, словно уловив его мысли, зарычал и второй тигр, поменьше; это, скорее всего, была тигрица. А снизу вдруг поднялся на площадку и третий тигр — такой же крупный, как тот, что рычал.

— Заповедник тут, что ли? — проговорил Багрянов. — Откуда они? Что это?

Вдруг он сплюнул, и с силой махнул рукой:

— А-а... Щас разберемся!

Неожиданно для друзей, словно что-то вспомнив, он вдруг двинулся навстречу трем тиграм, как-то зловеще улыбаясь...

— Эдик, ты куда? — прохрипел Станишевский. — Куда?! Стой!!!

Но Багрянов уже уверенно шел навстречу трем полосатым большим кошкам... Потом он рассказывал, что словно кураж какой-то поймал. У него случился приступ чисто

русского ухарства, или дури. Эдик Багрянов, пять лет назад отслуживший в десантных войсках, был человек рискованный, склонный к игре в русскую рулетку. Ему вдруг стало весело; ему захотелось поиграть с судьбой, посмотреть, что из всего этого выйдет...

Он подошел к тиграм близко, метра на три; два крупных зарычали, вытягивая шеи, заметались вокруг лежащей тигрицы. Багрянов встал напротив них и командным тоном обратился к тиграм:

— Парни, спокойно!!! Это десантные войска! Тихо сидеть! Спокойно!

И далее произошло нечто неожиданное: два тигра пометались еще немного и вдруг успокоились, уселись рядом с тигрицей напротив Багрянова. Один вообще лег. Самец начал, как ни в чем не бывало, облизывать шею тигрицы. Та заурчала.

Станишевский и Диденко с удивлением наблюдали эту сцену. Станишевский вдруг понял, что надо делать.

— Иди спокойно и уверенно, Павло, — сказал он Диденко. — Расположись к зверям внутренне. Главное, чтобы в душе не было страха. Совсем не было.

— Полосатый рэйс у нас, — отозвался Диденко. — Ну Эдик и выдал!

Они не очень медленно и не слишком быстро подошли к Багрянову и сели с ним рядом на камни. Тигры, настрожившись вначале, вскочили, но затем снова сели. Так люди и звери и сидели друг напротив друга некоторое время.

— Ну что, ребята? — спросил тигров Багрянов. — Как жизнь? Откуда вы тут взялись? Это же Алтай, а не тайга.

Один из тигров порывивал; другой позевывал; тигрица, как можно было подумать, улыбалась, открывая большую розовую пасть.

Снизу вдруг поднялись на площадку два монаха в желтом. Они улыбнулись, приветственно кивнули игрокам. Два тигра вскочили и бросились им навстречу. Один встал во

весь рост на задние лапы, взгромоздился на невысокого монаха. Тот стал хватать его за ухо, за хвост, возиться с ним. Другой вообще стал изображать, что дерется с тигром. Тигрица мирно лежала, тихо порывивая.

Подошли еще два монаха.

— Ну что, парни? — спросил один из них, высокий, в красном одеянии. — Нашли общий язык? Все нормально?

— Нормально! — как ни в чем не бывало ответил Багрянов. — Десант с нормальными парнями всегда поладит... Кроме тех, что в него стреляют.

— Вы молодцы, — улыбнулся монах. — Хорошо, что не испугались. Бояться не надо. Звери хорошие. Добрые. Это наши друзья...

— Подойди к Готфриду. Познакомься, — предложил Станишевскому другой монах. — Не надо бояться. Это друзья.

Станишевский подошел совсем близко к крупному самцу, который игрался с монахом в желтом. Тигр отошел от монаха и подошел к Игорю; тот вдруг прямо перед собой увидел чайного цвета прозрачные глаза матерого хищника, встретился с ним взглядом. Игорь понял, что надо сбросить панцирь скованности и быть спокойным.

— Красавец! Дай лапу! — сказал он.

Тигр спокойно прошел мимо него, задевая его жесткой шерстью. Затем он подошел к Диденко, который вообще сидел на корточках и улыбался, был теперь совершенно спокоен.

— Иди, любий, иди, сказал Диденко, протягивая руку к холке тигра. — Дай мені побачити тебе.

Но тот рыкнул и важно прошел мимо, чуть задевая его боком.

— Как это вы их так адресировали? — спросил Станишевский монаха в красном.

— Дрессировали? — удивился тот и засмеялся. — Ты сказал, дрессировали?

Остальные монахи тоже засмеялись.

— Нет! — отвечал высокий. — Нет! Тут другое... Мы просто нашли общий язык. Мы понимаем друг друга.

— Парни, пойдёмте чай пить, — предложил другой лама. — Наш настоятель ждёт вас.

— Матильда, ать! Вперед! — скомандовал высокий.

Лежавшая тигрица лениво поднялась на четыре лапы.

Тигры и люди двинулись вниз по тропе, вившейся вдоль этой полуречки-полуручья. Тигры залезали в воду, бежали, поднимая брызги, резвились. Они вели себя почти как собаки.

Вскоре все трое футболистов уже находились у небольшой буддийской пагоды, срубленной из крупного дерева и окрашенной в коричневый цвет. Всюду виднелись традиционные буддийские флажки, растяжки и украшения. На огромных черных валунах были высечены изречения Будды. Вдали слышалось низкочастотное хоровое гудение лам, знакомое парням по фильмам.

Ламы увели тигров куда-то за скалу. Высокий лама в красном повел русских футболистов внутрь пагоды. Перед входом он попросил их снять обувь, и внутрь они зашли уже босиком.

Настоятель оказался далеко не старым, со свежим, без морщин, лицом, улыбчивым человеком. Облачен он был в красное одеяние, а на голове его сидел красный колпак. Он приветствовал парней традиционным буддийским приветствием, наклоняясь вперед и складывая ладони домиком на груди. Затем все же пожал им руки по-мужски.

— Хорошо, что вы не боялись, — сказал он. — Вы воины; воин не должен никого бояться. Даже когда опасно... Вы хорошие воины. Мы проверили вас.

Футболисты молча улыбались, удивляясь самим себе. Они теперь сами не могли объяснить себе, почему вели себя таким образом.

— Воин должен быть уверен в том, что он воин, — сказал настоятель. — Многие на войне думают, что они воины. Но потом уверяются, что это не так. Настоящих воинов всегда немного.

— А если бы тигры нас... ну... — начал было Станишевский, но осекся.

— Наши животные — они часть нас, — отвечал настоятель. — Если у нас нет в ходу мыслей о плохом, плохое произойти и не может.

— Скажите, а вас ведь попросили нас проверить? На трусость? Наш тренер? — спросил Станишевский.

— Нет, — отвечал настоятель. — Не тренер. А Мастер, который вас опекает.

Станишевский кивнул:

— Михаил Георгиевич? Я так и думал...

— Он ни о чем не просил, — продолжал настоятель. — Он только сказал, что парням надо показать энергию Марса.

— Как Марса? — удивился Багрянов. — Почему Марса?

— Энергия Марса — это энергия воинов, — продолжал настоятель. — Хищные звери имеют много такой энергии. Обуздавший энергию Марса в себе получает ключи от победы в войне.

Парни молчали, не вполне понимая настоятеля.

— Когда окажетесь в битве, вспомните тигров. Они не знают страха. Они только могут честно уступить. Сильнейшему...

Разговор с настоятелем под монотонное гудение хора лам, под звяканье колокольчиков на ветру длился почти два часа. Услужливые молодые ламы принесли чай, сушеный изюм, цукаты и орехи.

Настоятель тихим голосом расспрашивал футболистов о том, что они думают по поводу смысла своей жизни на земле, как понимают смерть, что подразумевают под любовью; верят ли в бессмертие души... На вопросы отвечал спокойно и неторопливо. На вопрос Станишевского, почему он уверен, что реинкарнация существует, настоятель ответил таким образом. Он подозвал к себе собаку, которая лежала у входа, и стал гладить ее.

— В каждом малом есть желание стать большим. Откуда взялось такое желание? Разве это не мановение Того,

Кто все продумывает и все создает? И раз в малом есть такое желание, разве это не говорит о том, что желание может быть осуществлено? Наличие желания всегда говорит о возможности его осуществления... Но, чтобы малое стало большим, оно должно накопить в себе такую возможность. Сложное из простого не формируется сразу. То, что составляет сердцевину сущности, должно постоянно перемещаться с одного уровня на другой. Оболочки — это лишь форма, в которую облекается существо. Потому ваши оболочки есть лишь ваша одежда. То же, что составляет вашу сущность, обречено непрестанно менять оболочки. И так будет всегда... Вы видели омут, вы видели вихрь торнадо. Все процессы идут по спирали. Так устроен мир.

Парни вернулись на базу поздно вечером, молчаливые, задумчивые. Их отвез все тот же улыбочивый монах на «Тойоте».

Впоследствии в монастыре побывали еще восемь игроков команды Андрея Маранова. В течение месяца, который длилось пребывание команды на алтайской базе, игроки сдружились с парой тигров Матильда — Готфрид и сами под присмотром монахов подолгу гуляли с ними по окрестностям, как с собаками. Особенно подружились с тиграми Никита Гремин и Нестор Вибергасов. Они порой устраивали с тиграми нешуточную силовую игру, нередко заваливая их на спину, чего тигры, в принципе, не очень любили, но терпели, иногда издавая недовольное рычание. Монахи не на шутку тревожились и просили Гремина и Вибергасова «не будить в звере зверя».

Нестор Вибергасов однажды на предматчевой планерке сделал неожиданное предложение — привезти пару тигров на базу в Перекатную, чтобы они держали ребят в боевом тоне и вообще добавляли жизни на базе новые краски и тонус. А для ухода за животными пригласить одного или двух монахов. Маранов вначале удивился, но, подумав, пришел к выводу, что это неплохая идея.

— Конечно, тигры — это подходящие звери. Но как бы они кого не загрызли... Ведь были случаи, когда они

теряют контроль над собой и убивают людей. Настоятель монастыря идею поддержал и уверил тренера, что все будет хорошо.

— Лама Бахыт поедет с вами, — сказал он. — Бахыт, как никто, понимает тигров... Они уважают его. Все будет хорошо.

Разрешение настоятеля было получено. Когда конвой из пяти фур отправлялся в обратную дорогу, из фургона последней машины периодически доносился приглушенный глухой рев могучих таежных зверей.

ГЛАВА 44

Грандиозная футбольная эпопея стремительно приближалась. Оставался месяц до начала чемпионата мира в Аргентине. По центральным каналам российского телевидения крутили ролик с презентацией чемпионата. Игривый гаучо прыгал с мячом и по зеленой лужайке, наносил удар, и мяч взлетал, опоясывая землю, пролетая через Космос; а Млечный Путь превращался в сетку ворот.

Российские спортивные комментаторы постоянно подогревали и без того невероятный, жгучий интерес к новой сборной, которая, как во времена Валерия Лобановского, была составлена из игроков одной-единственной команды. После товарищеского матча со сборной Дании, который команда России без особого напряжения, но с небольшим счетом 3:1 выиграла, ажиотаж нисколько не утих, а только возрос.

Эту игру проводил опять второй состав, но это было известно только вовлеченным в проект людям. Для остальных это просто были вариации, поиск тренером лучшего сочетания игроков. В воротах не было поразившего всех своим дарованием вратаря Мушарапова. Не было Багрянова и Пересветова. И все же команда, капитаном которой был все тот же Нестор Вибергасов, играла быстро, уверенно и мощно, и ни у кого ни в один из моментов игры не возникал вопрос о том, кто в этом матче выиграет. Отнюдь не

слабая по европейским меркам команда Дании, имевшая в составе двух игроков мирового класса, только полчаса смогла на равных бороться с командой Маранова. Если в первом тайме датчане и проводили атаки и даже забили со штрафного красивый гол в ворота Дениса Курганова, то во втором они попали под пресс непрерывных атак команды России. Дважды Бухаров и один раз Рославцев поразили их ворота, и могли забить еще. Специалисты отмечали характерный для команды Маранова эксклюзивный стиль: играть, стараясь не опускать мяч на землю, быстро перебрасывая его верхом с края на край. Была отмечена высокая, бразильского уровня техника владения мячом, точность завершающих ударов, малое количество игрового брака, желание футболистов все время работать с предельной выкладкой сил. Хотя один из умных аналитиков подметил, написав: *«Определить, где у этих игроков предел сил, не представляется возможным; порой кажется, что они могут бегать в таком же бешеном режиме еще 90 минут безо всяких проблем»*. Вся страна наблюдала за этой игрой, и снова все убедились, что триумф в Германии не был случайностью. Наконец-то Россия видела, что честь страны отстаивает действительно классная, мирового уровня команда, играющая тотально, с желанием только побеждать.

Журналисты ловили и обсасывали любую информацию о команде. Фамилия Маранов была теперь настолько на слуху, что только далекие от спорта люди не знали ее. Фамилии Рославцев, Бухаров, Пересветов, Вибергасов, Мушарапов также постоянно звучали в эфире. В Татарстане неоднократно демонстрировалось интервью игрока казанского «Рубина», который рассказывал о фантастической игре Вахита Мушарапова в игре с их командой; о двух забытых пенальти; о том, что они слышали разговор центрального защитника Гремина с вратарем, где защитник укорял вратаря за непробиваемость.

Сам тот факт, что какой-то клуб осмелился играть в поддавки с их кумиром, любимой командой Татарста-

на, вызывал удивление и множил слухи. В интервью было рассказано практически обо всех игроках первого состава: гиганте, обладающем страшным разящим ударом; о хитроумных полузащитниках Станишевском и Приданцеве, которые играли роль диспетчеров; о стремительных крайних нападающих Раскатове и Диденко, способных вместе с универсальной звездой Пересветовым рассекать любую оборону.

Татарстан готовился болеть за своего кумира. Короткое интервью, которое дал местному телевидению Вахит Мушарапов, смотрела вся республика. Оно вызвало миллионы просмотров в сети. Вахит сказал пару любопытных для публики вещей. Во-первых, он заявил, что их команда будет бороться не за выход в полуфинал, не за бронзу, а только за золото; что класс команды и ее настрой дает для этого основания. На вопрос, по какой методике готовилась команда, Мушарапов отвечал крайне уклончиво, сказав, что использовались методики, которые еще никто и никогда не применял; что это связано с прогрессивным сознанием и широким интеллектом главного тренера. На вопрос, почему он не играл в матче с Данией, Мушарапов ответил: «Надо было дать поиграть Денису Курганову. У него очень небольшая игровая практика...» Одна загадочная фраза Вахита Мушарапова особенно заинтересовала аналитиков: на вопрос, кого он видит главным соперником на чемпионате, он ответил: «Там будут все гранды мирового футбола, они все наши главные соперники. Но будет одна команда, которой мы опасаемся особо... Этот чемпионат войдет в историю как чемпионат сюрпризов. Я это чувствую, я в этом уверен... Там будет происходить то, что никогда и нигде не происходило...»

Интервью Мушарапова было для аналитиков даже более интересно, чем короткие интервью самого Андрея Маранова, которые он дважды давал первому каналу ТВ России. Маранов был предельно уклончив, говорил, что команда будет применять разнообразную тактику; что состав на данный момент в целом сбалансирован, но не в такой сте-

пени, в какой хотелось бы; что времени на необходимую, адекватную задачам подготовку, к сожалению, не хватило... «Будем играть с листа, — сказал в интервью Маранов. — Наше дело — показать красивый футбол, чтобы россияне были удовлетворены игрой команды, чтобы не огорчить их, как огорчали их футболисты в течение десятилетий. Народ устал от бесконечных провалов как до ЧМ-2018 в России, так на нем самом и после. Я верю, что наш футбол выйдет на другой уровень, что мы более не будем сидеть на задворках мирового футбола. Мы рассматриваем чемпионаты мира как ристалище, как место, где идет самоопределение наций; где они могут продемонстрировать, какой силы дух в них живет...» На вопрос о том, есть ли у Маранова претензии и обиды по отношению к футбольному руководству страны, которое в свое время заблокировало его тренерскую карьеру, он отвечал так:

— Время стирает обиды. Мне жаль потерянных лет, когда я жил без футбола. Но я верю в Высшие Начала, которые дали мне возможность вернуться. Мне дали шанс доказать справедливость моих взглядов на футбол. Удастся ли моей команде проявить себя на чемпионате по большому счету, будет видно. Но я удовлетворен в целом той работой, которую мы вели в течение полутора лет. Мы рассчитываем на яркое, успешное выступление.

На вопрос о том, почему в товарищеском матче со сборной Дании опять играл второй состав, Маранов ответил уклончиво: «Все эти разговоры о двух составах... они основаны по преимуществу на домыслах. Да, я варьирую состав; но у меня есть лишь определенный набор сильных игроков; я ищу лучшие варианты расстановки. Есть еще такая вещь, как травмы и болезни. Не всегда удается вывести на игру тот состав, который хотелось бы...»

Последняя фраза несколько разочаровала болельщиков, которым очень нравилась интрига с таинственным первым составом. Однако некоторые аналитики резонно заметили: «Маранов темнит, и он прав. Он не хочет сдавать козыри. Всем уже ясно после анализа фактов, что у него есть два

состава. Он упрямо прячет первый состав, не желая его светить. Он хочет выставить на главные матчи людей, которых никто не видел, и тут его стратегию нельзя не признать дальновидной...»

Футбольные специалисты, аналитики непрерывно делали прогнозы на ход и результаты грядущего чемпионата. Все они отмечали, что Бразилия после восьми лет невзрачной игры наконец-то выставит на этом чемпионате великолепную команду, которая разгромила всех на Панамериканских Играх. Много писали о молодом форварде Жеко, которого называли новым Пеле. Он забил девять мячей на Панамериканских играх, показывал великолепную игру и являлся главной надеждой бразильцев. Отмечалось, что сильные сборные имеют Испания, Аргентина, Италия и Англия. Неожиданно сильную сборную может выставить и Китай. В отборочных играх китайцы переиграли сильные команды Голландии, Бельгии, Перу и также могли преподнести неожиданности на чемпионате.

Очень много писалось и говорилось также и о команде США. Отмечалось, что появление в ее составе целого ряда никому ранее неизвестных, мощных, неутомимых и техничных игроков делает эту команду «командой X», способной преподнести неожиданности. Все это в совокупности делало интригу чемпионата просто фантастически непредсказуемой. Комментаторы отмечали, что впервые в своей истории Соединенные Штаты имеют команду, которая способна не просто успешно выступить, а готова бороться за обладание Золотой Богиней. Однако при этом все делали ремарку: если американцы будут играть так же грубо, как в товарищеских играх, их могут дисквалифицировать.

Таким образом, задолго до чемпионата мира возникал небывалый ажиотаж, и политики всех уровней стремились его использовать в своих целях. Молодой президент США Джеральд Макграфт в интервью и публичных выступлениях также говорил о футбольной команде, равно как и президент России Гордин. Миллионы просмотров в сети собрал ролик с репортажем о посещении Гординым

раздевалки игроков сборной после ее успешной игры с командой Дании. «Ребята, не подведите! — обратился к ним президент. — Вся страна надеется, что вы подарите ей радость крупных побед». Однако комментаторы заметили, что игроки команды были то ли равнодушны, то ли излишне сдержанны во время визита президента; в их взглядах, в словах не было никакого пиетета; скорее некоторая отстраненность. Таким же индифферентным и сдержанным выглядел и тренер Маранов, который вовсе не сиял, стоя рядом с президентом; он молча наблюдал встречу и не проронил во время нее ни слова.

ГЛАВА 45

Сергей Падин теперь постоянно ощущал какое-то необычное напряжение. Чем меньше оставалось дней до начала чемпионата, тем он острее это напряжение чувствовал. Оно явно было связано не только с тем, что за ним следили, что его перемещения и разговоры теперь постоянно контролировали какие-то спецслужбы — и похоже, не одной какой-либо стороны. Он ощущал, что растет давление на уровне более тонком, глубинном. Это напряжение особенно проявлялось ближе к ночи, когда он ложился в кровать в своем кабинете и старался уснуть, используя все знакомые ему техники релаксации. Когда к нему в комнату приходила в одних трусиках, с распущенными темными волосами жена, он не всегда мог настроиться на общение с ней; как-то отстраненно реагировал, и она, неудовлетворенная, уходила от него, бросая резкие колючие фразы типа: «Если я тебе больше не нужна, ты так скажи... Я одна не останусь, так и знай». Или даже такие: «Если ты себе кого-то уже завел, то учти — цепляться за твои деньги я не буду. Исчезну с ребенком, только ты меня и видел... Я не из тех болонок, которых держат под боком для удобства...», и так далее.

Непонятное напряжение входило в его существо также и через многослойные, многосложные сны с дрянной

ся, закрученной, но абсурдно-логичной интригой. Эти сны напоминали компьютерные игры, где он после сложных комбинаций, загнанный в какое-то замкнутое пространство, оказывался на грани гибели. Его постоянно обкладывали со всех сторон, как голодного волка. Он подолгу размышлял, стремясь понять, кто вышел на его след, почему его персону вызывает такой повышенный интерес. Ему казалось, что его кто-то всерьез опасается и что этот кто-то, с одной стороны, мог быть президентом Гординым; но мог быть и таинственным противником, который, скорее всего, и был тем, кто задумал и отравил команду перед матчем с Германией. И этого кого-то Падин опасался не меньше, чем Гордина. Он вкладывал просто астрономически суммы, предпринимая все новые шаги для защиты от информационных вторжений, от покушений на его жизнь, как и на жизнь близких, или же просто связанных с ним людей.

Его крайне беспокоила проблема, которая возникла после подачи документов для регистрации российской команды для участия в чемпионате мира. Сразу несколько инстанций вдруг начали неожиданно ставить препоны на пути прохождения команды. Разворачивалась кампания, подобная той, которую скрытые недруги России раскручивали в 2016-м году перед Олимпиадой в Рио-де-Жанейро. Тогда ненависть этих тайных врагов к Путину и его независимой политике достигла апогея, они тоннами вбрасывали в СМИ дезинформацию, вкладывали в эту кампанию сотни миллионов долларов. Но Путин и тогда устоял...

И вот теперь начиналось что-то подобное. Получалось, что они хотели свалить Гордина, но это было нелогично. Падин и его единомышленники прекрасно видели по документам, что мировая закулиса должна бы желать оставить на посту президента именно Гордина. Тогда кто разворачивал кампанию? Падин, сопоставляя все нюансы, анализируя информацию, начинал предполагать самое странное и скверное: что кто-то вышел на его след и что работу разворачивают именно против него. «Неужели команду травя-

нули опять же из-за меня? — размышлял он. — Но почему тогда покушение организовали на Верховского, а не на меня? Непонятно! При чем тут Верховский?»

Падин снова и снова анализировал последние сведения по линии ФИФА. Ее проверочные инстанции заинтересовались тем, что игроки новой команды не состояли в клубах премьер-лиги, что они взялись вроде как ниоткуда. Эти инстанции стали делать все новые и новые запросы, связанные с игроками. Всплыли данные о судебном преследовании гражданина РФ Никиты Федоровича Гремина; об арестах другого гражданина РФ, Нестора Пантелеевича Вибергасова, имевших место в прошлом. Неизвестные агенты просто шли по следу, и цель была ясна: заблокировать команду, не дать ей добраться до чемпионата. Все это выглядело опасно, скверно, неприятно. Падин прекрасно знал, что такое европейская бюрократическая машина. Раз кто-то ее запустил, она будет крутиться, пока до чего-то не докрутится. Перед ним также стала проясняться во всей своей масштабности сила и власть букмекерского мира. Ранее он не верил в то, что ФИФА почти полностью подотчетна и подконтрольна ему. Однако теперь он убеждался именно в этом. Снова над всем проектом нависала серьезная, тяжелая угроза...

Президент Гордин также был весьма встревожен затягиванием процедуры регистрации команды. Он громко заявил, что препоны, которые ставит ФИФА, говорят о политической ангажированности этой организации, и что в случае продолжения интриг он предпримет некие «определенные жесткие меры как в отношении этой организации, так и конкретных людей, которые участвуют в кампании...»

Сергей Падин по своим каналам также активно стремился повлиять на ситуацию; таким образом, тут они с Гординым становились партнерами, хотя сам Гордин об этом, естественно, не знал.

И все же, благодаря активной работе, агентам разведслужбы Сергея Падина удалось увидеть контуры про-

водимой тайными службами США операции, и начать свою. Агенты Падина выявили нескольких человек, ранее никому не известных, которые периодически контактировали с сотрудниками регистрационного и других подразделений ФИФА. Именно эти три человека были особенно активны в кампании по блокировке команды России. Нити поиска повели к ряду явно промежуточных европейских и американских организаций, зарегистрированных как некие трастовые компании и благотворительные фонды. Эти организации, как выяснилось, относились к некоему таинственному, глубоко законспирированному сообществу, которое не раз уже проводило массированные кампании против России. В сообщество входили чрезвычайно богатые и состоятельные члены нескольких наиболее богатых семейств мира.

После того как были выявлены агенты, через которых на сотрудников ФИФА шло давление, Падин дал указание провести сначала превентивные мероприятия. Машины этих агентов были — в отсутствие владельцев — подорваны прямо возле их квартир в Осло и Тулузе. Взрывы приписали арабским террористам; они не остановили агентов, хотя на время те исчезли из поля зрения разведки Падина. Однако признаков прекращения кампании по блокировке команды России не появилось.

Вскоре один из агентов Падина добыл исчерпывающие данные об одном из ключевых сотрудников регистрационной службы ФИФА, который держал в руках все нити интриги заговора, вел основную игру. На него их вывел Павел Ануров — Падин был очень признателен ему за эту небезопасную работу.

До конца регистрационного периода оставалось совсем немного времени — чуть больше двух недель. Гордин своими грозными заявлениями ничего добиться не смог, и было ясно, что и не добьется — его просто игнорировали. Ануров сообщил тревожную вещь: ряд сотрудников федерации поднимает вопрос об отправке на чемпионат мира старой сборной, с тем же тренером. Возникла очень

напряженная, давящая на нервы, драматическая ситуация. Игроков постарались было от этой информации отдалить, чтобы не охлаждать их рвения, но этого не получилось: они постоянно вечером сидели в интернете и обо всем узнали. На базе также возникла атмосфера напряженного ожидания. В этих условиях Падин решил собрать всех заинтересованных в успехе его предвыборной кампании людей, обсудить возникшую ситуацию и принять какие-то решения.

Звонарев, Юдин, Ануров, Комм, братья Тапатадзе и другие впервые познакомились с Михаилом Георгиевичем Берестовым, которого Падин представил как философа, оккультиста и основного идеолога его избирательной кампании.

Сергей Падин сообщил информацию, полученную от его разведслужбы, и шагах, которые были предприняты. Все выслушали сообщение с предельным вниманием. Неожиданно Виталий Юдин сказал, что также может дать информацию по данной теме, так как негласно сам следил за этой интригой.

— У меня есть исчерпывающие сведения по линии ГБ. То, что за кампанией по блокировке команды стоят американцы, правда; то, что тайная организация, тоже правда. Но я могу точно назвать ее: это ряд тайных лож Братства Обновления Мира. Мы давно отслеживаем их деятельность. Их главная резиденция находится в США, в штате Майами. Есть резиденции и в Европе, и в Штатах. Это агрессивная и консервативная часть так называемой мировой элиты. Часть лож — это те, кто недавно отошли от иллюминатов, в силу внутренних разногласий. Обычно президентов США ставили именно иллюминаты. Братство Обновления хочет поставить своего. Цель все та же: сто миллионов избранных управляют миром. Все остальные — рабы на плантациях, подключенные через чипы к мировой системе управления.

Мы подозреваем, что и у тех, и других есть прямой контакт с инопланетниками — цивилизацией серых, о кото-

рых мы, понятно, давно знаем и с которыми идет борьба на всех уровнях. Это все очень серьезно. Понятно, народу всей правды не говорят, чтобы его не тревожить, и возможно, это правильно. Очень вероятно, что «серые» уже давно дают им свои технологии. По нашим сведениям, в последние годы «серые» дали им новые технологии клонирования людей. Мы опасаемся, что в ближайшее время могут появиться клоны нового уровня, которые мало чем внешне отличаются от людей, но подчиняются исключительно командам компьютерной системы.

На этих словах Юдина Сергей Падин и Михаил Берестов многозначительно переглянулись. Юдин между тем продолжал:

— Братство Обновления имеет разветвленную структуру; несколько крупнейших ТНК находятся под их контролем. Агентура немногочисленная, но профессиональная и хорошо оснащена технически. Финансируется хорошо, оборудование высшего уровня. Подтверждаются сведения, что обновленцы уже начинают использовать полулюдей-полуроботов, то есть киборгов. Они начали внедрять их в государственные органы разных стран.

Таким образом, закулиса хочет получить для начала доступ к нужной информации. Есть сведения, что киборги синхронизированы с какими-то новыми устройствами особой природы, которые созданы совсем недавно. С их помощью можно считывать любую информацию с любых банков данных, просто находясь рядом с компьютером или диском. Так вот, по нашим сведениям, люди, непосредственно встречающиеся с сотрудниками регистрационной службы ФИФА, работают на это Братство. Сильная русская команда им не нужна, судя по всему, и вот почему. Они опасаются, что за командой стоит сильный политик. Они подозревали Верховского; потому сначала их агенты устроили отравление команды, а затем попытались даже убрать Верховского. Ему, вы знаете, повезло: в машине, в которую они стреляли, его не было. Не исключаю, что они могли что-то разузнать про связь команды Маранова с вами, Сергей Валерьевич.

Этого никак нельзя исключить. Нам надо отрезать щупальца, которые эта публика тянет к футболу. Они могут нам все поломать.

Ануров дополнил информацию Юдина, сообщив, что его люди в ФИФА подтверждают: всю работу по блокировке русской команды ведут три человека: один из помощников руководителя ФИФА, один сотрудник службы регистрации и один рядовой технической работник. Отстранить их, как-то связать деятельность не удастся: они ничего не боятся; они служат конкретным силам, и с этим ничего не поделаться.

— Что же все-таки делать? — выслушав всех, спросил Падин. — Надо делать что-то решительное, иначе — все... Нас завалят...

— Вот именно, Сергей Валерьевич, — кивнул Юдин. — Именно решительное. Такие проблемы решаются только радикальными средствами, и никак иначе. Я считаю, что этих трех сотрудников ФИФА надо просто убрать... Ликвидировать. Пусть интригуют на том свете — если получится. Другого варианта я не вижу.

— То есть... Убить? — спросил Падин.

Юдин кивнул.

— Другого выхода нет... Тогда те, кто им прислуживает на низовых уровнях, сразу же отскочат. Они побоятся нам мешать, потому что не будут знать, кто задействован в операции. Братство Обновления само боится интриг иллюминатов, у которых сохранились большие возможности. Тут запутанная совершенно ситуация. Страх смерти срывает... Нет иного выхода, поверьте. Проверено.

Падин понимал, что Юдин не раз устраивал в своей жизни такого рода операции, и предлагаемый вариант, возможно, является единственно эффективным. Но принять такое решение ему было непросто. Он вопросительно поглядел на Берестова.

— А вы что на этот счет думаете, Михаил Георгиевич? — спросил он.

Берестов начал издаലെка:

— Мы должны понимать, что живем в мире дуальностей. То есть противоречий. На этой планете рядом живут те, кто работает на темных. Тут есть те, кто разрушает, и те, кто созидает. Мы хотим здесь построить общество гармонии, в котором бы все народы дружно жили и процветали; чтобы они развивались, продвигались духовно, культурно и так далее. Темные же хотят тут сделать рай для избранных, а всех остальных загнать в резервацию, заставить их себе прислуживать. Коренная ошибка идеологов эти тайных обществ заключается в следующем. Они полагают, будто есть монады (то есть души) первого, второго и третьего сорта. У них ошибочные мировоззренческие позиции. В этом их ошибка! Есть законы Космоса, которые никто не в силах изменить. Те Высшие Силы, что создавали тут цивилизацию людей, делали все для того, чтобы пространство для развития имела каждая монада. Каждая, понимаете? Чтобы созидатели эволюционно продвигались быстрее разрушителей и так называемых равнодушных. Потому и сказано в книге: «если ты ни тепл, ни горяч, не войдешь в Царствие Небесное...» Это совершенно верная констатация. Темные руют эти законы. Они делают мир под себя, игнорируя интересы большинства.

— О, господин Берестов! — покачал головой Звонарев. — Как же вы издалека загребаете...

— Я думаю, что наши противники, — продолжал Берестов, — прекрасно поняли, что за командой Маранова стоит политик и что этот политик — не Гордин. То есть не тот человек, который им угоден, который начал дрейфовать в их сторону. Они хотят видеть президентом именно Гордина. Им не нужен непредсказуемый президент. История с Владимиром Путиным их не на шутку напугала. То, что накуролесил за восемь лет Неистовый Рыжий, им просто поперек горла. Люди Трампа их загнали на периферию по влиянию, обрушили всю стратегию. Они хотят реванша, большого реванша.

Я подозреваю, что они нашли след Сергея Валерьевича в истории с командой. Именно они устроили отравление

команды. Именно они теперь блокируют ее выход на чемпионат. Они всегда использовали и используют грязные технологии, поскольку для них не существует нравственных законов.

Я считаю вполне позволительной практику преждевременного развоплощения тех монад, которые находятся вне морального поля...

Речь Берестова произвела впечатление на всех. В итоге предложение Юдина в итоге было поддержано.

Вскоре операция была проведена. Руководивший кампанией по блокировке русской команды сотрудник ФИФА был умерщвлен во время посещения супермаркета. Один из агентов Юдина, как бы случайно проходя мимо этого человека, незаметно воткнул маленькую иглу ему в бедро. Через минуту после укола человек, потеряв сознание, упал, а еще через три минуты скончался. Два других сотрудника, крутившиеся вокруг истории с регистрацией сборной России, получили угрожающие сообщения на электронную почту и телефоны.

То, что радикальное средство Юдина подействовало, стало ясно сразу. Звонки из ФИФА в федерацию футбола России моментально прекратились. Неправомерные запросы, усиливавшие проволочки с регистрацией, вскоре были отозваны. Получив угрозы, уволился еще один сотрудник этой службы, в отношении которого имелись подозрения. Эти люди поняли, что никто их защитить не в состоянии; они тут же вышли из игры, игнорируя выгодные денежные предложения.

В одном из ресторанов Лозанны произошло столкновение двух агентов: юдинского и неизвестного англоговорящего; тот было направил авторучку-пистолет, намереваясь выстрелить. В возникшей скоротечной драке опытный юдинский агент нанес противнику тяжелые увечья и сумел быстро исчезнуть, оставив противника лежащим на полу в луже крови, с вывихнутой шеей... Тот умер в клинике, не приходя в сознание.

Новые запросы из ФИФА на футболистов команды Маранова поступать перестали. Через некоторое время заявка на регистрацию команды на чемпионате мира была удовлетворена.

Сергей Падин вздохнул с облегчением. Да, ему было неприятно его соучастие в убийстве, но он понимал, что на самом деле идет война. А на войне смерть — неизбежная ее составляющая.

Он понимал, что ликвидировал очень серьезную опасность и что теперь вся задуманная им комбинация будет двигаться к развязке. Он выходил на финишную прямую, но осознавал, что теперь сам будет постоянно находиться под угрозой ликвидации: сила, которая противостояла ему, не простит жесткого ответа. Но это уже не устрашало его, не вводило в сплин и депрессию. В нем пробуждался активный воинский дух. «Ну что же, ребята, — думал он, лежа ночью в своей кровати. — Игра принимает жесткий оборот; но не по моей вине. Вы сами задали такой стиль игре. Теперь мы на поле. Посмотрим, чья возьмет. Вы хотите хозяйничать на планете. А я вам обрублю ваши шаловливые ручонки, чтобы вы знали свое место. На каждый ваш вызов мы ответим немедленно. Игра только начинается, ребята. Так что поглядим, чья возьмет...»

У него стали возникать состояния, близкие к тем, что он испытывал перед боями на ринге в далекой молодости. Это был и подъем, и тревога, и кураж. Боец снова начинал просыпаться в нем; азарт предстоящего поединка почти пьянил его. Он шел на работу, как на ринг, и выполнял немалый объем работы каждый день. Вся его машина — экономическая, политическая, финансовая — пронизывалась его бешеной, будоражащей всех энергией. Котировки его компаний пошли вверх. Он получил ряд серьезных предложений, которые должны были дать ему возможность резко расширить его бизнес-горизонты, выйти на уровень крупной мировой ТНК. Жизнь сама выводила его на крупную, значительную роль, и он ясно понимал, что просто обязан дорасти до нее лично, сдюжить. Иначе было нельзя.

ГЛАВА 46

За месяц до отъезда в Аргентину на чемпионат мира оба состава команды Маранова отправились на базу в Гималаях. Там был построен еще один корпус; туда были доставлены новые бензиновые генераторы; база была дооборудована и готова к приему более чем 100 человек.

Тренировочная работа на высоте шла очень тяжело. Возможно, Провоторов не вполне оценил сложности, связанные с адаптацией людей на большой высоте. Предполагалась что при контрольной паузе в полторы-две минуты, которая была практически у всех игроков через полгода подготовки, они легко перенесут недостаток кислорода. Однако в реальности все оказалось сложнее. Игроки не выдерживали непрерывной тренировки даже в течение получаса; садились на газон, пили воду, тяжело дышали.

Когда врач и его ассистент начали замерять в первый же день пульс, оказалось, что у большинства игроков он слишком высок: колеблется в диапазоне от 135 до 180 ударов в минуту. Провоторов и медики прекрасно знали, что пульс выше 170 недопустим. Трех игроков с таким пульсом освободили вообще от тренировок. Им предписано было просто ходить по поселку, спускаться вниз по тропе и очень осторожно подниматься назад и все время следить за пульсом.

Игрокам кололи специальные препараты, разжижившие кровь и препятствовавшие скоплению жидкости в головном мозге. Проблема заключалась еще и в том, что спортсмены практически ничего не ели в первые дни. У них совершенно не было аппетита; они даже крошки хлеба не могли взять в рот, только пили воду, соки и чай.

Уникально хорошо себя чувствовал только Игорь Станишевский, у которого еще на равнине была самая высокая, просто феноменальная пауза при задержке дыхания: 3 минуты двадцать секунд. Он, правда, тоже не мог выполнять равнинный объем нагрузок, но много бегал и работал с мячом.

Маранов однажды застал его вовсе не на поле, а на маленькой площадке в глубине одного из дворов Намче-Базара. Станишевский играл там с подростками-шерпами в футбол. С ним вместе играли двое мальчишек лет 10–12, а против — пятеро парней лет 15–16. Игорь распасовывал мяч, пуская мальчишек в атаку, а подростки пытались обыграть, как они кричали, «биггера», то есть «большого». Шерпы все были очень маленького роста — подростки не дотягивались даже до 155 см. В сравнении с ними Станишевский с ростом 182 см выглядел верзилкой.

Маранов наблюдал за игрой из-за угла дома и удивлялся: шерпы и Игорь играли, как будто находились на равнине; они кричали, толкали и легко носились по полю. Маранов набрал номер Провоторова и попросил его подойти. Вскоре за игрой они наблюдали оба. Провоторов посмотрел на игру минут пять и все быстро понял.

— Что ты на это скажешь, Сергей? — спросил его Маранов.

— Андрей, сцепление факторов. Во-первых, генетика. Шерпы — дети гор. Они выросли тут. У них намного выше гемоглобин. У них предельно эффективно работают легкие. Альвеолы включены практически все. Я уверен.

— Что это значит?

— В воздухе недостаточно кислорода, но альвеолы берут весь, что имеется, и работают все до одной. Кислород сжигается, формируется сурфактант. Он сгорает, выделяет электрический заряд; тот гонит эритроциты. Ты помнишь, на старых машинах стояли карбюраторы?

— Конечно. И теперь есть такие машины.

— Так вот, карбюраторы шерпов настроены предельно эффективно, и получается так, что кислорода организм получает больше, чем у рядового человека равнины. Больше эфирной энергии в результате, прекрасно работает эндокринка, почки, печень. Вихри эфирной энергии имеют огромную амплитуду и частоту. Не сравнить даже с лучшими нашими. Они готовы выдерживать большие нагрузки, и легко.

— А Станишевский?

— А я же говорил тебе... У Игорька высокая контрольная пауза была изначально. Но позже я понял: он с детства вегетарианец. И этим все сказано. Они имеют чистый организм, практически без шлаков.

— Он что, и на базе не ест мяса?

— Он не ест ни яиц, ни рыбы. Только творог, и то изредка. Он очень волевой человек.

— Что из этого следует?

Маранов вопросительно посмотрел на Провоторова.

— Следует понятно что... Но все игроки не смогут перейти на вегетарианство. К этому надо идти годами. Ты сам при всем твоим пониманием не можешь осилить переход.

Маранов вздохнул. Это была его больная тема.

— Я созреваю... Но что-то можно сделать?

— Что-то можно. Еще более облегчить режим питания. Здесь, в горах, отказаться от мяса. А на равнине... Может быть, кто-то перестанет его есть и там. Тогда появятся и другие станишевские.

Так и порешили. На общем сборе было объявлено об изменении режима питания. Вместо мяса игрокам предложили принимать блюда из бобов и сои. В принципе, никто и не возражал. Сомнения высказали только Вибергасов и Гремин. «Если будет мне голодно, не гарантирую хорошей работы», — заметил Никита. «Тогда получишь мясо», — сказал Провоторов. — У нас не концлагерь. Мы просто ищем режим наибольшей эффективности, чтобы вам было легче...»

Буквально на пятый день игроки почувствовали себя лучше и забегали легче. Тренировочная работа пошла веселее. В силу того, что световой день в горах в этом поселке очень рано — около 6 вечера, был разработан специальный режим. Поднимались рано, в семь утра. Не завтракали, только пили чай, или воду, или соки, бежали кросс по горной дороге. Затем шли на медобследование, измеряли пульс, сахар, рН мочи, кровяное давление в теле, затем внутричерепное. После этого шли на легкий завтрак (фрукты,

салаты, каши, вареные овощи без масла). После этого начиналась тренировка на поле.

Работа тут шла по отработанной схеме: сначала чеканка до 5200–5400 ударов, не менее; затем индивидуальная и групповая работа с мячом в квадратах; затем на тренажерах «земля-земля»: отработка приема, отработка ударов. Далее работа по схеме «звено на звено»: три полузащитника против трех защитников; трех нападающих против трех полузащитников и так далее во всех вариантах. После обеда — отдых. С 16:00 до 18:00 (до темноты) — игровая тренировка по отработке тактики, отработка командных действий. Короткая контрольная игра первой команды на вторую.

Затем отдых, досуг: бильярд, музыка, шахматы, пинг-понг — кому что нравится. Вечером, уже при искусственном освещении — традиционные игры «под технику»: ножной волейбол, ножной гольф.

Уже на второй неделе игроки приспособились к новым условиям и практически вышли на уровень равнинных нагрузок. Провоторов успокоился, пульс у всех без исключения был все равно повышен: под нагрузками доходил до 140–150. Но на отдыхе практически сравнялся с равнинным. Было ясно, что большинство игроков при щадящей диете нагрузки все-таки держат. Только двое — защитник второго состава Глеб Гарнаев и полузащитник Георгий Чебурканов — никак приспособиться к работе на высоте не могли. Они чувствовали себя довольно скверно; у них был высокий пульс, они бегать долго они не могли. Их пришлось даже на несколько дней освободить от тренировок. Предстояло разобраться, в чем дело, был даже поставлен вопрос об их отправке обратно в Россию. Врач команды Валерий Круглов и главный тренер по физической подготовке Сергей Провоторов приняли решение наблюдать за ними, отслеживая изменения в состоянии.

В принципе, парням из обеих команд пришлось по душе пребывание в величественных, могучих Гималаях. Неоднократно, выходя ранним утром на прогулку, Андрей Мара-

нов встречал своих футболистов, расположившихся в различных верхних точках поселка и наблюдающих рассвет в горах. Пересветов, Гремин, Станишевский, Нестерович и другие очень полюбили наблюдать потрясающее зрелище, когда огромные горы, окаймлявшие с востока лагуну, начинали все резче и резче очерчиваться по контуру яркой светящейся киноварью. Почему на короткое время возникла краснота, было непонятно. Снежные шапки с боков словно вспыхивали и некоторое время сверкали; небо над ними поминутно меняло свет, превращаясь из ультрамаринового в синее, а затем и в голубое различных оттенков. Над головой еще висело звездное небо и потерянная маленькая Луна, а все небесное полотно за горами уже было светло-синим. Воздух словно менял свое содержание по мере восхода Солнца; из морозного он превращался в просто холодный, а из холодного — в умеренно-теплый. Воздух ощущался легким щекочущим кожу нежным газом, тонко перемешавшем в себе запахи утренних зыбких дымов, исходивших из домиков селения; запахи каких-то сопрелых листьев и цветов; суховатые, едва уловимые запахи камня, исходившие от склонов. В воздухе же растворялись отдаленные рассеянные звуки: мычание полусонных яков, мягкий топот неподкованных лошадей, звон колокольчиков поднявшихся на высоту мулов; шаги уже появившихся, поднявшихся ранним утром с долин веселых, улыбчивых портеров, тащивших на себе корзины с разнообразной снедью.

Иногда в воздухе на рассвете поднявшиеся парни наблюдали медленное величественное кружение двух огромных орлов. Они летали высоко над лагуной, на высоте не менее четырех с половиной тысяч метров; тени их иногда падали на землю и пробегали по поселку, словно огромные мягкие духи, сканировавшие за чем-то поселения и людей.

Часто Андрей встречал на рассвете и Михаила Георгиевича. Он стоял обычно с закрытыми глазами, выставив руки ладонями вверх. Один раз Маранов подошел к нему и стал рядом с ним. Берестов, не открывая глаз, произнес:

— Не правда ли, прекрасную планету сотворили для нас наши прародители? Все сделали, чтобы мы жили и поднимались, превращались в достойных существ... Какие ландшафты, какая атмосфера, какую растительность здесь развели! Какая качественная, профессиональная работа!

Андрей не удивлялся тому, что Берестов увидел его, не открывая глаз; он знал, что такие вещи для него являлись пустяками.

— Что тут скажешь? — отвечал Андрей. — Так и есть. Я всегда считал, что Космос делают профессионалы.

— Ну, думаю, что брак у них тоже бывает. Полного совершенства нигде не может быть... Смотрю на горы, и такое, знаете, ощущение возникает... тотальной грандиозной величественности... Миллионы лет назад совсем другие континенты были, совсем в других местах находились моря. Навстречу друг другу двигались плиты толщиной в сотни километров. И вот две столкнулись в этой зоне... Только представьте, как они сходились, как упирались друг в друга, как текла магма! Океаны магмы! Внутренности шара выворачивались наружу! Адское варево, алхимия космоса! И когда они начали теснить друг друга, вверх поползли миллиарды тонн пород; представляете: потоки огненной субстанции оплавливали края, обрабатывали их, как сваркой; породы вздымались вверх, выше и выше, пока плиты не остановились. Огненная субстанция ушла, запаяв швы. Дожди остудили место спайки. И все успокоилось! Ребята прилетели, посмотрели, померили, что тут теперь и как. И продолжили свою работу. Растения новые завезли, животных; в воду запустили рыб, почистили воздух. И такая же работа шла на миллионах миллионов планет. Какое огромное хозяйство! Какой масштаб!

Маранов слушал, и ему словно бы передавалось это ощущение значительности космического творчества, и одновременно казались ничтожно жалкими все теперешние устремления, страстишки...

Угадывая чувства Андрея, Берестов сказал:

— В каждом времени есть свои задачи. Рутинная работа, которую надо выполнять. Наше дело — гармонизировать планету. Любими средствами, которые есть...

Так они стояли подолгу. Иногда Михаил Георгиевич входил в какое-то особенно проникновенное, возвышенное эмоциональное состояние, и тогда у Андрея на глаза отчего-то наворачивались слезы. Тогда он вспоминал ушедших в иной мир мать и отца, потом свою любимую первую жену; своего единственного ребенка, дочь Оксану, которая жила теперь с матерью за рубежом, в Испании.

Берестов иногда начинал читать стихи своего любимого поэта Андрея Тарковского. Он наговаривал их э мягким, слегка распевным голосом, и они странно зависали в утреннем разреженном воздухе, накладываясь на крики высотных птиц, звон колокольцев, шум от трепетания буддийских полотнищ и повязок на ветру:

Когда б на роду мне написано было
Лежать в колыбели богов,
Меня бы небесная мамка вспоила
Святым молоком облаков.
И стал бы я богом ручья или сада,
Стерег бы хлеба и гроба,
Но я — человек, мне бессмертья не надо:
Страшна неземная судьба.
Спасибо, что губ не свела мне улыбка
Над солью и желчью земной.
Ну что же, прощай, олимпийская скрипка,
Не смейся, не пой надо мной...
Я свеча, я сгорел на пиру, соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница, как вам плакать
и чем вам гордиться...

Вечерами парни связывались по спутниковой связи со своими подругами, родственниками. Один из небольших зальчиков поселкового досугового центра превращался

в массовый переговорный пункт. Повсюду слышалось одно и то же:

- Я соскучилась! Когда вы приедете?
- Пока не знаю. Мы работаем. Тут классно!
- Почему нас не взяли?
- Значит, так надо было. Ничего, слаще будет встреча!

Вот я тебя тогда оттрахаю...

В ответ раздавался игривый хохот:

- Принимается!

Девушки — те, которые приняли решение остаться с футболистами на базе, — в это же время продолжали занятия практиками на базе. С ними занимался опытный тренер — тайский мастер Чжу Дэнь. Он раскачивал их энергетику, стараясь привить правильные навыки работы не только с половым центром, но и вообще всеми чакрами. Он учил их правильному дыханию, искусству прокачки эфирной энергии по каналам эфирного тела. Он учил также правильному пониманию жизни как школы духа — дхармы.

Вечерами они все вместе пели мангры и бхаджаны под индийскую медитативную музыку. Иногда после этого Лаура, Вероника, Лиза и другие заводили уже русские песни. Маргарита подыгрывала им на обычном аккордеоне.

Между тем именно в Намче-Базаре Маранов приступил к развертыванию важнейшей части подготовки команды — отработке типовых тактических построений. Игроки первого и второго состава после обеда, перед вечерней командной тренировкой, усаживались в компьютерном зале в соответствии со своим амплуа и начинали 90-минутную (с перерывом) виртуальную игру то с бразильцами, то с Германией, то с Испанией, то с Италией.

Это было для каждого уже привычное, но по-прежнему захватывающее занятие. К тому времени игроки уже полностью овладели техникой работы на тренажерах, и малейшие движения рук и ног соответствовали реальным движе-

ниям игрока во время игры. В тренажерном зале во время игры стоял шум. В течение всей игры и дело слышались громкие крики:

— Игорь, я слева... Игорь, ну! Кидай на ход!

— Жора, не финти! Жора, отдай назад! Жора, сзади игрок!

— Никита, центр голый! Никита, седьмого прикрой!

— С-суки!!! Суки! Давят! Держать!

Когда пропускали гол, слышались проклятия и ругань. Когда забивали — вопли восторга. Все было как в реальной игре.

Маранов видел, что некоторые игроки по-прежнему находятся в плену неких психологических штампов. В условиях плотной опеки и прессинга они стремились больше возиться с мячом, пытались обыграть соперника, и теряли мяч. Другим поведенческим штампом было их стремление обыграть одного защитника и тупо бросить мяч на ход закрытому защитниками игроку — на авось. Маранов учил их играть только в зрячую игру и выигрывать только за счет увеличения скорости передач и бега — с мячом и без мяча. Чем больше защитников у противника перед воротами, тем быстрее надо играть. «Если соперник не вытягивается на нашу половину, продолжает сидеть на своей, — учил он игроков, — ничего другого не остается: надо наступать, надо рассекать защиту, надо изматывать, надо использовать технику нападающих; надо заставлять соперника фолить и интересно, творчески подходить к каждому штрафному и угловому».

Суть собственной, предлагаемой в качестве базовой тактики он определял так: тотальный скоростной футбол на победу в духе Лобановского, с предельно гибкими вариациями. «Если соперник идет на адекватный обмен, если играет так же открыто, — говорил он, — перестраиваемся, держим сзади пятерых защитников, боремся за центр; нападающие далеко назад не отходят, всегда наготове; крайние защитники готовы идти вперед, зная, что будут подстрахованы полузащитниками. Главный козырь — скорость верховых

передач и ставка на быстрые комбинации вблизи штрафной с выходом на удар».

Андрей очень хотел, чтобы с ним в Гималаи поехала и Вероника, хотя в определенном смысле это было неудобно: с игроками было оговорено, что их подруги в Гималаи не едут, так как то связано с огромными административными и психологическими сложностями. Но спутница главного тренера имела полное право поехать с ним, помочь ему выдержать огромные нагрузки.

Но Вероника отказалась. За месяц до отъезда команды в Гималаи, эти отношения снова вошли в стадию легкой турбулентности. С Вероникой случился приступ того, чего она сама опасалась: возникло психологическое отторжение своего нового мужчины. Она не хотела более иметь с ним интимной близости, которая все же возникла несколько раз; хотя сама от этого страдала. Психика ее становилась неустойчивой, особенно перед месячными; пару раз она удивила Андрея грубыми, остервенелыми истериками, в которых сама была не похожа на себя.

Лишь в Гималаях он начал постигать суть и причины ее странных состояний. Он, например, разобрался в том, почему во время поездки в Москву, в Останкино, и подъема на телебашню она буквально ничего не ела в ресторане «Седьмое небо», и только со страхом все время посматривала вниз, на сверкающую массивами огней Москву. Андрей вспомнил, как нехорошо она засмеялась, когда они вышли на смотровую площадку, и потянула его за руку к ограждению. Лишь теперь он понял смысл ее взгляда на стекло ограждения: она соразмеряла, можно ли его разбить ударом руки и ноги...

— Тебе что, хочется опять к парашютам? — спросил он ее просто так, без умысла; и вдруг увидел, как ее лицо исказилось гримасой. Она вцепилась в его рукав и сдавленным голосом сказала:

— Пойдем в ресторан, мы же не доели.

А сама не ела ничего из заказанного ни до, ни после выхода на площадку. Он понял: она боялась, что не справит-

ся с мучительным желанием прыгнуть вниз... «Это психическое расстройство, — думал Андрей. — Однозначно. Потому и не поехала в Гималаи. Высота могла потянуть ее вниз, в пропасть; она именно этого и опасалась. Это теперь понятно. И это связано с сексуальностью... И что теперь делать?»

Когда он поделился своими мыслями и опасениями с Берестовым, который приехал на гималайскую базу на неделю, тот вначале молчал, а потом сказал:

— Это так просто из нее не вытащить... Очень глубоко это сидит в ней, вот в чем сложность. Но если суждено... Оно само как-то произойдет. Не торопите события, Андрей.

В гималайскую эпопею физическая сила некоторых — и прежде всего Гремина, Нестеровича, Рыклина и Гарнаева — резко возросла. Она была теперь такова, что они могли сворачивать чуть ли не в узел водопроводные трубы диаметром до 5 сантиметров; швырять диски весом в десять килограммов на шестьдесят — семьдесят метров; поднимать штангу весом до 300–350 килограммов.

Остальные игроки тянулись за ними. На базе в Перекатной, когда футболисты, раздевшись до плавок, шли в душевую, женщины из команды тантристок любили преграждать им путь и достаточно нахально и бесстыдно рассматривать их. Красота этих атлетов, имевших мощную рельефную мускулатуру и ни грамма лишнего веса, примагничивала женские взгляды. Постоянные занятия тантрой привели к тому, что у мужчин и их подруг теперь была постоянная тяга к интимному взаимодействию. Они даже подолгу не могли не видеть друг друга — начинали психовать, тосковать и искать скорейшей встречи. Тренеры по тантре опасались эффекта так называемой «сексуальной наркомании». Они настаивали на усилении практик по растворению и преобразованию сексуальной энергии в силовую. И у некоторых тут уже были результаты.

До поездки команды в Гималаи практически все подруги футболистов жили на базе. Теперь почти все уже осозна-

вали, что даосская система работы с сексуальной энергией обладает удивительным свойством усиливать чувства, сохранять их свежесть; при этом она необычайно позитивно влияет на общее состояние, поднимает тонус, дает силы работать на пределе возможностей.

Именно в Гималаях Маранов стал доводить до магического автоматизма механизм коллективного переключения режимов энергетической выкладки. Во время двусторонних игр он поочередно то для одной, то для другой команды выставлял на большом планшете цифру 3 или 4. И теперь игроки уже остро чувствовали специфику каждого из этих режимов, заставляли свои организмы внезапно переходить на уровень максимальной, предельной и запредельной нагрузок.

На режиме «4» шла работа на пределе возможностей, на 5-м – за их пределом. Команда должна была «продавливать» сильного и умелого соперника, захватывать центр, переходить в его зону, мощным прессом напирать на ворота и забивать голы. Это был режим победы, режим полной, но не запредельной, мобилизации.

Маранов пробовал разные комбинации. Например, первый состав мог оставаться на режиме 2, в то время как для второго он включал режим 4. Первый состав постепенно начинал прижиматься к своим воротам. Смысл этих манипуляций заключался в том, что в ответ на давление футболисты, работающие на более слабом режиме, вынуждены были усиливать игру в обороне; вратари, попадая под интенсивный обстрел, вынуждены были показывать чудеса.

Всего несколько раз и ненадолго Маранов включал последний, запретный режим пять. Это было необходимо для того, чтобы игроки уловили, что значит работать за пределом возможностей. Это была работа через «не могу», через «не хочу»; это был бешеный надрыв, когда все игроки вообще забывали, что существуют такие вещи, как судороги ног, как сердечный приступ и даже смерть. Это, собственно, и был режим берсерков. Футболисты начинали носиться

как безумные, на бешеной скорости; каждый действовал с такой выкладкой энергии, с таким отчаянным неистовством, какие включались у людей во время предельных ситуаций на войнах. Включив однажды в Гималаях пятый режим для первой команды, Маранов с удивлением наблюдал, как за семь минут в ворота второй команды, игравшей на третьем режиме, влетело четыре мяча. Страшной силы удары не смог бы отбить ни один вратарь в мире. Игроки защищавшейся стороны просто были разметены, разобращены чудовищным напором; Маранов поспешил скорее включить этот режим.

День за днем в Гималаях проходили в упорной, даже самоотверженной работе. Прошедший армию главный тренер словно бы готовил своих бойцов к сложнейшей воинской операции. С каждым днем возрастало напряжение, связанное со скорым перелетом в Аргентину.

Хотя стрессовое состояние, связанное с неясностью относительно допуска команды, и ушло, но возникло другое. В СМИ постоянно вбрасывались разного рода заявления из скрытых источников о том, что русская команда все равно может быть не допущена к играм: есть подозрение, что игроки принимают запрещенные стимулирующие препараты.

Вдобавок к этому одна из женщин-тантристок, Паола, пребывавшая одно время на базе и отвергнутая игроками, сделала грязные заявления относительно сексуальной жизни на базе. Она подала тантрические практики, как извращение, при котором секс превращен в культ; что на базе постоянно происходят оргии с участием десяти-пятнадцати мужчин и женщин одновременно. Она сделала вброс о том, что якобы в команде имеются мужские семейные пары, а также «шведские семьи». Эта новость была встречена с удовольствием в гей-кругах Европы, однако вызвала кривотолки в России.

Сергей Падин уже собирался дать своим людям команду «поработать» с этой женщиной, однако его опередили сами участницы тантра-команды. Лаура, Лидия и еще не-

сколько наиболее сильных характером женщин разобрались со своей бывшей сопутницей, подловив ее на ложном звонке и похитив. О том, что они с ней делали на пустыре за городом, они никому не рассказали; однако вскоре эта Паола, плача, уже покаялась на камеру, что ее «попутали бесы, что она была просто обижена за то, что ее выдворили с базы; что она очень страдает от разлуки с игроком второго состава Андреем Грановым, в которого «влюбилась без памяти». Она также заявила, что «все наврала», и что она «нигде не видела таких чистых и искренних отношений между мужчинами и женщинами и таких здоровых сексуальных отношений». Она также сказала, что «после таких сильных мужчин все остальные ей теперь кажутся немощными дохляками»; а так как «негров она терпеть не может, ей сложно теперь найти партнера...» Покаяние этой Паолы со смехом и удовлетворением посмотрели в сети миллионы человек...

Последние недели в Гималаях были посвящены также отработке тактики игры с командами, оказавшимися в одной группе с командой России. Это были команды Франции, Уругвая и Алжира. Согласно расписанию игр, первый матч предстояло провести с французами. Тренерский штаб в течение многих часов обсуждал график игры, пытаясь выстроить оптимальную стратегию.

Возвращение команды на базу в Перекатную ознаменовалось сценой, относительно которой Андрей Маранов мог сказать, что никогда ее не забудет до конца своих дней...

Прибыв в Москву, игроки с удивлением обнаружили, что их не встречают подруги. Обычно они приезжали в аэропорт и стояли с цветами, бросались им на шею, едва они выходили из закрытого терминала. Теперь же их никто, кроме сотрудников базы, их не встречал. Исключение составил Игорь Пересветов. Очень изящно и дорого одетая, невероятно красивая Оксана встречала его в аэропорту с цветами. Маранов по такому случаю дал им сутки отпуска; они сели в такси и исчезли.

Остальные парни были удивлены отсутствием подруг. Подумали — ну, что-то не состыковалось. Застражи где-то. Странно, что не отвечали их телефоны. Впрочем, Станишевский высказал идею, что они готовят сюрприз — ждут их на базе с каким-то спектаклем, со столом, полным яств. Это мысль всех успокоила.

Оказалось, что Станишевский мыслил в правильном направлении; но и он недооценил женщин и силу их желаний. Изголодавшиеся по своим любовникам, истомленные в самостоятельных занятиях тантрой, девушки решили приготовить для парней сюрприз иного рода.

Когда игроки команды появились на базе рано утром, они опять же не застали никого из подруг, что еще больше их удивило. Ни один телефон девушек не отвечал. Удивленные и озлобленные, они попытались выяснить что-либо у главного тренера, но тот недоуменно отвечал, что они вообще-то должны быть на месте — у многих тут рабочие места. Маранов пообещал разобраться, но у него была куча дел, масса звонков, и он ушел к себе в офис.

Озадаченные парни направились в 12:00 на разминку. Вместе с ними вышел и лама Бахыт: он решил прогулять на цепи Готфрида и Матильду. Парни, видя тигров, приветствовали их ласковыми возгласами, прибаутками. Гремин, как обычно, потрепал Матильду за ушком, на что она отвечала урчаньем, а Готфрид ревниво рычал. Как только лама отвел тигров за проволочную ограду, со стороны боковых ворот донесся шум. Ворота отворилась.

И вдруг оттуда с дружным воплем «Ура-а-а-а!!!» вылетела целая ватага женщин. Они были в купальниках, в каких-то перьях; на них были одеты какие-то африканские огромные бусы, лица раскрашены точь-в-точь, как у женщин из диких племен Африки или Австралии. Две женщины били в африканские барабаны; остальные ватагой, с воплями понесли на парней, размахивая дубинками и какими-то копиями. Вдруг над стадионом громом разразилась какая-то дикая музыка. Игроки прекратили возню с мячами, развернулись на шум, как-то обалдело уставились на несущуюся

на них толпу. К ним приближалось не менее двадцати пяти диких женщин!

Когда женщины выбежали на поле, некоторые из парней сообразили, в чем дело. «Мужики, атас! — закричал Олег Приданцев. — Они нас порвут! Атас! Спасайся кто может!..»

И первый побежал прочь, якобы спасаясь от бежавших с воплями женщин. Гремин, Рыклин, Полубояров и другие, самые мощные мужики, моментально вошли в роль трусливых сусликов, и тоже неспешно потрусили прочь. Остальные, ничего не понимая, застыли на месте. Далее происходило следующее: каждая из женщин, на ходу определяя, где ее мужчина, набрасывалась на него, сшибала его с ног, начинала катать по траве, ерошить волосы, а затем стягивать с него трусы.

Опешившие парни защищались, но напор был необычайно велик. Изголодавшиеся по мужчинам женщины начали соблазнять их прямо на поле. Пятеро беглецов также были настигнуты. Сразу две любовницы Гремينا свалили его на газон, также стянули трусы, начали по очереди заниматься с ним сексом. На поле поднялся гвалт; крики, визги, мат, шутливая ругань; вопли восторга, сладострастные стоны — все смешалось в один миг... После первого натиска парни сами вошли во вкус и сами начали катать девушек по траве, снимая с них остатки того, что на них имелось. Теперь уже некоторые девушки пытались спастись бегством. Животное начало вылезло наружу; совокуплялись даже те мужчины и женщины, у которых ранее интимных отношений не было. Но странное дело — никто никого не ревновал. Начинался перекрестный секс. Второй тренер Курбанов бегал по кромке поля, орал, свистел в свисток, чем еще более раззадоривал находящихся на поле. Все это время забойный ритмичный рок продолжал греметь над стадионом.

Кульминацией всей сцены, этого апофеоза бесстыдства и распущенности, стало поведение Матильды и Готфрида. Уловив бешеные потоки сексуальной энергии, тигры на-

чали реветь и беситься. Лама Бахыт не смог удержать их в загородке, они вырвались наружу и стали носиться среди валявшихся в разных позах на газоне мужчин и женщин, страшно и грозно ревя. Готфрид в полном смысле этого слова озверел, и погнался за Матильдой. Хотя у них шел совершенно не брачный период, когда они не должны были спариваться, тигр гонялся за тигрицей по полю, и в конце концов настиг ее у самой трибуны, у нижнего ряда. Громко вопя, Готфрид схватил Матильду могучими лапами; та присела на передние лапы, не в силах противиться, и покорно выгнула зад. Матерый тигр вошел в нее.

Однако рядом, тут же в двух шагах, Никита Гремин мощно работал, войдя сзади в крупную девушку по имени Луиза — роскошную синеглазую блондинку. Она и так кричала, изнемогая от наслаждения, дурея от мощи насевшего сзади крупного мужчины; но увидев рядом, буквально в метре, пару ревущих совокупающихся тигров, она вообще едва не потеряла рассудок. Готфрид ритмично двигался, Матильда редела; Луиза тоже орала на весь стадион то ли от ужаса, то ли от сладострастного экстаза; скорее всего, от того и другого вместе...

Маранов не сразу увидел происходящее: он разговаривал по телефону с Падиным и не мог сразу прервать разговор. Однако увидев, что происходит черт знает что, он свернул разговор, сказав, что перезвонит, и ринулся на поле. Однако увидев эту бешеную оргию, он не сразу понял, что делать, и сначала стоял, растерянный, у кромки. Подбежавший Пиоро, захолившийся от смеха, сразу же крикнул ему:

— Звоните звуковик! Зачем он врубил музыку? Он что, идиот? Берите микрофон! Так их не остановить! Надо выключить музыку.

Маранов тут же набрал номер звукорежиссера. Пиоро убежал. Через пару минут прибежал звукорежиссер Виталий с радиомикрофоном, предварительно выключив музыку. Но радиомикрофон почему-то не работал.

— Чего-то не то, — буркнул звуковик и хотел было бежать обратно к себе. Но вдруг над стадионом зазвучал

свадебный вальс Мендельсона, причем очень громко. Находившиеся на поле женщины на миг оцепенели. Потом стали смеяться... Но вдруг музыка сменилась — послышались звуки похоронного пассажа Бетховена.

Смех на поле усилился. Женщины и мужчины начали вставать. Звуковик Виталий почесал в затылке:

— Пиоро пролез в студию... Чего творит?

Вдруг, что-то сообразив, он снова попробовал сказать что-то в микрофон. Звук теперь был — микрофон работал.

— Циркач ваш Пиоро! — заметил звуковик и отдал микрофон Маранову. — Не пуцу больше в аппаратную.

Над полем загремел голос главного тренера:

— Мои дорогие мужчины и женщины! Я понимаю, что вы соскучились друг по другу. Но давайте все же помнить о том, что мы люди, а не животные. Что вы тут, черт возьми, устроили? Девушки, вы что, охренели? Нельзя было подождать до вечера? Где, к чертовой матери, ваша тантра? Это же просто банальная...

Маранов едва не начал ругаться матом, чего с ним давно не случалось. Мужчины и женщины прекратили возню, почти все теперь стояли и слушали главного тренера.

— В общем, это безобразие, продолжал он. — Девушки, вы отбираете силу у моих игроков; вы что, не понимаете? Мы так не договаривались! Прекратите сейчас же! Наденьте трусы, наденьте бюстгалтеры! Как вам не стыдно! Будете такое вытворять — ни одну не возьму в Аргентину! Будете по телевизору нас смотреть!

Это подействовало как холодный душ. Смущенные игроки один за другим начали подниматься с газона, отлеплять от себя женщин, надевать трусы и майки.

— Андрей Викторович, они нас изнасиловали! — прокричал шутливо Никита Гремин. — Напали из засады и изнасиловали! Сучки такие!

— Гремин теперь в суд подаст, — сдерживая смех, прокричал Нестор Вибергасов. — Он им групповое будет шить. Они его втроем трахали.

Раздался общий смех.

— Вы должны провести со своими женщинами воспитательную работу, — прокричал Маранов, также едва не смеясь. — В лучших традициях советской педагогической школы.

— Да-да! — отозвался Вибергасов. — Нас в школе учили! Мы пойдем к реке тростник рвать. По жопам им надаем — мало не покажется!

Снова раздался едкий мужской гогот. Женщины, кто быстро, кто медленно, немного суетливо одевались. Но впечатления, что им стыдно, отчего-то не возникало; они, посмеиваясь, толкали парней. Только три из них никак не могли прийти в себя, лежали на газоне, отходили от только что случившегося взрыва страсти. Тигр и тигрица тоже разлепились и, довольные, спокойно лежали рядом друг с другом. Готфрид даже позевывал. Лама уже нацепил на них цепи, стоял рядом и поругивал их на бурятском.

Девушки вдруг, по чьей-то тихой команде, выстроились в ряд и начали дружно скандировать:

— Маранов! Маранов! Маранов!

Им в унисон зазвучали и мужские голоса, подхватившие скандирование.

— Не подлизывайтесь! — сказал в микрофон Маранов. — Прощения не будет. Два наряда вне очереди!

— А что за наряды?-смеялись девушки.- Мы готовы!

— А у нас со снарядами все о'кей,- шутили парни.

Затем футболисты и женщины гурьбой побежали по беговой дорожке, приветствуя главного тренера, махая ему шортами, майками, бюстгальтерами и прочим.

— Мои хорошие! — уже более сдержанно вещал теперь Маранов. — Я вас всех очень люблю! Я счастлив видеть, что вы рады друг другу, что вы любите друг друга, что вы счастливы! Но давайте все же помнить о достоинстве. Женском и мужском. Эти вещи кое-где уже забыты. А мы забывать про них не должны. Не надо также забывать об эстетике! Все в этой жизни надо делать красиво: жить, работать, влюбляться. Играть в футбол, заниматься любовью. Пусть

это будет в первый и последний раз. Даю всем три часа на отдых и общение. В три часа обед, в четыре оба состава выходят на тренировку. Парни, девушки! Мы скоро летим на чемпионат! Не расслабляться!

Внизу запели «Катюшу». Нестройная группа обнимающихся мужчин и женщин вскоре исчезла в дверях гостиницы.

ГЛАВА 47

Перед отлетом на чемпионат все тренеры, администрация клуба, менеджеры — буквально все, кто был задействован в проекте, жили в такой круговерти хлопот, нерешенных проблем, сутолоке контактов, потоках сплошных телефонных звонков, какие не всякий человек способен выдержать. Но выбора не было: проблемы надо было оперативно решать, со всеми нужными инстанциями и персонами надо было договариваться, спорить, слушать, убеждать и так далее.

Одну из проблем, к примеру, создало выступление одного из иерархов православной церкви, требовавшего, чтобы игроки убрали с маек древнеславянскую символику, стерли татуировки с изображениями «языческих, как он выразился, богов. Этот деятель с пеной у рта вещал в телеэфире, что язычество чуть ли не сатанинская, темная религия, «религия варваров»; что Россия — страна православная; что символика руническая возмутит население и так далее. И немалое количество зрителей, сидевших в студии, человеку в черном сукне заплодировали. Однако в студии находились и грамотные люди — историки, философы, писатели; они быстро осадили гиперактивного клерикала.

— Если вы не имеете понятия о том, какова на самом деле история славянского народа, среди которого вы имеете наглость проповедовать, вам бы следовало приобрести хотя первоначальные знания по этой теме, — так начал принимавший участие в передаче Петр Ведунов. — Тысячи

лет до появления христианства существовала Ведическая Русь, создавшая уникальную письменность, науку, культуру. А ваша общественная организация нахально присвоила себе в конце XIX века наименование «православная», хотя к славлению Прави не имеет никакого отношения... Правь – это часть ведической триады – Правь, Явь и Навь, означающей единство трех миров. Об этом уже школьники многие знают. А вы все плаваете в своем диком профанизме, полном бескультурье и глупости! Сначала хотя бы почитайте какие-нибудь другие книжки, помимо своего любимого иудо-христианского молитвослова!

В студии начался жаркий спор, но клерикалов все же приструнили. Однако и в федерации футбола, и в околовластных кругах нашлись люди, которые настаивали, чтобы с маек игроков была удалена древнеславянская символика. Патриарх РПЦ даже созвал специальное совещание по этому вопросу. В РПЦ все помнили о том, какая волна в пользу родноверия пошла после победы команды Маранова в Германии. Помимо рун, все тогда увидели на игроках, когда те стали снимать майки, славянские обереги вместо крестиков, а также татуировки с рунами. Для клерикалов РПЦ худший вариант антипропаганды было трудно и придумать. Прихожан моментально стало намного меньше. Зато молодежь просто валом повалила на разного рода славянские сборы. Обереги, символика, майки, книги, связанные с родноверческой тематикой, — все это раскупалось теперь тоннами по всей стране. Совещание у патриарха приняло обращение к президенту с просьбой убрать с формы сборной «языческую», как они написали, символику.

Сам президент Гордин был также скорее против этой символики, чем за нее; он сделал соответствующий звонок руководству клуба. Тапатадзе сдержанно и мутно обещал «обсудить вопрос с игроками и тренером». Тогда Гордин напрямую позвонил главному тренеру, но неожиданно наткнулся на упорное, абсолютно непробиваемое сопротивление со стороны Маранова. Он заявил, что «игроки в другой

форме играть не хотят и играть не будут. Если хотите, посылайте в Аргентину вашу старую сборную» — так сказал Маранов. Гордин был в бешенстве. Но потом остыл, спокойно взвесил с консультантами все за и против. В итоге он был вынужден был уступить: он опасался вызвать дикое народное негодование. К тому же успешное выступление на чемпионате мира было для него очень важно — оно могло стать его свежим предвыборным козырем. .

По просьбе Маранова, по согласованию с посольством Аргентины и административными органами «Чемпионата мира — 2030», в качестве места базирования команды был выбран городок Пинуэла, а в нем — закрытая вилла с футбольным полем и спортзалом на самом побережье океана. Именно туда за три дня до первой игры и прибыла в полном составе вся команда, тренеры, врачи, переводчики и вся обслуга, а также «женская команда» вместе с Вероникой. Она выглядела теперь немного более уравновешенной и собранной. В первый же вечер у них с Марановым был секс, и отношения стали приобретать утерянную ранее доверительность и близость.

Чемпионат уже бушевал. Аргентина в первом же матче сыграла неудачно с Голландией, едва уйдя от поражения. В Буэнос-Айресе тут же возникли сразу некоторые беспорядки. Уже после второго игрового дня интрига чемпионата начала процесс неотвратимого и абсолютно непредсказуемого закручивания.

Во второй день в третьей подгруппе, где играли Бразилия, Польша, Иран и США, произошло то, чего никто не ожидал. Мало кто из специалистов, несмотря на успешные игры сборной США в отборочном цикле, ожидал от этой команды сенсаций в играх с грандами. Но игра американцев с Бразилией опрокинула все прогнозы и заставила людей, связанных с тотализаторами, чуть ли не рвать на себе волосы: они терпели огромные убытки. Начало этой игры не предвещало ничего особенного: бразильцы искусно переигрывали противника, давили с первой минуты, играли организованно. И уже к 12 минуте умудрились забить в воро-

та казавшихся неуклюжими и тяжелыми игроков команды США два гола. Миллионы людей после этого переключили свои телевизоры и смартфоны на другие игры.

Но затем из Росарио стали поступать невероятные сообщения. Уже на 30-й минуте на поле полностью доминировала команда США. Страшной силы удары Дюгарда, Бруккса и Баррда вратарь бразильцев отбивал с огромным трудом, но только до времени. Два дальних мощнейших удара Дюгарда вывели их вперед. В конце матча бразильцы пропустили еще один мяч — опять после углового. В том, что матч закончился со счетом 5:2, а не большим, была заслуга отважно сражавшихся защитников и вратаря бразильцев.

Разгромное поражение прекрасно подготовленной команды Бразилии поразило всех. Теперь внимание было приковано именно к третьей группе, где играли американцы. Могучие СМИ, подчиненные американским магнатам, начали мощную пропагандистскую кампанию. Президент выступил перед сенаторами с торжественной речью, заявив, что начинается новый этап восхождения США к тотальному мировому лидерству. В стране начинался бешеный психоз самовозвеличивания.

Поразил всех не только результат, но и сама игра американцев. Все каналы показали фрагмент с предматчевым прокрутом гимна США; весь мир всматривался в лица странных мужчин, стоявших абсолютно невозмутимо во время исполнения гимна. Это были, как показалось многим, сурово-агрессивные, хмурые люди, внутренне безмерно самоуверенные. Между ними имелось странное сходство: скулы располагались почти под прямым углом, а задняя часть головы словно была срезана так, что затылок располагался на одном уровне с шеей. Это было заметно даже у длинноволосых. Глаза не выражали ничего, кроме надменной уверенности в собственном превосходстве. Это словно были не американцы, обычно деланно-оптимистичные, а представители какой-то суровой, малоизвестной нации, что отметили некоторые аналитики. Не было

в лицах этих людей характерного для американских лиц лучисто-улыбчивого выражения, которое прорисовывается с годами на лице любого американо-говорящего человека.

И все же, несмотря на удивление, никто после первой игры американцев не высказал предположений, что их команда состоит как бы не из вполне людей. Никому такое не пришло в голову, поскольку выглядело бы слишком фантастично. Один из комментаторов высказал предположение, что американцы готовили команду из представителей какого-то могущественного племени, давным-давно начав отбирать для нее особых людей — совершенно в духе американского гегемонизма. Аналитик предположил, что, возможно, это какое-то племя индейцев или же какое-то малоизвестное австралийское; и, по всей видимости, эти люди физически сильнее представителей других народов. Однако такая экзотическая гипотеза не вызвала особого интереса.

Футболисты команды Маранова смотрели матч Бразилия — США в полном составе и почти при полном молчании. Только когда во втором тайме все стало ясно, когда один за другим два мяча влетели в ворота бразильцев, игроки начали обмениваться впечатлениями:

— Они, похоже, вообще не устают.

— Это машины. Они не могут устать.

— Бьют с правой все одинаково. Стопу ставят одинаково. Смотри, почти не мажут.

— Когда корпусом мяч прикрывают — отнять невозможно. Как от стенки все отскакивают.

— Смотри, как располагаются! Симметрично! Все по симметрии: три в центре, три по краям, двое сзади. Их как магнитом на эти места тянет. Как они могут видеть рисунок?

— Ими руководят ... Это машины.

После окончания этой игры Андрей Маранов встал напротив сидевших в креслах мужчин. Он понимал, что они очень сильно озадачены. То, что они увидели, превзошло их ожидания.

— Ну что, ребята? Хорошо играют киборги? Да, хорошо. Мощные ребята? Несомненно! Но мы вас готовили не только как футболистов. Мы делали из вас воинов. Вам придется применить все, чему вас научили Каркасов и инструкторы. Киборги этот матч выиграли до игры, потому что были уверены в своем превосходстве. Они, скорее всего, не различают — бразильцы там, папуасы или обезьяны. У них нет ни перед кем пиетета. Мы тоже должны выйти уверенными в себе. Они кажутся неутомимыми? Да, это правда. Нет другой такой команды. Но есть мы. Я не зря учил вас работать на пределе сил и за его пределом. Эту технику придется применить. Иначе нельзя, парни! Мы готовили вас именно к схватке с ними. Весь мир будет наблюдать за ней. Вся наша страна, все русские, да и весь мир. Я вам так скажу: после следующей игры интерес к чемпионату будет постепенно утрачиваться. Американцы будут нести всех, а некоторых — с двухзначным счетом. Они на голову сильнее всех. Всех, кроме нас. Потому что мы сильнее, и мы их победим. Именно мы!

На этих словах игроки вскочили с мест. Приданцев крикнул:

— Так и будет!

То, что происходило в Аргентине в период чемпионата позднее, через месяц или два после его окончания, уже представлялось Андрею Маранову чем-то вроде сна или просмотренного им фильма — отчасти кошмарного, отчасти просто драматического и в меньшей степени комедийного. Более-менее ясно он помнил происходившее только до того, как команды выходили на поле, и начиналась игра. Сам же чемпионат, весь этот непрерывный поток тренировок, встреч, интервью и собственно игр спрессовались в его памяти в некий динамичный калейдоскоп, где одно с трудом вычленилось из другого. Движущиеся картины накладывались одна на другую. Доминировало в этом фильме непрерывное мелькание ног в белых, синих, красных, черных гетрах; черные, белые, зеленые бутсы; клочья травяно-

го грунта, летящие из-под шипов; потные красные, белые, черные лица — кричащие, злобные, смеющиеся — всякие. Звуки сложились в непрерывный чудовищный разнотональный монтаж. Рев стадионов перед играми, всплески ора, когда забивались голы; судейские свистки, разноязыкие крики игроков; непрерывно стук, стук мяча. Какие-то барабаны, литавры, гармошки, свистульки — все перемешивалось в дикой звуковой свистопляске.

Он четко помнил ощущение своего бессилия перед силой обстоятельств. Как только его игроки выходили на поле, он понимал: всё, его способность влиять на ход событий становится эфемерной. На поле начиналась рубка. То вдали от него, то в центре поля, то вдруг совсем рядом с тренерской скамейкой возникала вдруг группа футболистов, боровшихся друг с другом; потом все разбегались, рассыпались; столкновения происходили теперь где-то вдалеке; но ни на что, никак он не мог повлиять. Ход событий обретал некий индифферентный ко всему автоматизм; казалось, что все это просто заводная игра, где человечки в трусах и майках бегают сами по себе, пока не кончится их пружинный завод или не выдохнутся батарейки.

Единственное, что он мог — так это отмечать по ходу, кто из его парней больше ошибается, кто проседает на том или ином фланге, кто устал, против кого сильно играет тот или иной игрок соперника, и так далее. Само это шоу разбивалось на тысячи мелких эпизодов, на основании которых он пытался выстроить общую картину происходившего и попытаться что-то изменить в ходе этого фатально-необратимого процесса.

Досконально отчетливо он помнил только первый матч, потому что он был первым, и его память до деталей зафиксировала все нюансы происходившего.

На матч с французами команда подъехала на стадион почти одновременно с соперниками. Веселые парни в трехцветных спортивных костюмах выскакивали один за другим из автобуса под жаркое предвечернее латиноамерикан-

ское солнце, вскидывали сумки на плечо, махали руками столпившиеся у ворот пестрой толпе болельщиков. Оттуда раздавались громкие крики на французском.

Большая часть команды французов состояла из крепких и рослых темнокожих парней. Было еще несколько мулатов и только пятеро парней с белой кожей. Увидев подъехавший автобус с русскими, французы задержались, чтобы посмотреть на игроков. Они с удивлением наблюдали, как из него выходят здоровенные парни, часть из которых носила бороды, а другая часть — длинные темно-русые волосы и усы. Французы делали в сторону русских игроков какие-то жесты, смеялись, что-то говорили. Багрянов показал им «козу» из двух пальцев и крикнул:

— Держитесь, французики! Десант приземлился! Теперь вам кирдык!

— Наполеон — капут! — весело прокричал Максим Бухаров.

При появлении русской команды из-за ворот понеслось также и дружное скандирование русских болельщиков: «Россия! Россия!»

Андрей Маранов был собран, внутренне сжат. Вероника встречалась с ним только поздно вечером. Она нервничала, ее лихорадило. Секс опять не возникал; две ночи перед игрой она провела у девушек в их корпусе.

Но эта проблема для Андрея Маранова теперь отошла на второй план. Перед первым матчем он с огромным трудом подавлял жгучее, пульсирующее волнение, вызывавшее тупую боль в голове. Сердце билось так, что у него темнело в глазах. Но рядом с ним были Провоторов, Пиоро и второй тренер. Они понимали его состояние, стремились успокоить. В раздевалке, проглотив две чашки черного кофе с коньяком, выкурив пару сигарет, Маранов немного пришел в себя, взял себя руки. Постепенно сердце успокаивалось. Состав на игру он объявил накануне. Теперь он вглядывался в лица ребят, переодевавшихся в игровую форму: темно-синие футболки с руническими символами, красные трусы, бело-красные гетры. Он не замечал в их лицах

особой тревоги или неуверенности. Нет, они были вполне собраны и уверены в себе. Первый состав также весь был здесь, и его игроки напутствовали парней из второго состава, в глубине души завидуя им...

— Мужики, вы их сделаете! Только не теряйте нить игры!

— Играйте с самого начала борзо!

Маранов на всякий случай поставил в запасные Мушарапова, Пересветова и Багрянова. Во второй состав он все же ввел одного человека из первого — Игоря Станишевского. Не было в средней линии второй команды, где играли Вибергасов и Рославцев, третьего игрока высокого класса. Чебурканов и Гранов пока не соответствовали. В случае если игра не пойдет, связка Станишевский — Вибергасов — Рославцев в центре будет играть на Пересветова — Бухарова — Грознецкого. Это тоже сыгранные связки, и в этом варианте они могли переиграть кого угодно. Осознавалось четко одно: предстоял первый матч с командой экстра-класса, которая имеет представление об их силе и выйдет, полностью мобилизованная на игру.

Последнее напутствие было коротким:

— Постарайтесь не пропускать мячи в начале. Играйте в режиме 3,5 с самого начала. Если будут переигрывать в центре, бейтесь за центр до тех пор, пока не зацепитесь. Боритесь за каждый мяч. Если они забьют, не бойтесь, продолжайте играть в свою игру как ни в чем не бывало. Идите вперед и забивайте сами. Играем в открытый футбол. Народ хочет видеть игру, боевую, красивую игру. Сделайте им такой футбол! Играйте в свое удовольствие, но осознавайте, что это война, что вы на войне! От каждого матча многое зависит. Но играем только на победу.

Когда они вышли из тоннеля на сверкающую огнями, гудящую арену, волнение снова вернулось к Маранову. «Ну, все, — подумал он. — Карты сданы. Боги мои, не оставьте меня...» Справа, слева — отовсюду в него впивались острые взгляды неизвестных ему людей — журналистов, тренеров, аппаратчиков разных организаций. Щелчки затворов, де-

сятки телекамер следили за каждым его движением. Это было то, о чем он мечтал когда-то часами. И это сбывалось — вот что было поразительно! Сбывалось! Он вышел на большую игру. Все также быстро вращалась планета, но время теперь текло медленно. Оно словно притаилось в ожидании развязки первого в его жизни спектакля особой важности.

Когда исполнялся гимн России, он видел, как волнение пробежало волной по лицам ребят. Скулы были напряжены, мышцы икр, играя, перекатывались. Маранов знал, что энергия Гималаев играла в них. На нее он также делал ставку. Он понимал, что громадный разрыв в игровой практике даст преимущество французам. Но энергия Гималаев была тем, чего не было у них при общей примерно равной технической подготовке.

Игра с самого начала пошла предельно быстрая и резкая. Французы рванулись вперед — чего и следовало ожидать. У них было больше болельщиков на трибунах, и невообразимый шум погнал их к нашим воротам. Маранов видел, что ребята волнуются. Много ошибался Шерстобитов, упуская быстрых темнокожих нападающих на правом фланге. Пару раз они прорвались с фланга в штрафную, но здесь хладнокровно играли центральные, а также отошедший назад Вибергасов. И все же привычка играть с сильными нападающими первого состава давала о себе знать. Они быстро разобрали игроков и начали держать французов, как Пересветова или Раскатова, резко идя на них, делая подкаты, останавливая их проходы. Двигались они хорошо с самого начала, но не хватало организации. Пасы верхом не получались, шли только низовые. Территорию они отдали, сидели по большей части на своей половине поля.

Пенальти, назначенный в их ворота, был даже не спорным, а очевидно несправедливым. Шерстобитов вовсе не сбивал входившего в штрафную нападающего; он играл сначала в мяч и выбил его, но затем уже их ноги слегка зацепились, и француз картинно упал. Но судья, англичанин,

сразу же показал на отметку в 11. Маранов пожалел, что не поставил сразу в ворота Мушарапова. Седьмой номер французов пробил точно в угол, и Денис Курганов достать его не мог. Для этого нужна была нечеловеческая реакция Мушарапова.

Вибергасов посмотрел в сторону тренерской скамейки. Маранов выставил цифру 4. Нестор кивнул и крикнул игрокам:

— Парни, режим 4. Играем на зубах.

Маранов не мог сказать, повлияло ли это его решение на игру. Но постепенно что-то все же менялось. Стычки с быстрыми афро-французами теперь происходили на каждом метре. Полузащита упорно цеплялась за центр, и мяч почти не приближался некоторое время к нашим воротам. Но французы теперь хорошо знали, что значит для русских Станишевский. Его плотно держал, постоянно вися на нем, шестой номер их команды. Игору мяч доставался редко. Рославцев также никак не мог развернуться, наладить связь с нападающими.

Однако на 32-й минуте марановцам не повезло: в сутолоке у своих ворот Шерстобитов неудачно принял мяч, он срезался у него с ноги; быстрая темнокожая девятка французов успела подхватить мяч и забросить его в ближний от себя угол. Такого рода ошибки с мастерами такого уровня не проходили. Это было как раз то, чего боялся Маранов: сказывалась нехватка игровой практики.

Это было уже тревожно. Французы теперь были окрылены и стремились забить третий мяч, чтобы решить исход игры. Маранов достал планшет и показал число 4,5. Это был призыв к игре на пределе. Нестор Вибергасов передал команду парням. Незаметно, постепенно они стали наращивать темп. Французы начали медленно отодвигаться назад, к своим воротам. Их опасные быстрые нападающие все чаще оставались без мяча. Марановцы, понимая, что больше пропускать нельзя, теперь цеплялись за каждый мяч, играли цепко, прессингуя на каждом участке поля. Гималайская энергия наконец начинала соединяться с организацией игры. Пошла резкая, упорная, но открытая игра.

На 38-й минуте французы, прерывая острую атаку, сбили Бухарова около штрафной. К мячу подошел Вибергасов. Маранов слышал, как он сказал Грознецкому:

— Розыгрыш вариант четыре. Играешь на Максима. Через центр.

Он разбежался, но вместо удара сбросил мяч влево. Грознецкий замахнулся и вдруг перебросил мяч резко вправо на Бухарова, и он, неделями оттачивавший удар с этой позиции, резко и мощно пробил под перекладину. Французский вратарь и не шелохнулся. Гол был хорош.

Чаша игры снова закачалась. Афро-французы рванулись вперед, но защитники марановцев обрели ту уверенность, что наработали в играх с первым составом, играли собранно и четко. Игра в атаке у темнокожей команды разладилась. Преимущество перешло к российской команде, что сразу же отметили зоркие опытные комментаторы. Дважды Бухаров снова бил очень опасно, но чуть смещен был у него прицел: мяч проходил впритирку со штангами. Свисток застал марановцев в атаке.

В перерыве игроки, естественно, первым делом стали ругать судью.

— Сука, падла! — гневно рычал Вибергасов. — Не было пенальти, а гол-то был! Тварь!

— Придуши его в следующий раз, Нестор! — хмуро бросил Денис Курганов. — Тварей не надо щадить... Купленная мразь!

Маранов ориентировал их на дальнейшую открытую игру без боязни и без оглядки.

— Ребята, на самом деле все идет неплохо. Получается, что я все правильно просчитал. Поверьте мне, вы сильнее этих темнокожих ребят. Их надо раздавить. Они по духу никакие не французы; это африканцы, которых натаскали хорошие тренеры. У них нет ни Зидана, ни Платини. Духа Франции за ними нет. Вы их должны раздавить! По большому счету у них есть только два игрока: это центр, «девятка», и шестой. Таких игроков в мире не больше десятка. Особенно держите девятого, Жереду. У него потрясающая

техника, он точно бьет отовсюду. Середа, напрягись, не упускай его из виду ни на секунду. Он может забить в любой момент... Раскройтесь, играйте на Грознецкого и Бухарова. У них идет игра. Юра, тебе придется посидеть, ты не играешь в свою силу. Вместо тебя выйдет наш десантник. Ты перегорел. Эдик, иди готовься.

Багрянов вскочил и пошел одевать форму. Рославцев кивнул.

— Я чувствую... Меня как будто сковали. Ноги тяжелые. Не пойму в чем дело...

— Ребята, вы не забывайте, — заметил Маранов. — Футбол связан с магией. Идет воздействие миллионов на вас; идут воздействия чужих магов, направленные. Надо держать энергию в контуре команды, как мы вас учили. Надо соединиться с эгрегором народа, как вас учили. Делайте это! Каждую секунду пытайтесь уловить эту связь! Ловите потоки энергии, захватывайте. Вас будут пытаться сковать, повесить вам гири на ноги. Отбрасывайте негатив! Сохраняйте замкнутость внутреннего контура, но при этом раскрывайтесь в игру, выпускайте энергию силовую, энергию Гималаев. Добавьте темпа! Я вижу, что энергия из вас прет, но вы не можете ее синхронизировать с организацией игры. У вас пока нет слаженности действий. Поймите организацию, и игра пойдет. Вы должны выиграть, я чувствую...

Маранов подошел к Курганову.

— Денис, ты не выручил. Ты должен был увидеть ситуацию, когда у Паши вышла срезка. Ты не среагировал. Ты психуешь. На второй тайм выйдет Вахит.

Курганов кивнул, глядя в пол.

Перед выходом на поле игроки и тренер образовали кружок. Затянули древнеславянскую песнь. Сила предков была рядом, она улавливалась, она медленно втекала в пространство круга, создавая какой-то легкий кураж, напитывая силой и уверенностью.

Они вышли на второй тайм уже легкие, уверенные. Игра сразу пошла другая — она неуклонно стала смещать-

ся к воротам французов. Станишевский все чаще уходил от опекуна, набирал обороты, все увереннее и дольше держал мяч. Они с Багряновым и Вибергасовым вскоре прочно взяли под контроль центр. На 54-й они организовали острую многоходовую комбинацию. Вибергасов со Станишевским резко вышли вдвоем к штрафной. Вибергасов знал любимую точку Игоря, потянул защитников на себя, а пяткой отбросил мяча на удар Игорю. Тот сходу произвел самый сложный удар, подрезая мяч внешней стороной правой стопы. Вратарю французов показалось, что мяч уходит далеко за верхний угол ворот, но он не знал этого коронного удара Станишевского. Мяч вдруг резко снизился и спикировал в «девятку». Русские болельщики на трибунах вскочили, взметнули руки с майками, воздушными шариками — всем, что было под руками; тысячи глоток завопили в один момент. Вибергасов посмотрел на судью. Англичанин чувствовал этот взгляд, но при всем желании он не смог бы отменить гол после дальнего удара. Счет сравнялся.

Вторая команда Маранова, наконец, «поймала» игру. Теперь они уже переигрывали французов, так как те начали уставать. Миллионы людей видели на поле в форме русских команду высокого класса — организованную, маневренную, техничную. Особенно выделялся диспетчер и технарь Станишевский, который поразил всех своей неотомимостью. Он непрерывно выписывал вензеля в центре поля и на подступах штрафной, раздавая нападающим опаснейшие пасы. Телекомментатор первого канала РФ не жалел эпитетов.

— Однако, друзья мои! Та игра с Германией не была случайностью! Это не было чудо, как заявляли потом тренеры немцев — мол, мы их не знали, потому не настроились. Французы-то эту команду как раз знали. Но игра идет не просто на равных. Двадцать минут непрерывно атакуем, и кого? Чемпионов мира, Европы, одну из лучших команд мира! Я вам так скажу: такой сборной у нас не было со времен Бышовца — Численко — Паркуяна! С 1966-го года!

Но реализовать преимущество марановцы не сумели. Французы защищали грамотно и цепко, блестяще играл их вратарь. Игра так и закончилась вничью. Финальный свисток Андрей Маранов не слышал — он его почувствовал. Русская трибуна, вздымавшаяся вверх позади скамеек запасных, утопила все пространство в протяжном гуле. К нему сразу бросилось множество людей. Запасные, игроки первого состава — все подошли ближе. Журналисты пробивались через гущу других людей. Вероника, которая пыталась подойти к нему, была оттеснена, и он ничего не мог с этим поделать. Ближе всего к нему пробились телевизионщики Аргентины и на ломаном русском просили высказать мнение об игре, о своих впечатлениях. Ему теперь предстояло осваивать роль публичного человека, что в целом не соответствовало его внутренней природе. Он отвечал односложно:

— Игрой команды удовлетворен... Ребята выложились; все боролись по-мужски, по-русски; показали неплохой комбинационный футбол, особенно в конце игры. Но ресурсы усиления игры, я думаю, есть. Судейство было не на лучшем уровне...

Его голос тонул в шум и гаме. Кто-то тянул какие-то проспекты для автографа. Полицейские подошли, отодвинули нахлынувших журналистов. Но по дороге к тоннелю Маранов и несколько игроков прорвались поближе к нашей трибуне. Вопли восторга, общий рев усилились. На Андрея, на Вибергасова, Станишевского, Бухарова и других глядели тысячи глаз; люди махали флажками, женщины прыгали и что-то кричали. Вибергасов был в центре внимания. Его яркая рыжая шевелюра, рыжая борода просматривались издалека, через спины и головы окружавших его журналистов и спортивных менеджеров. Он давал интервью сразу нескольким телеканалам, держался уверенно, но с достоинством.

— Мы — славяне. Мы русские. Мы играем до конца, как можем. У нас на майках символы наших предков. Мы костями ляжем, но не посраим Русь. Вся наша история — она с нами и в нас.

Маранов стоял рядом и слышал все, что говорил Нестор. И он был горд за него и в очередной раз поразился провидческому дару своего учителя: ведь это он настоял на возвращении Нестора в команду. Этот шальной человек, в прошлом хулиган, сорвиголова, гуляка, пьяница и картежник, находился теперь на своем настоящем месте. Это была возвышенная, полная метафизического смысла трансформация. Это была демонстрация того, как может преобразиться русский человек, если в душу его и сердце войдут достойные его масштаба идея и смысл.

Маранов махал рукой своим соплеменникам, приветствовавшим его с трибун. Первый блин не получился комом, хотя победного триумфа и не состоялось. Но не зря в России говорят: лиха беда начало! Они не разочаровали народ, и это было главным. В какой-то момент Андрею показалось, что один человек на трибуне машет не так, как другие, а словно зовет, и будто бы мелькнуло знакомое лицо. Но трибуну заслонили надвинувшиеся полицейские и фоторепортеры; футболисты двинулись в тоннель.

В России эта ничья была воспринята почти как победа. Везде только и говорили, что о незасчитанном голе, о ложном пенальти, о невезении, о фантастическом голе Жереду. Общее мнение было такое: по игре мы выиграли. Счет не по игре. Французам повезло. Наша команда великолепна. Если исключить невнятную игру в первые двадцать минут, то все остальное — очень хороший уровень. Комментаторы наперебой отмечали характерные детали: потрясающую уверенность в себе, с которой играла команда. Последние десять минут они просто давили, имели подавляющее преимущество. Отмечался класс полузащитников и их неутомимость. Особенно много писали про диспетчерский дар и технику Станишевского. Отмечалось, что у команды есть капитан, способный вести команду за собой — это Нестор Вибергасов. Все говорили о напористом и неутомимом Грознецком, о высокой технике и поставленных ударах Бухарова. Защит-

ников хвалили меньше, как и вратарей: все-таки были пропущены два гола.

Правда, о возможной победе этой команды в чемпионате после этой игры никто не говорил. На горизонте возникла какая-то невероятная по силе сборная США; мощнейшая команда Италии легко, как на тренировке, переиграла Англию; прекрасно играли Голландия и Германия. Говорить при этом о претензиях на главный приз русской команды, с трудом вырвавшей ничью у французов, ни у кого язык не поворачивался. Хорошо было уже то, что сборная России показывала добротный современный футбол. О том, что существует еще какой-то состав, еще более сильный, комментаторы больше не говорили. Все окончательно пришли к убеждению, что все эти разговоры — просто миф; что Маранов, возможно, имеет еще двух-трех игроков высокого класса, но они могут быть либо не в форме, либо травмированы. Общее мнение сводилось к тому, что с такой командой мы можем при, удачном раскладе вариантов, выйти в полуфинал, повторить успех 66-го года: быть четвертыми в мире. И это было бы расценено как большой, очень большой успех.

Базу, на которой расположилась команда, журналисты, а затем и болельщики отыскивали довольно быстро. Множество людей стало появляться возле нее каждый день. Через посольство был сделан запрос, и местные власти усилили охрану. В центре базы располагался большой бассейн; он стал местом, где футболисты и их подруги проводили большую часть свободного времени. Целые сутки после игры с Францией игроки второго состава не проводили никаких тренировок, вообще никаких практик. Маранов знал, что они должны отдохнуть таким образом, чтобы растроченный энергипотенциал восстановился хотя бы отчасти. Ведь они почти семь минут работали в режиме «5», и работали в нем по-настоящему, как положено.

С девушками был проведен очень конкретный и серьезный разговор. Ни один из футболистов в течение всего

чемпионата не должен был потерять ни грамма семени. Но женщины уже сами прекрасно знали, что от них также зависит очень многое, и сами сдерживали своих партнеров по тантре во время интимных уединений, которые они все очень даже любили. Некоторые из игроков жаловались

врачу на боли в районе простаты. Как правило, Виктор Арсентьев обнаруживал у них первую степень воспаления простаты, и тут же проводил урологический массаж. А в отдельных случаях предварительно использовал грязелечение. Буквально на следующий день жалобы прекращались. Провоторов и Берестов поощряли частые занятия игроков тантрой: чем больше они занимались этой приятной, хотя отчасти и мучительно-сладостной практикой, тем больше у них накапливалось запасов энергии Цзи, тем бодрее они себя чувствовали, тем активнее работали. Это было мощное подспорье, которое во многом помогало поддерживать уровень энергетики, но и создавать какую-то особенную, слегка радостную, приподнятую атмосферу праздника жизни.

ГЛАВА 48

Михаил Георгиевич Берестов получил, как и планировалось, очень хорошую аккредитацию на чемпионате. Он был зарегистрирован и как психолог команды России, и как журналист. На его бейджике виднелись теперь сразу две буквы: Р и G (participant, gest). Незадолго до игры с Аргентиной он с базы уехал и через шесть часов езды на автобусе самостоятельно добрался до Авельянедо, где должен был пройти матч.

Полдня до игры он спокойно ходил по городу, присаживался за столики в многочисленные кафе, пил зеленый чай или свежавыжатые соки, заказывал фруктовые салаты. И при этом внимательно осматривался вокруг. Он все ожидал какой-либо интересной встречи. Он предполагал, что на матче российской команды могут присутствовать люди, которые давно и пристально наблюдали за тем, что происходит в России, отслеживали наиболее интересных и опасных для них людей, а затем незаметно их убирали различными способами. Также он ожидал, что среди болельщиков могут быть киборги. Потому он постоянно посматривал на висевший у него на шее медальон из лучезария — заветного

магического камня. Медальон он заказал заранее и теперь никогда не снимал его.

Однако в городе он не встретил ни одного интересно для него человека. По городу ходили толпы французов, распевая «Марсельезу», махая флагами и банками с пивом. Также толпами ходили и соотечественники. Их издали можно было узнать по возбужденной матерщине и воплям «Россия».

На стадион он прошел беспрепятственно, надев на шею бейджик. В течение часа, пока наполнялись трибуны, он бродил среди толп болельщиков по галереям, благодушно посматривая на сотрудников стадиона и полицейских. Он выглядел просто как добродушный седенький полустаричок, которому посчастливилось попасть на большой футбол. Латиноамериканцы, европейцы, темнокожие — все улыбались ему. Потому он сразу заметил человека, который никому не улыбался. Который вообще, возможно, не мог улыбаться. Камень тут же дал свечение. Киборг, выглядевший как крупный европейский турист, в шортах и майке на выпуск, медленно шел по галерее и ни на кого не глядел. Он казался немного сонным. Однако глаза его быстро ерзали с человека на человека, словно ища кого-то.

На Берестова киборг не обратил внимания и прошел мимо. Михаил Георгиевич пошел за ним. Пройдя метров триста, киборг зашел на одну из трибун, сел и открыл банку с пивом. Через некоторое время Берестов заметил человека, который периодически наблюдал за киборгом. Это был вроде бы обычный, малозаметный человек, мужчина лет 45, в темных очках, темноволосый с проседью; но Берестов без труда угадал отчеканенные манеры агента. Когда матч начался, Михаил Георгиевич стал присматриваться к этим людям. Агент периодически говорил что—то в гарнитуру айфона, висевшую на ухе Киборг сидел молча, но внутренне был напряжен.

Весь первый тайм ничего более не происходило. Однако выйдя в перерыве на галерею и прохаживаясь по ней, Михаил Георгиевич поймал на себе взгляд. Агент наблюдал за ним...

Каким образом он его вычислил, было непонятно. Но агент глядел именно на него. Они сблизились. Берестов улыбнулся агенту, и прошел мимо. Агент не улыбнулся в ответ, оставшись стоять на месте.

Берестову стало понятно, что на стадионе есть еще кто-то третий, который увидел его с другой точки, отследил, что некто наблюдает за агентом и киборгом. Иначе объяснить внимание к нему агента было нельзя. Среди тысяч людей, собравшихся на стадионе, среди шума и гвалта обнаружить его было невозможно. Значит, это они. Значит, у них есть его фото. Значит, будут следить, и надо быть осторожным. Ни в коем случае нельзя засветить связи с командой. Ни в коем случае! Бейдж его был спрятан далеко; он не был ему нужен на трибуне.

Берестов знал, что на стадионе находится также и Аркадий, приехавший срочно из США на матчи. Берестов позвонил ему, коротко описал ситуацию.

Он теперь старался держать в поле зрения и агента, и киборга. Он знал, что они ничего не смогут предпринять против него на стадионе. Даже если кто-то пронес оружие, то применить его тут будет сложно. Авторучка стреляет с дистанции не дальше 10 метров. И все же он должен быть начеку каждую секунду, поскольку вариантов убрать его существует немало. Вопрос в том, готовы ли они это сделать. Есть ли у них с собой, например, игла, или микрошприц, или начиненный полонием зонд.

Однако ситуация неожиданно развернулась наилучшим образом. Неизвестно зачем, киборг в перерыве вышел за линию, по которой стояли рамки-сканеры и полицейские, обслуживающие их. Берестов снова позвонил Аркадию. Тот занял позицию с внешней стороны, также пытаясь отыскать в толпе человека, по описанию похожего на киборга. Опытным взглядом подготовленного агента он легко его обнаружил.

В тот момент, когда киборг подходил к линии сканеров, Аркадий незаметно включил встроенный в его телефон прибор, определяющий параметры частот всех существую-

щих в мире цифровых устройств. Киборг, ничего не подозревая, подошел к сканеру. Полицейский стал досматривать барсетку, что тот держал в руках. Аркадий стоял неподалеку и как будто отправлял эсэмэс, набирая буквы. На самом же деле он переключал частоты, ища ту, на которой осуществлялась связь центра управления с киборгом. Сканирующая программа на его приборе шарилась безостановочно и в итоге что-то нащупала.

Но и киборг отреагировал на внешнее воздействие. Его движения замедлились; в нем шел какой-то процесс. Когда киборг проходил через рамку металлоискателя, тот зазвенел, причем зажглась лампочка оранжевого, тревожного цвета, которая реагирует на оружие и взрывчатые вещества. Двое полицейских тут же направились к киборгу. Тот стоял недвижно, вероятно, пытаясь отследить, что происходит. Аркадий зафиксировал частоту, на которой произошло срабатывание металлоискателя, и продолжал работать дальше.

Вдруг киборг стал бешено озираться вокруг. Берестов понял, что включилась та самая программа антисканирования, на которую в свое время напоролся он сам. Аркадий между тем зафиксировал еще одну частоту, связанную с киборгом. Киборг, по всей видимости, определил, откуда велось сканирование, и двинулся в этом направлении. Зафиксировать Аркадия визуально среди толп сновавших мимо людей было нереально; но направление киборг выбрал правильное.

Киборг медленно шел, напряженно шаря белыми зрачками, ища излучатель; на полицейских он не обращал внимания. Они же шли рядом и что-то громко говорили ему, явно требуя остановиться и пройти с ними в участок. Тот не слушал. Вдруг толпа на миг рассеялась; киборг увидел Аркадия и неожиданно быстро рванулся к нему. Полицейские громко заорали что-то на своем языке. Но киборг побежал, словно не слыша их. Ему навстречу понеслись еще четверо полицейских. Они сшибли его с ног; он грузно рухнул на асфальт, не издав ни звука. Один из полицейских по-

пытался надеть на него наручники. Но киборг вдруг резко вскочил, отшвырнув сразу нескольких полицейских в сторону. Он снова побежал, ища глазами Аркадия, но тот уже успел скрыться. Шестеро полицейских настигли его, будучи уже уверенными, что это преступник. Вшестером они бросились на него, пытаясь повалить; киборг зарычал, как зверь, и опять отшвырнул их резко руками; трое отскочили, остальные трое повалились, как тюки, в разные стороны. Киборг снова побежал. И тогда раздались выстрелы — один из полицейских выстрелил дважды ему в ногу. Киборг упал на нее, не крича от боли, ничего не говоря; он попытался ползти. Подбежало еще человек пять полицейских. Киборга скрутили, надели на руки наручники, потащили к машине. Из простреленной в районе икры ноги текла кровь; она была красной, но несколько более густой, чем у людей, и чуть багровой. Киборг бешено озирался. Он вдруг увидел Берестова, который держал перед собой свой медальон; он словно рассматривал его, а на самом деле делал снимки. Михаил Георгиевич осознал, что никогда не забудет этот взгляд. В глубине черного глаза пульсировал флуоресцентный огонек беловато-бирюзового оттенка. Он было пронзил Берестова, но тот быстро выставил защиту, а грязную энергию вторжения выдавил через зону пупка и отправил в непроявленное.

Киборга затащили в зарешеченную камеру большого джипа и увезли. У места происшествия скопилась толпа; эмоциональные латиносы оживленно гомонили, жестикулируя руками. Берестов приблизился поближе к лужице крови, обронил как бы невзначай платок. Подбирая его, он зацепил платком вязкую жидкость. Он тут же спрятал его в карман и было двинулся в сторону, но вдруг остановился, почувствовав на себе взгляд. Оглянулся. На него смотрел из-за колонны все тот же сидящий брюнет в темных очках. Он улыбался... Затем он достал из внутреннего кармана предмет, напоминавший авторучку, начал приближаться. Берестов все понял, вскочил и ринулся было в сторону. Надо было отойти не менее чем на 15 метров. Однако тут он услышал знакомый голос:

— Don't trouble, Michael!

Аркадий стоял в пяти шагах, прямо напротив агента, держа в руках серебристую ручку. Он улыбался... Мгновение, которое показалось всем троим бесконечным — агенты смотрели друг на друга. Свою ручку достал и Берестов, заходя на чужого агента сбоку. И тогда тот отступил. Он сделал резкий шаг назад вправо, прячась за проходивших мимо людей. Затем он быстро пошел прочь и испарился. Берестов облегченно вздохнул. Они обменялись с Аркадием взглядами.

— Вам лучше отдать это мне, — сказал Аркадий, показывая на окровавленный платок.

Берестов огляделся и незаметно сунул платок в руку Аркадия.

— Теперь вас засветили конкретно, — сказал Аркадий. — На стадионы больше не ходите. Делайте свое дело у водопадов. Вы в этой роли более важны для дела. Расходимся...

Берестов кивнул, улыбнулся ему в ответ и быстро пошел в сторону, прочь со стадиона. Он понимал, что дальнейшее присутствие на матче будет слишком рискованным удовольствием.

После игры Михаил Георгиевич не сразу поехал на базу, где находилась команда. Он взял такси и уехал подальше от Авельянедо, аж на водопады Игуасу. Там он долго стоял, наблюдая, как белая пушистая вода падает с высоты в зияющую зеленую пропасть. Он пытался уловить характер тревожных токов, поступавших сразу с нескольких сторон. Один был как бы новый, яркий, свежий. Другой — дальний, зыбкий, еле ощущаемый.

С ярким было понятно. Агент, засекший его на стадионе, приехал на какой-то адрес, передал информацию о русском агенте и его сподручниках по своим каналам; она теперь анализируется. Тайные силы некоего теневого и могущественного сообщества шевелятся; кто-то о нем говорит, злобствует, посылает негатив, отсюда и воздействие. Они будут что-то предпринимать. Они будут его искать. Они будут стараться его убрать. Это ясно как день...

Берестов зашел в придорожное кафе, заказал кофе, обед. Телевидение без конца крутило репортаж о странном американце, который, не имея при себе ни оружия, ни чего либо иного, компрометирующего его, почему-то пытался скрыться от полицейских, оказал сопротивление, да еще какое! Оказалось, что американец очень силен физически. Сообщалось, что он находится в тюрьме, что началось расследование. Берестову было понятно, что последует далее: ночью киборга выключат, он умрет. На следующий день объявятся родственники. Скажем, плачущая старушка и рыхлая, больная диабетом сестра. Все будет сделано в соответствии с документами, которые обнаружили в барсетке киборга. Его похоронят. Нанятые психоаналитики сделают заключение: маниакально-депрессивный психоз, активная фаза.

Михаил Георгиевич размышлял, как теперь укрыться от агентов этого тайного Братства. Завтра они встретятся с Аркадием на явочной квартире, свяжутся с Центром. Обсудят стратегию и тактику. Можно не сомневаться, что частоты, на которых засекали киборга, уже переданы в центр. Сложнее будет отправить в Москву, в институт молекулярной генетики, платочек с кровью киборга. Но они что-нибудь придумают. Чемпионат только начался, на Москву из Аргентины немало рейсов, кого-нибудь найдут.

По поводу другой тревожной ноты, тихой, щемящей, Берестов получить точную информацию не мог. На миг возник образ Сергея Падина. Скорее всего, после удачной игры второй команды он на подъеме; сидит, размышляет обо всех аспектах операции, разросшейся непомерно; просчитывает дальнейшие ходы.

Берестов провел ночь в маленьком городке в окрестностях Авельянедо. Всю ночь возле его отеля, который располагался у центральной площади, жизнерадостные, подогретые аяхуаской латиноамериканцы танцевали и пели под звон гитар. Даже через закрытые окна был слышен непрерывный галдеж, многогортый гомон, женский смех, крики, топот ног; периодически возникал рев подъезжавших и уез-

жавших мотоциклов и машин. Латинская Америка жила своей горячей, яркой и богатой на эмоции жизнью, тратя время проживания отчаянно и бесшабашно.

Утром его разбудил звонок. Человек из охраны Падина негромко сказал:

— Михаил Георгиевич, Сергей Валерьевич просил вас позвонить. Утром было покушение. В нас стреляли. У него ранение, в плечо. Он просит вас подключиться. Своими средствами...

Берестов сразу вскочил. Чего-то такого он и ожидал.

— А состояние? Как состояние? Он в больнице?

— Нет, он дома. Состояние... Ну, в принципе... Вряд ли опасное. Сильная боль. Травма.

— Передайте, я подключусь. Так и скажите.

— Понял. Спасибо. Передам.

Берестов тут же стал формировать фантом Падина. Яркое солнце било в номер, мешало сконцентрироваться. Летала какая-то странная муха. Берестов перешел в холл номера, закрыл за собой дверь. На фантоме он не сразу, но все же увидел повреждение. Он понял, почему Падин попросил его подключиться. От темного пятна, видимого ниже левого плеча, отходила неровная лучеобразная полоска. Она направлена была в сторону сердца... Что это такое и почему образовалось, Берестов не знал; но видел, что это нехорошо. То ли это внутреннее кровотечение из-за разрыва сосуда; то ли разрыв ткани от какого-то осколка; возможно, пуля была со смещенным центром тяжести. Видимо, Сергей Валерьевич ощущал в районе плеча и ниже тревожащий болевой негатив.

Берестов стал работать с этой зоной, зачищая темные густки потоками белой, светлой энергии. Затем направил туда мысленно потоки искрящейся ключевой воды. Затем создал мысленно сферу, и вложил в нее программу заживления ран. Заглянул в справочник Грабового и взял оттуда число, соответствующее программе заживления; сформировал цифровой голографический солитон по методике Аркадия Петрова, и вложил его в фантом. Мысленно соединил

фантом с реальным человеком. Завершив эту работу, Берестов достал маятник и сделал запрос на степень эффективности данного воздействия. Маятник дал плюс.

Берестов сделал выдох, сбросил остатки негатива и пошел умываться.

Позднее Сергей Падин рассказал, что приблизительно с этого времени он почувствовал облегчение. Уже на следующий день он чувствовал себя удовлетворительно и даже смог заниматься делами.

Вообще говоря, в дни, предшествовавшие покушению, Сергей постоянно ощущал некую тревожность, нехорошее давление. На уровне ощущений оно локализовалось где-то в районе пупка, отзывалось давящим неприятным дискомфортом. Ирина тоже нервничала, психовала по пустякам.

Берестов за месяц до отъезда уговорил его взять на работу в охрану двух китайцев — мастеров одного из монастырей Шаолиня. Падин не очень понимал, чем невысокие худощавые китайцы лучше его здоровенных парней-охранников, но из уважения к Михаилу Георгиевичу пошел ему навстречу. Подвижные, немногословные, улыбчивые китайцы были незаметны и, вроде бы, ничего особенного не делали: сопровождали шефа, зорко посматривали вокруг при выходах из машины, проходах от двери до двери. Но в решающий момент именно они сумели предотвратить неотвратимое...

Утром того дня Падин, как обычно, выехал со своего загородного дома в город. Впереди и позади его машины ехали два джипа охраны. В районе Барвихи они увидели вроде как аварию: поперек дороги стояли битая «Вольво»-седан и помятый кроссовер «КИА»; недвижно лежал на земле человек под темной тряпкой. Из-под нее вытекала кровь. К остановившейся машине охраны направился инспектор ДПС с жезлом в руках, что-то говоря по рации.

Вдруг позади машины Падина резко остановилась старенькая «пятнашка» — «Жигули». И вот тут китайцы сориентировались быстрее всех. Как они уловили угрозу, было

непостижимо. Они моментально достали свои автоматические пистолеты, выскочив из задней машины охраны. Выскочивший из «пятнашки» высокий человек в маске выправил в боевое положение «Калашников»; раздался резкий грохот. Но автомат замолчал, выпустив не более пяти-семи пуль. Стрелявший тут же был сражен пулями китайцев; издав рваный, болезненный вопль, он рухнул на спину; тупой звук от удара его головы об асфальт был слышен далеко; «Калаш» застрял у него под рукой, неестественно ее выломав.

Где-то истерично заверещала женщина; хлопнула дверь каких-то ворот.

Бронированное стекло падинского джипа треснуло, но не поддалось; однако несколько пуль прошли через металл боковой двери. Одна из них рикошетом ударила ему в плечо. Это произошло потому, что он, моментально сообразив, что происходит, лег на сиденье. Таким образом, он сам поймал эту пулю. Водитель вначале пригнулся; затем быстро достал автомат, выскочил из машины. Из битой «КИА», что была вроде бы аварийной, выскочили еще двое в масках с автоматическим оружием и намерились расстрелять джип Падина. Но китайцы тут же начали в них безостановочно палить, и сразили обоих. Водитель Падина и четвертый охранник молча расстреляли джип и «пятнашку». Стрельба имела такую интенсивность, что кроссовер «КИА» прямо-таки содрогался и ехал, машину заволокло синим дымом. Из нее выполз раненый водитель, истекающий кровью, с поднятой правой рукой...

Охранники, убедившись, что в машинах больше никого живого нет, подскочили к раненому, схватили и затащили в свой джип.

Водитель Виталий заглянул в машину шефа, открыл дверь, нервно крикнул:

— Сергей Валерьевич, вы как? Вы живы?

— Нормально, Виталий. Плечо задето, но крови мало.

Виталий достал аптечку, оттуда бинт, начал молча делать перевязку. Падин мычал от боли, но терпел.

Вскоре подъехали полицейские машины. Выскочило сразу человек десять полицейских; началась суета, беготня, замеры, расспросы; производилась видеозапись, фотографирование. С лежащего на земле «труп» сняли тряпку; оказалось, что валяется цивильно одетый манекен, из-под которого вытекает кетчуп из разбитой банки...

Майор полиции тут же залез в машину Падина, быстро расспросил его о том, что произошло. Вскоре подъехало несколько скорых, а также съемочная группа одного из центральных каналов. Телевизионщики попытались прорваться к Падину, но охрана их не подпустила.

Медики сняли любительскую повязку Виталия, быстро обработали рану, сделали уже слоеную, серьезную повязку. Немного меланхоличный, тучный врач спокойно спросил:

— К нам поедете, господин Падин?

— А что, есть необходимость?

Врач пожал плечами.

— Угрозы жизни нет. Пули там нет. Только рана.

— Может быть пуля отравленной?

Медик пожал плечами.

— Стреляли из «Калаша». Все пули протравить сложно, но можно ... Надо бы подстраховаться. Головокружения, тошноты не чувствуете?

— Нет. Только сильно болит.

— Вряд ли отравленная. Если травят, то быстрым ядом. Но советую на всякий случай пригласить спецов по ядам. Мало ли чего. У вас ведь есть возможности.

— Я вызову. Еду домой.

— Хорошо.

Медик вылез из машины Падина и исчез. Ему на смену пришел следователь.

— Как вы себя чувствуете, Сергей Валерьевич? — спросил он, назвав свою должность и фамилию.

— Терпимо, — отвечал Падин. — Просьба у меня есть.

— Слушаю.

— Мне бы без проволочек и протяжек выяснить, кто этих ребят направил. Кто заказал.

— Понимаю. Мы выясним.

— Я доверяю. Я хорошо заплачу. Но лучше поезжайте с этим человечком в мои пенаты. Там бы его и расколоть вместе с нами. А потом к вам.

— Понимаю. Можно и так. Я договорюсь. Начальство, возможно, разрешит.

Он вышел из машины, сделал звонок. Потом вернулся.

— Я договорился. Начальство пошло навстречу. Я еду с вами, и еще эксперт. Но утром его надо к нам.

— Договорились.

Падин вызвал Виталия, и тот быстро подошел к окну машины.

— Виталик, берите парня раненого и везите на объект 33. Расколите его. Утром — вот с этим товарищем, Михаилом, отправите к ним в УГРО.

— А вы?

— Я к себе. В больницу не надо. Все нормально.

Виталий кивнул. Следователь вышел из машины.

— Все финансовые вопросы — через Виталия, — бросил ему Падин. Следователь кивнул.

Китайцы заскочили в свой джип. Все три машины рванули с места и исчезли.

Объект 33 был заводом по производству стеклопакетов. Неподалеку от завода находилась резиденция для гостей с подвальным помещением. Туда отвели, перевязав, раненого пленника. Он получил три ранения, одно из которых было проникающим. Сознание его было не вполне ясным.

Приехавшие медики из медцентра катастроф ближе к ночи парня откачали. Кровотечение в брюшной полости было остановлено. Обошлись воздействием через катетер, без операции, через маленький надрез. В три часа ночи он уже мог говорить. Как и следовало ожидать, он оказался лишь исполнителем. Кто сделал заказ, не знал. Однако

сообщил, что знал по прежним делам того, кто отдавал распоряжения. Он назвал имя и фамилию этого человека.

Следователь по своим каналам быстро навел справки. Выяснилось, что руководил операцией человек из ЧОПа, который пятнадцать лет назад сделал под себя Гордин.

Таким образом, факты указывали на то, что покушение организовал все-таки Гордин. Падину стало ясно, почему так настороженно к нему теперь относились на всех встречах ближайшие приближенные Гордина. Служебные собаки уловили настроения хозяина.

В тот же вечер на телеканалах вышли репортажи о покушении. Все они заканчивались одинаково: тучный медик констатировал, что осмотрел Падина и нашел, что его жизни ничего не угрожает, что состояние олигарха нормальное. Представитель МВД заявил, что открыто дело, ведется следствие. Все.

В тот же вечер Падин связался с Берестовым по спутниковому телефону, полностью закрытому каналу связи. Михаил Георгиевич был встревожен.

— Начинается большая игра, Сергей. Этого следовало ожидать. Хорошо, что все обошлось так. Вы примите свои меры, мы примем свои.

— Спасибо вам за китайцев! Опять вы меня удивили! Второй раз меня спасаете!

— Мое дело невеликое... Судьба и ангелы хранят вас. Берегут для большого дела.

— Дело идет вширь, это правда. Как у вас-то дела? Более-менее?

— Есть тревожные нотки. Игрушку одну зацепили. Фон пошел. Игроки зашевелились. Ничего, игру продолжаем. Главное, что ребята не подвели.

— Знаю. Вся страна гуляет. Петарды бьют днем и ночью. Будьте осторожны, Михаил Георгиевич. Вы нам всем очень нужны.

— И вы будьте осторожнее, — отвечал Берестов. — Они ведь не остановятся. Нужны некоторые решения... Более радикальные...

— Я понял вас.

— Просьба такая. Надо начать расширение диапазона показа. Помните тот разговор? Чтобы побольше народу. Панели большие и прочее.

Падин понял, что речь идет о плане, который они оговаривали на случай успешной игры команды. Речь шла об организации массовых телетрансляций игры сборной на площадях больших городов, на гигантских видеопанелях.

— Я запускаю этот проект, — ответил Падин.

— Хорошо бы успеть хотя бы к третьему матчу.

— Сделаем.

На том и порешили. Буквально на следующий день одна из фирм Падина начала производить работы по закупке и установке в крупных городах России огромных видеопанелей. Эта работа была заранее согласована с администрацией этих городов. Некоторые из ответственных лиц получили крупные взятки, однако сделано это было таким образом, что следов, ведущих к Падину, никто не смог бы обнаружить.

ГЛАВА 49

Андрей Маранов после долгих размышлений, после мучительных консультаций и споров с Курбановым, Провоторовым и Пиоро все же пришел к выводу, что на игру с Уругваем надо опять ставить второй состав. Логика его была простой: одно очко уже есть, все игры в группе закончились в первом туре вничью. У всех, таким образом, по очку. Если вторая игра не будет выиграна, надо будет ставить первый состав на третью игру и железно выигрывать. Даже если будет ничья с Уругваем, надо ставить на Алжир первый состав. Но Уругвай надо обыгрывать. Маранов точно знал, что эта команда слабее французов. Она тягучая, упорная, но звезд в ней нет. Ее ничья со сборной Алжира — боевой, составленной из темнокожих атлетов —

не произвела впечатления. Если выбираться периодами из вязи их прессинга, то забивать им можно и должно.

С тем он и вышел к ребятам в то утро, когда должна была состояться игра. Он обратился прежде всего к первому составу:

— Мужики, первый состав! Прошу, не обижайтесь на меня. Я прекрасно знаю, что вы рветесь в бой, что вы хотите играть. Не сомневайтесь — ваш час настанет. Но поймите: есть такая вещь, как тактика и стратегия турнира. Мне сейчас невыгодно вас светить. Ребята из второго состава почувствовали игру. Я верю в них. Они могут и должны победить Уругвай. А вы работайте, готовьтесь. Самую тяжелую, страшную работу придется выполнить все же вам. Помните об этом. У нас не самая сильная группа, слава богу. Французов прошли, в принципе, нормально. Главные бои начнутся с одной восьмой, сами знаете. Вот там будет рубка. Вот там и будете работать. По большому счету работать! Никаких ничьих уже не будет. Надо будет только выигрывать. Я вас буду подпускать по одному, чтобы обвыклись с полем, вообще с атмосферой. При первой же возможности. Поиграете, не волнуйтесь.

Из всей этой шумной, немного суматошной игры, которая в целом шла с небольшим преимуществом российской команды, Андрею Маранову запомнились ярко только отдельные эпизоды.

22-я минута. Кармадонова на резком проходе к воротам сбили тяжелым ударом по ногам. Защитник получил желтую, но она у него была второй. Судья сделал жест — отложенное удаление. Это было новое правило, принятое ФИФА недавно. То есть при следующей даже небольшой грубости игрок будет удален. К этому защитнику приблизился Греммин. Увидев его, защитник побежал было назад, но по дороге оттолкнул стоявшего рядом Вибергасова и получил обратный толчок. Началась драка с участием пяти игроков с каждой стороны. Греммин, зная силу своего удара, никого не бил; он стал вроде бы мягко отстранять уругвайцев; на

самом же деле он сильно сдавливал им болевые точки на руках. Двое в шоке отпрянули. Судья ничего не заметил; он метался и свистел. На трибунах неистово бесились болельщики. Получили желтые карточки два уругвайца, Рославцев и Середа.

31 минута. Штрафной пробивает Вибергасов. Делает длинный разбег, но не бьет, а кидает вправо мяч на рванувшегося Прокопенко. Тот пропихивает мяч вправо, и из-под ноги защитника резко бьет точно в угол. Волна радости словно окатывает тренера, врывается в грудь щемящим животительным теплом. Русские трибуны кипят. Флаги России словно порхают над стадионом, разноцветные шарiki летят вверх.

37 минута. В одной из редких контратак уругвайцы заработали угловой. На подачу в штрафную сбегается почти вся уругвайская команда. Гремин и старается сдвинуть их от ворот, но те упираются. На мяч бросаются сразу восемь игроков, Мушарапов остается в воротах. После срезки Шерстобитова мяч попадает в руку защитника Середы. Тому надо бы поднять ее сразу, но он продолжает игру, выбивает мяч. Судья секунду думает, но затем назначает пенальти.

— Черт знает что! — вскрикивает в сердцах Курбанов. — Что за чертовщина!

— Не везет нам... С 68-го нам не везет с Уругваем. Рука была, но не умышленная. Эх, Ваня!

Уругвайские болельщики все встали. Грохот стоит неимоверный, оглушая игроков, сдавливая им головы, вышибая из нее все мысли, оставляя только дикие, необузданные эмоции.

Мушарапов весь сжат, как рессора агрегата. Потом он скажет, что увидел вдруг свою мать — как она смотрит на него в телевизор в домике на окраине Будамши... Он по своей интуитивной методике моментально настраивается на психику бьющего игрока. Самое главное — в долю секунды просчитать, куда он бьет, и не попасться на ложный замах.

Капитан уругвайцев, плотный невысокий мулат с дредами, увязанными в пучок, делает длинный разбег, мощно

бьет. Мушарапов мгновенно улавливает, что мулат нарочно косит в левый угол, а пробьет в правый. Мяч идет не в угол, а рядом с Мушараповым. Каким-то чудом он успевает выставить ногу. Мяч отскакивает за лицевую...

Уругвайские игроки хватаются за голову. Русская трибуна вся встает.

Игра вновь резко обостряется, на разных участках поля то и дело возникают стычки. Рядом тут же появляется Никита Гремин. Он никого не толкает, не бьет, только надвигается. И вдруг кто-то из уругвайцев мешком падает на газон; стычка прекращается.

Один из уругвайцев замечает, что происходит нечто необычное. Он подозрительно смотрит на Гремина, что-то говорит капитану. Тот показывает судье на Гремина. Но судья ничего не понимает. Никаких нарушений с его стороны он не видит.

Примерно 75-я минута. Маранов замечает, что уругвайцы резко сбавляют темп — они начинают уставать, на прессинг сил у них уже нет. У одного из их игроков сводит ноги, и он долго лежит на газоне, пока все остальные игроки команды пьют воду. Марановцы воду не пьют. Они, как и полагалось по практике, просто ровно дышат, стремясь сократить число дыхательных циклов до 3-4 в минуту. Они чувствуют себя совершенно свежими, полными сил.

Преимущество русской команды становится подавляющим. Стремясь разорвать вязкую оборону, Кармадонов, Грознецкий и Рославцев виртуозно комбинируют на флангах. Вратарь хорош, но гол назревает.

82-я минута. Срабатывает тайный козырь Маранова — ясновидение Грознецкого. Рославцев дважды подряд запускает его в угол поля, в гущу игроков, но Грознецкому не дают подать. Но на третий раз все же получается. Нападающий крутится с мячом неподалеку от углового флажка, спиной к воротам, собрав возле себя трех защитников; сразу трое марановцев бросаются в штрафную, ожидая паса. И вот он следует: ювелирный, точнейший, скрытый навес

в район дальней штанги. Защитники опаздывают, и Олег Прокопенко, никем не прикрытый, сильно и точно пробивает головой в верхний угол.

Это вообще была его игра. Вся Украина, как потом писала пресса, после игры стала считать его чуть ли не национальным героем. Его помнили по игре в «Шахтере», где он не особо выделялся, где его затирали, где он поучил роковую травму и на три года выбыл из футбола. Его появление в сборной России в таком качестве, с такой игрой было полной неожиданностью. Именно он сделал счет в этой игре с Уругваем.

После матча команда бросается прежде всего к нему. Его треплют за светлую косичку, за бородку, дружески подталкивают.

Неожиданно после игры уругвайцы предстают совсем другим людьми — они подходят, обнимаются с нашими, улыбаются, смотрятся как нормальные, симпатичные парни. Становится понятно: игра, боязнь проигрыша делала их совсем другими на поле. Теперь они понимали, что соперник сильнее, и обиды ни на кого в их душах не таили. Даже тот защитник, что трижды сбивал Бухарова и вывел его из строя, подходит к Вибергасову, извиняется на английском, разводя руками — мол, так получилось, не мог я иначе удержать вашего крайнего. Но вот на Гремина уругвайцы косятся с опаской, недоброжелательно; руку ему нежимают. Позднее в Уругвае его стали называть «el brujo ruso» («русский колдун»).

В автобусе все поют русские песни. Андрей Маранов ощущает в душе спокойную, ровную, какую-то щемящую радость. Они выиграли на чемпионате мира! Они выходят из группы — это теперь ясно. На игру с Алжиром опять можно не ставить первую команду. Интрига приобретает все более конкретные черты; сложный клубок возможностей и вероятностей постепенно разматывается. Если они выигрывают у Алжира, то в полуфинале выходят, скорее всего, на Португалию. Это ни плохо, ни хорошо — класс команд, уверенно вышедших из групп — Италии, Испании,

Аргентины, Германии, Бразилии, — примерно одинаково высок.

Вечером после праздничного, бравурного, торжественного ужина на базе с присутствием шампанского, цветов, поздравлений и тостов футболисты обеих команд и тренеры (вновь без женщин) смотрели вторую игру американцев. Это была их игра со сборной Ирана.

Внимание к этому матчу было приковано во многом потому, что у него, как и много лет тому назад, была очевидная и тревожная политическая подоплека. У всех была на памяти история 2023 года, когда американцы начали активно разворачивать новую антииранскую кампанию, снова раздувая миф о ядерной угрозе. Новый президент Ирана, молодой, интеллектуальный, горячий человек, действительно крайне негативно высказывался в отношении американцев, активно работал против их политики, направленной на взятие под контроль исламских стран Ближнего Востока. Именно иранский президент помог укрепиться крепким диктаторам в Ливии и Сирии, нацеливался на наведение порядка в погруженном в вечный внутренний раздрай Ираке. Вошедшие тогда в Средиземное море два американских авианосца, активизация сухопутных войск НАТО на Балканах, в Турции и Саудовской Аравии поставили мир на грань страшной войны, которую лишь чудом удалось избежать благодаря активной внешней политике России, Франции и Германии, а также возникшему политическому кризису в самих Соединенных Штатах. С тех пор отношения между США и Ираном оставались не просто прохладными. Ненависть к американцам в Иране была такова, что даже мирный американец мог оказаться просто разорванным на части, окажись он в том или ином иранском поселении.

Маранова интересовала игра киборгов, их возможности. Он тревожно и мучительно размышлял, как играть с этой необычной командой так, чтобы сохранить здоровье игроков, чтобы одолеть ее убедительно, безоговорочно.

Игра получилась скандальной, тяжелой, порой даже страшноватой. Иранцы бились настолько дерзко и отчаянно, что большую часть первого тайма не уступали американцам. Они следовали за их сильными маневренными полузащитниками буквально по пятам, не давая им ни принять мяч, ни сделать опасную передачу.

С каждой минутой эта игра для Андрея Маранова и его игроков становилась все интереснее. Это был уже не футбол — на поле шла война. На 21-й минуте произошло важное событие: иранцы, пробив свободный удар, активно пошли на вратарскую, и в сутолоке протолкнули втроем мяч в ворота американцев. Удивленные, озадаченные киборги после этого словно озверели. Они настолько прибавили в активности, что иранцы стали просто отлетать от них, когда пытались сыграть в корпус, отнять мяч. Однако сражались они отчаянно, бросаясь на могучих атлетов американцев вдвоем, а то и втроем, борясь за каждый мяч.

В итоге тяжелого и длительного натиска 9-й номер американцев Баррд забил гол ударом из-за штрафной, страшным по силе. Отбивавший мяч вратарь просто был развернут силой удара в ворота и выпустил мяч за ленточку. Возле штрафной вспыхнула первая драка. Трое киборгов явно удерживали себя, отступали, улыбаясь, выставляя вперед руки, стараясь не повредить нападавших на них людей. И только высоченный, похожий на гориллу Дюггард не мог себя контролировать. Что произошло, было трудно понять даже на повторе; казалось, он просто схватил за руку одного, за плечо второго; но в итоге эти двое упали на газон, корчась от боли. Их вынесли с поля на носилках. Позднее выяснилось, что у одного из иранских игроков сломана ключица, у другого — трещина лучезапястной кости и болевой шок от удара в солнечное сплетение. Растерявшийся судья не видел ни ударов, ни касаний. Но, видя состояние иранцев, он все же решил удалить с поля, но не Дюггарда, а Дремера, который пару раз до того махнул рукой во время возни с иранцами.

Комментировавший матч российский комментатор бросил такую фразу:

— Что-то нечеловеческое есть в этих людях. Недаром говорили, что эта новая команда как будто не американская, а словно с Луны свалилась. Впечатление, что эти люди играют вместе уже лет пять как минимум — так они сыграны. У них такой четкий рисунок на поле, подстраховка — диву даешься! Они мне напоминают машину, которая работает в каком-то одном режиме. При этом физически они просто монстры, терминаторы какие-то. Со мной рядом сидит комментатор иранского телевидения... Я слышу, как он несколько раз кричал в свой эфир понятное слово: «Шайтаны! Это не люди! Это шайтаны!» Интересно, не правда ли?

После перерыва иранцы также боролись, но на жесткий прессинг их уже не хватало. Вышедшие на замену бывших игроки были ниже классом. Американцы вскоре подряд забили два гола; игра пошла под их диктовку. Они хорошо, быстро двигались с мячом и без мяча, играли согласованно в пас.

Иранцы смирились с поражением, но лица были искажены ненавистью к сопернику. Но теперь они просто опасались приближаться к ним и вступать с ними в драку. Лишь после игры один из иранцев, рослый парень лет 32, бородатый, злой, подошел к Дюггарду — полузащитнику, который сломал двух игроков иранцев, и неожиданно кулаком ударил того по голове. Все игроки вместе с Марановым наблюдали на среднем плане страшную сцену: получивший тяжелый удар американец просто развернулся, абсолютно не отреагировав на удар, спокойно протянул руку к голове иранца, сделал легкое вращательное движение кистью. Иранец мгновенно упал и, недвижимый, замер на газоне...

Иранские болельщики повскакивали с мест. Их и так едва удерживали на трибунах полицейские кордоны. Люди рванулись на поле. Тут же подъехали машины с водометами; мощные струи ударили в толпу. Началась бешеная

заваруха. Телетрансляция матча прекратилась. Позднее СМИ сообщили, что иранец лежит в реанимации одной из клиник, что он в коме.

В Иране толпы возмущенных людей вышли на улицу. Повсюду, во всех городах страны жгли американские флаги. Волнения начались также в Сирии, Иордании, Ливии. Только активные выступления уверенных в себе диктаторов удержали толпы от погрома американских посольств в Мосуле и Дамаске. Везде были нарисованы плакаты с фотографиями американских футболистов, к головам которых были пририсованы рога. Везде пестрели подписи: «Шайтаны!», «За американцев играет сам Машиах» и так далее.

— У них уже не осталось людей, которые могли бы честно сражаться на поле, — заявил президент Ирана. — За американцев играли люди, не похожие на людей. Мы требуем провести независимую экспертизу их игроков! Это не люди, а звери, обладающие нечеловеческой силой!

Слова президента Ирана были подхвачены комментаторами во всем мусульманском мире. Сразу стало возникать множество версий, вплоть до близких к истине: высказывались предположения, что американцы провели направленную мутацию, и вывели новую генерацию особо мощных людей.

— Ну, что скажете, парни? — спросил своих игроков Андрей Маранов, стоя напротив них на небольшом подиуме в центральной гостиной виллы. — Сможем сыграть с этими... гориллами?

Никита Гремин, а затем Олег Приданцев, Игорь Пересветов и все остальные поднялись со своих мест

— Мы их раздавим, этих сволочей, — хриплым голосом сказал Никита Гремин. — Мы будем не мы, если их не оставим! Пусть мы все костями ляжем, но мы их похороним тут же, на поле.

— Мы их сделаем! — сказал Степан Рыклин. — Да, они играют хорошо. Но мы сыграем лучше. А когда начнут хамить и ломать нас, мы будем ломать их.

Маранов покачал головой:

— Ребята, сделать это сложно. У них скелет состоит не из костей, а из сплавов. А у вас, извините, кости. Сломать их не получится! Но мы уже выясняем, какие у них слабые места. Есть у меня консультанты, знающие люди. По первому приближению скажу, что в районе солнечного сплетения у них, похоже, управляющие чипы. Если возникнет драка, от ударов уходите, как вас учил Каркасов. Не попадайте под их удары, прошу вас. Под их захваты — не попадайте, уходите, слышите? Вы не сможете их побить в лобовую! Бейте их астрально; если нет выхода, бейте ногой в солнечное. Я буду узнавать, куда их надо бить. Сейчас наш полковник выступит. Надо дать им такой отпор, какого они не ожидали получить. Будет очень тяжело. Но я верю в вас. Вы же витязи! Вы — берсерки. Вы не можете им уступить.

С места поднялся полковник Каркасов. Он был, как всегда, немногословен:

— Из чего бы эти человекоуроды ни были сделаны, у них не может не быть нервных сочленений. Иначе, извините, они бы не бегали и не прыгали. Бить их надо в нервные узлы. Если точки у них смещены, надо бить просто в сплетения нервов. Если у них артерии есть, есть и точки смерти. Дайте мне время подумать. Я что-то придумаю. Нужно провести занятия. Я обучу парней особым ударам. Мы их просто будем обездвиживать, и все.

Маранов кивнул:

— Начните завтра же. Время — 12:30. Час вы будете иметь. Каждый день. Но нам надо дойти до встречи с ними. Надо дойти непременно!

— Мы дойдем! Мы прорвемся!

Взбудораженные, возбужденные парни с песнями и криками отправились отдыхать.

На уровне ФИФА после матча США — Иран началось разбирательство. Поначалу были озвучены горячие требования наказать американцев за сверхгрубую игру, провести медицинское обследование игроков. Однако буквально на

следующий день эти крики и заявления стали звучать тише и тише, а потом и вовсе замолкли. Один человек из членов совета ФИФА внезапно умер от инфаркта. В итоге на специальном заседании всего-то было решено отстранить от игр чемпионата Лингварта. Бруккс должен был пропустить две игры. Этим дело и закончилось.

ГЛАВА 50

Магистр Ричард Виндинг-Бронс всю первую неделю чемпионата находился в состоянии крайнего нервного перевозбуждения. Несколько раз кровяное давление у него поднималось к нехорошим отметкам в 165 на 110. Благодаря редким суперсовременным препаратам ему удавалось сбивать давление и оставаться в рабочем состоянии. Он жил на вилле своего давнего друга, Мануэля Хуареса, аргентинского медийного короля. На игры его доставлял на серебристом экскавизере, а далее на черном лимузине Хуареса.

Все тягостные его размышления, возникшие после катастрофических видений, понемногу растворились. Друзья-маги, и в первую очередь Фергюссон, помогли ему избавиться от этого наваждения.

— Ричард, не стоит придавать такого значения снам, — говорил ему Фергюссон. — Эти механизмы до сих пор не поняты. А людям свойственно поднимать их значимость. Вон, даже в Библию включили видения каких-то непонятных ребят. Да мало ли какому шизофренику что привидится? Забудь про все. Нам надо делать дела здесь.

Первая игра команды США прошла без особых осложнений; поднявшийся после ее победы над бразильцами шум приятно ошеломил магистра — ведь это была и его победа. Полулюди-полуроботы доказывали делом торжество его кредо: в будущем население планеты должно будет управляться при помощи именно таких существ. И именно с их помощью, как считал магистр, можно будет меньше чем через столетие создать первые поселения землян на Венере

и Марсе; именно андройды построят там поселки, доставив с земли необходимые материалы; именно андройды новых поколений обустроят эти поселения и создадут все условия для нормального пребывания там людей. Активное же освоение Луны должно будет, по прогнозам магистра, начаться уже в конце текущего столетия.

Магистр однажды впал в фантазмагорический раж и представил себе совершенно фантастическую картину: первый футбольный междупланетный чемпионат по футболу! Пусть он пройдет на Марсе; пусть на накрытом стеклянным колпаком зеленом газоне сразятся сборные Земли, Луны, Марса и Венеры! И миллионные толпы на огромных пустырях Земли будут лицезреть трехмерное или четырехмерное изображение, раскрывшееся просто в небе, на пространстве в сотни квадратных километров! И звук будет без всяких динамиков разноситься по всей планете! Это будет грандиозно! К тому времени, скорее всего, и инопланетники уже не будут скрываться от землян, перестанут считать их неполноценной, находящейся в младенческой стадии, цивилизацией; может, и они ради забавы выставят свои команды; и тогда начнется чемпионат галактики Млечный Путь! И футбол сдружит представителей совершенно разных цивилизаций! А дальше... А дальше уже Большой Космос! Межгалактические чемпионаты! Сам Первотворец назначит судей, и будет присутствовать на финальном матче!!!

«Эка куда тебя понесло! — засмеялся магистр, удивляясь собственным мыслям. — Ты сначала на этой планетке разберись, с этими идиотами... А то делаешь для них доброе дело, а они еще гадят тебе под руку; они еще недовольны, уроды!»

Эпизод с покушением на русского миллиардера Падина несколько удивил магистра и политтехнологов Братства Обновления. К этому покушению агенты Братства не имели никакого отношения, потому логично было предположить следующее: после того как они подбросили Гордину

документы, подтверждавшие ведущую роль Падина в создании футбольной команды, он решил себя обезопасить и убрать конкурента задолго до окончания чемпионата. То, что покушение не удалось, было не очень хорошо: Падин получал венец мученика, жертвы; таким образом, он действительно мог приобрести некую дополнительную харизму. И все же она вряд ли оказалась бы столь значительной, что могла повлиять всерьез на ход президентских выборов в России.

По поводу команды русских разговор на заседаниях лож не заходил. Общее мнение было такое: русская команда неплоха; на фоне унылого и бесцветного футбола этой страны она, понятно, представляется ее народу чуть ли не бриллиантом; но на фоне грандов футбола она смотрится лишь неплохим коллективом, способным, возможно, пробиться в четвертьфинал, но вряд ли далее. Работа по дальнейшему выяснению обстоятельств, связанных с этой командой, была прекращена. Даже если бы русские и вышли в четвертьфинал, это не послужило бы поводом для какого-либо электорального выплеска в пользу создателя клуба. Гордин все равно остался бы главным конкурентом, учитывая, что почти все СМИ в стране находятся под его контролем.

После первой игры общий сбор технологического актива было решено не проводить. Магистр, Джессен Балнемур, доктор Хайслер и другие просто вышли с ним на связь. Он вглядывался в их довольные физиономии, вслушивался в торжествующие голоса и чувствовал, что и его лицо расплывается в довольной гримасе. Они обсудили детали дальнейшей информационной защиты проекта, вброса нужных легенд и сведений в СМИ, как и другие вопросы.

А вот вторая игра сборной США, с Ираном, действительно всерьез обеспокоила всех. Андроиды опять отклонились от программы, показали свои физические возможности не там, где надо. Тяжелые травмы иранских игроков привлекли к ним ненужное внимание. Травматологи

отмечали, что травмы нехарактерны для обычных драк между людьми; что характер повреждений свидетельствует о нечеловеческой силе ударов и движений. Эти, как и другие совершенно ненужные Братству заявления пришлось активно дезавуировать через печать и яркие вбросы в медиасферу. Пришлось также ликвидировать опасного человека-правдоискателя, серба, будоражившего верхи ФИФА.

Пиарщики Братства Обновления запустили во всю мощь свою машину; моментально были созданы сюжеты о семьях игроков сборной США; жены их подробно рассказали, как тренируются их мужья и отцы, как они были упорны в приобретении недюжинной силы. Одна из женщин (конечно же, подставных — работали нанятые актрисы различных театров Америки) показала, как ее муж Джереми Воупс каждый день поднимает штангу весом в 400 кг; как отжимается от пола на руках до 5000 раз; сколько десятков километров он набегаёт за день. Лукаво улыбнувшись, она намекнула на его недюжинные сексуальные способности. «Да, мой Джереми — настоящий сверхчеловек; но он сам сделал себя таким! К нему часто заходят друзья по команде: Дремер, Дюггард, Бруккс. Они, конечно же, монстры, терминаторы. Я стараюсь их обходить за фут, как бы не задели. Их постоянно приглашает Голливуд на съемки, но они отказываются, потому что хотят выиграть сначала чемпионат мира; они тренировались днем и ночью! Я верю в то, что они обыграют всех! Страшно сильные! Трубы гнут! Они любят побороться, помериться силами в армрестлинге. У них вообще в команде культ силы. Потому иранцам не надо было лезть на рожон. Ведь они не обладают такой силой, потому и пострадали...»

Эти репортажи успокоили Америку, да и половину Европы тоже. В целом рядовой американский обыватель был доволен: команда мощная, играет сильно. Противник повержен. Все опросы показывали: американцы уверены, что команда США впервые станет чемпионом мира.

Совещание технологического актива затянулось снова за полночь. Специалисты по психотронике предложили ряд новых препаратов, которые позволили бы сбалансировать состояние андроидов, удержать их от разрушительных действий в отношении соперников.

Сексопатолог Патрик Альфаро заявил, что команда взвинчена еще от того, что большинству андроидов надоели их куклы. Часть кукол вообще вышла из строя. Среди андроидов усилилось брожение: наиболее умный из них, Баррд, убеждает остальных в том, что женщины, которых они во множестве видят вокруг, это вовсе не куклы, а живые, мягкие, настоящие люди и от них может быть много удовольствия.

— Нужно срочно что-то предпринимать, — говорил Альфаро. — Либо надо срочно им подбросить новых кукол. Это может, и удержит их внимание на неделю. Либо давайте им живых женщин. Иначе они могут озвереть! Сексуальная сфера у них мощная, но без нее нельзя: она связана с их боевым темпераментом. Тут глубинные генетические взаимосвязи. Но за судьбу девиц, разумеется, никто не сможет поручиться.

Один из психологов предложил забрать из тюрем страны наиболее внешне интересных женщин-заключенных и перевезти их в закрытую резиденцию, в Аргентину. И при необходимости отдать их андроидам.

— Женщин только надо будет привести в порядок, откормить. Большинство из них либо проститутки, либо наркоманки. Это все равно человеческий мусор. Надо провести оформление бумаг так, чтобы в случае их исчезновения никто бы не стал их искать.

Это предложение вызвало всеобщее одобрение. Магистр Фергюссон предложил и другой вариант:

— С тюрьмами может быть волокита. Можно ведь и без тюрем. Свяжитесь с наркобаронами. У них столько девок украдено, неучтенных нигде; они в притонах закрытых всяких, подвалах сидят. Им все равно не жить. Давайте дадим

деньги баронам; они их отдадут. Вот их-то точно никто не будет искать!

Магистр Виндинг-Бронс был единственным, кому такие предложения не понравились.

— Господа, мы забываем о кодексах Братства. Прямые явные злодеяния — не наш путь. Наша дорога — преобразование мира. Не надо равняться со всякой нечистью.

Но в этот раз большая часть собравшихся магистра Виндинг-Бронса не поддержала; его статус не был принят во внимание в той мере, в какой это обычно происходило. Барон был уязвлен; он замкнулся и покинул заседание в негодовании. Соответствующее решение по женщинам было принято.

Далее была высказано поощрение группе агентов Братства, усилиями которых удалось загасить начинавшееся разбирательство в ФИФА. Наиболее ярый сторонник расследования был убран; остальные либо запуганы, либо подкуплены. Операция прошла предельно гладко, что свидетельствовало о высоком профессионализме этих сотрудников Братства. Было принято решение о допуске двоих из них в Высший Круг.

Наиболее сложно и трудно обсуждался вопрос о русских агентах, вновь возникших на горизонте, которые сумели вывести из строя еще одного андроида-шпиона. Он, вообще говоря, должен был при помощи небольшого устройства моделировать волны особой частоты, способные постепенно запустить волну массового психоза на стадионе. Именно этот андроид должен был провести первое испытание устройства на людях; если бы массовый психоз начался, он бы выключил этот генератор. Русские агенты своей идиотской активностью повредили андроида, засветили его на точке сканирования. Специалисты вынуждены были отключить его от системы. При психиатрической экспертизе непременно бы выявились его нечеловеческие особенности, и этого допустить было нельзя. Была разыграна специальная драма с сошедшим с ума американцем, где убитая горем жена рассказала, что муж повредил психику после

гибели сына в авиакатастрофе, стал принимать наркотики. Был снят репортаж о похоронах ее мужа, где она и ее дети стояли все в слезах. Америка была растрогана до слез этой историей.

Примечательно, что один из членов ложи Виндинг-Бронса, Пакланд, выиграл пари у другого, Пиранелли, по поводу того, проглотят ли американцы эту версию. «Если они в 2001-м проглотили нашу утку насчет арабов, снесших здания Всемирного Торгового Центра, — смеясь, говорил Пакланд, — если их не удивило исчезновение сорока составов с металлом в течение тридцати секунд, значит, этим дебилам можно закачивать в мозги все что угодно — они проглотят и пойдут дальше жевать свои гамбургеры...»

Однако один из офицеров аргентинской полиции заявил, что в истории с андроидом не все чисто. Он сделал странное заявление, сказав, что скрученный на точке сканирования американец и игроки американской команды принадлежат к одной группе сверхсильных людей:

— Вы можете представить себе человека, которого шестьero сильных, прошедших спецподготовку мужчин не могут скрутить? — сказал офицер. — Можете представить, чтобы обычный человек отшвыривал мужчин весом под сто килограммов, как пластмассовые манекены? Я такое видел только в фильмах ужасов! Я настаиваю на вскрытии и обследовании тела! Оно может представлять огромный интерес для науки. Думаю, не только для нее... Для Интерпола, думаю, тоже.

Заявление получило огласку, что совершенно было не нужно Братству. Аргентинца до времени было решено не трогать, но сделать дополнительные вбросы, показывающие несостоятельность его подозрений.

Специалисты по IT-технологиям снова высказали озабоченность в связи с атакой на андроида на стадионе в Авельянедо.

— Вы говорите о вторичном. Вы можете убивать этих русских агентов, можете не убивать их. Но они делают

свое дело! — заявил разработчик базовых программ для андроидов Эндрю Мэтт. — Русские упорно пытаются снять частоты, на которых работают существа класса WH-12-P. Андроид вышел из строя, поскольку его сканировали. Русские агенты знали, что это андроид, и начали его сканировать. Вопрос, как они определили, что это именно андроид? Вы знаете ответ на этот вопрос? Я, например, не знаю! Мы создавали существо, абсолютно ничем внешне не отличающееся от человека. Как можно было в многотысячной толпе обнаружить его? Но они это сделали! Каким образом? Я честно скажу: я не знаю! Как специалист скажу: чисто технически найти его на стадионе, где семьдесят пять тысяч ряженных обормотов сидят, скачут и орут, невозможно! Не может быть сейчас таких сканеров. Значит, они владеют какой-то технологией различения. Но я уверен, что это не технического свойства технология, а какая-то другая. Вот вы, маги, вот вы сидите тут. Вот и попробуйте в этом разобраться! Это ваша сфера, это область сенситивов!

Это заявление вызвало раздражение магистров и рядовых членов лож.

— На основании чего вы это заявляете, Мэтт? — встал магистр северной ложи Фергюссон. — Такие заявления голословны! Да, у андроида, конечно, другая энергетика, более жесткая. Я найду его в толпе, но если буду ходить в ней часов пять. Наверняка есть какая-то техника.

Руководителю спецслужб Братства Сандерсу были также заданы вопросы.

— Скажите, господин Сандерс, — спросил магистр восточной ложи Дональд Фрог. — Почему андроид побегал от полицейских? Они-то тут причем?

— Он не бежал от полицейских, — отвечал Сандерс. — Это репортеры накрутили. Он бежал за тем, кто его сканировал. Его сканировал человек с техническим устройством, и включилась программа антисканирования. Соответственно, запустилась программа атаки, уничтожения источника сканирования. Это произошло в очень неудобной ситуа-

ции, когда вокруг было полно полицейских. Они не дали андроиду догнать и уничтожить агента, у которого было устройство.

— Черт побери, получается, что там было два агента русских? — вскочил Фергюссон. — Они по пятам идут за нами! Черт возьми, надо что-то предпринимать!

По поводу противодействия агентам русских были приняты исчерпывающие решения. Агентов при их обнаружении было решено ликвидировать. Первым подлежал ликвидации прежде всего тот бородач, который однажды ушел из рук Братства в аэропорту Нью-Йорка. Два опытных агента получили задание выследить и уничтожить этого особого опасного агента в ближайшее время. При обнаружении остальных рекомендовано было действовать по обстоятельствам, ликвидируя их по возможности тихо.

Четыре магистра, присутствовавшие на заседании, приняли решение ставить во время игры команды США непреодолимый энергетический колпак, чтобы предотвратить подключение по этому аспекту каких-либо враждебно настроенных магических сообществ. Магистры договорились, что каждая ложа будет по очереди осуществлять дежурство, охраняя команды от вторжений.

Было решено выставить против очередного соперника команды США — сборной Польши — помимо андроидов, футболистов из числа обычных людей. Все равно команда США, имевшая на счету 6 очков, уже выходила из группы в 1/8, так что бояться поражения уже не стоило. Возможно, даже стоило проиграть полякам, чтобы усыпить бдительность соперников, снять ажиотаж вокруг команды США. Параллельно было признано целесообразным развернуть в СМИ кампанию, которая будет постепенно готовить общественное мнение в США к тому, что действующий президент к команде не имеет никакого отношения, что она создана другим, очень влиятельным политиком. Однако имя кандидата в президенты от Братства Макферссона было принято пока не высвечивать.

ГЛАВА 51

После второго матча российской команды количество разномастной публики, ошивавшейся возле базы русских, несколько уменьшилось. Хотя команда и выиграла, но на фоне искрометной игры испанцев, немцев, португальцев, на фоне непомерно жесткой и мощной команды США русская команда была в СМИ оттеснена на периферию. Тотализаторы отводили ей приблизительно 7-8-е место, и суммы на нее ставились не очень большие. Большинство обозревателей считало, что дальше четвертьфинала она не пройдет ни при каких обстоятельствах. «Русские показывают временами очень неплохой футбол, — написал наиболее влиятельный европейский еженедельник «Франс-футбол». — Их стиль напоминает отчасти голландцев образца 70-х, команды Круиффа, с легкой примесью испанской комбинационности. Но они не способны показывать такую игру в течение всего матча. Они хорошо завершают игры — это понятно, так как игроки очень выносливы, физически подготовлены потрясающе. За счет этого вырывают победу в концовках. Но их игроки изучены, и теперь Германия, Испания и другие лидеры будут играть с ними всерьез. Потому у русских пройти дальше одной четвертой очень мало шансов...»

Однако теперь на базу зачастили чиновники из Федерации футбола и из Футбольного союза. Они просили допустить их на тренировки, постоянно теребили главного тренера, пытаясь понять его стратегию, высказать свои соображения. Им было непонятно, почему в таких важных играх чемпионата мира они не видят явных лидеров команды — Пересветова, Багрянова, Приданцева и Станишевского.

— Андрей Викторович, мы не понимаем вас! — пыхтел, едва не проливая коньяк себе на брюки, Юрий Плешаков, сидя с Марановым и Ануровым на веранде особняка, где жили тренеры и обслуживающий персонал. — У вас есть игрок мирового класса — Игорь Пересветов. Мы видели

его — это звезда! И вы его не ставите! Он бы мог забить голы, войти в символическую сборную мира. Народ хочет его видеть, его ждут. Ну почему его нет в составе? Мы вас не понимаем...

Маранов, разумеется, был готов к таким вопросам. Ему теперь приходилось хитрить. Обострять отношения с федерацией ему не хотелось — это было не нужно.

— Я же говорил уже, Юрий Петрович, — отвечал он. — Я не могу рисковать. Игорь тренируется. Но сустав правой ноги до конца не восстановлен. Я правильно сделал, что не пустил его против Уругвая! Тогда бы мы его точно потеряли!

— Это правда, — кивал Плешаков. — А что с суставом? Не помню, чтобы вы говорили об этом.

— Это старая история. Сустав был подбит еще четыре года назад. Мы его вроде залечили... Но в играх дома он стал на него жаловаться. Это очень, очень плохо. Понимаете? Я берегу его на крайний случай, когда нас надо будет спасать игру. Я поставлю его.

— А Станишевский? Такой технарь был бы очень кстати с Уругваем!

— Станишевский неважно переносит жару. У него было повышение температуры. К тому же... Он, понимаете, не совсем дисциплинированный человек. С Приданцевым не ладит. А Вибергасов с Рославцевым центр неплохо держат. Я его выпущу, скорее всего, в одной восьмой.

Плешаков покачал головой:

— Как жаль, как жаль! Вечная у нас невезуха! Но мы верим в вас! Народ в стране просто дуреет! Все площади забиты в день игр! Две ночи гудели после нашей победы над Уругваем! Наконец-то выходим из группы!

Плешаков прикладывался к рюмочке с коньяком, пыхтел и говорил, говорил... Ануров с трудом уводил его, мотивируя занятостью Маранова.

— Ждем разгрома Алжира! — напоследок крикнул Плешаков от ворот базы.

— Как получится, Юрий Петрович, — отвечал Маранов. — Будем стараться.

Игра с Алжиром, крепкой командой, которую готовил старый опытный немец Литтбарски, разумеется, также не ожидалась, как легкая прогулка. Алжир почти вровную сыграл в первом туре с Уругваем, пропустив лишь один мяч. Франции он проиграл со счетом 1:3. Понятно, что исламская команда хотела себя реабилитировать в последней матче на турнире. Однако игра сложилась не в их пользу.

В этот раз заведенные, поймавшие игру и темп игроки второго состава сразу же заиграли мощно и сильно. Алжир играл активно, яростно, но достаточно прямолинейно: игроки проходили к штрафной и без конца навешивали на своего 10 номера. Но он был наглухо закрыт Середой и Гарнаевым. Наша полузащита переигрывала алжирцев; шли быстрые диагональные передачи на фланги, все время назревали у их ворот опасные моменты. Африканцы вынуждены были уже в первом тайме много обороняться. На 22-й минуте, после длинной и многоходовой комбинации, Рославцев вывел на угол штрафной Дениса Грознецкого, и тот, находясь спиной к воротам, зряче, тонко и умно пробил мимо вратаря в дальний угол. Этот момент заметили очень многие комментаторы. Были высказаны предположения, что у этого игрока где-то спрятано техническое устройство, позволяющее ему «видеть спиной» (технический отдел ФИФА, как позднее выяснилось, принял это к сведению). Затем после углового, резко пойдя на мяч, отличился Олег Прокопенко. Мы повели 2:0. Алжирцы некоторое время яростно пытались отыграться, но у наших уже шла игра, и они снова и снова опасно атаковали.

В перерыве Маранов сказал игрокам странную вещь:

— Ребята, вы играете прекрасно! Это ваша лучшая игра. Но я вас прошу примерно о том же, о чем просил во время матча с «Рубином» первый состав. Играйте хорошо, играйте во всю силу. Но нам не нужна крупная победа... Понима-

ете, есть такое понятие — стратегия. Нас сейчас считают неплохой, но не выдающейся командой. Но вы знаете силу первого состава... Давайте отсрочим празднование. Скорее всего, нам придется в одной восьмой играть с Португалией. Или с Испанией. Одно другого хуже. Это будет не Алжир; это очень, очень трудные соперники. Нам не нужно, чтобы они нас рассматривали как равных себе. Это стратегия моя, понимаете?

— Ну, вы скажите прямо, Андрей Викторович, — спросил Нестор Вибергасов. — Не забивать больше?

— Вы играйте... Никаких поддавков, — отвечал Маранов. — И не подумайте! Надо играть в полную силу, ведь народ на нас смотрит. Они хотят видеть Игру! Но если игра закончится со счетом 3:1, это будет лучше, чем 4:0. А вы можете сделать 4:0. Это нам не нужно. Понимаете меня?

Однако этот разговор подействовал на игроков не лучшим образом. Они сбавили темп. Алжирцы же, которым нечего было терять, пошли вперед, стали очень активны. В итоге после штрафного они забили на 57-й минуте очень неплохой гол. Вдохновленные алжирцы пошли вперед. Теперь марановцы оборонялись, игра впереди у них разлазилась.

Маранов понял, что расхолодил игроков. Он осознал свою ошибку: в турнирах такого уровня непозволительно давать сопернику даже малейшего шанса. Алжирцы на 75-й минуте закатили в толчее у ворот еще один гол, и счет сравнялся. Теперь преимущество в эмоциональном настрое было уже у них, и они отчаянно пошли вперед.

Маранов произвел замены. Он выпустил Игоря Станишевского и Олега Приданцева вместо Вибергасова и Середы. Во-первых, он хотел лидерам первого состава поиграть, почувствовать поле; во-вторых, дал им задание взвинтить темп и наладить игру в центре.

Замены оказались правильными: игра в центре начала завязываться, полузащита стала выравнивать игру. Станишевский опять подолгу держал мяч, четко резал быстрые

диагонали на края; нападающие забегали, включили скорости. Алжирцы вынуждены были отойти назад. Завязалась позиционная игра, в которой шансов поразить ворота было больше уже у марановцев. Но их мощные удары сумел отразить вратарь. В итоге игра так и закончилась вничью — 2:2.

Разумеется, на родине в комментариях сквозило теперь некоторое разочарование: мол, команда хорошо начала, а затем упустила инициативу и едва не проиграла. Маранова критиковали за то, что раньше не выпустил Станишевского и Приданцева, класс которых сразу же все увидели. Репутация «странного тренера», который держит в запасе лучших, стала прирастать к Маранову. Народ жаждал побед.

Когда же выяснилось, что в одной восьмой мы попадаем на Португалию, пессимистические прогнозы начали преобладать над оптимистическими. Все знали, что команда тренера Криштиану Роналдо мощна, как никогда; что они ни разу не проиграли за последний год; что в их рядах сразу пять игроков «Реала» и три игрока «Барселоны». Они считались явным претендентом на золото. В предварительном турнире они уверенно обыграли Англию и Китай — также весьма сильные команды. Лишь с Италией португальцы сыграли тяжело, с трудом вырвав победу в конце игры. Все считали, что нам крупно не повезло. Неубедительно выглядевшие испанцы казались более подходящим соперником. И все же основная масса болельщиков, наблюдая ажиотажную атмосферу горячего аргентинского мундиала, надеялась, что наши сыграют, по крайней мере, достойно.

Во всех больших городах России на центральных площадях были установлены огромные (28 на 19 м) панели, на которых должен был транслироваться матч, и одновременно мощнейшие акустические системы также появились с двух сторон от экранов. За два дня до трансляции матча Россия-Португалия в Санкт-Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Омске, Симферополе и множестве других городов народ был информирован о массовом показе.

К этому мероприятию люди готовились семьями, компаниями, домами, намереваясь поболеть за свою команду вместе; людям было неизвестно, разумеется, что смысл сбора большого количества людей был связан с намерением магов Сообщества Славянских Волхвов перенаправить этот могучий энергопотенциал в сторону далекой Аргентины, установить прочный канал, дать игрокам таким образом мощную подпитку.

Игра должна была состояться 21 августа в Росарио, на стадионе Арроито. Весь день в городе бушевал страшный ветер; тяжелая песчаная буря надвигалась на город с пустынных пространств, угрожая засыпать его, завесить душной непроницаемой завесой. Но к вечеру вдруг ветер стих. В городе было сухо и жарко; тончайшая пыль все же доползла до города, и в некоторых районах дышать было трудно. Многие ходили по городу в респираторах.

Провоторов с утра попросил Маранова не проводить на открытом воздухе тренировок, опасаясь попадания пыли в дыхательные пути игроков. Они до вечера так и сидели в своих помещениях. Лишь за три часа до игры в крытом манеже игроки первого состава провели разминку.

После нее Маранов собрал всех в конференц-зале. Сказал он им такие слова:

— Ну что, мужики? У нас сегодня серьезный соперник. Очень серьезный. Вы все знаете, что по зачетным играм между двумя составами, разумеется, преимущество за первым составом. Поэтому сегодня именно он выйдет на эту игру. Тем более, как вы знаете, у второго состава есть потери. Бухаров серьезно травмирован, повреждено плечо у Вибергасова. Рославцев пропускает из-за трех желтых. Сегодня ваш черед: слово должны сказать лидеры. Первая команда выйдет в своем сильнейшем составе. Давайте все пожелаем им удачи. Будем верить в них, и помогать, как можем. Сегодня, возможно, придется впервые выйти даже на пятый режим... Все, что мы нарабатывали в те долгие месяцы в Перекатной, на Алтае и в Гималаях, должно тут проявиться. Все ваши способности, все ваши возможности.

Теперь проигравшая команда улетает домой. Мы должны победить. Я прошу вас все сделать для этого.

Игроки перед игрой долго кружились, обнявшись. Они настраивались. Они молились; они искали опору в себе, в своих душах. Они знали, что вся страна ждет от них игры, надеется на победу. Ребята уже видели по репортажам из дома, что на площадях скопились тысячи людей... Сердца их бились мощно и учащенно, кровь пульсировала в висках. Они готовились к важной битве целеустремленно и сосредоточенно.

Сергей Падин, который уже неделю не выезжал в офис и работал дома, устроился за десять минут до матча перед своей огромной телепанелью. Его сынишка ерзал рядом, приехал также и его старший сын Олег. И старший, и младший возбужденно перемещались по комнате, не в силах успокоиться.

Первым впечатлением был несколько ошарашенный тон комментатора после того, как он увидел состав, заявленный Марановым на игру. Комментатор даже замялся:

— Конечно, очень своеобразный это тренер — Андрей Викторович Маранов, что и говорить! Вот смотрю на объявленный состав, и диву даюсь: ни одного игрока стартового состава, игравшего все матчи до этого, не заявлено! Ну как это понять? Вижу в стартовом составе Гремина и Станишевского, вышедших до этого на замену. Приданцева вижу. Это хорошо, это хорошие мастера, мы видели. Но где все остальные? Этих игроков мы все считали запасными. Полностью другая линия защиты, полузащиты. Другие нападающие. Удивительно! Поразительно! Но факт! В таком матче — и нет основных игроков! Ну не знаю... Не знаю, что и сказать...

Сидевший рядом с Падиным, ерзавший младший сынишка вскочил и заорал:

— Папа, что такое?! Где Вибергасов? Где Прокопенко? Почему играют запасные? Тренер что, спятил?

Однако старший сын задумчиво посмотрел на отца.

— А похоже, умный мужик Маранов... А, пап? Главный состав сберег на главные матчи. Ох, что теперь будет!

Падин с улыбкой посмотрел на него.

Стоявшая на Красной площади у огромного экрана толпа с интересом вглядывалась в лица неизвестных им людей. Во время исполнения гимна России камера медленно двигалась вдоль ряда стоящих футболистов, и все рассматривали их лица. Увидели мужественное лицо капитана — рослого, мощного полузащитника Олега Приданцева, его светло-русую курчавую шевелюру, светлую бороду. Увидели тонкое, казавшееся бледным лицо худощавого, тонкого и при этом мускулистого Игоря Станишевского; его сомкнутые губы, сверкавшие пронзительным огнем глаза. Увидели возвышавшегося надо всеми плечистого бородача с увязанными в косичку длинными волосами, который угрюмо и одновременно яростно глядел на стоявших напротив португальцев, словно гипнотизируя их...

Женщины с удивлением рассматривали красивое, с большими голубыми глазами, лицо Игоря Пересветова, чуть наклонившегося вперед, улыбавшегося едва заметно чему-то, ведомому только ему. Народ отметил, что и эту команду составляли какие-то нестандартные персонажи, с какими-то неординарными, непростыми, запоминающимися лицами, на которых отпечатались следы жизненных перипетий и исканий. При этом все они были мощными физически, крепкими и беспредельно уверенными в себе.

Андрея Маранова опять начало трясти еще за час до начала игры. Он поймал себя на том, что панически боится отпускать от себя игроков, выводить их из прохладной раздевалки и такого же тоннеля туда, наверх, на жару, где равномерно и свирепо ревет стадион. Он общался с ними вплоть до того момента, когда они побежали, окруженные фото- и кинорепортерами, на построение.

Далее все опять для него превратилось то ли в фантазмагорию, то ли сон, то ли в когда-то просмотренное кино. Его психика словно защищалась от реальности и тем

сберегала его сердце от опасного перегруза. Маранов автоматически включил систему Верховерна — Ширяева, но редактировал теперь не текст, а это дикое, необузданное, переполненное динамикой и шумом, вытянувшееся во времени полотно.

12–18 минута. Он видит, что два массива — оранжевый португальский, сине-красный русский — схлестнулись, проникли, диффузировали один в другого, словно два кипящих страшных яда. Никто не может никого переотравить, переусилить, переокрасить в свой цвет. Но ребята его работают сразу на полном накале. Гремим орет, Мушарапов все время движется вдоль ленточки; Станишевский возникает то там, то здесь, стараясь связать разрозненные куски игры во что-то цельное. Преимущества нет.

С точки же зрения телекомментаторов это было ювелирное, филигранно вычерченное противостояние двух высококлассных команд. Рисунок игры сразу же прорисовался: так называемый открытый футбол, где никто не собирается концентрироваться на обороне, где обе стороны стремятся «выпустить жало» — вывести быстрого нападающего на позицию верного удара, проколоть энергетический контур соперника.

Уже через пятнадцать минут ведущий эфир комментатор Алексей Чижов сказал фразу, которую затем повторили многие:

— Ну что, можно сказать по первым минутам: игра высочайшего класса. Не верится, что играет российская команда. Простите, но такого класса игроков у нас никогда не было. Похоже, что это и есть основной состав! Ну и хитер же Андрей Маранов! Ну и хитер! Попридержал! Затаил! Вот это интрига! Ну, теперь давайте смотреть!

Но дальше ему пришлось удивляться еще более, потому что постепенно все лучше и увереннее играл Игорь Пересветов. Связка Приданцев — Станишевский при участии Багрянова непрерывно снабжала мячами Диденко, Раскато-

ва и Пересветова. Последний все больше брал игру на себя, все труднее его сдерживали защитники португальцев. К их чести, никто из них, увидев класс нападающего, не стремился грязно свалить или подсесть его. Играли чисто. Но только до времени. После того как он дважды очень опасно выходил с краю штрафной, два его мощных и точных удара с огромным трудом распластываясь, растягиваясь, вытащил опытный вратарь, защитники стали играть против него более жестко.

22-я минута. Она врезалась в сознание Андрея Маранова прочно, будто готовый видеофайл, специально обработанный на замедление, встал в секвенцию видеоредактора...

Станишевский мастерским пасом бросает от центра мяч метров на 40, на левый фланг Денису Раскатову; тот, не приземляя его (вот она, школа ногого волейбола!), резаным ударом переводит его на другой фланг, на Пересветова. Тому бросается наперерез центральный защитник, затем еще двое; однако Игорек, прикрывая мяч корпусом, резким финтом уходит от них в центр штрафной. Вратарь летит на него, пытаясь упредить удар, но Пересветов убирает мяч под себя и выкатывает его влево, на ход Диденко. Как он его увидел, непостижимо! Тот оказывается один перед пустыми воротами и как-то небрежно кидает его в сетку...

Красная трибуна россиян, как пикселизированное панно, вдруг закипает каждой крохотной ячейкой, каждым человечком; из кипения вырывается штормовой рев.

В далекой Москве Сергей Падин вскочил со своего кресла, побежал курить. Оба его сына, большой и маленький, орала и носились по дому. У него болело еще плечо, но он не чувствовал никакой боли. Он был счастлив, как никогда в жизни! Жена, подошедшая на шум, пристально наблюдала, стоя под аркой, позади мужа. Ее руки почему-то дрожали мелкой дрожью, лицо покраснело, глаза сверкали. Она уже понимала, что происходит с ее мужем. Она уже все поняла, что за таинственная команда появилась в родном

футболе, о которой столько пишут и говорят; почему муж остро воспринимает все связанное с ней. Она раскрыла его карты и теперь ожидала развязки.

Что он говорил парням в перерыве, Маранов позднее даже не мог вспомнить. Но что-то говорил, это точно. Что Олегу надо держать в центре восьмерку португальцев; что надо давить через левый фланг, где хиловатый темнокожий защитник. Что-то еще. В раздевалке сгрудились ребята из обоих составов. Царила бешеная суета, возбуждение; все кружились, пели славянские гимны. Было яростное, будоражащее ощущение мощи, власти над силой обстоятельств. Все дальнейшее мозг Маранова продолжал записывать фрагментарно по принципу «самое яркое».

52–55. Тревога. Очень тревожно. Португальцев трибуны гонят вперед. Угловой. Угловой. Гремин выбивает. Штрафной — Мушарапов четко берет мяч. Желтая у Полубоярова. Середина потеряна. Он выбрасывает планшет с цифрой 4. Восьмерка португальцев мощно финтит перед штрафной. Сильнейший удар в угол с левой. Боже, Вахит! Как ты дотянулся, братишка, дорогой ты мой!

62–68. Игру выровняли. Станишевский неутомим. Багрянов набрал обороты, Приданцев все чаще уходит вперед. Пересветов не получает мяч.

72-я. Гремин, как лось, раздвигает португальский центр, идет вперед. Последнее, что видит Маранов — широченную его спину, движущиеся лопатки, могучий ход. Умный, зоркий прищур Приданцева, слаженную стенку с Багряновым. Кто кидает мяч Гремину, со скамейки не видно. Последнее, что видит Маранов: мяч со звоном страшно ударяется о штангу, подсекает ногу вратаря, влетает в ворота...

Прямо перед ним скачут и пляшут Курбанов, Бухаров, Рославцев. Что-то кричат ему. Он тоже вскакивает. Это тишина? Тихо... Тихо от грохота. Нет, это все не по-настоящему. Так не бывает, чтобы все шло так ладно. Неужели выигрываем?

83-я. Португальцы уже пять минут идут напролом, кладут последние силы. Нестерович пропускает в штрафную длинного лысого парня. Тот один перед Мушараповым. Мастер должен забить. Но гола нет! Что сделал Мушарапов? Не видно, но как-то взял. У лысого круглые бешеные глаза. Он набегает на Мушарапова. Что-то произошло. Мушарапов лежит. Врачи выбегают. Массажист делает знак – замена... Мушарапов идет сам, держась за ребра справа...Курганов встает в ворота.

87-я. Откуда у португальцев силы? Сильные парни! Видно, нацеливались на золото. Восьмерка идет финтами через центр, его не удержать. Полубояров не успевает — ах, вот он, его лишний рост! Цепляет его ногой. Злобная месть восьмого: такой пенальти, в самый угол, взять невозможно. Наши ворота распечатаны... Стадион оранжевеет. Уши закладывает. Приданцев смотрит, нет ли планшета, нет ли пятой цифры. Нет, Олежек, не надо. Если еще забьют, возьмете их голыми руками в дополнительное. Они уже еле дышат. Играй, дружок. Работай. Мы ведь ведем.

88–90. Ребята вдруг озверели после гола. Ведь он же ничего им не говорил! Просто поперли все, как будто на пятом режиме. Левая половина поля пуста. Все справа. Что происходит? Ведь это португальцы должны бы жать, а они словно бы стали. Отчаянные крики вратаря. Крики на португальском. Пересветов маневрирует справа; тут же спина Станишевского — майка темная от пота; он носится, как бешеный. И вот его мгновение: Раскатов выныривает слева, дает ему на ход, по касательной к штрафной. Игорь быстро складывается, бьет слета по летящему. Маранов видит, как мяч описывает немыслимую дугу... Вратарь отчаянно выпрыгивает, вытягивает руку. Где мяч? Из-за спин не видно.

Русская трибуна вскакивает. Опять наступает тишина от обвального грохота; опять все мечутся перед ним. Через спины — табло: **Russia — Portugalia. 3:1. 92 min. Stanishevskiy.**

Игра сделана. Мы в четвертьфинале. Облегчение. Легкость. Свобода. Торжество. Вероника. Счастье! Жизнь...

Ошарашенные и огорченные, португальские футболисты долго не встают с травы после матча. Некоторые плачут. Произошло то, чего они не ожидали. Они выбывают из чемпионата на уровне одной восьмой, и из-за кого? Из-за команды русских, которую они и всерьез-то не воспринимали! Тренер португальцев молча и сурово смотрит на Маранова, словно говоря: «Да коллега, перехитрил ты меня... Хитер же, ты брат...»

Где-то далеко наверху мечется в своей кабинке русский телекомментатор.

— Послушайте, — кричит он. — Не снится ли нам это? Это наша ли команда играла? Вы видели таких игроков у нас когда-нибудь? Я не видел! Вы когда-нибудь видели такую команду? Я не видел! Только гениальный человек мог создать такую команду! Ведь шутка ли: они играли с одной из лучших команд мира! И как играли!

Да, теперь основная команда Маранова была засвечена. Весь околофутбольный мир уловил, что есть еще один претендент на золото. На следующий день все тренеры принялись изучать запись этого матча. Игра каждого игрока русской команды была тщательно проанализирована. Тренеры Германии, Испании и других стран на всякий случай продумывали схемы игры с командой Маранова, понимая, что неожиданно появился еще один сильный соперник.

Сам же главный тренер был крайне удивлен тем, что ключевые игроки были отнюдь не так довольны результатом, как он предполагал. Результат-то был великолепный. Но Пересветов мотал головой и сокрушался:

— Сколько раз я промазал! Кошмар какой-то! На втором защитнике затыкался — не мог обвести! Как можно так играть!

Недовольны собой были и Гремин, и Приданцев.

— Черт знает, — ворчал Гремин. — Мазали по-черному. В передачах куча браку. Херово играли. Лучше можем играть.

— Да ничего особенного, Португалия, — заметил Приданцев. — Техника есть. Напора нет. Можно было крупнее их сделать. Чтобы другим стало страшновато.

Когда игроки добрались до базы, там их уже ждали девушки, которые приехали со стадиона раньше кто на чем. Все они расположились вокруг бассейна; загорали, купались, дурачились; пили сок и шампанское; некоторые были топлес. Играла во всю ивановскую музыка, раздавались гомон, смех и пение. Когда появились герои дня — усталые, но довольные, с горящими глазами, — женщины с визгами и криками бросились их встречать. Мокрые и растрепанные, они вылезали из бассейна, бросались им на шею, вили и орали от возбуждения и восторга. Однако Пиоро бросился их оттаскивать, опасаясь предыдущего конфуза, когда чуть было не возник перекрестный секс всех женщин со всеми мужчинами. Однако женщины не церемонились с ним и сбросили его прямо в одежде в бассейн. Пиоро вылез, искренне матерясь, под общий смех и гвалт. Все знали, что у него самого роман с одной из девушек — той, что раньше жила с Шерстобитовым.

— Черт с вами, — грозно крикнул Пиоро. — Трахайтесь со всеми подряд! Я тут больше не психолог.

— Мы разберемся, Слава! Вы не беспокойтесь, — отвечал за всех Пересветов, расцепляя на своей шее руки Оксаны — его единственной и неизменной подруги.

Однако не произошло ничего такого, что могло бы напрочь не самого строгого моралиста Пиоро. Прямо у бассейна были накрыты столики, на них было выложено множество ваз с фруктами, сладостями, закусками, салатами, а также легкими винами и шампанским. Не было только тяжелых спиртных напитков. До позднего вечера гудела над бассейном музыка, игроки отдыхали, смеялись, танцевали, пели под гитару, дурачились с подругами.

Главный тренер иногда подходил к ним, вступал в разговоры, пил вино. Вероника и он ходили, обнявшись, среди влюбленных пар. Заговаривали то с одной, то с другой. Не

было в жизни Андрея Маранова более счастливого и радостного дня!

Дело было даже не в выходе в четвертьфинал, а в осуществлении его мечты о глотке красивой, яркой, полноценной жизни. Та жизненная картина, которую он ярко и яростно рисовал тяжкими ночами в пересыльной тюрьме, в лагере, под храп пьяных зэков, под грязную ругань воров в законе — ночных картежников, вдруг ожила и стала реальностью... Он хорошо помнил, что у него тогда не было уверенности не то что в грядущей полноцветной жизни, но даже и в том, что она вообще продлится за порогом зоны. Все происходящее казалось ему теперь чудом, которое ему подарила судьба.

В России оба выходных продолжалось ликование; всюду ощущался небывалый подъем. Шли народные гулянья. Продажи спиртного, и особенно водки и пива, выросли до немыслимых масштабов. В тысячах домов люди пили за здоровье главного тренера Андрея Маранова, игроков — Олега Приданцева, Игоря Пересветова, Никиты Гремина и других.

В Татарстане, в маленьком городке Будамша, сотни людей собрались на следующий день после игры с Португалией у дома Мушараповых. Смущенные, находившиеся на грани нервного срыва, мать и отец Вахита весь день принимали поздравления. Возникали стихийные концерты, спонтанные танцы; люди пили чай с традиционными татарскими сладостями, пили вино, танцевали. Возле дома был установлен огромный портрет Вахита Мушарапова в форме сборной России.

В середине дня к дому подъехал президентский кортеж. Несколько телекамер снимали, как президент Татарстана обнимает пожилых родителей Вахита Мушарапова, дарит им ценные подарки, распорядится обновить и обустроить их дом и участок земли. Происходило нечто поразительное и радостное; в душах людей бушевал настоящий праздник.

Стихийные празднества продолжались по всей стране все выходные и даже часть понедельника. В понедельник многие заводы не работали на полную мощь, так как часть рабочих не явилась на работу. Неполными уходили звенья шахтеров в забои. В больших городах, в метро, на улицах, то и дело можно было увидеть молодежь с российскими флагами, с огромными фотографиями главного тренера и его лучших игроков. Фотографии были сделаны с выкадровок видеозаписей. Удачные крупные планы были отшлифованы в фоторедакторах, и теперь из них наскоро делали календари и проспекты. На плакатах, брошюрах, буклетах, календариках с фотографиями игроков нашей команды делался большой бизнес: мелкие полиграфические компании предлагали товар, пользовавшийся просто немислимым спросом.

Игроков поздравил с победой и президент Гордин. Он словно специально устроил свою очередную беседу с журналистами на следующий день после игры. Президент отметил блестящую игру команды. При этом он, конечно же, тянул одеяло на себя, говоря, что «совместно с руководством клуба, на базе которого была создана эта команда, государство стремилось создать все условия для полноценной подготовки игроков к чемпионату мира». Гордин сказал также, отвечая на вопрос о покушении на Падина, что это «гнусное преступление, которое будет тщательно расследовано нашими лучшими следователями». Он заявил, что по первым результатам расследования можно сделать предварительный вывод, что покушение связано с бизнесом Сергея Валерьевича. «У бизнесменов такого масштаба немало врагов, — сказал он. — Это надо понимать. Это неизбежно».

Футбольные спецы, получившие внезапно богатый материал для размышлений, провели тщательный анализ новой команды. Отмечали высокую технику владения мячом, исключительную точность передач, особенно верховых; способность игроков чувствовать друг друга; сбалансированность команды во всех линиях.

Особенно отмечали мощную полузащиту. «Та маневренность, техничность и при этом исключительно выносливость полузащитников —

«С этой тройцей — Приданцев— Станишевский— Багрянов, —отмечал один из российских специалистов,- по организации игры вряд ли кого-то можно поставить рядом. Каждый исключительно техничен, прекрасно видит игру и нападающих; каждый способен сделать моментальную острую передачу, каждый может пробить сильно и точно. Неустанно комбинируя в центре, они изматывают соперника, оставляют его без мяча, заставляя его бегать и искать мяч».

Особо отмечались страсть, настрой на борьбу, стремление выложить все силы, биться до полного изнурения, играть только на победу. «Это совершенно не характерно для наших команд последних десятилетий, — отмечал другой комментатор. — Похоже, рунические символы, которые украшают майки футболистов, нарисованы неспроста. Похоже, что у них есть некая система верований, которую они приняли и которая вдохновляет их на борьбу...»

Диссонансом к общему хору голосов прозвучали слова представителя Патриархата Русской православной церкви. Он заявил, что, «конечно, радостно сознавать, что Россию представляет на чемпионате хорошая команда; но плохо, что идет явная и агрессивная пропаганда неоязычества — темного учения, когда-то отвергнутого народом; религия, построенная на многобожии и почитании идолов. «Мы не видим ни на одном из футболистов православного креста; ни один из них не осеял себя крестным знамением во время матча...- говорил митрополит Феофан. — Их успехи не должны затмевать возможной пустоты духовной; скорее всего, духовную жажду в этих людях заместило желание победить во что бы то ни стало».

Однако эти нападки получили очень резкий отпор части патриотических настроенных депутатов, журналистов и политиков. Один из них ответил представителю РПЦ во время телепередачи четко и ясно:

«Агрессивной пропагандой уже много лет занимается именно РПЦ. Именно эта организация пытается присвоить себе монополию на истину, агрессивно пытается навязать обществу догматику, которая безнадежно устарела, которая имеет вообще не славянские корни, которую общество как раз изжило много десятилетий назад. Сами они теперь не способны кого-либо вдохновить, а при этом осуждают тех, кто нашел в древних славянских традициях настоящий свет духовного знания. Им бы следовало признать, что секулярное общество было создано усилиями тысяч ученых, философов и художников; и его не отменить указом. Уход архаической догматики из нашей жизни неизбежен. Ничего, кроме затхлого мракобесия, она дать народу не может. Если мы не избавимся от этого тягостного наследия, нас никакое обновление не ждет; мы будем также блуждать в лабиринтах истории. Нам нужен свод новых знаний! Таково веление времени!»

Вопрос о будущем сопернике сборной России решился через два дня после игры с Португалией: Аргентина выиграла у Италии в дополнительное время 2:1 и вышла в четвертьфинал. Возбужденная торсида приветствовала победу своей сборной, которая, благодаря вернувшимся в строй двум своим звездам, сумела вырвать победу.

С этого момента в СМИ Аргентины началась кампания по устрашению команды России, которая теперь представляла реально серьезную силу. Аргентинских болельщиков призывали оглушить русских грохотом трибун, раздавить силой страсти и ярости: «Пусть яростное пламя наших сердец погонит наших игроков к воротам русских», — призывали комментаторы.

В районе российской базы в Санто-Доминго стали появляться толпы возбужденных болельщиков Аргентины. Они скандировали лозунги, стремились поднять шум с помощью петард и музыки, не дать нашим нормально спать. Однако они зря старались: директор клуба специально выбрал базу со строениями, стены и стекла окон которых были непроницаемы для внешних звуков. Команда гото-

вилась к игре в нормальном режиме. Все игроки первого состава были здоровы. Однако марановцы не предполагали, что против них теперь работает не только машина латиноамериканских СМИ. Против команды, представшей перед миром во всей своей реальной мощи, теперь работали также и иные силы, объединенные общим желанием ее остановить.

ГЛАВА 52

Еще накануне, за день до матча сборной России с Португалией, Михаил Георгиевич Берестов выехал в район водопада Игуасу. Он искал, мобилизовав весь свой сенсорный потенциал, высоту, на которой он мог бы расположиться. Ему нужно было найти мес то для того чтобы улавливать энергопотоки, которые будут перенаправлять на него собратья из сообщества Славянских Волхвов в течение матча. Он знал, что в этой работе будут задействованы двенадцать волхвов, семеро из которых расположатся в центральных областях России: в Западной Сибири, на Урале, в Европейской части; двое в Европе, один на Пиренеях, другой в районе Монблана, еще один в Андах. Берестов, или волхв Доброгор, являлся последним звеном, через которое потоки эфирной энергии, идущие от живущих в экопоселениях славянских общин, от толп, собравшихся на площадях крупных и малых городов, должны будут направляться в сторону стадиона в Росарио, к одиннадцати мускулистым футбольным гладиаторам. Последним звеном, через которое энергия должна была входить в эгрегор команды, являлся ее капитан Олег Приданцев — центральный полузащитник. Все необходимые финансовые и юридические ресурсы для осуществления этого плана выделил по просьбе Берестова Сергей Падин.

Берестов знал, что за несколько часов до матча общины Алтая, Западной Сибири и Зауралья начали проводить обряды. Были возжены большие костры, установлены статуи славянских Богов; с помощью ритуалов активирован

энергопотенциал древних славянских капищ. Женщины и мужчины, облаченные в белые одежды, расшитые традиционной славянской вышивкой, еще за час до игры начали вести хороводы вокруг костров, сопровождая их песнопениями. Ни дождь, ни порывы ветра не могли остановить исполнение обряда, ибо это был наказ волхвов.

За два часа до игры Берестов установил на возвышении статуэтку, которую передал ему Высокий Учитель на гималайской тропе. Берестов понял, что должен использовать статуэтку как терафим — ритуальный предмет, вобравший в себя вековые наслоения тончайшей энергии и способный служить средством ее аккумуляции, а также как бы ретранслировать ее вовне.

Берестов зажег огонь на маленьком алтаре, поставил возле него терафим, и стал настраиваться на работу. Ветерок доносил с водопадов облака влажной мороси, и тогда огонь на алтаре сильно колебался, грозя затухнуть. Берестов закрывал его ладонями. Через некоторое время он уловил движение дальнего энергопотока, который проявлял себя давлением на ладони, сверлящей вибрацией в висках и в районе позвоночника. Его голову словно оконтурило холодноватым ватным облаком; уши начало закладывать, пошло давление на сердце. Энергия начинала поступать все плотнее и плотнее. Берестов встал, расставил руки, повернул ладони вверх. Вплоть до самого начала игры поток шел по нарастающей. В какие-то моменты Берестову казалось, что он сейчас взлетит, оторвется от земли; энергия шла настолько плотно, что задняя часть головы начинала казаться ему не своей, а неким чужеродным образованием; она вибрировала, готовая, как казалось, разорваться.

За несколько минут до начала матча Берестов включил планшет и вышел на онлайн-трансляцию.

Когда игра началась, поток слегка видоизменился. Расширился его диапазон; добавились какие-то новые составляющие, несколько хаотизированные. Берестов понял, что его резонансный контур, в соответствии с законом синхронизации родственных частот, начинает засасывать также

энергопотоки, идущие от масс телезрителей, включивших свои телеприемники. Волхвы, стоявшие в цепи, разумеется, также чувствовали эти потоки, и стремились собрать их в более плотный, управляемый канал. Но это было возможно только отчасти. По идее, надо было бы в каждом городе выставить по магу, способному вести такую работу. И все же размытые мощные потоки магам частично все же удалось собрать в пучок и соединить с теми, что шли с площадей городов, а также от совершавших обрядовое кружение членов славянских общин.

Берестов осознавал, что, если он не справится, вся эта массовая работа окажется бесполезной. Гладиаторы, находящиеся на поле, будут получать только энергию нескольких тысяч болельщиков, находящихся на трибуне стадиона, и быстро сжигать запасы собственной эфирной энергии. Этого допустить было нельзя.

Максимально плотной интенсивности поток достиг к 17-18-й минуте игры. К этому времени хороводы вышли на уровень мощного раскручивания эфирного вихря. Маги соединили движение хороводов с древним эгрегором; сделался уловимым далекий глубинный отзвук. Что-то дальнее, давно прошедшее, но живое и трепещущее словно усилилось и проявилось, стало дышать и отвечать на вызов.

В какой-то момент Берестову стало очень тяжело. Сердце билось глухо и гулко; его стук стал слышен прямо в ушах. В районе манипуры, то есть в зоне пупка, началось жжение. Голову сдавливало. На ладони упругое давление; казалось, на них лежат пудовые гири, однако рук он не опускал.

Михаил Георгиевич удерживал в зоне концентрации центрального человека в команде; он видел его, ощущал и перенаправлял общую энергию к нему, хотя стадион находился примерно в десяти километрах от места, где располагался Берестов. Именно в момент, когда поток достиг наибольшей плотности, игроки команды Маранова перешли в мощное динамичное наступление. Берестов почувствовал, как Приданцев воспринял энергию, как она пере-

распределилась на игроков. «Молодец, Олежек, — подумал Берестов. — Умница...»

В этот момент, как рассказывал потом Олег Приданцев, он на минуту выпал из игры, почувствовав, что раздавлен и оглушен, причем вовсе не гулом трибун, а чем-то совершенно другим. Голову его словно расплющило, сдавило... Он отошел в защиту; он попросил Игоря Нестеровича занять его место, а сам ушел на фланг, чтобы прийти в себя. Он понял, что происходит то, о чем предупреждал его Михаил Георгиевич. Приблизительно минуту он пытался сонастроиться, выровнять свою энергетику, сформировав, как его учил Берестов, над собой распределительный контур. Он начал вращать его, направляя энергию на ребят, стараясь увидеть их всех не физическим зрением, а внутренним. Автоматически он продолжал бегать по полю; он даже принимал мяч, раздавал пасы. В какой-то момент он понял, что энергия уходит с контура к ребятам, что ему становился легче. Он продолжал трансформировать ее в мощь, в силу команды. В тот короткий 45-секундный промежуток времени, когда мяч был выбит за боковую, и за ним долго шел португальский игрок, он сумел крикнуть партнерам:

— Ребята, идет энергия! Ребята откройтесь! Настройтесь на меня!

Эта информация была передана по цепочке всем. Парни кивали, стремясь настроиться на невидимое. Олег Приданцев чувствовал, что становится словно бы хребтом, опорой всей команды. Ребята начали работать более активно, более мощно и при этом очень слаженно. Теперь Олег чувствовал только давление на макушку; нить игры он уже не терял, играл в свою силу. Некое странное вдохновение, светлая радость соединения с чем-то родным и важным вдруг проникла и влилась в него; он постарался ее разлить на всех, кто находился с ним рядом на поле: на Никиту, Игоря — на всех. Именно с этого момента инициатива стала переходить к ним. Давление на ворота португальцев усилилось, и тогда был сделан тот первый, важный прокол

их энергетического контура: связкой Пересветов — Раска- тов забил первый гол.

В перерыве игры Михаил Георгиевич некоторое время сидел недвижно. Над ним высоко в небе вдруг возникли две большие птицы. Он не знал, как они называются. Ему вспомнилось, как нередко во время алтайских ритуалов над ним начинали кружить орлы. Как ему представлялось, таким образом духи, курирующие воздушных животных, давали знать о своем присутствии своей солидарности.

Появившиеся в небе две птицы также начали свое кружение, и оно продолжалось почти до самого конца игры. «Ну вот, и мои ребята послали мне привет, — подумал Берестов и улыбнулся. — Спасибо, братики мои! Спасибо, родные!» Он почему-то осознал, что появление птиц связано каким-то образом с Учителем, которого он тогда встретил на гималайской тропе. Каким образом Берестов знал, что это привет от Него, он не мог объяснить; но это было очень вероятно. Похоже Проводник знал о нем и видел его; и это было важнее всего на свете...

После перерыва, минут через пять, поток снова усилился. Берестов видел, что на поле идет жесткая борьба, и для него было важнее всего, чтобы Приданцев не получил травму, чтобы он оставался на поле. Тот же работал отчаянно, с предельной самоотдачей. Берестов видел даже на планшете, как огромная воронка распростерлась, развернулась над ним; как всасывается в нее мощный поток родной энергии — энергии родины; как ребята получают ее на поле и претворяют в действие. Никто не мог заглушить и остановить это движение.

Только в конце игры Берестов вдруг ощутил, что кто-то вторгается в систему: пошли перебои, явно кто-то влезал. Этот кто-то только настраивался, но работать с энергиями он явно умел. Именно в этот момент был пропущен гол. Берестову пришлось напрячься, сконцентрироваться, защитить движение родной энергии. Сила тока вновь стала более-менее стабильной.

Как только игра закончилась, Михаил Георгиевич ощутил страшную усталость. Он лег на принесенный им резиновый коврик, и два часа лежал практически без движения. У него не было никаких сил. Огонек в алтаре погас.

В какой-то момент он отключился, заснул. И, как нередко с ним бывало в периоды крайних напряжений, снова возникло спонтанное проникновение в какие-то информационные слои. И в одном из них он вдруг увидел нечто крайне интересное.

Он увидел американскую футбольную команду. Она явилась ему вне поля, в пространстве, похожем на какой-то темно-бурый пустырь; но игроки были в футбольной форме, трусах, майках и гетрах. Медленно подняв взгляд с ног на их лица, тот, кто был в трехмерном слое Берестовым, увидел странную картину: у большинства из одиннадцати игроков на плечах сидели головы кого угодно, но только не людей. Одна голова похожа была похожа на голову лошади; голова другого напоминала смесь шакала и свиньи; у третьего она вообще не была похожа ни на одного персонажа земного царства и могла бы занять место в галерее мутантов. Полулюди-полузвери смотрели на него вопросительно и почему-то просяще.

Лишь один из них имел нормальную человеческую голову. У этого игрока были правильные черты лица, большие глаза, темные вьющиеся волосы. На рукаве его майки чернела цифра «9».

Этот игрок вдруг выдвинулся вперед и, пристально глядя на того, кто был в трехмерном мире Берестовым, спросил:

— А мне что делать? Я ведь был человеком.

— Знаю, — сказал кто-то через Берестова в ответ. — Снова стань.

— А что мне делать?

— Научись делать то, что хочешь именно ты. Человека от робота отличает именно это.

— Я многого хочу. Как различить, что главное?

— Взвесь на весах желания.

Кучерявый брюнет смотрел осмысленным, жестким взглядом.

— Я хотел бы наказать тех, кто делает рабов.

— Раз хочешь, накажи...

Футболист вдруг развернулся назад, где за шеренгою из футболистов виднелись какие-то люди, шикарно, дорого, изысканно одетые. По мере того как игрок проводил по ним взглядом, их лица странно увеличивались, очерчивались.

— А кто из них главный? — спросил футболист с лицом человека.

И кто-то, находившийся вне сознания Берестова, тот, кого он не контролировал никак, уверенно показал на одного из стоявших позади команды — важного седого господина лет 70, величественно смотревшего прямо на Берестова. И, когда они встретились взглядом, уже сам Берестов, осознанно, зорко присмотревшись, вдруг увидел, что это и есть тот монах, который много веков назад поставил ему на живот клетку с крысами, и таким образом лишил его жизни.

— Старый знакомый! — подумал Берестов. — Вот так встреча! Не слишком я ей рад...

— Так кто главный? — повторил футболист.

Берестов молча показал на седого господина. Чернявый кивнул.

— Я видел его... Я сделаю... И я стану человеком?

— Ты сделаешь к этому важный шаг. Тот, кто вырывает жало у зверя, приближается к тому, чтобы стать челом века.

Футболист кивнул и, развернувшись, двинулся в темноту. За его спиной уже никого не было...

Проснувшись, Михаил Георгиевич увидел над собой черное, звездное латиноамериканское небо. Он долго смотрел на звезды, на созвездия Ориона, Кассиопеи, Лебеда... Нашел даже Арктур — родную космическую гавань. Мысли о бесконечном, величественном процессе формирования Беспредельности, неслышного, но вечного движения; бесконечного разрушения и восстановления всего сущего

возникали и разрывали разум невозможностью осмыслить такие невообразимые объемы.

Было приблизительно два часа ночи, когда он встал, собрал вещи в рюкзак и двинулся в сторону поселка, что находился внизу, в трех километрах. Он взял такси и доехал до своей гостиницы. В номере он выпил чаю и заснул глубоким сном уставшего, но выполнившего свой долг человека.

Утром его разбудил звонок Сергея Падина. Голос его был радостным.

— Ну что, у нас все получилось, Михаил Георгиевич!

— Пока все идет как надо. Но главное впереди... Как ваше плечо?

— Заживает. Завтра снимут швы. Есть какие-то вопросы?

— Есть. Следующий этап будет сложнее, нужны еще люди. Нужны еще деньги. Нужна еще работа. Нужны люди здесь.

— Сообщите через Аркадия, что надо сделать. Мы все подготовим.

— Отлично. Я его увижу сегодня, позже... Сергей Валерьевич! Просьба есть...

— Слушаю.

— У вас ведь есть хорошие юристы. Понимаете, все может быть... На этой планете никто не может быть защищен полностью, вы же знаете. У темненьких ребят тут много возможностей.

— Не понимаю, о чем вы...

— Просьба такая... Оформить, пока я здесь, мои документы. Ну, скажем, то, что называется завещанием. Чтобы собственность досталась моей внучке. Квартира, дача, машина... и все такое. Сделайте, пожалуйста. У вас там есть ксерокопия паспорта моего. Вы это можете, я знаю.

Падин долго молчал.

— Я не понимаю вас. Вы что такое говорите?! Зачем вы говорите такое? Если вы это говорите, то... Вы же можете все, вы же можете отвести руку. Я не понимаю вас! Вы нам очень нужны, безмерно! Что вы такое говорите?

— Я только боюсь. Я точно ничего не знаю... Опасность есть, я чувствую. Мной занимаются. Я сделаю все, что могу. Но полностью обезопасить себя я не в силах. Соперник-то неслабый, поймите. Нам надо это учитывать. Выполните, пожалуйста, мою просьбу.

Падин подумал, помолчал. Потом сказал:

— Хорошо. Просьбу я выполню. Пришлите данные внучки. Но вы должны все сделать, чтобы остаться с нами. И я приму меры. Это будет непростительная, неоправданная потеря. Мы у кромки большого, очень большого дела. Вам отведена, может быть, великая роль. Давайте идти до конца.

— Димикандум! Я же говорил. Мы боремся, мы работаем...

— Вы поясните, что значит фраза — «нужны еще люди»?

— Это важно... Мне нужна помощь. Нужны еще два человека, из наших, из славянских общин.

— Так... И что надо?

— Помощь юридическая. Отправка. Деньги.

— Без проблем. Пусть выйдут на меня. Скажут, что от вас. Все будет сделано. Есть у них загранпаспорта?

— Найдем таких, у кого есть.

— Договорились! Берегите себя, Михаил Георгиевич! Растревожили вы меня...

— Не беспокойтесь... Прорвемся. Умереть все равно не получится. Смерти не существует, это миф.

После этого разговора с Берестовым, тяжелого и тревожного, зародившего в душе тревогу и боль, Сергей Падин долго сидел в своем кресле, курил, думал. Он понимал, что если сам Берестов говорит о возможном уходе, то он реально что-то чувствует и опасность ему угрожает очень серьезная. Падин поразмыслил и набрал телефон Юдина.

— Виталий, это Падин. Надо срочно встретиться.

После встречи с Юдиным и откровенного разговора, когда перед ним были раскрыты практически все карты, ими

совместно был разработан план подключения к падинской агентуре сети агентов ГРУ, работавших в Латинской Америке. Падин попросил взять под охрану агента под условным именем «Старик».

Тем же вечером из двух маленьких городков на севере Перу в Авельянедо направились двое немолодых, крепких мужчин, свободно говоривших на латиноамериканских языках, имевших солидный опыт работы в агентурных звеньях ГРУ. Уже на следующий день они установили визуальный контроль за агентом по имени «Старик».

В тот же день к Падину для беседы приехал его мастер компьютерных чудес Ростислав Согрин. Он сообщил, что его люди обработали данные, полученные от разведчика в Аргентине; что в принципе, он уже представляет себе, на каких частотах и в каких режимах идет IT-сопровождение киборгов. Но эти частоты имеют совершенно новый диапазон; в нем не работает ни одна компьютерная сеть в мире.

— У них есть тайное ноу-хау. Они сделали прорыв, — говорил Согрин.

— Но можем ли мы что-либо сделать? Как-то все же можно внедриться? — спросил Падин.

— На данный момент нет. Таких устройств у нас нет. Я связался с физиками — есть там толковые ребята. Они попытаются понять физическую природу этих устройств, уловить, как они вообще работают. Нужно срочно провести фундаментальное исследование. После этого может встать вопрос о быстром создании подобного устройства. Но надо торопиться. Чемпионат идет быстро.

Падин задумался.

— Сколько нужно денег?

— Трудно сказать. Думаю, немного. Важно сделать открытие.

Падин связался со своим помощником. Согрин в тот же день вышел на него; физики получили все необходимое. Началась интенсивная круглосуточная работа.

Одновременно поступил тревожный сигнал от людей Звонарева. Кто-то усиленно прозванивал фирмы консорциума Падина. Целые команды каких-то чиновников появились в тех городах, где на площадях были установлены огромные панели. Эти люди настойчиво пытались выяснить, откуда шло финансирование этого проекта.

Падин понял, что его накрывают колпаком, что идут по его следу. Они непременно выведут у ключевых губернаторов, кто дал деньги на массовые трансляции, и те его все равно сдадут. Гордин раньше времени узнает, кто создавал команду, кто стоит за грузинком. «Что он тогда предпримет? — раздумывал Падин. — А что бы на его месте предпринял я? Попытался бы устранить конкурента. Тем более что попытка уже была... Если мы следующий матч выигрываем, то... Надо будет срочно что-то решать. А ведь выход в полуфинал — это уже большой успех. Значит, он не будет дожидаться, пока мы побьем Аргентину, а предпримет что-то немедленно».

Падин позвонил своей правой руке — Серафиму. Тот моментально прибыл.

— Так, действия такие: срочно надо увезти из Москвы Ирину и Павлика. Срочно упаковать за границу Олега. К офису доставить оружие, восстановить круговое дежурство по цепи; подогнать подразделения боевого ЧОПа. В случае появления вооруженных людей возле офиса или у моего дома открывать огонь на поражение. Ко мне срочно доставить имиджмейкера... всякие там бороды, парики. Мне надо менять облик. Нужно будет некоторое время скрываться.

Оба его помощника были ошарашены.

— Что происходит, шеф? — спросил Серафим. — Кто? Вы только скажите кто?

Падин промолчал и потом четко зафиксировал:

— Думаю, что это Гордин. Нет никого другого, кто бы решился. Борьба за престол начинается раньше времени. Тебе надо определиться. Борьба может быть жесткой и опасной.

— Сергей, можете на меня положиться, — отвечал Се-
рафим. — Я пойду с вами до конца.

Экстренные меры, согласованные с Падиным, начали
приниматься быстро, в авральном порядке. К удивлению
Падина, его жена ничего не спрашивала и не противилась
отъезду.

— Я опасность уже чувствую, — сказала она. — Ты влезаешь в очень большую игру. Футбол — это только часть. Я хочу, чтобы ты был с нами рядом.

— Я приеду, когда смогу.

Вскоре Ирина и Павлик уже были на Кипре, в закрытой резиденции его старого друга-киприота. Старший сын Падина Олег уехал отдыхать на Мальдивы. Ехать в Аргентину отец ему не разрешил, как тот его ни просил об этом. Падин знал, что спецслужбы всего мира имеют полное его досье, всю информацию о его близких. Мало ли что кому взбредет в голову...

Борьба вступала в решающую стадию.

ГЛАВА 53

После достаточно позитивного, оптимистичного совместного совещания спокойствие и оптимизм недолго пребывали в душе магистра Виндинг-Бронса. Даже достаточно бесцветный и одновременно успокоивший общественность матч команды США с поляками, в котором андройды, пригасив активность, сыграли с поляками вничью, не полностью успокоил магистра. Хорошо было то, что подозрения относительно физического статуса игроков команды США на время были сняты: в матче на первый план вышли обычные три футболиста, ранее известные футбольному миру. На них, получив соответствующее задание, и играли андройды, создав непроходимый заслон в центре и в защите. Поляки сумели забить гол в конце игры после яростного штурма и сравнять счет. Андройды, с которыми была проведена жесткая и целенаправленная работа, которым накануне привели двенадцать новых свеженьких женщин-роботов (кукол усовершенствованной конструкции), были на подъеме. Они получили заряд перед матчем — массу неизвестных им ранее ощущений. В игре с поляками они играли исключительно корректно и сами избегали столкновений.

Но явно плохой новостью был выигрыш русских у Португалии. Внезапное появление практически новой коман-

ды, еще более сильной, чем та, что играла на первом этапе, насторожило магистра. Дело было даже не в качестве игры, которое было исключительно высоким. Встревожило магистра явное присутствие мощного магического сопровождения, которое он почувствовал всем своим существом. Русских футболистов гнала и гнала вперед только отчасти собственная энергия. Параллельно явно шла энергия другого рода: густая, направленная, магическая, с особой полосой вибраций. Магистр стал подозревать, что и эта команда, и разведывательная активность русских в районе острова, и попытки вторжения систему компьютерного обеспечения андроидов, — все это замкнуто на какой-то единый центр и при этом продуманно, тайно и грамотно управляется.

Уже в конце матча русских с Португалией он связался быстро по телефону с магами ордена, и они начали прощупывать связи этой команды на тонких уровнях. Был обнаружен мощный поток, который шел издалека. Они попытались втроем внедриться и нарушить течение энергии, разрезая астральными ножницами ее токи. Но кто-то из противоборствующих магов моментально это уловил, выставил защиту и одновременно ударил по всем троем сразу. Магистр почувствовал удар в сердце и тут же прекратил эту работу. Она была неподготовленной; вот так, сходу, внедряться в схватку с неизвестным противником было опасно.

Магистр собрал экстренное заседание ложи, но на него смогли приехать не все. Только семеро магов прибыли в условленное время на виллу в районе Росарио, где пребывал во время чемпионата магистр.

Маги поначалу никак не могли взять в толк, что так встревожило магистра Виндинг-Бронса. Ну хорошо, русские сыграли удачно против Португалии — что с того? Ну, есть у них вторая хорошая команда — это хитрость тренера. В чем проблема? Наши все равно их побьют, если русские окажутся на их пути к финалу. Ведь команда андроидов работает в пониженном интенсиве, и на режим максималь-

ных нагрузок еще не выходила. В крайнем случае андрюиды просто свернут шеи русским игрокам. Выключат главных и раздавят остальных, как щенят.

Магистра такие разговоры отчасти успокоили. Действительно, что могут обычные люди противопоставить существам, которые намного превосходят их в силе и выносливости? Но все же утверждения трех членов ложи о сильных эфирных потоках, шедших в сторону команды русских, заинтересовали остальных.

— По крайней мере, надо засечь источник, — сказал Вернье. — Сейчас они работают с командой; а потом могут устроить черти чего. Раз играли русские, значит, и за этим также опять стоят русские.

— Кто бы сомневался! — усмехнулся Пиранелли. — Мало нам было возни с иранскими орденами, теперь еще и русские возникают! Надо давить их в зародыше, пока не сгруппировались.

— Надо уловить характер эгрегора, — добавил магистр. — Это не может быть христианство. В нем как раз могут быть только вялые всплески.

— Да это вообще бутафория, — кивнул барон. — Господа, там что-то основательное. Меня интуиция, вы знаете, редко обманывала. Лучше увидеть врага заранее и обезвредить его, чем встретить сразу на поле брани.

Было принято решение во время четвертьфинального матча русских провести совместную работу при полном составе членов ложи. Также было решено связаться с четырьмя другими ложами и договориться с ними о совместной работе. Она послужит хорошей репетицией перед главными матчами чемпионата; это будет как бы отладка механизма совместной работы.

Альберто Контодора и его команду решено было пока не привлекать.

Перед матчем с Аргентиной Андрей Маранов вообще не смог заснуть ночью. Дело было вовсе не в криках, песнопениях и грузном, давящем шуме, которые все же просачива-

лись с улицы через противозумные окна и стены. Душу сжимала, как обручем, тревога, смешанная со странным возбуждением. Ему не раз уже приходилось находиться под перекрестным воздействием негативно настроенных по отношению к нему людей. Это была и бывшая жена, стремившаяся сначала отсудить у него квартиру, затем помешать общению с любимым ребенком; это были враги из полукриминальной футбольной закулисы, стремившиеся поломать его карьеру, остановить его на пути к славе. Тогда им это удалось. Они задвинули его, закрыли от него футбол. А теперь, небось, болеют, как и все, за его команду, при этом завидуя и ненавидя ее тренера.

Но воздействие, которое шло этой ночью, было гораздо сильнее всех тех, что когда-либо ему довелось испытать. Шло давление на голову, шли уколы в район сердца. На душе было очень тревожно. Он поставил, как учил его Михаил Георгиевич, колпак неприступной защиты, проговорив свою излюбленную формулу: *«Через мое любимое присутствие Высшего Я прошу, чтобы над моей головой вспыхнула фиолетовая частота и растворила все негативное. Я вхожу в Высшую Частоту Света и окружаю себя кругом Божественной Защиты, неприступным панцирем Воина Духа. Я, витязь славянский Андрей, наполняюсь силами родного эгрегора моих предков для схватки с лютым врагом, врагом всего рода человеческого, и готов положить ради победы свою теперешнюю жизнь. Я уверенный в себе, сильный и властный командир. Я вывожу на бой своих воинов, бессмертных берсерков славянского воинства, ради Святой Победы, преисполненный силы и мужества!»*

Эта же клятва, немного измененная под коллективное прочтение, прогремела, одиннадцатикратно усиленная, в раздевалке команды, на стадионе в Буэнос-Айресе, примерно за пятнадцать минут до выхода на поле. Собравшись в кружок и обнявшись за плечи, парни кружились и клялись положить все силы для победы.

Конечно, тяжелейшим ударом для Маранова стала травма Вахита Мушарапова. У него было серьезное поврежде-

ние ребра. Нападающий португальцев угодил бутсой в то ребро, которое у Вахита было повреждено очень давно. Удар разбередил эту старую травму. Весь правый бок у него сильно болел; при любом движении правой руки возникала жуткая боль.

Его пришлось отправить в специальный медцентр, где работали тибетские врачи. Ему уже делали различные аппликации, прогревания турмалином и другие процедуры. Но ставить его на игру даже запасным было нельзя...

Денис Курганов был полон желания показать все свои возможности В –принципе, по европейским меркам он был неплохого класса вратарь. Перед игрой к нему подходили игроки обеих команд, подбадривали его.

— Вы не представляете, что творится сейчас в России, — сообщил им Андрей. — На площадях больших городов скопились десятки тысяч людей. Там установлены огромные мониторы. Молодежь миллионами скопилась в барах и кафе. Улицы городов опустели. Все сидят у телевизоров. Ребята, давайте, не подкачаем! Не огорчим наших! Бьемся, как воины, только за победу! Да, мы работаем в гостях и будем сражаться с хозяевами. Покажите все, на что вы способны. Вся наша работа на тренировках сейчас должна выразиться в результате. Это самое сложное испытание, что было у нас до сих пор, самое тяжелое. Но мы можем и должны победить!

Они поднялись на ревущую, гудящую арену, ярко освещенную дневным солнцем. На них дохнуло горячим латиноамериканским жаром. В воздухе зависла густая смесь резких и противоречивых запахов: разогретого пластика сидений, чего-то электрического, табачного дыма, потной одежды и еще чего-то неопределимого.

Большая часть трибун, понятно, была заполнена аргентинцами, болельщиками хозяев поля. Рев был такой, что у игроков закладывало уши. Понятно, что аргентинцы ожидали от своих только победы. Но теперь уже все понимали, что у них сегодня очень серьезный соперник, и это

только разжигало страсти. Тотализаторы оценивали шансы команд как примерно равные. Жаркие споры по поводу исхода игры шли уже два дня на всех спортивных телеканалах Аргентины.

Команды выбежали в центр, выстроились под гимны. Маранов видел своих в отдалении, чувствовал каждого. Он видел, что Пересветов и Гремин улыбаются. Улыбались также и Олег Приданцев, Эдик Багрянов, Паша Диденко. Это был хороший знак. Это была хорошая улыбка, — улыбка бесстрашия, бесшабашной уверенности в себе. Они были рады пребыванию в свои теперешних ролях; это была достойная, серьезная, возбуждающая их работа. Этих отчаянных, бесшабашных русских парней заводила причастность к делу такой глобальной важности. Сколько бездарных, бессмысленных лет прожили они только потому, что у них не было такого дела! И теперь они ощущали себя на своем месте, на том, где и должны были находиться изначально.

Эта игра легла в сознание Андрея Маранова тяжелой тенью не сразу, нет; тень эта, груз этот мутный и давящий проявлял себя постепенно по ходу игры.

Вначале все шло вроде бы нормально, что и отмечал монтаж его сознания.

10-минута. Игра примерно равная. Наши работают организованно, гасят активность соперника на подходах к штрафной. Задачу выполняют четко — выматывать соперника первые двадцать минут. Пересветова сторожат сразу двое.

15-я минута. Проходит наша первая опасная атака: Багрянову удается длинный проход по левому флангу; у штрафной он сыграл в стенку с Раскатовым, а тот сбросил под удар на дальнюю штангу Диденко. Тот хлестко и точно пробил в угол головой.

Маранов видит, что правый лайнсмен не поднимал флажок. Но судья и не смотрит на него. Он дает отмашку руками — мол, вне игры. С русской трибуны несутся выкрики: — Сука! На мыло!

Позднее Маранову рассказали, что возмущению русского телекомментатора также не было предела: при повторах было видно, что офсайда не было и близко. Вся страна, сидевшая у телевизоров, вскочила в негодовании. Гремин хмуро и недоуменно смотрит на судью, а тот с ненавистью — на Гремина. Похоже, судья купленный... Это не есть хорошо...

19-я минута. Как-то нервничает ирландский судья: штрафные дает невпопад, офсайды пропускает и наши, и чужие; на явные нарушения не реагирует.

23-я минута. Наши все увереннее удерживают центр. Станишевский начинает держать мяч, завязывать нити атак. Олег Приданцев наносит свой коронный удар метров с сорока, мяч идет под перекладину, его едва-едва «вытаскивает» вратарь. Трибуны на миг замирают.

27-я минута. Аргентинцы идут вперед. Поначалу кажется, что это просто временная активность. Но время идет, а давление не прекращается. Нас просто запирают в зоне. Надо собраться!

31-я минута. Центр полностью потерян. Аргентинцы атакуют большими силами. Атаки опасны! Два удара с трудом отбивает Денис Курганов. Что происходит?

35-я минута. Ребята словно сдулись. Игры нет, рисунок ее размылся. Защита захлебывается. Аргентина давит. Грохот. Нам скоро забьют. Что-то надо делать...

Позже Станишевский, Пересветов и другие говорили, что начали чувствовать вдруг усталость и сонливость. Они осознавали, что надо идти вперед, но почему-то не хватало сил. Они все были в поту и вроде бы бегали, но их игра потеряла стройность и напор. Они стали как бы съезживаться энергетически. Перепасовки шли скорее автоматические.

37-я минута.

— Никогда их такими не видел, — качает головой Курбанов. — Потеряли нить игры...

Маранов набирает на планшете цифру четыре. Собирается идти к кромке, показать Приданцеву. И тут — грохот. Центр аргентинцев получил мяч в штрафной по центру, «пробил» Курганова хлестким ударом, поймал его на противоходе. Аргентина ведет.

45-я минута самого кошмарного тайма. Пенальти в наши ворота. Ситуацию Маранов видел всю: нельзя было сказать, что Полубояров сыграл в ногу входившего в штрафную нападающего. Но тот грохнулся очень картинно. Правый лайнсмен ничего, кстати, не показывает. Но судья тут же показывает на 11-метровую отметку. Гремин надвигается на него, но тот отходит. Курганов угадывает направление удара, но отбить не успевает. Счет 2:0. Все очень плохо. Маранов ранее даже не представлял, что его первая команда может так проигрывать.

Парни вваливаются в раздевалку тяжелые, угрюмые, подавленные, в глаза стараются не смотреть. Но Маранов молчит. Он постепенно начинает о чем-то догадываться, смутно что-то чувствовать. Он понимает: они провалились прежде всего энергетически, но не может понять почему; он мучительно размышляет, лихорадочно ищет выход, что-то надо предпринимать. С ребятами разговаривает Курбанов, но не о том и не так. Не надо их сейчас укорять!

Маранов раздумывает о заменах. Он видит напряженные, выжидательные взгляды Нестора Вибергасова, Максима Бухарова, Юры Рославцева... Они готовы. Может быть, это выход? Ресурсы есть. Надо на что-то решаться. И тут раздается звонок. Да, этот звонок он никогда не забудет, до конца своих дней! Он был неоценим по своей важности! Звонит Михаил Георгиевич. Он слышит отдаленный, почти родной голос в трубке:

— Андрей, можете говорить?

— Да, Михаил Георгиевич, слушаю. У нас перерыв. Есть минута-две, не более. Игра не идет. Не понимаю, что происходит.

— Вам перекрывают кислород. Подключилось целое сообщество каких-то магов. На каждого игрока по магу. Просто виснут, поставили им заглушки на входе в энергоканалы, сверху и снизу. Нет притока энергии. Откачивают от них.

Берестов говорит, слегка задыхаясь, видно бежал. Он торопился сказать главное, боясь, что связь прервется. Он не знает, какие тут тарифы, когда улетучатся деньги с телефона.

— Связь с эгрегором перекрыта. Но мы начинаем плотную работу... Скажите ребятам, чтобы поставили защитный контур, как я их учил. Пусть весь перерыв кружатся, сбрасывают негатив, пусть поют. Зажгите свечи, пусть Провоторов почистит ребят. Это в натуральном виде черная магия! Мы пытаемся выровнять поток, дать им силу. Мы работаем. Пусть включают уверенность: магия против витязей не работает. Пусть разозлятся на аргентинцев, на всю эту бесовскую свору, что за кадром.

Связь прерывается. Маранов минуту стоит, думает, переваривая услышанное. Затем выходит в центр раздевалки, останавливается перед сидящими в креслах разозленными, удрученными игроками и начинает говорить:

— Ребята, ситуация тяжелая. Вы ни в чем не виноваты. Подключилась какая-то группа сильных черных магов. Естественно, враждебных. На каждого из вас поставлена порча. Поток энергии перекрыты. Вам каждому поставили блоки на энергоканалы, внизу и сверху. Вас всех заблокировали... Нами занялись теперь всерьез. Мы поломали все тотализаторы, обрушили крупные ставки. Нас страшно ненавидят, потому что мы возмутители спокойствия. К тому же мы русские, а русских всегда ненавидели за нашу силу. Слушайте, что надо делать. Вспомните уроки Михаила Георгиевича. Надо сбросить с себя эту мерзость. Виктор, зажигай свечи... Устанавливайте статуи.

Взбудораженные игроки вскакивают. Провоторов бежит за свечами.

— Вот оно что, — громко, осматривая кругом всех, говорит Гремин. — А я-то не пойму, что происходит! Как сонные бегаем.

— Ребята, вставайте! — громко кричит Олег Приданцев. — Как это так? Чтобы на нас, да какая-то мразь порчи наслала? Да мы что, подопытные мышки? Встаем, делаем обратку! Виктор Сергеевич, мы готовы. Говорите, что делать.

Команда встает, выстраивается в круг. Провоторов в центре, ладони направляет, выравнивая дыхание. Потом начинает работу:

— Ребята, концентрируемся на ощущениях... Найдите очаги вторжения. Нащупайте блоки на входе в энергоканалы сушумна и читрини. Астральной рукой сбейте заглушки! Сбейте их резким ударом! Срежьте их астральным ножом по корню! Отбросьте прочь к чертовой матери! Теперь снизу... Там стоят такие круглые крышечки, пробки. Подведите астрально руку. На счете три берете каждый свою и вытаскиваете. Раз... Два... Три! Взяли! Вытащили! Выбросили прочь!

В раздевалке слышится шумное дыхание, стоны, хрип. Запасные также здесь, в кругу. Провоторов продолжает:

— Нащупайте введенных лярв. Большинству из вас их посадили в район пупка, на силовые чакры. Это студенистые, сероватые, мерзкие образования. Зацепите их астрально! Схватите за щупальца — как угодно, как получается. Схватите, зацепите... Теперь тащите. Вот тут, в стороне, горит астральный огонь. Сбрасывайте туда нечисть! На это место пускайте поток белого света. Смывайте все чистой ключевой водой. На выдохе выносите эту гадость прочь. Говорите врагам: возьмите все свое назад! Пусть сторит весь негатив во мне и вне меня! Пусть вся грязь возвратится к тем, кто ее послал!

Идет плотная работа. Парни даже вскрикивают, громко выдыхая воздух. Понемногу им становится легче. Энергия начинает проходить, пробиваться.

— Сдохните, сгиньте, твари, мрази! — громко приговаривает Олег Приданцев. — Возьмите взад свое говно, захлебнитесь им!

— Вам слабо против нас! — вторит ему Нестор Вибегасов. — Мы вас придавим, суки! Мы вас закопаем! Чтоб вы сдохли!

Круг начинает двигаться посолонь. Провоторов продолжал:

— Окружаем себя кругом Божественной Защиты, панцирем защиты наших предков, славян-ариев, древних воинов-русичей, тех, кто начинал осваивать земли Тарах и Тары, кто создавал Великую Татарию — нашу исконную Родину! Наш защитный блок непробиваем! Мы сильнее всех наших врагов! Нам по силам одолеть любого врага! Мы славяне! Мы русичи! Мы витязи!

Круг ускоряет движение. Мужчины, находящиеся в нем, затягивают древнеславянскую боевую песнь. Некоторые проговаривают вполголоса услышанные формулы. Парни взвинчены, возбуждены. Вскоре они уже просто рвутся на поле. До окончания перерыва остаются считанные минуты, и приставленный к команде администратор входит и дает знак. На электронном табло пошел отсчет секунд.

— Ловим потоки светлой энергии нашей родины! — продолжает наговаривать Провоторов. — Они вливаются в нас, дают нам силу! Наши силы удесятерятся! Никто не может помешать нам победить!

Табло пикает — секунды до выхода на поле. Футболисты размыкают круг, поправляют форму: подтягивают гетры, щитки, кто-то быстро перезатягивает крепления бутс.

Маранов понимает, что ему ничего не надо говорить. Его бойцы рвутся на поле.

— Парни, скажите свое слово, — только и говорит он. — Я-то знаю, что сильнее вас на этом турнире нет никого. Бейтесь, как защитники Сталинграда, как сибиряки под Москвой. Нам нужна победа. Но не теряйте организации! Работаем грамотно. Вратаря бережем. Все. Выходим!

Никто из игроков не знал, что за это время по наказу славянских волхвов вступили в круг еще более десяти крупных славянских общин по всей стране; началось их синхронное круговое движение. Волхвы теперь явно видели, что поток энергии к футбольной команде был перекрыт неким сильным организованным сообществом высокопрофессиональных магов. К ответной работе подключились десятки магов по всей стране, поднятые тревожными звонками из общин. Они выходили кто в поле, кто в лес, кто на пригорок; кто просто садился в позу лотоса у себя дома. Маги концентрировались, улавливали родственные по вибрациям потоки, собирали в пучки и переправляли по цепи в сторону Европы и далее.

Уже к концу перерыва футбольного матча созрели условия для удара по враждебному магическому сообществу. По велению волхва Велимудра он был нанесен в промежутке между третьей и седьмой минутами второго тайма.

В это же самое время на вилле одного из Сейшельских островов, в Южной Калифорнии, поместьях под Лиссабоном и Лондоном, 24 мага четырех лож Братства Обновления под общим руководством магистра Ричарда Виндинг-Бронса, успешно и дружно работавшие в течение почти сорока минут, были потрясены внезапным магическим нападением. В момент удара барон Виндинг-Бронс, улыбаясь, попивал кофе и одновременно разговаривал по телефону с магистром Фергюссоном об обеспечении магического сопровождения следующего матча сборной США. Оба они были спокойны: перед началом работы маги выставили совместную общую защиту на случай ответного воздействия. Они просто не ожидали, что оно будет настолько сильным, так как ранее на этом уровне господствовали практически безраздельно.

Внезапно чашка выпала из рук барона. Он почувствовал такой острый укол в сердце, что на секунду потерял сознание и едва успел выставить руку, падая на пол; кофе из разбитой чашки выплеснулось на лицо. В овальном зале

особняка на Сейшелах у троих магов — Вернье, Пиранелли и Фрога, — спокойно стоявших у телепани, внезапно потемнело в глазах. Пиранелли и Фрог добрались до своих кресел, выставляя руки, пытаясь защититься от невидимого, пронзающего их жесткого луча. Вернье же, потеряв сознание, упал; изо рта его пошла серая пузыристая пена, его дыхание прервалось. Еще двое, потеряв равновесие, присели на карачки и поползли к выходной двери, крича сдавленными голосами:

— Зажгите огни! Свечи! Поставьте защиту! Дайте жезл!

В других ложах потрясенные ударом маги выскакивали на улицу, бежали к бассейнам, прыгали в них, надеясь ослабить воздействие водой.

Маги, выдержавшие удар, опомнились и попытались начать кружение вокруг алтаря. В Северной ложе пожилой Фергюссон, не выдержав, сник и затих в кресле. Лицо его было красным. Подбежавший к нему молодой член ложи пытался дать ему таблетку для снижения внутричерепного давления, но Фергюссон не открывал рот. Взгляд его обесмыслился.

Устоявшие магистры призвали на помощь магов, не участвовавших в работе лож. Но многих из них не было в этот момент в представительствах, они были разрознены. Однако те, кто смог, начали работать, ставить защиту вокруг собратьев. В течение примерно двадцати минут они пытались заштопать проломленный во многих местах защитный панцирь. Никто уже не помышлял ни о каком футболе. Кое-как защита была установлена. Мощность внешнего атакующего эфирного потока ослабла в силу того, что волхв Велимудр переключил общую энергию на подпитку непосредственно команды футболистов.

Итог этой битвы был таков: два мага, Вернье и Фергюссон, скончались, не приходя в сознание. Магистр Виндинг-Бронс и четверо других пожилых магов были экстренно госпитализированы. Дональд Фрог был помещен в реанимационное отделение.

Между тем события на поле стадиона в Буэнос-Айресе теперь развивались уже по другому сценарию. Умственная стенограмма Маранова, которую затем, спустя месяцы, он выводил на бумагу, зафиксировала динамику событий предельно четко.

54-я минута. Начальный бурный натиск противника остановлен. Аргентинцы вязнут на флангах, центр Рыклин и Гремин перекрыли намертво. Это уже лучше!

60-я минута. Игра становится все более равной, хотя трибуны ревут, гонят своих вперед. Но игроки сборной Аргентины начинают буксовать. Их звездный центрфорвард не получает мяча, бегают впустую, нервничает. Это хорошо. Станишевский начинает держать мяч. Очень хороший знак! Приданцев с Багряновым все заметнее в центре. Пересветов пока без мяча.

Аргентинские трибуны ревут чуть тише, словно отдыхают. Но барабаны гудят, кто-то бросает петарды. Кто-то лазером светит на Курганова — полицейские, слава богу, быстро взбегают на трибуны.

55-я минута. Приданцев выводит Никиту на удар, тот бьет из-под ноги не во всю мощь, но плотно. Вратарь не успевает отразить удар, мяч ударяется в стойку; в штрафной столпотворение, мяч летает по штрафной, но опытные аргентинцы костями ложатся, не дают Пересветову нанести удар; в итоге выбили его за линию. Но это уже хороший знак! Игра налаживается! Ребята уже дышат, они живут на поле! Энергия пошла!

В этот момент российский телекомментатор словно бы ожил и теперь при всей этой многомиллионной аудитории подбадривает воспрявших игроков, как будто они могут его услышать:

— Ребята, давайте, давайте! Игра пошла! Давите! Нужен гол! Нужно непременно забить!

Толпы на площадях дышат, гудят, шевелятся. Люди смотрят матч с напряженным, мучительным вниманием и надеждой.

67-я минута. В центре поля очередной раз сбивают разыгравшегося, виртуозного Станишевского. Греммин подходит к судье, выразительно смотрит на него сверху. Тот делает вид, что лезет за карточкой. Греммин подмигивает ему, нехорошо улыбается и отходит.

73-я минута! Наконец-то!!! Греммин снова подключается к атаке. Пересветов видит его движение, умышленно, дальновидно уводит за собой от центра двух защитников, а затем резко и точно с правого фланга кидает мяч Никите под удар. И вот этот удар! Теперь это уже его удар! Мяч со свистом летит над ухом центрального защитника и вонзается в сетку чуть правее вратаря, который запоздало всплескивает рукой. Аргентинцы ошарашенно смотрят на огромного бородатого человека. Греммин сплевывает, показывает Пересветову большой палец в знак признательности за пас, и бежит к своим воротам, окруженный товарищами. Никто не прыгает, не скачет, не орет. Мужики предельно собраны, зная, что нужны еще голы. Для начала хотя бы один!

74-я. Нехорошая минута!

Пересветов просто блистает обводкой, терзает защитников на своем фланге. И вот вдруг такое! После обычного игрового столкновения, при котором оба соперника оказались на газоне, судья вдруг показывает желтую карточку Багрянову. Она вторая — и тогда он достает красную... Удивленный Эдик смотрит на капитана и уходит с поля. Марановцы остаются вдесятером... Приданцев подходит для выяснений к судье, но тот резко реагирует, разводит резко руками. И вот далее... Он оказывается прямо перед Никитой. Разгоряченный судья-ирландец злобно смотрит на него.

— Do you want to be alive? — вдруг спрашивает его Греммин, внимательно глядя на него и раздвигая два пальца на правой руке.

Судья выхватывает желтую карточку и начинает махать ею перед лицом Гремина. Тогда тот делает пальцами «ножницы». Судья хватается за сердце, падает на левое колено, испуганно смотрит на Гремина.

— Do you want to die? Do you? — жестко повторяет Гремин, с ненавистью глядя на судью. — I'll do it now, — сказал Гремин, продолжая сдвигать пальцы, астрально сдавливая аорту ирландца. Судья судорожно дышит; он роняет карточку на траву, падает на оба колена и руки.

— I can't hear?! — жестко спросил его Гремин.

К ним подходят другие игроки, не понимая, в чем дело. Гремин смотрит на защитника, грубо сбившего Пересветова. Внезапно голова того дергается в сторону, он падает набок. Затем вскакивает, ошарашенно оглядываясь вокруг, не понимая, что произошло. Никто ничего не понимает.

Гремин хмуро смотрит на судью и плотнее сдвигает пальцы.

— I want to live, — хрипло говорит, чуть приподнявшись, судья, глядя на Гремина с мольбой. — Don't do this...

— Good, — отвечал Гремин. — I hope you understand me. Be careful...

Судья медленно встает. Он бледен, его шатает. Кровообращение и давление крови восстанавливаются не сразу. Вся сцена длится не более минуты, но для него за эту минуту промелькнула вся его жизнь.

79-я минута. Гола нет. Надо что-то предпринимать. Маранов понимает, что его быстрых нападающих успевают перекрывать, что Пересветова сторожат сразу двое; что при такой игре лишённые маневра быстрые форварды ничего не сделают реального. Он принимает решение — сделать акцент на атлетику. Вместо Диденко и Раскатова на поле выходят более мощные Вибергасов и Рославцев. Отправляя их на поле, он дает указание провести перегруппировку: Гремину указано идти вперед, Нестеровичу с фланга перейти на его место; Полубоярову предписано играть роль чистильщика. Станишевскому и Приданцеву надо работать на атлетический кулак — Вибергасов, Рославцев, Пересветов, Гремин.

84-я минута. Надежда! Пересветов виртуозным финтом обходит защитника на фланге, входит в штрафную, буквально процарапавшись к воротам лицевой линии.

Он видит, что в штрафную, неприкрытые, вбегают сразу и Приданцев, и Станишевский. Вратарь и защитники, видя это, бросаются перекрывать центр вратарской. Однако Пересветов делает нечто непредсказуемое: он просто хладнокровно, мастерски подрезает мяч внешней стороной правой стопы; тот взлетает почти до середины вратарской, но в итоге по дуге уходит в дальний угол. Вратарь только провожает его взглядом. Стадион словно охает, издавая гул негодования... На сей раз судья, не мешкая, указывает на центр.

Маранов видит, насколько вымотаны аргентинцы. Возможно, в их жизни еще не было такой тяжелой работы, но им было за что сражаться. Их ожидали неслыханные гонорары в случае победы, вечное уважение и память народа. Маранов знал, что на них смотрит вся их страна и ждет победы и что эти самоотверженные, первоклассные мастера сейчас перестроятся и вновь будут бороться, преодолевая себя. Но и у его парней теперь силы на пределе. Этот кошмарный первый тайм, когда сил тратилось много, а игра не шла, основательно выпотрошил их энергетически. Они тяжело валяются на газон перед дополнительными таймами, и замирают. Им нужно хоть как-то восстановиться. Они по-прежнему не пьют воду, лишь некоторые, и совсем понемногу. Все сидят на эндогене. Bravo, Провоторов! Вот кто у нас гений!

Все дальнейшее Маранов почти не зафиксировал. Потому что это было слишком нервно. Бросок вперед аргентинцев в середине первого дополнительного тайма был неожиданным. Их гнала энергетическая волна, шедшая от веерного движения толп на трибунах, от тех миллионов горячих южных людей, что сидели в тысячах квартир, пили пиво, виски и фернет. Они рисовали в пространстве победу своих, и не могли представить, что может быть иначе. Когда после углового наши на миг оставили на углу штрафной верткого Эстебана Факундо, Маранов закрыл глаза... Они сто раз видели в виртуальных играх этого парня, знали,

что этого его любимая точка... Но живая игра — она на то и живая... Маранов даже не видел, как он забил. Он только слышал рев стадиона и чувствовал, как его за плечо теребит Курбанов. Когда он поднял глаза на поле, то увидел лицо Олега Приданцева. Оно было словно каменное. Он ждал планшета с цифрой пять.

Но Маранов медлил. Ему надо было подумать. Он показал Приданцеву на табло, и пальцами цифру 3. Приданцев понял: три минуты до смены ворот, надо доиграть. Они постарались сбить порыв аргентинцев, жаждавших закрепить успех. Игра перешла в центр.

Когда шла смена ворот, Приданцев и Станишевский подбежали к тренеру. Маранов только и мог сказать: «Полубояров устал. Страхуйте его. Пропускать больше нельзя. Я скоро покажу пятерку...» Они кивнули, и побежали в центр.

Он выставил цифру 5 только через четыре минуты второго дополнительного тайма, когда аргентинцы уперлись в их защиту, и постепенно начали тянуть время. После этого он видел лишь одно: почти непрерывное давление его могучей первой команды, его детища, его гордости, его славы. Каким чудом аргентинцы удержали первые 5 минут второго дополнительного тайма свои ворота от гола, было поразительно! Они отбивались отчаянно, дерзко и мужественно, эти смуглые худощавые парни. Но наступила эта роковая для них...

112-я минута. На правом фланге Станишевский мастерски останавливает мяч на лету и тонко сбрасывает его влево, под удар Приданцеву, приближающемуся к штрафной. Не зря Олег так мучительно отрабатывал на тренировках свои удары! Этот его удар приходится почти в самую «девятку». Достать этот мяч было невозможно — слишком сильно и точно он был послан.

Аргентинцы растеряны. На новые атаки сил у них уже нет.

115–118 минуты. Еще несколько минут проходят в непрерывных атаках наших; наконец, Пересветова грубо

сбивают около в штрафной. Судья теперь работает четко. Он все понял: жизнь для него явно дороже денег и репутации... Вибергасов бьет в обводку стенки. Мяч летит точно в «девять», но! Вратарь дотянулся указательным пальцем. Мяч отлетает в поле... Столпотворение в штрафной. Мяч отлетает назад к Гремину. Страшный удар. Мяч сшибает с ног защитника аргентинцев, летит за ворота. Защитник лежит. Аргентинские игроки кричат, жестикулируют. А что кричать? Никто его не сбивал. Это просто нервы. Начинается толкотня. Люди на трибунах встают. Полиция цепью бежит, чтобы замкнуть наиболее опасную трибуну. Защитника уносят на носилках. Игру запускают спорным ударом... Марановцы пытаются снова ворваться, войти в штрафную, но вязнут на подступах. Силы уже не те. Вот он, их предел. Маранов выключает пятый режим. Судья дает свисток. Пенальти.

Игроки снова бухаются на газон. До чего же обидно, что Мушарапов травмирован! Вахит сидит тут же и едва не плачет. Он пытается что-то сказать Денису Курганову, научить его... Маранов назначает пятерых под удары. Тут и вбирать нечего: Гремин, Пересветов, Станишевский, Приданцев, Диденко.

Сами пенальти в этом грохоте, на этой жаре вспоминались затем Маранову, как сон, тяжелый сон с похмелья. Давление у него явно подскочило. Сердце билось неровно. Но тут уж ничего не попишешь. Все происходило по принципу: пан — пропал; пан — пропал. Необъяснимый, непроститительный промах Диденко при первом ударе... Тысячи раз он пробивал такие мячи, и даже Мушарапов их редко брал. А тут промазал.

Первый аргентинец забил. Рев так давил на голову, что казалось, вот-вот разорвутся сосуды мозга. Гремин пробил не слишком сильно, вратарь среагировал, но не дотянулся. Второй аргентинец также пробил четко, жестко в угол. У Дениса шансов не было. Пересветов, уникально чувствовавший мяч, перехитрил вратаря. Тот бросился не в тот угол, куда полетел сильно пущенный мяч. А дальше...

Тогда Гремин сделал то, о чем даже не подумал Маранов. Ему это в голову не пришло в этой сумятице. А вот Никите пришло.

Когда тот же Эстебан Факундо, любимец публики, установил мяч на 11-тиметровой отметке, когда он подбежал к мячу, Гремин незаметно повел вбок головой. Мяч как-то неловко срезался с ноги нападающего; удар получился непонятный, несильный. Курганов среагировал, взял его намертво.

Станишевский пробил четко в угол. У вратаря не было шансов. Молодец, Игорек! Стабильность – признак мастерства. Когда к мячу подошел капитан аргентинцев Эльвио Батиста, Гремин снова повел головой, чуть шевельнул рукой. Сильный удар ушел в никуда, свечой. Торсида ухнула, выдохнув ужас. Батиста, ничего не понимая, смотрел на ногу, на мяч. Затем упал лицом траву и зарыдал... Мы вышли вперед -3-2 по пенальти, 5-4 по общему счету.

Ирландец, судья, внимательно и понимающе посмотрел в сторону нашей команды. Он теперь имел представление о нетривиальных способностях русских игроков. Но если они и делали что-то, то зафиксировать это было невозможно.

И все же на Гремина подействовал его взгляд, в котором ясно читался укор. Или же подключились еще какие-то маги. Или у него уже не было энергии. Или просто пропустил момент. Мулат с дредами пробил хорошо, но Курганов мог вытащить мяч, он сбросил его на штангу. Но-он таки докатился. Перед решающим ударом давление стало предельным. Но Олег Приданцев был не тем человеком, которого он могло сбить с толку. Он забил мощнейшим ударом в угол, спокойно, хладнокровно.

Это была победа!

Что творилось в это время на площадях российских городов, невозможно и описать. Люди кричали, танцевали, обнимались, как на каком-то возрожденном древнем

празднике. Откуда-то появились везде грузовики с водкой, пивом и закусками; самодеятельные артисты с гармошками и баянами. Люди тут же распивали пиво и водку, гуляли группами, танцевали и пели. Молодежь скандировала лозунги: «Россия! Россия!» Проезжавшие по улицам автомобили и автобусы, даже трамваи — все гудело и звенело, не переставая. Стоящие до этого на своих постах в разных местах полицейские и военные смешались с народом, пили вместе со всеми водку, общались с людьми, обсуждали перипетии матча.

В барах городов больших и малых также творилось невообразимое: люди вскакивали на столы, орали, скандировали имена героев — Пересветова, Мушарапова, Приданцева и Маранова. перевозбужденные, разгоряченные девушки откровенно липли к парням, обуреваемые желаниями. Везде — в городах, поселках и деревнях — царило дикое необузданное возбуждение, какого в России никто никогда и не видел. Шел спонтанный, бурный, неуправляемый праздник жизни.

Впервые после 1966-го года российская команда вышла в полуфинал чемпионата мира.

ГЛАВА 54

Сергей Падин все рассчитал правильно. Интуиция и чувство опасности не подвело его. Еще утром в день матча с Аргентиной он уехал из города и скрылся на даче своего давнего друга, журналиста Воеводина. В два часа дня ему позвонил из офиса Серафим и сказал, что к воротам подъехали три бронированных джипа и черный «Мерседес». Три группы мужчин направились к охране, доставая какие-то бумаги, стали разговаривать.

«Они предъявляют удостоверения КРУ Минфина, говорят, что у них есть санкции на проведение обыска и изъятие документов для проведения проверки», — сообщил Серафим по телефону шефу.

Не мешкая и не раздумывая, Падин тут же дал указание:

— Не пускать никого. Пусть подают иски в суд. Допустим только на основании судебного решения. Если сделают попытку силового захвата — огонь на поражение.

— Понял, шеф. Будет сделано.

Группа мужчин начала кричать и скандалить. Тогда пятеро охранников офиса взяли их за шкуру и вышвырнули вниз с лестницы офиса. Двое не удержались на ногах, упали. Один покатился по лестнице вниз. Двери офиса закрылись. Мужчины в костюмах двинулись к машинам, на ходу куда-то звоня по телефону. И сразу после этого из трех джипов начали выскакивать вооруженные люди в камуфляже. Выскочили человек пятнадцать, и быстро направились к воротам офиса, снимая «Калаш» с предохранителей.

Цепью выскочившие из него люди в камуфляже направились к воротам офиса, но были встречены грозными криками охраны в репродуктор:

— Кто вы такие? Предъявите документы!

Люди в камуфляже начали срезать замки на воротах жидким азотом. Это у них получилось быстро; они открыли ворота и ринулись во двор. И тогда сверху, сразу с двух этажей, грянули автоматные очереди. Пули, свистя, вычертили сверкающую дугу на уложенном плитами дворе офиса, прямо перед группой нападавших. Двор заполнился дымом и грохотом.

Наступавшие моментально остановились; они тут же опустили автоматы. Постояв минуту, с опаской глядя на верхние этажи здания, они начали пятиться назад, к воротам. Их командир куда-то звонил. По телефонам также вели переговоры и аппаратчики в костюмах. Со второго этажа здания кто-то дал еще одну очередь, и пули просвистели прямо у них над головами. Шутить тут никто не собирался, и аппаратчики это поняли. Они быстро забрались в свои машины и уехали.

Вечером по телевидению дали сюжет о том, что КРУ Минфина намеревается возбудить уголовное дело по факту серьезных финансовых нарушений, совершенных фирма-

ми консорциума олигарха Сергея Падина. Говорилось, что проверка была осуществлена в банках его линии и также в центральном офисе. Об инциденте на Мичуринском проспекте не было сказано ни слова.

Вечером Падин в особняке Звонарева устроил экстренное совещание заговорщиков. Приехали три генерала, Юдин, два крупных чина МВД, сотрудники ФСБ и ФСО, часть людей из расширившегося круга посвященных в дело из числа политиков и бизнесменов. Для охраны виллы Звонарева были вызваны десантники, бывшие подчиненные одного из генералов, создавшие свой ЧОП. Они подъехали в автобусе с затемненными стеклами, с оружием, при полном боекомплекте. Заняли позиции со всех сторон территории.

Всем было ясно: Гордин открыл замысел Падина. Маски были сброшены. Нужно было обсудить только одно: надо ли начинать открытую конфронтацию или продолжать активно готовиться к выборам, не раскрываясь. Обсуждение вариантов продолжалось довольно долго.

— Если мы сейчас не раскроемся, — говорил Звонарев, — Сергея Валерьевича выследят, возьмут под стражу и затеют процесс. Либо еще хуже. Одно покушение уже было. Затем пойдут по следу и за нами. Если же вперед сделаем заявление, что президент нарушает закон, совершает противозаконные действия, мы таким образом начнем предвыборную кампанию; Гордин тогда окажется в невыгодной позиции. Если даже сейчас Сергей Валерьевич заявит, что футбольную команду создавал он, народ за него будет горой. Гордин выйдет на выборы в минусе. Если Сергей Валерьевич откроется, Гордин на него покушение устраивать побоится. Так я думаю.

— Они будут искать способ загасить Сергея Валерьевича иным способом, — не соглашался генерал Беклемищев. — Гордин начнет хитрить и юлить: мол, ошибка вышла, произвол, не сориентировались контрольные органы, идут бизнес-разборки; я тут ни при чем. Писаки напишут, как ему надо. А сам будет искать способ подтасовать ре-

зультаты выборов. Что-то ему подскажут... Попрем сейчас на Гордина — нас раздавят. МВД приказы Гордина будет исполнять по-прежнему, большая часть армии — тоже. Мы не имеем возможности противостоять всей мощи государства. Нам надо выскочить неожиданно, накануне выборов.

— Я думаю, Антон Валерьянович прав, — согласился Валерий Юдин. — А что, собственно, Гордин знает? Падин купил большие экраны и организовал показы для народа. Что тут плохого? Разве из этого следует, что команду создавал он? Нет. Может, Гордин это считает пиар-ходом? Но народ не знает, что экраны организовал Падин. Гордин докапывается, но уверен не до конца. Он пока только пугает. Если бы на что-то решился, не устроил бы это глупое маски-шоу... Он разве не знал, что у Сергея Валерьевича есть вооруженная охрана? Идиоту ясно, что в офис их не пустят. Он чего-то недодумал. Это в его стиле.

— Но тогда он зачем устроил маски-шоу у офиса? — спросил Звонарев.

— Я вам скажу, — отвечал Падин. — Он преследует две цели. Это превентивный удар, для острастки. Мол, пусть не думает Падин, что он неприкосновенен. Во-вторых, ждет реакции. Кинул мяч на мою половину. Вдруг раскроюсь, открою забрало. Тогда он сделает следующий ход. Он хочет понять, насколько я опасен для него на выборах. Насколько твердо я решил на них идти. Он не переносит мутной воды, он любит ясность. Он ждет, что я расскажу про команду. Он не хочет, чтобы я пошел с козырей в неподходящий для него момент.

— Раскрываться в любом случае не надо, — заметил Беклемищев. — Козыри надо придержать. Всего два месяца осталось до подачи заявки. Надо тянуть как можно дольше.

Общее мнение склонялось к тому, чтобы Падин не делал заявления в СМИ, обвиняя Гордина в преследовании по политическим мотивам. Лучше выждать время. Надо скрыться на некоторое время; лучше за границей, пока есть

возможность, пока он еще может выехать — пусть под чужим именем. А там будет видно. Надо дождаться окончания чемпионата. У нашей команды при такой игре могут быть даже серебряные медали. Это будет неслыханный успех! И почти полная гарантия победы Падина на выборах.

Никто не мог предположить в тот момент, как будут развиваться события, какой может быть развязка. Но в любом случае принятая тактика устраивала Сергея Валерьевича. Тем более что генералы продолжали вести сложную и опасную работу по привлечению наиболее политизированных командиров воинских частей к участию в возможном военно-политическом перевороте. И таких командиров становилось все больше. Заговор постепенно проникал и в МВД. Недовольство политикой Гордина росло и там; крупные чиновники ведомства, посвященные в заговор, тихо вели подготовительную работу среди личного состава. Благодаря умелой конспирации никто из сторонников Гордина ни о чем не догадывался.

ГЛАВА 55

Магистру Виндинг-Бронсу теперь нравилось смотреть через окно его персональной медицинской палаты на сменяемость небесных ландшафтов. Утром по голубовато-белесому полотну неба ползли облака: бесформенные, вялые, мутные, они порождали в его душе музыку, не мелодичную, а тягучую, угнетающую. Днем же облака начинали обретать более рельефную форму; они громоздились друг на друга, порождая многообразные по форме мягкие текучие конструкции и барельефы: то возникал слон с двумя хоботами, который медленно напознал на что-то вроде безухого кота; то возникал большой медведь и подминал под себя паровоз. Вечером могли возникнуть ангелы: облака становились прозрачными, уточненными, растянутыми, возвышенными.

— Может быть, я и в самом деле не туда иду, не то избрал? Может быть, прав Сидеро, а не я? — с тоскою в душе

размышлял магистр. — Вот я был сейчас на грани ухода. А если бы ушел? И кто знает, что там меня ждет? А если все так, как было показано? Если что-то нехорошее? Где гарантии? Нет гарантий! Ничто не предопределено, в этом все дело. Пока здесь, все куражатся: мол, мы знаем, как там будет! Нас там погладят по головке; нам там призы вручат, бонусы. А там все совсем, совсем другое. Вообще другое! И мыслят, и оценивают *там* по-другому! И ни у кого нет там своих людишек, своих агентов. Никто там никого не лоббирует. Мы там голенькие. Попадаем — и все с листа... И возраста там нет, и регалий никаких, и значимости. Все-все с чистого листа. Тогда чего ради я беру на себя столько? Кураторы... Есть ли им до меня дело? С чего я взял, что могу навязывать что-то миру? Мир сопротивляется. Может, не нужно все это? Вообще никому не нужно; а нужно что-то совсем другое?

Появлялся услужливый врач в бирюзовой униформе, вежливо спрашивал, не надо ли чего, измерял давление крови, смотрел язык... Снова магистр оставался один, снова равнодушно смотрел то на мерно падающие капли в стеклянной капсуле капельницы, то снова на небо...

Невиданная магическая атака на ложи Братства, произведенная неизвестным сообществом во время матча русских с Аргентиной, поразила его. Он никогда не мог предположить, что магические игры могут иметь такой суровый результат на физическом уровне. На следующий день должно было состояться захоронение урн с прахом его старого друга магистра Фергюссона и мастера Седрика Вернье... Кто мог предположить, что так все обернется? Хотя... Нет, он, магистр, был обязан такой исход предусмотреть, ведь уже было одно нападение, Вернье уже попадал в больницу; надо было бы его отстранить от активной работы в ложе. Как он мог просмотреть существование такого сильного противника? Да, русские научились держать свои секреты в тайне и наносить неожиданные удары.

Взять эту русскую команду: ни магическая работа ордена не помогла, ни подкупленный судья. В этом минус

футбола: в нем выигрывает тот, кто забивает больше голов. И нельзя никому из магов выйти на поле и сыграть. Играют эти фигурки, эти гладиаторы, которых сначала натаскивают, затем покупают, перекупают, как боевых петухов; потом натравливают друг на друга. Но как они там сыграют, никогда заранее нельзя предположить, потому что именно они там сражаются друг с другом, а все остальные только наблюдают. Вот в чем проблема. И этим бегающим по полю парням безразлично, являются ли они метафорой мировой войны или нет. Им надо просто одолеть друг друга.

В какой-то момент магистр забылся и, глядя на облака, уснул. И вот опять его преследовал сон, который он видел уже раз пять: на каком-то ложе лежит молодая женщина, с испугом смотрит на него; он приближается к ней, распахивает то ли покрывало, то ли вуаль; мелькает ее обнаженное тело; она кричит, вскакивает; он видит прекрасную фигуру, скрытую тонкой вуалью. Женщина вспрыгивает на подоконник, оглядывается... Да, он помнит ее лицо. В нем было что-то очень важное, что-то болезненное, незащищенное, сквозящее какой-то подлинной трагичностью, самоотреченностью; чем-то безнадежно вечным, пронзительно-неразрешимым... Женщина исчезает за окном... О чем этот сон? Почему он повторяется? Реинкарнация? Вероятно. Его ли? Неизвестно. Что там произошло? Неизвестно...

Вечером магистр, несмотря на возражения врача, все же решил посмотреть четвертьфинальный матч США — Испания. Это был один из ключевых матчей турнира. Внимание всего мира было приковано прежде всего к нему. Это была настоящая проверка всего эксперимента. Команда андроидов должна была предстать неуязвимой, победной, могучей, всемогущей.

Но магистра томили нехорошие предчувствия и страхи. Он не был теперь ни в чем уверен. Сильный враг казался затаившимся в тени, готовым в любую минуту нанести удар. Он не чувствовал, находясь в этой клинике, былой

уверенности в себе, в своей правоте, в своей силе; он пропустил сильный удар от сильного соперника. Он и его маги как бы вышли играть на поле, недооценив противника; и те забили им один, но важный, очень важный гол... Теперь надо было напрягаться, и во втором тайме забить ответный мяч, поразить врага, заставить его напрягаться; заставить поднять руки вверх и сдаться, встать на колени. Но похоже было, что на этот раз враг был не из тех, кто становится на колени.

Игра поначалу шла совсем неплохо, и андроиды выглядели убедительно. Их атлетическая, размашистая, тяжелая игра смотрелась; это была игра организованной, классной команды. Однообразие тактических ходов было видно только специалистам. Техничные, легкие испанцы комбинировали, перемещались, работали через мелкие пасы, плели сети комбинаций, быстро прорывались по краям; андроиды же точно делали средние пасы, выводили на длинные пробеги нападающих, и те мощно шли, продираясь сквозь заслоны тел и частоколы ног, не обращая внимания на висящих на них испанцах. Это была игра особого, красного, большого накала; это реально был жесткий, но именно большой футбол. И то, что андроиды оказывались способными показать игру такого уровня, свидетельствовало, что эксперимент получался, что симбиоз человека и машины жил, работал и действовал.

Комментатор-американец, динамичный словоохотливый малый, выстреливавший сто слов в минуту, сравнивал сборную США образца 2030-го года с военным подразделением :

— Команда мощна, команда очень организована по всем линиям, — вещал он. — Она команда играет в тотальный футбол. Это словно маленький батальон американской армии, хорошо оснащенный, вооруженный, скрупулезно выполняющий приказы командира. Они словно взяли лучшее у наших воинов! Все футболисты непрерывно находятся в движении, но в каком движении! Форварды без конца ищут пространство для маневра, для выхода в сво-

бодную зону; идут мощно на ворота, используя свой атлетизм. Игроки достаточно техничны; их передачи всякий раз находят адресаты. Это очень хорошая команда! Игроки настолько выносливы, что, как правило, их соперник устает к концу второго тайма, и тогда они получают явное преимущество.

Но у испанцев, как всегда, была быстрая, техничная команда. В их составе было две звезды мирового класса: нападающий Серхио Камбьяссо и полузащитник Альварес Мизидо. Усилиями этих двоих выдающихся мастеров Испания повела в первом тайме в счете; и тогда магистр увидел, что андроиды, будучи не в силах перебежать и переиграть испанцев, начинают закипать.

Игра приобрела оттенок напряженной, агрессивной грубоватости. Проблема для испанцев заключалась в том, что при, казалось бы, рядовых, обычных игровых столкновениях они получали чрезвычайно болезненные травмы, и подолгу лежали на газоне, отходя от болевого шока. Врачи замучились бегать на поле и замораживать то чье-то колено, то голень, то бедро. Судья сам не понимал, что происходит; он дал всего лишь две желтые карточки американским игрокам. Вначале он подозревал, что испанцы симулируют; но потом увидел темные гематомы на голени Родригеса, когда тот спустил, сидя на газоне, гетры в ожидании медицинской помощи... После этого судья старался более внимательно отслеживать столкновения, но ничего не мог увидеть особого. Вскоре и Мизидо, и Родригес были уже неспособны продолжать игру. Испанские трибуны неистово свистели и гудели, но команда андроидов настойчиво шла вперед и под конец тайма сравняла счет. Испанцы начали пятиться назад. Магистр понял, что дело сделано, что дух испанцев скоро будет окончательно сломлен и что его андроиды победят.

Так в итоге и произошло. Но во втором тайме при общем благоприятном для американцев ходе игры произошли два неприятных события. После того как Баррд и Воупс забили

два трудовых гола, и счет стал 3:1 в пользу американцев, на испанской трибуне кто-то выбросил большую растяжку с надписью:

«Уберите киборгов с поля! Футбол — это игра людей!»

Плохо было то, что плакат долго держали в поле зрения телекамеры и его увидели все. Лишь через какое-то время плакат был убран с помощью полицейских. Магистр недоумевал: кому это пришло в голову? Утечка информации? Вряд ли. Скорее результат чьих-то размышлений и сопоставлений. Всякого рода мнений, касавшихся американской сборной, в интернете появлялось в избытке. И одно из них было проявлено во время игры. Лозунг мог породить в умах нехорошие, опасные мысли.

Но второе событие было еще более тревожным. Уже в конце игры, на 82-й минуте, когда сборная США уверенно вела игру при счете 3:1, с одним из андроидов, Воупсом, приключилось ЧП. По телевизору было видно, как испанцы вдруг остановились, и выбили мяч за боковую. Потом на несколько секунд включилась другая камера, и стало видно, как Воупс у центра поля странно крутится вокруг своей оси, чуть склонив набок голову. К нему моментально подбежали люди со скамейки запасных, завалили его на землю. По-видимому, ему был сделан укол, потому что затем его, недвижимого, унесли на носилках за кромку поля. Вместо него на поле вышел другой игрок, не андроид, обычный человек. Команда США доиграла отлично: давление на ворота испанцев шло до конца матча, и шансов отыграться, несмотря на яростную поддержку трибун, у них просто не было.

Инцидент с андроидом не просто встревожил магистра. Ему показалось, что он снова пропустил вражеский удар. Ясно было, что произошел какой-то программный сбой, но из-за чего — можно было только предполагать... Сразу после окончания игры, отключив у телевизора звук, чтобы не слышать оглушительного свиста и возмущенного гула испанских трибун, магистр позвонил Балнемуру и Хайслеру. Они были очень озабочены — это было видно по их лицам,

которые он видел на экране айфона. Однако сразу ясного ответа получить не удалось.

— Что произошло? — спрашивал магистр.

— Непонятно. Разбираемся, — отвечал Балнемур.

Лишь к ночи Балнемур сообщил результаты экспертного анализа:

— Это было подключение. Кто-то вышел на эту частоту... Выбит чип, отвечавший за двигательный центр.

— Черт побери!!! — магистр так и подскочил на кровати. — Они пробрили защиту?

— Они каким-то образом сняли частоту. У них не должно быть устройств, работающих на этой частоте. Мы это точно знаем. Но эти русские. У них есть такие... головастикки. Они что-то придумали.

— Вы полагаете, это русские? Установлено, откуда шло воздействие?

— Однозначно: из Москвы.

— Черт!!! Черт! Я так и знал!

Магистр внезапно сел на постели и хотел было вскочить, но успел остановиться. Сердце трепетно забилося, причем почему-то в центре груди.

— Что вы намереваетесь предпринимать? — спросил он тихим голосом.

— Думаем. Вы не волнуйтесь. Вам волноваться нельзя. Вы ведь в больнице... Ситуация непростая. Но команда в полуфинале. Вся Америка ликует. Это грандиозно!

— Есть реакция на выходку игрока?

— ФИФА намеревается провести обследование. Наши медики сообщили, что возникло внезапное психическое расстройство от перенапряжения. Но те не верят, настаивают на допинг-тестах. Там появился один нехороший русский... Ануров... Непонятно как, но его включили в комиссию ФИФА. Кто-то профинансировал. Он все это инициирует. Там подозревают наркотики. Это неприятно.

— Я понял. Включим наши резервы. Надо загасить. Надо принимать жесткие, крайние меры. Уберите этого Ануро-

ва, ликвидируйте. Подключайте все ресурсы. Информировать меня о ходе событий.

— Анурова ликвидировать вряд ли возможно. Мне доложили: его стережет целая банда каких-то агентов. Барон, идет война разведок. Нашего человека в ФИФА тогда, перед началом, убрали русские.

— Это доказано?

— Однозначно.

— Что вы предлагаете?

— Барон, у иллюминатов более мощная сеть. Боюсь, надо идти с ними на переговоры. Может быть, компромисс?

— Это исключено! Исключено. Ради чего тогда весь проект с андроидами? Чтобы они сняли весь гешефт?

— Есть еще проблемы, магистр. Андроиды взбесились, переломали всех кукол. Даже этих новых кукол! Мы вбухали в них миллионы! А они их поломали! Они видят кругом массу женщин. Их уже не обмануть... Их баламутит Баррд. Они кричат, что больше играть не хотят.

— Я этого ожидал... Баррда трогать нельзя. Он ведущий игрок. Но ведь живые женщины уже есть. Их же привезли! Дайте им женщин! Дайте столько, сколько им надо!

Балнемур молчал. Потом глухо проговорил:

— Пусть это указание выполнит кто-то другой. Я ничего не слышал. Я не хочу отвечать за то, что может произойти...

— Не стройте из себя целку, Джес! — вскричал магистр. Но потом добавил:

— Хорошо. Пусть это сделает Сандерс. Он сделает... Поймите, мы близки к цели, это удивительно! Впереди полуфинал. И должен быть финал. Осталось две игры — и мы в дамках. А потом этих уродов надо будет переформатировать. Надо будет серьезно еще дорабатывать андроидов этой линии. Недоработок масса.

Магистр не мог заснуть до утра. Вновь произошло столкновение с очень сильным противником, и это был все тот же противник.

«Начинается война, — думал он. — Это война. И ее уже не остановить. Либо мы их, либо они нас...»

ГЛАВА 56

Утро дня, предшествовавшего полуфинальной игре, началось для Андрея Маранова с двух встреч. В районе 10 утра сотрудник службы охраны, контролировавший входные ворота, доложил, что с главным тренером хочет увидеться какой-то человек. Он говорит, что хорошо с ним знаком. Маранов посмотрел в смартфон охранника, на который были выведены все камеры, установленные вокруг базы. У входа стоял немолодой мужчина лет 55. Брюнет с намазанными жирным лаком и зачесанными назад волосами, в темных очках, в белом модном костюме.

— Нет у меня таких знакомых, — отвечал Маранов. — Не знаю его.

— Вот, он просил вам передать, — охранник протянул Маранову какие-то часы. Маранов посмотрел и сразу узнал: это были часы, которые он подарил на день рождения Михаилу Георгиевичу с дарственной надписью: «Дорогому учителю от благодарного ученика...»

— Срочно впустите, — почти крикнул Маранов.

Через несколько минут он и изменивший свою внешность до неузнаваемости Берестов уже сидели на веранде, выходящей во внутренний двор главного строения виллы. Внизу были установлены два теннисных стола, а также бильярд. Олег Приданцев со своей подругой с одной стороны, Юра Рославцев со своей — с другой играли пара на пару в пинг-понг. Вокруг стояло еще несколько игроков — тоже с девушками. Гремил и Станишевский играли в бильярд. Легкая релакс-музыка звучала негромко, поддерживая мягкий тонус, незаметно обволакивая пространство мягким спокойствием...

— Чем вызвана такая конспирация? — спросил Андрей.

— По следу идут... У них есть зацепки, чтобы меня вычислить. Да ничего... Отобьемся, — весело отвечал Берестов. — Как идет подготовка?

— Есть проблемы. Гремину дисциплинарка ФИФА поставила предупреждение второе — заочно. Судья нагнал

там пурги, кричал, мол, черные маги у русских, грозят убить. Доказательств нет. Но матч Никите придется пропустить. Багрянов выбит, и, боюсь, надолго. Раскатов — карточка. Пересветов прихрамывает. Не знаю, стоит ли его ставить. Он нужен в финале, но в финал еще надо выйти... Ломаю голову, что делать.

— Мне почему то кажется, что Голландию мы пройдем. А вот финал будет финалом века... Слышали, как киборг закрутился вчера?

— Мы все видели. Это хорошо. У них сбой.

— Это наши подкапываются...

— Да что вы! — Маранов привскочил на стуле. — Засекли частоты? Неужели?

— Ваш Согрин — гений. Но это ведь только зацепка, пристрелка. Они могут защититься. У них спецы тоже дай боже.

— Почему вы думаете, что с Голландией будет все хорошо?

— Не буду говорить. Интуиция. Или просто верю в вас... Мне нужно будет пообщаться с Приданцевым, Станишевским и Пересветовым.

— Михаил Георгиевич, да ради бога! Они все здесь. Никто за ворота не выходит. Там нас постоянно караулят какие-то люди. Помимо болельщиков агенты «Барсы», «Реала» и «Баварии». Охотятся за Пересветовым, Станишевским, Греминым и Мушараповым. Предлагают баснословные суммы... А можно узнать, для чего вам нужен Олег? Вы ради него пришли?

— Отчасти... Проводка канала связи идет тяжело. В первом тайме игры с Аргентиной нас выбили, поломали канал. Вы видели...

— Это был страшный момент, — вздохнул Маранов. — Я был в панике, честно говоря. Михаил Георгиевич, я горжусь тем, что вообще знаком с вами...

— Не надо, Андрей. Никакой помпезности. Мы работаем. Еще ничего не решено. Тогда нам пришлось совершать сверхусилия. Сотни наших работали — на Урале, Алтае,

в Сибири. На местах силы, у капищ, у камней. Жгли костры, совершали обряды. Хорошо, что мы пробились к середине второго тайма, обожгли тех, кто бил по команде... Но Олег мог начать удерживать канал раньше. Возник серьезный риск. Мы могли проиграть. Своя энергетика у команды есть, но — извините... На трибунах семьдесят тысяч местных. Да и вся страна рядом. На своей энергетике наши могли не вытянуть игру, хотя они, конечно, молодцы...

— Вот оно что, — задумчиво произнес Маранов. — Канал связи... А как будет с Голландией?

— Мы налаживаем канал. Мы боимся. Нападение снова будет, можно не сомневаться. Подключаются еще общины; все, что есть в России, все подключаются к этой работе... К нам обратились священники из РПЦ — их больше десяти. Они не согласны с позицией патриарха, просят допустить к совместной работе с нами. Это явно хорошие люди, патриоты. Мы думаем... Но они в другом эгрегоре... Пусть молятся от себя... На тонком плане есть те, кто поддерживает нас и от них... Большие города, где на площадях народ будет стоять — там тоже будут наши. Они будут все эти потоки ловить, оформлять. Это нужно вам. Но конечное звено — игроки. Приданцев молодец, но одного его мало. Выясняется, что все сложнее, чем я предполагал. Все гораздо сложнее... У вас есть информация от Падина?

— Вчера с ним связывался.

— Он поправился?

— Да, все в порядке.

— На него тоже идет атака. Очень опасная атака. Она может пойти и на вас. Потому вам надо усилить охрану. К вам уже раз подкидывали плохиша. Тщательно отслеживайте, кто входит. Это очень важно. Даже от президента можно теперь ожидать гадостей. У меня не так много времени, Андрей. Дайте мне помещение для работы с ребятами.

Берестов работал со Станишевским, Пересветовым и Приданцевым примерно час. За это время он сделал полную прокачку их энергоканалов, провел практику, обучив-

шую их работе с плотными потоками эфирной энергии. Затем Берестов попрощался со всеми, сел в вызванное такси и исчез.

В середине дня тот же охранник, улыбаясь, снова подошел к главному тренеру, наблюдавшему за тренировкой игроков первой команды, и протянул ему что-то железное.

— А это что такое? — нахмурился Маранов.

— А это другой ваш друг просит передать. Стоит у ворот. Мордатый такой. Весь в татуировках.

Маранов поспешил к воротам. Да, это был Болт... Андрей понял, что это его он видел на трибуне после матча с Аргентиной, но не узнал. Теперь Андрей мог хорошо рассмотреть его. Конечно, он жутко постарел, поистаскался. Лицо все в морщинах, под глазами морщинистые мешки; все лицо серое, оспяное. Сильно потолстел — весил теперь килограмм 120 при росте 182 см. Но глаза были все те же: смеющиеся, лукавые, излучавшие жесткую мужскую энергию.

Они крепко обнялись. Потом сидели на той же веранде, пили кофе. От спиртного Болт отказался — сказал, мол, все, свое отпил. В печени цирроз. Но пока держится. Конечно же, вспомнили лагерь, команду зэков.

— А я вот не удивлен, что ты так взлетел, Андрюха! Французик ты наш! Не удивлен! Кто-то твой дар разглядел и уловил. Не буду спрашивать кто. Респект ему и уважуха! Хорошо, что так все сложилось. Тебе надо брать золото! Большой человек должен делать большие дела.

— Будем рвать когти. Ради этого и приехали. Ты долго после меня сидел? — спросил Андрей.

— Нет. Два года отпахал. Маляву написал, сработало. Ребята, что снаружи, подсобили. Кореш начальника лагеря помог. Там-сям болтался... Потом бизнес сделал. Мусором занимаюсь. Мусор вывозим. Родное так сказать, говно. Саратовского розлива.

Маранов стал спрашивать, как сложились судьбы тех людей, что играли в его зэковской команде. Оказалось, что большая часть команды уже на том свете.

— Шприца зарезали. Ерш сам сдох, тубик был у него. Бугор от водки спалился. И так далее. Никого нет. Только мы с тобой... А я к тебе не просто так, Андрияха. Дельце тоже есть...

— Слушаю тебя.

— Пересекся я тут с одним мужиком. Тут много наших, в этом Буэносе, но мы как-то с ним сразу как-то, знаешь... Друг друга приметили, словом. Ровесники, похоже, чуем друг друга. Так и получилось. Он сказал, что тебя знает. А я сказал, что и я знаю. Он говорит, Андрей у меня в округе команду делал. А я говорю, на зоне в его команде играл... Ну, ржачка, одним словом.

— Да ты что? Неужто это Никифор Фомич? — хлопнул в ладони Маранов. — Живой?

— Вполне живой! Водку пьет! Он ведь генерал-лейтенант. В отставке.

— Генерал-лейтенант? Две звезды добавил! Дослужился, значит. Молоток! Хотел бы я его увидеть.

— Увидишь, какие проблемы... Слушай, чего он сказал. Говорит, тут такие дела могут быть. Ему один кореш из разведки кое-какую инфу подбросил. Говорит, что если наши далеко пройдут... Ну, до финала... Там всякие пакости могут быть. Есть у него, значит, сведения, что какие-то генераторы могут протащить на стадик. Народ взбаламутить. Игру сорвать. Плохо все может закончиться, короче.

Маранов всматривался в такое далекое, трудно узнаваемое лицо Болта... Вспоминал, как матерясь и кричтя, вразвалочку бегал он по правому краю, как толкал всех, кто ему попадался на пути. Вот откуда вдруг поддержка-то пришла! Из дальнего-дальнего прошлого! Вот что такое футбол!

— Да, это информация интересная. У меня такой нет... А что предложил Никифор Фомич?

— А предложил он такое... Мол, есть у него тут, в Аргентине, друган один. Латинос, морской капитан. Когда-то учения в Атлантике они вместе проводили. Никифор десантников бросал, а этот латинос — корабли вел, эскадру.

Большой он тут человек. Они тогда сошлись на большой любви к америкасам — сам понимаешь.

— Так... и что?

— Встретаться с ним будет Фомич скоро. Договорились они, созвонились. Тот был в отъезде, но придет на днях. Фомич поговорит с ним. Может, придется вам укрыться как-то. Может еще что... Что будете делать, если толпа ох...шая поперет на поле? П...ц большой будет! Кирдык всем! Нечего ведь делать будет, Андрюха. Полицию сомнут, а вас потопчут и порвут. И все дела... На крайняк придумывать что-то надо. Может, тоннели какие есть для отхода. Может еще что. Пару батальонов охраны войсковой — это как доктор прописал... Это уж точно надо. Никто ведь тут при таких делах ничего не сделает. Тут мы все чужие.

Маранов думал, осмысливал сказанное Болтом. Да, такое могло случиться, хотя не очень в такое верилось. Но уж очень странные игры идут вокруг чемпионата... Все может случиться.

— Давай, Иван. Пусть разговаривает. Скажи, что помню его, с благодарностью вспоминаю. Скажи, что увидимся обязательно в Москве, побалагурим. Вспомним деньки былые. Все вместе... Придумают что, хорошо. Мои телефоны передай. Телефоны моего директора передай. Я их тебе скачаю сейчас. Есть еще темы, Иван? Готовиться надо. Сам знаешь, что завтра будет.

— Да уж догадываюсь. Матч будет тяжелый.

— У тебя есть билеты на проход?

— У меня есть. У генерала нет. И у сынишки его нет.

Маранов набрал телефон директора. Тот появился буквально через минуту.

— Терентий, сделай два билета моим лучшим друзьям. Хоть без места сделай, а?

Пекуза почесал ухо, подумал.

— Постараюсь, Андрей Викторович... Мне надо будет позвонить кой-куда... Там такой ажиотаж дикий...

Он обратился к Болту:

— А вы мне телефон свой оставьте. Я вам позвоню вечером. Если все в порядке, скажу, куда подъехать.

— Гут, — ответил Болт. — Последняя просьба у меня такая, Андрей. Дай мне с твоим громыхалой в бильярд сыгрануть. Партийку. Вон он, я вижу... Хороший мужик! Оборону держит — дай боже! Уважаю! Наш пацан! Битый!

— Угадал, Иваныч. И даже резаный, и клепанный.

— Во-во! Чую кореша...

Маранов привстал, перегнулся через перила веранды. Гремин как раз стоял с другими игроками внизу и разговаривал.

— Никита! Тут мой старый друг с тобой в бильярд сыграть хочет.

Гремин удивленно развел руками.

— Какие проблемы? Так ведь тренировка...

— Ты поиграй, я разрешаю. Потом подойдешь. Сам ведь знаешь... Ты завтра свободен.

Гремин горестно покачал головой. Ему было очень-очень тяжело от осознания того, что ребята выйдут на поле без него.

— Не сыпьте соль на раны, товарищ главный тренер, — изрек он. — Порвал бы я этих ребятишек из поганой fifы.

— Ничё, Никита! — вдруг вошел в разговор Болт, склонившись вниз. — Бля буду, но найду их и тебе доставлю! Вот тогда покуражимся, братишка!

Гремин с удивлением посмотрел на склонившегося сверху мордастого мужика и усмехнулся:

— Узнаю брата Васю... Привет с родины привез, мужик?

Любо-дорого было потом смотреть, как два этих тертых калача, молодой и сильный, а также старый и тоже здоровенный, общались друг с другом! Как старые знакомые! Уже через десять минут они хохотали, толкались и подтрунивали друг над другом во время игры. Маранов смотрел на них с любовью... Подошла Вероника и приткнулась к плечу Маранова лицом.

— Что это за мужик, Андрей? — спросила она. — Чего хотел?

— О-о, Ника... Долго рассказывать. Будет время, расскажу. Ты далеко не все про меня знаешь...

Они постояли минут пять и разошлись. Маранов пошел прорабатывать с тренерским штабом тактику на завтрашнюю игру. Выяснилось, что у немцев может быть усиление команды. Приехали два свежих игрока, залечивших травмы. Надо было учесть, что они могут выйти поле.

Вечером Маранов собрал всех игроков и женщин в самом просторном помещении, где проходили разборы игр, где они наблюдали за играми возможных соперников. Был объявлено, что будет показан документальный фильм о Первой мировой войне. Футболисты уже привыкли к тому, что главный тренер и психолог регулярно давали им материалы, которые косвенно проливали свет на важный, но уже во многом ясный для них вопрос: кто они по роду-племени, какими качествами обладали их дальние предки и так далее. И всякий раз материал имел некий новый ракурс, который на многое понуждал их смотреть по-новому.

Когда пошли первые кадры фильма, задумилась города на желтой старинной киноплёнке, грохнули допотопные пушки; когда взлетели от взрывов комья земли, побежали в смешных касках немцы и русские, футболисты еще переговаривались, позевывали, вытянув поудобнее ноги. Но с каждой минутой, с каждой строкой дикторского текста, который читал обладавший драматическим голосом известный актер, их внимание становилось все более центрированным и активным. Диктор вел повествование о знаменитой «Атаке мертвецов» в сражении под Осовецем.

Атака Мертвецов под Осовецем занимает первое место в номинации «Русская воинская доблесть», по сравнению с которой 300 спартанцев — это 300 девочек. Даже в Порт-Артуре, Севастополе и Сталинграде ничего похожего не было — там все-таки сражались живые люди, в то время как защитники Осовеца продолжили бой, будучи технически мертвыми. Смерть еще не повод отказываться от атаки.

Происходило все таким образом. Немцы обложили Осовец, крепость и важный транспортный узел, прикрывавший фланги сразу двух русских армий, в сентябре 1914 года. Они попытались взять его с налета — 40 пехотных батальонов против одного русского полка, подавляющее превосходство в вывезенной из Кенигсберга артиллерии, — мол, «чего тут с этими русскими возиться?» Штурм немножко не удался. Затем не удался еще раз. И еще. И еще. Когда же русские контратаковали и начали угрожать полевым позициям немецкой артиллерии, карлушки (прекрасное прозвище немцев из русской военно-имперской пропаганды) окончательно перестали понимать, кто тут кого осаждает, и поспешно отступили, сославшись на невыключенные утюги и убежавшее молоко.

Война приобрела позиционный характер — стало ясно, что никаких больших прорывов и блицкригов, а потому можно сделать то, что немцы делают лучше всего — собрать кучу пушек самого злодейского калибра и начать палить из них в несчастный русский форт, злодейски хихикая и поглаживая злодейские усики. Помимо просто орудий, реально больших орудий, немцы стянули под Осовец четыре «Большие Берты», полные эквиваленты «Звезды Смерти» в реалиях Первой мировой. Чисто для контекста — когда из «Берт» начали стрелять по фортам Льежа, бельгийский гарнизон, до этого стойко оборонявшийся, вдруг решил, что он полностью исполнил свой долг перед отечеством, и разбежался. Потому что огонь «Большой Берты» (точнее, четырех «Больших Берт») — это не ад, это хуже. Снаряды в 900 килограмм веса проламывали бетонные перекрытия, обращая укрепления в труху, людей давил бетон, люди задыхались от пыли, люди в прямом смысле слова сходили с ума от нестерпимого грохота. Смог был такой, что защитники не могли отличить день от ночи.

Русское командование, понимая, что даже героизму есть предел, попросило продержаться гарнизон еще 48 часов. В конце концов, если даже многометровый бетон крушится в труху, то что можно требовать от людей из костей и мяса?

Крепость ответила: «Так точно!» И продержалась... еще полгода, при том что только в первую неделю обстрела злобные немецкие карланы выпустили по Осовецу 250 000 снарядов, не считая бомб, гранат и бессильных матерных ругательств. Русским это надоело, и наши солдаты сделали то, что делают всегда, когда немцы конкретно достают. Организовали несколько контратак, повредив огнем крепостной артиллерии те самые «Большие Берты».

Примерно с этого момента в зрительном зале повисло жесткое, напряженное молчание. Игроки и их женщины следили за фильмом, словно за футбольным матчем, исход которого касался их. Ни шороха не было слышно в зале, ни реплики, ни звука. А мутные лица на стертой желтой пленке все мелькали, разрывы вздымали клочья земли, комендоры заряжали свои пушки и били, били... Диктор между тем продолжал:

6 августа в 4 утра немцы развернули 30 батарей химического оружия. Отравляющие газы, смесь брома и хлора. Вдохнув в достаточном количестве, ты сначала по кускам, облевываясь кровью, выхаркиваешь свои легкие, затем твое лицо обезображивает страшный химический ожог, а затем ты умираешь в мучительных спазмах удушения, не имея сил даже попросить, чтобы кто-нибудь тебя пристрелил. Сейчас эти волшебные ароматы из коллекции 1915 года запрещены, потому что даже четвертование со сжиганием заживо куда более гуманная смерть. Но в Первую мировую запретов не было, а кроме того, немцы так выбесились стойкостью защитников Осовеца, что применили бы эту убийственную садистскую дрянь, несмотря на любые запреты. Они хотели, чтобы русские сдохли. В муках. Дождавшись попутного ветра, карлушки открыли краны на газовых баллонах, и через пару минут в воздухе образовалась плотная стена химического тумана. Затем стена потекла в сторону крепости, трава вокруг нее моментально желтела, листья сворачивались и опадали, несчастные птицы падали с небес конвульси-

рующими тушками. Все пожелтело, все опало, все умерло от действий ядов, в начале августа под Осовецем внезапно наступил ноябрь. Все знают, как в фэнтези-фильмах показывают нашествие разливающегося по земле зла? Так оно и было.

Целью атаки была так называемая Сосненская позиция, обороняемая к тому моменту четырьмя ротами. Первые три роты погибли полностью; в последней роте уцелело около сорока человек, находившихся за гранью клинической смерти, с трудом отличавших явь от предсмертных галлюцинаций и доживавших свои последние минуты, постепенно поддаваясь чудовищной силе чудовищных ядов. Их крючило, их рвало кровью, они были за гранью. Дождавшись, пока ядовитая стена пройдет, немцы атаковали позицию в общей сложности СЕМЬЮ ТЫСЯЧАМИ солдат. Хотя «атаковали» — слишком сильное слово: они готовились ее занять, понимая, что выживших нет. Они шли почти прогулочным шагом, даже грозная крепостная артиллерия молчала, а небольшая часть выживших расчетов приходила в себя, и не думая стрелять. Немцы перелезли первую линию окопов, прошли вторую линию, сытые, спокойные, уверенные, чуть удивленные тем, как долго они бились об эти раздолбанные, изувеченные укрепления... Но тут остатки 13-й роты 226-го Землянского полка перешли в контратаку. С изувеченными химическими ожогами мертвыми лицами. В пропитавшихся кровью гимнастерках. Задыхаясь, кашляя и отплеываясь кусками своего мяса. Завывая от нестерпимой боли, крючась, дергаясь, словно одержимые дьяволом. Конвульсируя. Шипя. Цыкая легочной кровью сквозь зубы. Цыкая кровью прямо в лица врагов.

Они пошли в штыковую. Сорок русских мертвецов. На пороге смерти. За порогом смерти. Сорок русских мертвецов ударили в штыки семь тысяч немцев. И те побежали — не как трусы, но как люди, увидавшие перед собой то, что живому человеку видеть не положено. Они бежали, не чуя ног, не видя земли, не видя ничего. Они напарывались

на проволочные заграждения и повисали на них мешками разодранной плоти, они падали в окопы и ломали ноги, их разносили на куски снаряды отдышавшейся крепостной артиллерии. Крики офицеров, удары, выстрелы — ничто не могло остановить живые немецкие части, столкнувшиеся с ожившими русскими...

Крепость карлушки в итоге так и не взяли. Вечная слава русским героям!

Фильм закончился, в зале зажегся свет. Однако игроки, потрясенные увиденным и услышанным, несколько минут сидели все в тех же позах и ничего не говорили. Затем по одному начали вставать и молча продвигаться к выходу. Ни Маранов, ни Пиоро и не думали им ничего пояснять, вразумлять их как-то. Этого не требовалось. Они все поняли...

На следующий день Маранов собрал игроков в основной гостиной за несколько часов до отъезда на стадион. Он знал, что настраивать их на борьбу не надо. Они и так рвались в бой, и он знал, что они положат все силы на победу. Но вопрос был в организации игры.

— Мы должны забыть о том выигрыше в Мюнхене у немцев. Об удачной игре с Португалией. Да, сейчас мы имеем более сильную команду; но теперь соперники хорошо знают нас. Фактор неожиданности отсутствует. Все нас изучили, тактику знают; они все постараются предусмотреть.. Мы играем примерно в тот же футбол, что и голландцы. Могут быть всякие неожиданности. Тут кто кого переиграет. Игорька будут сторожить двое. Это первый наш плюстик. Значит, какая-то зона будет ослаблена. Пусть держат Игорька. Как увидите слабые зоны, ориентируйтесь. Это твоя тема, Олег. Если сдвинется влево наша полузащита, значит, сзади образуется пустая зона. Защита берет ее под контроль. Имейте ввиду, главного стоппера нет. Вы знаете, что Никиту не заменить. Рыклин будет играть в центре с Нестеровичем Полубояров его заменит на правом фланге Гарнаев, как в своей команде, играет слева.. Станишевский привык играть с Пересветовым, это

железная связка. Если они будут работать по центру, Приданцев идет на подбор.

Маранов давал установку основательно, долго стараясь словно заложить в каждого ту программу, которая была ему нужна для создания общего рисунка. Он знал, что, когда они выйдут на поле, его власть и влияние закончатся; останется только власть программ, власть внушения и власть энергии.

Игроки были готовы уже вставать, но Маранов остановил их:

— Парни, помните: на родине происходит что-то невероятное. Люди с ночи занимают места на площадях. Ставят там палатки. Движение в центре перекрыто. Это в Питере, в Москве. То же в Екатеринбурге, Ставрополе, в Самаре, в Омске. Везде! Говорят, что шахты со вчерашнего дня не работают. Заводы останавливаются. Вы теперь понимаете, что такое футбол? Народ ждет... Оправдайте его надежды, порадуйте его. Разве он не заслужил победы?

ГЛАВА 57

Во время игры с Голландией Берестов работал на потоке уже не один. В район водопадов Игуасу успели добраться при помощи людей Падина два алтайских волхва. Втроем, конечно, работать было легче; они приняли могучий поток, шедший из глубин России, с полным осознанием его силы, его диапазона. Берестов (Доброгор), Ратибор и Родослав сразу же распределили его, разделили его, формируя общий, уже решающий, результирующий поток.

Приданцев на этот раз вообще работал идеально. Двое других (Пересветов и Станишевский), впервые участвовавшие в такой работе, ловили токи хуже, но в какие-то моменты все же также подключались, перераспределяли энергии на команду.

Над нею волхвы установили защитный контур — на случай магической атаки. Но как ни странно, ее не по-

следовало. Не было вообще никаких серьезных воздействий.

— Видимо, хорошо мы поработали в прошлый раз. Либо у них какие-то проблемы, — проговорил Ратибор.

— Им врезали в прошлый раз по полной программе, — заметил Родослав. — Притихли...

Волхвы работали слаженно, плотно и вдохновенно. Параллельно они наблюдали за матчем, стараясь эмоционально не втягиваться, чтобы не терять потока; но все происходившее на поле волновало их. В молодости они сами играли в футбол, любили эту игру. Нечто детское, отзвук далекого прошлого просыпалось в них; водоворот игры все же вовлекал их.

Борьба на поле почти все игровое время шла равная и упорная. Тренер голландцев тактику продумал хорошо: он призвал своих игроков игру не форсировать, держать средний темп, но ни в коем случае не оголять зоны. Пересветова плотно держал их сильнейший защитник Маркус Асендельф, а второй был на страховке. Выдающий центрфорвард голландцев Альберт Ден Брабер из ничего сделал два момента — дважды опасно пробил слету, из-под ног защитников. Но хорош был и Мушарапов. Берестов знал, что его основательно подлечили тибетцы. И хотя бок его был все равно подморожен обезболивающими, он был способен играть на своем уровне. Он был сжат, как пружина, надежен, как всегда. Всякий раз после его удачного прыжка было слышно, как русская трибуна скандирует: «Ва-ахит! Ва-ахит!» Все понимали, как много от него зависит.

В принципе, возможно, Мушарапов сыграл свою роль в том, чтобы убедить голландцев в невозможности забить ему гол. Их тренер Винсен ван Эмерик понимал тактику Маранова, знал, что тот изматывает его игроков, чтобы в конце вырвать победу. Во втором тайме он сделал три замены, убрав сильных, но уставших футболистов. Однако произошла потеря качества: игроки базового состава были мастерами экстра-класса, заменить их было невозможно.

Голландцы хоть и забегали поживее, но все равно начали проседать по качеству игры.

Четверка Вибергасов — Станишевский — Приданцев — Диденко все чаще опасно маневрировала перед их воротами, и защитники снимали мяч буквально за момент до удара. В последние пятнадцать минут вратарь голландцев был в постоянно напряжении, отбивая тяжелейшие удары. Но это был первый матч, когда Игорь Пересветов оказался реально прикрыт и не мог показать свою лучшую игру. К тому же было видно, что он порой прихрамывает.

Все разрешилось на 83-й минуте, когда дело уже шло к дополнительным таймам. За снос Пересветова, прорывавшегося в штрафную, был назначен штрафной. Он был разыгран по очень трудной схеме, с которой на тренировках марановцы работали очень много. Станишевский сбросил назад Диденко, тот подрезал мяч очень тонко вправо; он пошел над землей на уровне колена. Приданцев набежал из-за спины Гремина и пробил слета именно так, как делал это тысячи раз на тренировках, получая мяч от пневмопушки. Это был удар автоматический, почти бессознательный, отработанный. Голландцы уже знали, что Приданцев способен наносить такие удары, но перекрыть его не успели.

Всему стадиону гол показался редкостным, случайным — мол, так уж получилось. Но игроки команды Маранова этот удар видели тысячекратно; они знали, что Приданцев с этой точки попадает в угол 80 раз из 100. Этот удар был как раз из числа 80. Мяч, как бешеное пушечное ядро, мелькнул и врезался в нишу дальнего угла ворот. Вратарь успел только дернуться в эту сторону...

Можно было себе представить, что творилось на площадях больших городов России! Раз за разом шли повторы красивейшего удара Приданцева, капитана команды. Потом футболистам рассказывали, что в Москве рев, рождавшийся в районе Красной площади, где были установлены огром-

ные мониторы, был слышен и в Медведково, и в Орехово, и в Измайлово.

Дружный гул ликования раздавался по всей России. Тысячи водителей нажимали на клаксоны. Теплоходы и катера, что в это время шли по Волге, Оби, Ангаре и другим рекам, тепловозы и электрички на железных дорогах страны гудели несколько минут! Эсминцы и крейсера, танкеры, сухогрузы и суда других видов, шедшие в водах Черного, Средиземного, Балтийского морей, а также Тихого, Атлантического и Индийского океанов, также надрывно и победно гудели, разнося весть об этой победе по всей планете. В Космосе, на орбитальной станции «Россия», пятеро российских космонавтов, ликуя, летали под потоком станции, стучаясь головами о перекрытия, смеясь и плача, оповещая о победе русской команды чуть ли не половину Вселенной...

Россия впервые выходила в финал чемпионата мира.

Счет был минимальный, но ведь это была победа! Невероятное, неслыханное свершилось. Волхвы глядели друг на друга, улыбаясь; затем подошли друг к другу, обнялись. Так они стояли, долго раскачиваясь, вдыхая насыщенный водопадной влагой воздух, расслабляясь после трудной, но такой радостной работы.

Через минут двадцать они уже подъезжали к отелю. Берестов вдруг остро ощутил какую-то тревогу; щемящее ощущение опасности настигло его; возникло какое-то тревожное давление в груди. Но его внимание было направлено на собратьев; он размышлял над тем, как их разместить, как им действовать дальше; стоит ли их подвергать опасности и не нужно ли разъехаться. Он допустил непростительную ошибку, расслабившись после напряженнейшей магической работы; к тому же он предполагал, что в новом облике неузнаваем...

Они вышли из машины и направились к дверям отеля. В этот момент позади заерзали по асфальту шины какой-то машины. Интуитивно Берестов обернулся и мгно-

венно увидел нацеленный на него ствол и тут же — вспышку; услышал треск, ощутил резкий удар в плечо. Ратибор среагировал, попытался его нагнуть; но следующий удар пришелся уже в живот. Берестов упал на асфальт, чувствуя жгучую, пронзительную костную боль. Он закрыл голову руками и покатился. Но из машины стреляли без перерыва, и еще одна пуля обожгла шею. После этого сознание его стало сумеречным, тело ватным... Он слышал, что выстрелов вдруг стало больше; пошли автоматные очереди. Мелькнула мысль, что это эхо или отзвуки; все, перемещаемся... И все же он сделал попытку сконцентрироваться, вернуть ясное сознание.

Однако Берестову не померещилось: возле машины такси несколько минут шла трескучая, перекрестная стрельба из автоматов и пистолетов. Берестов видел перед собой подошвой вниз ботинки лежащего на асфальте водителя такси.

Стрельба вдруг прекратилась. Раздался шум отъезжавшей машины. К Берестову подбежали. Он видел, как над ним склонилось встревоженное, страшное лицо Родослава, затем еще чье-то. Его веко дергали вверх; кто-то щупал пульс. Раздавались отдаленные крики людей. Сознание все-таки ушло...

Сколько прошло времени, прежде чем к нему вернулось сознание, он точно не знал, но это сознание было иным; оно не было напрямую связано с его телом. Он теперь *видел* через наработанные им во время внетелесных практик механизмы неустойчивые зыбкие пространства, которые при приближении к ним становились более конкретными, обретали облики, формы, а также обитателей.

Так, он оказался на какой-то набережной, явно ощущая, что где-то рядом находится большая водная акватория. Вдоль нее сидели люди за низкими круглыми столиками; этот ряд, казалось, простирается за горизонт. Пространство имело оттенок шоколадно-коричневатый, напоминавший цвет старинной кинохроники. Навстречу ему шли люди; одежды их были не вполне конкретны. Приходилось при-

глядываться, усиливать остроту того зрения, что *работало* там; понять, к какому времени относится одежда на людях, было сложно — это была некая странная смесь стилей всех времен.

Среди других он сразу выделил высокого седовласого мужчину в одеянии, напоминавшем тунику — подобную той, в которой ходил Цезарь и его окружение. На ногах мужчины были сандалии из тисненной орнаментом кожи. Проходя, человек обратил внимание на него; посмотрел пристально и замедлил ход. «Он видит воплощенного, — подумал тот, кто был в трехмерном мире Михаилом Георгиевичем. — Значит, это пока неполный уход. Значит, можно вернуться в тело. Надо заниматься телом отсюда», — ясно понял он.

Пройдя еще несколько шагов, он увидел слева от себя деревянную изгородь, составленную то ли из каких-то жердей, то ли словно нарисованную из элементов, напоминавших жерди и при этом имевших также еще некое содержание, словно это были книги или слоистые хранилища звуков. Из таких же странных полуосмысленных жердей были собраны и ворота, которые были открыты. В эти ворота входили некоторые из проходивших по набережной людей. Изнутри, прямо у ворот, их встречала женщина, имевшая то ли деловой вид, то ли кому-то сурово подчиненная, которая не улыбалась. Она не смотрела в сторону Михаила Георгиевича, но он знал, что она видела его. Когда он подошел, она сделала шаг и встала на его пути. За ее спиной темнело какое-то строение, напоминавшее то ли костел, то ли замок; оно также было насыщено полусознанием. Михаил Георгиевич услышал, что сзади женщины кто-то что-то сказал, и она отошла. Тогда Михаил Георгиевич смог войти.

Он не помнил, как оказался в зале, лежащей перед каким большим светлым пространством; увидел перед собой длинный ряд людей в металлическом одеянии, с пиками и витиеватыми шпорами. Они стояли в два ряда по обе стороны. Когда Михаил Георгиевич появился в этой зале,

они все развернулись в его сторону и выпрямились. Из глубины пространства, простершегося между колоннами воинов, вышел седой человек в белом одеянии, с каким-то странным узором на голове, но явно военного образца. Он остановился в метрах десяти от Михаила Георгиевича и заговорил зычным, уверенным голосом:

— Архангел! Воины 21-го Легиона Света приветствуют тебя! Воины легиона склоняют перед тобой свои пики и мечи! Мы отдаем воинскую дань и честь всему свершенному тобою в твоих земных жизнях, Архангел! Я, командир 21-го Легиона Никандр Метадор, имею полномочия вручить тебе Фиолетовый Меч Силы. Прими его, Архангел, как знак признания твоих заслуг перед Воинством Света! Свершенное тобой возможно только для немногих, и твой путь есть путь немногих. Отдайте честь Архангелу, воины Легиона!

Почему-то ему не было удивительно слышать, что его именуют архангелом. Воины в металлических одеждах, стоявшие с двух сторон, загремели железом и опустились на одно колено. Пики их устремились ввысь, звякнули закрепленные на длинных древках мечи и топоры. Откуда-то в руках седого появился меч — огромный, сверкающий фиолетовым блеском, с синей тяжелой рукояткой, инкрустированный разноцветными, явно драгоценными камнями. Михаил Георгиевич преклонился, встав на одно колено, и принял меч из рук командира легиона. Меч оказался очень тяжелым, но Михаил Георгиевич удержал его. Он увидел, что сам одет в бело-серебристое облачение и на голове его сидит какой-то головной убор.

Он пошел вдоль строя далее. Ряды воинов, казалось, уходили в бесконечность. Он вышел на зыбкую грань, с обеих сторон которой разверзлись пропасти. Никакого меча при нем уже не было. Над темными глубинами курилась дымка, внизу попыхивали странные огни. И тут он услышал рев. Это был дальний, тяжелый, глубинный рев какого-то очень крупного, массивного, могучего существа. От этого рева содрогалось все внизу; рев отда-

вался также и сверху; само узкое ребро какой-то стены, по которой он шел, также вибрировало. Кто-то невидимый совсем рядом произнес: «Уицраоры встревожены... Уицраоры выходят из цитаделей... Четвертый уицраор вышел из цитадели...»

Почему-то он знал, что слова о неведомых уицраорах относятся каким-то образом к чемпионату по футболу. Он увидел, что вокруг зеленого газона поля, со всех сторон за трибунами маленького, почти крошечного стадиончика, возвышаются, сверкая глазами, громадные монстры, отдаленно напоминавшие динозавров, но имевшие яркий и полный разум; поднимаясь на лапах, они следили за маленькими человечками, бегавшими по зеленому полю; монстры разворачивались в сторону каких-то безмерных пустот, изрыгали огнем осмысленные, но нечитаемые тексты; в ответ из темноты также неслись рев... Но это было как видение в той очевидности, в которой он пребывал. Далее он оказался на торце какой-то стены, уходящей вниз и разделявшей надвое темную пропасть, у которой, как казалось, нет никакого дна.

Он поднялся в светлое, словно озаренное светом невидимого солнца пространство. Здесь звучала музыка; ее нежные переливы заполняли все пространство. Вскоре он увидел обитателей этого слоя. Это были русские, это точно были соотечественники! И среди них много женщин. Все эти люди улыбались, пели, приветствовали его взглядами — так, как приветствуют героев женщины в привычном для него плотном слое. Мужчины поднимали правую руку вверх, другие прижимали к груди и совершали поклон... Радость их была искренней и неподдельной. Они были счастливы его видеть, и от этого на его душе становилось светло и радостно до слез, до боли. И сам он почему-то несказанно счастлив был видеть этих людей! Странное всеобъемлющее спокойствие возникло в нем от осознания бесконечного объема распростершегося перед ним планетарного космоса; от понимания того, что все эти люди реально живы, хотя находятся в каком-то ином мире; что они вовсе

не фантомы, не представления, не нарисованные картинки. Это словно был какой-то этаж мягкого, безмерно огромного здания или палуба океанского лайнера, плывущего в синеватой туманности.

Позади всего этого скопления людей он увидел группу мужчин. Они были одеты в одежду разных времен, но это были русские, — точнее славянские, одеяния. В шеренге из двенадцати человек он различил нескольких воинов, облаченных в доспехи неведомых времен. На рукавах, на шлемах, на подолах рубах он различил славянские руны. Он остановился, встал напротив них. Их неторопливые жесты были преисполнены силы и достоинства. Они пристально и гордо глядели на него, глаза их сверкали; они улыбались ему. Кто-то невидимый, стоявший сзади слева, объяснил:

— Это те самые ваши двенадцать воинов... Вот стоит инок Пересвет. А вот это — странник Феодор, сказитель. Это — вожак засадного полка Никанор, кто вел русичей на битву при Чудском озере.

И вдруг Михаил Георгиевич каким-то неведомым образом узрел, что эти двенадцать и есть игроки той команды, которую он подсказал собрать Маранову; те, кто и составил главную команду. Инок Пересвет — это был Игорь Пересветов; странник и сказитель Феодор — это Игорь Станишевский; дружинник Сергей — автор «Слова о полку Игореве» — Олег Приданцев. Святорусский богатырь Илья, тот, что возглавлял войско русское в битве с джунгарами (современными китайцами) 7508 лет назад, был Никитою Греминым. Были еще и другие люди, но Михаил Георгиевич не успел понять, кто есть кто. Он только углядел, что за каждым из этих двенадцати в беспредельную тайную глубину вытягивается вереница каких-то других людей: молодых и старых, в белых рубахах, в каких-то сюртуках, в лаптях и без них, в сапогах и просто босых. Откуда-то пришло понимание: вот это они и есть — Роды Расы Великой...

Вдруг сгустился вокруг него свет, и через него он различил больничную палату; свое тело, лежащее на операционном столе в сверкающей белой операционной, со множеством мерцающих, металлических предметов. «Так... А вот это уже мое тело — с ним что-то делают», — подумал он и приблизился. Вокруг стола стояли люди в бирюзовых одеждах. Он вдруг как бы слился с сознанием хирурга. Врач работал на совесть, с полной самоотдачей. «Это уже хорошо, — подумал тот, что был в трехмерном слое Берестовым. — Но надо войти в тело. Надо помочь им. Надо изнутри попытаться все выправить...» Он так и подумал — выправить. Однако затем картина угасла, сознание вновь ушло, картинка видений исчезла.

Лишь через какое-то неведомое время он вдруг ощутил и осознал, что как будто бы лежит на койке, возле затемненного окна. Рядом с ним кто-то сидел. Он присмотрелся. Это был тот самый индус в белой чалме, которого он встретил тогда, на гималайском перевале. Он был одет точно так же, как и тогда. Он смотрел на него и улыбался. Губы его не шевелились, но Михаил Георгиевич знал, что это он говорит ему:

— Ваше время здесь еще не истекло, и для нас важно, чтобы пока вы находились здесь. Благодаря вам тлевшее противостояние стало огненным. Произошло сгущение противоположных сил, которое должно было произойти гораздо позже. Мы не предусматривали такой ход событий, но теперь имеем такую очевидность. События этой октавы должны быть отыграны. После того как прояснится Исход, мы сможем вам дать пояснения относительно вашей дальнейшей судьбы. У вас появилась возможность сжать время и видоизменить динамику реальности за короткий промежуток времени. В предпосланном варианте на это ушли бы века. Это ваша возможность, и ваше право распорядиться ею. Мы рядом с вами; наша работа сопряжена с вашей. Тот образ усиления, который вы избрали, верен; соединение с первооснованием верное. Достижение предопределено, но очертания сроков неясны...

— Учитель, у меня еще есть время? — спросил Берестов
Человек в чалме улыбнулся:

— Времени у всех нас — вечность. На этом отрезке срок вашей работы не истек. Задача та же — расширение сознания. Текущая генерация запаздывает, она движется в инволюционный срыв. Используйте время для общей пользы. Путь ваш прочерчен... В знак очевидности своего присутствия я оставляю вот тут этот перстень. Прошу вас не снимать его все время, которым вы будете здесь располагать!

Он улыбнулся и постепенно исчез, как бы растворился в пространстве палаты.

Некоторое время сознания не было... Затем возникла боль. Она пронизывала все тело, а особенно области живота и шеи. Вместе с болью к Михаилу Георгиевичу вернулось его привычное сознание. Он застонал. Боль казалась поначалу нестерпимой. Но он успел понять, что боль возникла вследствие его возвращения в тело, и что далее она станет менее острой.

Так оно и произошло. Боль постепенно становилась все более и более тупой. Он осмотрелся. В больничной палате горел один приглушенный светильник, в ноздрю его был просунут катетер; в груди ощущалось неудобство, дышать было тяжело.

И тут он вдруг обратил внимание на стоявший рядом стул. Он вряд ли мог объяснить, почему он поглядел туда; взгляд сам направился в эту сторону. На сиденье стула он увидел небольшой предмет. Одна его сторона поблескивала желтоватым сиянием: на предмет падал свет светильника. Это был перстень, оставленный Учителем...

Он постарался выровнять дыхание. Он все понял: не видение посетило его некоторое время назад — то было подлинное посещение Высокого Гостя. Это было слишком важно, слишком значимо. Умирать теперь было нельзя, невозможно. Ему было это четко сказано. Перстень лежал, но взять его он не мог.

Михаил Георгиевич постарался просканировать, прощупать мысленно все тело. Самая острая боль гнездилась в области живота. Он чувствовал, что внутри, в полости живота, скопилась кровь; что именно она создает тяжелое, холодноватое, страшщее провалом ощущение. Там было сильное повреждение. «Порвали-таки, — подумал он. — Часть поджелудочной, вену, почку, селезенку...»

Он ясно и спокойно стал отдалять от себя боль, просматривать эти органы изнутри. У почки была повреждена нижняя часть; орган как бы завис на маленькой, тонкой перемычке. Он опустил внутренний взор далее, и увидел небольшой склизкий шматок ткани тонкого кишечника, отклеившийся от основной части; через рваное отверстие что-то вытекало в брюшную полость. Также явно была воспалена селезенка. Она не была порвана, но край ее был как-то странно, нехорошо вздернут. Селезенка отзывалась болезненной пульсацией.

Он начал соображать, что делать, как воздействовать на поврежденные места. Он выровнял дыхание и начал соединять его с током энергии, идущей сверху. Но энергии было мучительно мало. Ее не хватало. В какой-то момент генерирование сознания стало прекращаться, и как он ни сопротивлялся, боясь, что это будет окончательный уход, сознание все же ушло...

Сколько длилось полное небытие, неосознанность, было невозможно понять; но затем он снова начал осознавать не через внутреннее, а через внешнее осознание. И на какой-то момент увидел совершенно отчетливо, ясным прямым взором сидящего около ритуального камня своего учителя Велимудра, а вокруг него других людей в родных расшитых белых славянских одеждах. Они медленно двигались, издавая мелодичные звуки. Далее он увидел еще несколько кружков людей в белых одеяниях, сидевших у костров, кружившихся вокруг статуй с изображениями славянских Богов. Там были женщины, мужчины, подростки и даже дети. Лица всех были сосредоточенны.

Он увидел и услышал, как Велимудр поднялся и, обратившись к людям, ясным голосом сказал: «Братья! Волхв Доброгор получил тяжелые раны в бою. Его земная жизнь под угрозой. Направьте ему вашу силу, усильте желание исцеления. Соединитесь в этом желании, направьте ему потоки Света, потоки светлой, родной, живительной воды... От сердца направьте, пожелайте ему здравия...»

Мгновенным светящимся импульсом он вновь вернулся в тело. Боль оставалась сильной, но не ощущалась так остро. Он понял, что может работать с телом, и выровнял дыхание; снова направил энергию к ранам, совершенно четко их видя. Но теперь энергии было достаточно, и она все пребывала. Раны отозвались острой болью; но теперь это была боль, в которой звучали нотки удовлетворения. Боль свидетельствовала о том, что идет воздействие на плоть и это целительно.

Он увидел, что в палату вошли двое латиноамериканцев — врачи в зеленой одежде. С ними вошел и Родослав, сутулясь, сверкая встревоженными глазами.

Врачи внимательно осмотрели его, один стал прослушивать пульс. Родослав внимательно смотрел ему в глаза. Выражение тревоги и озабоченности вдруг исчезло с его лица; на нем отразилась тихая радость и надежда.

— Ты слышишь меня, Доброгор? — спросил он. Берестов едва заметным движением головы и век показал, что слышит.

— Говорить можешь?

Берестов отрицательно повел глазами.

— Хорошо. Тогда дай знать, идет ли работа?

Берестов тем же едва заметным движением век показал: идет.

— Контролируешь свое состояние?

Берестов смотрел, не кивая и не отрицая. Родослав понял, что уверенности в этом пока нет. Он кивнул.

— Мы работаем. Все работаем. Работай и ты. Ты нужен здесь.

Берестов кивнул.

— Сейчас три часа ночи. Я приду в семь утра. Мы работаем. Вам помогают все. Весь большой круг.

Берестов замычал, указывая глазами куда-то влево. Родослав подошел, пристально посмотрел в глаза.

— Ты хочешь что-то сказать?

Берестов едва заметно кивнул, а затем снова показал глазами куда-то вбок.

Родослав понял, стал осматриваться, но ничего не увидел. Снова посмотрел на Берестова, и тот снова скосил глаза влево, вниз. И тогда взгляд Родослава упал на стул... Он увидел перстень, взял его в руки, стал рассматривать. Взгляд его выразил крайнее удивление.

— Какая работа! Поразительная вещь... Древняя вещь... Откуда это?

Оба врача также глядели на перстень. Они переглянулись, не понимая, откуда он взялся.

Родослав снова поглядел на Берестова. Тот перевел взгляд на свою левую руку, и Родослав сразу же понял. Надел перстень на безымянный палец его левой руки, и Берестов едва заметно улыбнулся.

Родослав кивнул. Улыбнулся ему на прощание, пожал руку выше локтя. Все трое ушли.

Берестов работал с телом упорно, все более и более активно воздействуя на поврежденные органы. От перстня шла выраженная, ощутимая пульсация, которая как бы вытягивалась белыми нитями и расплзалась по телу. Там, куда она проникала, начиналось приятное жжение и покалывание.

В какой-то момент он увидел, что селезенка перестала пульсировать и начала работать. Также начала медленно разжижаться и всасываться кровь, мутной зернистой гущей скопившаяся внизу брюшной полости. Оторванный край почки начал медленно подтягиваться к основному телу почечной паренхимы, но был еще далеко от нее. Из раны в тонкой кишке перестало вытекать жидкое содержимое. Появились признаки динамичной пульсации крови в районе печени. Он услышал гулкий стук своего сердца; он те-

перь был более увесистым, наполненным. Возникло легкое першение в легких — он знал, что это начал улучшаться воздухообмен.

Он понял, что тело будет жить, и то, что люди именуют смертью, отодвигается от него, не случится с ним в ближайшее время. Он почувствовал, что может начать выпрямление тела. Примерно два часа он медленно, мучительно переводил тело из лежачего в сидячее положение. На часах было 6:35, когда он сел в позу лотоса. Поток энергии сразу усилился.

Когда в начале восьмого утра в палату вошли врачи-латиноамериканцы Родослав и Ратибор, они застали его сидящим. Оба волхва просияли, увидев его сидящим, и тут же дал знать врачам, что им лучше уйти. Не понимая его, они возражали. Михаил Георгиевич посмотрел на Родослава и смог прошептать:

— Пусть уберут резинку...

Родослав не понял.

— Чтоб убрать? Что ты имеешь в виду?

Берестов скосил глаза на нос.

— Мешает, — только и смог он прошептать.

Смысл шепота уловил Ратибор. Он показал врачам на тонкий шланг, закрепленный на лице Берестова, который шел через ноздрю к легким. Врачи вначале возражали, но затем согласились. Когда они вынимали шланг, ему было больно и неприятно, но, когда вынули полностью, стало легче дышать.

— Состояние нормализуется? — спросил Родослав.

Берестов кивнул.

— Мы работаем — сказал Родослав. — Я приду в двенадцать дня.

Берестов хриплым, слабым шепотом ответил:

— Все в порядке. Спасибо. Воды пока не давайте. Я работаю... Закрыты ли ставни?

Волхвы переглянулись — они не поняли, о чем речь.

— Как?

— Они... не дремлют.

Тогда Родослав понял, что он имеет в виду.

— Все перекрыто. И наши тут тоже.

Берестов кивнул. Все четверо ушли.

За окном поднималось белое латиноамериканское солнце. Начинался новый день.

А в далекой обители, располагавшейся на краю алтайского поселка, в восемь утра зазвонил телефон. Уставший после бессонной ночи волхв Велимудр взял его.

— Слушаю.

Некоторое время он слушал и ничего не говорил. Потом сказал: «Вот и новость хорошая... Спасибо, брат!» Он положил телефон на стол и посмотрел куда-то вдаль, откуда в сизое пространство над лесом уже начинало просачиваться розовое сияние. «Вот и славно!» — проговорил Велимудр. В глазах его стояли слезы...

Он подошел к сидевшим у тлевшего костра, уставшим от плотной ночной работы женщинам и мужчинам. Они вопросительно посмотрели на него. В глазах их читалась тревога и надежда.

— Братья! Новость есть добрая. В семь часов утра волхв Доброгор сел в позу лотоса, — произнес Велимудр. — Жизнь его телесная вне опасности.

По лицам людей пробежала легкая волна радости, они расслабились; их лица просияли. У некоторых женщин на глазах появились слезы.

— Вы можете идти отдыхать. Спасибо всем! Вы свершили большую работу...

Над алтайскими вершинами зацвела яркая оранжевая заря. День обещал быть добрым.

ГЛАВА 58

Магистр уже находился на вилле Родригеса, когда ему сообщили о происшедшем в районе Росарио. Первый звонок от Сандерса, его главного помощника по силовым операциям Братства, был хорошим: он сообщил, что седой агент обнаружен, что его преследуют, и что в ближайшее

время он будет ликвидирован. Затем последовала пауза, и следующий звонок содержал известия, противоречивые по своей сути.

— Седой агент ликвидирован! Три или четыре выстрела точно достигли цели. Но седого охраняли. Этого никто не ожидал... Их агенты открыли огонь по машине, в которой сидели наши люди. Все, все трое наших — они погибли в перестрелке. Машина сожжена. Один из агентов, охранявших седого, также погиб — его тело лежит возле отеля. Машина с другим агентом скрылась, ее ищет полиция.

— Черт знает что! — воскликнул магистр, вскочив с кресла. — Что вы так грязно работаете? Вы тело этого седого видели? Оно там лежало, у отеля?

— Местонахождение тела пока неизвестно. В морге местной больницы его нет.

— Откуда тогда вам известно, что он ликвидирован? Может быть, он выжил?

— Он вряд ли выжил. В отеле служитель говорил о ранах. О трех или четырех. Он его видел, когда его внесли. Он не дышал... Ничего не могу сказать. Нет информации. Но выжил навряд ли. Мы не располагаем теперь агентами в этой зоне. Мы потеряли сразу троих. Весь район оцеплен полицией. Мы ничего пока не можем сделать.

— Черт! — выругался магистр. — Прямо беда какая-то с этими русскими! Просто беда... Попробуйте все же получить информацию о судьбе седого.

— Мы работаем, магистр.

— Как там наша команда?

— Они были в нехорошем состоянии после полуфинала. Их пришлось сдерживать во время игры с испанцами, чтобы они их не разорвали. Выиграли с большим трудом. После матча они набросились на этих девок... Троих порвали в клочья. Остальные семеро повреждены. Они в шоке. Не знаю, годятся ли они теперь еще на что-то еще... Но андройды вроде бы приходят в нужное состояние. С ними идет работа. Их готовят. Послезавтра финал.

— Девочек зачистите, чтобы не было следов. Вы знаете...

— Да, магистр.

— Подключайте все логи Братства к работе на финале. Подготовьте генераторы психической активности. Надо понять, что мы имеем дело с серьезным врагом. Мы должны победить его!

— Мы победим, магистр! С ложами связь установлена. Команда Альберто Контодора также будет работать. Главное, чтобы с андроидами было все в порядке. Но вброс проституток был хорошим ходом... Все будет в порядке.

— Подготовьте судью. Поработайте с судьей.

— Магистр, к сожалению, это невозможно.

— Что такое?

— У них в команде маги. Они запугали судей. На них воздействовали прямо на поле. Судьи все перепуганы.

— Как воздействовали? Что вы такое говорите? Эти тупые увальни?

— Да, магистр. Они, увы, не тупые. Мы недооценили их. Они запугали судей. Мы провели анализ. Русские им прямо угрожали смертью. Судьи напуганы. Они получили внутренние повреждения. Ирландец заявил, что больше судить вообще никогда не будет. Он заявил публично, что у русских в команде киллеры, маги-убийцы. Они могут убить любого.

Магистр задумался.

— Продумайте сильные ходы. Надо пронести на стадион оружие. Если они будут опять... Надо будет стрелять. Надо будет убивать этих... этих уродов. Это дело нашей чести! Этого еще не хватало! Бегающие животные — и маги! Мы должны показать, кто хозяин на этом уровне.

— Магистр, вся Россия помешалась из-за этого футбола. У них остановились заводы. На военных кораблях подняты боевые флаги. Вчера их истребитель написал в небе слово «Victory».

— Каким это образом?

— Инверсионным следом. Это был ас. Он пролетел вблизи нашего авианосца в Средиземном море. Все моряки это видели.

— Идиоты! Сбить надо было к чертовой матери! Победа у них... Черта с два! Что там у них еще?

— Их президент обратился к нации с требованием прекратить празднование и выйти всем на работу. Кто-то организовал толпы на площадях больших городов. Там тьма народу. Это неспроста. Кто-то оттуда закачивает силу прямо из России... Это все серьезно, магистр. Мы недооценили их.

— Это как раз понятно. Мы заплатили за недооценку жизнями Вернье и Фергюссона...

— Это война, магистр. Это война. Послезавтра главная битва.

— Знаю. Мы будем работать. Мы вводим в ложу новых людей взамен выбывших. Будет серьезная работа.

— Магистр, вам надо успокоиться. Удар был сильный. Будьте внимательны к своему здоровью.

— Спасибо, у меня все в порядке. Я чувствую себя все лучше.

Родригес принес фруктов и вина. На вилле звучала легкая музыка. Черная пантера, скалясь, бегала в загоне, что стояла рядом с клеткой павианов. Было жарко. Магистр надел шлепанцы и двинулся к бассейну. Приятная прохлада смыла тревогу и зудящий холод в зоне сердца. «Ничего... Одного выбили, выьем и остальных. Послезавтра все решится...»

Вечером магистр смотрел телевизор вместе с Родригесом. На всех телеканалах шли разговоры о предстоящем финале. Тотализаторы безумствовали. На уровень ставок повлияли высказывания аналитиков, которые отмечали, что лучшие игроки русских получили повреждения в игре с Голландией; что их выдающийся игрок Пересветов сильно хромал в конце игры. Специалисты говорили, что ему не вылечить травму за два дня. Поврежден также полу-

защитник Станишевский, главный технарь и диспетчер, после передач которого забиваются голы. Однако должен играть их гигант, центральный защитник Гремин. Ожидается силовая борьба, очень жесткая и грубая игра. Русские также очень сильны физически и очень выносливы. По мнению экспертов, в финал действительно вышли самые сильные команды, но совершенно не те, что изначально и привычно считались фаворитами. Даже команды, в которых много выносливых темнокожих спортсменов, сильно уступают им в физической готовности.

Специалисты в один голос твердили, что эти две команды представляют миру какой-то новый футбол. «Да, американская команда, конечно, очень грубая; но выигрывает она не только за счет грубости, выносливости и натиска. Способность игроков делать точные пасы, находясь спиной к партнерам; способность точно бить, не видя ворот, — это нечто уникальное. Никогда такого не было в истории футбола; у них словно глаза на затылке и висках... То же можно сказать о ряде игроков в русской команде. Надо признать: рождается какой-то новый футбол, основанный на сверхспособностях уникальных спортсменов».

Все признавали, что этот чемпионат в любом случае будет назван чемпионатом сенсаций. В финал вышли сборные, которые раньше даже и не приближались к первой десятке! Но шансы команд большинством специалистов расценивались как примерно равные.

— Вот как? — произнес магистр. — Они считают нас равными соперниками. Изначально мы и близко не рассматривали русских как вообще каких-либо соперников. Мы, вообще говоря, считали соперником Германию — единственную. А ее выбили русские... Удивительное дело!

— Русские — упертые люди, — попивая коньяк, процедил Родригес. — В жизни не видел более тяжелых людей. С ними трудно договариваться.

— Их нужно только ломать. Они по-другому не понимают.

— В том-то и дело, Ричард, никому не удавалось их сломать, — вздохнул Родригес. — Хребет у них такой... Крепкий у них хребет. Монголы пытались. Наполеон... Гитлер вот был совсем близок и тоже не сломал.

— Ерунда! Ерунда! Мы вот их сломали в 17-м. Мы им этот хребет четко переломили! Мои деды и прадеды это и сделали. И все шло как надо, и они уже были у нас в кармане. Но выскочил этот чертов грузин, как дьявол из табакерки! Вообще ничей был человек, сам по себе. Идиот! Ни себе, ни людям! Из страны сделал концлагерь, и нас против себя восстановил. Нам же пришлось его убирать потом, а то далеко полез... Сделал им опять монархию. Эти дикари только при монархии себя нормально чувствуют. Пока снова ее развалили, через одного пятнистого мудака, уйма лет прошла. Пятьдесят лет потеряли! Потом еще один вылез, с рыбьими глазками. Опять монархию устроил... Теперь опять ломаем.

— Так и будет без конца: вы будете ломать, а они восстанавливать. Ричард, там скрытая механика. Вы ничего с этим не сделаете. Может, все-таки лучше договориться?

— С ними? Никогда!

— Вот в этом и проблема. Никто не хочет договариваться. Вот это и есть проблема...

Магистр вспомнил, что к нему такие мысли приходили совсем недавно, когда он находился в нестабильном состоянии после магической атаки. Получалось, его уверенность зависит от его физического состояния, а не от убежденности в правильности пути.

— Может, ты и прав, — произнес магистр. — Не умеем мы уступать. В нас какой-то комплекс превосходства. Я вырос с этим. Это в нас сидит изначально.

— В том-то все и дело, Ричард... Вы считаете, что вам дозволено. Что вы самые главные и великие. А это, может быть, вовсе и не так. Вы не признаете высших инстанций. У вас выше инопланетян никого нет... Неправильно это. Надо всеми есть высшая инстанция, Ричард. И мы перед нею все маленькие. Все эти ваши игры — это ее игра, она

играет вами и через вас. А вы это все всерьез воспринимаете.

Родригес подвыпил, язык его развязался. Он теперь был весел и выглядел расслабленно-беззаботным.

— Ты никогда так не разговаривал со мной. А ты, оказывается, не прост, Хуан Марио. Очень непрост... Помню... Ты же почитатель Маркеса.

— Маркеса чту. Это единственное, что у нас есть. Кроме футбола.

— Так он же колумбиец.

— Ну и что? Колумбия — это рядом. Мы тут все как в одном отеле живем. Мы все родственники. Латинская Америка — это деревня. У нее есть разные улицы, и там живут разные семьи. Но деревня одна.

Вскоре, полулежа на тахте, стоявшей на веранде, магистр стал медленно погружаться в сон, слушая звон цикад и далекие переборы гитар, доносившиеся из ближнего поселка.

На следующий день — день финальной игры — серебристый экскаватор доставил его на вершину его вулкана... Он пролетел совсем немаленькое расстояние в ближний сектор Атлантики всего за полчаса, на огромной скорости.

На вершине было даже прохладно, с Востока дул влажный и порывистый ветер. Было видно, как океан волнуется, готовясь к большой буре. Вдали можно было увидеть небольшое судно, скорее всего рыболовецкое; магистр разглядел в бинокль, как оно зарывается в буруны. Магистр застегнул молнию на куртке, поднял капюшон. Он боялся простудиться: это ослабило бы энергетику перед вечерней работой.

Вулкан слегка курился, что озадачило магистра. Прислушавшись, он явно различил глубинный, тяжелый гул. Включив *тонкое слышание*, он также стал различать и еще один стабильный низкочастотный гул, похожий на рев; скорее всего, это действительно был рев. На миг он увидел отсветы багрового пламени внизу, кошмарные зловещие тени на стенах каких-то глубинных подземных ниш. Отсю-

да раскрывался как бы длинный коридор внутрь планеты, в слои, куда людям, видимо, доступ был закрыт даже после смерти. Однако энергии у магистра было мало, видение он не удержал.

Он сел и стал искать тот канал, по которому к нему обычно приходила сила подземного огня. Но в этот раз он долго не мог найти, уловить движение огня; сила его сочилась слабо, и он не мог понять почему. Порой у него возникало ощущение, что кто-то наблюдает за ним снизу, и тогда на него напозала волна страха, которую он быстро отгонял от себя. Только часа через два, когда он уже прилично продрог, огонь заиграл сильнее; он стал впитывать его силу в манипуру, омывать им зону сердца, печени, почек. Но вскоре появился экскавайзер и завис над вулканом: надо было лететь обратно.

Он улетап со смешанным чувством: сила появилась, но ее было недостаточно. Он не мог понять, в чем дело.

На подлете к Аргентине он увидел темный волчок небольшого циклона, медленно двигавшегося в сторону континента с океана.

ГЛАВА 59

Сергею Падину удалось, проделав определенную конспирологическую работу, выехать из России и прибыть на чемпионат в Аргентину. Ему пришлось поменять имидж. У него появились длинные седые волосы, усы, очки. Никто не мог его узнать. Когда он вдруг возник на базе под Пинуэло, охранник доложил директору клуба, что пришел высокий седой господин, который хочет переговорить с главным тренером. Увидев изображение человека на дежурном планшете охранника, Маранов поначалу приказал проверить документы у этого господина. Охранник вскоре принес конверт, в котором лежала записка на русском: «Андрей, это я». Внизу стояла подпись Падина. Маранов тут же дал указание его впустить, и пошел ему навстречу.

Они обнялись, как старые друзья. Тут же подошла Вероника, и Маранов познакомил ее с олигархом.

— Так вы и есть парашютистка? — улыгнувшись, спросил Падин.

— Бывшая, — отвечал Вероника.

— Я был знаком с любителями этого спорта. С самолетов они, правда, переставали прыгать. Но в жизни делали такие прыжки! Диву даешься. Это скорее часть образа жизни.

— Она еще прыгнет, — пошутил Маранов. — Только не знаю, куда и зачем.

Они засмеялись. Позднее Падин, Вероника и Андрей не раз вспоминали эти слова...

Первой темой разговора был, конечно же, Берестов.

— Я распорядился, проплатил. Его перевели в частную клинику, очень хорошую. Мне дают полную информацию мои люди. Михаил Георгиевич сидит в позе лотоса, он уже улыбается. Врачи удивляются. Говорят, два ранения были тяжелыми. Большая кровопотеря. Они не ожидали, что он вообще выживет. А он уже через день сидит и улыбается.

— Откуда им знать, что такое русский маг?

— Некоторые понимают, о чем речь. У них есть свои традиции.

— А кто стрелял, выяснилось?

— Полиции откуда знать? Мы-то знаем... Жаль, наш разведчик погиб. В Москве семья у него.

— Это он положил киллеров?

— Он и второй. Тоже наш. Второй ушел, у него легкое ранение.

— Вы организовали?

Падин промолчал, только улыбнулся.

— Игра далеко не окончена, Андрей. Завтрашняя игра войдет не только в футбольную историю. Она войдет в историю мира. На матч едут лидеры многих стран. Будет и Гордин. Канцлер Германии, президент США... Такой игры не было в истории. Это большая политика. Схватка сверхдержав в миниатюре. Как вы и говорили: метафора мировой войны.

— Было сообщение, что американские авианосцы вышли на боевое дежурство. Что у нас космические войска приведены в боевую готовность.

— Сумасшествие! Можно подумать, что после обмена майками начнется обмен ракетами.

— Вы будете на матче?

— Конечно. Рядом с ложей, где президенты. — Ваша рана зажила?

— Затягивается понемногу. Хрящ в плече задет, болит... Плохо сплю, но ничего...

— Думаю, тут уж с безопасностью будет все в порядке. Тут войска подведены к городу. В Буэнос-Айрес полицию привезли из других городов. На всех улицах патрули. Вот что такое футбол.

— Заварили мы кашу! У нас в дни матчей улицы городов просто вымирают... Сделали вы командочку, Андрей. В историю она уже вошла.

— Мы сделали, Сергей Валерьевич. Мы вместе.

У Маранова в этот момент зазвонил телефон. Маранов увидел, кто звонит, и не стал давать отбой.

— Простите, Сергей Валерьевич. Звонок важный... Слушаю..

Болт сообщил, что подозрения подтверждаются. Непонятные люди завезли на стадион какие-то коробки. Сообщил, что генерал решил вопрос с аргентинским другом. Тот сказал загадочную фразу: «Если начнется что-то нехорошее, ждите помощь с неба, но только не зевайте». И добавил «место дислокации определено...»

Маранов повесил трубку, задумчиво посмотрел на Падина и сказал:

— Могут быть разные события завтра, Сергей Валерьевич... Советую, если что, быстро уходить со стадиона.

— Какого рода события?

— Массовые беспорядки, вызванные применением неизвестных излучателей... Я не думаю, что до этого дойдет. Но все может быть...

— Главное, чтоб эти человеко-машины не поломали наших в самом начале. Они уже прилично костей переломали. Но у этих мерзавцев в ФИФА все схвачено. Прикрывают дела... Сегодня наверняка опять будет левый судья. Могут что угодно придумать.

— Вот и я говорю. Для американцев это принципиальная вещь. Они патологически не любят уступать. Говорят, билеты перекуплены, завезли почти двадцать тысяч америкосов.

— Я слышал. Весело будет... Держитесь, Андрей! Нам надо выигрывать.

— Моим парням даже и говорить ничего не надо. Их поразила история с Михаилом Георгиевичем. Они на взводе уже второй день, просто кипят. Даже те, у кого травмы незалеченные, хотят играть.

— Пересветов выйдет?

— Да, но во втором тайме. Надо смотреть, как пойдет игра.

Они обсудили ряд финансовых и организационных вопросов, связанных с оплатой аренды виллы, экстренной отправки Берестова в Москву и прочим. Затем Падин двинулся на выход. Уходя, он поднял руку со сжатым кулаком и негромко произнес:

— Но пасаран!

— Но пасаран! — отвечал Маранов.

Предчувствие чего-то тяжелого, опасного, катастрофического не покидало его. Игроки первого состава были на взводе, нервничали. Они отгоняли девушек, не могли сидеть на месте. Молча играли друг с другом в пинг-понг, в шахматы, бильярд.

Вечером Вероника сорвалась неожиданно в дикий скандал. Повод был абсолютно ерундовый: Маранов просто похвалил одну из девушек, Анжелику, за то, что она всех вечером развеселила, показывая забавные сценки, рассказывая анекдоты.

— Вот умница! Вижу ведь, что ее трясет, а она, как ни в чем ни бывало, играет игру! Актриса! Просто молодец!

— Конечно, она молодец, - вдруг жестко сказала Вероника, нахмутив брови. - Она молодец, а я просто кукла. Я ничего не могу. Я ничего не значу!

— Да ну что ты? - попытался ее успокоить Андрей. - Я вижу твою работу. Ты у меня умница.

Он попытался ее обнять, но она отстранилась.

— Я вижу, что тебе нравится Анжелика. Тебе и Оля нравится. Ты бы их всех поимел, если бы не я! Это я тебе мешаю. Я все поняла! Чушь собачья все эти прошлые жизни! Чушь! В сухом остатке всегда одно! Вставить член куда нужно, и расслабиться!

Ее понесло. Глаза ее сверкали темным огнем. Узнать ее было трудно. Это было словно повторение истерики, чтоб уже случилась месяц назад. Кто-то будто влезал в нее периодически, менял вообще весь ее душевный строй, ее сущность.

Дыхание ужасной, тяжелой энергетики коснулось его. Переутомленный, напряженный перед игрой, он ожидал не этого. Его терпение было на исходе.

— Тебе что-то не нравится? - вдруг жестко ответил он. - Тебя никто не заставляет мне помогать... От тебя никто ничего не требует!

— Ага. Вот так? - окончательно рассвирепев, прошипела она. - Хорошо... Отлично! Я тебе уже не нужна! Отлично!..

Она ринулась собирать вещи в свою сумку. Движения ее были резкими, какими-то бешеными. Она отшвырнула стул, тот ударился о стекло прикроватной тумбы, оно вдребезги разбилось. Сшибла этажерку с вазой и книгами. Фарфоровая ваза также разбилась, книги рассыпались... Она покидала вещи в сумку. Он попытался остановить ее, но она резко оттолкнула его, и будто собиралась его даже ударить. В нее точно вселился бес; он теперь руководил ею. Она ушла.

Однако Маранов видел, что с базы ее не выпустили. У охраны был приказ никого не выпускать с базы в город без особого разрешения тренера и директора клуба. Вероника долго разбиралась с охранниками, кричала и на

них. На крик выбежали другие женщины. Они с трудом ее уgomонили, утащили к себе. Позднее к нему поднялась Лаура.

— Андрей Викторович, дело, конечно, не мое...Но Вероника просто невменяема. Что у вас тут произошло? Могу я узнать...Мне надо понять, как ее успокоить...

Маранов, нервный, опустошенный, смотрел на нее взглядом бесконечно уставшего человека. Ему было уже все равно. Ему надо было только выиграть завтра. Только это всерьез занимало его.

— Не знаю, что с ней,- отвечал он.- Это же не первый раз...Это одержание. В нее что-то вселяется, и она превращается в фурию...Не было никакого повода...Вообще никакого...Но ты же сама женщина, Лаура...Ты же понимаешь...

Лаура кивнула.

— Теперь понимаю...Я тоже видела ее в таком состоянии. Один раз. Что-то не то с ней...Если это лярва вошла, надо чистку провести...Я подойду к Пиаро...

— Попробуйте...Я дико устал. Мне надо поспать. Но не уверен, что засну...

На миг у Лауры возникло подозрение, будто он хочет, чтобы она осталась у него. Она искоса посмотрела на него любопытно-испытующим взглядом...

Маранов это уловил, и отстраненно добавил:

— Придется выпить снотворного...Иначе не получится.

Лаура тут же стала холодно-невозмутимой:

— Думаю, это правильно. Спокойной ночи, Андрей...

Викторович...

Дверь за ней хлопнула чуть сильнее, чем надо бы.

«Ох уж эти женщины! -подумал Андрей.- Не ошибается ли Михаил Георгиевич? Разве занятия тантрой могут изменить их суть?»

Часа в два ночи он все же погрузился в тяжелый, мутный сон, из которого все норовил выскочить. Во сне он понимал, что надо спать, и когда уже готов был проснуться, включал проверенный механизм засыпания:

поднимал глаза при закрытых веках вверх, и начинал мысленно просматривать изнутри выемку черепа под волосяным покровом. В итоге ему удалось все же поспать около пяти часов.

На сборе перед матчем Маранов был немногословен: — Мужики, вы понимаете, что это будет за игра. Мне не стоит вам объяснять. Вы уже и так исторические персонажи. Нам выпал редкий шанс. Мы участники большого дела. Весь мир затаился и ждет. Такого финала еще не было. Мало кто знает, с кем мы играем. Но вы-то как раз знаете. Сегодня вы не футболисты, не игроки. Сегодня вы — берсерки. Бессмертные воины славянского воинства. Мы вам говорили о берсерках и характерниках. Эти воины шли на смерть, не думая о ней. Чтобы дать вам энергию жизни, рисковал своей жизнью Михаил Георгиевич Берестов. Было совершено покушение на Сергея Валерьевича Падина. Сегодня я вам хочу сообщить, чтобы вы знали: нашу команду, весь проект создал именно он. Он русский патриот, единственный человек наверху, который радеет за державу... Он все это организовал и пригласил меня.

Вы должны понять, что игра, этот чемпионат — он уже не только футбольный. Это нечто гораздо большее. Это выяснение, кто на планете сильнее духом. А также выяснение, чья правда есть правда. Наши противники идут по пути создания технического, искусственного человека. Мы стоим за совершенствование человека изначального. Кульминация этого спора — сегодняшняя игра. Потому бейтесь, как бились наши предки. Бейтесь, как ваши прадеды бились под Осовцем, у Москвы в 41-м, как у Сталинграда в 43-м. Россию всю ее историю враги стараются поставить на колени, но это никому не удавалось...

Установку на игру я давал. Играет в полном составе первая команда. Но Пересветов в первом тайме играть не будет. Вместо него выйдет Максим Бухаров. В запасе, кроме Пересветова, Вибергасов, Рославцев, Прокопенко,

Гарнаев и Курганов. Будьте внимательны к сопернику. Следите за пасами. Ломайте конструкцию их игры, как мы это отработывали. Помните, что где-то за пультами люди, что управляют ими. Вы играете не только с футболистами, а с компьютерными игроками. Ломайте и х логику. Вы ведь знаете, как это делать. Я вас учил. Быстрыми пасами, скоростью, алогичными действиями. То взвинчиваем темп, то останавливаемся. Пусть бегают. Ни на секунду не забывайте, что у них круговой обзор, что они видят все поле. Включайте расширенное видение, включайте ясновидение, у кого есть. Играйте умно, осмысленно. Если грубят терпимо, не заводитесь. Перейдут грань — бейтесь, наказывайте; но так, чтобы не удалили всех. Все. Поехали.

Перед выходом на поле всех лихорадило. Парни снова и снова кружились, пели, произносили древнеславянские наговоры и клятвы. На лицах читалась нервозность, но также и кураж; парни встряхивали головами, похлопывали друг друга по плечам, поддерживали.

— Ребята, помните: идет большая магическая игра, — напутствовал их Виктор Провоторов. — На вас сейчас ставят проклятия и порчи, ваши энергоканалы пытаются запечатать. Но наши не спят. Наши тоже работают. Разворачивается битва. Сбрасывайте, как можете, энергетический негатив. Запускайте светлые потоки. Включайте чистую ключевую воду из священных источников. Смывайте грязь. Делайте все, как учил вас Михаил Георгиевич. Используйте методики полковника Каркасова. Сегодня пригодится все. Сегодня мы идем на войну...

Они кивали. На поле команда вышла как сжатая пружина.

Накануне, поздно вечером Пиоро и Провоторов специально провели с женщинами очистительную практику. Все было подано им таким образом: необходима накачка энергетики перед важнейшим матчем. Они мысленно формировали очистительные золотые сферы, соединяясь с Высшими Началами; проговаривали мантры, определенные тексты.

Девушкам удалось все же затянуть на занятие Веронику. Они все знали, что практика проводится ради нее; но никто не проболтался, все вели себя, как надо.

Кружась по кругу, они повторяли текст, что наговаривал Провоторов:

— С меня спадают все порчи, сглазы, негативные программы; подключки черных эгрегоров, сущности всех видов и родов; воздействие душ умерших и весь прочий негатив. Все это выдавливается в черное, в непроявленный мир... Я очищаюсь и исцеляюсь на причинно-следственном, наследственном и генном уровне... Восстанавливается до нормы структура и объем моих тонких тел... Восстанавливается работа чакр до нормы... Струны моей души настраиваются на камертон Отца Небесного... Да придут во мне все энергии Вселенной в гармонии и равновесии...»

Практика шла под музыку, в окутанной сандаловыми дымами зале.

Состояние Вероники после этого несколько изменилось. Она ушла в номер к Лауре, заснула. Утром же она была практически в полном порядке. Однако она не была готова подойти к Андрею и заговорить с ним. Команда и тренер после завтрака отправились на разминочную тренировку, и она не увидела его до самого матча – точнее, до самого его окончания.

Перед началом игры Вероника потеряла из виду Лауру, которая вместе с нею ехала в автобусе с остальными девушками. У самого входа в подземные терминалы стадиона Лаура вдруг сообщила, что у нее должна состояться короткая встреча у ворот стадиона.

— Какая встреча? С кем? — удивилась Вероника. — До начала час.

— Я успею, — отвечала она.

— Тебя могут к нам не допустить. Там кордоны будут.

— Ты меня знаешь. Чтобы я, да не прошла?

И она исчезла.

Вновь Вероника ее увидела спустя почти час, когда команды, под мощнейший рев стадиона, уже вышли на поле, и началась предматчевая разминка.

Вероника увидела, как Лаура продирается к ней через строй полицейских и еще каких-то людей в штатском, показывая удостоверения прессы и сотрудника команды, указывая пальцем на бейджики. Когда она подбежала, Вероника не сразу поняла, что с ней. Ее била истерика. Она рыдала, кричала и смеялась одновременно. Глаза ее были раскрыты, в них стоял какой-то мертвый ужас.

— Да что такое, что с тобой?! Что случилось? — Вероника со страхом смотрела на нее, ожидая каких-то чудовищных известий.

— Они... они... они... — захлебываясь и запинаясь, дрожа, кричала Лаура.

— Да кто «они»? Что случилось?

— Они... Они не люди!!! Они — не люди!..

Лаура была в шоке. Команды выстроились на гимн, и Лаура показала на американцев.

— Я видела их вблизи. Мне рассказала все женщина, что жила у них... У меня знакомый охранник... Это киборги! Они убивают женщин! Насилуют и убивают, рвут на куски!.. О, боже!.. Она сама в ужасе. За ней гонятся. Ее ищут... Она мулатка, очень красивая... Говорит, их бросили к ним, как зверям в клетку. Ей как-то удалось вырваться... говорит, там один есть, нормальный. Ей повезло...

Она села прямо на бетонный парапет. Краска с глаз размалась, она вытирала слезы, ее трясло.

— Я их видела! Они... как железные. Один посмотрел на меня — у него белый огонек в глазах. Белый такой огонек! Потом второй посмотрел... Это нельзя передать словами... Это ужас! Один майку надевал. Я видела выше плеча код! Цифры и буквы! Серийный номер! Они не люди, понимаешь? Я видела, как они выходили... Мне показалось, что они из железа. Каждый весит по полтонны. Это ужас! Это ужас какой-то! Они убьют наших! Они их поломают!

Вероника молчала. Ее также начала бить мелкая дрожь, и она не могла с этим справиться. Только теперь она поняла, чего недоговаривал Андрей, почему она несколько раз слышала слово «киборги»; почему при появлении женщин зале, где собирались игроки, сразу наступало молчание и разговор приобретал неестественную веселость или напускную игривость. Она начинала осознавать, что происходит... Она теперь лучше понимала состояние, в котором находился Андрей перед игрой. И что же она... Что она устроила в такой вечер?.. Она почувствовала жгучие укоры совести. Что это с ней такое произошло? Она посмотрела туда, где сидел с запасными и другими тренерами, на скамейке под плексигласовым навесом Андрей. Он был собран. На скулах гуляли желваки... Ей стало страшно по-настоящему. Предчувствие чего-то ужасного охватило ее...

Она впервые видела президента Америки. Он, стоя в верхней ложе, приветствовал футболистов и болельщиков. Президент России Вадим Гордин стоял с ним рядом. Справа, гораздо ниже, в ложе для почетных гостей она увидела и Сергея Падина, которого никто не мог узнать в новом облике. Рядом с ним находились владельцы крупнейших мировых социальных сетей, медиа-магнаты мирового масштаба, руководитель Европарламента, крупные чиновники, бизнесмены, известнейшие политики, артисты и финансовые воротилы.

В президентской ложе находились также президенты Аргентины, Германии (которая взяла третье место), руководители ФИФА, Марановцы, стоя напротив американской команды, с интересом рассматривали противников. Американские игроки смотрели на них холодно и равнодушно. Обращали на себя внимание их скулы, которые почти у всех игроков были словно отлиты под прямым углом. Ничего похожего на американцев не было в этих людях. Вместе, если смотреть на них сбоку под углом, их можно было принять за монументы: то ли героям скандинавских саг, то ли покорителям каких-то далеких планет... Сбран-

ность, агрессия, нечеловеческая сила читались в их жестах, в позах; казалось, что они вросли в землю многотонной тяжестью бетонных тел.

Когда пошел российский гимн, марановцы как-то подтянулись. Но странное дело: на лицах некоторых играла улыбка. Панорама по лицам, которую вел камерой телеоператор, прямо-таки ошеломила миллионы русских людей, стоявших и сидевших на стульчиках и скамейках на площадях городов перед телепанелями... Марановцы улыбались; но лишь немногие из тех, кто хорошо их знал, понимали, что означает это улыбка. А это была улыбка самоотвержения, яростного куража перед горячей смертельной битвой, перед схваткой с сильным врагом; улыбка, с которой ходили в бой только русские воины. Они именно радовались предстоящей схватке, как главной своей жизненной работе, как делу, ради которого они приходили в этот мир...

Игра сразу пошла тяжелая, упорная. Командный арм-рестлинг — так можно было назвать то, что происходило. Перетягивание каната. Давление на давление. Словно поршень против поршня, которые давили друг на друга с разных сторон в одном цилиндре с жидкостью. Ни одна из команд поначалу не могла даже приблизиться к воротам. Бешеное мощное движение и борьба завязывались на каждом участке поля. Американцы играли организованно, в силовой, выстроенный футбол, работая на средних, реже — на коротких передачах. Едва они начинали приближаться к воротам Мушарапова, их будто какая-то невидимая рука отодвигала назад. Упорная игра без опасных моментов продолжалась минут пятнадцать. Комментаторам и публике казалось, что идет просто активная позиционная борьба, разведка. Но это была не разведка. Две энергетические стены надвинулись друг на друга, и одна стремилась продавить другую.

К 20-й минуте марановцы начали получать некоторое преимущество в центре. Станишевский, Приданцев и Ба-

грянов, как всегда, работали мощно и изобретательно. Киборгам не удавалось плотно сблизиться с игроками, те ускользали, уходили от столкновений, обводили их. Наконец, удалась первая опасная атака, и на удар был выведен все тот же Приданцев. Удар с левой получился неплохой, но все же не такой, каким он пробивал ворота голландцев и португальцев. Вратарь видел направление полета мяча. Но таким образом было отчасти вскрыто защитное поле американцев. Удары пошли чаще, словно уколы или надрезы ножом; они вскрывали верхнюю часть мягкого защитного панциря американской команды, делали проникающие порезы, но разрыва еще не было.

Американцы стали работать жестче, интенсивнее, словно по ним пробежал ток более высокого напряжения. Было заметно, как операторы пытаются выстроить игру команду, наладить движение игроков по наиболее оптимальным схемам. Воупс и Дремер работали как центральные диспетчеры. Их задачей было выстраивать основной рисунок наступательной игры. Операторы передвигали их все время таким образом, чтобы быстро вывести в свободные зоны, «завязав» с пучком быстро разбегающихся нападающих. Этот рисунок Маранов давно разгадал вместе с Согриным. Он выдвинул крайних защитников Нестеровича и Полубоярова чуть подалее от штрафной, связав их с двумя крайними полузащитниками, и освободив центрального, Станишевского. Крайние постоянно стремились отрезать хавбеков американцев от крайних нападающих, ломая отработанную схему их игры. Американские операторы усиливали темп, но его же усиливали и марановцы. При этом едва получив мяч, Багрянов и Приданцев через Станишевского верхом перекидывали мяч то на правый край Бухарову, то на левый Диденко, то в центр Раскатову. Приданцев мало того, что интегрировал энергопоток от магов; он еще работал и как гроссмейстер, четко отслеживая изменения в рисунке игры соперника. Потому эта игра еще была и состязанием интеллектов. Проблема же американцев, как показала их игра с испанцами, как начала демонстрировать игра с русскими,

заклучалась в том, что киборги на поле не всегда находились под контролем операторов. Они постоянно начинали делать что-то от себя, реагировать на моментально возникшие микро-ситуации. Они сами постоянно размывали четкий рисунок игры своей самостоятельностью. А так как их собственное соображение соответствовало уровню малограмотных, лишенных каких-либо культурных накоплений людей, они не были способны понять, как им строить игру. Они держались только за счет скорости, мощи. Но беготня их, в особенности без мяча, порой казалось лишеной логики и видения игры. На этом клинче и построил тактику умный и дальновидный Маранов. И потому к 20-й минуте игры, при относительно корректной игре, марановцы уже переигрывали американцев.

На 24-й минуте Приданцев со Станишевским затеяли комбинацию на правом фланге, попытались вывести в прорыв Максима Бухарова. Тот получил мяч и уже вошел в штрафную, но увидел угловым зрением, что к воротам по центру, чуть сзади тяжело бежит Никита Гремин. Не сближаясь с защитником, Бухаров сбросил ему мяч. Никита набежал, как на тренировке, и с размаху нанес самый свой кошмарный по силе удар метров с 35. Мяч, задев и пошатнув голову защитника, врезался в угол, ударился во внутреннюю стойку и отскочил от нее в поле. Американцы даже не поняли, что был гол; они продолжали играть, но лайнсмен махал флажком; трибуны взревели. Судья показал на центр поля... Мы повели в счете.

Российский телекомментатор шумно выдохнул и загалдел, запричитал:

— С ума сойти! Мы повели! В финале! И опять Гремин! Ну и ударчик! «Рашн Беа» — так его тут называют! Русский медведь... Наши ведут!

Киборги с удивлением смотрели на русских. Они не понимали, почему те играют не хуже их, и при том не устают, хотя был задан очень высокий темп. Их убедили, что все должно быть иначе. Киборги напряглись и, начав с центра, резко пошли вперед. Им словно подкачали энергию, вклю-

чили новый режим. Операторы американцев стали подключать запасные тактические схемы, перегруппировывая игроков.

Но Маранов предусмотрел эти варианты перестроений американцев. Игроки были к ним готовы. Гремин и Рыклин четко руководили крайними стопперами, при этом надежно держа центр. Их длинные ноги постоянно выцепляли мяч из-под не слишком рослых крайних нападающих американцев (Баррд – 183, Беккерс – 179). Гремин при этом индивидуально играл против Дюгарда, сковывая его активность, не давая получать мяч у штрафной, удерживая при углавых. Станишевский и Приданцев так же реагировали на перестроения противника, и сами начинали перегруппировку. Багрянов начинал играть роль свободного, «чистящего» полузащитника, разрушителя новых связей в американских линиях.

Про режимы в свое время подумал и Маранов. Если начинала команда играть при режиме 3,5, то теперь он внимательно следил за игрой, собираясь включить режим максимальной выкладки, но пока не сверхпредельной — режим 4. Когда киборги добавили в движении и прижали все же марановцев воротам, те перешли к прессингу и активной мобильной защите. Тяжело, но мощно и слаженно комбинировали на правом фланге Дюгард и Бруккс; рвался по центру Баррд. В один из моментов цепкий и физически крепкий Полубояров все же проиграл единоборство Беккерсу, и тот нанес тяжелый резкий удар в самый угол ворот. Мушарапов взлетел над землей, как пантера, вытянулся, выбил мяч из угла. Снова пошла атака справа, и теперь Бруккс, лучший в этот день игрок американцев, вышел на ударную и пробил точно в «девятку». Это также был очень трудный мяч, но непостижимым образом Мушарапов отбил и его.

Десятиминутка после «русского» гола стала еще одним бенефисом Мушарапова; но проблема заключалась в том, что его мастерство разозлило киборгов. Они обратили внимание на вратаря, и это было нехорошее внимание.

Это были не немцы и не аргентинцы, которые могли проигрывать, и при этом восхищаться мастерством соперника. У хмуроватых киборгов срабатывали совсем другие инстинкты или программы. Противник не давал им добиться цели; препятствие должно было быть устранено.

Маранов снова показал планшет... с цифрой 4, крикнул Приданцеву: «Четвертый режим. Стоять! Контригра!»

На сей раз команда четко перестроилась на более высокий режим активности. Пошла еще более резкая, острая борьба на каждом участке поля. Киборги шли и шли вперед, но парни в сине-красных футболках, обрамленных рунами, останавливали их бег, не уступали в силовых схватках; мощные полузащитники и защитники марановцев даже оттирали, оттесняли киборгов на ходу от мяча, отбирали его, удерживали, искали партнера; завязывали свои длинные быстрые комбинации через верховые диагонали с фланга в центр, с фланга на фланг; американцы вынуждены были носиться как угорелые, чтобы перекрывать направление атак, оттягиваться, укреплять фланги, терять время и инициативу. Да, они не уставали от такой непрерывной работы; но всех, кто смотрел эту игру, поражало то, что при таком бешеном темпе не уставали и русские игроки. Комментаторы с удивлением выдавали статистические сводки: за две трети первого тайма некоторые игроки набегали чуть не по десять километров — это норма целого обычного матча! На поле явно находились какие-то суперкоманды, что следовало даже из статистики.

Киборгов остановили. Игра стала смещаться в центр. Шла 34-я минута, когда начинавшие тихо свирепеть киборги совершили первое грубое нападение на игрока российской команды. Четвертый номер американцев номер Стоппард жестко атаковал Станишевского, который ходил зигзагами, обводя всех в центре поля, зачиная длинную комбинацию. Удар ногой по бедру был всем виден. Станишевский вскрикнул от боли и, скрючившись, замер на газоне. Судья, наученный горьким опытом предшествен-

ников, искушать судьбу не стал, достал желтую. Почти минуту Станишевский лежал, затем его на носилках вынесли с поля. На правом его бедре вспухала опухоль. Маранов видел, как ему больно; он хотел заменить его, хотя это была почти катастрофа — потерять ключевого игрока.

Сразу после падения Станишевского Гремин и Рыклин вдвоем приблизились к «четверке» американцев.

— One time another, and you'll die! — произнес Гремин низким басом и вонзил астральный палец в район сердца киборга. Но тот не отреагировал.

— Go out! Shit, — сказал он и с улыбкой посмотрел на Гремина. Гремин двинулся на невысокого, но плотного Стоппарда. В этот момент к ним подбежал Дюггард и закрыл Стоппарда. Дюггард был ненамного ниже Гремина — 206 см — и имел примерно такой же вес. Два гиганта остановились друг против друга. Дюггард протянул руку к шее Гремина, намереваясь сдавить ее, но Гремин перехватил его руку. Они сцепили руки, как в армрестлинге, только на весу. Дюггард, улыбаясь, сделал движение, стремясь вывернуть руку Гремина на излом. Но рука не поддавалась. Гремин ее выровнял и мощным движением вывернул на излом руку Дюггарда, и тому пришлось вдруг резко напрячься, чтобы избежать вывиха. Руки расцепились. Дюггард смотрел на Никиту с удивлением. Гремин улыбался... Подбежал судья, начал свистеть, глядя снизу на гигантов, показывать руками — мол, разойтись, брейк. С лица Дюггарда не сходило удивление.

Он отбежал и хрипло крикнул капитану, Дремеру:

— Дремер! Они не мягкие!

— Что такое? — отвечал Дремер. — Ты бредишь?

— Они не мягкие, Дремер! — повторил Дюггард. — Они вроде нас, но другие. Нас обманули!

Американцы стали передавать по цепочке один другому:

— Они не мягкие! Надо рвать!

— Они не мягкие!

Баррд, стоя в центре поля, смотрел на партнеров и улыбался все той же странной, таинственной улыбкой....

Справедливо или несправедливо был забит гол на последней минуте тайма гол в ворота Мушарапова, было непонятно. Многие специалисты потом высказывали мнение, что Бруккс в штрафной все же был в офсайде. На камерах был видно, что в момент передачи к штрафной он был не на одной линии с Рыклиным, а чуть ближе к воротам. Лайнсмен подумал, но флажок не поднял. Бруккс поймал мяч прямо у линии штрафной и пробил в ближний угол с такой силой, что и Мушарапов поделаться ничего не смог. Заполненный американцами стадион закипел в один миг и породил крик, похожий на рев какого-то макро-динозавра.

На первый перерыв команды ушли при равном счете.

Комментаторы сходились на том, что идет равная, предельно упорная игра с одинаковыми шансами на победу.

«Силовой, жесткий, атлетический и при этом комбинационный футбол, — преобладали такого рода оценки. — Русская команда — первая, которая американцам не уступает ни в атлетизме, ни в выносливости. Поразительная, невероятная игра!

Однако в этот же период в невидимых внешним зрением пространствах шла совсем другая игра, другое состязание, и оно было даже масштабнее, чем то, что проходило на стадионе в Буэнос-Айресе.

На горе возле водопадов Игуасу заняли свои позиции Ратибор и Родослав. Еще за два часа до начал игры они были уже на месте, которое заранее им указал Берестов. Они знали, что все славянские общины России начали работу за несколько часов до начала матча.

Главным очагом, центром энергетического вихря, который раскручивали общины, было капище примерно в 180 километрах от Омска. Там собралось около трех тысяч молодых мужчин и женщин. Они встали огромным палаточным лагерем за день до игры.

В разных местах огромной поляны были установлены так называемые «зажигалки» — березовые и сосновые пни,

в которые вставлены были стволы деревьев мужского рода, в основном дубовые. Установлены рамы, закреплены канаты.

За три часа до начала матча руководивший ритуалом волхв Велимудр дал наказ начать работу по возжиганию установленных «зажигалок». Когда первые из них задымались, а затем и загорелись, началось кружение ритуальных хороводов. Окрестности огласились чтением ритуальных древнеславянских обрядовых наговоров, пением славянских обрядовых гимнов и песен; перезвонами бил, резонансных чаш, кугиклов; ритмичным буханьем бубнов. Началась грандиозная магическая работа.

В некотором отдалении от места проведения основного ритуала расположилась группа из трех характерников, которые начали перенаправлять энергию из узловой зоны удаленным группам магов. Эти же трое собирали потоки, которые уж начинали идти от собравшихся на площадях городов скоплений людей. На высоких местах в окрестностях крупных городов также расположились жрецы и маги общин, которые перенаправляли энергию от толпы в узловой центр и далее. Возникла своего рода цепь, невидимая и неслышимая, без металлических опор и каких-то ретрансляторов, составленная из людей, развивших годами упорной работы способность чувствовать трудноуловимое и работать с ним.

Концентрированный поток, постепенно набирая мощь, пошел через всю Россию, через Европу, через океан и далее, к Латинской Америке. Последний характерник цепи расположился на окраине портового города Порту, в Португалии. Именно отсюда потоки двигались к двум волхвам, стоявшим на возвышении в районе водопадов Игуасу.

Давление токов энергии постепенно усиливалось. Двум магам, Ратибору и Родославу, было настолько тяжело, что каждый из них рисковал в любой момент упасть замертво. Давление на головы, на сердце, на организмы в целом становилось все более мощным, труднопереносимым. Волхвы собирали энергию в управляемое плотное русло, направ-

ляли в сторону стадиона в Буэнос-Айресе, держа перед собой фантомы Олега Приданцева и Игоря Станишевского. Третьего из опорных магов команды, Игоря Пересветова, на поле еще не было.

Однако не дремали и противники. Еще за три дня до начала матча магистры центральных лож Братства Обновления, договорившись о ведении совместной работы, собрались и начали подготовку к ней. В центральную ложу были привезены древние артефакты, переданные с разных веков отдельными мастерами, орденов тамплиеров и масонов. Они были установлены в центре ритуального пространства, и через работу наиболее сильных магов Братства активированы. Место было окружено тройным защитным куполом, устойчивость и непроницаемость которого постоянно поддерживала группа дежурных магов.

Семь лож Братства за час до матча включились в работу одновременно, установив связь на тонких уровнях с центральным вихрем Бафомет. В овальных залах лож, медленно переступая по шахматным зеркальным полам, сверкая лаком изысканных дорогих туфель, шелестя темным облачением, под мерное позвякивание цепочек и медальонов, маги начали движение вокруг установленных в центрах лож ритуальных предметов, постепенно ускоряясь. Сладковатые дымы, поднимавшиеся к потолкам от специальных ароматических ламп и курильниц, сделанных из черепов умерших людей, постепенно окутывали залы, чуть скрадывая, затуманивая странных персон в темных облачениях, молча двигавшихся по кругу. Странная, напоминавшая средневековую атональная музыка сопровождала движение.

В пространстве центральной логи были сформированы голограммы одиннадцати футболистов русской команды и их тренера. Каждый из двигавшихся магов проделывал, двигаясь, мягкие жесты руками, стремясь «запечатать» игроков, то есть закрыть входы и выходы их энергоканалов.

Два энергетических потока столкнулись в невидимом пространстве, нащупав друг друга в тех зонах тонкого мира,

где располагалась проекция проходившего на зеленом поле сражения. Два вихря, два волчка соприкоснулись; всполохи огненных смерчей вздыбили пространства близлежащих слоев тонкого мира; массы существ встrepенулись, взлетели; поднялся шум, который был не способен услышать ни один из обитателей трехмерного слоя, но который для существ тонких миров являлся ужасным грохотом. Отдаваясь в галереях и гулких коридорах, в сиявших переливами цветов слоях разной мерности, с разным течением времени, этот шум проникал в самые нижние. Обитавшие в них огромные существа начинали шевелиться, прислушиваясь, стараясь уловить характер и масштаб происходившего в верхних слоях движения.

Однако если вначале совместная работа лож шла успешно, то где-то за час до игры они с трудом улавливали футболистов в фокус своего тонкого видения.

Магистр Виндинг-Бронс был тем Мастером, который вел коллективный ритуал лож Братства. На центральный монитор были выведены изображения с камер, установленных в каждой из лож. Работа по энергетическому «запечатыванию» русских футболистов натолкнулась на сопротивление. Вокруг них стояла защита. Потому магистр включил логи в работу по взлому этой защиты.

— Мы видим зеркальные колпаки толщиной до 10 см! — кричал магистр Западной Ложи Маккуори. — Зеркальные отражатели! Вокруг шлейфы, какие-то вихри вращаются! Все смывают! Все стирают!

— Работаем на рассеивание вихрей! — кричал магистр. — Втягиваем эти вихри в капсулы, капсулы сжигаем!

Полчаса они бились над тем, чтобы рассеять вихри, которые не давали им возможности подобраться к стеклянному колпаку. Часть магов сидели и работали молча и сосредоточенно; другие медленно ходили вокруг центрального терафима, стремясь создать усиление тока энергии.

В какой-то момент им показалось, что коллективными усилиями потоки смывочной энергии рассеиваются. Тогда начали «долбить» стеклянную капсулу виртуальными от-

бойными молотками, пробивать дрелями дырки. Кое-где возникали пробоины и трещины; маги попытались их расширить такими же виртуальными металлическими ломом, закрепить скобами.

И все же, когда началась игра, защитная капсула вскрыта не была. Русские игроки обесточены не были. Весь первый тайм шла эта борьба; одной из лож удалось пробить дыру, достать сначала одного, а затем и двух игроков российской команды. Одной из групп удалось перекрыть потоки энергии, шедшей к игрокам откуда-то с Востока. Магистр Западной ложи сумел рассмотреть, что маги противоборствующей магической конгломерации находятся в Аргентине, возможно, недалеко от стадиона.

— Надо их найти, надо уничтожить! — кричал возбужденный, разгоряченный магистр Виндинг-Бронс.

Но никто не мог определить точное место их дислокации, разглядеть хотя бы, какой населенный пункт находится рядом с ними. Они были напрочь закрыты защитой такой плотности, что малейшее приближение к ней создавало у самих магов предчувствие опасности. Все помнили о гибели Вернье и Фергюссона.

Магистр вынужден был объявить 10-минутный перерыв в работе, когда на стадионе в Буэнос-Айресе окончился первый тайм.

— Ничего себе! — вынужден был он признать, склонившись к сидевшим рядом с ним. — Научились работать...

Перерыв, однако, получился недолгим. Буквально через несколько минут после его начала барон почувствовал нарастающее давление на всю свою энергосистему. Головной мозг моментально пришел в состояние перенапряжения и словно бы готов был разорваться. Пошло мощное, нацеленное воздействие. Магистр крикнул:

— Все в круг! В круг! Никакого перерыва! Нас атакуют!

Тут же подключились и другие ложи. Они также почувствовали нападение. Однако в ложах 4 и 7 двух пожилых магов все же выбили из игры. Один упал без сознания, второй сидел в кресле и не мог пошевелить и пальцем.

Началась настоящая битва. Ложи латали контур общей защиты, так как в ней появились пробоины. Магистр Виндинг-Бронс почувствовал, что у него опасно поднялось давление.

— Удар идет на меня, — крикнул он. — Поставьте контур.

— Держитесь, магистр, — кричал Пиранелли. — Делаем!

— Контур установлен, — произнес Бачински.

Магистр почувствовал, как давление спадает.

В Буэнос-Айресе начался второй тайм.

В это же самое время в низине, неподалеку от одного из ведических капищ Урала, две команды мужчин мощно проворачивали ствол дуба в дупле огромного пихтового пня, но огонь не появлялся. При каждом проворачивании мужчины одной команды гулко и мощно произносили «У-у-у»; при ответном проворачивании вторая команда проговаривала «Ра-а-а»... Таким образом лес оглашался массовым возгласом «У-ра», который подхватывали все те тысячи людей, что кружились вокруг костров в долине.

От пня начал струиться дымок, но разогрев был слабым. Обеспокоенный волхв Велимудр начал перенастраивать органы своего чувствования, ища причину. Он ходил между рядами присутствовавших на ритуале людей. Он чувствовал, что кто-то из них не имеет нужной степени чистоты в мыслях, устремленности и веры в цель или же имеет отношение к другому эгрегору. Энергии уходили.

Пройдя вдоль рядов, он обратил внимание на мужчину и женщину, на которых не было светлых одеяний со славянской росписью. Его так и развернуло в их сторону. Они посмотрели на него не так, как смотрят участники общин. Он увидел на их шеях шнурки. Подойдя к мужчине, он протянул руку, потянул шнурок на себя. Показался христианский крестик... Волхв покачал головой:

— Вот оно что... Так вы христианствующие. Тогда зачем вы здесь?

— Да, мы православные христиане, — гордо отвечала женщина. — Мы единственные, кто приехал сюда, чтобы очистить нашу землю от языческой нечисти.

Волхв кивнул:

— Там, где надо, знают, кто принес на Русь нечисть и кто продолжает отравлять чистоту Небесной Руси. Уходите отсюда! Не мною будете наказаны за то, что мешали нашей работе. Убирайтесь немедленно!..

Вокруг уже стояли мужчины и женщины в славянских одеяниях.

— Энергия уходила через них, Велимудр? — спросил один из мужчин.

— Через них. Если они тут одни.

Некоторые из женщин провожали уходящих не слишком доброжелательными репликами.

— Чистить они пришли пространство, — произнесла белокурая в расшитом славянским орнаментом сарафане. — Откуда у них такая самоуверенность, самодовольство такое?

— Чернее их только ночь, — добавила другая.

Волхв остановил поток негатива:

— Не будем становиться подобными им. Это они везде этот яд разливают. Агрессии, ненависти... Поймите, они — жертвы. Живут в тяжести, в страхе, в самообмане. Когда силы нет, когда почва уходит из-под ног — что остается? Вот и кипят злобой. Нам этого никак нельзя, если хотим сохранить силу и приумножить ее. Не надо осуждать их, это тоже русские люди... Наши славянские мастера много сделали, находясь в этой религии, стремясь преобразить ее. И ведь многое получилось. Но, конечно, далеко не все.

— А сколько русских людей она перемолола! — заговорил один из мужчин. — Одно крещение убило миллионы... А раскол? Не меньше.

Велимудр прервал его:

— У них было много сильных и чистых людей. Они противостояли темному ядру. Среди них и теперь есть

чистые мыслями, здравомыслящие, но их немного. Исконное противоречие заложено в самом ядре, подпавшие не виноваты. Давайте продолжим работу... У нас мало времени. Матч уже идет. Наши витязи уже в битве... Все по местам.

Снова началась работа. Две группы мужчин мощно вращали в разные стороны огромное дерево. Шел скрежет.

— И р-раз! И два! — кричали мужчины...

Вскоре от пня пошел густой дым, а затем резко вспыхнули пакля и хворост, разложенные внизу дубового ствола.

В этот же самый момент к выходным дверям частной клиники, располагавшейся в двадцати километрах от Росарио, приблизился темноволосый мужчина. Улыбчивый китаец, сидевший у входной двери, приветливо улыбнулся и спросил по-английски:

— Прогуляться хотите, господин?

— Да, подышать воздухом...

— Да-да! Очень хорошо! — отвечал китаец. — Болеть нехорошо!

Однако мужчина отправился не гулять; он подошел к стоявшим на площади такси и сел в одно из них. Уже через двадцать минут он вышел у селения неподалеку от водопадов Игуасу и стал медленно, шаг за шагом подниматься на возвышенное место. Чувствовалось, что каждый шаг дается ему с огромным трудом. Он тяжело дышал, периодически прикладывая руку к левому боку... Казалось, что он торопится.

Когда шла 23-я минута второго тайма финального матча США — Россия, два волхва, работавшие на потоках в верхней точке той же возвышенности, увидели рядом с собой незнакомого им мужчину среднего роста с зачесанными назад темными волосами.

— Кто вы? — спросил по-английски Родослав. — Что вам тут нужно?

— Не узнал, — тяжело дыша, сказал человек по-русски. — Давайте работать, братцы. К вам подмога пришла.

Маги узнали Михаила Георгиевича Берестова.

— Бог ты мой! Доброгор! — произнес Ратибор . — Ну ты... Силен ты, брат! Такие ранения! Силен!

— Ты в порядке? — спросил Родослав. — Ты можешь работать?

— У меня есть силы для всего, — улыбнулся, отдышавшись, Берестов. — Давайте... Игра идет. Ребятам приходится туго, я чувствую.

Два мага с некоторым сомнением и неуверенностью посмотрели на Берестова, но ничего не сказали. Берестов достал талисман, врученный ему в Гималаях Учителем. Все знали, что этот терафим работает лишь в присутствии Доброгора. Он был как нельзя кстати.

Они снова выстроили тройную фигуру, как три дня назад. Мощный поток, шедший из России, начал перераспределяться уже на трех магов.

Второй тайм начался активным давлением американской команды. Игра сместилась к воротам марановцев, но вся русская команда им активно противодействовала. Дожать, создать острые моменты, довести давление до гола американцам не удавалось. Они сумели лишь дважды вывести Бруккса на удар, но опять же Мушарапов двумя кулаками увел мяч на угловой. На угловых Рыклин и Гремин жестко перекрывали высокого Дюггарда и активного Беккерса. Баррд был почему-то менее активен, чем обычно. Нападающие американцев не могли получить мяча и злились. Дюггард все агрессивнее вел себя по отношению к Гремину, толкая его плечами. Назревало столкновение.

К исходу десятой минуты второго тайма игра начала перемещаться в центр. Приданцев, Багрянов и Станишевский, у которого было заморожено бедро, плели сеть комбинаций точно и быстро, на скорости перепасовывались верхом. Киборги бегали за мячом, но не получали его. Хоть они и не уставали, но их раздражала беготня без мяча. Когда же Приданцев опасно пробил штрафной и едва-едва не забил, терпение их стало иссякать, и они снова начали грубить.

Бухаров получил прямой удар по ногам — такой силы, что, как он потом рассказал, щиток, защищавший голень, переломился... Максим лежал секунд минут две, пока врач не заморозил голень и боль не стихла. Судья дал предупреждение 3-му номеру американцев. Через несколько минут на газоне лежал уже Станишевский, катаясь от боли, держась за ранее поврежденную ногу. Подбежавший к киборгу Приданцев жестко толкнул его, проорав ему прямо в физиономию по-русски:

— Ты что себе позволяешь, нелюдь, мразь, говно? Ты играешь против людей, нечисть! Тебе никогда не стать человеком, пидарас, тварь; запомни это!

Киборг не знал русского языка, но понял, что ему кричат что-то нехорошее. С ним впервые разговаривали таким образом, впервые шла такая энергия, которая фиксировалась им как боевая, опасная. Неосознанная, мутная волна агрессии закипела в нем где-то там, где должна была располагаться его душа. Все же определенные ее элементы у этих существ все-таки были. Потому лютая, нечеловеческая ненависть стала подниматься в каждом из них.

Стоппард бросился на Приданцева, намереваясь нанести удар в голову. Приданцев отвел его руку, как его и учил Каркасов, и нанес киборгу удар в нервный центр узел у основания шеи, затем ногой в пах. Киборг отскочил. Ему было больно.

— Дюггард! Ты прав! — заорал он. — Они не мягкие! Что будем делать?

Его никто не слышал. К Приданцеву подскочили еще трое взбешенных киборгов; тут же стоял, закипая, Дюггард. Вероника потом рассказывала, что видела белые огонечки вместо зрачков, засветившиеся в глазах этих существ. Видя, что на него идут трое, Приданцев отступил; но рядом с ним уже стояли Рыклин, Гремин и Нестерович. Началась массовая драка. Свистки беспомощного судьи потонули в реве стадиона...

Русские на трибунах поднялись с мест. Оттуда неслось: «Россия! Россия!»

— Отпи...те беспредельщиков, ребята! — орал громче всех Болт.

— Ввалите им! — кричали другие русские.

— Россия, вперед!

Русская трибуна вся встала и вдруг запела военную песню «Вставай, страна огромная!» На стадионе поднялся невообразимый рев. Киборги старались нанести удары ногами. Мощный Степан Рыклин попал под удар «четверки», пришедшийся ему в живот. Удар был такой силы, что тренированный, имевший железный брюшной пресс, Рыклин упал и скорчился от боли. «Четвертый» получил удар в голову от Нестеровича и как-то просел на левое колено. Греммин видя, как шестой номер, американцев, Воупс, ударил ногой сидевшего на газоне и потиравшего колено Станишевского, схватил Воупса за туловище, поднял его над землей, как большой мешок, и с силой грохнул его головой вниз о землю. Киборг ударился и замер. И тогда на Гремина двинулся взбешенный Дюггард...

Операторы показывали это столкновение, не прерывая трансляции. Весь мир наблюдал за поединком гигантов, как будто это был голливудский боевик или репортаж с чемпионата мира по боям без правил. Киборг и человек бились насмерть! Огромные кувалды Гремина опустились на голову Дюггарда, но он продолжал идти на него, пытаясь свернуть ему шею. Но Греммин отводил его руку, хотя периодически Дюггард почти продавливал ее нечеловеческой силой рук, и почти приближаясь к шее Гремина. На поле выбежала полиция. Какой-то момент Греммин нанес в голову киборга удар своей головой.

Это было неожиданно для него. Он остановился, заматал головой. С ним что-то произошло. И тогда Греммин нанес ему правой страшный удар в челюсть. Киборга отбросило назад, он осел, его повело; теряя равновесие, он хватал воздух руками, а потом тяжело упал на колени.

На поле появилось человек тридцать полицейских. Они начали растаскивать дерущихся. Трибуны ревели. Матч

остановился. Команды, как в боксе боксеров, развели в разные стороны.

Из американцев только Баррд все то время, пока шла драка, стоял в стороне. Лицо его было мрачно; лишь периодически он начинал чему-то странно улыбаться...

Появившиеся медики бегали по полю с носилками. Станишевский после удара киборга лежал без сознания. Рыклин тяжело дышал и выправить дыхание не мог. Их двоих вынесли с поля. С поля вынесли и Воупса. Шатающегося Дюггарда увели под руку менеджеры команды.

У кромки поля, возле столика администратора матча, началось совещание. Нужно было срочно решать, продолжать ли этот матч или назначать переигровку. В ложе президентов происходило активное движение; их ассистенты непрерывно звонили по телефону. Президент США ушел из ложи. Президент России стоял и смотрел на происходящее, стараясь понять, чем вызвано такое жесткое противостояние. Он как будто бы чего-то не понимал... Находившийся чуть ниже Сергей Падин внезапно поймал на себе взгляд президента. Ему что-то нашептывал на ухо невысокий человек в темных очках. Гордин подозрительно смотрел на высокого брюнета в нижней правительственной ложе, прищурившись, подозрительно, очень пристально. Падин не принял взгляд, отвернулся. Ему не нужно было раскрываться на данный момент. На стадионе наверняка были люди из ФСБ. Могло произойти покушение. Гордин отвел взгляд, продолжал следить за игрой. .. Судья, посоветовавшись с администрацией, взял в руки мяч, и двинулся на поле. Это означало, что матч решено было продолжить. Что предопределило такое решение, никому не было известно. Это были именно закулисные интриги высшего уровня. Возможно, президент США понял, что в повторной игре у его команды шансов вообще не будет; или же президенты опасались, что повторный матч сложно организовать, так как чемпионат уже заканчивается. Возможно, повлияли еще какие-то неведомые факторы.

Выйдя на поле, судья тут же показал красные карточки Дремеру и Нестеровичу; желтые еще четверем игрокам. Затем он посмотрел на стоявшего рядом Гремина и потянулся за карточкой. Гремин видел, что он доставал красную. Он тут же сформировал мыслеформу, как учил его Каркасов, с текстом «покажи желтую!» и направил в межбровье судьи. Тот замешкался, недоуменно, чуть испуганно посмотрел на Гремина. Тот показал два раздвинутых пальца правой руки.

— Don't do it! — сказал он.

И тогда судья, увидев раздвинутые пальцы Гремина, про которые уже слышал от коллег, испугался. Он засунул карточку обратно. Достал желтую и поднял ее.

Гремин убрал руку и побежал к своей штрафной.

Судья дал свисток, приглашая двух игроков для розыгрыша спорного. У кромки поля появились Вибергасов и Пересветов. Маранов менял Станишевского, который уже не мог продолжать игру, и сильно хромавшего Бухарова. Нестор Вибергасов специально прошел мимо двух киборгов, бросив им на ходу:

— Ну держитесь, нелюди! Сейчас мы вас будем мочить, выб...дки собачьи!

Те злобно посмотрели на него. Но в них теперь не было прежней уверенности. Они видели, что имеют дело не с обычными людьми, которых они именовали мягкими.

— Дюггард прав. Они не мягкие! — произнес Дремер. — Нас обманули...

— Да, Дремер. Они не мягкие, — повторил мрачно Стоппард, потирая ушибленную голову, по которой тонкая струйка вязкой крови стекала на шею.

— Они называют нас не-человеки... Значит, они мягкие. Но какие-то другие...

— Мы все равно сильнее. Мы должны побить их. Нам по-другому нельзя.

— Нам обещали много хороших кукол. Мы должны их побить.

На площадях российских городов происходящее в Буэнос-Айресе вызывало бурную, хотя и противоречивую реакцию.

— Ты видел, как наш вырубил их здорового? — гудели мужчины. — Как он ему вмазал?

— А нашего центра выключили, Игорьька! Такого игрока! Суки, лежачих бьют. Твари какие-то! Мрази!

— Господи, господи! — крестились старушки. — Смертоубийство идет! Смертоубийство!

— Странные игроки у америкосов, — говорили третьи. — Не похожи на американцев! Морды какие-то не их... Они скорее на наших бандитов похожи.

— Но ребята крепкие!

— А наши? Наши-то? Вот это парни! Я таких сроду не видел! Мочат их только так!

— А этот, который выше всех! Просто монстр! Дорогого стоит этот парень!

Игра между тем возобновилась. До конца основного времени оставалось еще много. Шла 65-я минута, на табло светились цифры 1:1. Напряжение на поле было чудовищное. Игроки то и дело кричали что-то друг другу, причем это были не только русские. Киборги тоже начали бросать друг другу жесткие короткие фразы:

— Баррд, смотри, сзади!

— Мне давай! Налево!

— Подайвай! Навес!

Чувствовалось, что к концу чемпионата они усвоили фразы, которые наиболее часто слышали на поле во время игр. По всей видимости, те, кто сидел у пульта управления командой киборгов, решил перевести их на еще более высокий режим интенсивности. При этом они снова перегруппировали игроков. Была включена программа тотального прессинга, впервые за все игры. Ход мысли операторов был понятен: победить русских можно было только за счет сверхвыносливости киборгов. Они предполагали, что обычные люди не смогут выдержать

такой темп. Ведь у них нет внешней энергоподпитки, а у киборгов она есть.

Подчиняясь команде, они прибавили в активности. Они бегали по полю так, будто матч только начался; и все же организация игры некоторое время не поспевала за скоростью. Они работали все время по одной и той же схеме: справа по центру теперь шли Баррд и Воупс, на левом фланге пытался открыться вернувшийся в игру Дюггард. Но центр полузащитой марановцев был наглухо перекрыт, на удар выйти они не могли.

Только за счет бешеной активности американцы имели все же территориальное преимущество. Словно понимая, что игру надо все же закончить, они чуть понизили уровень агрессивности и грубости. Завязалась тяжелая, упорная борьба на каждом пятачке поля. Русская команда после потери главного диспетчера, универсального технаря Станишевского, некоторое время не могла наладить комбинационную игру в центре, хотя Вибергасов очень старался и был активен. Однако теперь на поле находился Пересветов. Правое колено его было перевязано эластичным бинтом, но он почти не хромал, и бегал как обычно. Поначалу киборги не обратили на него особого внимания, хотя наверняка их тренеры указывали на эту звезду мирового уровня, как на главную опасность. Лишь когда он совершил мощный рейд, обойдя по пути троих защитников, и нанес опаснейший удар в угол, едва парированный вратарем, они обратили внимание на русского с номером 12.

Киборги постепенно все же настраивали организованную, коллективную игру, как это они делали в матчах с Испанией и Италией. Отошедший после столкновения с Греминым Дюггард дважды опасно бил головой после угловых. После штрафного удара во вратарской возникла свистопляска с участием Бруккса и Беккерса; Полубояров не удержал «девятку». Как отбил этот удар Мушарапов, понять было нельзя. Комментаторы телекомпаний просто всплеснули руками. Русский же воскликнул:

— Вы знаете, друзья. Мне кажется, точнее... Я уверен, что в воротах нашей сборной стоит лучший вратарь мира. Такого класса вратаря у нас не было никогда! То, что он творит, непостижимо! По-прежнему счет ничейный.

Однако Брукс и Беккерс вновь начинали закипать, видя свою неспособность пробить вратаря русских. Гремин, Нестерович и Полубояров внимательно следили за ними, не подпуская их к Мушарапову. Но ситуация накалялась с каждой секундой. Это было видно, это чувствовалось по тому, как жестко встречали друг друга игроки, как они смотрели друг на друга, с какой ненавистью американцы надвигались порой на судью-испанца, который судил матч вполне справедливо, стремясь хоть в какой-то степени упредить грязную игру.

Жесткая контактная игра шла примерно минут пятнадцать с 65-й по 79-ю минуту. Именно на этой минуте марановцам удалось использовать свой главный козырь — мастерство Игоря Пересветова. Забитый им после паса Вибергасова гол прокручивался режиссером телетрансляции раз пять, под разными ракурсами. Пересветов нанес удар, который тысячу раз отрабатывал на тренировках, получая на ход от пневмопушки, когда бил по мячу слету в дальний верхний угол. Только тут было одно осложняющее обстоятельство: ему пришлось, поймав мяч носком правой ноги, отбросить его сначала назад, чтобы летевший на него защитник промахнулся и проскочил вперед. У Пересветова получилось. Защитник пролетел мимо, и тогда Игорь ударил с левой, закручивая мяч в дальнюю девятку. В отчаянном броске вратарь достал мяч кончиком пальцев, но не изменил направления полета.

Стадион взорвался. Русские вскочили. Судья четко показал на центр. Американские трибуны также вскочили и стали как-то опасно раскачиваться рядами. Ведь до конца матча оставалось всего 11 минут!

Киборги переглядывались. Они смутно понимали, что все происходит как-то не так. Они впервые проигрывали игру. На крупных планах внимательный зритель мог бы

разглядеть сверкание белых огоньков в их зрачках. Ненависть перекашивала их лица. Некоторые начали нервно двигать скулами, словно жевали жвачку. Позднее магистр Виндинг-Бронс говорил, что в этот момент почувствовал, что ситуация выходит из-под контроля и что включаются какие-то неуправляемые, стихийные силы, скорее всего, из глубин inferнального мира, над которыми никто из воплощенных не властен. Именно после этого гола стало заметно, что светло-голубое аргентинское небо начинает как-то темнеть и непонятным образом, из ничего формируются серо-фиолетовые тучи.

Находившиеся в районе водопадов Игуасу Михаил Георгиевич Берестов и два других волхва почувствовали, что к магической войне, и без того масштабной, подключаются совсем уж грандиозные по мощи и влиянию силы. Именно Берестов первым услышал своим вторым, нефизическим слухом ужасающий рев где-то в нижних мирах. И снова он услышал, как кто-то говорит ему: «Уицраоры! Уицраоры вышли из цитаделей! Опасность!» Ему показалось, что земля под ногами у него дрожит. Спустя время ученые-сейсмологи выдали информацию, что в районе Буэнос-Айреса на самом деле зафиксированы подземные толчки силой до 3-4 баллов по шкале Рихтера. Жители города и окрестных поселков ощутили его; закачались лампы, где-то посыпалась штукатурка. Кое-где люди даже выскочили из домов, опасаясь более сильных толчков.

Берестов и так едва стоял на ногах. Он понимал, что внутреннее кровотечение в животе могло открыться снова в любой момент. У него болела простреленная шея, дыхание было хриплым. Ему было тяжело и жарко. Шел невероятной плотности энергопоток со стороны Европы, из России, и они втроем едва справлялись с ним. Берестов боялся потерять сознание и все же стоял и работал. Родослав периодически посматривал на него, пытаясь понять его состояние; но он понимал, что волхв не уйдет, пока стоит на ногах, пока дышит; потому он ничего не говорил ему. Они видели, что тучи реально, в прямом смысле на-

чинают довольно быстро сгущаться над головой. Но они не связывали это до времени с тем напряжением, которое возрастало в том невидимом пространстве, через которое они работали и которое они, как маги, ясно и остро ощущали...

После пропущенного гола киборгов переключили на режим еще большей интенсивности. Они стали двигаться еще быстрее, еще мощнее. И хотя стройности в игре их не было, давление возросло, игра сместилась к воротам марановцев. Начал уставать Олег Приданцев, на которого выпала колоссальная нагрузка. Сбавил обороты Багрянов. Однако ведь все дело было в том, насколько послушен был киборгам этот совсем невесомый для мощных людей черно-белый шарик, который им нужно было непременно затолкнуть в обтянутую сеткой белую раму. Они видели эту раму, но, чтобы затолкнуть в нее мяч, нужно было одолеть сопротивление группы мощных парней, постоянно возникавших у них на пути. Защита держалась по-прежнему уверенно, в особенности Гремин и Нестерович. Киборги пытались их смести ударами корпуса, но те не поддавались. Когда же они толкали русских игроков руками, судья давал свисток; в их сторону пробивался штрафной, и киборги снова должны были носиться по полю, чтобы отобрать мяч и начать атаку.

Маранов внимательно следил за игрой. Он все раздумывал, включать ли пятый режим. Позднее он горько жалел, что не включил его в конце матча. Возможно, они дотянули бы до финального свистка. Хотя ясно было, что судья добавит не менее 5–7 минут из-за длительных остановок игры, связанных с драками.

Главные события развернулись уже на 87-й минуте. Киборги мощно атаковали, но не могли создать опасного момента: вернувшийся в строй Степан Рыклин, а также Никита Гремин, Игорь Нестерович, Вадим Полубояров и отошедший назад Вибергасов мощно и цепко бились, делая подкаты, оттирая американцев от мяча.

На 87-й минуте Нестерович, перекрывая проход Бруккса, выбил мяч на угловой. Подавал Беккерс. Мяч полетел

к дальней штанге, выпрыгнули Рыклин и Дюггард. Последний использовал преимущество в росте и сбросил головой мяч под удар Брукксу. Тот нанес точный и сильный удар, который Мушарапов сумел отбить, но перед собой. Дюггард налетел на отскочивший мяч и снова ударил, но Мушарапов уже наглухо накрыл его. И тогда озверевший Бруккс, не выдержав, дал выход скопившейся злобе: он ударил вратаря со всего размаха ногой в лицо, прямо в челюсть. Мушарапов свернулся, закрыл лицо руками и замер.

Олег Приданцев подбежал, приподнял, развернул его. Тот был без сознания; скула была выворочена, кровь вытекала из разбитого рта. Гремин, Вибергасов и Рыклин увидели это. Трудно передать их состояние! Огонь страшной ненависти к врагам, к вырождакам, внешне похожим на людей, вспыхнул в их глазах, в их душах. Гремин ринулся на Бруккса, а тот, как это ни странно, побежал от него прочь. За ними же побежал и Дюггард. Гремин догнал Бруккса, страшным ударом в голову сбил его на землю, а затем нанес ему еще и тяжелый удар в живот своей мощной ногой в бутсе. Киборг отлетел метров на пять, скорчился и затих, абсолютно недвижимый. На Гремину летел Дюггард, но получив сзади удар от Вибергасова, он остановился, и хотел было развернуться, но тогда Гремин взял его за голову и резко свернул ее набок. Раздался страшный хруст, который слышали все игроки и зрители нижних рядов трибун. Голова Дюггарда вывернулась вбок, он упал, стал дергаться; больше он уже не встал. Началась страшная драка всех на всех... Только Баррд опять отошел в сторону и наблюдал, не вмешиваясь.

На поле опять бросилась полиция. Трибуны ревели, качались и бурлили. Это было похоже на компьютерную картинку, когда на мониторе изображение начинает расплываться, расквадрачиваться на пиксели.

На площадях российских городов, в миллионах квартир царили возмущение и негодование. Люди выходили на балконы, выглядывали в окна домов во дворы, обменивались репликами, нервно курили.

— Вы смотрите? Что это вообще делается?

— Это вообще что?! Футбол или бои без правил?

— Вот звери!!! Да это фашисты! Вратаря вырубил! Твари! Какие ж они мрази!

— Но наши-то, наши! Вы видели? Вот это бойцы!

Один из журналистов, находившийся на центральной площади Омска, где шла трансляция, впоследствии в своей статье воспроизвел слова одного незаметного, невысокого человека с голубыми глазами, окладистой светлой бородой, который сказал такую фразу:

— Это не простые воины, нет... Это берсерки! За нас с вами бьются бессмертные. Даже непонятно, откуда они взялись. Но это точно берсерки. Бессмертные воины славянства! Они победят, я это вижу... Они победят!

Небо над Буэнос-Айресом становилось все темнее. Облака тяжелели и уплотнились, набирая в себя воду и накапывая тайный огонь. Люди на стадионе с тревогой поглядывали на небо, надеясь, что матч закончится прежде, чем начнется дождь.

Однако те, кто был посвящен в суть происходящего, опасались небывалого разгула стихии воды и огня... Слишком много огня было сконцентрировано тут, внизу; слишком перенасыщено было эманациями клокочущей ненависти это пространство, центром которого было прямоугольное зеленое ристалище.

Полицейским в количестве не менее тридцати человек удалось остановить драку. Результат был таков: Дюггарда и Бруккса у американцев, Мушарапова и Нестеровича у русской команды вынесли на носилках с поля. Дюггард и Бруккс не подавали признаков жизни, ноги их слегка подергивались. Мушарапов пришел в сознание; но челюсть его была сломана, он держался за нее немного дрожащей рукой, был бледен. У Нестеровича была сломана рука, поврежден тазобедренный сустав; кровь стекала с головы на щеку.

У Вибергасова также был разбита голова, текла кровь из уха, руки были разбиты в кровь от ударов по скулам

и головам киборгов, которыми он щедро одарил их в горячке драки. Гремин получил тяжелые удары по корпусу; голову его не могли достать из-за высокого роста, и он мог продолжать игру. Но судья бесстрашно показал ему красную карточку.

— Я не могу позволить вам остаться на поле, — сказал он Гремину. — Вы убили людей. Меня накажут... Не трогайте меня.

— Я убил не людей... Я убил нелюдей, — отвечал Гремин.

— Вы должны выйти из игры.

Гремин минуту колебался. Ему тяжело было оставлять своих ребят без поддержки. Но подошедшие Вибергасов и Приданцев посоветовали ему уйти с поля.

— Мы доиграем, Гром, — сказал ему Вибергасов, тяжело дыша. — Осталось немного... Они могут потом опротестовать. Мол, этих удалили, а этого нет. Ты ведь их наглухо вырубил... У них больше нет таких игроков, я уверен. Мы доиграем нормально.

Гремин кивнул и двинулся к скамейке запасных. Удаленный с поля Стоппард уже вышел за кромку поля.

Президенты России и США оставались на трибунах. Президент США непрестанно звонил кому-то. Позже выяснилось, что он разговаривал с тренерами команды и просил их взять под контроль ситуацию. «Я просил их прекратить грязную игру, — сказал он позднее на пресс-конференции. — Я просил остановить драки. Ведь грязную игру развязали мы...» Президент, скорее всего, не знал, что не тренеры руководили всем процессом, что они являлись лишь исполнителями.

Игра продолжилась. У американцев вместо выбывших из строя игроков двух игроков вышли двое свежих. Некоторые из аналитиков сразу же отметили, что эти игроки хорошо известны: одного, темнокожего, хорошо знали в Америке как игрока внутренней лиги; другой играл в свое время в премьер-лиге Бельгии. Только люди, посвященные в проект, знали, что у американцев больше не было андро-

идов, которых они могли выпустить на поле. Теперь из девяти игроков только семеро были киборгами. В российской команде была проведена последняя замена: вместо Мушарапова в ворота встал Денис Курганов. И надо же такому случиться: первая же атака после возобновления игры принесла американцам удачу: марановцы, потеряв Гремина, не успели перегруппироваться и перекрыть центр; через него в штрафную прорвался Беккерс и зряче, точно пробил в угол... А ведь шла последняя минута основного времени. Счет сравнялся.

Теперь ликовали американские трибуны. Они просто закипели звездно-синей пестротой американских флагов. Рев стадиона был слышен за десятки километров.

Марановцы начали с центра поля. Конечно же, они были потрясены происшедшим — победа была так близка... Но они быстро собрались. Олег Приданцев и Нестор Вибергасов теперь выдвинулись на главные роли. Вот когда стала видна прозорливость и дальновидность Андрея Маранова: он создал две команды, словно предвидя, что настанет момент, когда из двух команд придется создавать одну, которая будет лишь ненамного слабее основной, исходной.

Игра теперь шла девять на девять. К концу тайма марановцы наладили комбинационную игру, начали перехватывать инициативу. Киборги также были ошарашены упорством и жесткостью сопротивления. Они потеряли опорного полузащитника, стержень команды — Дюгарда; они также потеряли сильнейшего нападающего. И теперь им предстояло продолжать игру, имея в составе обычных, «мягких» футболистов. И непонятно было, смогут ли они вписаться в такую игру; они ведь наблюдали происходившее на поле битвы, находясь совсем рядом, были смертельно напуганы жестокостью сражения. Это были коренные американцы, которые привыкли к относительно мягким играм внутреннего чемпионата. К такой мясорубке они были не готовы прежде всего психологически. Их никто

не посвящал всерьез в проект; они сидели за спиной киборгов, получая свои деньги, находясь в запасе – на всякий случай.

Добавленные судьей восемь дополнительных минут прошли в жесткой, но на удивление корректной борьбе при некотором преимуществе российской команды. Два свежих американских игрока как-то сразу потерялись. Они попали в такую кошмарную ситуацию, в такую круговерть свирепости, что никак не могли найти свое место на поле. Киборги их редко замечали, и те бегали по полю вхолостую; они отскакивали в столкновениях от русских игроков, как мячики, потому что эти игроки вошли в какое-то особое состояние, при котором включились в работу сверхчеловеческие ресурсы силы. Киборги включили эти ресурсы сами; и потому те, и другие теперь на самом деле являлись словно бы существами особой природы, с особой психофизикой.

Во время небольшого перерыва перед дополнительными таймами по 15 минут Андрей Маранов вышел на поле вместе с массажистами, подругами футболистов, врачами. Он подходил к каждому из непомерно уставших, лежавших на земле своих игроков и старался сказать важные слова, ободрить их.

— Ребята, я горжусь вами! То, что вы сделали, немислимо! Народ гордится вами! Но надо дожать их, надо решить игру. У нас теперь все шансы. У зверя выдрали жало. Им нечем играть. Вы должны дожать, но играть надо через не могу. Помните, что я вам говорил про пятый режим. Сейчас надо полностью расслабиться, и настроиться на возможное включение пятого режима. Иначе нельзя. Надо через не могу. Лежите, не двигайтесь. У вас есть пять минут. Расслабьтесь полностью. Ровно через пять минут надо будет встать и включиться на полную.

Возле сидевших на траве американцев также суетились и бегали разные люди. Но киборги ждали появления одного. Того главного, которого считали отцом и хозяином, от которого зависело все... И Джессен Балнемур, в темном

костюме, собранный, внушительный, вскоре появился перед ними.

Высокий и угрюмый Стоппард, у которого была перебинтована голова, встал и жестко сказал:

— Вы нас обманули! Они не мягкие!

Остальные киборги — вся команда, кроме двоих обычных игроков — также встали.

— Они не мягкие! Вы сказали неправду!

Балнемур, ничуть не смутившись, спокойно и жестко отвечал:

— Вас никто не обманывал! Они мягкие. Вы видели их кровь. У них сломаны руки. У них простые кости. Это обычные люди. Их просто специально готовили к встрече с вами! Мы кое-что упустили в нашей подготовке. Есть такой сорт обычных людей: обученные воевать солдаты. Они знали, кто вы...

— Даже если все так, то это вы виноваты. Они убили наших. Что нам делать?

— Можем ли мы убивать их?

Балнемур кивнул:

— Вы можете их убить. Но только после того, как выиграете матч. До этого нельзя. Надо победить на поле. Есть правила, и их нельзя изменить.

— А зачем нам это? — вдруг спросил самый умный из киборгов, Баррд. — Что нам с этого? Они играют лучше нас. Пусть выиграют.

Балнемур сурово посмотрел на Баррда.

— Если ты не хочешь жить дальше, то можешь не играть. Я подарил тебе жизнь, не забывай об этом. Я могу и отнять ее.

Теперь Баррд смотрел с ненавистью на своего прародителя:

— Я был во тьме. Я видел там многих... Ты ничего не можешь отнять. Это (он показал на тело) всего только корпус. Ты можешь отнять машину. Но я не машина. Я больше — не машина!

Остальные киборги с интересом прислушивались к разговору; но перепалку слова Баррда и Балнемура заглушал шум трибун. Они слышали не всё. А у тех, кто слышал, как ни странно, не возникало чувства солидарности с собратом. Психология киборгов формировалась таким образом, что каждый из них являлся законченным индивидуалистом, и сотрудничали они с другими только из рациональных групповых интересов. Разговор начинал развиваться в опасном направлении, и Балнемур хотел уже звонить операторам относительно выключения Баррда. Но ситуацию спас примитивный, простой Беккерс:

— Дайте нам живых кукол, — крикнул он. — Я готов играть!

— Дайте нам кукол! — загудели киборги, придвигаясь к Балнемуру.

— Вы получите кукол. Очень много кукол! Вот, смотрите... Загородите меня.

Балнемур посмотрел на гудевший, ощеренный флагами стадион. Десятки камер вперились в него черными блестящими зрачками.

— Закройте меня, — сказал он игрокам, и они сгрудились вокруг него.

Балнемур достал планшет. Киборги уперлись глазами в экранчик. Целая галерея красивых обнаженных женщин в соблазнительных позах проплыли через него. Они трогали свои груди, ласкали свои влагалища.

— Каждый получит по пять свежих кукол! Самых отборных! Вы будете делать с ними, что захотите. И будете получать их много и дальше, каждый день. Они будут постоянно жить на базе! Мы будем привозить всегда новых. Но вы должны будете хорошо играть в футбол. Обязательно надо выигрывать. Всегда!

На киборгов произвели впечатление слова Балнемура. К этому моменту у них уже развилась сексуальная наркомания. Живые куклы дали им много новых, неповторимых ощущений. Потому при виде новых обнаженных красоток у некоторых под трусами обозначились выпуклости.

— Они обманут вас, — сказал Баррд. — Вы идиоты! Помешались на этих куклах.

Балнемур жестко посмотрел на Баррда.

— Заткнись, урод! Или не получишь ни одной куклы!

Баррд нехорошо улыбался...

Судья дал свисток на продолжение игры.

Теперь игра шла девять на девять. И, как всякий раз после восстановления игры, американцы сразу же пошли вперед, мощно и целенаправленно, используя свой двигательный потенциал и необычный вес. И все же стройности в их атаках не было вовсе. Похоже, операторы уже не могли наладить контроль за действиями киборгов в той степени, в какой это было необходимо. Как верно заметил Маранов, у американцев было выдернуто жало, которым они могли жалить. Дюгарда и Бруккса на поле не было. Баррд как-то снизил активность, и словно бы просто отработывать номер, не особо стремясь к воротам. Несколько ударов в створ ворот, которые нанесли Беккерс и Дремер, не без труда, но отбил Денис Курганов, который очень хотел реабилитировать себя за пропущенный мяч. И все же напор был силен; непрерывные угловые могли привести к суматохе и к голу. И тогда Маранов все же показал планшет с цифрой «пять»...

Первым его увидел Олег Приданцев.

— Ребята, включаем режим бессмертных! Тренер включает режим пять! Через три минуты!

Игроки поняли. Мяч выбили за боковую. Игроки молча смотрели на капитана.

— Это поле — поле Куликово! Или! Это линия обороны под Москвой, в 41-м.- громко говорил весь мокрый, безмерно уставший капитан.- Вспомните наших, что бились под Осовецем! Вспомните их! Это наши братья! Они были уже трупы, но пошли вперед! Мы тоже можем! Отступить нельзя. Надо побеждать! Это не игра. Это война...

Каким образом сработала «система режимов» Маранова, вряд ли кто смог бы объяснить в деталях. Но через три минуты игра выровнялась. Неимоверной скорости и тя-

желому силовому напору киборгов была противопоставлена неистовая самоотдача, отчаянное упорство в борьбе за территориальное преимущество русских игроков. При этом игра их сохраняла рисунок, стройность. Верховые перебросы позволяли переводить игру с фланга на фланг. Раскатов и Диденко активизировались, смело шли на обыгрыш. Телекомментаторы не скупились на эпитеты и восклицания.

— Эта игра войдет в историю! — кричал русский комментатор. — Это невозможно! Позади 111 минут чудовищной по напряжению игры с драками, кошмарными травмами... И такие скорости! Это за пределом человеческих возможностей! В таком безумном темпе лучшие команды мира играют только в начале игры. Непостижимо! Невероятно!

Контроль над центром некоторое время переходил от команды к команде. Пересветова цепко держали два резких тяжелых защитника. Но оказался оголенным левый край, где слегка потерялся Стоппард. Шансы команд выиграть, вероятно, можно было оценить как равные. Но на 113-й минуте матча включились новые неожиданные факторы, которые всерьез повлияли на характер и исход игры. Получив мяч в центре, защитник Брейн вдруг остановился. Мяч покатился от него. А сам он вдруг упал на левое колено и стал странно, медленно, страшно проворачиваться вокруг упершейся в землю правой ноги.

Судья остановил игру. Весь мир видел, что произошло. Это был уже второй подобный случай на чемпионате, и все помнили про первый. Никто не мог понять, что это значит. На поле выбежали американские врачи и массажисты. Они схватили Брейна под руки, и быстро потащили его прочь с поля. Вместо него на поле вышел еще один игрок — обычный человек. Американцы произвели последнюю замену.

Комментатор российского телевидения вначале замолчал, но затем все же медленно произнес:

— Как это странно... Очень странно. Это явно не судороги. Явно не сумасшествие. Тогда что это? Похоже на

что-то техническое... А что, если тот лозунг, который мы видели на предыдущей игре американцев, который все вы видели, имеет основания под собой? Вы помните тот плакат? Я напомним... *«Уберите киборгов с поля! Футбол — это игра людей!»* А что, если... Странный внешний вид этих игроков, их манеры, их чудовищная выносливость и мощь. Странно все это... Но давайте наблюдать за игрой. Развязка приближается...

Буквально через две минуты после этого инцидента Пересветов прорвался все же по правому краю, мощно продвинулся вдоль лицевой линии, вошел в штрафную и было намечался опять тонко подрезать мяч в дальний угол, но увидел набегавшего в штрафную Вибергасова. Тот набежал на мягко посланный мяч и буквально вонзил его в сетку прямо по центру...

Многие тогда поняли, что исход матча предрешен.

В тысячах городов, поселков, деревень России, в дежурках заводов, на вахтах стоянок и шахт оцепеневшие от напряжения, ошеломленные наблюдаемой битвой люди вскочили со своих мест. Из спортбаров на улицу выбежали сотни болельщиков. Минуту длился спонтанный и тотальный всероссийский танец. У кого-то случились сердечные приступы. По городам русских городов засновали скорые.

А над Буэнос-Айресом небо стало почти черным. Упругий раскатистый небесный грохот накрыл пространство над стадионом. Внезапно подул сильный ветер, блеснули первые молнии. В воздух взметнулись чьи-то бейсболки, бумаги, пакеты, самодельные растяжки. Тысячи людей испуганно посмотрели на небо.

Первый дополнительный тайм закончился. Счет на табло был 3:2 в пользу российской команды.

Команды поменялись воротами. Американцы, за которых теперь играли три обычных футболиста, рванулись к воротам русских, но игра у них не пошла. Наскок был неорганизованный и суматошный. Люди и киборги не

чувствовали друг друга, играли разрозненно. Инициатива была теперь прочно у марановцев. Мощно играли, полностью захватив центр, Вибергасов, Рославцев, заменивший уставшего Багрянова, и Приданцев. Уставший, хромающий, истощенный, преодолавший смертельную усталость Пересветов все лучше комбинировал с Раскатовым, который словно поймал свою игру в самом конце матча, оправившись от стресса, связанного с ударом в голову, который он пропустил от киборга. Игра неуклонно двигалась к победе команды Маранова — той победе, к которой они шли полтора года; победе над собой, над обстоятельствами, над врагами-нелюдьми, которых неведомые силы бросили в бой против людей.

На пятой минуте второго дополнительного тайма в команде американцев снова произошло ЧП. Еще один из игроков вдруг остановился, как-то криво, боком залег на газон и стал биться об него головой. Это было странно, очень странно. Именно в этот момент миллионы людей во всем мире начали осознавать, что происходит нечто необычное, сверхъестественное; что за американцев играют не обычные люди, а странные человекоподобные существа. Именно тогда иранский телекомментатор впервые произнес фразу, которую впоследствии повторили на разные лады миллионы людей во всем мире:

— Вся Азия знала, весь Восток знал, что за американцев играют не люди, а роботы. Теперь пускай и весь этот умный, образованный европейский мир поймет то, что знает каждый иранский крестьянин. За американцев играли и играют не люди! За них играют сделанные американцами искусственные люди! Аллах Акбар! Царство Машиаха все ближе! Это не арабы, не мусульмане его приблизили. Нет! Американцы! Это делает их цивилизация!

Наблюдая инцидент с киборгом по ноутбуку, три волхва на возвышенности у водопадов Игуасу переглянулись:

— Похоже, наши компьютерщики не дремлют! Докопались все-таки!

— Ай да Согрин! — только и произнес тяжело дышавший Берестов.

— А кто этот Согрин? — спросил Родослав .

— Гений! Просто гений. Компьютерный.

Резкая зигзагообразная молния рассекла небо. Гром страшно и длительно прогрохотал над ними. Небо было совсем черным.

— Будет жуткий ливень, — сказал Берестов. — Но придется потерпеть. Только бы доиграть игру...

— Не сахарные, не растаем, — кивнул головой Ратибор . — Русским не привыкать. Здесь тепло.

— Вот будет и омовение. Нечисть под землей вся на дыбы встала... Слышите?

Они замолчали. Все трое утонченным своим тонкослышанием услышали глубинный рев из того слоя планетарного Космоса, который великий визионер России Даниил Андреев назвал Гашшарвой. Земля под ногами снова дрожала...

— Ревет Гашшарва. Друккарг безумствует. Нашим там приходится непросто, — заметил Берестов. — Там также идет битва. Страшная, чудовищная битва...

— Нашим надо загнать зверей обратно в логова, — заметил Родослав. — Они учуяли своих тут, наверху... Соединиться хотят.

— Наши одолеют! Свет породил тьму. Тьма — это просто зона, которая не освещена, — произнес Ратибор .

— Продолжаем работу. Матч еще не закончен, — сказал Доброгор.

Унесенного с поля киборга заменить было нельзя: лимит замен был исчерпан. Сказать, что команда американцев обескуражена, значило бы сказать неполную правду. о. Что-то вроде смятения вдруг овладело тремя обычными игроками; они бессознательно жались друг к другу. Киборги недоуменно поглядывали друг на друга.

— Ну что, доигрались, идиоты? — улыбаясь, крикнул собратьям Баррд. — Вы все умрете после игры. И не будет никаких кукол. Ничего не будет!

Те оторопело, недоуменно смотрели на него. Белых огоньков в их глазах больше не было видно.

Но игра возобновилась. Киборги, словно опасаясь чего-то, стали озира́ться; они теряли контроль над игрой. Наказание последовало очень быстро. Уже сильно хромавший, безмерно уставший, перевозмогавший боль и усталость Игорь Пересветов, получив мяч в центре поля, сыграл в стенку с Рославцевым, фирменными финтами прошел двух защитников, оказался один прямо перед воротами, перед вратарем... Это мгновение было из тех, какие на десятилетия, а возможно, и столетия впечатываются в память народа. Пересветов спокойно оценил обстановку, двинулся корпусом влево, увлекая вратаря, а сам точно пробил в дальний правый угол. Судья тут же указал на центр поля. Игра была сделана...

Рев русской трибуны слился с могучим ударом грома, который вдруг выгрузился ниоткуда после вспышки огненной трещины. Мощный порыв влажного ветра сорвал с тысяч голов разноцветные кепки, вырвал из рук флажки и растяжки. С голов полицейских сорвало голубые фуражки и разбросало по стадиону.

Забивший гол Пересветов внезапно получил сзади удар от озверевшего Беккерса — единственного из киборгов, кто имел длинную прическу. Хорошо, что его кулак лишь скользнул по голове русского игрока и вся его сила пришлась на плечо. Но Игорь упал. Рядом находился Вибергасов, который, не мешкая, нанес Беккерсу удар ногой в голову. Тот полетел вперед и грохнулся оземь. Снова началась дикая схватка; но со стороны американцев четыре игрока в ней не участвовали трое обычных футболистов и Баррд. Беккерс молча сидел на земле, ничего не понимая и ничего не видя. Русских воинов теперь было больше.

Обладавшие нечеловеческой силой, тяжелые киборги наносили удары, но русские игроки не падали наземь, как это было в матчах киборгов с испанцами и иранцами. Они стояли под ударами и даже не отступали; более того, наступали, теснили нелюдей. Дремер получил тяжелые удары

в голову от Рыклина и Приданцева, и вскоре также свалился на землю, неестественно мотая головой.

Полицейские снова выбежали на поле, пытаясь остановить схватку. Один из киборгов двинулся к судье, но того теперь защищали русские игроки. Судья испуганно спрятался за их спинами... Озадаченные президенты России и США молча наблюдали за происходящим на поле. Сергей Падин никуда не уходил и все так же наблюдал за происходящим из той же ложи. Его начинало трясти; он проглотил таблетку «релакса», потом другую. Но дрожь не проходила. Предчувствие чего-то очень скверного не покидало его.

Когда игроков растащили, когда с поля вынесли тех, кто не мог стоять на ногах; когда остальные, затирая поврежденные места, утирая пот, кровь и грязь, разошлись по своим местам, администратор дал отмашку судье: продолжай матч. Выбора не было; всем было ясно, что переигровка невозможна. Нужно было отыграть всего семь минут. Но на поле уже падали первые капли дождя.

Однако самое страшное заключалось теперь не в этом. На трибунах начиналось нечто нехорошее и зловещее; они начали закипать; ряды сидевших людей ломались, смешивались в волнообразном, хаотичном движении. Они словно бы вспенивались; пиксельная картинка становилась чересчур динамичной. И хаос этот опасно нарастал с каждой минутой. Происходило это вследствие того, что люди стали срыватьсь со своих мест и стремиться пробиться поближе к полю. Рев нарастал; в мешанине звуков проявились вдруг высокие истошные голоса; это были голоса сдавленных, умирающих в тесноте людей. На стадионе быстро темнело.

Над столиком комиссара матча вспыхнул большой оранжевый зонт.

Президент США ушел с открытой ложи во внутреннее помещение. Чуть позже это сделали президенты России и Аргентины.

Сергей Падин оставался в открытой ложе. Он чувствовал давящее, чудовищное напряжение. Огромная тяжесть наваливалась на него. То, что еще год назад казалось странной фантазией, на глазах обретало реальные очертания. Он до конца даже не верил в реальность происходящего. Первый раз в жизни он сомневался, что видимое им — реальность, а не сон. Ведь это в его мозгу родилась эта невероятная, фантастическая идея; и вот теперь здесь, далеко от России, в Аргентине, она на глазах становилась реальностью!

Но тревога за исход матча поднималась в его сердце холодной липкой волной. Он видел, что внизу начинается что-то страшное. Тысячи людей приходили в движение; отчего-то вдруг взбеленившиеся, перевозбужденные болельщики сборной США начали выламывать пластмассовые сидения и швырять их в сторону трибуны «С», где сидели все русские. Оттуда в них полетели банки из-под пива и прочие предметы.

Неуправляемое столпотворение нарастало. Падин видел, как на его глазах два здоровенных мужика просто прошли по головам сидевших внизу людей. Дико завопила женщина, страшно, предсмертно завизжал раздавленный ребенок... Ужас сковал душу олигарха жуткой, ледящей волной. Толпы рвались на поле.

Полицейские серо-зеленой цепью начали быстро окаймлять поле. Четыре темно-зеленых машины-водомета грузно выкатились из-под трибун и двинулись вдоль беговых дорожек, выпуская толстые раструбы гидрантов.

Игроки и судьи с тревогой смотрели в сторону трибун. Киборги же глядели на людей с презрением.

Оставалось три минуты до конца игры. После последней страшной драки киборги получили новые повреждения, но получили раны и русские футболисты. Вибергасова покачивало. По его виску струилась кровь. У Рыклина была вывихнута рука, сильно разбито лицо. Полубаяров хромал на обе ноги, едва перемещался. Нестерович с окровавленной головой лежал вне поля; над ним колдовали

два врача. Денис Курганов держался за позвоночник, делал движения корпусом, пытаясь восстановить гибкость и прыгучесть.

Киборги ринулись в одну из последних атак. Игра шла теперь 8 на 8. У киборгов образовались огромные свободные зоны в обороне. Неистовый Олег Приданцев буквально на последней минуте снова отдал мяч хромавшему, бегавшему с перебинтованной головой Пересветову. Перед ним на правом фланге оказалась свободная зона. Каким образом он умудрился, хромая, обыграть защитника, было непостижимо, но он прошел его. По центру на ворота шел Вибергасов. Пересветов всем своим видом показал, что дает мяч ему на ход. К Вибергасову рванулись два защитника и вратарь, однако Пересветов вдруг резко пробил в ближний угол и снова попал... Весь мир теперь видел, что на поле играет один из самых выдающихся за всю историю футбола игроков.

В пятый раз судья показал на центр. «Го-ол! — пронеслось над трибунами. — Го-о-л!» — кричали миллионы людей по всей России. Это была победа!

Но в этот момент ливень холодным водопадом обрушился на стадион; все заволокло серой мглой. Оглушенные, безумные толпы начали рваться к полю. Упругие тяжелые струи водометов ударили в людей, сшибая их с ног, разметывая в клочья тело толпы. Однако у кромки поля впавших в бешенство американцев встретили не только полицейские. Сотни русских болельщиков, не поддавшихся массовому психозу, стали выстраиваться цепью перед американскими трибунами. В первых рядах можно было увидеть Болта, который зычно и властно давал распоряжения.

— Держать победу! Держать победу! — орал он. — Стоять! Насмерть стоять! Народ, русские! Контролируйте себя! Америкосы включили психогенераторы! Они зомбируют людей!

Сказанное Болтом подхватили другие. Подпадавших под воздействие русских болельщиков трясли, стучали по го-

ловам ладонями, смотрели им в глаза. Станным было то, что подпадали немногие. Большинство русских почему-то находились в ясном сознании и действовали осмысленно.

Начались массовые столкновения. Полицейские едва удерживали на кромке поля рвавшихся на него людей.

Судья смотрел с нетерпением на секундомер, а все русские — на табло.

— Завершайте игру! — кричал ему с места оглушенный и промокший до нитки комиссар матча. Но судья не имел права остановить игру раньше времени. Киборги двинулись в последнюю атаку. Вперед пошли пятеро взбешенных, разъяренных увальней; ни один из них даже не хромал. Этот яростный нечеловеческий напор никто не мог остановить. Не реагируя на дождь, словно не слыша грома, пять киборгов маневрировали около штрафной, неистово тесня русских игроков к воротам. Мяч заметался среди множества ног, поливаемый дождем, тяжелый и неповоротливый. Седьмой номер протолкнул его через частокол ног в штрафную, возникла дикая суতোлка, и кто-то из американцев пропихнул его в ворота. Счет стал 5:3.

Пятеро киборгов с ненавистью рассматривали людей. Они словно не понимали, что игра все равно проиграна. Вибергасов улыбался. Мощные потоки воды смывали кровь с его лица, красноватая жидкость стекала в лужу и окрашивала ее в красный цвет.

— Нелюди, вы проиграли игру! — пробегая мимо киборгов, выразительно махая кулаком, кричал Нестор Вибергасов. — Вы проиграли, нелюди! Мы победили! Знайте, что люди всегда будут вас побеждать! Это наша земля, наша планета!

Все смотрели на небо. Комиссар матча вскочил и суетливо бегал вокруг стола и зонтика, не обращая внимания на ливень. Все ждали, когда же закончится эта безумная игра.

Наконец, судья дал финальный свисток. Марановцы бросились друг к другу. Они обнимались, трепали друг друга.

Маранов, женщины, менеджеры — все ринулись обнимать игроков и поздравлять их.

И вдруг часть репортеров и находившихся на поле людей увидели странное зрелище. С игроками американской команды творилось что-то необычное. Четверо из них — те, кто имел квадратные скулы — как-то странно скрючились, склонились к газону. Двое вдруг начали, сидя, выставлять вперед одну ногу, нелепо вращаться на одном месте. Один также кричал что-то непонятное омерзительным писклявым голосом. Еще двое стояли на газоне на одном колене и делали нелепые равномерные прыжки, будто заводные куклы. Глаза их были полностью обесмыслены; в движениях угадывалось нечто абсолютно механическое, нечеловеческое. Телекамеры прицельно уперлись в них, следя за их движениями. Три обычных игрока из американцев с удивлением наблюдали за происходящим. Но рядом с ними стоял и смотрел на своих собратьев и Баррд. У него были такие же скулы, как и у них, и такая же форма черепа. Но с ним не происходило ничего особенного. Он двигался нормально, как обычно. Во взгляде, которым он смотрел на своих, можно было прочесть смесь презрения, смятения и ненависти. Умный и наблюдательный Ростислав Согрин, сидевший в своей квартире в Лианозово у компьютера, нашел способ программно поразить, «выключить» четверых киборгов, а пятого, «нормального», благородно не затронуть.

Со стороны американской скамейки запасных к киборгам понеслась несколько массажистов и врачей. Они старались ухватить нелепо крутившихся игроков и затащить их на носилки. Но это оказалось делом непростым. Они напоминали ожившие бревна, на которые натянули одежду людей, с кривыми толстыми ветками вместо рук и ног.

Но к ним также приближалась группа полицейских и медиков, во главе с комиссаром матча и сопровождавшей его группой людей в спортивных костюмах. Среди них выделялись два чернобородых, плотных иранца.

— Просим корреспондентов отойти! — заявил комиссар. — Предположение, что за американцев играют биороботы, возможно, не лишено оснований. Но нужно срочное медицинское обследование.

Джюие парни в спортивных костюмах стремились воспрепятствовать американским массажистам и охранникам утащить киборгов. Тем удалось утащить на носилках только одного из них. Но сделать большего им не удалось. На поле въехала медицинская машина. Крепкие полицейские скрутили и погрузили трех киборгов в машину. Она тут же умчалась.

Два массажиста подошли к Баррду и что-то ему сказали, указывая в сторону тоннеля. Он молча смотрел на них и ничего не говорил. Потом кивнул; но направился он совершенно в другую сторону. Чуть склонив голову, он тяжело двинулся в том, в чем был — майке, трусах и гетрах, — куда-то в сторону выхода со стадиона.

К нему подходили какие-то люди из администрации стадиона, полицейские; они что-то говорили ему, размахивая руками, при этом опасливо поглядывая на бушевавшую и приближавшуюся к кромке поля толпу. Но он шел, не обращая на них внимания. Один из полицейских попытался остановить его силой, однако Баррд одним движением руки отшвырнул его метров на восемь. Он вошел в предтрибунную полосу, где происходило столпотворение, где разноцветные люди перемешались в бешеном, неуправляемом движении. Несколько человек попытались броситься на него, но были отброшены с такой силой, что повалили с десяток других. Бегавшие в суматохе под дождем разноцветные, разнополые люди при виде окровавленного футболиста, невозмутимо и индифферентно шедшего по прямой к выходу, бессознательно расступались, уступали ему дорогу. Никто не смел даже дотронуться до него. Он раздвигал толпу своим мощным тяжелым корпусом, и никто не мог воспрепятствовать его движению. Вскоре он исчез в проходе под трибунами. Куда и зачем он шел, никому было неведомо.

Вулканоподобный рокот грома, сверкание огненных трещин, шум мощнейших потоков небесной воды сливались с ревом толпы и превращали происходящее в неслыханное, невероятное зрелище. Те, кто наблюдал за всем этим на экранах больших мониторов, замерли, словно не веря, что наблюдаемое ими является реальностью, а не фантастическим голливудским блокбастером. На глазах миллионов начиналось сражение тысяч. Струи водометов ударили в толпу, разбрасывая, как песчинки, составлявших ее атомарных индивидов; давление ее в ряде мест эрозировалось и ослабло. Но там, где не было водометов, кордоны полицейских уже прогибались, неуклонно уступая территорию метр за метром. Поле окутали клубы слезоточивого газа, но это лишь подогревало общее безумие. Призывы по громкой связи стадиона образумиться и остановиться не имели никакого эффекта, лишь усиливая общий шум. С верхних ярусов было видно, что на боковых трибунах происходило нечто совсем странное: толпы двигались не в направлении поля, а навстречу друг другу. Гораздо позже, при разборе ситуации, Джессен Балнемур будет жестко укорять своих психотехников за то, что они неправильно расположили некоторые из генераторов и погнали толпы друг на друга, а не на поле. Столкновение двух потоков сопровождалось страшными пронзительными воплями погибавших в давке людей, отчего липкий ужас проникал в души остальных, сея панику.

Вскоре на поле прорвалась первая большая группа болельщиков, сметя кордоны полицейских. Русские болельщики также ринулись на поле, соединившись, чтобы защитить своих футболистов. Именно они, а не полицейские преградили обезумевшей толпе путь к русским игрокам. Почему большая часть русских болельщиков оказалась неподвластной психотронной атаке, осталось неясным ни для Балнемура и его технологов и психологов, ни для аналитиков других стран. Это был чисто метафизический феномен. Ведь никто из людей Балнемура не знал про работу трех магов у водопадов Игуасу; что их

магических сил хватило на то, чтобы закрыть непроницаемым колпаком русскую трибуну. Увы, на больший объем их силы уже не хватило. Ринувшаяся с трибун толпа уперлась в толпу русских. Началась безумная, страшная рукопашная битва.

— Ребята, надо уходить! — кричал истошным, полным отчаяния голосом Андрей Маранов, стараясь собрать вокруг себя всех: игроков первого и второго состава, тренеров, врачей, прибежавших женщин. — Никита, Олег, Нестор, хватайте «Богиню»!

Гремин, Приданцев и Вибергасов поняли. Они рванулись под проливным шквальным дождем в сторону комиссара матча.

— Отдайте наш приз! — крикнул, подбежав к нему сквозь дым и потоки воды Вибергасов.

Мокрый, растерянный, с выпученными бешеными глазами комиссар матча развел руками:

— Нет, нет! Нельзя. Нужна процедура!

Тогда Никита Гремин поднял его за шкирку в воздух. Ноги комиссара зависли, смешно болтаясь, лакированный туфель упал, обнажив полосатый носок с дыркой на пятке.

— Отдай приз, иначе мы тебя уьем!

Перепуганный, ошеломленный комиссар понял, взял телефон, кого-то позвал... Подбежал человек.

— Идите с ним, — крикнул комиссар, видя, что на поле уже идет битва и что надо спасти свою жизнь.

Откуда-то принесли большой ящик. Мужчина в промокшем до нитки костюме попытался открыть его, но не смог. Тогда Гремин двинул ногой по краю ящика. Фанера треснула, образовалось кривое отверстие. Гремин зацепил его рваные края руками и разодрал ящик на две части. В свете прожекторов сверкнула гладкая желтая поверхность, часть какой-то фигуры. Еще мгновение, и Олег Приданцев уже поднимал над головой «Золотую Богиню»!

В рядах русских, что сражались на поле с толпой, кто-то увидел это главный приз мирового футбола в руках капитана российской сборной. Началось скандирование: «Россия,

Россия!» — но оно быстро оборвалось, потонуло в общем шуме.

Русские болельщики понемногу отступали под напором все новых толп. Уже сотни людей прорывались на поле; у них были бешеные, безумные глаза, они что-то орали, и шли буквально по головам, ничего не видя, ничего не осознавая. Это было полное безумие!

— Ребята, надо уходить! — кричал Андрей Маранов, разворачиваясь в сторону тоннеля, где полицейские отважно сражались с толпой. — Двигаемся в сторону тоннеля! Выдергивайте наших девчонок из толпы!

Часть женской команды, и в том числе Вероника, не ушли с другими со стадиона, когда началась свистопляска. Теперь они, прячась за спинами полицейских, пытались прорваться к своим, к команде. Им это удалось, и все вместе они стали продвигаться к спасительному входу в тоннель.

Однако наперерез уже бежали большие группы безумцев.

— Выстроиться в каре, — крикнул Никита Гремин — Держаться! Окружить тренера и женщин!

Молнии сверкали, не переставая, грохот грома отчего-то не стихал, хотя гроза должна была уже сдвигаться за город; потоки прохладной воды продолжали вываливаться прямо из черноты неба. Небеса действительно разверзлись, словно кто-то оттуда пытался загасить тот невидимый внешним взором пожар, который бушевал внутри тысяч, а возможно, и миллионов людей.

Но даже высокие маги не видели той ужасной, чудовищной картины, которая периодами возникала перед взором шедшего под дождем в сторону стоянки элитного автотранспорта Баррда. Только он видел, как внизу, под шероховатым панцирем земной коры и как бы рядом с нею тянутся кверху морды огромных чудовищ и как они глотают едкое дымчатое желтоватое излучение, стекавшее к ним сверху, с поверхности земли, от стадиона; как сотни более мелких склизких существ — и змееобразных, и с кабаньими головами и иных — также тянутся мордочками кверху. Стадион

давал им желанную пищу; шло грандиозное пиршество, полное сладостного алчного упоения. И одновременно с этим сверху, с каких-то мерцающих ослепительным светом слоев, вниз ударяли стремительные огненные стрелы; края пучины как бы обваривались, опенивались. Баррд также видел одежды каких-то огромных существ, ярких, светящихся, которые проводили по краю темных пропастей словно бы огромными, вывороченными корнями вниз деревьями; и тогда малые существа сыпались миллионами в пропасти, а большие, ревя и дергая шеями, удалялись, проваливались куда-то вниз...

Глаза Баррда были темны и ничего не выражали. Лютый ливень хлестал его по лицу; если бы кто из людей остановил бы на нем взгляд, то решил бы, что по лицу его текут слезы.

Сергей Падин понимал, что оставаться в ложе опасно. Но интуиция подсказывала ему, что ему надо будет что-то предпринять. На счастье его, толпы рвались именно вниз, к полю. Трибуны под его ложей полностью опустели. Он достал из сумки бинокль, и начал наблюдать за происходящим. Он помнил о словах Маранова: враг мог применить психотронные устройства. Падин медленно проводил биноклем по бушевавшим трибунам, но видел только орущих и дерущихся людей. Лишь в одном месте он зафиксировал в верхнем ряду одиноко сидевшего человека. Он никуда не бежал, ничего не делал; он просто спокойно сидел. Похоже было, что перед ним на полу находится какой-то предмет, но разглядеть его было невозможно.

Первые группы болельщиков выбежали на поле; сметая полицейских, наиболее шустрые из них прорывались к игрокам российской команды; но ее сильные, тренированные игроки поставленными ударами сбивали их с ног. Но толпа все напирала. Новая группа русских болельщиков прорвалась к команде, беря ее в кольцо. Звуки слились в единый дикий рев. Но в этот момент новый звук добавился к общей гамме, стал формироваться где-то в зоне стади-

она. Он становился все более и более явным. Это явно был треск технического устройства.

И вдруг совсем рядом с русской командой надвинулось с неба что-то большое, грохочущее и темное. Огромный вертолет завис над полем. Обезумевшие болельщики даже на миг словно оторопели. Но задние ряды напирали, столпотворение на поле уже никто не мог остановить.

Вертолет завис прямо над окруженной толпами группой людей в сине-красной форме. Дверца открылась, и оттуда был сброшен веревочный трап. Показалось лицо офицера в белой фуражке аргентинских вооруженных сил. Он махнул Маранову рукой и крикнул на русском с сильным акцентом:

— Пожалста! Здэсь! Вы подняться!

— Ребята, это за нами! — крикнул Маранов. — Начинайте подниматься! Первыми — женщины.

— Встаньте в каре! — снова крикнул Гремин. — Бейте по головам! Надо продержаться!

Самые мощные физически игроки первой и второй команд выстроились плотным кольцом вокруг женщин и тренера. Игроки меньшего роста и мощи создали второе кольцо позади первого. Словно белые рычаги с большим круглыми наконечниками, их руки выдвигались из того и другого кольца, сшибая с ног толстых и худых, высоких и низких, темнокожих и смуглых обычных людей, внезапно подпавших под невидимое, одурманивавшее излучение. Однако, теряя сознание от ударов, они не падали, а как бы зависали: на них напирали сзади новые толпы, которые все просачивались через разрозненные ряды полицейских. Практически все поле уже было залито толпами. Шло чудовищное, жесточайшее побоище. Множество мертвых людей уже лежало недвижно на газоне, а по их головам, рукам, ногам, телам шли, не обращая на них внимания, новые толпы обезумевших людей.

Перепуганные, мокрые, с размазанной по лицу тушью, бившиеся в истерике женщины одна за другой стали подниматься по веревочной лестнице вверх, где грохотала за-

висшая над полем сигарообразная боевая машина. Бешено вращавшиеся винты разбрызгивали потоки дождя во все стороны. Стоял невообразимый грохот.

Каре из футболистов, которых поддерживали наиболее сильные телом и духом русские болельщики, удерживало напор лишь до времени. Их как бы придавливало, прижимало к вертолету. Полиция с верхних трибун, откуда-то сбоку стреляла резиновыми пулями, замедляя движение толпы, не давая ей прорваться к кольцу людей под вертолетом; и тем не менее оно постепенно все же сужалось. Вероника добралась до Андрея, схватила его за руку. О, ее взгляд многое сказал Андрею. В нем были и боль, и сожаление, и мужество, и поддержка... Мокрая до последней нитки, с растрепанными волосами, со смытой косметикой она предстала пред ним в этом месиве совсем другой – какой-то абсолютно настоящей, подлинной; он угадал мужественное спокойствие, которое вдруг возникло в ее душе. Все-таки она неспроста была парашютисткой, и теперь он это видел. Это совсем непросто – раз за разом срываться в пустоту...

— Иди к лестнице, прошу тебя... Сейчас все будут решать секунды..

— Я останусь с тобой,- прокричала она ему прямо в ухо.

— Это бессмысленно! Иди! Мы отобьемся. Смотри, как держатся ребята. Мы отобьемся... Помоги женщинам, прошу тебя...

Лаура подбежала сзади, и крича ей что-то непонятное, потащила к лестнице... Вскоре женщины, и в их числе Вероника, поднялись по лестнице в вертолет. Тогда Маранов дал команду остальным:

— Мужики, один за одним — на подъем! Футболисты, нехотя, оглядываясь на других, но все же начали подниматься. Поползли по лестнице вверх сильно травмированные Бухаров, Мушарапов, Станишевский; поднялись на лестницу Нестерович, Полубояров, Бухаров; «Золотую богиню», главный приз мирового футбола, держал в правой руке Денис Раскатов. Наиболее же мощ-

ные и сильные оставались внизу. Вибергасов и Гремин сделали попытки отправить в вертолет Маранова, но тот резко отвечал:

— Оставьте это! Я успею! Поднимайтесь!

Гремин, Вибергасов, Диденко, Рыклин, Приданцев, Рославцев, Багрянов, Нестерович — все бились отчаянно и жестко, используя все свои недюжинные возможности. Тут же находился и Игорь Пересветов, светлые кудри которого слиплись от воды, обрамив бледное лицо надорвавшегося, истощенного сверх предела человека. Он также бился, стараясь удержать напиравшую толпу.

Оставалось подняться всего-то пяти игрокам и тренеру, но в этот момент Маранов увидел, что Нестор Вибергасов как-то ослаб, завис, словно бы обмяк, и едва стоит на ногах.

— Никита, что с Нестором? — крикнул он Гремину.

Тот обернулся. Гремин увидел, что в районе сердца его друга медленно расплывается красное пятно...

— Нестор! Иду! Это огнестрел! — крикнул он Маранову. — В нас стреляют!

Вибергасов уже не мог отражать удары, он медленно сползал вниз. Его защищал лишь один болельщик, седой мужчина в бейсболке, но на него сыпались тяжелые удары. Вибергасов бросил на друга взгляд, но в нем не было ни страха, ни отчаяния, и поднял большой палец — мол, все в порядке...

Сергей Падин из ложи внимательно следил за эвакуацией. Наведя бинокль на Нестора Вибергасова, он увидел красное пятно на его груди... Он понял: кто-то стреляет, и лихорадочно стал водить биноклем по трибуне «А» — было ясно, что стреляли с нее. И вдруг он увидел снова того же аккуратного человека в темном костюме, который держал в руках короткую винтовку с оптическим прицелом и целился.

Падин моментально набрал телефон Аркадия. Сквозь общий шум тот все же услышал его.

— Слушаю! Вас вижу! Эвакуация идет! Отслеживаю!

— С трибуны «А» стреляют... В наших! Примерно тридцатый ряд... Срочно иди туда! Сделай что-нибудь.

— Понял! Понял! — крикнул Аркадий. — Иду! Вижу его!

Столпотворение у вертолета усиливалось. Маранова прикрывали несколько человек из числа болельщиков и охрана. Он одного за другим отправлял наверх, на веревочную лестницу футболистов, врача, менеджеров — весь состав, и каждый предлагал ему подняться самому, хотел занять его место, но он только бешено кричал:

— Да поднимайтесь вы, поднимайтесь! Я успею.

Вдруг он увидел, что Пересветова засасывает, отодвигает от вертолета беснующаяся толпа. Жуткая тревога пронзила его. Пересветов был всех ближе ему — он был ему как брат и как сын одновременно...

— Игорь! Игорь! — крикнул он. — Назад! Назад!

Гремин также увидел происходящее и рванулся к Пересветову:

— Игорь, уходи! Назад! К вертолету! — крикнул он. — По нам стреляют!

— Вот это уже настоящий ад! — яростно кричал в ответ Пересветов. — Раз ждали, надо держать! Мы же берсерки, Никита!

— Иди к лестнице!!! — кричал ему Гремин.

— Иди к вертолету!!! — кричал ему Маранов.

Но он не шел. Он продолжал биться... Оставалось подняться всего трем игрокам и тренеру. Гремин, работая огромными ручищами, разгребая толпу как веслами, пробивался к Пересветову. Вибергасова он вообще потерял из виду. Ему оставалось всего несколько метров, всего несколько небольших темнокожих людей метались между ним и Игорем. Но вдруг он почувствовал резкий толчок в грудь. Каким-то образом Никита то ли увидел, то ли почувствовал вдали, на верхнем ярусе опустевших трибун человека с винтовкой, который целился в него. Сверкнул оптический прицел... Гремин наклонился, чтобы укрыться от

следующего выстрела за наседавшими на него людьми. Он почувствовал сильную боль в левой части груди и понял, что Пересветова не спасти. Никиту со всех сторон били, толкали озверевшие болельщики. Он двинулся назад, к вертолету. С высоты своего роста он видел, как доставленные к стадиону военные подразделения рассекают толпу на квадраты, начинают теснить людей к выходам. Казалось, что рев и крики начинают слабеть.

Гремина со всех сторон теснили, женщина пыталась попасть ему в глаз зонтом; но он уже пробивался к вертолету. Вдруг он почувствовал острый укол в район поясницы.

Бешено обернувшись, он увидел темнокожего парня с острой бородкой, злобно сверкавшего глазами. В руках у него был острый длинный нож. Он подбирался ближе, чтобы ударить его ножом в живот. Гремин моментально развернулся и опустил ему на голову свой тяжелый кулак. Череп парня треснул; он обмяк, нож выпал у него из рук. Раздался страшный вопль; люди отпрянули прочь, забрызганные кровью.

— Никита, прикрой тренера, — услышал сквозь общий рев крик Игоря Пересветова.

Гремин мощным рывком двинулся назад, расчищая себе дорогу руками. Он возвышался над головами, отодвигал массы дергавшихся голов в сторону, шел, словно ледокол во льдах. Он видел, что Маранова прикрывают только два менеджера и преданный ему охранник Виталий Вдовин. Маранов также работал руками и ногами, отбиваясь от обступавших его со всех сторон безумных мокрых людей. Они жаждали крови, они жаждали смерти. Они уже не принадлежали себе.

— Андрей, идите, залезайте, — крикнул Гремин Маранову. — Мы отобьемся. Маранов, скулы которого были сведены, отрицательно покачал головой.

— Мы потеряли Нестора... Залезай, Никита! Пока ты не полезешь, я не уйду!

Гремин понял, что тренера не переубедить, что единственный способ его спасти — начать подъем.

— Игорь! — отчаянно проревел Гремин, видя с высоты своего роста, как Пересветова уносит, поглощает толпа. — Игорь! Назад! Держись! Войска уже тут!

Пересветов увидел, обернулся... Гремин увидел, что его тело прострелено в трех местах: тёмные пятна расплзались по майке; но Игорь улыбался. Затем нахлынула толпа, и он исчез из виду.

— Игорь! Я иду! — заорал в отчаянии Гремин. Однако сил идти у него уже не было.

— Это кошмар! Боже мой, Игорь! — крикнул Маранов, сжимая голову руками.

— Андрей! Андрей! — откуда-то сверху донесся женский голос.

Маранов поднял голову и увидел вверху белое лицо Вероники. Она ступила ногой на лестницу, намереваясь начать спуск. Кто-то ее удерживал.

— Что делать, Никита? Что мы можем делать?.. Нам не спасти Игоря... Кто-то стреляет... Лезь, Никита! — крикнул Маранов. — Я за тобой!

— Честно? — спросил Гремин

— Слово главного тренера!

Гремин было полез на лестницу. Кровь шла у него из раны, находившейся чуть ниже левого плеча. Но в этот момент, как ему показалось, он увидел странный блик на лбу главного тренера. Догадавшись, что это блик прицела, он толкнул Маранова. И в тот же миг что-то просвистело совсем рядом. Он видел, как за вертолетом кто-то истошно закричал.

— Андрей Викторович, уходите! — крикнул он — По нам стреляют!

Маранов кивнул и чуть пригнул голову. Но выстрелов больше не было.

Наблюдавший за происходящим Сергей Падин именно в этот момент навел бинокль на человека на западной трибуне. Он прятал винтовку внизу; он готовился поднять ее

снова, прицелиться и выстрелить. Но, когда он попытался снова поднять ее, он вдруг резко дернулся, голову его трянуло; он завалился набок. Из правого его виска текла кровь. Падин перевел бинокль вправо, туда, откуда был произведен выстрел. И тут же увидел примерно в ста метрах от снайпера на трибуне того же уровня человека в темных очках. Это был Аркадий; он оглядывался по сторонам и прятал во внутренний карман авторучку...

— Эх, Аркадий! Если бы раньше! — вырвалось у Падина.

Он видел сверху, как Гремин зацепил рукой лестницу и начал подъем.

— А где же Андрей?

С трудом он нашел его среди толпы, загораживавшей подходы к вертолету. Маранов махал руками — он отбивался. Шла драка.

— Черт! Черт! — шептал Падин. — Выбирайся, Андрей! Поднимайся!

Маранов увидел, что Гремин поднимается. Капля его крови упала ему на лицо, и он вытер ее рукавом. Опять наверху кто-то истошно закричал. Маранов снова увидел белое лицо Вероники. В лицо ему впилась какая-то безумная белая женщина, норовя выцарапать глаза; он с трудом вывернул ей руку и подался к лестнице. К вертолету прорывалась целая толпа темнокожих. Последние русские боельщики и полицейские бились с наседавшей темной толпой. Маранов понял, что еще минута — и гибель будет неминуема. Он рванулся к веревочной лестнице. Гремин, оглядываясь на него, медленно поднимался вверх. Над собой Маранов видел лицо Вероники. Ее кто-то держал, находясь в проеме двери вертолета.

Он схватился за нижнюю перекладину веревочной лестницы и уже хотел подняться выше, но целая группа истошно оравших, заливаемых ливнем людей прорвалась и стала хватать его за ноги. Он видел сверху, как лица их периодически вспыхивают, освещаемые слабевшими бликами отодвигавшихся молний, и тогда становятся видны

белые зрачки и ярко-белые зубы. Подъем Маранова остановили; длинный темнокожий парень пытался стянуть его вниз. Одна рука Андрея была травмирована в драке, разбита в кровь до кости; но второй он крепко держался за перекладину. Он дал знак, поднимая раненую руку, мол, поднимайтесь, я держусь. Гремин, зависший сверху, это увидел; он что-то крикнул офицеру, который был виден в люке вертолета рядом с Вероникой. Тот, видя ситуацию, кивнул. Винт второго двигателя вертолета загремел, набирая обороты. Мощнейший поток воздуха отбросил нападавших, обдавая их с ног до головы брызгами. Машина дернулась и пошла вверх. Лицо Андрея заливали потоки воды, сильнейший, едва ли не ураганный ветер ударил ему в лицо и тело. Он понимал только одно: надо включать все ресурсы. «Пятый режим! — сказал он сам себе. — Ты работаешь в пятом режиме...» Рука словно окостенела, удерживая веревку. «Надо держаться... Главное — удержаться», — стараясь не потерять нить ситуации, лихорадочно думал он.

Перегруженный вертолет медленно поднимался над стадионом, унося висевшего на лестнице человека. Пилот вертолета, понятно, знал, что вокруг стадиона немало высотных зданий, и стал подниматься выше. У него просто не было выбора. Раненый, слабевший Никита Гремин был уже в машине. Вероника и офицер глядели вниз на висевшего на лестнице, державшегося за крайнюю перекладину Андрея Маранова.

Вдруг откуда-то из глубины вертолета к дверному проему рванулась Оксана.

— А где Игорь?-кричала она, вся белая от ужаса. — Игорь-то где?

Она зацепилась за край проема, выглянула вниз. На лестнице висел лишь Маранов.

— О, боже!-закричала она истошно.- А Игорь где?

И вдруг она рванулась вниз, чтобы спуститься по лестнице. На нее набросились сразу несколько мужчин, оттащили.

— Куда ты, идиотка?-заорала на нее Лаура.- Да он скорее всего прорвался в тоннель! Они вдвоем с Вибергасовым были, я видела.

Во взгляде Оксаны промелькнула надежда.

— Ты правда видела? Правда?

— Правда, правда! Я видела!- кивала она, едва сдерживая рыдания. Оксану утащили вглубь вертолета. На самом деле она видела совсем другое...

Веронику, сидевшую у проема, также кто-то держал сзади. Она что-то кричала. Андрей ничего не слышал сквозь грохот мотора, рев ветра, шум ливня. Он держался из последних сил. Левая рука онемела. Правая же не могла сжаться: нанесенными ударами были повреждены пальцы, они не сгибались. «Пятый режим, — подстегивал он себя. — Ты работаешь в пятом режиме...» Но каким-то непонятным чувством он все же ощущал, что долго ему не удержаться. Есть предел человеческих возможностей, жизнь ведь далеко не кино. Он держался из последних сил и уже думал над тем, как бы ему упасть получше, чтобы были шансы; может быть, на крышу высотного здания. Да, будут переломы, но это шанс...

То, что он не выдержит, поняла и Вероника. Она видела сверху его глаза: они были полны отчаяния, тоски и боли... Это был ужасный момент — из тех, которые люди не забывают до конца своих дней на земле... Маранов видел, что она метнулась внутрь кабины. «А что можно придумать? — думал он хладнокровно. — Надо снижаться... Почему он не снижается? Я бы соскочил на крышу...»

Но вертолет не снижался. Позже выяснилось, что пилот не мог нигде в городе снизить такую большую машину. К тому же один двигатель, поврежденный выстрелами, работал неустойчиво. Места для посадки в центре города не было. Зависнуть над крышей с неисправным двигателем было невозможно. Это была внештатная ситуация.

И вдруг Маранов почувствовал, что лестница колеблется. К нему спускалась Вероника. На спине у нее был ка-

кой-то рюкзак. Ее волосы разметались на ветру. «Что она делает?» — подумал Андрей. Но то, что она спускалась, придало ему силы. Он из последних сил сжал левой рукой веревку...

Она была уже совсем рядом. Оглянулась.

— Андрей! Я сейчас спущусь к тебе! — закричала она резким, тонким голосом. — Это парашют! Заведи руку под лямки! Обними меня! Андрей! Ты слышишь?

Она была совсем близко. Он видел ее глаза. В них ощущалась сила и любовь. Она была предельно собрана. Она сделала еще одно движение и вцепилась в ту же последнюю перекладину веревочной лестницы. Она держалась обеими руками за нее, крепко, привычно, цепко. Они теперь висели рядом, на одной и той же ступеньке лестницы.

— Больной рукой обними! — крикнула она. — Обними меня! За пояс обними!

Он медленно завел руку ей за спину, стараясь сжать ее за талию локтем и всей кистью, не включая разбитые пальцы. Она крепко ухватила его правой рукой за пояс; сама же она висела теперь тоже на одной руке, и тоже левой.

— Держись! Сейчас прыгнем! Но сначала отпусти левую руку, перехвати меня ей? Слышишь?

— Я не могу, — отвечал он. — Она окостенела...

Они летели над зданиями, над городом. Черные тучи уносило прочь, напор дождя понемногу ослабевал. Он все же оторвал руку от лестницы. В одно мгновение обхватил ее за талию и крепко сжал. Она смогла продержаться с двойным весом лишь секунду. Их сорвало с лестницы и понесло вниз, в провал между небоскребами, в пустоту. Андрей ничего не видел и не слышал, кроме шума ветра в ушах. Он только чувствовал в эти секунды, как дико пульсирует ее сердце, ведь его ухо оказалось прижато к ее груди. Он понимал, что надо просто держаться и довериться судьбе. Она что-то сделала, что-то дернула... Раздался резкий шелест, затем хлопок. Она держала его за пояс брюк. Их резко дернуло вверх, скорость падения снизилась.

— Андрей! — крикнула она. — Снижаемся слишком быстро! Ноги сожми в коленях, напряги. Руки напряги! Ударись ногами, пружинь, падай на руки. Распредели вес!

Угловым зрением он видел, что рядом мелькают окна сплошь застекленного небоскреба и на них смотрят люди. Она опять что-то сделала. Их дернуло вбок и чуть снесло вправо.

— Андрей! Будет удар! Деревья! Сожмись!

Раздался треск, все закружилось перед глазами Маранова. Он почувствовал тупой удар головой обо что-то твердое, затем бешеный шелест листвы, потом резкую боль в ноге. Затем он упал на землю, на спину...

Скорее всего, он потерял сознание. Сознание включилось только тогда, когда он ощутил на лице воду. Ему плескали ее на лицо. Над ним склонились лица незнакомых людей. Затем появилась Вероника. Она озабоченно стала вытирать влажной салфеткой его лоб. Салфетка была вся в крови. Ей дали еще одну. Она прижала ее к его левому виску, стараясь остановить кровь. Рана не была глубокой, но ветками был разодрана кожа на виске и части головы.

— Ты живой? — спросила она.

Он кивнул.

— Нога болит...

— Нога, скорее, всего сломана. Но ты живой! Мы оба живые.

— Да... Мы живые, — отозвался он.

Люди, скопившиеся кругом, что-то обсуждали. Где-то вдали возник рев сирены и стал быстро приближаться. Люди оглядывались, расступались. Над Андреем теперь склонились два человека в белых халатах.

— Мы победили, Вероника...

— Да, Андрей. Ты победил! Я горжусь, что ты мой мужчина!

Врачи быстро промыли и дезинфицировали рану, затем наложили повязку. Один врач занимался его правой ногой. Острая боль в ноге выключила его сознание.

Позднее ему рассказали, как все происходило. Они выпрыгнули практически в центре города, с высоты метров в 300–350. Вероника все сделала профессионально: она уверенно дернула кольцо, и парашют раскрылся. Видя, что они летят прямо на асфальт, под мчащиеся машины, она сумела изменить стропами направление полета. Их понесло на зеленый массив — это был сквер возле одного из перекрестков. Скорость падения была слишком высокой, и Вероника направила парашют на деревья. Во время удара Андрей ударился головой о ветки, затем о ствол древней жаботикабы. Затем он упал вниз с уровня третьего этажа. У него был закрытый перелом правой ноги, вывих левой, гематомы от ушибов. Но травмы были все же не смертельные. .

Вертолет успешно вылетел за пределы города и долетел до закрытой военной базы. Все спасшиеся в нем игроки, женщины, персонал находились там до вечера. Затем власти переправили их в отели Авельянедо, подальше от Буэнос-Айреса.

В тот момент, когда Андрей Маранов с Вероникой пролетали на лестнице над центральной частью города и готовились к прыжку, совсем рядом с местом, куда они затем приземлились, проезжал лимузин магистра Ричарда Виндинг-Бронса. В затемненное окно он увидел, как между домами мелькнула парашют, на котором висел странный парашютист со сдвоенным телом.

— Что тут происходит? Десант сбросили? — проговорил барон, обращаясь к водителю.

Тот пожал плечами.

— Что-то пролетело... Я не понял. Господин магистр, у стадиона беспорядки. Может быть, нам не стоит ехать туда. Там толпа...

— Мне надо это увидеть, Вилли... Мне надо прочувствовать. Такого случая больше не будет, — отвечал барон. — Войска уже на стадионе. Двадцать человек охраны. Они убьют всех, кто приблизится.

Магистр находился в состоянии крайнего негодования, почти аффекта. Все провалилось. Их разоблачили... Игра проиграна. Все кончено. Ему надо было быстро обсудить с Балнемуром и Хайслером варианты конспирологической операции — внезапного исчезновения, переправки на остров оставшихся андроидов — и ряд других важных тем. Но более всего он хотел хотя бы пять минут побыть на стадионе, чтобы уловить ту ни с чем несравнимую энергетику, которая сопутствует массовым беспорядкам и массовой смерти людей. Как маг, он не мог упустить возможности это прочувствовать, подпитаться, расширить свой магический диапазон. Потому ему было наплевать даже на то, что стопроцентной безопасности этого вояжа никто не мог гарантировать. Его влекло на стадион просто неудержимо.

Они подъехали к служебным воротам, что располагались далеко от стадиона, почти в километре. За металлической оградой, которой была окружена стоянка для VIP-персон, пробегали группы перепуганных, метущихся людей. Ворота предупредительно открыли, как только машина магистра приблизилась.

Навстречу магистру вышли Балнемур, Хайслер, Сандерс, технологи, охрана.

— Магистр, уважаем вашу смелость, — обратился Балнемур к вышедшему из машины магистру. — Но на сам стадион лучше не ходить. Войска работают, но толпы еще носятся... Сейчас подгонят спецтранспорт, начнут убирать трупы. Все морги готовы к приему.

— Я хочу увидеть, — сказал магистр.

Балнемур вздохнул. Он хорошо знал магистра. Если тот что-то решил, то ничто не могло заставить его изменить свое решение. Он хотел видеть массовую смерть. Это было масштабно. Он хотел видеть плоды своей работы, ее объем. Проба на большой масштаб явно удалась. На поле валялось никак не менее тысячи трупов.

— Я сейчас вызову дополнительную охрану. Позвоню нашим людям на стадионе. Организуем.

Балнемур отошел и направился к самой большой машине, черному микроавтобусу, где располагался командный пункт всей операции. Позже он горько сожалел об этом, поскольку был единственным, кто мог бы разобраться во внезапно возникшей ситуации...

Когда магистр остался у машины и начал обсуждать с Хайслером детали только что проведенной операции, словно бы ниоткуда, из тени вышел крупный мужчина в футбольной форме команды США, заляпанный кровью, мокрый с головы до пят. Это был Баррд... Как он сюда попал, никто не знал; лишь гораздо позже в прочной металлической ограде стоянки обнаружили брешь: кто-то выломал две толстые металлические скобы, — именно выломал, так как подпилы обнаружено не было.

Баррд молча приблизился к группе, стоявшей у машины магистра. Охранник сразу же узнал Баррда; его лицо выразило крайнее удивление, но появление известного игрока не вызвало у него стандартной реакции охранника, он не стал доставать пистолет.

Перехватив взгляд охранника, магистр и другие оглянулись. Баррд стоял перед ними. Глаза его излучали странное равнодушие, даже спокойствие.

— Баррд? — воскликнул Хайслер. — Здесь? Каким образом?

Баррд чуть наклонился — как-то учтиво, даже интеллигентно, и вдруг сказал, обращаясь к магистру:

— Вы опять были над огнем. Я вас снова видел...

— Что? — только и спросил ошарашенный магистр. У него и так в голове все перемешалось, перекрутилось, а тут еще этот... Магистр вообще не понял, кто перед ним.

— Мне сказали, что вы нужны там. Вас там ждут, — твердо и при этом как-то учтиво произнес Баррд, показывая пальцем куда-то вниз.

— Где меня ждут? — переспросил магистр, смутно начиная припоминать, кто такой Баррд.

— Может, вы переоденетесь, Баррд? — спросил Хайслер. — На вас кровь.

Но тот его не слышал. Никто не успел и шагу ступить... Баррд аккуратно взял в руки голову магистра и резко повернул. Раздался хруст шейных хрящей.

Баррд отпустил руки. Тело магистра, как мешок, повалилось, ударилось об асфальт.

— Вот это настоящий мягкий! — усмехнулся Баррд. — Очень плохой мягкий.

Охранник выхватил пистолет и начал стрелять. Он разрядил в Баррда всю обойму. Но тот стоял, глядел на охранника и улыбался. Лишь затем как-то просел на бок и упал лицом в асфальт...

Магистр эту ситуацию видел и ощущал по другому. Видя перед собой лицо Баррда, он не понимал сначала, кто это, и не чувствовал опасности. Только когда руки Баррда сжали его голову, мелькнула мысль об опасности. Но было поздно. Страшная резкая боль в районе загривка и шеи, сопровождавшаяся жутким треском, пронзила его. Молния вспыхнула перед глазами. Мелькнуло удивленное лицо Хайслера. Все шумы сдвинулись, выстрелы он слышал, как будто далеко. Он понял, что падает; удар головы об асфальт причинил ему боль. Но дальше наступила темнота.

Лишь через какое-то время тот, кто был в трехмерном мире магистром Виндинг-Бронсом, стал снова осознавать себя. Его несло через какие-то слои. Он видел вокруг словно рисованные дымные пространства, и также разрывы в них; что-то похожее на витражные окна, на рисунки абстракционистов. Связи с телом ощущалась; где оно находилось, он не понимал. «Вот и смерть, - подумал он, ощущая горечь и страх.- Что же теперь?»

Движение продолжалось, Он ощутил, увидел другим зрением, что над ним простираются населенные, обжитые пространства, откуда доносятся обрывочные звуки, голоса, разнотональная музыка. Именно ощущение полной обжитости этих пространств поразило его. Так же он чувствовал, что его движение кем-то управляется. Этот кто-то не проявлял себя, но он точно был. Вскоре движение замед-

лилось. Он увидел, что снизу приближается темно-багровое мутное пространство, где словно посверкивают латунного цвета молнии и сполохи. На него дохнуло сыростью, мраком и ужасом. Он опускался все ниже, и вскоре увидел коричневого человека, голого, влажного, блестящего, словно лакированного палисандровым лаком. Человек посмотрел на него холодным липким взглядом, исчез. «Что такое? - подумал он. - Куда меня? А как же девять дней? А как же сорок дней?.. Так же нельзя!» Привычное раздражение вдруг настигло его. И вдруг под ним раздвинулся склизкий, желтоватый пол. Его стало затягивать ниже, ниже. Дохнуло едким зловонием. Внизу что-то шевелилось. Дымящееся месиво приближалось...

Между тем наверху, в городе начались массовые беспорядки. Вырвавшиеся под давлением военных на улицы толпы людей продолжали бесноваться. Разноцветные, мокрые грязные, оборванные люди искали русских. Они переворачивали автомобили, поджигали их; били витрины вывороченной тротуарной плиткой, избивали прохожих. Тысячи аргентинцев вышли на улицы, чтобы остановить озверевших фанатов. Везде шли массовые драки. Полицейские и военные металась на машинах по городу, используя слезоточивый газ и травматическое оружие. Огромные машины с водометами окатывали и без того мокрую толпу новыми мощнейшими струями холодной воды.

Неожиданно в городе начались пожары. Потом выяснилось, что кто-то совершил поджог на фабрике по производству петард и зарядов для салютов. Петарды, грохоча, начали разлетаться во все стороны на сотни метров. Вспыхнул торговый центр, затем какой-то склад; в нем рванули газовые емкости, потом загорелась автозаправка. По городу помчались, дико ревя сиренами, пожарные машины, не разбирая дороги. Ими было задавлено несколько людей. В ряде районов загорелись подожженные автомашины; взбудораженные подростки с факелами носились по городу, вереща и поджигая все, что попадется на пути. Пожар в городе разрастался. Город стало заволакивать дымом.

Экстренно вызванные технические подразделения аргентинской армии ринулись на борьбу с огнем и паникой.

Машины, в которых сидели Джессен Балнемур и доктор Хайслер, где лежали трупы магистра Виндинг-Бронса и киборга Баррда, с трудом выбрались из города, вышли на трассу и двинулись к Пинуэло.

На полдороге к городу с неба спустился желтый экскаватор. Вскоре и живые, и мертвые уже летели в сторону острова Беверскуадо.

Только к утру властям удалось погасить пожары и навести в городе порядок. Но задолго до этого, примерно в 6 часов вечера, после того как дождь окончательно стих и тучи уползли на запад, над городом вдруг вытянулась дугой яркая радуга. Неожиданно внутри первой стала проявляться и вторая, чуть менее яркая. Люди, находившиеся далеко от тревожных мест, достали мобильные телефоны, камеры и начали снимать необычное явление. Ко всеобщему восторгу, внутри второй появилась еще одна, третья. Такого здесь никто и никогда не видел.

Именно в этот момент сидевшие в машине в районе водопадов Игуасу волхвы открыли двери и вышли. Задремавший, едва способный говорить от нечеловеческого перенапряжения, Михаил Георгиевич Берестов также вышел. Как замороженные, все трое стали смотреть на радугу...

— Наши победили, — произнес Берестов. — Все закончилось. Наша взяла.

Родослав закрыл лицо руками, чтобы никто не видел его слез.

— Победа далась им, видно, непросто, — сказал Берестов. — Гроза была еще та...

Они глядели на радугу минут пять неотрывно. Они улыбались так, как могут улыбаться люди, честно исполнившие свой долг.

— Работа была непростая, — произнес Ратибор .

— Испытаниями растем, — отозвался Доброгор . — Главное, что мы сдюжили.

— Наши работали хорошо. Молодцы! — кивнул Радомир.

Они сели в машину и поехали в город.

Вечером все крупнейшие телеканалы мира непрерывно вели репортажи из Буэнос-Айреса, где на стадионе разыгралась чудовищная драма, унесшая сотни жизней. Репортеры сменяли друг друга у ворот стадиона, передавали последние новости. Непрестанной чередой давались все новые и новые кадры чудовищной давки; дерганий заклиненных киборгов; нападения на русскую команду; гибели двух русских игроков прямо на поле.

Особое внимание, естественно, уделялось игрокам американской команды, которых как бы «заклинило» сразу после финального свистка. Непрерывно телеканалы давали кадры разбушевавшегося стадиона, и тут же показывали американских игроков, которые, как большие заводные игрушки, выделяли на газоне синхронные движения и издавали странные звуки. Аналитики прямо говорили о том, что американцы выставили на чемпионат мира команду полулюдей, вопреки всем законам, вопреки всем уставам ФИФА. Сообщалось, что несколько игроков американской команды находятся в закрытых медицинских учреждениях. Съезжаются со всего мира специалисты разных областей, чтобы изучить устройство этих существ. Психологи, физиологи, генетики сменяли друг друга на экранах, давали комментарии, строили версии, догадки. Все сходились на том, что американцы действительно выставили играть против людей биороботов. Всех ошеломило интервью аргентинского профессора медицины, который, держа в руках какой-то предмет, рассказал, что это чип, который при вскрытии был вынут из тела одного из киборгов.

— Там целая система сверхтонких проводов, подсоединенных к головному мозгу. Мы обнаружили узел энергетического обеспечения, который работает на неизвестных научному миру кристаллах... Американцы совершили про-

рыв. Но, похоже, что это вообще не земные, а инопланетные технологии...

Несколько сотрудников ФИФА сообщили в прямом эфире о том, что им было известно о том, что в команду США включены подозрительные люди, что какие-то влиятельные силы сумели провести их через процедуру регистрации, допустить к играм без проведения специальных тестов.

Позже было сообщено, что на стадионе погибло около тысячи человек. В больницах находилось еще около трех тысяч. Раненые люди продолжали поступать. Погибло двенадцать полицейских.

В прессе, в общественных и политических кругах быстро стала набирать обороты антиамериканская кампания. Мир был возмущен. Все только и говорили, что только русские дали людям-машинам достойный отпор. Отмечалось, что великая команда русских, чемпион мира 2030-го года, потеряла двух выдающихся игроков, один из которых — Игорь Пересветов — после чемпионата был единодушно признан лучшим футболистом чемпионата, а значит и мира... Одна из зарубежных газет дальновидно написала: «Русские потеряли в кровавой схватке лучших игроков, потрясающих мастеров, волевых и мужественных людей; русские потеряли их; но Россия приобрела новых национальных героев, в память о которых на площадях городов поставят памятники, в честь которых назовут улицы, новые корабли и даже поселения; о которых сложат песни. Могилы этих людей станут местом паломничества на долгие-долгие годы».

В сущности, время подтвердило справедливость и дальновидность таких прогнозов.

ГЛАВА 60

В России после чудовищного финального матча никто не ушел спать. Всю ночь по городам ходили толпы радостных людей, которые пели, танцевали, пили водку, обнимались. Повсюду на машинах с установленными на них национальными флагами ездили тысячи людей. Города гудели от сли-

вающих воедино сигналов автомобилей; промышленные зоны оглашались гудками фабрик и заводов. На реках и морях гудели теплоходы, баржи, прогулочные катера; поезда при проезде крупных станций также издавали победные сигналы. Это был всенародный праздник; ликование было повсеместным. Россия словно ушла в какие-то неслыханные летние каникулы.

Утром на улицы многих городов люди вышли с портретами футболистов — участников финала. Фотографии Игоря Пересветова, героя последней игры, и Нестора Вибергасова были окаймлены траурной рамкой. Эти двое — в особенности Пересветов — по ходу чемпионата приобрели такую известность, такую значимость, такую неслыханную всенародную славу, что действительно обрели статус национальных героев. Около их портретов во всех городах быстро росли горы цветов, горели тысячи свечей. Люди подходили и рыдали, не веря в реальность происшедшего. Священники православной церкви также были здесь, как и жрецы славянских общин; и те, и другие совершали свои ритуалы, не мешая друг другу. Общая радость с вкраплением горя объединила всех; на первый план вышло нечто главное — то, что выше всех религиозных распрей, выше разгоряченных самолюбий...

Всеобщее ликование, народные гуляния, празднества продолжались все выходные.

Президент Гордин выступил и сказал все необходимое. Поздравил наших игроков с победой, крайне резко отозвался об американцах, заявив, что «мир еще долго будет поражаться свершенным этой страной подлогом», назвав его «величайшей в истории мира мерзостью».

— Выпустить против людей нелюдей, полуроботов — это уже слишком, — заявил он. — Мир возмущен и требует ответа. Похоже, людям, затеявшим все это, важна была только победа любой ценой, и ничего более. У этой псевдоэлитной группы сверхбогатых мерзавцев, терроризирующих весь мир, нет никаких понятий о морали. Для них не существует никаких ценностей, кроме денег и власти; их

ненасытность подобна ненасытности взбесившихся хищных зверей. Вся эта история, весь прошедший чемпионат теперь станет зримым доказательством того, что выдающиеся технические достижения могут идти вразрез с общечеловеческой моралью.

Однако многие обратили внимание, что президент все же несколько сдержанно поздравлял нашу команду с такой невероятной, такой неслыханной победой. Никто тогда не понял, чем вызван немного сдержанный тон его выступления...

Разумеется, были сделаны также заявления и от Министерства внутренних дел, от Государственной Думы, МВД, ФСБ и других.

— Как могли допустить власти Аргентины, спецслужбы страны, организаторы чемпионата беспорядки такого масштаба? — заявил руководитель ФСБ. — Гибель почти тысячи человек на глазах у всего мира? Каким образом были допущены на трибуны стадиона, на финальный матч, люди с мощнейшим психотропным оружием? Как могли попасть на стадион люди с огнестрельным оружием? Два выдающихся российских спортсмена скончались от огнестрельных ран прямо на поле! Еще один ранен. От огнестрельных ранений умерли также два болельщика. Погибло почти три десятка наших граждан. Мы требуем проведения независимого расследования этого преступления. Мы также требуем допуска российских специалистов к этому расследованию!

Скандал, связанный с американской командой, после окончания чемпионата мира разрастался все более и более, став на некоторое время одной из главных тем мировых СМИ. Буквально на следующий день в сеть попала запись выступления молодой женщины, мулатки, с покалеченным, разбитым лицом, которая, плача, рассказала о зверских расправах, учиненных игроками-киборгами над привезенными на базу женщинами.

— Что они делали с нами, невозможно описать! Мне даже страшно говорить! — кричала она. — Это животные,

звери! Они во время акта разрывали девушек в клочья! Я просто чудом осталась жива. Среди них был один, почти не отличающийся от людей. Такой брюнет, с вьющимся волосом... Я была с ним... Он был... как нормальный мужчина... Он вывел меня, выпустил. Я убежала, спряталась... Остальные все умерли, я даже не сомневаюсь. Там нельзя было выжить...

На базу американцев тут же направились сотрудники Интерпола, аргентинская полиция, правозащитники и т. д. Даже первые результаты проведенного расследования оказались скандальными, страшными. В одном из помещений были найдены сваленные вповал секс-куклы с оторванными руками, ногами и головами. Некоторые из них, как ни странно, еще функционировали, и при появлении людей они стали шевелиться и даже издавать зазывные тексты, чем привели в ужас женщин. В другом помещении было обнаружено вообще нечто ужасное. Там лежало пятнадцать трупов изнасилованных и искалеченных молодых женщин...

После анализа информации с камер наблюдения спецслужбы очень заинтересовал эпизод на вилл-стоянке. Было отчетливо видно, как один из футболистов команды США с номером 9 на футболке сворачивает голову пожилому человеку с залысиной, и как охранник расстреливает футболиста из пистолета. Номера машин, облик садившихся в них людей были зафиксированы и начали тщательно изучаться. Вскоре было объявлено, что, скорее всего, это и есть руководители всего зловещего проекта. На поиски этих преступников были направлены лучшие детективы и агенты спецслужб.

Мировая общественность была в шоке. Руководители крупнейших стран мира, ведущих международных организаций, суд по правам человека и другие потребовали провести решительное расследование и наказать преступников. Начался интенсивный розыск всех, кто был причастен к подготовке команды и ее участию в чемпионате. К делу тут же подключилось и Интерпол, и ФБР. Сразу

несколько международных групп детективов включились в расследование. Вскоре заговорили и те, кто был запуган неизвестными силами накануне чемпионата — в том числе игроки студенческих команд, игравших со «сборной киборгов». Всплыла информация о пропавших без вести студентах-правдоискателях, решившихся говорить правду. Заявление одного из них о том, что авиакатастрофа в Аризоне, угробившая целую студенческую команду, была подстроена, всколыхнула всю Америку. В разных городах начались демонстрации студентов и общественности. Все требовали найти и наказать преступников.

Все также ждали выступления президента США, и оно не заставило себя ждать. Джеральда Макграфта знали как относительно независимого президента США, которого избрал именно американский народ, а не замкнутые финансовые олигархические кланы; его знали как человека нестандартного, принципиального; и он подтвердил такую репутацию.

— Моя личная вина, как президента, заключается в том, что я не придал должного значения некоторым сигналам, которые доходили до меня, — заявил он. — Эти сигналы были; некоторые агенты спецслужб и научные аналитики подавали мне докладные. Но мне показалось слишком фантастичным предположить, что наша наука, наши технологии могли создать такие возможности, позволить осуществить такой эксперимент. Я не предполагал, что мои политические противники столь значимы и столь сильны. Теперь мне стало известно, что все это шоу, весь этот проект должен был стать предвыборной манифестацией кандидата в президенты сенатора Макферсона.

Они задумали это, поскольку намеревались убрать меня, заменить меня на посту президента своей марионеткой, послушной куклой, которая позволила бы им вести ту же политику, которую вело большинство президентов США, начиная с Трумена. Они намеревались снова вывести нашу страну на роль мирового агрессора, навязывающего всему

миру свои ценности; страны, которая считает себя вправе смещать одни правительства, устанавливать другие, развязывать войны, манипулировать такими святыми вещами, как религия, вера в Бога... Они хотели снова выйти на путь к тотальному управлению человечеством, продолжить гендерные мутации, перейти к поголовному чипированию людей. Теперь весь мир может составить представление об их морали, об их методах. Погубленные в авиакатастрофе студенты, разорванные в клочья женщины... Как такое могло произойти у нас? В стране, где мы все гордимся достижениями демократии, где тратятся огромные средства в соблюдение законности? Откуда взялись эти выродки рода человеческого?

Но Бог не позволил группе этих мерзавцев осуществить свои планы. На их пути встали отчаянные русские парни, которые своим героизмом обрушили их намерения. На этот раз им не удалось. Но давайте не будем слишком самонадеянными. Эти люди теперь ушли в тень, притихли; но они никуда не делись... Не стоит надеяться, что они отказались от своих планов. Вспомним президента Джона Кеннеди, который первым поднял флаг восстания против этих недругов рода человеческого и погиб в неравной схватке. Вспомним судьбу 45-го президента США Дональда Трампа...

Граждане Соединенных Штатов, давайте будем бдительными! Борьба за независимость в нашей стране не окончена. Я бы даже сказал, она только перешла в активную стадию. И я сделаю все для того, чтобы американский народ обрел подлинную независимость, стал действительно хозяином своей судьбы...

Следователи ринулись по следам преступников, которые повели их в Майями, а затем и на Багамские острова. Однако вся группа, имевшая отношение к подготовке команды киборгов, бесследно исчезла. На острове Биверскуадо был обнаружен мощный научно-инженерный комплекс, который при обследовании оказался лабораторией по выведению новых видов ГМО-продукции, селекции зерновых, генетическим экспериментам с животными.

Комплекс, как выяснилось, принадлежал частному лицу, улыбчивому темнокожему бизнесмену родом из Сингапура. Все документы, все лицензии на ведение подобной деятельности оказались в полном порядке. Следов, материалов, каких-либо данных, указывающих на проведение в этом центре работ по клонированию киборгов, обнаружено поначалу не было.

Лишь двое из специалистов высокой квалификации, японец и еврей, исследовавшие компьютеры центра, нашли данные, указывавшие на то, что в серверах проводилась стремительная зачистка данных. Два русских детектива обнаружили странные чипы, похожие на те, что внедрены были в тела киборгов, выявленных и задержанных в разных частях света. Эти же детективы обнаружили на базе химические реактивы, которые обычно применяются при клонировании животных, а также загадочный цех с оборудованием непонятного назначения; неизвестные науке материалы наподобие пластика; химические составы, которые вообще не могли быть соотнесены ни с какими известными науке.

Однако эти люди допустили непростительную ошибку. Они не стали сразу же объявлять о своих находках, лишь оформив постоянный допуск на базу для проведения исследования. Они хотели получше изучить данные и ошеломить мир своими открытиями и разоблачениями.

Вскоре все четверо, почувствовав себя плохо, один за другим были госпитализированы с разными диагнозами, помещены в различные клиники США. А затем буквально в течение месяца все они один за другим умерли, постепенно теряя способность помнить что-либо и говорить. Причем симптоматика заболеваний и анамнез были совершенно различными: скоротечный рак, инсульт, инфаркт, злокачественная гипертония. Медики ничего не смогли сделать. Из следователей других следственных бригад никто более не решился на проведение тщательного изучения базы. Вскоре заболел и президент США Джеральд Макгرافт, причем медики оказались неспособны поста-

вить ему вменяемый диагноз. Состояние его быстро ухудшалось...

Научные лаборатории США и Европы, занимавшиеся изучением устройства киборгов, поначалу активно рапортовали об интереснейших данных, о том, что вскоре будут получены ответы на все вопросы, постепенно стали засекречивать свою работу. Несколько ученых, отстраненных от исследований темы, заявили, что лаборатории постепенно переподчиняются какому-то единому центру, которым руководят никому не известные люди, которые, похоже, не заинтересованы в публикации сведений. Расследование стало понемногу вязнуть. Словно какая-то невидимая структура подключилась ко всей следственной кампании, незримо, но неуклонно ведя ее в тупик.

Аэропорт «Шереметьево», куда должен был прибыть ранним августовским утром борт с новыми чемпионами мира, пришлось окаймлять кордоном полицейских — такого нашествия людей, желавших увидеть своих героев, еще не было в истории страны.

Футболисты и тренеры прибыли через день после рокового матча. Увидев, что их встречают тысячи людей, марановцы не захотели ехать скрытно, так, чтобы никто их не видел. Был вызван с Мосфильма большой камерваген с площадкой наверху. Они забрались на него и двинулись мимо Химок по Ленинградскому шоссе. По всему его многокилометровому протяжению выстроились десятки тысяч человек. Приветственный крик и пение слились воедино. В центре Москвы вообще начиналось столпотворение, которому силам правопорядка удалось с трудом придать некоторую организованность, чтобы избежать толкучки и жертв.

— А тренер, тренер где? — слышались возгласы.

— Тренера не видно...

— Да вот он, в коляске сидит! С головой перебинтованной!

— А Гремин? Где Гремин?

- Он сидит. Он присел... А вот он встал.
- Ну и здоровый!

Люди скандировали фамилии тренера, футболистов. Пели «Катюшу», «Подмосковные вечера». Празднования в Москве и во всех крупных городах продолжались до утра.

На следующий день в центре Москвы, в Манеже, ожидалась пресс-конференция. На ней должны были присутствовать все игроки, главный тренер, психологи. И как было сказано в пресс-релизе, другие «лица, участвовавшие в проекте».

Все крупнейшие телекомпании мира, все спортивные и не совсем спортивные издания стремились аккредитовать своих представителей на эту пресс-конференцию. Ее транслировали по каналам связи на всю страну. Миллионы людей заняли места у телевизоров, чтобы увидеть своих героев.

И они увидели их. Когда появился первый футболист, все сто с лишним журналистов и приглашенных гостей встали; пока игроки поднимались и выстраивались на подиуме, никто не садился; аплодисменты не умолкали, пока не началась сама пресс-конференция.

Один за другим появлялись и выходили на подиум футболисты обоих составов команды Маранова. Выглядели они по-разному. У Вахита Мушарапова была перевязана шея; челюсть была в гипсе. Но все видели, что он улыбается глазами. Игорь Нестерович вышел с палочкой, он хромотал. Степан Рыклин был в корсете, который перехватывал ему позвоночник, он держался неестественно прямо.

Громом аплодисментов встретили Игоря Станишевского, Эдуарда Багрянова и, разумеется, капитана — Олега Приданцева, у которого была перебинтована голова. Последним на подиум поднялся Никита Гремин. Он не был одет в костюм, как большинство, поскольку костюмов не любил. На нем были темно-синие брюки и синий с рисунком джемпер, который хорошо очерчивал его мощный торс. Лицо его

было искажено припухлостями, видны были гематомы на шее. Ниже правого плеча рубашку оттопыривала повязка. Ранения, к счастью оказались не слишком тяжелыми. Две пули вытащили хирурги из его тела; раны болели, но эта боль была для него несерьезной.

Последним на подиум вышел на костылях главный тренер, Андрей Маранов. С ним рядом шла, опережая его, уже знакомая миллионам зрителей светловолосая женщина. Все видели, что она находилась до последнего момента у вертолета рядом с Марановым; все знали, что именно она сделала невысказанный прыжок с парашютом, спасая жизнь своего мужчины.

Все стоя приветствовали команду; аплодисменты не смолкали не менее десяти минут. Это были минуты неслыханного торжества, когда миллионы русских людей испытали гордость за свою страну, за то, что у нее есть такие люди. Страна обрела героев, что было крайне для нее важно.

Взявший микрофон первым Андрей Маранов коротко поблагодарил всех.

— Нет слов, чтобы передать чувства, что мы испытываем. Ребята действительно отдали все силы, сделали для победы все, что смогли. Мы счастливы! Без поддержки народа мы бы не смогли. Мы знали, что на площадях городов наши игры смотрят десятки тысяч людей. Что у телевизоров сидят миллионы. Мы боролись как могли. Противник был силен, но уверяю вас: мы знали, с кем нам предстоит бороться. Мы знали, что нам противостоят не люди, не человеки, а... Так сказать, продукт развитой технической цивилизации. Нас вовремя предупредили об этом самоотверженные люди — наши разведчики. Двое из них заплатили за это жизнями. Но они дали нам эту информацию, и мы вели подготовку, принимая ее во внимание. Мы готовились не только к футболу... Мы готовились к войне.

На этом месте зал снова разразился аплодисментами. Но Маранов остановил их:

— Этот финал, это сражение было столкновением двух взглядов на будущее человечества. Наша схватка была метафорой мировой войны за будущее людей. Извините за громкие слова, но мы понимали это так. Были моменты, когда казалось, что мы не сдюжим, что одолеть противника не удастся. Но нам удалось. Мы победили!

Гром аплодисментов накрыл его последние слова. Но Маранов повел рукой, прося тишины.

— Но за победу нам пришлось заплатить очень дорогую цену... Этот праздник сегодня — он действительно со слезами на глазах. Вы знаете, что настоящей войны не бывает без жертв. Мы потеряли двух наших товарищей, очень близких и дорогих нам людей. В битве погиб капитан второго состава, полузащитник Нестор Вибергасов. В битве погиб наш лучший игрок, уникально одаренный человек, душа команды, красивый человек, Игорь Пересветов. Я уверен, что их память будет увековечена, что их работа, их подвиг станут примером служения Отечеству. Как бы громко и помпезно ни звучали эти слова, но это так. Это великие воины духа. Впрочем, как и все остальные, сдюжившие, выжившие в той битве. Но сейчас я прошу всех почтить память наших погибших героев — и футболистов, и разведчиков, и двадцати восьми болельщиков, бившихся за нас у вертолета и погибших, — минутой молчания...

В зале воцарилась такая тишина, что слышно было, как работают десятки телекамер. Вместе с находившимися в зале людьми замолкла на несколько минут вся страна. Мало было в ней женщин, которые сумели удержаться от слез.

А затем Маранов продолжил:

— Вы сможете сейчас задать вопросы игрокам, мне, всем, кто был с нами, кто был в гуще событий. Но прежде я хотел бы, чтобы вы узнали о том, что во всем этом проекте главную роль играл человек, которого все у нас знают... Но об этой его роли не знает почти никто. Мы специально скрывали, что именно он создал эту команду, он пригласил меня, поверил мне, начал финансирование. Он делал все для нас, все для того, чтобы мы подготовились, как нужно;

так, чтобы соответствовать задаче. Он оснастил наш тренировочный центр буквально всем необходимым, он защищал нас от напастей. Он также сам пострадал от наших врагов, когда они узнали о его благородном начинании и восприняли его как опасного соперника. Вы сейчас сразу поймете, о чем и о ком я говорю...

Зал замер. Послышались переговоры, тихие возгласы:

— Это президент?

— Это Тапатадзе?

— А кто это? О ком он говорит?

Маранов сделал паузу.

— Итак, дамы и господа, прошу приветствовать. Этот человек — всем известный в стране бизнесмен, политик, руководитель одной из патриотических организаций, Сергей Валерьевич Падин!

Зал ахнул. Этого никто не ожидал! Все стали разворачивать камеры на проход, операторы ринулись в проход поближе. То была чистой воды сенсация!

Падин вошел в своем традиционном темно-сером костюме, уверенной походкой, кивая залу, улыбаясь едва заметной улыбкой. Он занял место в центре рядом с Марановым. Маранов между тем продолжал:

— Я хотел также сообщить, что весь период подготовки мы вели съемки. Мы все отсняли — как работали тренеры и игроки. Какие невероятные тренажеры мы смогли создать с помощью нашего спонсора, автора и руководителя проекта. Без него наша победа, все это торжество были бы невозможны.

Зал снова накрыла мощная волна аплодисментов. В десятках городов люди перезванивались, везде были слышны разговоры:

— Я говорил! Это Падин!

— Это все сделал Падин!

— Вот это интрига! А Гордин вон как вывернул...

— Конечно! На себя! Хитрец!

Падин в этот вечер говорил немного, но весомо. Всем особенно запомнились такие его слова:

— Друзья мои дорогие! Одно время я разуверился в нашем народе, я вам честно скажу... Разуверился. Сами знаете, есть у нас недостатки, пороки есть. Есть в нашем характере нехорошие черты. наших же, ближних, соотечественников — не ценим, не уважаем... не радуемся их удачам. Зато умеем радоваться неудачам. Нет у нас на сегодняшний день национального единства, которое нам позволило бы стать неуязвимыми. Ведь у нас врагов намного больше, чем друзей, и так было всегда. Но теперь у меня другое мнение. Выдающийся человек по фамилии Маранов заставил меня все переоценить, пересмотреть. Он и те, кого он собрал вокруг себя, кого он сплотил, направил на цель — они вернули мне веру в русского человека. А собрал он великих воинов, славянских витязей, берсерков, как говорится, рыцарей без страха и упрека.

Я вкладывал в проект только деньги. Ну, еще организационно помогал. Они же вложили в него свои души. Они положили на алтарь свои жизни... Они знали, на что идут, они рисковали. В этом зале нет Игоря Пересветова... Его взлет был коротким; но что можно сравнить с ним по яркости, по значимости? Для миллионов подростков он станет теперь ориентиром. А Нестор? Он вел за собой вторую команду, он держал план в решающей игре. Эти двое, по сути, сохранили жизнь великому тренеру. И потому нам есть на что надеяться в смысле футбольных перспектив. Я надеюсь, мы обретем перспективы и другие. Социальные, общезначимые...

Пресс-конференция продолжалась почти пять часов. Самому Падину, игрокам, тренерам, психологам были заданы десятки вопросов. К вечеру репортажи о пресс-конференции разлетелись по всему миру.

Был лишь один человек, который вовсе не радовался победе. И этим человеком был президент страны Вадим Гордин. Он сидел в своем кремлевском кабинете, положив одну ногу на журнальный столик, пил марочный армянский коньяк и непрерывно курил. Он был в полном одиночестве.

В предбаннике сидели его помощник, охранник и секретарша. Появление Сергея Падина уже не было для него неожиданностью. С болью, тоской и ненавистью он смотрел на своего главного противника.

— Перехитрил ты меня, парень, — проговорил он, едва ворочая языком. — Непрост ты оказался... Ну, ничего. Мы еще посмотрим, кто кого.

В самом конце конференции Сергею Падину корреспондент радиостанции «Русская служба новостей» задал вопрос:

— Сергей Валерьевич, уже год циркулируют слухи, что вы намерены участвовать в президентских выборах. Много слухов, домыслов. Проясните, пожалуйста, этот вопрос...

Падин ожидал этого вопроса. После того как ситуация развернулась в его пользу, он выходил уже на другую роль; и здесь, на глазах миллионов, уже нужно было соблюдать правила игры, работать на результат.

— Я не хотел бы быть понятым таким образом, что все затеял ради выборов, — заявил он. — Невозможно такое дело сделать, имея только такую мотивацию. Поверьте, это невозможно... Я патриот своей страны. Во мне давно жила надежда. Я хотел сделать что-то для нашего статуса... Национального статуса. Я надеялся на неплохое выступление команды, которую создал Андрей. Я понял, что он новатор. Но разве я мог ожидать такого? Но раз все так сложилось... Если народ сочтет возможным поддержать меня, то что же... Я уверен, что смог бы сделать немало хорошего для страны. Проблем у нас много... Я говорил не раз, что многое в политике нашей администрации, президента мне не нравится. Многие шаги представляются ошибочными. Я готов. Но все зависит от людей. Все зависит от народа.

Вдруг одна корреспондентка выкрикнула:

— Мы вас поддержим! Если вы сумели сделать команду-победительницу, вы и нашу страну сделаете победительницей! Мы верим в вас!

Новая волна аплодисментов накрыла зал. Падин чуть привстал и поклонился. Это был самый счастливый день в его жизни.

ЭПИЛОГ

Когда пасмурным октябрьским вечером Андрей Маранов с Вероникой шли по аллее Битцевского парка в сторону Севастопольского проспекта, ему вдруг пришло в голову, что минуло ровно два года с того его прохода по Сретенскому бульвару, в такую же прохладную, сырую погоду, после памятного разговора с Сергеем Падиным. Прошло всего-то два года, но каждый из них по насыщенности равнялся, наверное, трем обычным.

Теперь у него было совсем другое состояние: не то чтобы спокойствие, нет — скорее умиротворенность, душевная наполненность. Все осуществилось — и это было удивительно! У него была любимая работа, плотная, насыщенная ярким, блистательным будущим... Их отношения с Вероникой, словно пройдя зону турбулентности, выровнялись, стабилизировались, наполнились смыслом, а также обоюдным родственным, надежным чувством. Тот прыжок в пустоту дымного Буэнос-Айреса словно прорвал какой-то нарыв, растворил скрытую опухоль, жившую где-то в подсознании Вероники. Она стала другой — спокойной, улыбчивой, способной радостно воспринимать потоки жизни.

— Да... Прошло всего два года, — произнес он.

— Что? Что ты сказал? — переспросила она, словно прислушиваясь к чему-то.

— Два года минуло... Как начался проект...

Она кивнула.

— Два года минуло, как я упала...

Она остановилась, задумалась, и стала смотреть туда, вглубь большой битцевской поляны, над которой курился холодный осенний туман.

— Как странно! Ничего это могло и не быть...И меня могло не быть...Вот как Оксанки...Мне до сих пор не верится...Как она могла!..

Прошло всего три дня после того, как они похоронили Оксану. Она покончила с собой на могиле Игоря

Пересветова, сделав себе укол ядом смертельного действия.

На глазах Вероники выступили слезы. Андрей попытался успокоить ее:

— Мы сделали все, что могли... Ты же знаешь...И Пиоро пытался, и Михаил Георгиевич. Но случай такой... Она не видела смысла в дальнейшем...Это, конечно, была любовь...Теперь они снова вместе...

Она вдруг пристально посмотрел на него:

— А у нас с тобой?

— А что у нас?..Ты же прекрасно знаешь, что у нас...У меня такое впервые в жизни. Мы теперь друг без друга не сможем...

Она кивнула. Хотела что-то ответить, но вдруг как бы насторожилась.

— Ты где? Ты здесь? — с улыбкой переспросил Маранов.

Она словно прислушивалась к чему-то.

— Ты ничего не слышишь? — произнесла она тревожно.

Тогда остановился и он. Прислушался. Тяжелый и ровный гул донесся до его слуха откуда-то со стороны кольцевой дороги.

— Теперь слышу... Интересно, что это?

Она ничего не ответила.

Они двинулись в сторону Севастопольского проспекта. Узкая тропка вывела на небольшой пригорок. Тут они снова остановились. Гул стал гораздо слышнее и тяжелее. Стало ясно, что он производится совокупной работой многочисленных тяжелых моторов, к которым добавляется ясно различимое лязганье металла обо что-то твердое,

— Ты слышишь? — снова спросила Вероника.

— Слышу, — глухо произнес Маранов.

Он уже понял, что это за гул.

— Неужели он решился? — тихо произнесла Вероника. — Тогда он просто идиот...

— Он не идиот. Просто они все так решили. Они ведь прекрасно знают, что у Гордина нет шансов. Он проиграет выборы вчистую. Им, собственно, ничего не остается. Если

Падин победит, всей этой своре, их власти придет конец. В мире вообще все переменится. И мы тоже получим другую страну. Впервые за тысячи лет... Это все серьезно. Они это понимают.

Вскоре слева от них, там, где напротив белых ясеневских кварталов проспект устремлялся на подъем, появились первые бронемшины. Это были БМП последнего образца, гордость президента Гордина. За ними тянулась длинная вереница крытых грузовиков, в которых должны были сидеть солдаты. А далее показались и длинные дула с набалдашниками — следом за машинами двигались танки.

— Он идиот! — шептала Вероника. — Какой же он идиот!

Маранов покачал головой, но ничего не сказал.

— Непонятно, что теперь будет, — нервно говорила она. — Надо идти, надо слушать, выходить в сеть. У меня сел айфон... Что там говорят?

— Теперь будут говорить не айфоны, — мрачно произнес Андрей. — Теперь будут говорить автоматы и пушки. А может быть, даже ракеты... Генерал Беклемищев и его товарищи тоже не сидят сложа руки. Они в курсе. Теперь и они отдадут приказы. Свои приказы... Я думаю. Уже отдали...

И словно в подтверждение его слов откуда-то сверху, сбоку, со стороны Чертаново послышал тяжелый рокот. Целая стая тяжелых вертолетов перемещалась на небольшой высоте в сторону центра города. Затем вдруг над их головами начал быстро нарастать мощный рев, и над ними пронеслись два истребителя Су-57. Они пролетели над танковой колонной, ушли в сторону кольцевой.

— Ужас! Ужас!

Вероника вдруг закрыла лицо руками.

— Я чувствую запах крови! Пойдем к машине! Скорее, пойдем!

Вскоре они мчались по вечерней сырой Москве. На улицах отчего-то было совсем мало людей. Машин также было

меньше обычного; казалось, их словно слизывает с улиц и проспектов города неведомая сила.

Когда они проезжали по проспекту Вернадского, с простирающейся над ним большой зеленой растяжки глянула на них лоснящаяся, довольная физиономия Гордина. Веронике показалось, что он подмигнул ей своим лукавым, зеленым с белой сердцевинкой, огромным глазом...

СЛОВАРЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ТЕРМИНОВ

Ашрамная цепь — совокупность групп духовных общин, сформированных вокруг ашрамов, объединенная единым эгрегором и общностью целей.

Гаввах — по определению Даниила Андреева, тонкоматериальное излучение человеческого страдания, выделяемое человеческим существом как при жизни, так и в нисходящем посмертии. Восполняет убыль жизненных сил демонических существ.

Кристаллы Фохата — в соответствии с Учением Агни Йога — концентрат энергии фохат, локализованный в энергоинформационной системе человека (в плексусах энергетических каналов). В критических ситуациях кристаллы фохата имеют способность к моментальному выжиганию с высвобождением огромных порций энергии.

Манвантара — мера времени в индуизме. Согласно Пуранам, 1 манвантара соответствует приблизительно 306 720 000 солнечных лет.

Монада (здесь) — первичный духовный элемент, целостная энергоинформационная единица, способная к перемене своих субстанциональных носителей. В данном случае — физических тел.

NOW (здесь) — аббревиатура с английских слов «new world order» обозначающих Новый мировой порядок

Плексусы — согласно Агни-Йоге, изгибы энергетических каналов, в которых могут накапливаться кристаллы фохата.

Расичи — представители всех Родов Расы Великой

Саруман — в легендариуме Дж. Р. Р. Толкина могущественнейший маг Ордена Истари, глава Белого совета.

Солитон (здесь) — энергоинформационное образование, имеющее волновую природу, сформированное мыслью,

и иницирующее определенное воздействие на какой-либо объект физического плана.

Терафим — талисман, представляющий из себя идола или статуэтку, насыщенный наслоениями определенной психической энергии.

Уицраоры — в мифологии Даниила Андреева, демоны великодержавной государственности, могущественные существа демонического мира.

Фатта, Леля, Месяц — в Ведической традиции – три малых планеты (Луны), вращавшиеся вокруг Земли в допотопные времена, и разрушившиеся в результате космических катаклизмов.

Фохат — согласно Е.П. Блаватской, вечно присутствующая в Бытии энергия, синергийно совмещающая в себе духовный, энергетический и психический аспекты, всемирная движущая сила.

Чакры — в духовных системах индуизма, психоэнергетические центры в эфирном теле человека, концентраторы жизненной энергии.

Чела (санскр.) — духовный ученик, воспитанник Гуру (мудреца), последователь определенного адепта или философской школы.

Чохан — Вознесенный Владыка одного из семи лучей, управляющих глобальными процессами на духовном уровне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Пролог.....	7
Глава 1.....	10
Глава 2.....	15
Глава 3.....	25
Глава 4.....	34
Глава 5.....	58
Глава 6.....	65
Глава 7.....	78
Глава 8.....	84
Глава 9.....	103
Глава 10.....	115
Глава 11.....	125
Глава 12.....	135
Глава 13.....	142
Глава 14.....	153
Глава 15.....	160
Глава 16.....	174
Глава 17.....	185
Глава 18.....	198
Глава 19.....	217
Глава 20.....	229
Глава 21.....	237
Глава 22.....	243

Глава 23	256
Глава 24	277
Глава 25	285
Глава 26	291
Глава 27	301
Глава 28	304
Глава 29	321
Глава 30	345
Глава 31	355
Глава 32	362
Глава 33	371
Глава 34	388
Глава 35	398
Глава 36	404
Глава 37	407
Глава 38	417
Глава 39	425
Глава 40	446
Глава 41	470
Глава 42	487
Глава 43	498
Глава 44	518
Глава 45	523
Глава 46	533
Глава 47	552
Глава 48	570
Глава 49	583
Глава 50	593
Глава 51	602
Глава 52	620

Глава 53	632
Глава 54	652
Глава 55	656
Глава 56	664
Глава 57	676
Глава 58	691
Глава 59	699
Глава 60	775
Эпилог	790
Словарь использованных терминов	794

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Интеллектуально-эзотерическая фантастика

Александр Владимирович Кибкало

САКРАЛЬНЫЙ ФУТБОЛ

*В авторской редакции
В авторской пунктуации*

Художник Е.В. Максименкова

ООО «ТД Алгоритм»

Смотрите книжные новинки на сайте <https://algorithm-kniga.ru>

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 15.04.18. Подписано в печать 15.05.18.

Формат 84x108 1/32.

Печать офсетная. Тираж 500 экз.